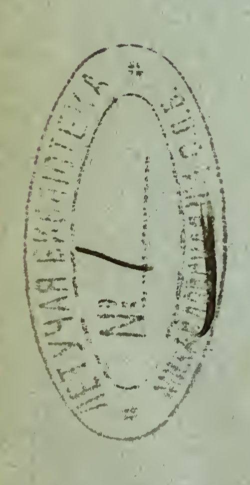

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ

ЯНВАРЬ

МОСКВА И ПЕТРОГРАДЪ
1915

Открыта подписка на 1915 г.

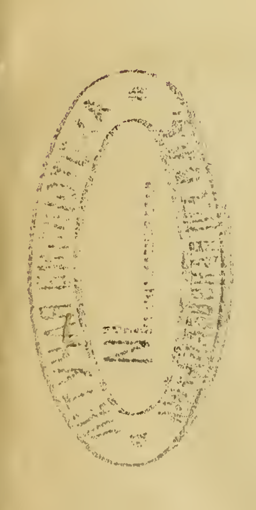
ОГЛАВЛЕНІЕ.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ

КНИГА I

МОСКВА И ПЕТРОГРАДЪ

1915

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К⁰, Пименовская ул., соб. д.
Москва—1915.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

---

1. Редакція принимаетъ только рукописи, переписанныя на машинкѣ или совершенно четко перомъ; рукописи неразборчивыя не читаются.

2. На прочтеніе рукописи полагается срокъ отъ 6 недѣль до 2 мѣсяцевъ.

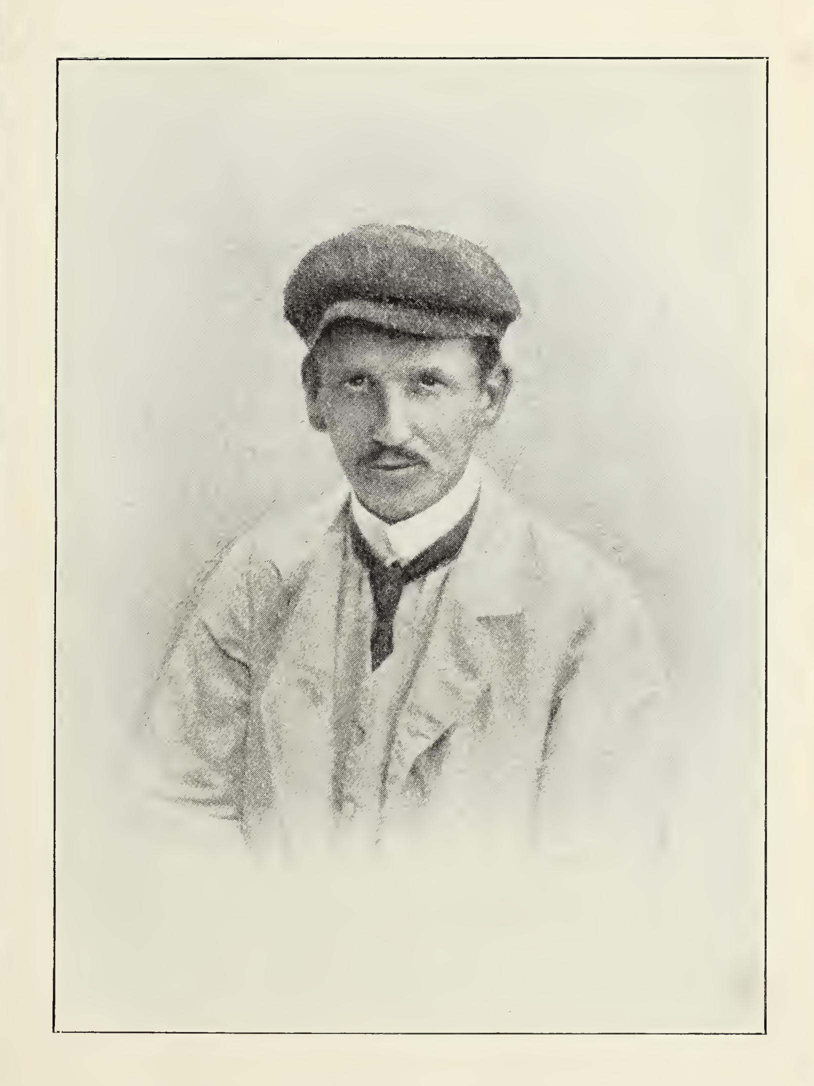
3. Мелкія рукописи (меньше 1 печатнаго листа) и рукописи стихотвореній не сохраняются, и редакція рекомендуетъ авторамъ такихъ произведеній оставлять у себя ихъ копіи.

4. По поводу мелкихъ рукописей и стихотвореній редакція не вступаетъ съ гг. авторами ни въ переговоры, ни въ переписку, хотя бы на отвѣтъ были приложены марки. Авторы такихъ произведеній, не получившіе отвѣта въ теченіе 2 мѣсяцевъ, могутъ располагать ими по своему усмотрѣнію.

5. Обратная пересылка рукописей по почтѣ производится за счетъ гг. авторовъ и притомъ исключительно *заказной* бандеролью.

Редакторъ принимаетъ по **понедѣльникамъ** отъ 2—5 ч.

Секретарь—по **четвергамъ** отъ 3—5 ч., а также въ дни и часы пріемовъ редактора.

СЫНЫ ПРОМЕТЕЯ.

Трагедія.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Прометей, одинъ изъ Титановъ.
Пандора.
Ѳемида, богиня Земли, мать Прометея.
Автодикъ, **Архатъ**, **Пирръ**, **Флогій**, **Дадухъ**, **Никтелій**, **Астрапей**, **Керавнъ**, **Аргестъ** — юноши изъ рода людей, созданнаго Прометеемъ.
Нерей, морской старецъ.
Нереиды, его дочери.
Океаниды, прибрежныя морскія нимфы.
Три Эринніи.
Кратосъ, **Бія** — два темныхъ демона-принудителя,—царь и царица.
Два генія, отроки съ флейтами.
Родъ людей, созданный Прометеемъ,—мужчины и женщины.

Сцена подѣлена на три части. Орхестра выступаетъ дугою впередъ и замыкается сзади стѣною скалъ, посреди которой открыто устье пространной и низкой подземной пещеры. Въ устьѣ—жертвенникъ, съ приготовленными къ возженію смолистыми вѣтвями; подъ сводами подземелья — пылающіе горны. По обѣ стороны пещеры скалы образуютъ естественныя циклопическія лѣстницы уступовъ, ведущія на просценіумъ. Послѣдній изображаетъ долину, стѣсненную утесами, съ мрачными воротами каменныхъ тѣснинъ и сводами пещеръ, сообщающихся потайными ходами съ подземною кузницей. Справа—многовѣковой сосновый боръ; слѣва—голубѣетъ днемъ промежъ сѣрыхъ базальтовъ полоса моря. Прямо, за хаосомъ скалъ,—снѣговерхія горы.

Подземелье озарено горнами. Надъ нимъ темная ночь. Крупныя звѣзды на небѣ. На темной орхестрѣ хоръ Океанидъ. Прометей куетъ въ подземельѣ. Слышны удары тяжелаго молота по наковальнѣ и шумъ морского прибоя.

Хоръ Океанидъ.—Мы выи не клонимъ
Подъ иго Атланта,
Но мятежимся нивами змѣй;
И ропщемъ, и стонемъ
Въ берегахъ адаманта,
Прометей!

Прометей (перемежая рѣчь ударами молота).—Греми по наковальнѣ!
Заглушай
Океанидъ, мой молотъ! Горнъ, гори!
Пугай волчицъ голодныхъ: о́крестъ рыщутъ
И хищными зрачками роютъ темь
Эринніи. Будь слѣпъ, ковачъ, и глухъ!

Куетъ, но при возобновленномъ пѣніи Океанидъ бросаетъ молотъ и, зажегши у горна смолистый свѣточъ, съ нимъ въ рукѣ, удаляется изъ подземелья, чтобы подняться внутреннимъ ходомъ на просценіумъ.

Хоръ Океанидъ.—Ненавидимъ оковы
Свѣтлозданнаго строя
И подъ кровомъ родимыхъ ночей
Колеблемъ основы
Міроваго покоя,
Прометей!

Прометей, съ горящимъ факеломъ въ рукѣ, появляется въ одной изъ пещеръ просценіума. При выходѣ коршунъ слетаетъ къ нему на плечо. Три Эринніи окружаютъ его, выступая изъ темноты. Онѣ держатъ въ рукахъ плоскія чаши и плещутъ изъ нихъ на землю кровь.

1-я Эриннія (поднося чашу коршуну, сидящему на плечѣ Прометея).—Что̀
выковалъ твой молотъ?
Прометей.— Плугъ и серпъ.
2-я Эриннія (кормя коршуна).—Плугъ перекуй въ мечи.
Прометей.— Есть и мечи.
3-я Эриннія (кормя коршуна).—Ковачъ, что ты куешь?
Прометей.— Свой плѣнъ. Молчи.
1-я Эриннія (отступая въ темноту.) — Вина—рожденье.
2-я Эриннія (такъ же). — Грѣхъ—свершенье.
3-я Эриннія (такъ же). — Зло—ущербъ.
Хоръ Океанидъ.—Нѐпрочны и новы
Олимпійскіе троны;
Древній Хаосъ въ темницѣ—святѣй.

Слышишь черные зовы,
Непокорные стоны,
Прометей?

Прометей (приближается къ краю просценіума, лаская рукою коршуна).—
Что могъ, я сдѣлалъ. Бо́льшаго не могъ.
Не могъ иного. Все промыслилъ самъ
И предрѣшилъ... Довольно! Слышу... Полно,
Прочь, коршунъ!—Добрый молотъ мой, мой вѣскій,
Мой ясный, заглушитъ твой хриплый споръ,
И бури вой, и плачъ Океанидъ.

Коршунъ отлетаетъ.

Прометей, сунувъ свѣточъ въ разсѣлину скалы, садится на камень.

Товарищъ-недругъ, вожделѣнный врагъ!
Ты отлетѣлъ и роздыхъ ковачу
Усталому на краткій срокъ дозволилъ.
Мой зоркій коршунъ! Если бы навѣкъ
Ты отлетѣлъ, опять мои персты
Твое обличье создали-бъ изъ глины,
Мой духъ бы вновь твой слѣпокъ оживилъ,—
Чтобъ ты терзалъ, пытая, Прометея,
Судья и клеветникъ, палачъ и другъ,
И мигъ свершенья отравлялъ укоромъ,
И—неотступный оводъ—гналъ едва
Достигшаго—впередъ, на подвигъ новый.
Такъ, ковача куетъ твой молотъ-клювъ,
И тварь творца творитъ—непримиримымъ!

Встаетъ и, вознося факелъ, озаряетъ имъ оркестру, на которой выдѣляются изъ отступившаго въ тѣнь хора три **Океаниды**.

Мой горькій отдыхъ съ вами раздѣлить
Иду, мятежницы Океаниды,
Родимой, древней вопленицы воли,
Подруги вѣрныя моей страды!
Явитесь мнѣ съ утѣшнымъ пѣньемъ, сестры!

1-я Океанида.—О Прометей! Что могъ, содѣлалъ ты.
Возможное свершилъ ты, Прометей!

Прометей.—Тому, кто превозмогъ,—„ты могъ“—укоръ.

2-я Океанида.—Когда-бъ, умысливъ невозможный умыслъ,
Погибнуть могъ безсмертный Прометей!

Прометей.—Безсмертенъ я: со мной безсмертенъ умыслъ
Того, что невозможнымъ ты зовешь.

3-я Океанида.—О Прометей! Возможное творя,
Ты невозможному творилъ измѣну.
Прометей.—Людей я сотворилъ, какихъ содѣлать,
Вотще пытаясь, боги не могли.
1-я Океанида.—Себя въ подобьѣ смертномъ вы творили.
Прометей.—Себя творить могущихъ сотворилъ я.
Что я возмогъ, возможетъ человѣкъ.

2-я Океанида.—Возможное возможетъ человѣкъ.
Прометей.—Я имъ затмилъ прозрѣнье золъ грядущихъ,
Вселилъ въ ихъ сердце льстивыя надежды;
Я вамъ, печальницы о невозможномъ,
Союзниковъ слѣпыхъ слѣпилъ изъ глины.

3-я Океанида.—Изъ глины ты слѣпилъ ихъ, Прометей.
Прометей.—Сама въ перстахъ моихъ слагалась глина
Въ обличья возрожденныя людей,
Когда сошелъ я въ пахнущія гарью
Удолія, гдѣ прахъ Титановъ тлѣлъ,
Младенца Діониса растерзавшихъ
И въ плоть свою пріявшихъ плоть его.
Еще незримый теплился огонь
Божественнымъ причастьемъ Геи темной
Въ пласту земномъ, покрывшемъ кости сильныхъ,
Убитыхъ местью Зевсова орла.
Моихъ перстовъ ждала живая персть,
Чтобъ разрѣшить богоподобныхъ плѣнъ
И свѣту дня вернуть огонь Младенца.
Я былъ творцомъ ихъ, если тотъ творецъ,
Чье имя межъ боговъ—Освободитель.

1-я Океанида.—Творецъ—намъ пѣли Мойры—душъ вожатый
Изъ мрака въ сумракъ, изъ плѣненья въ плѣнъ.

Прометей.—Изъ мрака въ сумракъ, изъ подземья—къ свѣту!
2-я Океанида.—Въ плѣнъ изъ плѣненья, изъ тюрьмы въ затворъ—
Намъ пѣли Мойры—водитъ духъ, блуждая.
Узъ разрѣшитель—ковщикъ новыхъ узъ.

Прометей.—Я цѣпи душъ перековалъ, и тоньше,
И расторжимѣй ихъ одержатъ цѣпи.

3-я Океанида.—Ты далъ огонь имъ—скрѣпы заклепать.
Прочнѣй твоихъ они скуютъ оковы,
Насколько горнъ тысячегрудый жарче
И тяжелѣй ударъ тысячерукій.

Прометей.—Я далъ огонь имъ—въ цѣпи заковать
Цѣпей предмірныхъ ковача, Кронида.
1-я Океанида.—О Прометей! Предугадалъ Кронидъ,
Что на себя и на тебя оковы,
Гефэстовыхъ надежнѣе, скуютъ
Съ тобою въ ладъ подъемлющіе молотъ.
Вѣстямъ внемли: не гнѣвается Зевсъ
За даръ, тобой похищенный отъ молній;
Но, въ сердцѣ самовластномъ затая
Глухую зависть, радуется всходамъ
Грядущихъ рабствъ на нивѣ Прометея
И новою державой веселится.
2-я Океанида.—Про то намъ пѣли сестры Нереиды.
Онѣ въ безбрежныхъ даляхъ зыбкой соли
Безоблачнаго Зевса видятъ ликъ
И, отразивъ, согласныя, свѣтлѣютъ.
3-я Океанида.—И въ этотъ часъ мы слышимъ голосъ дѣвъ.
Все ближе по волнамъ отзвучнымъ пѣснь...
Онѣ поютъ: не самого ли старца
Сѣдыхъ пучинъ, Нерея, хоръ ведетъ?
Хоръ Океанидъ (обступая трехъ сестеръ).—Мы выи не клонимъ
Подъ иго Атланта,
Но мятежимся нивами змѣй;
И ропщемъ, и стонемъ
Въ берегахъ адаманта,
Прометей!

При послѣднихъ отзвукахъ этой строфы **хоръ**, отхлынувъ съ середины орхестры двумя сонмами къ основаніямъ просценіума, располагается на нижнихъ уступахъ, погружаясь въ глубокую дремоту.

Прометей.—Когда-бъ первины моего творенья
Не опалилъ ревнивою грозой
Надменныхъ стародавній истребитель,
Когда бы нынѣ вольныхъ пощадилъ,—
Въ моей рукѣ залогъ судьбины дальней:
Мой темный сѣвъ дремучимъ встанетъ лѣсомъ
Дубовъ нагорныхъ, голосомъ Земли
И преисподней Правды. Такъ да будетъ!...
А нынѣ жертвъ захочетъ онъ за милость
И даней благодарственныхъ за миръ:
И мы дадимъ ему личины жертвъ
И мороки обманчиваго дыма—
И станемъ звѣря впроголодь кормить!

Онъ будетъ лютъ: мы яростью отвѣтимъ.
Какъ мудрый воспитатель, пріучать
Къ борьбѣ вседневной долженъ я дѣтей.
Не миръ мнѣ надобенъ, а сѣмя распри.
Молчаніе! О всемъ промыслилъ я.

Полоса моря вдали и орхестра озаряются нѣжнымъ серебристо-голубымъ мерцаніемъ. На орхестру выступаетъ **хоръ Нереидъ** двумя полухоріями, послѣдовательно проходящими мимо Прометея изъ лѣваго входа на орхестру въ выходъ направо. Между обоими полухоріями движется морская колесница **Нерея**, влекомая дельфинами и тритонами.

Хоръ Нереидъ (1-е полухоріе).—Мы—свѣтлыя дѣвы далекихъ пучинъ,
Зеркальность зыбей и затишье глубинъ.
Намъ любо, купаясь въ безбрежной купели,
Рѣзвиться, мутиться въ божественномъ хмелѣ.
(Обращаясь къ спящимъ Океанидамъ):
Взыграйте же съ нами въ родной колыбели,
Вы, сонмы мятежныхъ прибрежныхъ сестеръ!
Мы волны подымемъ, и волны раскатимъ,
И вольный просторъ
Широкою, черною бурей охватимъ:
Лазурью покорной уляжется споръ.
И вновь намъ угодно,
Поникнувъ свободно,
Глубинъ голубиныхъ отсвѣчивать взоръ.

Нерей (стоя на колесницѣ).—О Титанъ-Прометей! Ты похитилъ огонь изъ небесной неволи;
Но не будетъ погонь,—возвѣщаетъ Нерей, царь божественной соли.
Ты-жъ, владыка огня, слушай старца меня, тайновидца судьбины!
Лжетъ, кто скажетъ: „могу быть неправъ ко врагу“. Огневыя первины
Присудила Крониду на вѣчныхъ вѣсахъ золотая Ѳемида.
И глубины мои чтутъ боговъ въ небесахъ, и пучины—Кронида.

Хоръ Нереидъ (2-е полухоріе).—Не внемлютъ... Не живы... Призывы—напрасны...
Отхлынемъ же и покинемъ обрывы ужасные
Грозою застылою окутанныхъ горъ!
Насъ берегъ унылый,
Какъ ворогъ немилый,
Гонитъ въ просторъ...

Иль, нѣжась, мы въ граняхъ еще не родились?
Мы въ браняхъ, мятежась, о берегъ не бились,
Какъ дѣвъ побережныхъ безрадостный хоръ.

Съ уходомъ **Нерея** и **Нереидъ** потухаетъ серебристое озареніе.

Прометей (опуская свѣточъ пылающимъ концомъ къ землѣ). — Родимая
Ѳемида! Не напрасно
Ты жертвы повелѣла и покорность.
Врагу покоренъ буду и первины
Огня земного небу вознесу.
Но не по сердцу твоему завѣтъ
Исполнитъ сынъ, и не по волѣ вашей,
Океаниды! Одинокъ мой замыслъ...
Творецъ—одинъ.

Эринніи выступаютъ изъ темноты.

1-я Эриннія.— За нимъ стоитъ Судьба.
Прометей.—Рабыня—за владыкой.
2-я Эриннія.— Мститъ раба.
Прометей.—Мнѣ спорить не досугъ.
3-я Эриннія.— Теши гроба!
Всѣ три (отступая во мракъ).—Сынамъ,—отецъ,—гроба..

Слышенъ крикъ коршуна.

Прометей.— Пусть будетъ такъ!...
И ты, мой коршунъ, хочешь прекословить?...
Мнѣ недосугъ страдать!... Звени, топоръ!
Боръ, застони, и заглуши ихъ споръ!

Вставивъ свѣточъ въ щель утеса, приготовляется рубить деревья.

Склоняйся, гордый! Уступай, упрямецъ!
Обманомъ, прямодушный, утверждай
Добытое высокимъ дерзновеньемъ!
Прикинься робкимъ, смѣлый! Царь, торгуйся!
Сынъ Правды, лги! Богъ, жречествуй богамъ!

Рубитъ.

Какъ съ тихимъ стономъ древняя Дріада
Въ стволахъ священныхъ сосенъ умираетъ!
Поетъ желѣзо,—наклоняйтесь, жертвы,
И, вдругъ затрепетавъ, валитесь наземь,
Подруги тучъ! Есть жизни драгоцѣннѣй
Древесныхъ душъ, и есть вѣнцы превыше
Вершинъ зеленыхъ: всѣмъ одна судьба...

Но грянутся на темный долъ дубы,
Мной насажденные, не съ кроткимъ вздохомъ,
Какъ, вы,—о, нѣтъ! Съ проклятьемъ вѣковѣчнымъ
Ихъ насадившему на срывахъ безднъ!...
Данъ сѣвъ—любви, а ненависти—жатва;
И много возлюбившій ненавидимъ
Седмижды столько будетъ. Немезида
Мститъ за любовь великую. „Надменье—
Любовь, и богоборство", пѣла мать.

Изъ-за скалы выходитъ **Автодикъ** и спускаетъ стрѣлу въ Прометея. Стрѣла пролетаетъ мимо.

Прометей.—Кто ты?
Автодикъ.— Меня нарекъ ты Автодикомъ.
Прометей.—Что ты умыслилъ?
Автодикъ.— Уложить тебя
Моей стрѣлой, какъ льва пустынь иль парда.
Прометей.—Безумецъ, знай: ни Зевсъ, ни Рокъ убить
Безсмертнаго Титана не возмогутъ.
Автодикъ.—Кто ты? Другой ли Зевсъ?
Прометей.— Я—Прометей.
Автодикъ.—Ты звалъ себя отцомъ и братомъ смертныхъ.
Прометей.—Какъ я, ты—богъ; какъ ты, я—человѣкъ...
Но тяготѣетъ надо мной безсмертье.
Я сталъ и совершился. Ты же—будешь.
А нынѣ—только сѣмя. Чтобъ истлѣть,
Посѣянъ ты на ниву Геи темной.
Автодикъ.—А сѣялъ—ты. Внемли же человѣку:
Офельта я любилъ.
Прометей.— Офельтъ мой—умеръ.
И ты не зналъ, что глина глиной станетъ?
Автодикъ.—Былъ юный левъ его добычей. Пасть
Онъ звѣрю раздиралъ, изнемогая
Въ борьбѣ. На зовъ къ нему я приспѣшалъ.
Откуда ни возьмись, внезапно львица
На брата прянула. И въ тотъ же мигъ
Моя стрѣла вонзилась рыжей въ глазъ.
Она издохла. Левъ же растерзать
Офельту грудь успѣлъ, предъ тѣмъ какъ самъ,
Моимъ копьемъ проколотъ, палъ. Три тѣла
На мѣстѣ тлѣютъ. И троихъ клюютъ,
Слетая съ клектомъ, хищники степные.

Тебѣ отмстить за брата мнѣ велѣла
Святая Правда. Ибо ты—отецъ.

Прометей, вручая Автодику свой пламенникъ.—О, Автодикъ! Вотъ путеводный свѣтъ.
Отважься съ нимъ въ тѣ мрачныя врата.
Выводитъ скоро тѣсное ущелье
На перепутье горныхъ трехъ дорогъ.
Великій ужасъ свѣточъ озаритъ
Передъ тобой на ономъ перепутьи.
Ты нà плечи возложишь, чтò найдешь.
Тогда вернись ко мнѣ—творить свой судъ.

Автодикъ удаляется съ факеломъ въ тѣснины.

Хоръ Океанидъ (глухо, въ дремотѣ).
Древній Хàосъ въ темницѣ—святѣй!...
Слышишь черные зовы,
Прометей?...

Прометей.—О древній Хàосъ! я твои оковы
Понесъ,—но вывелъ изъ тюрьмы дѣтей.

Глядитъ вверхъ, на звѣзды.

Что медлятъ огненосцы? Ужъ Оріонъ,
Преслѣдуя Плеядъ, уходитъ съ неба.
Я жду: какихъ сподвижниковъ мнѣ дастъ
Полнощныхъ игрищъ пламенное дѣйство?

Продолжаетъ валить деревья и прислушивается.

Бѣгущихъ топотъ далеко по дебрямъ
Колеблетъ долы. Свѣточи въ ночи
Впервые славятъ огненное дѣйство,
Уставленное мной, дабы преемствомъ
Священной ревности изъ рода въ родъ
Святили люди даръ, что я похитилъ
Съ расколотыхъ перунами небесъ...
Они бѣгутъ, избранники огня;
И мнѣ покажетъ этотъ часъ наставшій,
Кто жертвеннѣе всѣхъ, кто всѣхъ ревнивѣй
Въ семьѣ людей мой ярый даръ лелѣетъ,—
Съ тѣхъ поръ какъ *онъ* угасъ, алтарь мой чистый,
Моя надежда мира, мой Архéморъ,
Сосудъ невинный молній на землѣ,
Возникшій подъ моей рукой творящей
Страдальный обликъ вѣчнаго Младенца,—
Съ тѣхъ поръ какъ *онъ* отъ братней палъ руки.

Глядитъ въ чащу, раздвигая вѣтви.

Ужъ свѣточъ побѣдителя стремится,
Какъ быстрый метеоръ, и рдянымъ окомъ
Пылаетъ за рѣсницами деревъ.
Кто будетъ онъ?... Не все-ль промыслилъ я?
Кто будетъ онъ?... О, мать, святая Правда!
Три свѣточа вослѣдъ... Вдали—другіе...
Три мрачныхъ свѣточа Эринній ловчихъ!...
Архатъ бѣжитъ! Архатъ, убійца,—первый!
Эринніи—сподвижницы твои,
О, Прометей, съ убійцею побѣднымъ!
Онѣ твоихъ преемственныхъ святынь
Передадутъ вѣкамъ возженный пламень!...
Волчицы, прочь!... Настигла и коснулась
Горящей головней его главы...
Архатъ! Архатъ!

Архатъ выбѣгаетъ изъ дебри, останавливается на мгновеніе передъ **Прометеемъ**, высоко поднявъ факелъ, который тотъ выхватываетъ изъ его рукъ,—и, задохнувшись отъ быстраго бѣга, падаетъ мертвымъ. За нимъ **Эринніи**. Надъ нимъ **Прометей** простираетъ свѣточъ.

1-я Эриннія.— Не все ли предрѣшилъ,
Промысливъ, ты?
2-я Эриннія.— Умыслилъ—и свершилъ.
3-я Эриннія.—Одинъ ты сотворялъ и сокрушилъ
Архѐмора...
1-я Эриннія.—Убійцу увѣнчай!
2-я Эриннія.—Себя въ немъ обличай!
3-я Эриннія.— Свой судъ кончай.
Убійца—ты...

Эринніи исчезаютъ.

Межъ тѣмъ изъ дебри, одинъ за другимъ, выбѣгаютъ, запыхавшись отъ бѣга, съ высоко поднятыми пламенниками,—**Пирръ**, **Флогій**, **Дадухъ**, **Никтелій**, **Астрапей**, **Керавнъ** и **Аргестъ**.

Прометей.— Вамъ, вѣрные, хвала!...
Тебѣ-жъ, о побѣдитель бездыханный,
Донесшій первымъ къ очагу огня
Завѣтный свѣточъ, отъ него зажженный,—
Тебѣ въ вѣкахъ вѣнецъ! Мой первый праздникъ
Высокою ты жертвой освятилъ—
Ты рвеньемъ истощилъ дыханье жизни
И—свѣта вѣстникъ ранній—въ яромъ бѣгѣ
Самъ свѣточемъ ты вспыхнулъ и сгорѣлъ!...

Второй вѣнецъ, о Пирръ неукротимый,
Тебѣ! Ты третьимъ славенъ, пылкій Флогій!
Четвертымъ ты, надежный мой Дадухъ!
Никтелій темный—пятый въ увѣнчанныхъ!
Ты, Астрапей слѣпительный,—шестой!
Вѣнецъ седьмой тебѣ, Керавнъ могучій!
Первовѣнчанный кругъ моихъ любимцевъ
Ты замыкаешь, быстрый духъ, Аргестъ,
Позднѣе всѣхъ къ ристалищу пришедшій
Схватить свой свѣточъ—и настигшій всѣхъ!
Вамъ, юноши, хвала! Вы—первый всходъ
Священнаго любви моей посѣва.

Всѣ семь.—Огонь дыханья нашего—тебѣ!

Прометей, предносяя факелъ Архата, ведетъ **юношей** пещернымъ ходомъ внизъ, въ подземелье, гдѣ они окружаютъ приготовленный жертвенникъ.

Прометей.—Огнемъ владѣли боги. Я принесъ
Перунъ землѣ. Изъ рукъ моихъ пріяли
Вы свѣточъ первый. Достояньемъ вашимъ
Сталъ Прометеевъ даръ. Мой даръ отнынѣ
Пусть не наслѣдьемъ, но своей добычей
Души высокой доблесть именуетъ.
Вотъ вамъ очагъ. Хранилищемъ огня
Изъ рода въ родъ сей жертвенникъ пребудетъ.
Не я зажгу его: моей рукой
Пусть пламенникъ побѣдный человѣка
Его зажжетъ...—Архата свѣточъ хищный!—
За нимъ другіе.

Поджигаетъ факеломъ Архата смолистыя вѣтви на жертвенникѣ; за нимъ—остальные, своими факелами.

Юноши! Невѣста—
Святой огонь: лелѣйте же его,
Придверники невѣстина чертога!
Придетъ женихъ, и насъ освободитъ.

Съ пламенниками въ рукахъ всѣ возвращаются внутреннимъ ходомъ на просценіумъ, окружая тѣло Архата.

Прометей.—Здѣсь станемъ въ кругъ и свѣточи подымемъ —
Въ привѣтъ свѣтиламъ!...

Флогій.— Встань, Архатъ!

Дадухъ.— Ты слышишь?

Никтелій.—Не внемлетъ и не дышитъ...

Керавнъ.— Зубы скалитъ,
Какъ вепрь, убитый палицей...
Аргестъ.— Онъ мертвъ!...
Прометей.—Архатъ не оживетъ средь насъ, о други!
Глядите: къ намъ приходитъ новый гость...

Автодикъ появляется, неся на плечахъ трупъ **Архемора.**

Архéмора прекраснаго расцвѣтъ
Узнáете-ль въ страдальномъ искаженьѣ?...
Убитъ Архéморъ. Мертвъ Архатъ, убійца.
Флогій—О, твой ли этотъ ликъ, Архéморъ? Горе!
Керавнъ.—Кто исказилъ тебя? Кто эти язвы
Вжегъ въ тѣло бѣлое?
Дадухъ.— Кто черной кровью
Твой блѣдный, кроткій образъ запятналъ?
Флогій.—И чья рука остановила очи?
Никтелій.—И въ персяхъ сердце? Горе, ты убитъ!
Керавнъ.—Архатъ—убійца?
Астрапей.— Встань, Архатъ!... Не дышитъ,
И въ напряженьѣ судорожномъ мышцы
Холодныя коснѣютъ...
Аргестъ.— Смерть межъ нами!
Керавнъ.—Убитъ убійца.
Пирръ. О, Архатъ! Архéморъ!
Прометей.—Внемлите! Рокъ велѣлъ, чтобы того,
Чей пламенникъ побѣдный освятитъ
На всѣ вѣка очагъ моей святыни,
Я нынѣ обличителемъ предсталъ.
Свершилось несказанное дѣянье,
И первымъ палъ межъ насъ Археморъ милый,
Сраженный брата гибельной рукой.
Начаткомъ преступленья сталъ Архатъ:
Имъ осквернилъ онъ дѣвственную новь
Земли родимой, кровью напиталъ
Пречистый пламень. Такъ Судьба судила,
И соучастье первой этой крови
На насъ виной отнынѣ тяготѣетъ.
Приревновалъ Архатъ, затѣмъ что первый
Изъ рукъ моихъ Археморъ воспріялъ
Небесный даръ, узнавъ издалека
Блескъ вожделѣнный и крылатымъ бѣгомъ
Недоумѣлыхъ братьевъ упредивъ.
Онъ всѣхъ святѣй лелѣялъ молній сѣмя;

Но равнымъ рвеньемъ пламенѣлъ Архатъ.
На перепутьѣ трехъ дорогъ алтарь
Воздвигъ Археморъ, и на немъ питалъ
Живой перунъ душистыми смолами
И пѣніемъ невиннымъ славословилъ.
Архатъ пришелъ и головней горящей
Въ костеръ повергъ Архемора, примолвивъ:
„Спасетъ ли богъ тебя, кому ты служишь?
Ты пѣлъ его,—познай его любовь!
Такъ будетъ съ тѣмъ, кто своего-жъ оружья
Оруженосецъ станетъ, не владыка“...
И чистаго Архемора убилъ.
Пирръ.—Архатъ былъ правъ.
Флогій.— Огонь Архатовъ, сгинь!
Керавнъ.—Вождь, угаси Архата свѣтъ кровавый!
Прометей.—Молчите, дѣти! Кто меня поставилъ,
Кто васъ поставилъ судьями надъ нимъ?
Пусть боги судятъ и святая Правда:
Тѣ—своенравно; эта—по уставу
Предвѣчныхъ, неисповѣдимыхъ правъ.
Межъ нами да не будетъ судіи,
Ни осужденнаго. Все самъ разсудитъ
Огонь межъ нами. Кто его питать
И множить разумѣетъ, правъ да будетъ.
А прочее—пусть вѣдаетъ Судьба.
Астрапей.—Ты правъ, освободитель! Пусть Архата
Намъ свѣтитъ свѣточъ.
Аргестъ.— Всѣ горятъ за всѣхъ.
Прометей.—Но смертъ привелъ Архатъ, и сталъ Археморъ
Вождемъ живыхъ въ подземную обитель.
Уже настигнутъ рокомъ третій братъ:
Растерзанъ львами, тлѣетъ онъ далече.
Никтелій.—О вождь! Мы всѣ-ль умремъ?
Пирръ.— Всѣ-ль, Прометей?
Автодикъ.—Безсмертенъ насъ родившій Прометей.
Прометей.—Фалангѣ жребій палъ—костьми полечь
На бранномъ полѣ; сиротство вождю
И долгій плѣнъ. Но вкупѣ намъ—побѣда.
О, не пытайте, дѣти, что̀ таитъ
День нерожденный! Что̀ наткали Мойры,
Исполнится. Но имъ дана основа:
Утокъ возьмите,—воля духа станетъ.

Вамъ умереть удѣлъ—и встать, какъ я...
А нынѣ надлежитъ намъ проводить
Торжественнымъ напутствіемъ печали
Тѣхъ, что предтечи вамъ въ пути послѣднемъ.
Аидъ зіяетъ. Ждутъ два тѣла тризнъ.
Автодикъ.—Мое да будетъ третьимъ. За Офельта
На тризнѣ Прометеевой—мой трупъ.
Ты, не спросясь, творилъ меня на гибель.
Гляди-жъ: я умираю, мой отецъ!
Офельтъ, къ тебѣ иду! Иду, Офельтъ!

Автодикъ пронзаетъ себѣ грудь копьемъ.

Прометей.—Свой судъ онъ сотворилъ надъ сотворившимъ
Такими васъ, какими вы могли
Возникнуть подъ творящими перстами.
Себя ковать могущихъ я сковалъ;
Себя творить свободныхъ сотворилъ я.
Что̀ могъ, я сдѣлалъ; и не могъ иного...
Тебѣ-жъ хвала, любви великій гнѣвъ!
Всѣ.—Хвала, освободитель, промыслитель!
Прометей.—Клянитесь же причастіемъ вины,
Клянитесь мнѣ надъ этими тѣлами,
Огнемъ клянитесь, доблестныхъ добычей:
Свободными пребыть и неизбѣжной
Лишь волю духа въ васъ именовать!
Всѣ.—Тебѣ клянутся въ насъ огонь и кровь.
Прометей.—Вы поклялись. Отвѣтствуйте-жъ: свободный
Покорствуетъ кому?
Аргестъ.— Тому, кто въ немъ
Онъ самъ,—ты наставлялъ.
Прометей.— Ему, о дѣти,
Покорствуйте! Безсмертному въ себѣ!
Тому же, чье веселье—приношеній
Живая кровь и тукъ, нести ли дань?
Пирръ.—Нѣтъ, вождь! Намъ Зевса жертвами не чтить.
Прометей.—Его-ль орла почесть намъ неизбѣжнымъ?
Астрапей.—Нѣтъ, волю въ насъ, безсмертный нашъ перунъ.
Прометей.—Но если Зевсъ съ людьми согласья хочетъ
И за первины жертвеннаго дыма
Благоволенье тучное сулитъ,
Не побѣгутъ ли за рукой дарящей
Слабѣйшіе изъ братьевъ—искупить

Обилье мира легкою неволей
И щедрость тучъ покорностью молитвъ?
Флогій.—Невольниковъ размечемъ алтари.
Прометей.—И къ вольности насиліемъ принудимъ?
Нѣтъ, Флогій! Въ духѣ вольность, и неволя
Не въ имени раба.
Астрапей.— О, Прометей!
Пусть рабствуетъ, кто рабъ. Мы-жъ отойдемъ
Отъ жертвенниковъ прочь.
Прометей.— Нѣтъ, мы воздвигнемъ
Изъ этихъ сосенъ жертвенникъ высокій;
Я самъ зажгу священный пламень, жрецъ.
Пирръ.—Ты-ль измѣняешь клятвѣ, Прометей?
Прометей.—О, Пирръ! Не дань отъ подданныхъ владыкѣ
Я вознесу на рдяномъ алтарѣ;
Но приглашу на праздничный нашъ пиръ
Къ общенію огня и пищи Зевса,
Въ забвеніе неправды и обиды
И въ единенье всѣхъ о Томъ Единомъ,
Чей пламень въ небожителяхъ и въ немъ.
Керавнъ.—Не будетъ Зевсъ твоей утѣшенъ жертвой.
Прометей.—Не миръ мнѣ надобенъ, но сѣмя распри.
Довольны братья будутъ. Я творилъ
Васъ, первенцы, и нѣтъ средь васъ раба;
И будетъ рабство, но раба не будетъ.
Своимъ страстямъ и вожделѣньямъ низкимъ
Вамъ рабствовать дано; но, какъ челомъ,
Подъятымъ къ небу, ты не въ силахъ долу
Поникнуть, человѣкъ, уподобляясь
Четвероногимъ,—такъ не въ силахъ ты
Забыть въ тебѣ зачатую свободу.
Ты жертвы хочешь возносить богамъ,
Но не иныя жертвы, чѣмъ моя.
Не раболѣпствовать, но пріобщаться
Старѣйшимъ въ небесахъ, и въ нихъ Тому,
Кто Самъ въ богахъ и Самъ въ тебѣ, свободномъ,—
Такія жертвы учредить промыслилъ
Въ отраду людямъ, въ исполненье правды,
И въ испытанье вольнымъ, и въ соблазнъ
И гнѣвъ Крониду Прометей.
Всѣ.— Хвала
Священнику невѣдомаго Бога!

Прометей.—Готовьтесь же со мною быть заутра
Для принесенья первой нашей жертвы;
А нынѣ тризну справимъ по троимъ.
Въ безмолвіи, о братья, свяжемъ часть
Священныхъ этихъ сосенъ въ крѣпкій плотъ
И спустимъ смольный въ соль священной влаги;
А въ спутники дадимъ пловцамъ ихъ свѣточъ.
Такъ будутъ плавать по̀ морю живые
Изъ края въ край: начатокъ мореходства
Пловцы да будутъ первые къ тѣнямъ.
Вамъ добрый путь, вожатые пловцы,
Вамъ, первенцы губительной свободы!
Примите ихъ, Океаниды! Вѣщимъ
Рыданіемъ оплачьте дерзновенныхъ!
Они свободны были... Добрый путь!

При послѣднихъ словахъ Прометея **Океаниды** пробуждаются и наполняютъ орхестру, простирая руки къ просценіуму.

Хоръ Океанидъ.—Прометей!...
Пламя дай Океанидамъ! Дай намъ свѣточъ вихревой!
Жизни дай пожаръ мятежный! Дай любви залогъ живой!
Этихъ юныхъ дай намъ тѣло! Огненосный дай ковчегъ!
Дай до темнаго предѣла закачать ихъ въ морѣ нѣгъ!

Перерывъ дѣйства.

Вечерніе лучи озаряютъ долину и главы горъ. На просценіумѣ алтарь, закутанный облакомъ. Отъ алтаря стелются по землѣ желѣзныя цѣпи. Вокругъ, съ копьями въ рукахъ стоятъ на стражѣ **Пирръ**, **Флогій**, **Дадухъ**, **Никтелій**, **Астрапей**, **Keравнъ** и **Аргестъ**. По уступамъ скалъ, ведущихъ съ просценіума къ орхестрѣ, которая изображаетъ въ этой части дѣйства вспаханное поле, разбросаны луки и колчаны. Въ глубинѣ подземелья, открывающагося на орхестру, тускло рдѣютъ горны, а спереди пылаетъ на жертвенникѣ огонь.

Прометей медленно сходитъ по уступамъ скалъ съ просценіума къ подземелью.

Прометей.—Какая ясность и покой съ утра
Въ эѳирѣ, на горахъ, въ лѣсахъ и долахъ,
И на̀ морѣ! Я въ полдень тукъ зажегъ:
Его застлалъ тончайшій свѣтлый облакъ;
Потомъ сгустился, выпрямился, сталъ
Столбомъ, подобнымъ улью зыбкихъ молній,
И такъ стоитъ донынѣ,—пировальный
Заоблачныхъ гостей моихъ шатеръ.
И каждый обманулся бы затишьемъ

И о вселенскомъ мирѣ возмечталъ,—
Когда горитъ война со всѣми всѣхъ:
Земли съ богами, и боговъ съ людьми,
Чадъ съ матерью, со мною-жъ, одинокимъ,
Боговъ и смертныхъ, и самой Земли.
Но все безмолвствуетъ. Въ лазурномъ небѣ
И коршунъ мой пропалъ, какъ мѣдный дискъ,
Закинутый къ Олимпу великаномъ.
Нѣмѣетъ все: когда бы все кричало!
Но этой тишины не заглушитъ
И молотъ мой!... Я сѣятелей вижу,
Сюда идущихъ по браздамъ своимъ.
Имъ заданъ сѣвъ, а мнѣ приспѣла жатва.
Вотъ ихъ колчаны, луки по скаламъ
Раскиданы. Я стрѣлы отравилъ имъ.
О, сколько васъ, пернатыхъ, обогнувъ
Дугою цѣль, вонзится въ грудь стрѣлковъ!
Все знаю. Что же медлю? Часъ не ждетъ.
Еще имъ нужно утвари немало.
Есть плугъ и серпъ, и мечъ, и цѣпи есть;
Игралища пусть выкуютъ другіе.
Я-жъ, уходя, оставлю въ подземельѣ
Отвѣсы, угломѣры, да правѝла,
Да двѣ колонны крѣпкихъ: безъ меня
Имъ строить, сирымъ, тайный лабиринтъ.

Входитъ въ подземелье и принимается за ковку, часто прерываемую въ утомленіи.

Поистинѣ, земное тяготѣетъ
Ко сну земли; но бодрствуетъ огонь.
Я далъ имъ жизнь; но первенцамъ моимъ
Не въ радость жизнь. И въ ней клянутъ неволю
Не потому, что вѣдаютъ и любятъ
Свободное, иное бытіе,
А потому, что быть ихъ приневолилъ
Въ дрему запавшій бдительный огонь.
Избранниковъ немного: въ нихъ живѣй,
Богаче пламенѣющая жила;
Имъ жизнь мила, и ненавистна смерть...
Но бо́льшаго не могъ содѣлать я:
Что̀ могъ, содѣлалъ,—и ко благу все!...
Приманками любезна станетъ жизнь
И прелестью мечтательной и лживой.

Когда по краю будетъ ослащенъ
Сосудъ, что̀ я поднесъ имъ, желчи полный,—
И желчь полюбятъ, и привыкнутъ жить,
Изъ рода въ роды тщась и соревнуя
Игралища творить, утѣхи множить.
Измыслятъ грады зиждить, торговать,
Воинствовать, художествовать, числить,
И рабствовать, и властвовать—затѣмъ,
Чтобъ въ шумѣ дней, въ заботахъ, въ сладострастьи,
Въ мечтахъ—забыть о волѣ бытія
Прямой и цѣльной. А дикарь въ пустынѣ
Бродить, понурый, будетъ... Такъ! Что̀ могъ,
Все сдѣлалъ я. Идутъ другія силы
И довершатъ по-своему мое.

Утверждаетъ съ трудомъ передъ жертвенникомъ двѣ тяжелыя литыя колонны и чертитъ на нихъ знаки. Потомъ опять беретъ въ руки молотъ, но черезъ мгновеніе опускается на камень.

Усталъ ковачъ. И млатъ скользитъ изъ рукъ...
Довольно! Адамантоваго кова
Вѣкамъ не расклепать. Оконченъ трудъ...
Душа—что склепъ глухой. Большое сердце—
Какъ чаша горечи... Дрема долитъ.

Огонь на жертвенникѣ падаетъ. Невидимая Прометею, изъ-подъ земли въ пещерныхъ сумеркахъ подымается, вся закутанная въ черно-синія складки одеждъ, **богиня Ѳемида**. Она садится по правую сторону отъ жертвенника. **Прометей**, въ полудремотѣ, встаетъ съ камня, шатается и ложится наземь, безсознательно склоняя голову на колѣни матери, которая простираетъ надъ нимъ руки.

Ѳемида.—Спи, Прометей! Предъ казнью долговѣчной
Крѣпительный и легкій сонъ вдохни!
Его лелѣять буду я сама.
Тысячелѣтья не сомкнешь ты вѣждъ,
Страдалецъ-сынъ! Усни-жъ предъ долгимъ бдѣньемъ.

Молчаніе. Въ глубинѣ подземелья, изъ одного изъ сводчатыхъ переходовъ появляется **Пандора**, ведомая въ узахъ двумя темными демонами—**Кратосомъ** и **Біею**. Она останавливается въ отдаленіи, вмѣстѣ съ своими стражами, невидимая Ѳемидѣ.

Прометей (во снѣ).—Пандора, милая! О чемъ ты плачешь?
Душа души моей, сбрось эти цѣпи!
Приди ко мнѣ! Я немощенъ ихъ снять.
Вѣдь я сильнѣй себя, и такъ сковалъ ихъ,
Что раздробился молотъ мой о звенья.

Ѳемида.—Спи, Прометей! Раскована Пандора.
Къ тебѣ идетъ.
Прометей.— Не узнаетъ меня...
Пандора, безъ тебя моя душа
Смертельною тоской затосковала.
Склонись ко мнѣ! Дохни въ меня собой!
Мнѣ помнится: мы вмѣстѣ прежде были...
И ты—близка... А мы—разлучены!
Ѳемида.—Раскована Пандора. Жениху
Объятья простираетъ... Но женихъ—
Не ты, не ты!... Растетъ младенецъ, древле
Замученный... Сталъ юношей... Его
Она желаетъ... Онъ ее возьметъ,
Когда тебя освободитъ... А ты—
Ее отвергъ. Зане она—ты самъ.
Прометей.—Въ объятія мои приди, Пандора,
Сестра моя! Зачѣмъ, какъ легкій облакъ,—
Лишь руки я простеръ,—бѣжишь и таешь,
И грустно такъ главою помаваешь
Издалека?... Пандора, ты жива-ль?

Пандора отдѣляется, какъ призракъ, отъ своихъ сторожей и изъ оковъ, на ней лежащихъ, сохраняя на себѣ лишь цѣпи, которыми скованы ея ноги, сомнамбулически приближается сзади къ Прометею, напечатлѣваетъ на его устахъ долгій поцѣлуй и, опять отступивъ къ **стражамъ**, уводится ими, отягощенная оковами, въ противоположный проходъ пещеры.

Ѳемида.—Сто ярыхъ стрѣлъ вонзаются въ меня!
За ними—горе!—семь любовныхъ копій
Мнѣ грудь больнѣй пронзаютъ. Пощадите,
Святыя копья!... О, почто сама
Обречена я быть Судьбою, боги!
Прометей (въ бреду, приподымаясь и ища вырваться изъ лежащихъ на его рукахъ рукъ матери,—въ позѣ прикованнаго).—
Прочь, хищники-орлы! Она—моя!...
Терзайте грудь мнѣ: вѣдь она отнынѣ
Въ моей груди... Ужасны когти молній!
Истерзанъ я... Но все-жъ она—моя!
Не вамъ исторгнуть жизнь изъ этой груди...

Огонь на жертвенникѣ едва теплится. **Ѳемида** простираетъ руки надъ **Прометеемъ**. Онъ склоняетъ въ изнеможеніи голову на ея колѣни.

Ѳемида.—Спи, Прометей, предъ долгимъ, долгимъ бдѣньемъ.

Подземная пещера затворяется и становится неразличимою среди скалъ.

Орхестра наполняется сѣятелями. Мужчины собираются на правой, женщины на лѣвой сторонѣ орхестры. Но во время сѣянія оба хора, мужской и женскій, проходя вдоль нивы по бороздамъ, мѣняются мѣстами и смѣшиваются, чтобы опять раздѣлиться при остановкахъ.

Хоръ женщинъ.—Какъ привѣтъ изъ устъ родимой,
Запахъ милъ сырой земли.
Хоръ мужчинъ.—Въ нѣдра ночи нелюдимой
Мы надежды погребли.
Хоръ женщинъ.—Мать-Земля, святое сѣмя
Усыпи и пробуди!
Хоръ мужчинъ.—Сѣетъ алчущее племя:
Жатву, тучная, роди!
Хоръ женщинъ.—Любо жатвы злакамъ тучнымъ,
И цвѣтамъ, и древесамъ—
Быть съ тобою неразлучнымъ,
Воздыхая къ небесамъ.
Полусонны, полуживы,
Мать-Земля, они, какъ ты,
Такъ же кротко-молчаливы,
Чужды яростной мечты.
Хоръ мужчинъ.—О, зачѣмъ слѣпая воля
Насъ отторгла отъ тебя,
И скитаться наша доля,
Ненавидя и любя?
Въ жилы влитъ огонь мятежный;
Духъ унылъ, а въ сердцѣ—гнѣвъ;
И для жатвы неизбѣжной
Преступленья зрѣетъ сѣвъ.
Хоръ женщинъ.—Какъ дитя родное, сѣмя
Усыпи и пробуди!
Сѣетъ алчущее племя:
Жизнь, обильная, роди!
Хоръ мужчинъ.—Иль отверженнымъ объятья
Миротворныя раскрой:
Даръ сознанья, даръ проклятья
Угаси во мглѣ сырой!
Хоръ женщинъ.—Да изъ нѣдръ твоихъ священныхъ
Встанемъ, дольніе цвѣты,
Встанемъ, злаки нивъ смиренныхъ,
И покорны, и чисты.

Толпа приближается ко всходамъ на просценіумъ и занимаетъ уступы скалъ, подбирая оставленные на камняхъ луки и колчаны: мужчины—справа, женщины—слѣва.

Голоса мужчинъ.—Что тамъ за облако?
— Спустилась туча.
— Въ ней молніи, какъ стая птицъ въ сѣти.
Голоса женщинъ.—То жертвенный огонь на алтарѣ.
— Дневная жертва не угасла.
— Боги
Въ томъ облакѣ: безмолвствуйте!
Голосъ изъ мужского сонма.— Что́ боги?
Есть въ небѣ Зевсъ: ревнуетъ онъ къ огню.
Голосъ изъ женскаго сонма.—Да Правда есть внизу и Мать-Земля.
Флогій.—Благоговѣйно стойте! Разумѣть
Еще-ль вы не привыкли Прометея?
Гостины—жертва, и старѣйшимъ честь.
Керавнъ.—Луной и солнцемъ, тишиной и бурей,
И засухой, и ливнемъ правятъ боги,
Старѣйшіе. Ихъ звали мы на пиръ.
Никтелій.—И, къ дружбѣ преклонивъ, справляемъ миръ.
Голосъ изъ мужского сонма.—Къ огню ревнуя, злобствуетъ Кронидъ.
Аргестъ.—Кронида гнѣвъ остылъ: хотѣлъ онъ дара.
Пирръ.—Звалъ Прометей старѣйшаго, Кронида,
На общую молитву, общій даръ
Тому, Кто въ нихъ, невѣдомый, и въ насъ,
Свободныхъ и безсмертныхъ, какъ они.
Астрапей.—Тому, Кого зоветъ учитель: Самъ.
Дадухъ.—Не все-ль повѣдалъ вамъ освободитель
Предъ тѣмъ, какъ вы его, избравъ, послали
Верховнымъ возжигателемъ даровъ?
И нынѣ гости въ облакѣ надъ жертвой.
Женскій голосъ.—Добро замыслилъ Прометей. Нужны
И дождь во благовременье, и вёдро
На нашъ посѣвъ.
Мужской голосъ.— Извѣдаете вскорѣ,
Какъ милуетъ старѣйшій, Зевсъ, друзей.
Женскій голосъ.—Не Зевсу вѣримъ,—Матери-Землѣ.
Одинъ изъ мужского сонма.—Да не щедра и мать. Какъ Зевсъ, она
Свое лицо таитъ: онъ—за лазурной
И радостной завѣсою; она-жъ—
За дикимъ и печальнымъ покрываломъ
Волчцовъ и терній, иль за боромъ темнымъ.

И не она-ль обильнѣе, чѣмъ насъ,
Звѣрей лѣсныхъ, намъ вороговъ, питаетъ?
Общій ропотъ толпы.—Кто изъ ничтожества насъ вывелъ?
— Кто
Къ земной страдѣ принудилъ?
— Прометей!
— Единый онъ.
— Отъ насъ чего-жъ онъ хочетъ?
Флогій.—Борьбы, о братья! Одолѣть боговъ.
Смѣшанные голоса, потомъ крики толпы.
— И самъ же насъ къ содружеству и миру
Съ владыками небесъ насильно нудитъ?
— Имъ тукъ принесъ, а мясо подѣлилъ
Избранникамъ своимъ.
— И съ ними править
Надъ нами хочетъ.
— Кто боговъ кормилъ
И съ ними ѣлъ, тотъ съ ними воцарится
Надъ пасынками.
— Будутъ царевать
Надъ нами Прометеевы любимцы
И самъ Титанъ съ пустой горы небесъ.
— Насъ обманулъ, солгалъ намъ Прометей!
— Гдѣ Прометей?
— Куда отъ насъ сокрылся?
— Куетъ ковачъ.
— Онъ выковалъ топоръ
И плуги намъ.
— Онъ роздалъ намъ серпы.
— Мечей намъ и щитовъ! Пришла пора.
— Онъ не куетъ: онъ въ облакѣ съ богами.
— Смотрите, братья, что̀ у алтаря
Ковачъ подбросилъ! Цѣпи...
— Цѣпи! Цѣпи!
— Намъ измѣнилъ, насъ предалъ Прометей.
— Долой алтарь!
— Спугнемъ гостей крылатыхъ!
— Владыкъ прогонимъ!
— Свергнемъ алтари!

Всеобщее смятеніе. **Мужчины и женщины** нацѣливаются изъ луковъ и стрѣляютъ въ облако, заволакивающее алтарь; другіе, въ изступленіи, пускаютъ стрѣлы вверхъ, въ небо. **Семь стражниковъ** бросаются на толпу, выставивъ копья. Ударъ

грома и внезапная тьма заставляютъ толпу отшатнуться и отступить къ орхестрѣ. Черезъ мгновеніе облако надъ алтаремъ расходится: повитый радугами, разоблачается въ яркомъ вечернемъ озареніи большой алтарь. По сторонамъ алтаря, въ темныхъ коронахъ, сидятъ **Кратосъ** и **Бія,** сумрачные и грозные исполины. Они держатъ цѣпи, обвивающія тѣло прекрасной, съ оковами на ногахъ, женщины въ пестроцвѣтныхъ роскошныхъ одеждахъ и цвѣтахъ, стоящей на алтарѣ. Подлѣ нея, нагіе, **два отрока,** съ флейтами въ рукахъ, держатъ поставленный имъ на плечи, изукрашенный золотой ковчегъ.

Пандора, улыбаясь, бросаетъ въ толпу розы и весенніе вѣнки, груды которыхъ покрываютъ алтарь и ковчегъ. Розы сыплются и сверху на орхестру. **Толпа,** вначалѣ испуганная, восхищенно подбираетъ цвѣты; многіе увѣнчиваются розами.

Хоръ мужчинъ.—Небожительница, кто ты,—
Расточительница чаръ?
Хоръ женщинъ.—Неба-ль намъ несешь щедроты?
Всѣхъ даровъ ты лучшій даръ.
Хоръ мужчинъ.—Нѣтъ тебя на небѣ краше,
Гостья милая земли.
Хоръ женщинъ.—Но предчуетъ сердце наше:
Мы на мигъ тебя нашли.
Пандора.—Братья, сестры! Я—Пандора,
Раздавательница розъ,
Зачинательница хора
Новыхъ весенъ, новыхъ грозъ.
Хоръ женщинъ.—Но одержатъ дѣву кольца
Адамантныхъ вѣчныхъ узъ.
Хоръ мужчинъ.—Выступайте, добровольцы,
Расковать ихъ дольній грузъ!
Хоръ женщинъ.—Но лежатъ на дѣвѣ руки
Двухъ владыкъ глухонѣмыхъ.
Хоръ мужчинъ.—Шлите пчелъ, тугіе луки,
Напитаться тѣломъ ихъ!
Пандора (одною рукою какъ бы заграждая сидящихъ подлѣ алтаря царя и царицу, другою прикрывая лицо въ знакъ печали).—
Братья, сестры! Я—Пандора,
Я—рабыня; но рабы
Не купить безъ приговора
Возместительной Судьбы.
Хоръ мужчинъ.—Ты какого хочешь вѣна?
Жизни нашей иль огня?
Хоръ женщинъ.—Нищимъ тягостна ли мѣна?
Изведеннымъ къ свѣту дня—
Хоръ мужчинъ (подхватывая).—Поневолѣ на недолю,
Намъ была-бъ желанна смерть,—

Хоръ женщинъ (подхватывая).—Если-бъ вѣчную неволю
Не сулила эта твердь.
Пандора.—Братья, сестры! Всѣмъ въ отчизнѣ
Колыбельной вамъ почить.
Дару милой, краткой жизни
Я пришла васъ научить.
Хоръ мужчинъ.—Мы умремъ?—къ чему рожденье?
Пандора (пѣвучіе отвѣты которой отроки сопровождаютъ мелодіею флейтъ).—
Вожделѣнно наслажденье.
Хоръ жёнщинъ.—Мы умремъ?—Давно пора!
Пандора.—Не извѣдана игра.
Хоръ мужчинъ.—Мы умремъ?—Скорѣй къ развязкѣ!
Пандора.—Сладость въ пѣснѣ, радость въ пляскѣ
Хоръ женщинъ—Мы умремъ?—Напрасно жить.
Пандора.—Научитеся любить!
Хоръ женщинъ.—Игръ и пляски и любви
Мы не вѣдаемъ, богиня
Или плѣнная рабыня!
Хоръ мужчинъ.—Міръ—унылая пустыня.
Хоръ женщинъ.—Все, что̀ въ сердцѣ и въ крови,
Властнымъ словомъ воззови,
Оживи волшебнымъ словомъ!
Хоръ мужчинъ.—Мановеньемъ оживи!
Хоръ женщинъ.—Дай дышать намъ въ вѣкѣ новомъ
Розъ пыланьемъ пурпуро́вымъ,
Хмелемъ ласки и любви!

Пандора (съ ритмическими движеніями стана и рукъ, при сопровожденіи флейтъ:—танецъ въ цѣпяхъ).—

И въ желѣзныхъ ожерельяхъ—
Я пляшу;
И въ глубокихъ подземельяхъ—
Я дышу.
Нѣжной лестью мощь мужскую
Обольщу,
И тому, по комъ тоскую,—
Отомщу.

Ритмическія движенія Пандоры повторяются толпою; нѣкоторые изъ мужчинъ и нѣкоторыя изъ женщинъ заводятъ между собою робкіе хороводы.

Пандора открываетъ, при звукѣ флейтъ, ковчегъ и, произнося дальнѣйшія заклинанія, раскидываетъ пурпурныя и иныхъ цвѣтовъ тонкотканныя одежды, разнообразные драгоцѣнные уборы — ожерелья, запястья, вѣнцы, всякое узорочье и многіе другіе волшебные дары. **Толпа** съ жадностью украшается. **Флейты** ведутъ за собою издалека доносящуюся многострунную музыку.

Пандора.—Вотъ ковчегъ даровъ. Немало
Въ немъ добра.

Толпа.—Ты прекрасна, и всевластна, и щедра!

Пандора.—Я богата. Раскрываю
Свой ларецъ.

Толпа.—Мнѣ тѣ лалы!—Покрывала!—Мнѣ вѣнецъ!

Пандора.—Разсыпаю, Геи чада,
Вамъ дары...
Но какая въ нихъ услада
Безъ игры?
Но алѣй порфиръ и лала
Есть игра:
Ливень злата проливаю—
Изъ колецъ!

Она бросаетъ на орхестру пригоршнями золотыя кольца. Музыка звучитъ полнѣе и плѣнительнѣе.

За дождемъ моимъ бѣгите,
Капли золота ловите—
На персты!
Эти капли дождевыя—
Не просты:
Эти перстни золотые—
Заклятый.

Толпа бѣгаетъ, играючи, въ рѣзвомъ танцѣ, и ловитъ на пальцы падающія кольца.

Пандора.—Каждый перстень ищетъ перстня другого,
Съ нимъ единой судьбиной заклятого.
Каждый перстень обручаетъ и вяжетъ,
И томитъ, и влечетъ, куда—не скажетъ.
И когда приведетъ, куда захочетъ,
Самъ не объявитъ, сердце запророчитъ.
Запророчитъ сердце, и вдругъ вспомянешь,
Съ кѣмъ въ разлукѣ сиротѣешь и вянешь,
По комъ унылъ и безъ кого недуженъ,
Кто единый на жизнь и на смерть нуженъ.
За дождемъ живымъ бѣгите,
Дождь червонный вы ловите
На персты!
Эти блестки дождевыя—
Не просты:

Эти кольца роковыя
Раздѣлятъ васъ
И сдвоятъ васъ—
На четы.

Многіе изъ играющихъ, поймавъ кольца, задумываются, отходятъ въ сторону и сомнамбулически направляются къ другимъ, которые кажутся въ свою очередь ищущими. Образуются многія пары,—однѣ смущенныя, другія счастливыя.

Пандора (обращаясь къ юношамъ-стражникамъ). — Что-жъ, копьеносцевъ семеро, одни
Въ раздумьи вы, прекрасные, стоите
И радостныхъ не ловите колецъ?
Съ меня вы глазъ не сводите, какъ будто
Кольцо такое каждому досталось,
Которому отвѣтствуетъ мое?...
Коль такъ хотите, юноши,—приблизьтесь,
Возьмите семь колецъ съ руки моей.
Пусть семеро мнѣ обрученныхъ будетъ
Въ излюбленной дружинѣ Прометея,
Спасителей и мстителей моихъ!

Семь юношей подходятъ къ алтарю и простираютъ за кольцами—не руки, но острія своихъ копій. На каждое остріе **Пандора**, улыбаясь, надѣваетъ по кольцу.

Пирръ (отъ лица всѣхъ семерыхъ). — Пандора, помни: съ острыхъ этихъ копій
Завѣтныя спадутъ не прежде кольца,
Чѣмъ острія, всѣ семь,—любви и мести,—
Освободятъ, невольница, тебя.

Пандора.—Судъ мести--рокъ любви. И месть—любовь.

Юноши возвращаются на свои мѣста.

Одинъ изъ толпы.—Загадочныхъ рѣчей иль умолчаній—
Довольно! Пусть любимцы Прометея,
Какъ видимъ, приглянулись и тебѣ:
Но лишь опасность вѣрнаго являетъ.
Кто заковалъ тебя, въ неволѣ держитъ,
У насъ кто отымаетъ,—намъ скажи!
Всѣ, какъ единый человѣкъ, мы встанемъ
На ратоборство за царицу нашу.
Ее рабой намъ видѣть неугодно,
И месть любви избранье утвердитъ.

Всѣ.—Скажи, Пандора, кто тебя связалъ!

Пандора.—О братья, сестры! Вѣдали бы вы,
Какую казнь любовь мнѣ ускоряетъ,

Какую муку близитъ нетерпѣнье
Узнать, кто я и кто мучитель мой,—
Вы мнѣ сказали-бъ: „Утаи, Пандора,
Свой родъ и рокъ! Останься такъ, въ цѣпяхъ,
Продли свой плѣнъ, рабынею помедли!...“
Но медлить ужъ нельзя. Съ угрюмой тайны
Сорвать должна я радугъ пояса
И свѣтлые покровы распустить...
Ужасное услышите. Надѣйтесь
И въ гибели самой! Послѣдній даръ мой
Вливаю въ сердце вамъ: мою Надежду!
Не ту, что далъ вамъ Прометей: она—
Что марево пустынь. Мою Надежду
Не путеводнымъ назовешь обманомъ,
Но ласковой свирѣльностью мгновенья.
Чаруетъ дѣва: „Тутъ остановись!
Искомое, желанное, родное—
Тутъ ждетъ тебя. Постой, мимоидущій!“...
А нынѣ покрывало развѣваю.
Глядите: вотъ я—сирая вдова!

Пандора срываетъ съ себя яркія одежды и остается въ пепельнаго цвѣта власяницѣ. Блѣдное лицо ея, оттѣненное оставшимися кое-гдѣ въ разсыпавшихся волосахъ темными розами, кажется изступленно-прекраснымъ. Флейты заводятъ печальную мелодію.

Хоръ женщинъ.—Ты дары намъ расточала,
Насъ съ Надеждой обручала,—
И съ Печалью обручи!

Хоръ мужчинъ.—Знало сердце лишь унылость:
Намъ печаль живая—милость,
И на бой зовутъ мечи.

Хоръ женщинъ.—Въ сердцѣ зыбкія свирѣли
Чаровательно запѣли:
Жизнь измѣнами красна.

Хоръ мужчинъ.—Пусть цѣлуется съ Любовью
Смерть, и роза пахнетъ кровью,—
Расцвѣтаетъ сонъ изъ сна!

Пандора садится на алтарь, съ выраженіемъ и знаками глубокаго горя. Слѣдуя ея молчаливому приглашенію, **толпа**, скинувъ яркія полотнища, убранства и вѣнки, садится подоль отъ алтаря и по уступамъ скалъ, въ скорбномъ молчаніи. Флейты играютъ заунывную, жалобную пѣснь. Смеркается. **Отроки** съ ковчегомъ исчезаютъ, но тихіе отзвуки унылаго напѣва еще долго слышны.

Пандора, выходя изъ глубокаго унынія, повелѣваетъ знакомъ вниманіе. Толпа жадно прислушивается.

Пандора (тихимъ, свирѣльнымъ голосомъ сказочницы, всецѣло погруженной въ созерцаніе своей сказки).—

Не знаю, братья, сестры,—юнымъ вамъ
И новозданнымъ на лицѣ земли
Извѣстенъ ли вашъ въ небѣ родъ и сѣмя
Въ землѣ сырой. Сказалъ ли вамъ ваятель,
Откуда взялъ онъ вашу плоть, откуда
Огонь,—не тотъ, похищенный, что̀ свѣтитъ
Очамъ во тьмѣ и плавитъ мѣдь,—но лучшій,
Пылающій въ груди, кующій въ сердцѣ,
Въ очахъ свѣтящій солнцемъ, солнцемъ въ мысли?
И если не сказалъ, подобны вы
Царевымъ дѣтямъ, выросшимъ въ палатахъ
Царевыхъ—и не знающимъ отца.

Внемлите-жъ! Древле сына Зевсъ родилъ.
Въ началѣ было то; родилось время
Съ рожденьемъ сына; былъ иной тотъ Зевсъ.
Владыкой міра онъ Дитя поставилъ,
И сладостно игралъ вселенной сынъ,
И въ той игрѣ звучало стройно небо.
Небесъ алкали—родъ земли—Титаны:
Подкралися къ младенцу Діонису,
Пожрали плоть его, огнемъ палящимъ
Насытились—и пали пепломъ дымнымъ.
А сердце сына, бьющееся сердце,
Отецъ исхитилъ и въ себѣ сокрылъ.

Въ незримомъ небѣ, что ни свѣтъ, ни тьма,
Возсѣлъ онъ на престолѣ отдаленномъ.
Помыслите: когда-бъ въ ночной пещерѣ
Сидѣлъ предъ вами демонъ, поглотившій
Въ утробу солнце,—что бы зрѣли вы?
Весь просквозилъ бы тусклымъ свѣтомъ онъ;
Мерцали-бъ члены, всѣ насквозь; зіяя,
Двумя пылали-бъ солнцами глаза,
И заревомъ вертепъ пространный рдѣлъ.
Завѣсою душа бы заградилась,—
И на завѣсѣ мрѣлъ бы тотъ же образъ,
И пламенѣли горнами глаза.

Такъ на лазурной тверди, что престолъ
Невидимый отъ смертныхъ застилаетъ,
Извѣчный отразился смутно Зевсъ
Обличьями верховныхъ міродержцевъ,
Изъ нихъ же Зевсъ-Кронидъ, юнѣйшій, днесь
Орломъ надмірнымъ въ небѣ распростертъ.
Столь живъ Сидящій на престолѣ тайномъ,
Что призраки его живѣе васъ
Во столько кратъ, во сколько вы живѣе
Подъ глыбой не прозябшаго зерна.
Столь свѣтелъ Тотъ, что лишь очамъ орлинымъ
Разоблаченный явствуетъ—Кронидъ.

И долго мраченъ былъ исконный Зевсъ
Въ тоскѣ по сынѣ,—и глядѣли грозно
Вѣнчанные на землю двойники.
А нынѣ сердцу внемлетъ своему,
Сыновнее жъ объемлетъ землю сердце,—
И правосудный милосердъ Кронидъ...
Не отъ своей вамъ мудрости вѣщаю:
Земли-Ѳемиды эти словеса.
Она въ землѣ—что въ небѣ Зевсъ: лишь призракъ
Извѣчной Дѣвы, матери Младенца.
Кронидъ премудръ; Ѳемида больше знаетъ,
Зане богиня-Дѣва въ ней самой.

Голоса изъ толпы.—И Прометей намъ сказывалъ: Ѳемида
Все знаетъ. Мать его, она живетъ
Въ глубинныхъ нѣдрахъ.
— Сказывалъ про сѣмя
Небеснаго огня, что насъ живитъ.
— Но о богахъ намъ ничего не выдалъ.
— Гора боговъ, мы мнили, намъ чужбина
И вражій станъ.
— Отъ насъ онъ утаилъ
О Зевсѣ древнемъ тайну.
— О Кронидѣ
Благую вѣсть.
— Все намъ откроешь ты.

Пандора.—Теперь, о братья, сестры, все скажу
И про себя вамъ, и про васъ. О, сколь
Завиденъ жребій вашъ, и горекъ мой!
Но своего не чаете вы блага,

Мнѣ-жъ очевиденъ мой плачевный рокъ.
Счастливые, причастны вы огня
Небеснаго, какъ вы грѣха причастны.
А мы, Титаны, знаемъ лишь вины
Яремъ извѣчный, да горючій пламень,
Снѣдающій, злокозненный, голодный,
Да Матери голодную тоску...
Сынъ Іапета—хитрый Прометей...
Толпа.—Насъ обманулъ, солгалъ намъ Прометей!
Пандора.—Титана Іапета родъ былъ чуждъ
И лютости собратій, и безумья:
Грядущее привыкъ онъ расчислять.
Промыслилъ человѣкомъ Прометей
Вселенную украсить, взвѣять къ небу
Изъ искры Діонисовой пожаръ:
Не привлечетъ ли сердце Діониса
На алчущую землю? Мнилъ Титановъ
Исправить дѣло, матерь искупить
И бытіе свободное возставить.
Ласкательствомъ и помощью надежной
Стяжалъ пріязнь Кронида Прометей.
Толпа.—Всѣмъ измѣнилъ, всѣхъ предалъ Прометей!
Пандора.—Ѳемиду молитъ: „Матерь, изведи
Жену на свѣтъ изъ самого меня!
Себѣ я равной не найду межъ нимфъ,
Дѣтей свободныхъ съ ней не приживу.
Все женское душевнаго состава,
Что̀ есть во мнѣ,—даю; ты тѣло дай“.
Рекла Ѳемида: „Будетъ по желанью.
Я тѣло дамъ, и выну изъ тебя
Все женское душевнаго состава.
Отнынѣ ты всецѣло мужемъ станешь
И безъ жены, что камень безъ огнива,
Животворящихъ не разбрызнешь искръ“.—
И вновь рекла: „Но кто жену слѣпить
Искусенъ? Боги. Лѣпота—ихъ даръ“.
Въ отвѣтъ ей сынъ; „Такъ призовемъ боговъ!
Скажи имъ: Прометей сказалъ,—слѣпите
Ему жену и къ свадьбѣ уберите,
Чтобъ онъ людей посѣялъ новый родъ“.
И Зевсъ судилъ: „Да будетъ, ибо чистъ
Отъ ярости Титановъ Прометей“.

Тогда Гефэстъ-искусникъ изваялъ
Изъ влажной глины, братья, это тѣло,
Мнѣ голосъ далъ, подвижность, гибкость мышцъ,
И молвилъ: „Встань, подобная богинямъ“.

Толпа.—Прекрасная, вотще-ль тебя мы любимъ?
Родная намъ, богиня и сестра!

Пандора.—Сошла Аѳина разумъ мой наставить
Въ искусствахъ хитрыхъ. Прелестью меня
И женскимъ обаяньемъ окружила
Киприда златотронная. Всѣ боги
Меня соревновали одарить.
Пейѳо дала мнѣ силу увѣренья.
Невѣсту, какъ Весну, убрали Оры
Въ душистые цвѣты, Хариты—въ злато
И самоцвѣты, ярче свѣтлыхъ звѣздъ,
И въ пурпуры, пышнѣй румяныхъ зорь.
Отъ всѣхъ дары взяла я—и Пандорой,
Владычицей даровъ, наречена.

Толпа.—Отъ всѣхъ одарена—всѣхъ одарить!
И каждый даръ твое богатство множитъ:
Ты даровитѣй матери—Земли.

Пандора.—И снялъ съ меня фату женихъ и братъ...
Но не затѣмъ, чтобъ въ сладостномъ объятьи
Любовію смѣситься тѣлу съ тѣломъ!
Прообраза искалъ во мнѣ художникъ,
Своимъ твореньямъ (пьетъ зеркальность душу!),
И, на меня взирая, васъ творилъ,
Прекрасныя—мое подобье—сестры!
Онъ въ очи не взглянулъ мнѣ взглядомъ нѣжнымъ;
Зато извелъ изъ Тартара сихъ двухъ
Глухонѣмыхъ владыкъ, имъ отдалъ дѣву
Подъ неусыпный въ нѣдрахъ скалъ дозоръ—
И плѣнницей безмужнюю держалъ.

Толпа.—Злодѣю эти узы!
— Гдѣ таится,
Коварный?
— Ковы-ль новыя куетъ?

Пандора.—Онъ создалъ васъ. Еще въ долинахъ тлѣла
Зола Титановъ. Въ ней огонь Младенца
Еще дышалъ. Перстовъ искала персть,
Ожить хотѣла. Вы возникли, племя
Его надеждъ. Ему не нужно было

Супруги, ни наложницы. Желалъ онъ
От Діониса сѣмени. Ему
Онъ отдалъ бы меня; но тлѣлъ женихъ
На пожарищѣ неостывшей тризны.
Небеснаго умножить въ васъ огня
Не могъ художникъ: вамъ иной огонь
Добыть промыслилъ—отъ небесныхъ молній.

Толпа.—Добро промыслилъ...

— Намъ свела-бъ огонь
Изъ сердца сокровеннаго Пандора!

Пандора.—На верхъ горы слѣпительной меня
Онъ возвести велѣлъ послушнымъ стражамъ;
Самъ, съ полымъ тирсомъ, спрятался и ждалъ.
Закрывъ глаза, лежала я, какъ жертва.
Лазурь зіяла. Красотой моей
Привлечены, заклектали высоко
Олимпа хищники. Стремглавъ къ добычѣ
Низринулись, когтьми дробя перунъ,—
Какъ будто рухнулъ семерной громадой
Эѳира пламенѣющій чертогъ.
Онъ искры въ тирсъ укралъ, меня-жъ орламъ
Оставилъ... Я въ семьѣ боговъ проснулась.

Толпа.—Месть за тебя тирану!

— Въ узы вора!
— Тебя одну въ царицы мы хотимъ!

Пандора.—Прислушайтесь! Ѳемидой принуждаемъ
Былъ Прометей—на этомъ алтарѣ
Вознесть первины своего хищенья
Крониду въ примирительную дань.
Не гнѣвались ограбленные боги:
Заступницей за васъ была предъ ними
Та, чьей красѣ обязанъ міръ огнемъ,—
Та, что сама, безъ распри, безъ насилья,
Безъ святотатства, низвела-бъ огонь.
Но не хотѣлъ согласья Прометей.
Коварную возжегъ онъ жертву. Звалъ
Боговъ на мировщину съ нимъ и съ вами—
Того во имя, Кто во всѣхъ одинъ.
Чтутъ боги Самого, кто бы ни былъ онъ—
Извѣчный Зевсъ иль Діонисъ-младенецъ.
Обманъ презрѣвъ, склонились на гостины
И раздѣлили трапезу огня.

Свои права на древнее наслѣдье
Живого дара имъ не разсудилось
Провозглашать: великодушенъ сильный.
Ихъ не поссорилъ съ вами огненосецъ,
Дабы единымъ быть надъ всѣмъ главой.
Но поелику на почестный пиръ
Безъ дара, безъ гостинаго, невмѣстно
Казалось низойти царямъ небесъ
Къ надменнымъ смертнымъ,—такъ рѣшилъ Кронидъ:
Вамъ въ даръ меня послалъ онъ... но съ условьемъ...
Толпа.—Хвала Крониду—не за огнь палящій,
А за тебя, живительный огонь!
Пандора.—Увы, почто повелѣно злосчастной
Быть рока голосомъ, судебъ орудьемъ?
Какъ приневолю—рѣчь продлить—языкъ?...
Просила-ль я о жизни? Не чужая-ль
Мнѣ наложила воля бытіе
На плéчи слабыя? Меня дарами
Осыпали всѣ боги: ахъ, на что
Сокровища понадобились мнѣ?
Была-ль мнѣ радость отъ даровъ обильныхъ?
Отъ красоты моей, моихъ богатствъ,
Улыбчивой души и мысли вѣщей?...
Но я должна глаголъ судебъ продлить.—
Гермесъ низвелъ меня на ту вершину,
Гдѣ въ узахъ на снѣгу лежало тѣло
Нетлѣнное мое, въ красѣ застылой,
И внутренней лазури улыбалось.
Я ожила, и стражи пробудились
И на уздѣ желѣзной привели
Тѣснинами подземными меня
На сей алтарь. Расторглася завѣса,—
Я васъ узрѣла. Передать должна
Ужасное посланіе владыкамъ,
Которымъ подарилъ меня Кронидъ...
День угасаетъ: стражи въ путь торопятъ.
Толпа.—Не мы—твои владыки: наша ты
Царица.—Но царица иль рабыня,
Все наша ты.—Ни жизни для тебя
Не пощадимъ, ни нашего творца.
Пандора.—Рекъ Зевсъ-Кронидъ: „Скажи, о дѣва, людямъ:
Я даръ вамъ отъ боговъ. Коль расковать

Меня дерзнете вы, я вашей буду
Владычицей навѣкъ, а эти стражи
Опекунами правдъ со мной пребудутъ.
Ихъ имя: Кратосъ—Власть, и Бія—Сила,
Которой власть крѣпка, осиленъ бунтъ.
Я дамъ законы вамъ; повиновенья
Блюстителями будутъ эти два.
Ихъ родила въ вѣкахъ Необходимость;
Души въ нихъ нѣтъ безсмертной; но живучѣй
Они боговъ; удѣлъ ихъ—принужденье.
Со мной царить надъ вами будутъ юность,
Безпечность, щедрость, нѣга и веселье,
А Власть и Сила охранять покой.
Но въ эти цѣпи,—коль съ меня ихъ снять
Дерзнете вы,—о братья, сестры, имя
Какъ назову?—другой закованъ будетъ...

Толпа.—Твой ворогъ,—твой мучитель,—Прометей!

Пандора.—Сказали вы, что̀ молвить я не смѣла.

Толпа.—Гдѣ млатъ, клещи?—Скорѣй огня изъ кузницъ!

Пандора.—Остановитесь! Братья, сестры, васъ
Я во̀-время одуматься молю.
Вы сердце разобьете мнѣ съ цѣпями.
Вѣдь Прометей—мнѣ милъ онъ! Всѣхъ дороже
Мнѣ Прометей! Онъ—часть моей души.

Толпа.—Что-жъ? Съ узникомъ и каменное ложе,
Свободная, раздѣлишь, если любишь
Того, гдѣ дѣву плѣнную презрѣлъ.

Пандора.—Одумайтесь! Счастливой я не буду,
Коль долженъ онъ томиться. Вы не радость
Прочтете на безоблачномъ челѣ
Царицы вашей, какъ законъ на свѣтлой
Скрижали—небѣ солнечныхъ письменъ.
Печальную увидите вдову
Подъ пепельной фатою на престолѣ,
Увитомъ розами. Вѣдь безутѣшной
Пребуду я! Отрада-ль торжество
Исполненнаго мщенья? Мужи пусть
Гордятся лавромъ; женщиною боги
Меня послали въ міръ съ дарами розъ.
Улыбчива ли женская держава,
Кремлевый чей оплотъ—законъ и власть?...

Что вамъ любезнѣй— вольность или радость?
Что вамъ дороже—гордость или миръ?
Толпа.—Тебя одну въ царицы мы хотимъ!
— Намъ безъ тебя и жизнь не въ жизнь, Пандора!
— И жизнь не въ жизнь!
— А гордость—въ горшій плѣнъ!
Пандора.—Я женщиной сотворена. Страдать
Привычно женщинѣ. Ей въ радость жертва.
Отдайте, братья, сестры, Прометею
Меня въ цѣпяхъ! Жестокій, въ погреба
Скалистыхъ нѣдръ пусть онъ схоронитъ дѣву!
Достигнете вы съ нимъ желанной воли:
Вотще-ль онъ жребій царственный сулилъ
Наслѣдникамъ небеснаго огня?
Я-жъ въ глубинѣ горы пребуду съ вами
Заложницей тоскующихъ боговъ.
Въ чемъ небеса откажутъ Прометею,
Заложницы прекрасной ключарю?
Самъ Діонисъ освободить меня
Къ вамъ низойдетъ. Смѣнитъ онъ огненосца
На тронѣ человѣческомъ! Внемлите
Моей мольбѣ: спасите Прометея,
Меня-жъ предайте мужу моему
И палачу! И два владыки грозныхъ,
Два темныхъ принудителя, со мной
Погребены, навѣкъ покинутъ землю.
Толпа.—Тебя одну въ царицы мы хотимъ.
— Тебя одни заложницей имѣемъ.
— Все чрезъ тебя добудемъ отъ боговъ
Мы сами.
— Кратосъ намъ милѣй и Бія,
Опекуны глухонѣмые правдъ,
Чѣмъ слишкомъ дальновидный опекунъ,
На вѣчность отлагающій отчеты.
— И слишкомъ старый, чтобъ свободно съ нимъ
Дышала опрометчивая юность.
— Онъ намъ безсмертье темное сулилъ
И смертными ваялъ насъ, самъ—безсмертный.
Пусть мы умремъ, но пусть и онъ страдаетъ,
Коль умереть не можетъ.
— Намъ услада
Въ цѣпяхъ узрѣть насильника свободъ.

— Своей рукой свяжи его, Пандора!
— Вели повѣсить на крутой стремнинѣ,
Какъ ты висѣла на зубцѣ горы.

Пандора.—Встаютъ, глядите, стражники мои:
Зовутъ меня въ подземную темницу.
Зане исполнить должно имъ законъ,
А вызволить меня вы не судили.

Толпа.—Народную признай закономъ волю:
Тебя одну въ царицы мы хотимъ.

Пандора.—Хотите—всѣ-ль? Въ толпѣ многоголосой,
Чей громче голосъ, говоритъ за всѣхъ.

Толпа.—Опросимъ всѣхъ. Пусть каждый скажетъ волю.
Пандору кто царицей выбираетъ
И вяжетъ Прометея, тотъ стрѣлу
Мѣть въ землю, гдѣ куетъ ковачъ подземный!

Земля покрывается щетиною вонзившихся стрѣлъ.

Пандора (издавая торжествующій крикъ).—А, Прометей! Я отмщена. Моли,
Меня отвергшій, раздѣлить съ тобой
Обрывистое каменное ложе,
Съ него же ты отнынѣ не сойдешь!
Не выпуститъ изъ каменныхъ объятій
Тебя скала, желѣза не отпустятъ!
Пандорой плѣнной будешь ты висѣть
Въ оковахъ адамантовыхъ на брови
Угрюмаго Кавказа. Станетъ коршунъ,
Не горніе орлы тебя клевать.
Придетъ Пандора, станетъ у скалы
И посмѣется надъ тобой, висящимъ,
Истерзаннымъ, вотще зовущимъ смерть.
И Солнце посмѣется надъ тобой,
Точащимъ слезы передъ нимъ, какъ льдина,
Нависшая съ горы, что̀ вѣчно таетъ
И не истаетъ никогда въ объятьяхъ
Сжимающей тѣснѣе женъ зимы...

Толпа въ ужасѣ безмолвствуетъ.

Пандора.—А вы, о юноши, концомъ копья
Со мною обрученные, что молча
Поодаль стали? Жаль вамъ Прометея?
Онъ васъ избралъ: избрали вы—меня,

Концомъ копья со мною обручились!
Что-жъ не послали въ землю вы стрѣлы
Иль копіемъ ея не прободали,—
Дабы надъ вами воцарилась я,
Не волей многихъ, но единогласнымъ,
Соборнымъ нареченіемъ горда?...
Приблизьтесь же, отважные питомцы
И пѣстуны небеснаго огня,
И ваши копья въ грудь земли вонзите!

Семь юношей устремляются къ алтарю и вонзаютъ семь копій въ грудь **Пандоры.** Ея пронзительный крикъ, ударъ грома и мгновенная тьма.

Прометей, съ раскаленнымъ клиномъ желѣза въ клещахъ и молотомъ, возстаетъ подлѣ алтаря. Отъ его удара распадаются оковы; **Кратосъ** и **Бія** налагаютъ на него руки и связываютъ его цѣпями.

Прометей.—Избранники! Къ священному огню
На стражу! Тайный вдовствуетъ огонь.

Семь юношей быстро скрываются въ пещерныхъ устьяхъ.

Пандора (умирая).—Мой Прометей, возлюбленный! Свершилось.
Я умираю—и вольна впервые...
О Прометей, возьми меня! Твоя—
Живая жизнь, что̀ ты во мнѣ затеплилъ.
Моя душа—твоя душа... Возьми же,
Возлюбленный, назадъ живую душу!
Тебя люблю, единаго!... Твоя!...

Ѳемида, показываясь до половины тѣла изъ-подъ земли, беретъ въ свои объятія бездыханное тѣло **Пандоры** и съ нимъ скрывается въ земныя нѣдра.

Подземелье открывается. **Семь юношей-стражниковъ,** съ копьями, стоятъ на-стражѣ вокругъ ярко разгорѣвшагося жертвенника и двухъ литыхъ колоннъ. Въ народѣ плачъ и вопли.

Толпа.—Намъ Прометея!—Онъ—нашъ царь.—Отдайте
Намъ Прометея!—Прометей—нашъ богъ!

Ярость вспыхиваетъ въ народѣ. Луки напрягаются. **Кратосъ** и **Бія** простираютъ въ воздухѣ обнаженные мечи надъ головами мятежниковъ: стрѣлы изъ рукъ ихъ выпадаютъ, въ безсиліи и ужасѣ они опираются, отшатнувшись, одинъ на другого. **Кратосъ** и **Бія** уводятъ скованнаго **Прометея.**

Вячеславъ Ивановъ.

ЖИЗНЬ НАЧИНАЕТСЯ ЗАВТРА.

Романъ Гвидо да Верона.

Съ итальянскаго.

Guido da Verona. „La vita comincia domani". Romanzo. 11-e migliaio. Casa. Editrice *Baldini* et *Castoldi*. Milano, 1913.

I.

На большую лоджію въ нижнемъ этажѣ, выходившую прямо въ цвѣтникъ, вышла Марія Дора, свѣжѣй и радостнѣй весны, неся на серебряномъ подносѣ чашки для утренняго кофе. Черезъ одну руку у нея была перекинута сложенная узкой полосой длинная цвѣтная скатерть; влажными зубками она закусила стебель розы, алой, какъ ея губы.

Было весеннее утро, ясное, веселое, напоенное запахомъ только что расцвѣтшихъ олеандровъ. Стаи ласточекъ рѣяли въ воздухѣ, купались въ прозрачной лазури, ныряя подъ стрѣху, гдѣ были спрятаны ихъ гнѣзда, и до того заполняли своимъ летомъ утренній огнистый воздухъ, что онъ порой казался темнымъ, какъ отъ тучъ.

Марія Дора перенесла на середину лоджіи небольшой плетеный столикъ, разстелила на немъ скатерть и, напѣвая, принялась накрывать на столъ. Отецъ ея, Стефано, въ потертомъ сѣромъ пиджакѣ, въ концѣ аллеи о чемъ-то спорилъ, жестикулируя, съ управителемъ Маттіа.

Отлогая двойная лѣстница о пяти ступеняхъ спускалась съ двухъ сторонъ веранды въ садъ, а вдоль перилъ и остекленнаго балкона шла шпалера вьющихся гераней, начинавшаяся у цоколя стѣны, волной подбросившая кверху необычайное богатство своихъ листьевъ и цвѣтовъ и оттуда спустившая внизъ, до самой земли, словно плащъ изъ роскошнѣйшей парчи, затканной несчетными цвѣтами, то мелкими и легкими, какъ филиграновыя

арабески, колеблемыя малѣйшимъ вѣтеркомъ, то тяжелыми и рыхлыми, отвисавшими книзу въ силу собственной тяжести, какъ искусственные, изъ матеріи сдѣланные цвѣты, или же вырѣзанные ножницами изъ пышнаго, дивной красоты бархата.

Эта огромная шпалера гераній была любовью и гордостью папа Стефано, окружавшаго ее нѣжнѣйшими заботами.

Отъ проѣзжей дороги передъ домомъ дорожка, усыпанная гравіемъ, шла, не прячась въ ней, черезъ бамбуковую рощицу, разсыпалась извилистыми тропинками по саду, потомъ, вырвавшись изъ темной купы деревьевъ, огибала виноградникъ и спускалась прямо къ рѣшеткѣ, отдѣлявшей садъ отъ проселочной дороги.

Ловкія ручки дѣвушки быстро оправляли скатерть и ставили на мѣста чашки; она только что встала и отъ нея такъ славно пахло лавандовой водой и пудрой; золотистые волосы, только что причесанные, какъ-то особенно блестѣли; на ней была бѣлая блузка, короткая юбка и поверхъ нея кружевной фартучекъ.

Сидя въ уголкѣ лоджіи, братъ ея, дурачокъ Маркуччіо, съ какою-то неистовою торопливостью, быстро-быстро писалъ карандашомъ въ тетради, которую онъ держалъ на высоко приподнятыхъ колѣняхъ, согнувшись надъ нею въ три погибели, въ позѣ страшной усталости. Рукой подать отъ него, на соломенномъ стулѣ лежала его скрипка, старая, облѣзлая, и тутъ же, рядомъ, большіе клубки шерсти и вязальныя спицы—писаніемъ, игрой на скрипкѣ и вязаніемъ чулокъ бѣдняга заполнялъ однообразіе своихъ нескончаемыхъ досуговъ.

— У... Маркуччіо, какъ ты стараешься! — взглянувъ на него, сказала Марія Дора; но капризный дурачокъ только пожалъ плечами, не отвѣтивъ.

Въ саду папа Стефано ворчливо отчитывалъ управителя, но на самомъ дѣлѣ вовсе не казался разсерженнымъ; просто онъ считалъ долгомъ говорить съ подчиненными этимъ тономъ. Управитель слушалъ почтительно, но въ то же время съ какимъ-то насмѣшливымъ упорствомъ, свойственнымъ крестьянамъ.

— Словомъ, я вамъ говорю, Маттіа, что если Джіанноццо сломалъ плугъ, пусть самъ себѣ и покупаетъ новый. Въ арендномъ контрактѣ ясно сказано: всякія поломки и починки за счетъ нанимателя... Я знать ничего не знаю. Мнѣ какое дѣло?... Не надо было подписывать контракта.

— А мужикъ говоритъ, что онъ не можетъ... у него куча расходовъ, огромная семья...

— Вретъ онъ все! Какіе у него расходы? А что касается семьи, пусть подтянется немного, отучитъ себя отъ того, чтобъ каждый

годъ фабриковать младенцевъ, тогда и дѣла у него пойдутъ лучше.

Марія Дора, слушавшая разговоръ съ веранды, звонко разсмѣялась. Стефано обернулся къ ней.

— Что съ тобою, мотылечекъ мой?

Дѣвушка захлопала въ ладоши, словно подтрунивая надъ отцомъ, и убѣжала.

— Словомъ, это не мое дѣло,—заключилъ Стефано.—И ничего я не желаю знать. Такъ и передайте отъ меня Джіанноццо.

— Хорошо, синьоръ Стефано, я скажу ему... только...

— Что: только? Что еще?

— Да то, что Джіанноццо говоритъ, что, молъ, ежели вы откажете, онъ тогда пойдетъ просить вашего зятя, синьора Джіорджіо... обратится непосредственно къ нему.

— Ахъ, вотъ какъ! — перебилъ Стефано, мгновенно побагровѣвъ отъ гнѣва,—что значитъ это: „непосредственно"?

Взволновавшись, онъ толкнулъ ногою лейку, стоявшую возлѣ него, и опрокинулъ ее; затѣмъ возвысилъ голосъ:

— Здѣсь *я* распоряжаюсь! Да будетъ это извѣстно Джіанноццо и вамъ тоже. Здѣсь приказываю *я*.

— Хорошо. Какъ прикажете, синьоръ Стефано,—смиренно отозвался управитель.

— И потомъ, развѣ вы не знаете, что зять мой боленъ? Что самъ онъ не занимается дѣлами. Словомъ, довольно болтать. Ступайте къ Джіанноццо и скажите ему, что, если только онъ у меня пикнетъ, я заберу всѣ его лохмотья, миски, горшки, ребятишекъ и вышвырну все это вонъ. Контрактъ?... плевать мнѣ на контрактъ! Пусть судится; посмотримъ, кто останется правъ.

— Слушаю, синьоръ Стефано; такъ и передамъ, — съ почтительнымъ коварствомъ отвѣтилъ управитель, дѣлая видъ, что собирается уйти.

— Передадите? Что передадите?... Послушайте! Да вы куда же это?

— Къ Джіанноццо.

Стефано всплеснулъ руками.

— Ей-Богу, вы сегодня утромъ, должно быть, выпили стаканчикъ лишній. Я такъ себѣ, говорю самъ съ собою, раздумываю вслухъ про себя, а вы сейчасъ и доносить... Проклятый болтунъ! Хорошій человѣкъ, но ужасный сплетникъ.

Онъ умолкъ, поднялъ лейку и принялся раскачивать ее, такъ что вода капала изъ носика.

— Послушайте... ступайте вы на мызу и скажите Джіанноццо,

что если плугъ у него сломанъ... мы это какъ-нибудь устроимъ. Я ничего не обѣщаю, но, такъ или иначе, мы это устроимъ.

— Тѣмъ лучше,—сказалъ управитель и пошелъ, скрипя по гравію гвоздями подкованными подошвами.

Стефано нагнулся надъ бассейномъ, наполнилъ лейку и, вернувшись къ геранямъ, принялся тщательно поливать ихъ, обрывая увядшіе цвѣты, напѣвая и ворча себѣ подъ носъ:

— У la... la... Какъ сегодня всѣ заспались у насъ! Въ этомъ домѣ всѣ спятъ, какъ сурки... la... la... какъ сурки... у la... la... А Джіорджіо... ему все хуже... Дай Богъ, чтобъ я ошибался, но я вижу, что дѣло идетъ къ концу... у la... la...

На крыльцо вышла Марія Дора.

— Что съ тобою, папочка? Чего ты такъ кричишь?

— А! это ты, шалунья!—Онъ указалъ ей на часы.—Ты знаешь, который часъ?

— Скоро восемь, папа.

— Вотъ именно.—Онъ передразнилъ ее:—„скоро восемь, папа“. Восемь безъ пяти минутъ, сударыня, а еще никто не готовъ.

Онъ поставилъ лейку на нижнюю ступеньку и, погрозивъ дочери пальцемъ, сталъ подниматься на крыльцо.

— Мы съ каждымъ днемъ встаемъ все позже, а? Усваиваемъ всѣ пороки, какъ только выйдемъ изъ монастыря?

Марія Дора подошла къ нему, гримасничая, какъ маленькая дѣвочка, которая будто бы боится, а на самомъ дѣлѣ нисколько не боится нахмуренныхъ бровей отца.

— Отлично... Дайте-ка взглянуть: кружевной передничекъ... кудряшки... пудра... Держу пари, что ты еще и пудришься!

Марія Дора подставила ему щеку, но держась поодаль, чтобы не дать ему поцѣловать себя.

— Да нѣтъ же, папа... Смотри: это природное...

Онъ опять погрозилъ ей пальцемъ:

— Смотри ты у меня: поймаю—задамъ... Пудра, это—мукà, которую мелетъ самъ дьяволъ. И вдобавокъ мы еще стали любопытны. Всюду суемъ свой носикъ. Намъ надо непремѣнно знать, за что отецъ накричалъ на Маттіа... Еще немного, и ты будешь всѣми командовать въ домѣ.

— О, я знаю, за что ты сердился на него. За плугъ Джіанноццо. Я видѣла его: онъ весь испорченъ. Купи ему другой плугъ, папочка, бѣдному Джіанноццо.

— Есть у тебя твои книги и твое вышиванье, такъ и сиди надъ ними. Это не твое дѣло. Поди лучше позови Новеллу и посмотри, встала ли мама.

— Мама въ кухнѣ, варитъ кофе, а то эта глупая Берта опять прольетъ его. Новелла давно встала, уже ванну взяла, а вотъ кто-то другой, навѣрное, проспалъ бы завтракъ, если-бъ я не разбудила его.

Она граціозно приподняла пальчиками концы передника и сдѣлала книксенъ.

— Это Андреа, профессоръ Андреа... синьоръ Андреа. Знаменитость.

— А! Ты разбудила его?

— Да. По крайней мѣрѣ, я такъ думаю: я разъ пять - шесть прошлась по коридору передъ его дверью, распѣвая во все горло... А потомъ еще постучалась... а потомъ просунула голову въ дверь...— прибавила она, дѣлая видъ, что сконфузилась.

— Ахъ, баловница! Ахъ, безстыдница! — восклицалъ отецъ, пряча подъ грознымъ тономъ улыбку. — Вотъ баловница! Вотъ безстыдница! Съ какихъ это ты поръ заглядываешь по утрамъ въ комнаты молодыхъ людей?

— Ну... молодыхъ!—протянула она сострадательно.—Ему ужъ сорокъ лѣтъ.

— Тридцать шесть или тридцать семь, сударыня моя, не болѣе.

— Ну, все равно... И притомъ онъ некрасивый... правда, папочка, онъ некрасивый? — повторила Марія Дора, съ такимъ видомъ, какъ будто сама она не была въ этомъ увѣрена. Потомъ, кокетливо заглянувъ въ лицо отцу, вкрадчиво спросила:—А правда, папочка, что ты и мама прочите мнѣ его въ мужья?

Отецъ вдругъ испуганно обернулся и прикрикнулъ:

— Молчи! О такихъ вещахъ не говорятъ.

Сидя въ уголкѣ лоджіи дурачокъ Маркуччіо все время писалъ, писалъ.

— Никогда не говори такихъ глупостей. Что, если Андреа самъ тебя услышитъ? Нѣтъ, это неправда, синьорина, совсѣмъ не правда... Кому же это въ голову придетъ, чтобы такой человѣкъ, какъ Андреа, серьезный человѣкъ, ученый, съ большимъ именемъ, захотѣлъ жениться на такомъ сорванцѣ, какъ ты? Не смѣй болтать такого вздора—вдругъ кто-нибудь тебя услышитъ...

Марія Дора тихонько разглаживала пальцами передничекъ, изящный кружевной передничекъ, который былъ ей такъ къ лицу.

— А я, чтобъ убѣдиться, уже сама ему сказала: „А знаете, синьоръ Андреа, наши хотятъ, чтобъ вы женились на мнѣ... Я вамъ нравлюсь?“

— Нѣтъ, вы послушайте ее! — ужаснулся отецъ. — Ну, и что же онъ?

— Засмѣялся... а глаза сдѣлалъ такіе большіе, страшные, какъ у кошки ночью... я боюсь ихъ.

— Засмѣялся? Такъ тебѣ и надо.

— Засмѣялся, но не сказалъ ни да, ни нѣтъ... А, впрочемъ, кто его пойметъ, этого человѣка! Когда онъ смотритъ на меня, мнѣ хочется убѣжать, и не могу. Вотъ и Маттіа тоже говоритъ, что онъ магнетизируетъ глазами.

— Маттіа твой болванъ.

— А по-моему болванъ этотъ вашъ великій ученый. Лѣчитъ онъ, лѣчитъ Джіорджіо, а ему только все хуже становится. Новелла нынче опять цѣлую ночь не ложилась... бѣдная Новелла!

— Это правда, дѣтка. А ты помнишь, какой онъ былъ молодецъ, Джіорджіо, когда женился на твоей сестрѣ?

— Онъ всегда кашлялъ, папочка; это я помню.

— Ну, будетъ!—со вздохомъ перебилъ отецъ.—Если такова Божья воля...

И повернулся къ дурачку:

— А ты, Маркуччіо, что дѣлаешь?

— Мой братецъ очень занятъ, папочка. Ты не мѣшай ему.

— Язва!—прикрикнулъ на нее отецъ, жестомъ какъ бы отгоняя ее.

— Теперь Маркуччіо выдумалъ новую штуку, — продолжала Марія Дора.—Каждый разъ, какъ онъ увидитъ Новеллу, начинаетъ смѣяться и поетъ: „Ты помнишь, ты помнишь, сестрица, какъ пышно цвѣли маргаритки?“ Что онъ этимъ хочетъ сказать, Богъ его знаетъ.

Папа Стефано печально покачалъ головой, съ жалостью глядя на юродиваго.

Юноша въ цвѣтѣ силъ, на рѣдкость даровитый, почти геніальный, съ головой ушедшій въ науку, страстный поклонникъ литературы, музыкантъ-виртуозъ, однажды утромъ слегъ въ постель съ жестокимъ менингитомъ, который чуть не свелъ его въ могилу. Какимъ-то чудомъ онъ поправился, но отъ прежняго ума остался только слабый проблескъ въ потемкахъ идіотизма.

Цѣлыми днями онъ одиноко бродилъ изъ комнаты въ комнату отцовскаго дома, всегда озабоченный и тревожный, какъ будто удрученный множествомъ дѣлъ, боясь потратить лишнюю минуту. Высокій ростомъ, немного кривоногій, онъ съ видимымъ трудомъ носилъ на покатыхъ плечахъ огромный круглый черепъ, покрытый какимъ-то рыжеватымъ пушкомъ, мѣстами густымъ, кой-гдѣ рѣдкимъ, съ большой блестящей лысиной на макушкѣ. Лицо у него было дряблое, землистое, безъ признаковъ растительности,

съ круглыми глазами безъ бровей, нѣсколько припухшими, и широкимъ, съ мясистыми губами ртомъ, поминутно смѣявшимся невеселымъ смѣхомъ, который рѣзалъ уши, какъ фальшивая нота.

Безуміе не убило въ немъ жажды славы, толкающей на великія дѣла здоровые умы, и онъ, охваченный маніей величія, воображалъ себя знаменитостью.

Философъ, мыслитель, поэтъ, онъ часами писалъ, не отрываясь, покрывая большіе листы бумаги всевозможными бреднями; и въ потемкахъ разума въ немъ сохранилось стремленіе создать шедевръ. Когда же мозгъ его уставалъ отъ этой напряженной работы, онъ вытаскивалъ изъ кармана клубокъ шерсти и спицы и съ усердіемъ монашенки принимался вязать, спуская и набирая петли, безконечно длинныя, неровныя полосы, словно разсказывая исторію своей жизни, длинную, мучительную и ненужную, безъ начала и конца, для такихъ же юродивыхъ, какъ онъ самъ.

Порой, въ свѣтлые проблески, когда пламя поэзіи зажигалось въ его бѣдномъ помутившемся умѣ, когда въ его прозябающемъ тѣлѣ сильнѣе начинали биться пульсы жизни, когда онъ видѣлъ передъ собою что-нибудь необычное, радовавшее или заставлявшее страдать другихъ, въ недоумѣломъ сердцѣ его и въ пустомъ мозгу воскресало воспоминаніе о забытой музыкѣ, какъ будто единственное, что еще могло привести его въ общеніе съ бѣгущими часами и съ загадкой душъ другихъ людей, были звуки—вибрація струнъ, пѣвучія, чистыя ноты, которыя извлекалъ его смычокъ—декламація подъ музыку, внезапно прерываемая идіотскимъ смѣхомъ.

Въ такія минуты онъ хваталъ скрипку и, весь скорчившись надъ ней, затягивалъ пѣсню... единственную, какая у него осталась въ памяти отъ прежнихъ дней—единственную мелодію, пережившую смерть его души.

Пѣсня была въ четыре строфы и гласила, приблизительно, слѣдующее:

Иду я за гробомъ бѣдняги, убитаго мрачной тоской;
Никто мою бѣдную душу не напутствуетъ въ вѣчный покой;
Никто своими руками не сплететъ на могилу вѣнка...
Увы... но „вчера“ лишь и „завтра“ мѣднымъ звономъ твердятъ вѣка.

И вотъ, я спросилъ у скелета: Ты мнѣ можешь сказать: куда же?
Смѣясь, мнѣ скелетъ мой отвѣтилъ: далеко, далеко, кто скажетъ?

Я—странникъ, не зная покоя, идущій въ царство умершихъ; несу мой скелетъ за спиною;

Онъ горло сдавилъ мнѣ руками; ногами въ колѣни мнѣ бьется...
„Иди!“ говоритъ мнѣ со смѣхомъ: иди... жизнь завтра начнется...

Иду я за гробомъ бѣдняги, въ могилу свели его нервы.
Никто обо мнѣ не заплачетъ, и самъ не заплачу я первый...

И вотъ, я спросилъ у скелета: ты можешь сказать мнѣ: куда?...
Отвѣтилъ: въ царство живущихъ, а имя ему—Суета...

Рѣка я. Теку безъ истока, затѣмъ лишь, чтобъ въ морѣ исчезнуть,
Безцѣльности въ морѣ широкомъ...

Бѣги,—говоритъ,—и поспѣешь къ закату, иль завтра къ восходу.
Умершую,—мнѣ говоритъ онъ,—любилъ ты. Не сдерживай ходу...

Ты былъ съ ней на праздникѣ, съ нею,—сказалъ онъ,—что тамъ танцовала,
Какъ вѣтеръ, легко шелестящій, легка, вся одѣтая въ бѣломъ.
Зачѣмъ—коль побоевъ не хочешь—въ томъ мірѣ ты свелъ насъ средь бала?...

Иду я за гробомъ... бѣднягу презрѣніе къ людямъ сгубило...

Ты былъ съ ней въ душистой постели; могучею скована силой,
Дрожа, она въ робкомъ смущеньи въ примятое пряталась ложе...
Зачѣмъ — коль не хочешь побоевъ—ты далъ мнѣ отвѣдать той дрожи?

Я—странникъ, не знающій цѣли, идущій изъ царства умершихъ
Навстрѣчу далекимъ потомкамъ, чьи души уже отлетѣли...
Скелетъ понукаетъ, смѣется:
Иди. Жизнь завтра начнется.
Завтра, да, завтра. Иди! [1])

Вотъ о чемъ пѣла, или казалось, что пѣла, рыдая, старая скрипка юродиваго.

— А ты, Маркуччіо, что дѣлаешь?—спросилъ отецъ, долго стоявшій и смотрѣвшій на сына.

Маркуччіо сердито поднялъ голову отъ тетради и удивленно засмѣялся:

— А... а... съ добрымъ утромъ, папаша; чего тебѣ отъ меня надо?

---

[1]) Переводъ Адоэль.

Онъ говорилъ тусклымъ голосомъ и медленно, какъ будто съ трудомъ находя нужныя слова; все время однимъ и тѣмъ же тономъ, соединяя слоги, но не мѣняя интонацій и все время глядя пристально въ одну точку.

— Что тебѣ нужно отъ меня? Въ этомъ домѣ никогда нельзя имѣть покоя. Мнѣ безпрестанно мѣшаютъ, а мнѣ вѣдь нельзя терять времени. Профессоръ Андреа Ференто проситъ у меня мои рукописи, чтобъ отдать напечатать ихъ въ городѣ.

Отецъ дружески потрепалъ его по плечу.

— Молодецъ, Маркуччіо; поди посиди немного на солнышкѣ.

— Говорю же тебѣ, мнѣ некогда, надо кончить главу.

— Такъ сядь, по крайней мѣрѣ, поближе къ окну. Утромъ такъ славно дышится. А ты,—обратился онъ къ Маріи Дорѣ,— помоги ему, глупенькая, перенести его стулъ поближе къ окну.

Но не успѣла дѣвушка дотронуться до скрипки, какъ юродивый вскочилъ, сердито крикнувъ:

— Не тронь! Я самъ.

— Ахъ, батюшки, какъ страшно!—засмѣялась дѣвушка и, словно обжегшись, спрятала пальцы подъ передникъ.

Потомъ, чтобы позабавиться, спросила брата:

— Маркуччіо, какъ тебя звать-то?

Съ минуту онъ смотрѣлъ на нее, вихляясь всѣмъ тѣломъ.

— Меня?... Меня зовутъ профессоръ Маркуччіо... Маркуччіо Ланди... э... э... профессоръ университета.

— Браво, Маркуччіо! Ну, садись, работай. Да брось ты свой чулокъ!... Если ты профессоръ, зачѣмъ же ты вяжешь чулки?

— Зачѣмъ?... зачѣмъ?... когда я думаю... ну да! когда мнѣ нужно что-нибудь обдумать, я вяжу чулокъ... э... э... у всѣхъ великихъ людей были свои странности.

— Марія Дора, оставь ты его... не приставай къ нему,—опечаленнымъ голосомъ бросилъ ей отецъ.

Въ сосѣдней залѣ послышались еще быстрые шаги мамы Франчески. Она вышла на веранду, прикрывая рукой глаза отъ солнца, и поздоровалась со всѣми:

— Добрый день.

— Добрый день, мамусенька!—Марія Дора подбѣжала къ ней и бросилась ей на шею.—Добрый день.

— Поди-ка ты, плутовка, принеси мнѣ трубку,—приказалъ отецъ.

Дѣвушка убѣжала, звонко смѣясь и подпрыгивая.

— Вотъ юла! секунды не постоитъ на мѣстѣ,—вскричалъ Стефано.

— И слава Богу. Она хоть немного веселья вноситъ въ домъ... На что былъ бы онъ похожъ теперь, если бы не ея пѣсни?

— А Джіорджіо, какъ онъ себя чувствуетъ?

— Сегодня плохо.

— Всталъ?

— Да, говоритъ, что встанетъ, но всетаки ему нехорошо.

Стефано, хмуря брови, подошелъ къ женѣ и вполголоса, серьезно, началъ:

— Слушай, Франческа... я тебѣ предложу странный вопросъ, но ты отвѣть мнѣ искренно: ты въ послѣднее время ничего не замѣчаешь?

— Ты это про кого? Про Джіорджіо?

— Нѣтъ, про Новеллу.

Мама Франческа, видимо, испугалась этого вопроса и склонивъ до̀лу блѣдное, какъ слоновая кость, лицо подъ короной гладко причесанныхъ сѣдыхъ волосъ, чуть слышно прошептала:

— Что ты хочешь сказать этимъ?

— Ты ничего не замѣчаешь въ послѣднее время... въ ней самой, въ ея привычкахъ, настроеніи? Никакой перемѣны? Ну, напримѣръ, что она стала скрытная, угрюмая?... Ничего?

— Ахъ, вотъ ты о чемъ... Ну, разумѣется, она озабочена здоровьемъ мужа.

— Ахъ, да нѣтъ же!... Т.-е. озабочена-то она озабочена... разумѣется, и мужемъ также, но не только имъ...

— То-есть?...—робко переспросила мама.

— Вспомни хорошенько, Франческа... особенно, когда пріѣзжаетъ Андреа—въ тѣ дни, когда онъ гоститъ у насъ...

— Стефано! Ради Господа...

— Ты не пугайся. Я вѣдь только спросилъ: я могу и ошибаться... Мы, старики, многое видимъ, чего не видятъ другіе; вотъ я и хотѣлъ тебя спросить, не замѣтила ли и ты чего-нибудь.

— Да, конечно... Иной разъ...

— Тсс... Дора идетъ.

— Вотъ тебѣ твоя трубка,—воскликнула, вбѣгая, дѣвушка,—твоя драгоцѣнная трубка. Закоптѣлая, вонючая... брр... какая гадость!... А теперь я бѣгу мыть руки.

И она снова убѣжала, легкая, какъ мотылекъ, живая, какъ струя фонтана. А вмѣсто нея появилась на лоджіи ея сестра, совсѣмъ на нее не похожая, вся залитая солнечнымъ свѣтомъ, окутавшимъ ее, словно пышнымъ плащомъ. Она остановилась на порогѣ, прижала обѣ руки къ груди и воскликнула:

— Какая ночь... Боже мой! какая ночь...

Красота ея была тревожная, волнующая, настолько, что, когда вы смотрѣли на нее, или когда она проходила мимо васъ, вы невольно представляли ее себѣ обнаженной. Она была не только красива, но вся повита сладострастіемъ, какъ цвѣтокъ цвѣточной пылью; она разливала вокругъ себя атмосферу, густо насыщенную чувственностью, пропитанная сознаніемъ собственной красоты, какъ дрожью наслажденія, медленно разливающейся по жиламъ.

Тѣло ея было создано для любовныхъ утѣхъ, каждое движеніе какъ бы немного обнажало ее; каждый легкій жестъ казался начатою лаской; въ глазахъ ея былъ тотъ необъяснимый блескъ, который рождается отъ наслажденія, въ нѣжномъ голосѣ гортанные, воркующіе переливы, словно глубокій вздохъ сладострастія.

Пышные волосы рыжевато-каштановаго цвѣта и темнили, и озаряли какъ бы сіяніемъ ея лобъ, свернутые сзади въ огромный безыскусственный узелъ, оттягивающій ея голову назадъ усталымъ движеніемъ на нѣжныя покатыя плечи. Въ этихъ волосахъ былъ и темный огонь, и пронизанная свѣтомъ тѣнь, какой-то двойной блескъ, какъ на виноградныхъ листьяхъ, покрытыхъ утренней росой, когда они осенью блестятъ на солнцѣ.

— Какая ужасная ночь!—снова повторила она. — Джіорджіо было очень худо; до четырехъ часовъ онъ глазъ не смыкалъ... потомъ все бредилъ во снѣ... Не зная, что дѣлать, я позвала Андреа... Мама моя, какая ночь!...

Она была одѣта изящно, даже черезчуръ изысканно для деревенской простоты.

— Дочь моя,—сказала мать,—ты слишкомъ утомляешься; ты кончишь тѣмъ, что сама заболѣешь. Давай лучше пригласимъ сидѣлку.

— Нѣтъ, Джіорджіо не хочетъ; онъ никого не хочетъ видѣть возлѣ себя, кромѣ меня; а потомъ приходитъ въ отчаяніе, когда видитъ меня усталой. Говоритъ, что я должна жить, потому что я еще молода, а ему остается только умереть... О! чего только онъ ни говоритъ ночью, когда мы одни!...—Она остановилась и почти набожно сложила руки на груди, бурно вздымавшейся.— Теперь онъ всталъ,—добавила она, понизивъ голосъ:—скоро придетъ сюда; пожалуйста, вы ничего не говорите ему: онъ не любитъ, чтобы знали, когда ему худо.

Она подошла къ окну и высунулась въ него, любуясь яснымъ утромъ, садомъ, всѣмъ, что свободно грѣлось и нѣжилось на солнцѣ; и вся потянулась впередъ, восклицая:

— Какъ чудесно свѣтитъ солнце! Какая дивная весна! Ты не идешь сегодня на охоту, папочка?

— Я поджидаю Мауриціо; сегодня онъ что-то запоздалъ.

Она повернулась къ брату:

— А ты, Маркуччіо, все трудишься?

— Конечно. Я пишу. Я вѣдь не лежебока, не бездѣльникъ, какъ всѣ вы. Я цѣлыми днями пишу и тружусь, какъ профессоръ Андреа Ференто.

— Браво, Маркуччіо, — кротко сказала Новелла. — Въ такомъ случаѣ я не стану мѣшать тебѣ.

Юродивый снова нагнулся надъ листомъ бумаги, но вдругъ повернулъ голову къ сестрѣ и разсмѣялся идіотскимъ смѣхомъ.

— Сестричка...

— Что тебѣ?

— Ты помнишь?

— Что?

Въ его голосѣ появились лукавыя, вкрадчивыя нотки:

— Сестричка, ты помнишь... какъ были красивы, ахъ! какъ красивы... маргаритки?

Новелла, слегка вздрогнувъ, быстро посмотрѣла на безмолвныхъ отца и мать; юродивый все хохоталъ.

— Не знаю, что ты хочешь сказать этими твоими маргаритками,—отвѣтила она немного рѣзко, снова поворачиваясь къ окну, и тотчасъ же воскликнула:

— Вотъ онъ, Мауриціо!

— Маргаритки... маргаритки... — нараспѣвъ повторялъ юродивый.

Мауриціо притворилъ за собой калитку и шелъ къ дому, въ охотничьей курткѣ, съ ружьемъ и ягдташемъ, сдерживая обѣими руками на привязи собакъ. Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ подъ тридцать, высокій, грубоватый, не очень уклюжій, съ обвѣтреннымъ, загорѣлымъ лицомъ, веселый отъ сознанія своей силы. Дойдя до крыльца, онъ снялъ фетровую шляпу.

— Съ добрымъ утромъ всѣхъ васъ. Если найдется лишняя чашечка кофе, я съ удовольствіемъ выпью.

— Для васъ—всегда,—отвѣтила мама Франческа;—только собакъ не водите сюда, Маркуччіо не любитъ ихъ.

— Собаки!... собаки!... гдѣ собаки?...—испуганно закричалъ Маркуччіо, наскоро собирая свои тетради и клубки.—Долой собакъ!—кричалъ онъ, топая ногами.—Не хочу собакъ. Онѣ вонючія, кусючія... Вонъ, вонъ онѣ!... Долой собакъ! Воняютъ, кусаются... Не хочу!—жалобно вскрикивалъ онъ, убѣгая въ залу.—Прогоните собакъ!

Мауриціо увелъ лаявшихъ собакъ и привязалъ ихъ позади дома къ желѣзной рѣшеткѣ.

— Ну вотъ, и прогнали,—сказала мама Франческа.—Поди сюда, Маркуччіо; успокойся; собакъ прогнали. Иди сюда.

Дурачокъ боязливо вышелъ на порогъ, озираясь кругомъ и жалобно ворча:

— Невозможно работать... Еще и собаки... Онѣ, какъ гіены... ищутъ трупа... собаки... Прочь собакъ!

Онъ долго еще размахивалъ руками и дрыгалъ ногами, словно отбиваясь отъ нападавшихъ на него собакъ; потомъ понемногу успокоился и, пятясь задомъ, добрался опять до своего угла.

— Смотрите, Мауриціо, будьте осторожны...—предупредила мама Франческа, видя, что гость ставитъ въ уголъ ружье.

— Успокойтесь, оно не заряжено: всѣ мои патроны вотъ здѣсь.—Онъ похлопалъ рукой по широкому поясу.—А какъ здоровье Джіорджіо?

— Все такъ же, если не хуже,—отвѣтилъ Стефано.

— Грустно!—Молодой человѣкъ задумчиво помоталъ головой.—Очень грустно!—Потомъ оживился и продолжалъ уже веселѣе:—А я сегодня съ пяти часовъ брожу и ни черта не убилъ. Стрѣлялъ по зайцу, а собаки, подлыя, выпустили его.

— Тѣмъ лучше: это вы для меня его оставили.

Ворвалась вихремъ Марія Дора.

— А! Индѣецъ!

Она звала его индѣйцемъ за смуглый цвѣтъ лица и за разбойничій видъ, который придавали ему высокіе сапоги, патронташъ и суконная куртка.

— Къ вашимъ услугамъ, синьорина,—пробормоталъ молодой человѣкъ нѣсколько смущенно.

— Берта говоритъ, что кофе ужъ вскипѣло, а Джіорджіо и Андреа все еще не идутъ,—объявила дѣвушка, сдѣлавъ гримаску долговязому и загорѣлому, какъ горецъ, юношѣ, стоявшему передъ нею въ почтительной позѣ.

— И напрасно вы меня ждали,—сказалъ Джіорджіо, выходя на лоджію немного шаткой поступью, кутаясь въ мягкій пледъ, наброшенный ему на плечи.—А всетаки вы велите подавать кофе, моя прелестная свояченица; я опоздалъ и прошу извиненія.

— Какія тутъ извиненія? Развѣ можно извиняться за то, что человѣкъ проспалъ?—весело вскричалъ Стефано.—Зато настроеніе хорошее и цвѣтъ лица прекрасный, а это главное.

Добрый старикъ благочестиво лгалъ, чтобы немножко подбодрить больного. Джіорджіо отвѣтилъ какимъ-то неопредѣлен-

нымъ жестомъ и опустился въ кресло, обложенное подушками, заботливо пододвинутое ему Новеллой. Не подавая вида, всѣ съ любопытствомъ вглядывались въ больного; онъ это чувствовалъ и болѣзненно морщился отъ чувства неловкости, почти стыда. Лицо у него было изможденное, но свѣтлое, почти розовое отъ постоянной лихорадки. Рѣдкая бѣлокурая бородка обрамляла подбородокъ; кроткіе глаза смотрѣли какъ-то растерянно; въ роскошныхъ волосахъ влажная щетка оставила блестящій слѣдъ. Воротничокъ былъ слишкомъ широкъ для слабой, тонкой шеи, на которой жилы вздувались, какъ веревки, сине-багровыя, какъ у апоплектиковъ, отъ постоянныхъ усилій сдержать кашель.

— Принести тебѣ еще пледъ?—заботливо спросила Франческа.

— Благодарствуйте: я достаточно укрытъ; мнѣ не холодно, спасибо.

Ему досаждало, что всѣ о немъ заботятся, хлопочутъ объ его здоровьѣ, и онъ всячески старался перевести разговоръ на другую тему.

— Вотъ и послѣдній!—воскликнулъ онъ, увидавъ входившаго Ференто.—Будемъ надѣяться, что Берта не опрокинетъ кофейника... Она—такая дура, эта Берта.

Онъ засмѣялся, но такимъ дѣланнымъ смѣхомъ, что его больно было слышать. Андреа потрепалъ его рукою по плечу.

— Ну, какъ ты себя чувствуешь?

— Хорошо, почти хорошо.

— Весна,—сказалъ Андреа, чтобы подбодрить его.—Молодость возвращается.

— Поэтъ! — съ ироническимъ вздохомъ воскликнула Марія Дора.

— Съ вашего позволенія, синьорина...—засмѣялся онъ.

У Андреа Ференто внѣшность была такая, что съ перваго же взгляда онъ внушалъ любопытство и невольную робость. Онъ былъ высокаго роста, статный, немного чопорный, чрезвычайно пропорціонально сложенный; рѣзко очерченный подбородокъ, строгая складка губъ, коротко подстриженные усы, всѣ линіи лица четкія и строгія, взглядъ такой жгучій, что его трудно было выдержать, высокій лобъ, красивый, царственный — такіе лбы бываютъ у бунтовщиковъ и властелиновъ,—словно отодвигавшій назадъ пышную гриву волосъ, въ которыхъ, на вискахъ и на макушкѣ, уже серебрилась сѣдина. Костюмъ простой, но элегантный; въ каждомъ жестѣ какой-то отпечатокъ благородства. Съ перваго взгляда чувствовалось, что этотъ человѣкъ созданъ властвовать, повелѣвать; въ каждомъ жестѣ, въ каждомъ движеніи сильнаго

мужественнаго тѣла сквозила непреклонная, стальная воля. Какъ разъ посрединѣ между бровями лобъ прорѣзывала прямая, глубокая морщина.

Завидя его, Маркуччіо тотчасъ всталъ и пошелъ ему навстрѣчу.

— Я васъ ждалъ, профессоръ,—началъ онъ повышеннымъ и горделивымъ тономъ.—Я дошелъ до конца девятой главы; я открылъ теорію равновѣсія между людьми и растеніями, между камнемъ и человѣкомъ. Хочешь, прочту?

— Не теперь, Маркуччіо,—любезно отвѣтилъ тотъ.—Ты мнѣ потомъ прочтешь.

Тѣмъ временемъ явилась Берта, неся на подносѣ кипящій кофейникъ, разливавшій вокругъ облака ароматнаго пара. Какъ только Маркуччіо завидѣлъ дюжую, дородную служанку, онъ устремился къ ней и началъ приставать къ ней и дразнить ее, все время идіотски хохоча,—онъ былъ влюбленъ въ нее, весь горѣлъ въ огнѣ запоздалой возмужалости. Весною кровь быстрѣе бѣжала въ его жилахъ, будила молодость, желанія, и пышныя формы этой двадцатилѣтней крестьянки, какъ лѣсное зелье, зажигали въ немъ чувственную страсть. Днемъ онъ ловилъ ее по всѣмъ угламъ; ночью простаивалъ часами за дверьми ея каморки, подглядывая въ скважину и стучась, въ надеждѣ, что она отворитъ; ей сочинялъ длинные и безсвязные любовные стихи. А дѣвушка порой нарочно разжигала его, для забавы, порою же пугалась его, какъ сатира, который вотъ-вотъ схватитъ ее и утащитъ въ лѣсъ.

Юродивый топтался передъ нею, переступая съ ноги на ногу, напѣвая сложенную имъ пѣсенку, смыслъ которой былъ довольно неясенъ:

Quando la Berta va nel villagio,
Non ha il coraggio
Di guardare in faccia
Nè Pippo dritto, nè Pippo storto,
Nè il macellaio, nè il beccamorto [1])

Марія Дора, разливая кофе, повторила вмѣстѣ съ братомъ:

Nè Pippo dritto, nè Pippo storto,
Nè il macellaio, nè il beccamorto.

Потомъ сказала Маркуччіо:

[1]) Когда Берта идетъ на село, у нея нехватаетъ духу посмотрѣть въ лицо — ни Пиппо прямому, ни Пиппо кривому, ни мяснику, ни гробовщику.

— Вотъ она и убѣжала. Не хочетъ Берта знать тебя. Не нравишься ты ей.

— Сестра!... Не говори о томъ, чего не знаешь. Налей мнѣ кофе.

Марія Дора налила ему вторую чашку; онъ съ жадностью самъ отрѣзалъ себѣ огромный кусокъ пирога.

— Марія Дора,—говорилъ Джіорджіо, въ то время какъ она, переходя отъ одного къ другому, разливала кофе,—вы сегодня все утро распѣвали—я слышалъ—у васъ чудесный голосъ.

— Еще бы! И я буду пѣвицей. Потому что *я*,—подчеркнула она, глядя на Андреа,—не рождена для брака... нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ... Вотъ вамъ ваше кофе, синьоръ Андреа. И, когда я буду пѣвицей, у меня будетъ шлейфъ сзади въ два аршина, вотъ такой!...

Она жестомъ показала—какой длины.

— Ты кофе-то смотри не пролей,—перебила ее мать.

— ...и роскошный парикъ, цвѣта пакли, а губы накрашены, лицо расписано, вырѣзъ вотъ досюда... И вы, синьоръ Андреа, пришлете мнѣ въ мой бенефисъ во-отъ какой букетъ...—Она опять показала—какой.—Но, послушайте: какъ вы храпите утромъ!—по всему коридору слышно.

— Желалъ бы я знать, гдѣ это ты научилась такимъ неприличнымъ разговорамъ!—ужасался папа Стефано.

— Въ монастырѣ, папочка... отъ монашекъ. Онѣ болтали такъ съ утра до вечера... а потомъ молились... Охъ, какъ много онѣ молятся тамъ, въ монастырѣ...

— Вотъ нахалка!

— Хотите сливокъ къ чаю, синьоръ Андреа? Свѣжія.

— Пожалуйста. — Онъ смотрѣлъ на ея руки. — Ого!... какія у васъ ручки стали холеныя. Развѣ здѣсь въ деревнѣ есть маникюра?

Дѣвушка быстро спрятала руки за спиной.

— Вы вѣчно издѣваетесь надо мной, синьоръ Андреа.

Поболтали еще немного; затѣмъ всѣ разошлись по своимъ дѣламъ: мама Франческа — въ гардеробную принимать бѣлье изъ стирки; Стефано съ Мауриціо на охоту за зайцами; Джіорджіо грѣться на солнышкѣ въ саду. Новелла вышла вмѣстѣ съ нимъ, заботливо поддерживая его, пока онъ сходилъ съ крыльца, потомъ обернулась и спросила:

— А вы, Андреа, не сойдете въ садъ?

— Я докурю здѣсь свою папироску, бесѣдуя съ Маріей Дорой,—отвѣтилъ онъ, стоя на верхней ступенькѣ крыльца и глядя

вслѣдъ ея удалявшейся граціозной фигурѣ. Юродивый снова забился въ свой уголокъ и съ серьезнымъ видомъ углубился въ перечитываніе написаннаго.

— Бесѣдуя со мной?—переспросила дѣвушка.—Развѣ можетъ интересовать васъ моя болтовня?

— И очень даже... Но если у васъ есть другое дѣло, я могу побыть и одинъ.

— У меня нѣтъ сейчасъ другого дѣла, кромѣ того, чтобы закончить свой туалетъ...—кокетливо сказала она.—Я еще совсѣмъ не одѣта...

— Положимъ, я въ женщинахъ и въ туалетахъ мало смыслю, но мнѣ кажется, Марія Дора, что въ этомъ туалетѣ вы очаровательны.

— Теперь, профессоръ,—вмѣшался Маркуччіо, становясь между ними,—ты отошли прочь Дору, а я кое-что прочту тебѣ.

— Право же, Маркуччіо, такія вещи лучше читать вечеромъ. Днемъ слишкомъ много шума и движенія. Подожди до вечера: тогда ты придешь ко мнѣ въ мою комнату, и мы почитаемъ. А пока работай.

— Какъ хотите,—разочарованно отвѣтилъ дурачокъ. Но тотчасъ же призналъ справедливость этого довода.—Впрочемъ, вечеромъ и въ самомъ дѣлѣ лучше: легче сосредоточиться. Только я никакъ не могу придумать заглавія для моей книги—вы поможете мнѣ.

— Хорошо, Маркуччіо; я подумаю и вечеромъ скажу тебѣ.

Юродивый отошелъ, жестикулируя и бормоча себѣ подъ носъ:

— Я хочу стать знаменитымъ, знаменитымъ, знаменитымъ!... Потомъ громко:—Скажи мнѣ, что нужно дѣлать, чтобы стать профессоромъ?

— Такъ я вамъ говорилъ, Марія Дора...—началъ Андреа и, перебивъ самъ себя, отвѣтилъ Маркуччіо:—Учиться и работать.

— Уфъ!—капризно воскликнула Дора.

Но юродивый твердилъ свое:

— А когда я напечатаю свою книгу, меня будутъ называть профессоромъ?

— Ну, разумѣется.

Маркуччіо снова отошелъ, бормоча:

— Знаменитость... профессоръ...

— Итакъ, я повторяю вамъ, Марія Дора, что въ этомъ туалетѣ вы очаровательны... И потомъ вы, вообще, стали теперь гораздо больше прежняго заниматься собой: каждый разъ, какъ я пріѣзжаю изъ города, вы поражаете меня какимъ-нибудь сюрпризомъ.

Дѣвушка нѣсколько смутилась.

— Мнѣ и не понять, синьоръ Андреа, какъ вы это говорите. серьезно или въ шутку... Знаю только, что вамъ нравится дразнить меня... И это вы нехорошо дѣлаете.

— Почему нехорошо?

— Потому что, въ концѣ-концовъ, это можетъ быть мнѣ непріятно.

— Но вѣдь я же серьезно говорю.

Она сразу просіяла.

— Въ такомъ случаѣ продолжайте. Поухаживайте за мной немножко.

— Охотно... Ну-съ, такъ я говорю, что вы теперь совсѣмъ взрослая дѣвица, и очень граціозная, и... плѣнительная.

— Ну полноте!...—Она кокетливо отмахнулась отъ него.

— Ну да... плѣнительная. Я, вотъ, напримѣръ, замѣтилъ, что вы прическу измѣнили: правда?

— Да, эта вамъ нравится?

— Очень нравится; очень вамъ къ лицу; она васъ старитъ, и теперь вы уже не кажетесь гимназисточкой, какой вы были, когда только вышли изъ монастыря. Помните? Одинъ разъ я былъ у васъ тамъ, вмѣстѣ съ Джіорджіо и Новеллой. Какъ поживаютъ сестрицы-монахини?

— Я иногда навѣщаю ихъ и попрежнему пою въ хорѣ.

— Да, голосокъ у васъ всегда былъ прелестный... такой звонкій... Вотъ и сегодня, одѣваясь, я слышалъ, какъ вы пѣли.

— И еще раньше... когда вы спали...

— И храпѣлъ, какъ вы увѣряете... Но это не въ счетъ. Какъ бы то ни было, я слышалъ васъ и, если не ошибаюсь, вы были въ саду.

— И въ саду, и въ гостиной, и въ кухнѣ, и на чердакѣ, и въ коридорѣ... вездѣ.

— Но я говорю: въ саду, потому что это поэтичнѣе,—вы не находите?... И голосъ вашъ доносился ко мнѣ, такой прозрачный и весенній, какъ будто его несли на себѣ солнечные лучи... Это сантиментально. Нравится вамъ?

— Такъ, такъ...

— И, не знаю, почему, тутъ я подумалъ, что вы ужъ взрослая дѣвица, и прелестная дѣвица, и рѣшилъ немного поухаживать за вами... И вотъ, ухаживаю, какъ вы того желали...

— Въ шутку?—нерѣшительно спросила она.

— Ну... разумѣется. Это всегда дѣлается въ шутку.

— Ну такъ вы, значитъ, очень невоспитаны.

— Серьезно?...

— И не знаю, почему васъ забавляетъ причинять мнѣ зло.

— Какое же я зло вамъ причиняю?

— Ну разумѣется... А что, если бы я, напримѣръ, приняла ваши слова въ серьезъ? Вотъ вы говорите, что я такая-сякая, очаровательная... хорошо одѣта, и ручки холеныя, и ногти полированные... Это, положимъ, правда—вотъ, смотрите.—Она показала ему ногти.—...что вамъ нравится моя прическа... что я хорошо пою, что мой голосъ, какъ весна... и все такое... развѣ это не можетъ смутить дѣвушку, до извѣстной степени огорчить ее, даже... заставить ее плакать?...

— О нѣтъ... Въ такомъ случаѣ я прошу извиненія и обѣщаю никогда-никогда больше не ухаживать за вами... Хорошо?

— Кто знаетъ, хорошо ли... кто знаетъ... Можетъ быть, совсѣмъ нехорошо.

— Почему?

— Я не скажу вамъ—почему; но только вы—жестокій человѣкъ; это сразу видно, по глазамъ.

— Ого! Скажите-ка вы мнѣ: сколько вамъ лѣтъ, Марія Дора?

— Двадцатый годъ, синьоръ Андреа.

— О!... вы такъ вздыхаете, какъ будто это очень много.

— Для меня много...—Она сдѣлала долгую паузу и продолжала грустно:—Впрочемъ, я, все равно, знаю, что *мною* вы нисколько не интересуетесь.

Какъ много было вложено въ это маленькое словечко: „мною".

— Почему, Марія Дора?—нѣсколько смутился онъ.

— Дорогой мой, у васъ все: „почему" да „почему"... На нѣкоторые вопросы трудно отвѣчать... или не слѣдуетъ давать отвѣта. Вы, можетъ быть, думаете, что въ девятнадцать лѣтъ дѣвушки ничего не видятъ?... Все отлично видятъ... И молчать умѣютъ... Да-съ, умѣютъ молчать...

Онъ смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ, почти съ испугомъ,—такъ измѣнилась вдругъ эта шалунья-дѣвочка, только что веселая и кокетливая. Голосъ ея звучалъ грустно, съ лица точно спала маска веселья; въ пристальномъ взглядѣ, въ горькой складкѣ губъ было теперь странное сходство съ ея печальной старшей сестрой.

— Я не понимаю васъ, Марія Дора... То, что вы говорите, кажется мнѣ страннымъ.

— Страннымъ?... Можетъ быть. Но, видите ли, не надо издѣваться надо мной, не надо обращаться со мной, какъ съ игрушкой, потому что я умѣю и уколоть, когда хочу... Но только *васъ* я не

хочу колоть... а почему,—она снова сдѣлала краснорѣчивую паузу и разсмѣялась,—...а почему,—объ этомъ знаю только я одна. И *вамъ* я этого не скажу... никогда не скажу... и чтобъ не проболтаться, убѣгаю. До свиданія.

Вскочила и упорхнула, какъ легкій мотылекъ, наполнивъ воздухъ своимъ серебристымъ смѣхомъ.

На порогѣ остановилась, еще разъ повторила: „Объ этомъ знаю только я одна",—и убѣжала.

II.

Уснувшій домъ затихъ; не слышно было въ немъ ни шороха, ни звука; только Андреа Ференто въ своей комнатѣ стоялъ, облокотясь на подоконникъ, и смотрѣлъ въ садъ. Онъ погасилъ свѣчи, чтобы лучше думать, но комната была полна какого-то фантастическаго свѣта отъ сіянія несчетныхъ звѣздъ. Блестѣло дерево кровати, блестѣлъ большой стеклянный шкафъ, блестѣли банки, склянки, фіалы и пузырьки на полкахъ.

Легкая, волнистая полоса тумана плыла вдали, надъ моремъ лѣсовъ, поминутно мѣняя цвѣтъ, какъ парусный корабль, обвѣянный чарами ночи. И какъ эта полоса тумана, была душа его, повисшая надъ великими безднами, колеблющаяся и все же несущаяся впередъ...

Одуряющими волнами поднимались изъ опьяненнаго сада благоуханія и ароматы, словно спящая весна была жертвенникомъ, курившимся благовоніями; но едва онъ закрывалъ глаза, какъ безкрайный черный саванъ спускался на этотъ звѣздный міръ и страшные призраки метались въ сумеркахъ отчаянія.

Онъ думалъ о любви и о преступленіи—вѣчныя сказки, которыми убаюкиваютъ себя люди:—преступленіе и любовь.

Внезапно ему почудился легкій шелестъ за дверью, *ея* дыханіе, которое онъ слышалъ, даже когда оно было неуловимо, запахъ ея духовъ, отъ котораго у него кружилась голова, даже когда *она* была далеко.

Онъ обернулся и дѣйствительно увидѣлъ ее. Она осторожно пріоткрыла дверь, лишь настолько, чтобъ пройти, вздрагивая отъ легчайшаго скрипа повернутой ручки, задерживая дыханіе... Съ безконечными предосторожностями она повернула ключъ въ замкѣ, неслышно скользнула черезъ комнату и стала рядомъ съ нимъ, въ голубомъ квадратѣ окна.

Онъ не шевельнулся, не поцѣловалъ ея. Только глядѣлъ на нее, глядѣлъ съ изумленіемъ,—такъ прекрасна была она, вол-

нуемая любовью и страхомъ; но, такъ какъ оба они были одѣты въ черное, обоимъ казалось: что-то погребальное есть въ этомъ ихъ ночномъ бдѣніи передъ очами звѣздъ.

— Что съ тобою?—шепнула она.

И дыханіе ея устъ коснулось его, какъ поцѣлуй, ибо оно было благоуханно, какъ и ея тѣло. И подъ этимъ поцѣлуемъ онъ напрягъ мускулы и закрылъ глаза, словно умышленно для искушенія, чтобъ лучше насладиться имъ. Она нервно дотронулась рукой до его плеча.

— Что съ тобою? почему ты бѣжишь отъ меня?

Тогда онъ неожиданно схватилъ ее въ свои объятія, судорожно прижалъ къ себѣ, погружаясь устами въ теплоту ея шеи. Вся пропитанная сладострастіемъ, какъ соты поздняго лѣта медомъ, она вдругъ такъ поблѣднѣла, какъ будто одинъ этотъ поцѣлуй уже далъ ей предѣлъ наслажденія.

— Почему ты бѣжишь отъ меня?—шептала она, прижимаясь губами къ его губамъ.—Днемъ ты почти не глядишь на меня, избѣгаешь со мной говорить...

Не отвѣчая, поддерживая рукой ея запрокинутую голову, онъ легкими длительными прикосновеніями губъ ласкалъ ей глаза, золотыя рѣсницы, словно усыпляя ее, какъ ребенка.

— Ты больше не любишь меня?...—говорила она, чувствуя, какъ страсть ея возлюбленнаго жгучей лаской разливается по ея жиламъ.

— Люблю... люблю... но я дѣлаю гнусность, Новелла, и между нами стоитъ слишкомъ много тѣней...

Она вся прижалась къ нему, словно у него на груди чувствовала себя укрытой отъ всякой напасти.

— Онъ спитъ теперь?—спросилъ Андреа.

— Да, уснулъ.

— Ты увѣрена, что онъ спитъ?

— Да.

— Говорилъ онъ съ тобою о... о насъ?

— Нѣтъ еще, но мнѣ все кажется, что онъ вотъ-вотъ заговоритъ...

Съ далекаго неба быстро скатились три звѣздочки, всѣ три разомъ... Ночь поминутно вспыхивала фантастическими свѣтами, блуждающими огоньками, искорками, словно отъ костра. Андреа, держа ее на рукахъ, смотрѣлъ на ея озаренный звѣзднымъ сіяніемъ лобъ, словно на точку, магнетически приковывавшую къ себѣ его взоры, заслоняя отъ него его собственныя видѣнія. Волосы ея у корней искрились, словно посыпанные золотою пудрой.

— Новелла!—воскликнулъ онъ,—что же намъ дѣлать?

Онъ выговорилъ эти слова слабымъ и грустнымъ голосомъ, какъ-то по дѣтски жалобно,—онъ, такой сильный!

— Не все ли равно?—она тряхнула головкой.—Если ты меня любишь, не все ли равно?... что хочешь... хочешь, убей меня...

Она говорила, словно въ бреду, опьяненная своею любовью, снова запрокидывая назадъ отуманенную, тяжелую голову.—Все равно, скоро наша тайна откроется... все равно, наше дитя не можетъ и не должно родиться... все равно, намъ не видать своего счастья... убей меня, если хочешь... но только своими руками, которыя я такъ люблю... мнѣ не будетъ больно.

Страсть преображала ее, придавала ей нечеловѣческую красоту, и эта готовность итти на муки въ ея устахъ казалась такой простой и естественной.

Онъ выпрямился; мрачный огонь загорѣлся въ его глазахъ; вся его желѣзная воля вдругъ поднялась со дна души на поверхность, дѣлая его непреклоннымъ.

— Онъ былъ моимъ другомъ, теперь онъ не другъ мнѣ,—выговорилъ онъ медленно и мрачно,—былъ моимъ братомъ и перестал быть имъ. Я вѣрилъ во многое въ жизни—и отрекся отъ своей вѣры: все это было ложью, есть одна только правда, неизбѣжная, необходимая—ты.

Онъ сурово умолкъ, вглядываясь въ искрящуюся весеннюю ночь; какой-то фосфорическій, кружащій голову блескъ горѣлъ на вершинахъ... Потомъ выговорилъ едва слышно устами, но громко и твердо сердцемъ: „Да, это возможно“.

— Что ты сказалъ?

— Ничего; тебѣ не надо знать. Одно лишь могу сказать тебѣ: тебя я не отдамъ. Если я могъ, ради этой любви, дойти до обмана, въ которомъ мы живемъ оба, если я могъ заглушить въ себѣ совѣсть настолько, чтобъ обманывать *его* въ его же домѣ, можетъ быть, наканунѣ его смерти... одно только могу сказать тебѣ, Новелла: тебя я никому не уступлю.

Она улыбнулась улыбкой экстаза, отъ которой засмѣялись даже ея рѣсницы, и закрыла глаза, изнемогая отъ счастья.

— *Такъ* ты меня любишь?

— *Такъ*, и еще *сильнѣе*... Не забывай этихъ двухъ словъ: „*еще сильнѣе*“...

Словно потоки лучей полночнаго солнца заливали пространство, окружая ореоломъ ихъ грѣховную, но беззавѣтную любовь.

На крышѣ дома или, можетъ быть, въ вѣтвяхъ стараго дуба запѣлъ соловей. Гравій, смѣшанный съ осколками стекла, свер-

калъ при свѣтѣ звѣздъ, какъ сверкали ея зубы въ смѣхѣ, сопровождавшемъ поцѣлуи, между двухъ алыхъ полосокъ губъ. Она отдалась ему съ такой безумной страстью, съ такимъ отчаяніемъ, словно и въ самомъ дѣлѣ убивала себя, истекала кровью, — не страдая—не чувствуя, какъ она говорила, боли.

Въ это самое время, и всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, отдѣленный лишь двумя-тремя стѣнами, человѣкъ, уже отмѣченный печатью смерти, костлявой и зловонной, кутающейся въ саванъ, чтобы прикрыть свои обнаженныя ребра, метался на постели въ лихорадочномъ, тревожномъ снѣ, съ трудомъ вдыхая запахъ тлѣнія, выдыхаемый имъ, съ каплями холоднаго пота на лбу, съ душой, истерзанной непрерывной мукой: бренная плоть человѣческая, заживо разлагавшаяся.

Еще разъ для чего-то понадобилось это сосѣдство, не постоянное, но повсемѣстное, наслажденія и отчаянія, рожденія и смерти, связанныхъ въ неразрывный узелъ вѣчной ироніей жизни. Въ эту бѣлую ночь всѣ въ домѣ спали, нечувствительные къ происходящему; а изъ двухъ смежныхъ оконъ неслось и расплывалось въ звѣздномъ воздухѣ бурное дыханіе опьяненныхъ страстью любовниковъ и слабый хрипъ уснувшаго больного—почти уже хрипъ агоніи; а надъ всѣми этими близкими и такими разными дыханіями, можетъ быть, на крышѣ дома, а можетъ быть, и въ вѣтвяхъ стараго дуба, словно въ насмѣшку, пѣлъ соловей...

И, можетъ быть, въ тяжеломъ забытьи, далекое, сквозь дымку нереальности, больному снилось прошлое...

Онъ видѣлъ себя юношей, бѣднымъ, но твердо рѣшившимъ пробить себѣ дорогу въ жизни, хоть и не было у него иныхъ богатствъ, кромѣ головы на плечахъ и надежнаго друга. Другъ былъ медикомъ; онъ—инженеромъ-строителемъ, заброшеннымъ судьбой въ богатые, но негостепріимные края, готовымъ на всѣ дерзанія, лишь бы покорить себѣ жизнь. Онъ видѣлъ себя въ глубокихъ шахтахъ, въ узкихъ подземныхъ галлереяхъ, гдѣ воздухъ былъ полонъ міазмовъ и удушающихъ газовъ, съ рабочими, прокладывавшими эти подземные ходы, въ маскахъ и съ потайными фонариками, почти утратившихъ человѣческій образъ, больше похожихъ на пресмыкающихся, упорно роющихся въ землѣ. Ему вспоминались трагедіи, проявленія героизма въ нѣдрахъ земли, куда солнце никогда не заглядываетъ; слышался гулъ машины, вдвинутой въ эти нѣдра, раня и опустошая ихъ, какъ зондъ, введенный во внутренніе органы; вставали въ памяти не-

ожиданныя катастрофы, вопли вдовъ и дѣтей надъ обуглившимися трупами...

Затѣмъ настали дни побѣды, когда онъ примкнулъ къ искателямъ золота, къ безстрашнымъ піонерамъ, которыхъ человѣчество шлетъ, какъ знамена, въ неизвѣданные предѣлы своихъ владѣній,—дни, когда онъ, открывая новыя поприща власти и дерзанію человѣка, побѣдоносно буравилъ известковыя нѣдра горъ, взрывалъ гранитъ, перебрасывалъ легкіе, какъ желѣзныя гирлянды, мосты черезъ бурные потоки, проводилъ воду въ мѣста, гдѣ деревья и травы умирали отъ жажды, и отводилъ излишекъ воды изъ долинъ, затапливаемыхъ разливами рѣкъ...

Не любовныя приключенія, не мелкое честолюбіе толкали его, но воля къ побѣдѣ, одна лишь она, грозная въ своей красотѣ, да вотъ этотъ единственный другъ съ сердцемъ, твердымъ, какъ сталь, въ свою очередь побѣждавшій на вольной аренѣ науки, открывая болѣзнетворныхъ микробовъ, изобрѣтая цѣлебныя сыворотки, — другъ, котораго наперерывъ одинъ передъ другимъ старались захватить университеты и который ошеломлялъ міръ сенсаціонными книгами... Каждый изъ нихъ завоевывалъ пядь за пядью свою обѣтованную землю, но все время они шли рука объ руку, и побѣда одного только подстрекала другого, и обоихъ въ трудныя минуты поддерживала единственно только ихъ неизмѣнная братская дружба. Никогда между ними не было и тѣни зависти, хоть и было благородное соревнованіе; никогда не было тайнъ и недомолвокъ, ибо оба твердо хотѣли, какъ бы ни сложились обстоятельства, вмѣстѣ пройти жизненный путь.

Такъ, можетъ быть, грезилъ больной.

Грезилъ о *ней,* какой онъ увидѣлъ ее въ первый разъ и впервые посмотрѣлъ на нее взоромъ любви... Онъ не думалъ, не зналъ, что бываетъ въ мірѣ такая красота—хоть и показалась она ему тогда немного больной, какъ бы обезсиленной своей угнетавшей ее дѣвственностью... Вспоминалось, какъ онъ купилъ ей цѣлую охапку цвѣтовъ—первый разъ въ жизни онъ подносилъ женщинѣ цвѣты... какъ впервые осмѣлился сжать ея руку съ такимъ сладкимъ замираніемъ сердца и сказать ей, что она прекрасна, прекрасна, прекрасна!... и что онъ любитъ ее сердцемъ, незнаемымъ имъ самимъ, и новой душой, только въ этотъ моментъ народившейся...

Вспоминался ея голосъ, такой медленный, серьезный и ласковый, когда она, потупивъ глаза, отвѣтила:

— Да, Джіорджіо, я охотно выйду за васъ, если хотите...

Въ ту минуту словно рай открылся передъ его глазами; эти

слова показались ему дышащими безграничной любовью—вѣдь до того онъ никѣмъ не былъ любимъ.

Потомъ, однажды ночью, онъ раздѣлъ ее, благоговѣйно, вдыхая запахъ вѣнчальнаго вѣнка изъ флеръ д'оранжа, еще оставшійся въ ея распущенныхъ волосахъ, и, видя ее своей навсегда, чувствовалъ, какъ душу его заливаетъ безпредѣльная радость, такая радость, которую нѣтъ силъ снести, послѣ которой жизнь становится невозможной... Они были счастливы вмѣстѣ—или, можетъ быть, ему только казалось, что были—нѣсколько лѣтъ; потомъ... Уже въ ту, первую ночь, раздѣвая ее, онъ почуялъ въ груди глухую, растущую боль...

А потомъ однажды случилось такъ, что онъ неожиданно услыхалъ голосъ своей жены, разговаривавшей съ Андреа...

Это былъ сонъ... возможно, что это ему только снилось... А безжалостный соловей въ голубую ночь разсыпался руладами...

Она вдругъ привскочила на постели, полунагая, ухватившись руками за его шею, и сдавленнымъ голосомъ прошептала:

— Ты слышишь?

Оба, смертельно испуганные, напрягали слухъ, силясь разслышать, что дѣлается за дверью, за стѣной, въ третьей комнатѣ.

— Нѣтъ, ты ошиблась, милая... я ничего не слышу.

— Тсс... Молчи!

Она вытянула шею, прислушиваясь, вся въ лунномъ свѣтѣ, одѣвавшемъ невинностью ея роскошную наготу; одной рукой она обнимала за шею любовника, другой уперлась въ край кровати, впиваясь пальцами въ одѣяло, какъ хищный звѣрь въ минуту опасности, подобравшійся, но готовый къ прыжку. Грудь ея, еще трепетавшая страстью, вздымалась отъ усилій задержать дыханіе; полураспустившіеся волосы упали на снѣжно-бѣлую шею; сквозь кружева сорочки, словно роскошный плодъ граната, обрисовывалась упругая, пышная грудь.

Но ничего не слышно было, кромѣ пѣнія влюбленнаго въ себя соловья, наполнявшаго своими трелями ароматную ночь подъ аккомпанементъ игравшаго подъ сурдинку оркестра — шелеста листьевъ и тихихъ вздоховъ вѣтра.

Успокоенная, она прижала руку къ сердцу и медленно приникла къ груди Андреа.

— А что, если онъ опять позоветъ меня, какъ прошлую ночь?...—шепнула она.

— Да, это правда. Иди...

— Еще минутку... Посмотри, какое множество звѣздъ.

Упоенный, онъ провелъ пальцами по ея волосамъ, прижался губами къ ея чистому лбу.

— Скажи мнѣ...—начала она, — я хочу спросить у тебя одну вещь... ужасную... я никогда съ тобой объ этомъ не говорила... Андреа, ты вѣдь докторъ...

Чтобъ не такъ жутко было спросить, она спрятала лицо у него на груди.

— Ты вѣдь докторъ, скажи мнѣ: это опасно?... его болѣзнь?... очень, *очень* опасно?

Весь вздрогнувъ отъ головы до ногъ, онъ рѣзко отвѣтилъ:

— Не знаю, не знаю.

Она едва слышно допытывалась:

— Можетъ онъ выздоровѣть?...

— Ахъ... молчи!

Но въ то же время онъ такъ крѣпко прижалъ ее къ себѣ, что она поняла: во всякомъ случаѣ онъ не возненавидѣлъ ея за этотъ вопросъ. И продолжала чуть слышно, нерѣшительно, вкрадчиво, дѣлая долгія паузы между словами:

— Видишь ли, въ ту ночь, когда я позвала тебя, и мы стояли по обѣ стороны его кровати, я—съ одной стороны, ты—съ другой—въ этомъ похоронномъ свѣтѣ свѣчей... у меня вдругъ—невольно—мелькнула мысль: что, если... если завтра...

— Его не будетъ въ живыхъ?—глухо закончилъ Андреа.

Она не видѣла его лица, но глаза его сверкнули зловѣщимъ огнемъ.

— И я тоже,—выговорилъ онъ медленно, какимъ-то разслабленнымъ голосомъ,—и я тоже думалъ объ этомъ. Это былъ какой-то кошмаръ; у *него* лицо было совсѣмъ, какъ у трупа; казалось, отъ него уже вѣетъ ледянымъ холодомъ смерти.

Вздрагивая, она жалась къ милому, стараясь согрѣться его тепломъ, но онъ съ какимъ-то злорадствомъ, муча ее и себя, продолжалъ:

— Это положительно былъ кошмаръ... И, прислушиваясь къ слабому біенію его сердца, я, медикъ, я, другъ, чувствовалъ только *твою* близость, запахъ твоихъ духовъ, отъ котораго у меня кружится голова, ароматъ твоихъ растрепавшихся волосъ, смятыхъ подушкой... и ужасъ чувствовать себя до такой степени виновнымъ передъ умирающимъ другомъ безмѣрно разжигалъ желаніе, понимаешь, физическое желаніе... обладать тобой...

Теперь она растерянно взмолилась:

— Молчи!...

Но онъ, упиваясь собственной гнусностью, съ какимъ-то неистовствомъ терзалъ себя.

— Ты знаешь, до сихъ поръ я всѣ мои силы отдавалъ на защиту жизни; ты знаешь, что я врачъ, что люди называютъ меня избавителемъ. Ты знаешь, что я спасъ отъ смерти сотни людей и столько любви вкладывалъ въ это дѣло, что ради спасенія самой ничтожной жизни не задумался бы отдать свою... ты понимаешь?... И вотъ тутъ, впервые, я постигъ абстрактную возможность отречься отъ своей миссіи, и въ смерти, жадной и злобной, съ которой и мозгъ мой, и руки такъ упорно боролись и въ госпиталяхъ, и въ моей лабораторіи,—въ смерти, которая всегда была мнѣ врагомъ, которую я ненавидѣлъ до героизма, впервые я въ ней увидѣлъ союзницу, почти благодѣтельницу... и въ то время, какъ руки мои машинально силились вернуть къ жизни это тѣло, которое стоитъ между нами, мое сердце, мой умъ, все мое естество, которое жаждетъ тебя, призывали ее, съ смутной жаждой предательства говорили ей: „Да будетъ! Окажись *ты* болѣе сильной, чтобъ я не могъ побѣдить тебя“.

Она зажала ему ротъ рукой, холодной рукой, отъ которой пахло грѣхомъ, и жуткую бездну, разверзшуюся между ними, они еще разъ заполнили сладострастіемъ.

III.

— Неосторожность? Ну такъ что же? А если мнѣ нравится быть неосторожнымъ?—говорилъ Джіорджіо Новеллѣ и Ференто.— Если-бъ вы знали, какое наслажденіе для больного—все равно, что для ребенка—сдѣлать что-нибудь запретное. Бѣдный я!... Шагу не ступи, не смѣй вздохнуть безъ разрѣшенія... Господи помилуй! да вы прямо затравили меня.

— Ты сегодня капризничаешь, — сказалъ Андреа, — а тебѣ вредно сердиться.

— Можетъ быть, я и несправедливъ,—согласился онъ съ горькой усмѣшкой.—Но потерпите немного... еще немного... Смотри: мнѣ шевельнуться трудно; у меня бокъ болитъ отъ этихъ твоихъ впрыскиваній. Какая мучительная твоя сыворотка! Много еще осталось?

— Около десяти уколовъ,—поспѣшно отвѣтилъ Андреа.

— Охъ, если-бъ вы меня оставили въ покоѣ, хоть ненадолго. Вы не знаете, какъ больному дорогъ покой. Нѣтъ, прочь эти платки!—Это было сказано Новеллѣ, укрывавшей его пледомъ.— Будетъ, довольно съ меня всѣхъ этихъ безполезныхъ заботъ и

безполезныхъ лѣкарствъ. Я вѣдь не трусъ: смерть—такъ смерть; въ сущности я не боюсь ея; но мнѣ досадно, что со мной уже теперь обращаются, какъ съ умирающимъ.

— Ну я же говорю, что ты капризничаешь,—шутливо воскликнулъ Андреа.—Я самъ говорилъ Новеллѣ и другимъ: вы надоѣдаете ему своей чрезмѣрной заботливостью; обращайте на него меньше вниманія.

— Вотъ именно. А теперь—хотите сдѣлать мнѣ удовольствіе? Не приносите себя въ жертву ради меня. Солнце свѣтитъ такъ ярко,—навѣрное, васъ тянетъ на воздухъ; Стефано и Марія Дора пошли на мызу; что если-бъ и вы пошли имъ навстрѣчу? Ты, Новелла, очень нуждаешься въ воздухѣ: ты что день, то блѣднѣе. Что касается меня, я отлично посижу и одинъ; а если мнѣ придетъ охота разговаривать, я пойду къ Маркуччіо мѣшать ему. Съ Маркуччіо мы отлично ладимъ, потому что въ цѣломъ домѣ ему одному наплевать на мое здоровье.

— Повинуюсь тебѣ,—сказалъ Андреа.—Только я пойду не на мызу, а просто гулять.

— Превосходно; а ты, Новелла?

— Я останусь здѣсь,—отозвалась она, поднимая голову отъ книги, которую перелистывала.—Если тебѣ непріятно, что я здѣсь, я пойду наверхъ, но гулять мнѣ не хочется.

— Ты заболѣешь, Новелла. Ты уже три дня не выходила изъ дому,—ласково говорилъ больной. И голосъ, и взглядъ его мѣнялись, когда онъ обращался къ женѣ.

— А всетаки ты позволь мнѣ остаться,—съ улыбкой попросила она.

— Какъ хочешь...

Изъ сада доносились удалявшіеся шаги Андреа. Они были одни въ нижней залѣ; онъ сидѣлъ у окна, она—возлѣ рояля; между ними былъ длинный лучъ солнца, въ которомъ танцовали пылинки.

— Что ты читаешь?—спросилъ онъ.

— Ничего; я просматривала одну изъ твоихъ книгъ! „Красный смѣхъ“, Андреева. Ты прочелъ ее?

— Нѣтъ еще.

Оба смотрѣли пристально на полосу солнечнаго свѣта, въ которой бѣшено кружился цѣлый микрокосмъ, на эту бурю содроганій, безшумную, какъ душевныя бури. Обоимъ жутко было взглянуть въ лицо другъ другу, и молчаніе раздражало ихъ, какъ нестройный шумъ.

— Сыграй мнѣ что-нибудь... или ты устала?—попросилъ онъ.

— Охотно.

Она, какъ автоматъ, поднялась съ кресла и пересѣла на табуретъ у рояля, стараясь все дѣлать безшумно или, можетъ быть, боясь чѣмъ-нибудь выдать себя. Подняла крышку, обнажила клавиши и легко и быстро заиграла фугу Баха.

На блѣдномъ пальцѣ ея, словно капля крови, сверкалъ алый рубинъ.

Невидимый женою за солнечною завѣсой, Джіорджіо откинулъ голову на спинку кресла и застылъ въ безмолвномъ созерцаніи. Солнце ударяло прямо въ изгибъ рояля, и отраженный лучъ разсыпался снопомъ искръ; въ противоположной стѣнѣ отражалась колеблющаяся тѣнь піанистки. Плечи ея нервно вздрагивали въ тактъ быстрымъ движеніямъ пальцевъ; бюстъ былъ слегка наклоненъ впередъ; въ этой позѣ особенно бросалась въ глаза удивительная пластичность всей ея фигуры, линіи груди, нѣжной и сильной. Сквозь солнечный лучъ волосы ея на лбу сами горѣли, какъ солнце; въ глубинѣ же были темные, съ отливами краснаго дерева, словно нагрѣтый бархатъ. Сразу поблѣднѣвшее лицо больного, переставшаго слѣдить за собой, выразило тоску и отчаяніе, почти нѣмую ярость, и еще замѣтнѣй проступили на немъ слѣды разрушенія. Глаза его погасли, губы распустились, волосы на солнцѣ казались влажными...

Да, онъ любитъ ее, любитъ, и умирая, любитъ!... И это было всего ужаснѣе, всего непоправимѣе.

Два раза уже за дверью дѣтскій голосъ спрашивалъ:

— Можно войти?

Новелла перестала играть; мужъ ея отвѣтилъ:

— Войдите!

Это была Наталисса, дочка садовника, съ цѣлымъ снопомъ розъ. Длинные стебли ихъ она обвернула передникомъ, чтобы не уколоться, веселое личико наклонила къ цвѣтамъ съ улыбкой взрослой дѣвицы.

— Папа велѣлъ мнѣ снести сюда цвѣты, чтобъ ихъ поставили въ вазы; онъ говоритъ: если вы желаете, чтобъ онъ самъ ихъ поставилъ, онъ придетъ попозже—сейчасъ ему некогда: онъ занятъ въ огородѣ.

Она щебетала, какъ птичка, съ трудомъ удерживая въ рукахъ массу розъ на длинныхъ стебляхъ, которые были, казалось, больше нея самой.

— Нѣтъ, дѣтка,—сказала Новелла, обрадовавшись, что одиночество ихъ нарушено,—дай мнѣ цвѣты—я сама поставлю ихъ въ вазы.

— Вотъ, синьора; смотрите, какія красивыя розы!

И, поднявъ ручонки, насколько возможно, она вручила Новеллѣ благоуханный снопъ.

— Папа говоритъ, что эти желтыя розы въ первый разъ расцвѣли на отсаженныхъ черенкахъ, и чтобъ ихъ показать синьору Стефано. Здѣсь нѣту синьора Стефано?

— Его нѣтъ дома, но онъ скоро вернется.

— Такъ вы тогда, синьора, скажите ему...

— Скажу, дѣтка; вотъ эти желтыя, да?

— Да, синьора, желтыя; ихъ зовутъ „марешаль Ніэль".

— Нѣтъ, ты смотри, какъ она все знаетъ, эта маленькая Натулисса!

— Ну что вы!—скромно и въ то же время горделиво усмѣхнулась дѣвочка.

Она цѣлые дни проводила съ отцомъ, помогая ему садовничать. Новелла взяла нѣсколько конфетъ изъ фарфоровой бонбоньерки и дала ихъ ребенку.

— Спасибо, синьора; не безпокойтесь.

Застыдившись, она спрятала ручонки подъ фартучекъ; потомъ всетаки положила конфеты въ карманъ.

— А вамъ получше, синьоръ Джіорджіо?

— Да, маленькая; я чувствую себя недурно.

— Вотъ и хорошо, синьоръ Джіорджіо; если выйдете въ садъ, позовите меня—я вамъ покажу всѣ новенькія растенія. До свиданія и спасибо.

Она вышла чинно, какъ взрослая.

— Какая прелесть эта дѣвчурка! и какая она умница!—говорила Новелла, разбирая по сортамъ розы.

Джіорджіо долго молча глядѣлъ на жену, потомъ грустно сказалъ:

— Я каждый разъ, какъ вижу ее, думаю о томъ, что и ты, Новелла, все желала имѣть дочку...

Наклонившись надъ розами, вдыхая ихъ ароматъ, любовно разглаживая листочки, молодая женщина повторила:

— Имѣть дочку?... Да, иногда... какъ всѣ женщины...

— А я отнялъ у тебя и эту законную радость, которую могъ бы дать тебѣ другой мужчина... и въ домѣ нашемъ не звучало дѣтскаго смѣха...

Она вся затрепетала и, боясь выдать себя взглядомъ, спрятала лицо въ пышную розу, покрытую желтой цвѣточной пылью.

— Я никогда не жаловалась тебѣ на это.

— Да, но иной разъ молчаніе краснорѣчивѣе жалобъ. Я за-

болѣлъ вскорѣ послѣ нашей свадьбы, и это лучше, что у тебя нѣтъ отъ меня ребенка... Ничего я не далъ тебѣ, Новелла, кромѣ печалей, и, поистинѣ, ты должна ненавидѣть меня.

— Полно тебѣ, Джіорджіо! — нервно вздрогнувъ, вскричала она.—Я ненавижу только эти твои разговоры. Совсѣмъ мнѣ не нужно дѣтей, и ты мучишь меня понапрасну.

— Развѣ ты не знаешь, что больные жестоки? Они сами мучатся и любятъ мучить другихъ. Но во мнѣ, видишь ли, совѣсть болитъ: самъ того не желая, я связалъ твою прекрасную, цвѣтущую юность съ медленнымъ умираніемъ инвалида, и теперь все думаю о томъ, что̀ у тебя должно быть на душѣ,—сколько желаній, которыя ты подавляешь, чтобы я не замѣтилъ ихъ...

Онъ говорилъ какъ-то двусмысленно, какъ будто ласково и въ то же время насмѣшливо.

— Я ничего не скрываю отъ тебя, Джіорджіо,—отвѣтила она обиженно,—я простой человѣкъ,—проще, чѣмъ ты думаешь.

— Простой, говоришь? Мнѣ прежде тоже такъ казалось, но теперь не кажется. Теперь, приглядѣвшись къ тебѣ ближе, чутьемъ больного, у котораго есть время подумать, я вижу въ тебѣ такую путаницу мыслей и чувствъ... И сама ты вовсе не простая— ты точно узелъ, крѣпко стянутый, который трудно развязать.

Она засмѣялась, лаская пальцами желтыя розы.

— Зачѣмъ.... зачѣмъ ты это, Джіорджіо? Оставимъ это. Понюхай лучше эти розы... какой дивный запахъ, опьяняющій... Голова кружится. Вотъ понюхай...

Она поднесла ему вазу съ розами, чтобъ онъ понюхалъ, но Джіорджіо порывисто схватилъ ее за руку.

— Ты не хочешь дать мнѣ высказаться, да?

— Я... почему?...—смутилась она.

— Ты хочешь, чтобъ мы продолжали разыгрывать эту безмолвную комедію, чтобы правда между нами такъ и осталась до конца невыясненной? Да?

— Но, Джіорджіо...

— А я *буду* говорить, потому что я жестокъ... что же ты такъ поблѣднѣла?... потому что я слишкомъ долго молчалъ... слишкомъ долго... мнѣ хочется хоть разъ поговорить съ тобой начистоту... Но, позволь—ты сейчасъ уронишь эту вазу... Почему ты такъ дрожишь? Поставь ее, сядь вотъ здѣсь и скажи мнѣ...

— Ахъ, да неправда же!...

— Что ты дрожишь? Нѣтъ, правда; я же вижу. Сядь возлѣ меня и слушай.

— Что ты хочешь? Что ты хочешь, Джіорджіо? Не волнуйся

такъ, тебѣ это вредно... тебѣ потомъ нехорошо будетъ... — растерянно лепетала она, озираясь кругомъ, словно ища поддержки.

— Ничего; мнѣ легче будетъ, если я скажу, Новелла, много легче,—если-бъ только ты могла быть искренна со мной!... И ты *должна* быть искренна, потому что никто... понимаешь: *никто* никогда не будетъ любить тебя, какъ я... беззавѣтной любовью человѣка, который уходитъ изъ этого міра...

— Не говори такъ... Не надо такъ говорить.

— Но почему же ты дрожишь? Кто тебя обвиняетъ? Кто грозитъ тебѣ? Или я ужъ такой безумецъ, чтобы просить у тебя чего-нибудь еще, кромѣ капли доброты и правдивости... Слушай, Новелла, если когда-нибудь, нескоро, въ будущей твоей жизни— сохрани тебя Господь на долгіе годы!—тебѣ доведется испытать горе, такое горе, что, кажется, душа разорвется, не снесетъ его,— тогда только ты поймешь, почему началъ сегодня этотъ разговоръ съ тобою твой Джіорджіо, который къ тому времени будетъ для тебя лишь давно забытою тѣнью, темной точкой въ твоей памяти... Нѣтъ, не мѣшай, дай мнѣ сказать... И еще одно знай: нѣтъ у меня противъ тебя никакой злобы, Новелла, никакой обиды, потому что я понимаю тебя, я самъ готовъ защищать тебя...

— Но отъ чего же?...

Покачавъ головой, онъ продолжалъ:

— Любовь только тогда и достойна этого имени, когда она становится безпредѣльной добротой. Остальное все только бѣшеная страсть, которая не умѣетъ ни прощать, ни дѣлать добро. Потомъ, когда-нибудь, ты припомнишь эти мои слова... потомъ, когда меня уже не будетъ, можетъ быть, и въ твоей душѣ родится тотъ непобѣдимый страхъ, который зовется „угрызеніемъ". Такъ вотъ я затѣмъ и говорю теперь съ тобой, что не хочу, чтобы ты знала этотъ страхъ. И еще я мечтаю: помочь тебѣ стать счастливой, если это еще возможно для меня, и сказать тебѣ, что тебѣ нечего бояться меня, ни теперь, ни... послѣ... и внушить тебѣ увѣренность, что ты никогда не причинила мнѣ никакой боли, наоборотъ, была моимъ единственнымъ блаженствомъ...

Она растерянно смотрѣла на него, не понимая хорошенько смысла его словъ, подавленная мучительнымъ звукомъ его голоса, дивясь тому, что лицо его преобразилось, осіянное подъемомъ чувства, болѣе чѣмъ человѣческаго.

— И если,—продолжалъ онъ,—если сердце твое когда-нибудь упрекнетъ тебя: „Ты заставила его страдать!"—ты спокойно отвѣть ему: „Нѣтъ; я была для него самой сладостной заботой, улыбкой, озарявшей его жизнь до послѣдней минуты". — И если сердце

твое скажетъ тебѣ: „Но вѣдь онъ зналъ о твоей любви, другой любви, единственной, которая жила въ твоей душѣ“;—ты съ чистой совѣстью отвѣтишь ему: „Ну такъ что же? Онъ любилъ меня не за то, что я его любила... И потомъ, онъ зналъ, что приказать себѣ не любить никто не можетъ“... И если, наконецъ, сердце твое скажетъ тебѣ: „Но вѣдь онъ ревновалъ тебя... мучительно ревновалъ“,—ты ничего не отвѣчай ему, потому что ревновать можетъ только тѣло... а тѣло умираетъ, разрушается, и о немъ не стоитъ плакать.

Онъ остановился и пристально глядѣлъ на нее, съ мрачнымъ огнемъ во взорѣ.

— Сможешь ты оставить при себѣ эти мои слова, не передать ни одного изъ нихъ?—И словно человѣческая маска человѣческаго страданія и боли снова закрыла преображенное лицо его.

И такъ какъ она молчала, онъ самъ сказалъ себѣ:

— По всей вѣроятности, нѣтъ, но—все равно...

Она со стономъ соскользнула со стула на колѣни, закрывая руками испуганное лицо, ибо чуяла въ этомъ человѣкѣ такую муку и такую жалость, что ей казалось: колѣнопреклоненная, она будетъ лучше укрыта подъ крыломъ великой души его.

Но такъ какъ въ то же время она была насквозь женщиной и еще потому, можетъ быть, что къ его милосердію примѣшивалась ревность плоти, въ крови ея воскресли жгучія воспоминанія о вчерашней ночи, и, словно умышленно обостряя угрызенія, она въ какомъ-то изнеможеніи вновь ощущала блаженство жадныхъ и заглушенныхъ поцѣлуевъ, ибо не умѣла отдѣлить отъ ужаса передъ своей виной самаго образа грѣха, и чѣмъ безпредѣльнѣе былъ страхъ, переживаемый ею въ эту минуту, тѣмъ острѣе наслажденіе.

И, одѣтая, какъ броней, своею радостью, всецѣло покоренная отсутствующимъ, въ силу реакціи взвинченныхъ нервовъ, она чувствовала, что въ душѣ ея вмѣсто жалости поднимается глухая злоба противъ того, кто хотѣлъ раздавить ее своей кротостью, что каждая жилка ея, каждый фибръ дрожитъ непобѣдимымъ отвращеніемъ, почти ненавистью къ этому обезоруженному врагу, который, за неимѣніемъ иного оружія, силится покорить ее своей добротой.

Забывъ о жалости, она вдругъ быстрымъ горделивымъ движеніемъ поднялась съ колѣнъ и стала предъ нимъ, глядя ему прямо въ глаза. И такъ жестокъ былъ ея взглядъ, такъ далека была она отъ него въ эту минуту, что больной ясно почувствовалъ: она потеряна для него навсегда.

— Что ты хочешь сказать мнѣ?... Что ты хочешь узнать отъ меня?—порывисто заговорила она, съ трудомъ удерживаясь, чтобы не возвысить голосъ.—Въ чемъ ты, собственно, упрекаешь меня?

— Ни въ чемъ.—Онъ закрылъ глаза, чтобъ она не прочла въ нихъ его муки.—Ни въ чемъ... Я уже говорилъ тебѣ...

Но она словно не слыхала, словно вовсе и не слушала его, движимая лишь непреодолимой потребностью оправдать себя.

— Съ тѣхъ поръ, какъ ты боленъ, развѣ я живу? Развѣ я думаю о себѣ? Развѣ нарушила хоть малѣйшую изъ моихъ обязанностей? Развѣ я провела хоть одинъ день, *хоть одинъ день* внѣ дома?

Онъ хотѣлъ перебить ее, но она взволнованной скороговоркой продолжала:

— Я забыла думать о себѣ... одѣваюсь во что попало, какъ старуха. Я смѣяться разучилась. Видѣлъ ты меня хоть разъ смѣющейся съ тѣхъ поръ, какъ тебѣ худо? Ну скажи самъ: лгу я?...

— Не то...—уныло шепталъ онъ.

— Развѣ я когда-нибудь попрекнула тебя хоть словомъ, хоть взглядомъ, какъ, можетъ быть, другая женщина и сдѣлала бы на моемъ мѣстѣ при такой трудной жизни?

— Да не въ томъ же дѣло!...

— А въ чемъ же? Ты видѣлъ мои слезы? Ты знаешь, сколько разъ я украдкой глотала ихъ, стараясь быть веселой, чтобъ ты былъ не такъ грустенъ? Если ты страдаешь, такъ вѣдь и я же страдаю. Если ты прощаешь, будь же справедливъ—вѣдь и мнѣ есть что прощать...

— Но зачѣмъ же ты оправдываешься?—выкрикнулъ онъ вдругъ всею силой своего слабаго голоса.—Зачѣмъ ты оправдываешься?

— Я не оправдываюсь,—жестко возразила она:—я возмущаюсь. Все во мнѣ возмущается противъ этого обвиненія, которое я постоянно чувствую и въ твоихъ рѣчахъ, и въ твоемъ взглядѣ, даже въ твоемъ молчаніи и которое ты плохо маскируешь напускной добротой. Разъ ужъ ты захотѣлъ прервать это молчаніе, спасительное для насъ обоихъ, я предпочитаю говорить начистоту. Въ чемъ ты обвиняешь меня? Говори—я отвѣчу тебѣ и не солгу.

— О! Это невозможно...—выговорилъ онъ медленно, съ горькой насмѣшкой.

Словно хлыстомъ ударили ее по лицу. Ей захотѣлось выкрикнуть ему прямо въ лицо свою вину, сказать всю правду, до конца, чтобъ показать, что она, дѣйствительно, не лжетъ.

Но и тутъ женскій инстинктъ осторожности и выдержки взялъ верхъ надъ остальнымъ.

— Попробуй,—сказала она только,—и увидишь.

И, отойдя на нѣсколько шаговъ, остановилась въ полосѣ солнечнаго свѣта; искрящіяся пылинки закружились около ея юбки, одѣвая ея колѣни словно блестящей броней.

Нѣсколько мгновеній онъ глядѣлъ на нее съ изумленіемъ и ненавистью и потомъ воскликнулъ:

— Какъ ты похожа на него!

— На кого?—спросила она, выпрямляясь, чувствуя, какъ по всему ея тѣлу, отъ затылка до пятъ, пробѣгаетъ дрожь испуга и гордости.

— Ахъ, на кого?... Ну, его можно и не называть. Но если хочешь, скажу: на моего друга и брата Андреа... на моего доктора.

Она бровью не повела.

— Еще что?

— Ничего... я говорю: похожа, потому что ты смотришь на меня, совсѣмъ какъ онъ, а онъ говоритъ со мной, совсѣмъ какъ ты. Прежде у тебя движенія были медлительныя, спокойныя, какія-то лѣнивыя... а теперь я иной разъ подмѣчаю въ нихъ такую же стремительность, какъ у него.

Помолчавъ немного, онъ добавилъ:

— Ты права, что любишь его: этотъ человѣкъ достоинъ любви.

Она все молчала, укрытая своимъ молчаніемъ, словно тяжелымъ плащомъ. И Джіорджіо продолжалъ:

— Это настоящій мужчина—съ огромнымъ умомъ и большою душой; другого такого я не встрѣчалъ... вѣрь, я не притворяюсь—онъ, можетъ быть, и ненавидитъ меня теперь; я его—нѣтъ.

— Онъ *не* ненавидитъ тебя,—твердо выговорила она.—Андреа не ненавидитъ тебя.

— Ты навѣрное знаешь это?

— Разумѣется. Но я еще одно хочу сказать тебѣ, напомнить то, о чемъ ты забываешь, Джіорджіо... Когда женщина, не жалуясь, съ глубокой преданностью, можно сказать, со страстью выполняетъ свой долгъ, никто не въ правѣ копаться въ ея душѣ, какъ это дѣлаешь ты, силясь вырвать у нея тайну, которую она старается запрятать какъ можно глубже—ужъ, конечно, не ради себя... Душа человѣка, думается мнѣ, принадлежитъ только ему, и надъ нею никто не властенъ.

— Да, душа... и тѣло также, Новелла.

— О, нѣтъ! Тѣло—нѣтъ!—смѣло солгала она, хорошо зная, что мужчина, какъ бы онъ ни любилъ, какимъ бы чистымъ именемъ ни называлъ свою любовь, по существу, всегда останется самцомъ, злымъ и ревнивымъ, который все проститъ, кромѣ фи-

зической измѣны. Она угадывала, что за всѣми этими рѣчами больного кроется прежде всего мучительное желаніе узнать, насколько она уже не принадлежитъ ему.

— Тѣло—нѣтъ!—повторила она, вооружаясь непреклонностью, придававшей красотѣ ея холодный блескъ металла.

— Зачѣмъ ты стараешься обмануть меня?... Изъ жалости? Мнѣ этого не нужно.

— Нѣтъ, Джіорджіо; мое тѣло позабыло о себѣ, увяло въ долгомъ одиночествѣ... Если кто-нибудь въ *немъ* и волнуетъ меня, то *не такъ* волнуетъ... Если можно назвать любовью то робкое чувство, которое живетъ во мнѣ, то это, во всякомъ случаѣ, не любовь женщины, но преклоненіе безъ желаній, и вмѣстѣ съ тѣмъ такое чисто женское, что мужчинѣ и не понять этого...

Она лгала съ легкостью, изумлявшей ее самое, убѣжденная, что дѣлаетъ доброе дѣло, убѣждая себя въ этомъ, чтобъ подбодрить себя, но, въ сущности, стараясь оправдать себя—и себя, и того, кого она любила... Лгала, чувствуя, что внутри нея шевелится зародышъ новой жизни, которому нельзя родиться на глазахъ больного, нельзя и умереть невѣдомо для всѣхъ въ этомъ домѣ, гдѣ всѣ слѣдятъ за ней.

— И всетаки, Джіорджіо,—продолжала она съ предательской, вкрадчивой лаской въ голосѣ,—если ты подозрѣваешь, что между нами есть что-нибудь, кромѣ вполнѣ понятной фамильярности, вытекающей изъ того, что мы вмѣстѣ ухаживаемъ за тобой,—удали его, пригласи другого врача... Хочешь, сдѣлаемъ такъ?...

Внутренно она дрожала отъ страха, что онъ приметъ ея жертву, и это было такъ замѣтно, что онъ нимало не усомнился въ ея лицемѣріи.

— Ты забываешь,—выговорилъ задумчиво больной,—что мы всю жизнь были, какъ братья. Я всѣмъ ему обязанъ; моей признательности къ нему ничто не можетъ уничтожить. Хотѣлось бы мнѣ только вѣрить, что ты не лжешь мнѣ.

У нея мелькнула надежда, что ей еще разъ удастся обмануть его.

— Какъ же мнѣ увѣрить тебя, Джіорджіо, когда ты такъ не довѣряешь мнѣ? Да, это правда: онъ сильный человѣкъ; и я, какъ всѣ, чувствую его власть надъ собой, его вліяніе; но вѣдь онъ живетъ совсѣмъ иною жизнью, чѣмъ я, такой далекой отъ моей, что я какъ будто читаю о ней въ книгѣ. Моя жизнь—въ томъ, чтобы бродить безшумно около твоей постели, подавать тебѣ пледы, чтобъ ты не зябнулъ, и радоваться отъ души, когда

ты, отдохнувъ и подкрѣпившись сномъ, утромъ взглянешь на меня съ благодарной улыбкой.

Онъ перебилъ ее, протягивая ей руку:

— Если-бъ ты знала, какъ я благодаренъ тебѣ!... И какъ грызу себя. Если-бъ не ты, Новелла, я давно уже освободился бы отъ этой безполезной жизни; если я еще живу, то лишь для того, чтобъ лишній день видѣть тебя... и притомъ, я же знаю, что тебѣ ужъ недолго осталось жертвовать собой...

— Джіорджіо, Джіорджіо, умоляю тебя!...

— Я увѣренъ въ этомъ, и, однако же, видишь, какъ я спокойно говорю... То, что зовется смертью, есть нѣчто живое и огромное; оно не можетъ подойти безшумно; оно заранѣе даетъ знать о своемъ приближеніи глухимъ и смутнымъ стукомъ крови въ жилахъ, слегка напоминающимъ топотъ далекой кавалькады... холодомъ, незамѣтно притупляющимъ всѣ чувства... и тогда душа, какъ солнце на закатѣ, съ безумной щедростью изливаетъ всѣ свои самые яркіе лучи на то, чѣмъ она владѣла въ этомъ мірѣ...

Голосъ его звучалъ монотонно, только отдѣльные звуки и слоги страшно выдѣлялись, словно взрывы смѣха, сухого и недобраго, въ однообразномъ разсказѣ. Но и она слушала его машинально, не вникая въ значеніе словъ, и только эти всплески непріятно до боли поражали ея слухъ.

— Зачѣмъ ты мучишь меня? За что ты меня мучишь?—хотѣлось ей крикнуть,—такъ физически нестерпимы были ей въ этотъ моментъ его голосъ, самое его присутствіе. И она смотрѣла на него, какъ въ бреду, видя одновременно и его, и косой лучъ, прорѣзывавшій комнату, и пылинки, пляшущія въ немъ, полныя жизни и бурь, какъ ея возбужденный мозгъ. Смотрѣла безъ жалости, впервые съ единственнымъ желаніемъ—отомстить. Ей казалось, что, сказавъ ей: „я знаю" и „я прощаю тебѣ", онъ тѣмъ самымъ утратилъ престижъ, который придавало ему его нѣмое горе, и предсталъ передъ нею, какъ голый запретъ касаться его добра, какъ тѣнь, неразлучная съ его закатившимся солнцемъ. И чѣмъ больше онъ говорилъ ей о смерти, тѣмъ больше она чувствовала себя вовлеченной въ неизбѣжную орбиту этой мысли, и картина его похоронъ, которую она всей силой души гнала отъ себя, навязчиво стояла передъ ея глазами, не какъ нелѣпая, далекая возможность, но какъ нѣчто близкое, неизбѣжное и неминуемое...

— Да... живое и огромное, которое заранѣе даетъ знать о своемъ приближеніи,—повторилъ онъ медленно, словно стараясь

запечатлѣть эти слова въ ея памяти.—И тогда человѣка съ невѣроятной силой охватываетъ не только грусть передъ разлукой, но и безумное сожалѣніе обо всемъ, что еще могла дать ему жизнь. Мало того, къ людямъ, даже къ тѣмъ, и особенно къ тѣмъ, которые причинили ему зло, въ душѣ его рождается какая-то усталая и въ то же время всепрощающая нѣжность, желаніе сдѣлать имъ какъ можно больше добра, какъ можно полнѣе выказать имъ свою любовь, чтобъ оставить по себѣ добрый слѣдъ... Ужъ не думаешь о томъ, что и для нихъ настанетъ конецъ, и то, что жизнь будетъ продолжаться и послѣ твоего ухода, поражаетъ недоумѣніемъ, какъ чудовищная лучезарная сила, которая ликуетъ и сверкаетъ и въ то же время душитъ тебя...

Онъ умолкъ, ожидая хоть звука, хоть знака въ отвѣтъ, но губы Новеллы были точно скованы, и рѣсницы ея недвижны.

— Ты слушаешь меня?—спросилъ онъ.

Прижавъ руку къ груди, она тяжело перевела духъ.

— Нѣтъ, не слушаю. Нѣтъ, я не слушаю тебя.

Онъ неожиданно вскочилъ съ кресла и приблизился къ ней, не глядя на нее. Все лицо его измѣнилось, какъ будто великое сомнѣніе боролось въ немъ съ великою надеждой.

— Я хочу задать тебѣ одинъ вопросъ. Я никогда не спрашивалъ тебя объ этомъ...

Она вздрогнула, быстро вскинула на него подозрительный взглядъ.

— О чемъ?

Онъ явно колебался, словно самъ стыдясь своего вопроса; потомъ всетаки началъ:

— Смотри же, — я не о пустякахъ тебя спрашиваю: я хочу знать—помимо всего того, что зовется религіей, или вѣрой въ непознаваемое, увѣрена ли ты въ томъ, что есть въ мірѣ безконечное, съ чѣмъ ты неразрывно связана,—ну, словомъ, что ты въ рукѣ и власти Божіей... или же, наоборотъ, ты чувствуешь себя одинокой въ мірѣ?

Онъ умолкъ, вглядываясь въ ея лицо; она, не имѣя силы взвѣсить значеніе его словъ, глухо отвѣтила:

— Да, я вѣрю въ Бога.

И, отвѣчая такъ, думала только о томъ, какой будетъ слѣдующій вопросъ.

— Берегись... не отвѣчай одними только устами... — предостерегъ онъ ее.

— Да нѣтъ же...

Онъ крѣпко сжималъ ея руку, словно силясь войти въ непосредственное соприкосновеніе съ біеніемъ ея пульса, ея сердца...

— Или, можетъ быть, Андреа уже заразилъ тебя своимъ холоднымъ атеизмомъ?

Она гнѣвно тряхнула головой и вырвала у него руку:

— Довольно!... Довольно, говорю тебѣ!

— Въ такомъ случаѣ, если ты вѣришь, — продолжалъ онъ, взглядомъ впиваясь въ ея глаза, въ ея черты,—если ты вѣришь, ты не сможешь солгать мнѣ... смотри же...

— Что ты хочешь?

— *Знать!* Знать навѣрное! — съ судорожнымъ усиліемъ выкрикнулъ больной. — Я, стоящій уже одной ногою въ гробу, я, не сдѣлавшій тебѣ никакого зла, я, любившій тебя, какъ никто послѣ меня уже не будетъ любить тебя,—я еще разъ спрашиваю тебя: принадлежала ты ему?... Только по правдѣ, по чистой совѣсти скажи: ты была его?...

Она злобно тряхнула головой, словно взвинчивая себя, чтобы отвѣтить: „нѣтъ"; потомъ поблѣднѣла до синевы и, отчеканивая каждый слогъ, медленнымъ, шипящимъ голосомъ отвѣтила:

— Не была—и никогда не буду.

Вся душа ея возмущалась, рвалась выкрикнуть правду, но она, упрямо, гнѣвно, душа себя внутренно, чтобы принудить себя ко лжи, еще громче повторила:

— Никогда! никогда!

Обезсиленный, онъ снова упалъ въ кресло, прижимая обѣ руки къ груди, глядя на нее растерянно, изнеможенно, почти со стыдомъ, какъ мальчикъ, который хотѣлъ пробить головой бронзовую стѣну. Его больное тѣло сжималось почти физическимъ страхомъ передъ этой сильной женщиной, которая имѣла право жить, смѣяться, наслаждаться, лгать, дѣлать все, что дѣлаютъ живые, между тѣмъ какъ онъ былъ только живой мертвецъ, опрокинутый натискомъ жизни, черезъ котораго чужая жизнь перекатывалась бурнымъ потокомъ.

Зачѣмъ онъ пытается отвоевать ея сердце у другой любви, когда эта любовь родилась въ немъ такъ же естественно и самопроизвольно, какъ ея ароматное дыханіе? Зачѣмъ темнить своею жалкой тѣнью невидимое солнце ихъ любви?

Горькій смѣхъ сарказма поднимался въ его душѣ отъ этихъ мыслей, но не доходилъ до губъ, а его потускнѣвшіе глаза, словно околдованные, смотрѣли, не отрываясь, на эту красавицу, окутанную солнечнымъ плащомъ, осіянную ореоломъ солнечныхъ лучей, словно исходившихъ отъ нея, словно излучаемыхъ ея красотой.

Что это—какъ будто бубенцы звенятъ гдѣ-то далеко, на улицѣ, а въ сосѣднихъ комнатахъ заливаются колокольчики... шумитъ въ ушахъ, звенитъ въ пустомъ мозгу, звонъ перекатывается изъ вены въ вену, мучительно и неустанно. Какое яркое солнце!... Какъ оно мучительно слѣпитъ глаза, заливаетъ желтымъ пламенемъ все вокругъ!...

И она здѣсь, такая близкая и въ то же время недоступная, вся въ лучахъ этого желтаго огня. А въ головѣ звенитъ все громче, словно бубенцы на улицѣ, словно колокольчики въ комнатахъ... въ ушахъ гудитъ отъ звона, въ расширенныхъ зрачкахъ мелькаютъ желтые огни. Что это такое? Можетъ быть, эти огромныя желтыя розы, тяжелыя отъ удушливаго аромата и обилія цвѣточной пыли—вотъ и онѣ закружились въ солнечномъ лучѣ, загорѣлись, запылали... Розы—или ея сверкающіе волосы—или золотой браслетъ, что блеститъ у нея на рукѣ—или все ея тѣло, юное и полное жизни, также благоухающее плодоносностью и сладострастіемъ... бубенцы звенятъ, желтые огоньки въ глазахъ... въ головѣ все вертится, шумитъ...

Ослѣпленный солнцемъ, онъ смежилъ вѣки и отдался грезамъ.

Трепетно и страстно, онъ мечталъ о ней—объ ея поцѣлуѣ—не въ лобъ, какъ это въ послѣднее время вошло у нея въ привычку, а въ губы,—о томъ, чтобы ея горячія уста прижались къ его пылающимъ устамъ,—о поцѣлуѣ обезсиливающемъ, долгомъ, медлительномъ, захватывающемъ дыханіе, пробѣгающемъ по нервамъ, какъ умѣлая ласка, чувственномъ, какъ нагота, сладкомъ, какъ грѣхъ... Такой поцѣлуй она сумѣла бы ему дать, если-бъ любила... И сквозь сомкнутыя вѣки онъ видѣлъ пылинки, плясавшія въ солнечномъ лучѣ, и, раздувая ноздри, втягивалъ въ себя стоящій въ воздухѣ запахъ женщины, сладкій и тяжелый, какъ слишкомъ сильный ароматъ цвѣтка, и этотъ запахъ, околдовывавшій его чувства, кружившій голову, пьянилъ ослабшаго больного, какъ пряное крѣпкое вино.

Огоньки... бубенцы... колокольчики. Что это? Желтыя розы? ея волосы?... огнистые лучи?..

О... какой звонъ!... какой шумъ, раздирающій уши!... Какъ больно, какъ больно!... слѣпитъ глаза... кружится голова... желтыя розы вертятся, какъ бѣшеныя... все пляшетъ вокругъ... солнце... слишкомъ много солнца... Ахъ, какъ больно!... Бубенцы... огоньки...

Что это было? Сердце вдругъ оборвалось... толчкомъ... кровь съ шумомъ побѣжала по ослабшимъ артеріямъ... въ мозгу точно камень, тяжелый, тяжелый... Розы, огни, колокольчики...

Что это было? Приступъ сладострастія умирающаго? Какъ часто оно терзало его въ долгія безсонныя ночи, когда она, такъ близко отъ него, въ ногахъ его кровати, засыпала надъ раскрытой страницей.

Онъ тоже закрывалъ глаза и притворялся спящимъ, чтобы желать ея, не выдавая себя; и сердце начинало биться все быстрѣй, быстрѣй; передъ глазами вертѣлись красные круги, тѣло все пылало, какъ въ лихорадкѣ... чудилось, что она лежитъ съ нимъ рядомъ, покорная всѣмъ прихотямъ его безсильнаго сладострастія. Эти приступы желаній истощали его больше всякаго кровопусканія, но онъ всякій разъ сдерживалъ себя и скрывалъ ихъ, чтобъ не спугнуть ея, чтобъ она не ушла.

Пока онъ былъ здоровъ, никогда онъ не желалъ ея съ такою жадностью; когда они спали рядомъ, на одной кровати, никогда онъ не испытывалъ такой чудодѣйственной власти надъ нимъ ея тѣла, теперь доводившей до изступленія его безсильную похоть. Когда онъ въ первый разъ въ брачную ночь поцѣловалъ ее, она казалась ему только дѣвочкой, утомленной своей созрѣвшей дѣвственностью, но въ то же время еще не проснувшейся, невинной ледышкой... Онъ даже не подозрѣвалъ въ ней той искусительницы, какой она стала теперь, того грѣховнаго соблазна, которымъ вѣетъ теперь отъ каждаго кусочка ея тѣла.

Да, теперь у нея въ орбитахъ глазъ, по угламъ затѣненнаго рта, когда она молчитъ въ задумчивости, даже въ самомъ голосѣ, съ такими странными порой интонаціями, въ покатыхъ плечахъ, словно истомленныхъ тяжестью цвѣтущей груди, въ гибкости рукъ, въ округлости колѣнъ, въ лѣниво-граціозныхъ позахъ—что-то усталое, томное и сладострастное, словно опіумъ убаюкивающее, погружая въ сладостную летаргію. Но на брачномъ ложѣ она была — Джіорджіо отлично помнилъ это — почти инертной, честной супругой, которая только покоряется страсти, но не дѣлитъ ея.

Это потомъ уже она такъ пышно расцвѣла; потомъ, когда для него она стала только добросовѣстною сидѣлкой и доброй сестрой, когда уста ихъ позабыли всѣ другія лобзанія, кромѣ лобзаній утѣшенія и жалости.

Но кто же разбудилъ ее? Кто разбилъ отупѣлость, сковывавшую ея чувства? Кто напоилъ ея прелестное тѣло этой коварной силой искушенія?

О, онъ хорошо знаетъ: кто. Недаромъ онъ сказалъ ей давеча: „Какъ ты похожа на него!"

А она въ отвѣтъ гордо выпрямилась, вздернувъ плечами и

позвонками шеи, такъ что голова ея слегка откинулась назадъ такимъ характернымъ для *него* движеніемъ, подчеркивавшимъ его гордость и непреклонность *его* холодной и жестокой воли. Отъ *него* она научилась бросать быстрые взгляды, не шевеля рѣсницами, и расширять зрачки, придавая взгляду такую пристальность, что его трудно было выдержать. Отъ *него* научилась говорить: „да" и „нѣтъ", коротко и рѣзко, словно всѣ ея мышцы напрягались разомъ, передавая силу напряженія голосу; говорить: „я хочу" и „ты долженъ", съ такой непреклонной рѣшимостью, что онъ испытывалъ отъ этихъ словъ почти физическую боль... Отъ *него* она переняла эти приливы нѣжности, вкрадчивой мягкости, почти дѣтской ласковости, вдругъ обрывавшіеся какимъ-нибудь рѣзкимъ и крутымъ движеніемъ, совсѣмъ мужскимъ... все это его, Андреа,—вѣдь и онъ, этотъ истый мужчина, умѣетъ порой быть ласковымъ и гибкимъ, какъ шелкъ, и суровые глаза его, острые и блестящіе, какъ сталь, свѣтятся порою такой ласковой, почти дѣтской улыбкой, что, кажется, въ нихъ видна вся душа его, чистая и глубокая, какъ безоблачное небо.

Давеча на его вопросъ она сказала: „никогда"; но развѣ можетъ это слово разбить его убѣжденіе, подсказанное безошибочнымъ чутьемъ и цѣлымъ рядомъ изо дня въ день копившихся наблюденій? Уста ея говорятъ „нѣтъ", но вѣдь ясно же, что она не только любовница Андреа, а его вещь, его неотъемлемая собственность, что кровь ихъ смѣшалась, и жизнь ея навѣки слилась съ его жизнью.

Онъ, навѣрное, взялъ ее мягко, но крѣпко, захвативъ словно когтями и отмѣтивъ печатью своего владѣнія, которая никогда уже не изгладится.

Но тогда зачѣмъ же становиться между ними, докучая имъ и потѣшая ихъ своею ревностью? Зачѣмъ было начинать разговоръ, обнажать передъ ними свою живую рану? Зачѣмъ нарушать это молчаніе, укрывавшее ихъ всѣхъ отъ еще болѣе тяжкихъ бѣдъ?

Какъ онъ теперь посмотритъ ей въ глаза? Какъ осмѣлится взглянуть въ глаза Андреа?

Онъ говорилъ себѣ: два человѣка, живыхъ, имѣющихъ право на жизнь, нашли другъ друга, нашли свое счастье: полюбили. Вѣдь это не пустое слово—это значитъ *жить*. И, какъ бы это ни было ужасно для меня, ихъ право выше и прекраснѣй моего.

Если я закричу, кто услышитъ мой крикъ?... Я—неподвижность; я—нѣчто отжившее, погасшее, чему надлежитъ молчать.

Да, но вѣдь это былъ мой другъ, это была моя жена...

Слова, пустыя, жалкія слова. *Жить*—вотъ единственная правда, со всѣмъ свойственнымъ ей хищничествомъ, со всей присущей ей неизбѣжной и роковой жестокостью. И если я крикну, что имъ сдѣлается отъ моего крика? Ничего—развѣ только посмѣются надъ нимъ, какъ смѣются въ комедіяхъ надъ ревнивцами. Но это драма?... Да, пожалуй: маленькая мимолетная драма, какія разыгрываются каждый день на равнодушной землѣ. Бѣдное усталое сердце! тебѣ надо было молчать. Послѣдняя твоя красота была въ молчаніи, ибо можно и до конца сохранить красоту, которая остается жить въ памяти другихъ людей. Зачѣмъ же ты разбило эту красоту? Бѣдное сердце, зачѣмъ ты поступило такъ безжалостно съ самимъ собой? Зачѣмъ хотѣло „знать“? да еще „навѣрное“?... Тотъ, кто умираетъ, долженъ имѣть мужество не препятствовать счастью живыхъ.

Такъ разсуждалъ онъ самъ съ собой, въ какомъ-то полузабытьѣ, застилавшемъ отъ него все окружающее; онъ ужъ не видѣлъ теперь ни Новеллы, ни солнца, заливавшаго комнату нестерпимо яркимъ свѣтомъ, ни желтыхъ розъ, разставленныхъ ею теперь по вазамъ. Онъ почти не помнилъ злыхъ словъ, сказанныхъ между ними; по крайней мѣрѣ, этотъ разговоръ казался ему далекимъ-далекимъ, какъ это бываетъ иной разъ послѣ долгаго обморока, и только въ его мятущемся мозгу, въ его ушахъ все еще звенѣли бубенцы и колокольчики, но уже слабѣе, словно уходя куда-то вдаль и выше, и выше...

Очнувшись отъ этого оцѣпенѣнія, словно стряхивая съ себя долгій сонъ, онъ сталъ искать глазами жену... Гдѣ же она? Онъ не сразу увидѣлъ ее: полдневное солнце заливало теперь комнату словно огнемъ пожара, и все вокругъ блестѣло и сверкало, такъ что глазъ не могъ выдержать этого блеска, какъ уши—нестройнаго шума.

Потомъ увидѣлъ: она сидѣла за роялемъ, голову опустивъ на грудь; одна рука ея лежала на клавишахъ, другая на колѣняхъ, сжатая въ кулакъ; ноги ея были до колѣнъ окутаны тѣнью, а бюстъ словно весь обвитъ огненной спиралью, поднимавшейся до верхушки головы, и волосы ея, какъ зажженный факелъ, разсыпали вокругъ золотыя брызги.

— Новелла!...—прошепталъ больной.

Она вздрогнула, выпрямилась, второпяхъ задѣвъ рукою три клавиши, издавшія рѣзкій звукъ.

— А!... Ты не спишь?

Вмѣсто отвѣта Джіорджіо умоляющимъ жестомъ протянулъ

къ ней руки. Она смущенно поднялась, словно пугаясь звука собственныхъ шаговъ, и съ тревожнымъ сердцемъ подошла къ нему.

— Что ты, Джіорджіо?... Нехорошо тебѣ?... Вотъ видишь...— говорила она ласково, съ участіемъ сестры.

— Нѣтъ, нѣтъ... послушай!...

Она ласково взяла обѣ его руки, сжала въ своихъ; у обоихъ руки горѣли, хоть и отъ различной лихорадки; оба смотрѣли другъ на друга робко, нерѣшительно, какъ виноватые...

Но тутъ она увидала на рѣсницахъ больного, на этихъ свѣтлыхъ рѣсницахъ, такихъ чистыхъ, подъ которыми никогда не укрывалось нечистой мысли, двѣ крупныхъ слезы, крупныхъ, прозрачныхъ, скатившихся разомъ, оставивъ едва замѣтный слѣдъ на щекахъ... Неудержимое рыданіе сдавило ей горло...

Безъ словъ, безъ ложныхъ увѣреній она склонилась надъ больнымъ,—и долго они плакали вмѣстѣ, обнявшись...

Перев. **З. Журавской.**

(Продолженіе слѣдуетъ.)

* * *

Есть времена, есть дни, когда
Ворвется въ сердце вѣтеръ снѣжный,
И не спасетъ ни голосъ нѣжный,
Ни безмятежный часъ труда.

Испуганной и дикой птицей
Летишь ты, но заря—въ крови...
Тоскою, страстью, огневицей
Идетъ безуміе любви...

Полъ-сердца—туча грозовая,
Подъ ней—все глушь, все нѣмота,
И эта—прежняя, простая—
Уже другая, ужъ не та...

Темно, и весело, и душно,
И, задыхаясь, не дыша,
Уже во всемъ другой послушна
Доселѣ гордая душа!

Александръ Блокъ.

ЗЕМНОЕ.

Разсказъ.

I.

Есть слезы, которыми полы моютъ, но есть и такія, что жгутъ землю.

Такъ вотъ этими послѣдними, жгущими землю, и плачетъ сейчасъ Θедоръ Игумновъ, сидя въ полутемномъ углу комнатушки коридорнаго слуги Прохорыча, преклоннаго старика, спорщика и добрѣйшей души человѣка. Плачетъ навзрыдъ, слезами обильными, какъ плачутъ люди въ великомъ горѣ, причитая голосомъ тихимъ и скорбнымъ, будто ужъ и въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ему выхода, и не сегодня-завтра поведутъ его, до смѣшного огромнаго, на казнь, не то къ глубокой пропасти. Особенно много думаетъ онъ о пропасти, представляя ее гдѣ-то на краю всѣхъ городовъ, обязательно невдалекѣ отъ лѣса, темною, какъ темна и ночь (днемъ вѣдь не казнятъ), глубокою, какъ глубоко его горе. А что горе его глубоко и огромно, то это тоже правда.

Не дальше какъ годъ тому назадъ Игумновъ былъ обезпеченъ, не зналъ онъ тогда ни печали, ни заботушки и, какъ и пріятели его, большую часть дня проводилъ въ бесѣдахъ „по душамъ“, сидя въ дешевыхъ студенческихъ кабачкахъ, гдѣ пивалъ иногда съ утра до ночи, пересиживая всѣхъ своихъ собутыльниковъ. А ими у Θеди хоть прудъ пруди: Θедю знаютъ всѣ и всѣ любятъ, во-первыхъ, за его покладистый нравъ; во-вторыхъ, за правду его и искренность; Θеди ужъ за тридцать стукнуло, а врать онъ такъ-таки и не научился. Но за что онъ паче всего любимъ, такъ это за свою рѣдкую внѣшность.

Она такова...

Представьте вы дѣтину ростомъ въ сажень, съ огромными ручищами, похожими больше на желѣзныя цѣпкія кузнечныя кле-

щи, чѣмъ на человѣческія руки. Огромная его голова, какъ бы случайно, временно пребывала на его необъятномъ туловищѣ. Ею Ѳедя подъ пьяную руку стекла билъ, а разъ, какъ-то попавъ съ веселой компаніей въ домъ съ фонарями, гдѣ всякому безчинству, какъ извѣстно, просторъ и воля, онъ ни съ того, ни съ сего—бацъ головой въ перегородку... И проломилъ ее. И такъ это у него ловко вышло, что даже сама „мадамъ“ долго смѣялась и въ счетъ компаніи Ѳединаго озорства не поставила.

Съ тѣхъ поръ Ѳедину голову и не зовутъ иначе, какъ только гаубицей; эта же кличка современемъ пристала и ко всему его до крайности большому тѣлу.

Какъ сказано, Ѳедя высокъ, но въ такой же мѣрѣ онъ и въ ширину пошелъ, одноко не толстъ, а сухъ и жилистъ. Спина его, какъ и голова, тоже неладно скроена — какая-то своеобразная, игумновская; шириной она почти въ половину его роста, но изогнута, подалась впередъ, будто Ѳедя сызмальства горе пудовыми мѣшками таскалъ. Ноги его, какъ и руки, цѣпкія, крючковатыя: стоило ему, напримѣръ, походить съ полчаса по паркетному полу, чтобы онъ испортился, началъ скрипѣть и угибаться подъ дюжими шагами Ѳеди.

А еще и главное—лицо Ѳеди.

Лобъ у него, какъ говорили, до затылка, орбиты по куриному яйцу, а въ нихъ съ чечевичное зернышко маленькіе веселые не глаза, а глазенки. Притомъ ни бровей у Ѳеди, ни рѣсницъ, ни усовъ и бороды,—голъ, какъ евнухъ. Но какъ рѣзкою противоположностью были глаза его орбитѣ, такою же, если не въ большей степени несуразностью были Ѳедины мелкіе мышиные зубки его рту, который, правда, не доходилъ до ушей, но что былъ близокъ отъ нихъ, за это ручаюсь... Подбородокъ его квадратный, удлиненный; уши въ сторону; носъ—посудина; волосы на головѣ обильны и спутаны мелкими, свалявшимися кудряшками въ блинъ. Голова его напоминала молодого рыжаго барашка, свернувшагося калачикомъ—Ѳедя никогда не причесывался, и поэтому голова его всегда была куда-нибудь наклонена тяжестью волосъ, сбитыхъ на сторону, противоположной той, на которой онъ эту ночь спалъ.

Таковъ приблизительно портретъ Ѳеди Игумнова.

Въ родномъ городкѣ Вереѣ, будучи еще семинаристомъ, Ѳедя уже былъ мѣстной знаменитостью. О немъ пріѣзжіе въ городокъ въ первую же очередь спрашивали городовыхъ:

— А не у васъ ли, любезнѣйшій, этотъ паренекъ, который ногами панельныя плиты выворачиваетъ?

Или:

— Это въ вашемъ городѣ живетъ человѣкъ, который еще водитъ лошадей на водопой за хвостъ, а не за узду?

А то и такъ:

— Иду это я, милъчеекъ, поутру отъ акцизнаго Ивана Ѳанасича съ крестинъ. Дочкой его благословилъ Господь. Нарекли Агафоклеей. Иду и вижу: бутари заборъ поднимаютъ. Спрашиваю: что, али буря ночью была? А бутари въ смѣхъ. Ей-ей. Не буря, говорятъ, Парамонъ Савичъ, а гаубица прошла. Это Ѳедька-то гаубица. Игумнова, кладбищенскаго дьячка сынъ. Знаете? Который еще лѣтось на пожарѣ за рѣкой Гусыней ея превосходительство вице-губернаторшу оглушилъ?

Да, голосъ—тоже особенность Ѳеди.

Когда онъ со своимъ отцомъ спорилъ о Богѣ или съ похмелья у матери на пару пива клянчилъ, сосѣдямъ игумновскимъ казалось, что въ ихъ дверь воры ломятся.

Голосъ Ѳеди скрипучъ, какъ надломленное дерево, зыченъ, громокъ, какъ фабричный гудокъ. Маленькому Ѳедѣ, капризничавшему по ночамъ и крикомъ пугавшему въ сараѣ нахохлившихся куръ, его мать, сварливая дьячиха Алевтина Павловна, давала рукава жевать, стараясь хотя бы потерею рубахи возстановить въ домѣ и курятникѣ тишину. А позднѣе, когда Ѳедѣ исполнилось одиннадцать лѣтъ и его повели въ духовное училище, то и тамъ не обошлось безъ казуса. На первомъ же урокѣ пѣнія Ѳедя какъ „отверзъ уста“, такъ у учителя пѣнія и лопнула барабанная перепонка. Впрочемъ, объ этомъ только говорили, и я несчастью съ учителемъ мало вѣрю, хотя что-то въ этомъ родѣ было съ нимъ на первыхъ порахъ Ѳединой учебы. А еще позднѣе, попавъ черезъ многіе поклоны своего отца, кладбищенскаго дьячка Василія Игумнова, въ семинарію, Ѳедя тутъ новый, дотолѣ невѣдомый талантъ обнаружилъ.

На первой семинарской пирушкѣ Ѳедю за его неповоротливость и огромный, уличающій ростъ оставили при котлѣ; сами же семинаристы пошли въ сосѣднюю деревню стяжать картошки два картуза, курицу и, если попадутся, яицъ десятокъ. Выпивку ребята достали за наличныя, собравъ предварительно „съ носа по грошу“; кстати, Ѳединъ носъ со дня этого общественнаго акта принялъ кличку „посудины“, почему и взято было съ него на выпивку вмѣсто одного два „гроша“.

Потѣя у костра, Ѳедя подкладывалъ хворостъ да какъ-то невзначай наступилъ на корзину, а въ корзинѣ бутылки, въ бутылкахъ же пиво. Двѣ изъ нихъ онъ раздавилъ—стало жалко Ѳедѣ.

А чтобы пиво не пропадало окончательно, онъ рѣшилъ остатки выпить; выпилъ и поморщился. Подумалъ, отчего такъ вышло, и попробовалъ еще; третій разъ онъ ужъ приложился, не думая... а тамъ пошло и пошло.

Но вотъ въ кустахъ надъ рѣкой раздалась семинарская горластая пѣсня. Эхо дрогнуло и покатилось кубаремъ къ лѣсу, разбилось на сто голосовъ и ну пугать пернатый міръ.

А тѣмъ временемъ ребята къ костру подходили.

У кого курица подъ рубахой, у кого картошка, а одинъ изъ нихъ, будущій закадыка Ѳеди, Гаврюшка Макарьинъ, за ноги поросенка держалъ. Словомъ, ребятки не ударили лицомъ въ грязь: пиръ такъ пиръ—украдено было много и разное.

Только одна бѣда: костра не могли найти ребята.

— А вѣдь, братцы, намъ правѣй надо?—сказалъ одинъ изъ горлановъ въ кустахъ.—Темно, какъ въ сапогѣ подъ пяткой.

— Игу-умна-афъ!—крикнулъ другой.

А третій вскользь бросилъ догадку:

— Монаси, а не шукнуть ли намъ его по низу? Что-то въ носу свербитъ. Вродѣ какъ бы пивомъ. А?

— Что ты! Да онъ и въ ротъ не беретъ,—отозвались остальные.

— Ай!

И тьма стала свѣтомъ: въ двухъ шагахъ отъ благородныхъ воришекъ пластомъ лежалъ Ѳедя; по бокамъ его, у ногъ и двѣ подъ головой лежали пустыя пивныя бутылки; всѣхъ ихъ было восемнадцать, двѣ Ѳедя раздавилъ—взято же было ведро.

— Счетомъ всѣ,—говорилъ ехидно семинаристъ-запѣвала,—нехватаетъ только внутренности...

— Что же намъ теперь дѣлать, братцы?

— Бить.

— Зачѣмъ бить. Можно и безъ боя. Ѳедь, Ѳедя,—наклонившись къ Ѳедѣ, будилъ его Гаврюшка Макарьинъ.

Но Ѳедя мертвъ, нѣмъ, ко всему безучастенъ.

— Ѳедь, проснись...

— Айда въ рѣку его! Тамъ живо проснется.

— И въ рѣку даромъ,—урезонивалъ ребятъ все тотъ же Гаврюшка Макарьинъ, — мы его и такъ поднимемъ. Степка, поищи перышко или тоненькую хворостинку.

Степка вырвалъ у своей курицы изъ хвоста перо.

— Отойди, ребятъ, въ сторонку. Такъ. Ну, а теперь молчокъ.

И Гаврюшка Макарьинъ, ставъ у изголовья Ѳеди, началъ осторожно вводить въ „посудину“ перо; когда оно вошло до половины, онъ произнесъ съ видомъ мастера и знатока своего дѣла:

— Шевелится. Сейчасъ чеху дастъ.

— Ты поверни перо-то,—совѣтовали ему изъ потемокъ,—отъ верченія слеза идетъ.

— Поверни что-нибудь у отца ректора,—огрызнулся Гаврюшка и медленно продвинулъ еще на полвершка перо.

Ѳедя покрутилъ носомъ, приподнялся было, но тотчасъ же рухнулъ обратно.

— Забираетъ, — сладостнымъ шопоткомъ оповѣстилъ ребятъ Гаврюшка.

— А-апчхи-и,—взвизгнулъ Ѳедя.

— Забрало!

— А-ап...

— Молодецъ, Гаврюшка.

— Браво!

— А-а...

И Ѳедя проснулся, посмотрѣлъ вокругъ себя ничего невидящимъ взоромъ, улыбнулся чему-то, потягиваясь, а замѣтивъ Гаврюшку, сказалъ ему, позѣвывая и почесываясь:

— А я того... Кобылу во снѣ видѣлъ. Пѣгая, братъ. И вмѣсто хвоста у нея перо. Ей-Богу.

Такъ началась Ѳедина пьяная карьера.

Будучи же студентомъ, онъ еще новый, предпослѣдній талантъ явилъ міру.

Шла сходка.

Народу въ аудиторіи—шиломъ не пропихнешь, на скамьяхъ, на каѳедрѣ, на подоконникахъ, всюду и вездѣ. Всѣ горланили и спорили такъ, словно споромъ ихъ должна была рѣшиться участь Россіи. И вотъ въ разгаръ наибольшаго шума Ѳедя услыхалъ свое имя, выкрикнутое съ каѳедры высокимъ пронзительнымъ теноркомъ:

— Товарищъ Гаубица, ваше слово!

Какое слово, для чего, зачѣмъ—Ѳедя не понималъ. Ораторомъ онъ отродясь не былъ, на сходкахъ не выступалъ, въ землячествѣ числился за хорошую рабочую лошадь, а тутъ на-те: „ваше слово“. Не иначе, какъ чья-то шутка.

Однако шумъ уже стихалъ и съ каѳедры вторично раздался окрикъ, а по рядамъ, точно свѣчку въ переполненномъ храмѣ, передавали кличку Ѳеди; наконецъ, когда она дошла до Гаврюшки Макарьина, Ѳедя не выдержалъ:

— Братцы, — громыхнулъ онъ виноватой октавой, — это не я. Накажи Богъ,—не я. Вы ужъ того... лучше вотъ Гаврюшку.

А братцы, какъ одинъ человѣкъ, разразились неистовымъ хохотомъ.

— Брра-во-о!—кричали они.

— Про-оси-имъ!

— Игумнова къ каѳедрѣ!

— Гаубицу!

И не успѣлъ Ѳедя какъ слѣдуетъ поразобраться въ крикахъ и шумѣ, какъ его уже несли на рукахъ къ каѳедрѣ.

— Тише!—кричали.—Товарищъ Игумновъ говорить будетъ.

Ѳедя на каѳедрѣ.

— Братцы,—началъ онъ, волнуясь.—Братцы вѣдь я драться буду. Ей-Богу.

Но братцы не убоялись угрозы.

— Просимъ! Просимъ!

Тогда Ѳедя, ни слова не говоря, осторожно и неспѣша взялъ въ охапку рядомъ стоявшаго студента и, размахивая имъ, пошелъ къ выходу. Въ дверяхъ его задержали, но и тутъ Ѳедя нашелся: взялъ еще студента; этого онъ обхватилъ поперекъ спины, потомъ оглядѣлъ изумленную публику и степенно произнесъ:

— Ежели, братцы, безъ скандала, то разступитесь. Не то дверь вышибу, а ребятамъ бока намну.

Разступились, конечно...

Студентовъ Ѳедя отпустилъ только при входѣ въ ближайшую пивную, сказавъ имъ въ назиданіе:

-- По-моему это свинство, что меня вызывали къ каѳедрѣ. А если я васъ помялъ, то зайдемте...

Студенты поразмялись и вошли вслѣдъ за Ѳедей въ пивную, куда вскорѣ перебралась большая часть сходки. И съ этого дня Ѳедя сталъ студенческой извѣстностью, а современемъ, когда узнали его ближе, извѣстность перешла въ общую любовь. Товарищи привязались къ нему, какъ дитя къ нянькѣ, и ужъ не было такого человѣка, который могъ бы уличить Ѳедю во лжи, въ нечестности, въ нетоварищескомъ поступкѣ. Короче, не прошло и полугода, какъ Ѳедя сталъ общимъ баловнемъ. Положеніемъ фаворита онъ однако не кичился, со всѣми былъ равенъ и ласковъ, развѣ вотъ въ пьяномъ видѣ занесетъ противъ воли какого-нибудь желторотаго юнца-студента въ пивную, да и то лишь потому, что одинъ онъ въ полѣ не воинъ; безъ компаніи Ѳедя чувствовалъ себя какъ бы голымъ.

И всюду такъ, вездѣ и всегда, гдѣ бы ни появлялся Ѳедя, во всѣхъ случаяхъ онъ вначалѣ выкидывалъ какую-нибудь штуку,

и не ради гаерства или озорства, а совершенно серьезно, съ полнымъ сознаніемъ, что поступаетъ онъ хорошо и правильно.

Примѣръ...

Какъ-то Ѳедя обѣднялъ, въ обычное же время онъ жилъ въ достаткѣ, уроковъ у него всегда больше, чѣмъ у любого студента.

Ѳедя на толкучемъ рынкѣ.

Ходитъ, смотритъ на продувную публику и ухмыляется, до шума и сутолоки Ѳедя охочъ крайне. Часа два такъ ходилъ и ужъ завязалъ не одно знакомство съ латошниками; сводилъ двоихъ оборванцевъ въ пивную, гдѣ и вспомнилъ вдругъ, зачѣмъ онъ пришелъ на рынокъ: у Ѳеди штаны пришли въ негодность. А новые въ магазинѣ купить—денегъ маловато, ну, а на рынкѣ ужъ чего дешевле.

Идетъ это Ѳедя по рядамъ готоваго платья, ухмыляется на зазыванье молодцовъ да думу думаетъ: куплю, молъ, вотъ штаны, а вечеромъ франтомъ къ Аннѣ Николаевнѣ чайкомъ пойду баловать. Анна Николаевна—больное мѣсто Ѳеди, хотя съ нею мы погодимъ. Думая такъ, онъ незамѣтно свернулъ за уголъ въ ряды случайной мебели. А тутъ на Ѳедю атака.

— Гспадинъ, небель гнутая. Есть рокока и жакобъ. Не угодно ли? Аглицкій кабинетъ, спальня анпиръ. Пожалте! Будьте постояннымъ покупателемъ. Зайдите.

Ѳедя раздвинулъ ротъ до ушей улыбкой и вошелъ въ магазинъ, по пути ненарокомъ опрокинувъ мраморный умывальникъ.

— Не извольте безпокоиться. Лишняго не возьмемъ. Крайняя 27, 50. Съ починкой уступочка... 32-съ.

— То-есть какъ это съ починкой? А штаны?—рявкнулъ Ѳедя, чуя что-то недоброе.

— Брючки изволили пройти-съ,—слащаво доложилъ лысый старичокъ.—У насъ небель, ваше степенство. Есть и люстры старинныя. Для любителей. Стоящія очень, но для васъ, какъ постояннаго покупателя, мы безъ лишняго...

Когда Ѳедя ѣхалъ на извозчикѣ съ обломками мраморнаго умывальника отъ Гаврюшки Макарьина, у котораго онъ досталъ всего лишь трешницу, тогда какъ умывальникъ дешевле четвертной не отдали, и думалъ, куда бы ему еще поѣхать за деньгами, сидѣвшій рядомъ съ нимъ приказчикъ-мебельщикъ посовѣтовалъ вѣжливо:

— Напрасно, господинъ, на лошадку тратитесь. Все равно денегъ не достанете.

— Ну?—наивно переспросилъ Ѳедя.

— Вѣрно, говорю. Только лишній расходъ. Да и къ чему вамъ, холостому, обстановка?...

— Да ты дѣло говори. Безъ проскомидій,—оборвалъ Ѳедя приказчика.

— Ежели дѣломъ, то нѣтъ лучше намъ пути, какъ обратно на рынокъ. Продадимъ умывальникъ, а ежели не хватитъ, то...

И приказчикъ замялся.

— Ну, что то?

— Пальто можно,—понизивъ голосъ, отвѣтилъ приказчикъ.— Онѣ у васъ хорошей доброты. Красненькую дадутъ. Это ужъ, какъ пить дать, получите.

Ѳедя подумалъ, взгрустнулъ, вспомнилъ Анну Николаевну и чаекъ у нея, потомъ набросился на извозчика, злой и несправедливый:

— Тащится, словно вошь беременная. Право. Тебѣ бы покойниковъ возить. Пошелъ на рынокъ, тетеря.

На рынкѣ Ѳедя снова взгрустнулъ.

— Шелъ, братъ, за штанами, а вмѣсто этого одно безобразіе,— жаловался онъ приказчику, который въ это время какими-то непонятными для Ѳеди полусловами торговался съ мебельщикомъ:

— Вотъ, господинъ, они за умывальникъ восемь цѣлковыхъ даютъ. Цѣна сходная, ежели еще пальтецо спустить. Пять вы отдали, трешна въ карманѣ, восемь здѣсь и десять за пальто. Дадутъ небезпремѣнно красную...

Но Ѳедѣ уже все надоѣло: и думы объ Аннѣ Николаевнѣ, и подозрительный приказчикъ, и мысль о штанахъ, и все это хайластое, рыночное царство, гдѣ обдираютъ человѣка, какъ липку.

— Вотъ что, аггелъ,—говорилъ усталый Ѳедя приказчику, снимая свое форменное діагоналевое пальто:—получай трешницу и пальто, продавай умывальникъ... Но только, другъ любезный, поостерегись попадаться мнѣ на глаза.

Приказчикъ, принимая отъ Ѳеди пальто и трешну, что-то извиняюще мямлилъ.

— Постой еще у меня,—прикрикнулъ на него Ѳедя.

Когда Ѳедя шелъ по рынку домой, о немъ и его покупкѣ знали всѣ; вслѣдъ ему свистѣли и улюлюкали, а зазывалы-мальчишки забѣгали впередъ и громко выражали свое удивленіе и восторгъ по поводу его огромнаго роста, страннаго лица, неудачной покупки...

— Сеняткъ, погля-къ, каки кулачищи-то у него...

— А волосья. Ребятъ, во волосья!

— И безъ пальты.

— А глазенки махоньки-махоньки, какъ у кутенка.

— Шагать-то, шагать...

— Тю-ю! Аря, ря...

— Фью-ю...

Въ послѣдующее время, когда Өедѣ случалось бывать на рынкѣ, съ нимъ ужъ здоровались, какъ со старымъ, хорошо знакомымъ человѣкомъ; пили съ нимъ пиво и первое время вовлекали въ невыгодныя, ненужныя ему покупки, разстраивая въ конецъ несложный его бюджетъ. Но это, какъ сказано, было только первое время; позднѣе же, когда узнали его короче, Өедя сталъ первымъ человѣкомъ на рынкѣ, и къ его услугамъ былъ не только умывальникъ, а и англійскій кабинетъ и спальня ампиръ.

Любили Өедю и здѣсь.

При покупкѣ чего бы то ни было уступали ему товаръ за полцѣны, даже деньгами ссуживали, если онъ нуждался въ нихъ. По его запискѣ одѣвались десятки студентовъ, за которыхъ въ большинствѣ случаевъ Өедѣ приходилось самому платить. Съ рынка Өедя возвращался всегда пьяненькій и благодарный за оказанный ему радушный пріемъ и угощеніе.

Таковъ былъ Өедя въ дни студенчества, такимъ онъ остался и поднесь, если бы не амуръ проклятый...

А было это такъ.

Кончивъ университетъ съ дипломомъ первой степени, Өедя все дѣлалъ хорошо и до конца, за что бы онъ ни брался, но, какъ человѣкъ честный, простой и не хитрый, успѣхами своими пользоваться не умѣлъ, предоставляя это дѣлать людямъ болѣе увертливымъ и пронырамъ... Съ дипломомъ въ рукахъ, какъ филологъ, Өедя могъ бы въ тотъ же годъ найти хорошее мѣсто учителя, которое кстати ему и предлагали; но у Өеди, повторяю, слабость: разъ начатое кончать. Были у Өеди ученики, готовилъ онъ ихъ въ разныя школы и къ разнымъ срокамъ. А такъ какъ преподаватель онъ толковый, а паче того—ребятенокъ любилъ и относился къ нимъ душевно, по-дружески, то въ ученикахъ у него недостатка никогда не было: уйдетъ одинъ, на смѣну ему трое. Такъ Өедя, вѣчно занятый уроками, и не улучилъ минуты для окончательнаго отвѣта на предложенное ему мѣсто учителя. А къ тому же не хотѣлось покидать и столицы, университетскихъ друзей, а главное—Анну Николаевну; учительство ему предлагали въ провинціи. Словомъ, застрялъ Өедя.

И вотъ въ серединѣ второго года по окончаніи университета пріѣхала къ нему его мать, сварливая старушонка Алевтина Павловна. Ну, конечно, радость. Өедя кликнулъ кличъ, и въ его ком-

натушку на Старой Басманной набилось столько народу, что за дымомъ отъ папиросъ самъ Ѳедя ошибался въ лицахъ; пришла, разумѣется, и Анна Николаевна.

Выпили, пошумѣли, разошлись...

Оставшись одинъ на одинъ съ сыномъ, мать помолчала съ полчаса, потомъ исподволь начала излагать цѣль своей поѣздки.

— Большой ты какой выросъ, Ѳедорушка,—политично начала Алевтина Павловна,—чай отца-то выше будешь?

Помолчали...

— А плохъ отецъ-то, сынокъ. Кашляетъ и все на поясницу жалуется. Не померъ бы...

Тутъ Алевтина Павловна незамѣтно для Ѳеди три раза плюнула черезъ плечо: говорили ей, старой, что это глазъ отводитъ.

— Да и я, Ѳедорушка, пожила ужъ. Чего тамъ, шестой десятокъ пошелъ. Пора, давно пора...

Ѳедя молча наводилъ въ комнатѣ порядокъ.

— Умремъ, и некому о тебѣ будетъ позаботиться. Ни починить тебѣ, ни присмотрѣть за дѣлами.

Видя, что Ѳедя не возражаетъ, Алевтина Павловна пріободрилась, сѣла поудобнѣй и ужъ продолжала тономъ ворчливой старухи:

— И грязный ты, Ѳедоръ, и нечесаный, все потому, что одинъ. Другой на твоемъ-то мѣстѣ, съ образованіемъ, вотъ какую кралю бы подцѣпилъ. Невѣста, она любитъ образованіе. Хоша бы къ примѣру у насъ. И чѣмъ, скажи на милость, тебѣ не пара благочиннаго о. Антропія Аглаюшка? И красива-то она, и полненькая. Совсѣмъ дамочка-съ. А ужъ что приданаго у ней, Ѳедя... И-и! Однихъ платьевъ, говорили, двадцать два. А бѣлье! А перины! Деньгами одними пять тысячъ и домъ на Губернаторской.

Алевтина Павловна такъ увлеклась богатымъ приданымъ благочинновой Аглаюшки, что и не замѣтила, какъ Ѳедя началъ ходить изъ угла въ уголъ, ероша нервно волосы, что̀ значило у него всегда недовольство и раздраженіе.

— А родня-то, сынокъ, родня какая! Тесть о. благочинный, братъ евонный въ офицерахъ. Матушки благочиннихи сестра за генераломъ. Сама патретъ видѣла. Весь въ звѣздахъ да медаляхъ. Анъ ли робость беретъ, когда смотришь.

Скрипятъ и гнутся половыя доски подъ тяжелыми шагами Ѳеди; лицо его мрачно, на лбу сѣть морщинъ, и въ маленькихъ дѣтски чистыхъ глазахъ гнѣвъ,—Ѳедя не любилъ, когда въ его жизнь вмѣшивались.

— Ты, мать, только за этимъ пріѣхала?—угрюмо спросилъ онъ

Алевтину Павловну, на минуту прервавшую восхваленіе семьи Аглаюшки.

— И за этимъ, Өедорушка, и на твою жизнь посмотрѣть. Живешь ты тутъ одинъ и никого у тебя нѣтути, акромя лохматыхъ студентовъ. Ни прибрать тебѣ, ни обѣдомъ попотчивать.

Өедя остановился посрединѣ комнаты и вдругъ, даже не подумавъ хорошо надъ сказаннымъ, рѣшительно заявилъ:

— Невѣста у меня давно есть. Ты ее видѣла сегодня. Она еще была въ синей кофтѣ. Анной Николаевной зовутъ.

— Это стриженая-то?!—въ ужасѣ воскликнула Алевтина Павловна.

— Стриженая и безъ перинъ,—грубо отвѣтилъ Өедя.—Намъ хорошо и на матрацахъ будетъ. А ежели насчетъ звѣздъ, то довольно и небесныхъ.

Алевтина Павловна плачетъ.

— Я-то, почитай, годъ какъ къ нимъ ходила. Все высматривала да торговалась. И все для тебя же, а ты... Осрамилъ ты насъ со старикомъ, Өедоръ.

Өедѣ не по себѣ: для него слезы — ножъ. И кто бы ни плакалъ въ его присутствіи, всегда онъ чувствовалъ себя виновникомъ этихъ слезъ.

— Да ну же, матушка. А?—неуклюже утѣшалъ Өедя Алевтину Павловну.—Бросила бы ты плакать. Вѣдь не женился я еще.

— А женишься?—мигомъ оправившись отъ слезъ, спросила Алевтина Павловна.

И Өедя впервые задумался надъ своею жизнью, надъ прошлымъ ея и настоящимъ.

Жилъ онъ просто и правдиво, и поэтому жизнь ему не ставила трудныхъ вопросовъ: думалъ онъ больше о другихъ, нежели о себѣ, ибо личная его жизнь была ровной и прямой.

Вставши, Өедя обычно долго размышлялъ о томъ, слѣдуетъ ли, напримѣръ, каждое утро платье и обувь чистить; принявъ же рѣшеніе дѣлать это изрѣдка, звалъ коридорнаго, съ которымъ у него изо дня въ день велись нескончаемые споры о Богѣ. И когда Өедя, проговоривъ съ нимъ часъ, а то и два, вспоминалъ о чаѣ, то ужъ было поздно, и вмѣсто того, чтобы итти на кухню за кипяткомъ, коридорный Прохорычъ шелъ въ пивную за парой пива. Между прочимъ, Өедя не пьяница, и если онъ пилъ пиво, а съ пріятелями водку, такъ это, во-первыхъ, изъ нежеланія возиться съ самоваромъ, чашками и прочей дребеденью; во-вторыхъ, да взять хотя бы васъ, читатель,—ну развѣ бы вы отказались отъ товарищеской рюмки водки въ кругу людей, которыхъ и вы лю-

бите и васъ любятъ? А въ томъ, что рюмки эти часты, вина тоже не Ѳеди, а его товарищей, неспособныхъ, кажется, безъ него и папиросы-то выкурить.

Выпивъ съ Прохорычемъ пару пива, Ѳедя шелъ на уроки; бѣгалъ онъ по Москвѣ ровно съ двѣнадцати и до шести. Покончивъ съ работой, отправлялся на очередное приглашеніе къ пріятелямъ, изъ которыхъ ежедневно кто-нибудь или именинникъ, или изъ дому посылку получилъ, а то такъ, безъ особеннаго повода собралъ друзей покалякать. Итакъ, съ семи до двѣнадцати ночи Ѳедя человѣкъ занятой, такъ сказать, общественный. Ровно въ двѣнадцать онъ вставалъ изъ-за товарищескаго стола и старался незамѣтно улизнуть, что и удавалось ему, такъ какъ къ этому времени пріятели его частью были „мокрыми", другая же сознательная часть рѣшала міровые вопросы. Дома Ѳедя раздѣвался неспѣша, почесываясь, и съ большой неохотой садился за работу; ночная работа у него по педагогикѣ для смѣшанныхъ начальныхъ школъ. Садился онъ всегда скрѣпя сердце, но проходилъ часъ, много другой, и Ѳедя горѣлъ работой, писалъ быстро и размашисто. И въ это время ужъ къ Ѳедѣ не подходи: за несвоевременный визитъ онъ ругался, выталкивалъ за двери молча, со злобой.

Утомившись писать, клалъ перо и потягивался сладко; закуривалъ медленно и ничего невидящимъ мечтательнымъ взоромъ слѣдилъ за синими струйками папироснаго дыма. И вотъ тутъ-то и начиналась его личная жизнь. Со стола Ѳедя бралъ записки и письма, и если въ одномъ изъ нихъ просили товарищи денегъ, сейчасъ вкладывалъ въ тотъ же конвертъ просимую сумму и, переадресовавъ его, относилъ коридорному Прохорычу, который у Ѳеди игралъ всѣ роли: няньки, когда Ѳедю пьянаго привозили домой, жены—Прохорычъ чинилъ Ѳедино бѣлье, отца—у Прохорыча Ѳедя совѣты бралъ, друга — Ѳедя любилъ съ Прохорычемъ поспорить за парой пива о Богѣ, и секретаря, и капельдинера въ особо торжественныхъ случаяхъ, и просто слуги.

Покончивъ съ письмами, Ѳедя съ папиросой въ зубахъ ходилъ по номеру до тѣхъ поръ, пока съ нижняго этажа не стучали шваброй въ потолокъ, разбуженные его медвѣжьей походкой. Выругавшись и плюнувъ, Ѳедя исподволь раздѣвался, искоса поглядывая на раскрытую со вчерашней ночи книгу; случалось иногда, что онъ съ сапогомъ въ рукахъ и съ полуснятыми панталонами просиживалъ два-три часа подъ-рядъ, увлекшись чтеніемъ. И только въ постели вспоминалъ Ѳедя объ Аннѣ Николаевнѣ, о ея стриженыхъ жесткихъ волосахъ, о глазахъ ея уста-

лыхъ, сѣро-синяго блеска. Родителей Анна Николаевна забыла, подругъ не имѣла и, какъ большинство одинокихъ женщинъ, время проводила въ обществѣ мужчинъ, сохранивъ при этомъ за собой репутацію нравственности самой высокой. Съ нею Ѳедя познакомился лѣтъ пять назадъ въ вагонѣ поѣзда. Съ тѣхъ поръ они видѣлись почти еженедѣльно и привыкли другъ къ другу такъ, что о женитьбѣ или замужествѣ какъ-то и не думалось имъ. Хорошо было и такъ... Ну а теперь другое: вопросъ матери Ѳедю засталъ врасплохъ. А что сказать ей, онъ не зналъ, ибо ни одна его мысль, вызывавшая образъ Анны Николаевны, никогда не касалась вопроса женитьбы. Подумалъ было Ѳедя посовѣтоваться съ Прохорычемъ, да нѣтъ. Прохорычъ тутъ не помощникъ, совѣтъ нуженъ сердца. Сердце же у Ѳеди, какъ у всѣхъ большихъ дѣтей, любвеобильно и отзывчиво; онъ, пожалуй, изъ одной жалости способенъ былъ бы жениться хотя бы на жареной курицѣ. Слѣдовательно, и сердце не помощникъ. Если пойти сейчасъ же къ Аннѣ Николаевнѣ да разсказать ей все безъ утайки,—мать одну неудобно оставить; второе, застанешь ли дома Анну Николаевну. Къ Гаврюшкѣ Макарьину... Но и отъ этого многаго не добьешься: Макарьинъ малорѣчивъ и скрытенъ.

И выходитъ, что Ѳедѣ итти не къ кому и некуда.

— Ну, такъ какъ же, Ѳедорушка? Поѣдешь ты со мной въ Верею или съ этой стрижкой-бришкой останешься? — спросила Алевтина Павловна, не выдержавъ безмолвья Ѳеди.

— Завтра, мамашъ, скажу,—терпѣливо отвѣтилъ Ѳедя.—Схожу къ Аннѣ Николаевнѣ и скажу.

— Нѣтъ, это ужъ ты даромъ, — живо протестовала Алевтина Павловна, вдругъ почувствовавъ себя профессіоналомъ-матерью, у которой послѣднюю, самую важную ея миссію—сватовство сына—хотятъ отнять.

— Я мать, чай, твоя. И итти къ ней мнѣ, и никому больше. Вотъ какъ!

— Что-жъ... Ладно. Я ничего. Ступай.

И Ѳедя добродушно улыбнулся.

— Ты что?

— Только пугнетъ она тебя съ перинами-то. Ей-Богу. Она, братъ, дѣвица жесткая.

— Это мать-то твою?

— А хоша бы?

— Да я ей...

Но Ѳедя не далъ распространяться Алевтинѣ Павловнѣ, совѣтуя ей угрозы свои поприберечь на завтра, до встрѣчи съ Анной Николаевной.

II.

— Чаю хотите?

— Я бы и поѣлъ. Деньги-то свои я пропилъ, Анна Николаевна. И отъ уроковъ отказали. Теперь вродѣ безработнаго.

— Мнѣ говорили,—спокойно произнесла Анна Николаевна.

— Го-во-ри-ли? — протянулъ изумленный Ѳедя. — Кто же? О пьянствѣ-то моемъ, кромѣ Гаврюшки, никто не знаетъ. Да и тому я только что разсказалъ.

Анна Николаевна улыбнулась такъ, какъ улыбаемся мы, слушая лепетъ дѣтей.

— Прежде всего, Ѳедоръ, вы въ городѣ, а не въ пустынѣ живете. Во-вторыхъ, васъ многіе знаютъ. А въ-третьихъ, я сама старалась узнать, что̀ съ вами было за эти двѣ недѣли.

— Э-эхъ, напрасно я пилъ,—съ горестью воскликнулъ Ѳедя.

Анна Николаевна смутилась.

— Ну, давайте ѣсть. Очень голодны?

Ѣлъ Ѳедя много и быстро, за ѣдой забылъ даже объ Аннѣ Николаевнѣ, которая слѣдила за нимъ участливымъ, тихимъ взоромъ.

Послѣ того какъ побывала у нея мать Ѳеди, Ѳедя для Анны Николаевны сталъ ближе, роднѣй, какъ бываетъ намъ ближе и роднѣй ребенокъ, котораго мы наказали несправедливо. Милъ ей Ѳедя своей простотой, подчасъ смѣшной и нелѣпой, однако способной въ нужную минуту и на подвигъ. Но съ другой стороны—Макарьинъ, скрытный, много жившій и знающій. И сколько ни думала Анна Николаевна о Ѳедѣ и Макарьинѣ, все же не знала, кого предпочесть: если Макарьина, битаго, прошедшаго строй жизни, то откуда взять Ѳединой наивности, простоты и ясности, того тихаго покоя, который способенъ скрасить самые черные дни жизни.

— Одначе довольно.

Ѳедя отстранилъ отъ себя тарелки и приборъ и, лѣниво покачиваясь, прошелся по комнатѣ.

— Думаю я, Анна Николаевна, вотъ о чемъ,—благодушно началъ онъ.—Этакъ-то вотъ поѣвши, какъ я сейчасъ, много можно было бы сдѣлать въ деревнѣ. Къ примѣру, косить бы мнѣ сейчасъ или молотить... Бѣда! Землю-бъ рылъ.

Занятая своими мыслями, Анна Николаевна не отозвалась на благодушіе Ѳеди.

— А въ городѣ отъ этого только свинство. Сытому человѣку въ городѣ погибель. Вѣрно... Мнѣ вотъ сейчасъ хочется взять васъ на руки да и носить, носить...

— Пока не проголодаетесь,—улыбаясь, замѣтила Анна Николаевна.

Незлобный, никого и никогда не обижавшій Ѳедя въ силу пошлѣйшихъ правилъ жизни впервые недѣлю назадъ глубоко и больно обидѣлъ человѣка, да еще такого, какъ Анна Николаевна. И хотя сдѣлалъ это не онъ лично, а его мать, все же отъ этого ему легче не было. Обида же выразилась въ слѣдующемъ.

Заставъ Анну Николаевну въ постели, чего такъ боялся Ѳедя, Алевтина Павловна со свойственной ей неделикатностью и строгостью ея лѣтъ пожурила Анну Николаевну, упрекнувъ ее въ лѣни, въ безпечности и пр., пр., включительно до того, что такой жены для своего Ѳедорушки она, Алевтина Павловна, не желала бы. Засимъ слѣдовалъ самый безцеремонный допросъ о роднѣ Анны Николаевны и возможномъ приданомъ. О послѣднемъ Алевтина Павловна, не видя въ комнатѣ Анны Николавны кожаныхъ сундуковъ, платяныхъ шкафовъ, баульчиковъ, упомянула съ единственной цѣлью—поддержать достоинство Аглаюшкинаго приданаго и знатной родни.

— Нашъ-то Ѳедорушка,—начала степенно Алевтина Павловна,—какъ образованный, такъ поди и въ начальники какіе ни на есть попадетъ. И невѣста ему нужна обстоятельная, съ родней чтобы... Не знавали генерала Завзятова? Аглаюшки, невѣсты Ѳединой, дядя будетъ. Какъ же, съ родней она у него. А что приданаго. И-и, дѣвонька! На пяти возахъ не перевезти. Истинно говорю... А вамъ, милая барышня, лучше бы рукомесломъ какимъ заняться. Шитьемъ или тамъ другое. Потому все помощь мужу. Да. И волосья вонъ у васъ стрижены. Отъ тифа, подь? Нѣтъ! Тогда это срамъ-съ. Неприлично. И къ кавалеру ходить тоже зазорно для барышни. Въ наше-то время за это вотъ какъ взыскивали. Вспомнить страшно. Да, милая... А засимъ прощенье-съ. Не обезсудьте старуху за совѣтъ. Изъ жалости это я къ вамъ. По добротѣ...

Ѳедя глубоко, страдающе вздохнулъ.

— Что съ вами, Ѳедоръ? — тревожно спросила Анна Николаевна.

Хотѣлось ей какъ можно скорѣе успокоить Ѳедю, но какъ это сдѣлать, что сказать?... Спросить если—Ѳедя не любилъ вторженія въ свою жизнь; развлечь — потеряешь возможность узнать, чѣмъ, собственно, онъ подавленъ. Оставалось одно: ждать, на что и рѣшилась Анна Николаевна.

А Ѳедя шагалъ, скрипѣли доски пола подъ его дюжимъ тѣломъ, думу думалъ да изрѣдка поругивалъ кого-то.

— Не печальтесь, Өедоръ. Пройдетъ. Жизни-то еще о-ой сколько,—ласково, смягчая боль, говорила Анна Николаевна.

— Да я что-жъ... Я ничего, Нюша.

Не то важно, что мать обидѣла Анну Николаевну и что въ этомъ какъ бы и онъ виноватъ, а то, что Өедя не зналъ, какъ искупить эту обиду.

— Если бы я зналъ, Нюша, что такъ выйдетъ. Запилъ-то я потому, что думалъ, вотъ, молъ, и конецъ моей Аннѣ Николаевнѣ. Больше, молъ, и не видать мнѣ ея. А вы вонъ какая...

— Какая?

Отвѣта Анна Николаевна ждала такъ, будто любила она Өедю давно и безнадежно, а вотъ сегодня, сейчасъ и онъ протянулъ ей руку.

— Больно ужъ добрая,—отвѣтилъ Өедя ласково.—Вѣрно. Ну кто я вамъ, говоря по совѣсти? Чужой. А мать моя и подавно. А вотъ простили же.

— Да я не обижалась,—горячо произнесла Анна Николаевна.

— Не обижалась!

Казалось почему-то Аннѣ Николаевнѣ, что и Өедя и Макарьинъ негласно, но неуклонно домогаются ея согласія, хотя прямыхъ словъ ни отъ одного изъ нихъ она еще не слыхала. Причемъ визитъ Алевтины Павловны она, конечно, не считала признаніемъ Өеди, относя его къ какому-то недоразумѣнію, въ которомъ разбираться не хотѣла. Что же касается Макарьина, то этотъ свои симпатіи выражалъ больше поведеніемъ, фактами, чѣмъ словами. Ни разу, напримѣръ, онъ не пропустилъ случая помочь Аннѣ Николаевнѣ деньгами, заботился о книгахъ для нея, посылалъ часто билеты, водилъ на концерты и рефераты знаменитостей. Словомъ, съ этой стороны Макарьинъ почти мужъ ея: будничная жизнь Анны Николаевны была обставлена полно, недостатка она не чувствовала. Но й Өедя не даромъ ходилъ къ ней. Въ то время какъ Макарьинъ молчалъ часами, коротая вечеръ у Анны Николаевны, Өедя иной разъ высказывалъ такое словечко, простое и ласковое, что невольно Анна Николаевна забывала всѣ благодѣянія Макарьина. А въ общемъ выходило такъ: душу для Анны Николаевны представлялъ Өедя, тѣло и хлѣбъ—Макарьинъ. И въ чемъ въ данную минуту она была голодна, тѣмъ и бралъ верхъ одинъ изъ пріятелей.

— Не пойти ли мнѣ домой, Анна Николаевна?

— Если хотите...

— Пойду.

Өедя нахлобучилъ на одну изъ сторонъ своей огромной голо-

вы шапку, натянулъ, покряхивая, пальто, вздохнулъ и широкимъ, размашистымъ жестомъ подалъ Аннѣ Николаевнѣ руку, говоря:

— Мнѣ бы, вѣрно, носить бы васъ. Спотыкнетесь вы, Анна Николаевна, одна-то ходючи.

Отвѣчая на пожатье, Анна Николаевна произнесла тономъ Ѳеди, тоже со вздохомъ:

— Если и спотыкнусь, Ѳедоръ, то вашими же неуклюжими ногами.

III.

Сказано выше: Макарьинъ малорѣчивъ и скрытенъ. На ребромъ поставленный вопросъ онъ не отвѣтчикъ, прямыхъ путей не любитъ, однако и не плутъ онъ, не мошенникъ. Макарьинъ попросту эгоистъ, берущій все лучшее отъ жизни для себя, идущій своей дорогой, невидной для остальныхъ и замкнутой, извѣстной только ему.

— Видишь, братъ,—говорилъ онъ, отвѣчая Ѳедѣ.—Когда мнѣ было лѣтъ десять, я хотѣлъ быть взрослымъ. Но моему хотѣнью шишъ показали. А когда достигъ желаннаго возраста, то уже пытался не просто жить, а еще и разумно существовать. И за это, за разумное, мнѣ ужъ не шишъ, а цѣлый кулакъ къ носу поднесли.

Вошелъ Прохорычъ.

— Честной компаніи,—привѣтствовалъ онъ, блаженно и пьяненько улыбаясь.—А я того, Ѳедоръ Васильевичъ... Махонькую. Накажи Богъ. Сперва однуе, а потомъ другую. Глаза мои лопни, ежели неправда. Можно присѣсть?

— Садись, коль пришелъ,—нелюбезно отозвался Ѳедя.

Сообразивъ, что пришелъ онъ не во-время, Прохорычъ рѣшилъ сейчасъ же уйти; передъ уходомъ онъ внимательно взглянулъ на Ѳедю и Макарьина и задумался; обдумавъ видѣнное, направился къ двери, но не ушелъ, а еще разъ посмотрѣлъ на удрученныхъ пріятелей; снова подумалъ и, чего-то не понимая, черезъ плечо вопросительно взглянулъ на Ѳедю, спрашивая его безъ словъ о причинѣ мрачнаго молчанія.

А Ѳедя, вѣрно, былъ угрюмъ и печаленъ.

— Что, аль не въ порядкѣ что, Василичъ?—душевно спросилъ Прохорычъ, все еще держась за дверную скобу.—Приперло?

Ѳедя свободно вздохнулъ; отъ добраго участья старика стало легче.

— Чудаки, какъ погляжу я на васъ,—отечески журилъ пріятелей Прохорычъ.—Сидятъ словно бы сычи. Ей-ей. Хоша бы ты,

Гаврилъ Митрофанычъ. Чего ты-то волкомъ смотришь? Э-эхъ, люди-человѣки, господа почтенные. А по-моему... Василичъ, я бы сѣлъ? А? Гаврилъ Митрофанычъ, можно? Не понимаю?

И Ѳедя и Макарьинъ отвѣтили согласіемъ.

— Сидючи то куда способнѣй говорить.

Прохорычъ со старческимъ скрипомъ и охами опустился на уголокъ корзины около двери, неспѣша понюхалъ табаку, собралъ въ тонкую сѣть морщинъ лобъ и щеки и открылъ беззубый ротъ, чтобы чихнуть... И не чихнулъ.

— Слабъ табакъ-то. Въ слезу бьетъ, а чеха не выводитъ. Ей-ей. Возьмешь?

Отъ табаку Ѳедя отказался.

— А то носилъ мнѣ одинъ баринокъ табакъ. Такъ энтотъ—да! То табачокъ, Василичъ. До самой души бывалча дойдетъ и ужъ то-то чеху. Апъ ли измокнешь весь. Ей-ей.

Прохорычъ отеръ слезу, выдавленную новой понюшкой, поморщился и, не разсчитывая чихнуть, началъ:

— Табаки разные бываютъ, какъ и люди. Одинъ, значитъ, только до...

Но вдругъ, чего ужъ и не ждалъ Прохорычъ:

— А-апчихъ!

Прохорычъ благодарилъ за пожеланія добраго здоровья, важный, похожій на именинника:

— Да. О чемъ бишь я?

— Про табакъ началъ,—помогъ ему Ѳедя.

— Да. Такъ одинъ, выходитъ, въ самуе душу дойдетъ, а другой въ слезу. И то не каждый. Случается, что и всего-то въ носѣ почешетъ. Ей-ей. Это изъ не тертыхъ которые... Такъ и человѣкъ. Тертый, пожившій ужъ, и душу потревожить можетъ. Потому—жилъ. А иной, какой ежели молодой да сердечный, тотъ въ слезу. А такой вотъ, Василичъ, какъ ты, такъ совсѣмъ ничегошеньки, хоша ты и-и какой... Верста коломенская! Сырой ты и нетертый, Василичъ. Тебѣ и въ носѣ-то ничего не сдѣлать. Ей-ей.

Задѣтый словами Прохорыча, Ѳедя всталъ, потеръ шумно рука объ руку и, недовольный, сказалъ:

— Говори, старикъ. Говори. Съ тобой весело.

Прохорычъ тоже приподнялся.

— Весело, а самъ того... Я ужъ лучше выйду, Василичъ. Спокойнѣй бытто...

— Сиди, коль пришелъ,—прикрикнулъ Ѳедя.

Прохорычъ и Макарьинъ невольно вздрогнули—голоса Ѳедя не разсчиталъ: крикнувъ, оглушилъ обоихъ. Замѣтивъ это, но

не удѣливъ замѣченному вниманія, Ѳедя шагалъ грозный; его мутило; самочувствіе у него, какъ передъ рвотой. А отчего,—Ѳедя ужъ и забылъ. Нехорошо ему, весь онъ какъ бы сжатъ, связанъ. Пьянство въ теченіе недѣли, безденежье послѣ него, безработица не прошли безслѣдно. Ѳедя какъ бы въ тупикѣ теперь. И Прохорычъ вѣрно сказалъ, что онъ еще сырой и не тертый, горемъ не высушенный, нуждой не обитый. Дитя совершенное... Макарьину вотъ жизнь съ дѣтства шиши начала казать, а Ѳедя ужъ дядя, а еще не спотыкался, не расшибалъ носа въ кровь. Ему все давалось изъ рукъ въ руки, тепленькимъ, какъ материнское молоко дитяти.

— Материнское, — ворчливо шепталъ Ѳедя, сквозь слезы.— Тебѣ бы, дураку, въ дѣтствѣ еще морду-то бы въ кровь, а ты...

И, не кончивъ, рѣзко повернулся къ Макарьину, спрашивая его со злобой:

— Когда тебѣ шиши-то показывали, ты какъ къ этому относился?

Макарьинъ, подумавъ, отвѣтилъ:

— А этакъ же, какъ ты вотъ сейчасъ.

Ѳедя снова сѣлъ.

— Выходитъ, что опоздалъ я, — ни къ кому не обращаясь, произнесъ онъ.—Одначе лучше поздно, чѣмъ никогда. Вѣрно, дѣдка?

— Истинно, Василичъ.

— То-то...

Помолчали.

— Ѳедоръ,—исподволь началъ Макарьинъ,—если я, къ примѣру, въ драку съ кѣмъ пойду, то на чьей сторонѣ верхъ окажется?

Ѳедя вопроса не понялъ; Прохорычъ хитренько соображалъ.

— Ну, скажемъ, напалъ на меня кто. А я не сдаюсь. Драка. У кого будетъ носъ въ крови?

— У меня,—отвѣтилъ Ѳедя загадкой.

Прохорычъ нетерпѣливо задвигался.

— А по-твоему?—спросилъ Макарьинъ, замѣтивъ его желаніе высказаться.

— Вотъ какъ...

И Прохорычъ для вящшей убѣдительности всталъ.

— Къ кому придетъ, того и будетъ. Ей-ей. А носъ, это даромъ... Драться при такомъ дѣлѣ не порядокъ. Тутъ полюбовно.

И опустился со старческими охами и скрипомъ на прежнее мѣсто, на уголокъ корзины.

— Не иначе какъ такъ.

А Ѳедя и Макарьинъ впились другъ въ друга испытующими взорами и хотя сердцемъ поняли все, о чемъ говорилъ Прохорычъ, а все же не довѣряли чувству. Хотѣлось подтвержденія видимаго, фактовъ. Вотъ и воззрились другъ на друга, точно пьявки. Тянутъ изъ глазъ правду, оба не сморгнутъ, будто зачарованы въ ожиданіи ея, готовясь въ то же время къ глухой и упорной борьбѣ вопреки совѣту Прохорыча.

— Такъ и ты,—не выдержалъ простодушный Ѳедя.

— А развѣ ты не зналъ? — зло и сухо переспросилъ Макарьинъ.

— Я вышелъ,—сказалъ Прохорычъ, тихонько притворяя за собой дверь.

Ѳедя каменѣлъ. Въ борьбѣ онъ никогда не былъ и сладости побѣды не зналъ. Что Макарьину Анна Николаевна нравилась,— ему извѣстно. Полагалъ онъ по наивности, что Макарьину Анна Николаевна мила потому, что когда-нибудь да будетъ его, Ѳединой, женой. Думалъ по простотѣ, что любилъ онъ ее черезъ него, черезъ друга, по-пріятельски. На самомъ же дѣлѣ...

— Не сдаюсь и я,—отрывисто произнесъ Ѳедя, обращаясь къ Макарьину.—Только, Гаврюшка, чуръ: зла не помнить. По рукамъ?

Ударили по рукамъ.

— Эй, Прохорычъ, пива!—крикнулъ Ѳедя въ коридоръ.

Онъ что-то задумалъ.

IV.

Во вторникъ къ полудню Алевтина Павловна вернулась въ номера вмѣстѣ со старушкой-богадѣлкой, которую она отрекомендовала Ѳедѣ его троюродной теткой.

— Не помнишь, поди,—говорила Алевтина Павловна, обращаясь къ Ѳедѣ не то съ упрекомъ, не то сожалѣя.—А она тебя вотъ какого нянчила. Я-то втѣпоры тяжелая Настюшкой ходила.

Ѳедя посмотрѣлъ на подслѣповатую богадѣлку, похожую на что-то долго и умѣло высушеное, а на что именно, — такъ и не придумалъ.

— Шушчикъ бы мнѣ,—пискнула богадѣлка, просительно взглянувъ на Алевтину Павловну.

Не обращая на нее вниманія, Алевтина Павловна въ немногихъ словахъ заявила Ѳедѣ о своемъ отъѣздѣ домой, въ Верею.

— Не нравится мнѣ у васъ, въ Москвѣ. Храмовъ много, а народъ жуликъ. Забыли люди Бога-то. Да и ты хорошъ.

Богадѣлка снова о своемъ:

— Съ макомъ-ба. Филипповскихъ. Страсть какъ хорошо...

— Вотъ!

И Алевтина Павловна, ткнувъ пальцемъ въ сторону богадѣлки, наставительно начала:

— Она и присмотритъ за тобой. Ходить будетъ по вторникамъ. Ей много не надо. Чайку, сушекъ да на дорогу гривенникъ. Не обѣдняешь, чай? А я вотъ какъ буду спокойна. Все какъ бы свой глазъ.

Өедя хотя и поблагодарилъ мать за оказанное ему вниманіе и заботы, относительно же „глаза" выразилъ свои соображенія:

— Ни къ чему это, мамашъ, право. Ну, если бы я, къ слову сказать, не смысленышемъ былъ или другое... А то вѣдь вонъ я какой.

Алевтина Павловна окинула взглядомъ дюжую фигуру Өеди и политично замѣтила:

— Не въ огромадности дѣло, Өедорушка. Обидѣть — это ты правду: обидѣть тебя некому. Да и Капочка не заступница. Сама еле ходитъ. Присмотръ не за тобой нуженъ, а за твоими стрижками-бришками. А ужъ Капочка съ ними расправится. Эта, какъ пить дать, шугнетъ. Отвадитъ отъ раза.

Послѣднія слова Алевтина Павловна проговорила съ большимъ удовольствіемъ. Раздраженіе Өеди, вызванное ими, удовлетворило ее за всѣ ея неудачи въ связи съ приданымъ благочинной Аглаюшки.

— У насъ всегда такъ-то. Что имѣемъ не хранимъ, потерявши плачемъ. Такъ и съ тобой будетъ. А подумать, ну чѣмъ, скажи на милость, не пара тебѣ Аглаюшка? И богата-то она, и съ родней, а ужъ насчетъ красоты или тамъ женскаго, такъ...

Тутъ Алевтина Павловна сказала Өедѣ на ушко такую откровенность про женскія прелести Аглаюшки, что онъ покраснѣлъ весь и, ужъ только оправившись отъ стыда, сдерживая гнѣвъ, сказалъ сухо:

— Не тебѣ бы, мать, говорить объ этомъ. Или это вѣрно, что сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро?

Послѣднія слова Өеди Алевтина Павловна пропустила мимо ушей, какъ нѣчто маловажное и къ ней не относящееся.

— Буде притворяться-то. Сама была въ дѣвкахъ. Помню, какіе вы насчетъ тепленькаго...

— Мамашъ!

— Что мамашъ!—въ свою очередь воскликнула Алевтина Павловна.—Не монахъ, поди. Ходишь къ энтимъ-то. Такъ ужъ лучше свою имѣть. Законную.

Ѳедя примолкъ. Сомкнула его уста неопрятная откровенность матери. Никто еще не говорилъ ему такими словами о женщинѣ, которыхъ онъ зналъ мало и относился къ нимъ такъ же ровно и просто, какъ и къ пріятелямъ своимъ. Да и это не главное. Смутило его и заставило молчать то обстоятельство, что Алевтина Павловна, его мать, самый близкій ему человѣкъ во всемъ мірѣ, такъ грубо и безстыдно подняла завѣсу, за которой Ѳедя предполагалъ только чистое, тайное, о чемъ мечталъ не иначе, какъ въ потемкахъ, боясь свѣта изъ стыдливости, какъ дѣвственникъ.

— Матушка,—началъ Ѳедя, сдерживая голосъ,—ты мнѣ... Лучше вотъ что. Уѣзжай, вѣрно. Я не хочу... То-есть мнѣ это ни къ чему. Ты меня обидѣла. О-ой, какъ обидѣла-то! Уходи совсѣмъ... Отецъ пусть, а ты даромъ. Съ тобой не могу. Я по-другому... Охъ, Господи! Ты не мать... И старуху возьми. Не надо мнѣ васъ. Къ идолу. Опоганили вы меня. И твоя Аглая... Помню. Толстая, задастая дура. Не хочу. Скорѣй уходи. Или нѣтъ... уйду я. Вотъ какъ. Прощайте.

Хлопнула дверь.

Ѳедя, какъ былъ въ ночныхъ туфляхъ и безъ фуражки, такъ и пошелъ по длинному коридору къ выходной двери. Думъ у него не было, не было и злости или раздраженія. И только грусть давила, будто онъ только что потерялъ цѣнное, невозвратимое, къ чему обратныхъ нѣтъ ни путей, ни возможностей. О матери онъ тоже не помнилъ. Да и при чемъ тутъ мать, когда человѣка обухомъ по головѣ ударили? Хотѣлось Ѳедѣ одного: какъ можно скорѣй скрыться, остаться одному, а для чего это ему нужно было, онъ не понималъ и понять не старался. Хотѣлось, да и все тутъ. Но городъ—не поле, не лѣсъ, въ немъ нѣтъ укромныхъ мѣстъ для оскорбленнаго сердца, а поэтому и попалъ Ѳедя черезъ полчаса въ пивную „Баварія“, откуда вышелъ онъ ночью пьянымъ мертвецки.

. . . .

Очутившись на улицѣ, вмѣсто того, чтобы итти домой, Ѳедя направился въ людную часть города. На полпути его остановили просьбой:

— Кавалеръ, дозвольте папироску.

Ѳедя радъ служить.

Вторая, постарше, стоявшая сзади подруги, взяла Ѳедю подъ

руку, отвела его въ сторонку и сказала ему такое, отъ чего онъ сразу же отрезвѣлъ:

— Повтори,—гаркнулъ Ѳедя.

Но проститутки разбѣжались, оставивъ Ѳедю среди улицы пораженнымъ сходствомъ ихъ языка съ языкомъ его матери, Алевтины Павловны.

V.

— Такъ-то, другъ. Пенять не на кого, когда самъ виноватъ. Притомъ въ городѣ ты не одинъ репетиторъ. Нуждающихся, какъ знаешь, уйма.

Ѳедя всталъ.

— Ну, я пойду. Прощай.

И только у двери онъ вспомнилъ о цѣли своего визита къ Макарьину. Нужны были Ѳедѣ деньги. Шелъ онъ ихъ занять у Макарьина, не придавая временной нуждѣ никакого значенія. Осталось, слѣдовательно, спросить, но... То ложь, когда говорятъ люди: не имѣй сто рублей, а имѣй сто друзей. У друга-то и тяжело просить, ибо никто какъ деньги—врагъ дружбы. И это понялъ Ѳедя, остановившись у двери. Деньги же ему нужны были до зарѣза: за комнату время платить, на обѣдъ нѣту, у Прохорыча взято все, что можно было у него взять.

— Ты что задумался?—спросилъ Макарьинъ Ѳедю; Ѳедя встрепенулся.

— Ахъ, да! Задумался, говоришь? Это, положимъ, вѣрно. Думать есть о чемъ. Ты правъ.

— Если ты объ урокахъ, то сдѣлай объявленіе, а то въ бюро въ университетѣ запишись. Или знаешь что, Ѳедоръ,—оживляясь, совѣтовалъ Макарьинъ: — возьми ты мѣсто учителя. Навѣрное, еще не поздно.

— Это ты, братъ, все про журавля, а мнѣ бы теперь и синицы за глаза хватило,—говорилъ въ раздумьѣ Ѳедя.

Макарьинъ, подумавъ надъ словами Ѳеди, понявъ ихъ смыслъ, снова сталъ холоднымъ, строгимъ не въ мѣру.

— Стыдно, Ѳедоръ. Пьянствовать до послѣдней копейки, потерять уроки...

Впрочемъ, Ѳедя не слушалъ Макарьина. Его ужъ не деньги интересовали, а перемѣна въ пріятелѣ, въ его словахъ, больше похожихъ на выговоръ и отчужденность, чѣмъ на дружбу. А почему? Объ этомъ-то и думалъ сейчасъ Ѳедя, шагая по-саженному узкими переулками къ землякамъ своимъ, живущимъ на Малой Бронной въ „Гиршахъ“.

— А, Гаубица! Алешка, Аника-воинъ пришелъ. Сашка, гдѣ ты? Вань!

Ребята жили коммуной, занимая небольшую,—полуподвальную квартиру; принципъ коммуны, по ихъ же словамъ,—кто кого обманетъ.

Встрѣтилъ Ѳедю студентъ Филиппъ Батуевъ, неисправимый гуляка и пьяница, зато и работникъ онъ не послѣдній, да и не глупъ, а къ тому же товарищъ, какихъ теперь и не сыщешь.

— Вотъ такъ клюква!

— Другу и страдальцу!

— Ѳедя, ты ли это? О Боги, почто я не въ лонѣ Авраама и Исаака? Разверзъ бы я хляби небесныя, сверкнулъ бы молоньей, и трепещи, душа, кайся. А тѣмъ временемъ дождичекъ пивной шелъ бы. Въ Баварію развѣ, монаси? — неожиданно закончилъ Сашка, будущій юристъ, похожій на жердь,—тонкій, худой и горячій, прозванный коммуною птицей выпью.

— Чайкомъ его побалуемъ,—вступился степенный Иванъ Красильниковъ, одинъ изъ тѣхъ „Gaudeamus'овъ", которые время отъ времени оставляютъ университетъ якобы „по домашнимъ обстоятельствамъ", на самомъ же дѣлѣ „для отбытія тюремнаго наказанія, предусмотрѣннаго статьями за ниспроверженіе", и пр., пр.

— Алешкъ, сапогъ снимай,—командовалъ Филиппъ Батуевъ.— Выпь, за сахаромъ; Вань, руши дверь; коли ее на лучину, анаѳему. А ты, Выпь, когда сахару купишь, вали за...

Батуевъ сощурилъ глазъ, сморщился и смачно, ото всей души прищелкнулъ языкомъ.

— По одной бы, братцы?

— Да по цвейки.

— Охъ, по троичной.

— Ста-ка-на-ми,—вдругъ хоромъ заорали ребята.—Вед-ра-ами. Ло-ха-нью...

— Шша!—гаркнулъ Ѳедя, заражаясь веселостью коммуны.— Иду на вы.

Ребята притихли.

— Мо-ря-ми,—вопилъ Ѳедя, сотрясая воздухъ необъятной октавой.—Оке-ана-ми...

— Слова!—стараясь перекричать Ѳедю, визгнулъ Сашка-Выпь.

— Вторымъ по росту,—и Алеша сталъ въ очередь.

— Третій,—произнесъ Красильниковъ, тряхнувъ копной нечесаныхъ волосъ.

— На санкцію,—закончилъ Филиппъ Батуевъ, становясь въ затылокъ.

— Объявляю собранiе открытымъ, — густымъ басомъ оповѣстилъ Ѳедя, привыкшiй къ порядкамъ коммуны.

— Слово за Выпью.

Сашка, съ перекошеннымъ лицомъ отъ мучившаго его смѣха, началъ гунявымъ дьячковскимъ голосомъ:

— Во Грецiи, а ранѣе того вавилоняне, а съ ними и цари Сирiи и прочiе страно- и градоправители пили и благоденствовали. Голосую за четверть,—неожиданно закончилъ онъ.

Поднялся Алеша.

— Не мудрствуя лукаво, соратники, предлагаю вынести порицанiе моему предшественнику. Что значитъ четверть безъ мелкой дроби? Одна мораль. Поднимаю руку за дюжину пильзенскаго.

— За прибавочную стоимость,—выкрикнулъ Красильниковъ.— Оную выразить селедками, колбасами сортовыми, яешней, огуречиками и ситнымъ фунтовъ въ десять.

— Быть по сему, — важно санкцiонировалъ Филиппъ. — Отнынѣ и во вѣкъ да пребудутъ имена ваши въ сердцахъ народовъ.

Вошла Маша Горяинова, землячка Ѳеди и коммуны, дородная блондинка, слабость и искушенiе Сашки.

За перегородкой споръ.

Переругиваясь громкимъ шопотомъ, ребята рѣшали, кому итти „во градъ Iудовъ“ и что купить. Чаще всего было слышно придушенное шипѣнiе Сашки, ни подъ какимъ видомъ не соглашавшагося уходить изъ дому; надъ нимъ смѣялись, намекая на Горяинову. А спустя еще двѣ-три минуты послышался звонъ денегъ, снова споры и выкрики: „а если больше ни пезетты...“, „моихъ рубль десять“..., „н-да“... а въ заключенiе: „придется пощупать Машу“...

— Ѳедь, подь-ка, — сказалъ Филиппъ, высунувшись изъ-за двери.

Но Ѳедю остановила Горяинова.

— Господа,—говорила она, обращаясь къ перегородкѣ, за которой шелъ совѣтъ коммуны, — я все слышала и могу ссудить вамъ...

Ребята вышли не сразу.

Первымъ послѣ новыхъ толковъ и обсужденiй появился Филиппъ; въ рукѣ у него былъ листъ исписанной бумаги — смѣта предстоящей выпивки. За Филиппомъ шелъ Красильниковъ, за этимъ Алеша и сзади Сашка, смотрѣвшiй изъ-за спинъ товарищей на Горяинову восторженно, влюбленно до глупости.

— Вотъ и вотъ, Маша, — произнесъ Филиппъ, указывая на итогъ смѣты и деньги въ лѣвой рукѣ.

— У меня, господа, свободныхъ до конца мѣсяца пятнадцать рублей. Берите, сколько надо.

— Намъ бы, Маша, пять сорокъ...

— А остальные мнѣ,—и Ѳедя крякнулъ.—Можно?

Горяинова согласилась.

Пиръ...

Филиппъ сидитъ верхомъ на стулѣ съ кружкой пива въ рукѣ; кстати—водка ужъ выпита коммуной, было ея не четверть, а двѣ бутылки, на чемъ настояла случайно зашедшая въ коммуну съ подругой Анна Николаевна. Сашка воркуетъ возлѣ Горяиновой, а Ѳедя, Красильниковъ и Алеша горячо спорятъ о правахъ и преимуществахъ республики.

— Ты мнѣ, Алешкъ, толкомъ говори, а не плюй въ бороду,— горячился Красильниковъ.—Если, къ примѣру, Россія станетъ республикой, сколько у тебя будетъ паръ штановъ?

— Одни.

— И безъ исподниковъ,—выкрикнулъ Филиппъ, залпомъ опоражнивая кружку съ пивомъ. — Господа, товарищи, предлагаю анархію. Ей-Богу...

Филиппа остановила Ната, подруга Анны Николаевны, дѣвушка скромная, грубости не терпящая ни въ какой формѣ.

— Вамъ бы, Филиппъ, я больше не совѣтовала пить,—строго сказала она.

— Это за безбѣлье-то?

Въ общемъ спорѣ приняла участіе и Анна Николаевна.

— Знаете,—говорила она, обращаясь больше къ Красильникову,—я объясняю погромы въ Россіи тѣмъ, что о политикѣ у насъ говорятъ больше всего въ пьяномъ видѣ.

— А мы вотъ о любви,—отозвался изъ-за плеча Горяиновой разомлѣвшій Сашка.

— Бравво, браввисси-имо!—оралъ хмелѣющій Филиппъ.

— Не выпить ли?—виновато предложилъ Ѳедя спорящимъ.

И вдругъ:

„Выпьемъ за долю,

Выпьемъ за счастье“,—началъ Алеша мягкимъ чистымъ теноромъ.

„Щобъ краще въ світи жилося“,—хоромъ подхватили остальные.

А Ѳедя, точно отдаленными раскатами грозы, давилъ всѣхъ октавой, издавая звуки рѣдко и въ тактъ:

— Рра... Рра... Рра...

„Отъ бутылки вина.

Не болитъ голова“,—затянулъ любимую Филиппъ, на верхахъ срываясь съ голоса, краснѣя отъ натуги и, казалось, трезвѣя—когда пѣлъ онъ, то пѣлъ воодушевленно, пѣсню чувствуя.

„А болитъ у того,

Кто безъ устали спитъ“,—вторили ему Горяинова и Алеша.

И опять звонкимъ дружнымъ хоромъ:

„Проведемте, друзья, эту ночь веселѣй,

Чтобъ студентовъ семья собиралась тѣснѣй“.

Ѳедя неистовствовалъ: взобравшись на стулъ, онъ махалъ руками и ужъ не пѣлъ, а кричалъ; его маленькіе, дѣтски-простые глаза были злы.

— „На-аллей, на-аллей,—ревѣлъ онъ, оглушая коммуну.

Тишина.

Ѳедя давно ужъ слѣзъ со стула.

Подойдя къ столу, онъ выпилъ подъ-рядъ два стакана пива, закусилъ, оглядѣлъ подозрительно публику, еще выпилъ стаканъ, потомъ заговорилъ, обращаясь ко всѣмъ и ни къ кому:

— Если бы люди да вдругъ стали безкорыстно откровенными, то нагота не была бы безстыдствомъ.

„Опять исподники“,—подумалъ отрезвѣвшій Филиппъ.

— Не понимаю,—сказала Анна Николаевна, глядя въ упоръ на Ѳедю.

— А я думалъ, поймешь...

Алеша и Ната, а за ними и Горяинова пошли было въ смежную комнату, но ихъ остановилъ Ѳедя, преградивъ имъ дорогу своей грозной особой.

— Это вы даромъ. Тутъ дѣло общественное. Вѣрно говорю. И кончится оно плохо...

Анна Николаевна поблѣднѣла. Филиппъ съ открытымъ ртомъ и кружкой пива въ рукахъ привсталъ со стула. Сашка засмѣялся, за что и выругалъ себя. Ната и Алеша переглянулись, а Горяинова не находила себѣ мѣста: сначала она около Филиппа сѣла, потомъ перешла къ Сашкѣ, постояла еще минуту возлѣ Анны Николаевны, отъ которой снова вернулась къ двери, въ общество Наты и Алеши.

— Вѣрно говорю,—продолжалъ Ѳедя, постепенно мѣняясь въ лицѣ.—Да и какъ быть иначе? А плохо потому, что игра идетъ въ темную. Ну, а какъ честна она при такомъ освѣщеніи... Сами, поди, знаете. Только. Эхъ ребята! Не играйте въ темную. Про-

играете. Мало того: время зря потратите. А кому двѣ жизни дано? Молчите? То-то оно и есть.

И Ѳедя, стараясь никого не видѣть, вышелъ, однако вернулся тотчасъ же.

— За деньги, Машъ, спасибо. Да еще вотъ что,—Ѳедя замялся:—говорить или тоже въ темную?

— Нѣтъ, ужъ лучше скажите, — отвѣтила оробѣвшая Горяинова.

— Сашка, говорю, малый хорошій.

Горяинова покраснѣла.

VI.

Около Рождества съ Ѳеди можно было писать портретъ счастливѣйшаго изъ смертныхъ. А счастливъ онъ взаправду, хотя и заднимъ числомъ. Все вышло такъ, какъ чувствовало его нелгущее простое сердце: Анна Николаевна предпочла Макарьина, скрытнаго, много жившаго и знающаго. Но жила она съ нимъ мѣсяцъ, если не меньше того. Причина? Ужъ больно сухъ онъ и размѣренъ. Стоило, напримѣръ, Аннѣ Николаевнѣ чего-нибудь захотѣть или сдѣлать, какъ Макарьинъ сейчасъ же ея желанія и поступки спѣшилъ разложить на ихъ составныя части, сказать выводъ: это хорошо, а то-то дурно. Скука... Первое время Анна Николаевна думала, что это пройдетъ, считала привычкой Макарьина подъитоживать каждый шагъ и дѣйствіе; но чѣмъ дальше, тѣмъ точнѣй онъ былъ въ выводахъ, нетерпѣливымъ и жесткимъ въ заключеніяхъ. И жизнь Анны Николаевны мало-по-малу превращалась въ бухгалтерскую книгу, въ которой подъ однѣми рубриками записано зло, подъ другими—добродѣтели. А такъ какъ была она молода и здорова и любви искала сердцемъ, а не разсудкомъ, то желанія ея и поступки чаще шли вразрѣзъ съ бухгалтерской добродѣтелью Макарьина. Это злило его. Въ злости же онъ непріятенъ, молчалъ часами и молчаніемъ, точно камнемъ, давилъ; думалъ о чемъ-то надменно, а если заговаривалъ, то не иначе какъ о прошломъ. И никогда, ни въ одномъ случаѣ его мысль не забѣгала впередъ, не мечталъ онъ и не строилъ тысячи плановъ, воздушныхъ и несбыточныхъ, чѣмъ, собственно, полна и бываетъ красочной жизнь влюбленныхъ. Присохъ онъ къ дѣйствительности, какъ комокъ грязи къ подолу бабы-неряхи, былъ тихъ и разуменъ, стараясь во что бы то ни стало не треснуть, не осыпаться съ бабьяго подола, не превратиться въ пыль. А этого ли ждала Анна Николаевна, это ли влекло ее къ Макарьину,

такъ ли она хотѣла жить сердцемъ? Нѣтъ и нѣтъ... И вотъ поэтому-то она и сбѣжала отъ него на двадцатый день къ Ѳедѣ, чтобы покаяться ему во всемъ, попросить помощи или совѣта. Но... на этотъ разъ Ѳедя не былъ простымъ и наивнымъ. День, когда онъ ударилъ съ Макарьинымъ по рукамъ, готовясь къ борьбѣ, онъ помнилъ, помнилъ и то, что задумалъ онъ тогда, какъ молча пилъ пиво съ Макарьинымъ, какъ разошлись, не сказавъ другъ другу слова... Проще: Ѳедя ужъ не дитятко малое, его на тепленькомъ не проведешь.

— Не любо—уйди,—холодно совѣтовалъ онъ Аннѣ Николаевнѣ.—Жизни-то вонъ еще сколько. Твои вѣдь слова-то.

Съ этого дня Анна Николаевна больше думала о холодности Ѳеди, чѣмъ о Макарьинѣ, жизни съ нимъ и неудачахъ. Удивило ее то обстоятельство, что невозмутимъ теперь Ѳедя, почти безстрастенъ, словно онъ и не любилъ ея никогда, не любитъ. Поплакала Анна Николаевна, скрывая отъ Макарьина какъ слезы, такъ и причину ихъ, а спустя толику времени, снова къ Ѳедѣ. Опять жаловалась, опять просила совѣта... Но Ѳедя упрямъ.

— У друзей, Нюша, носъ въ крови не бываетъ. Ошиблась дверью.

Ушла озлобленная.

„Хорошо,—думала.—Пусть ошиблась. Пока на твоей улицѣ праздникъ. Потерплю".

И заявилась вновь къ Ѳедѣ, но уже не черезъ пять... а черезъ три дня, а позднѣе такъ забѣгала къ нему на день два раза.

Макарьинъ молчалъ.

Придетъ бывало со службы, сядетъ, не раздѣваясь, къ столу и ждетъ Анну Николаевну часами; дождавшись, скажетъ по обыкновенію сухо:

— Ну, вотъ я и пришелъ. Нѣтъ ли чего покушать?

И ни словомъ, ни тономъ голоса, ни дѣйствіемъ не обнаруживалъ зла или ненависти, хотя зналъ все. Это пугало Анну Николаевну—точно съ мертвецомъ жила. Не понимая такого отношенія къ своимъ поступкамъ, думала о нихъ долго и мучительно, а когда думы утомили, рѣшила дѣйствовать открыто, смѣлѣй, не скрывая отъ Макарьина ни Ѳеди, ни своихъ чувствъ къ нему, полагая, что при такомъ ея поведеніи онъ ужъ заговоритъ, не вытерпитъ, чтобы не высказаться о ея измѣнѣ ему, равнодушію. И не ошиблась. Къ концу недѣли къ Макарьину вернулся даръ рѣчи; говорилъ онъ, разумѣется, не прямо о Ѳедѣ, а больше вокругъ да около и на всѣ догадки Анны Николаевны отвѣтилъ иносказательно:

— Хорошо бы проѣхаться, забыть все и ни о чемъ не думать.

Поѣхали въ Финляндію. Но еще по дорогѣ начали линять краски Макарьина. Весь путь онъ сиднемъ сидѣлъ въ душномъ купе, на остановкахъ не выходилъ, не дѣлалъ глупыхъ и ненужныхъ покупокъ, оживляющихъ путешествіе; спать ложился рано, вставалъ до свѣта и ни разу не вышелъ на площадку вагона, не взглянулъ въ окно на быстро движущуюся жизнь, не выразилъ ни восторга, ни порицанія; знакомства чурался, говорилъ при необходимости.

„Не вернуться ли",—думала Анна Николаевна, стоя у окна вагона.

И вернулись съ полпути, и не по желанію Анны Николаевны, а вынудилъ на это Макарьинъ. Вышло это такъ. Сумерничая на площадкѣ, Анна Николаевна вспоминала родныхъ, дѣтство свое и мечты юности; все то перебирала, что рождаетъ память, когда передъ глазами у насъ небо или необозримая даль. Было грустно и хотѣлось плакать. И вотъ въ эту тихую минуту кто-то окликнулъ ее:

— Виноватъ, вы не Анна Николаевна Недюжева?

Анна Николаевна изумлена.

— Я. А вы?... Сережа!—воскликнула.

Передъ ней безусый юнкеръ, землякъ ея, кажется, даже маленькій родственникъ, котораго Анна Николаевна знала ребенкомъ.

— Боже мой! Вѣдь я васъ, Сережа, еще на рукахъ когда-то...

Скрипнула дверь.

Такъ же надтреснуто, какъ дверь, прозвучалъ властный голосъ Макарьина:

— Анюта, въ вагонъ.

Оказалось, шпіонилъ.

Что было потомъ, Анна Николаевна не помнитъ; конечно, плакала, но не женскими скоропроходящими слезами, а человѣческими, оплакивая молодость свою и одиночество, но больше и горше—ошибку, которую она рѣшила исправить тотчасъ же.

— Вотъ что, Макарьинъ... Вы мнѣ противны. Прошу меня не считать не только своей женой, но и просто знакомой.

И съ этими словами Анна Николаевна вышла изъ вагона.

Первое письмо Макарьина:

„Не ревновалъ, а не довѣрялъ первому встрѣчному. Былъ же покоенъ, когда вы оставляли меня для Ѳедора. Поймите и вернетесь".

Второе:

„Поторопитесь. Скоро будетъ поздно".

Третье:

„Прощайте".

— Слава Тебѣ Господи, — произнесла Анна Николаевна, бросая письмо на полъ. Встала, походила по номеру; подняла письмо Макарьина, начала всматриваться въ его почеркъ: волновался ли?

— Нѣтъ. Странный, неразгаданный человѣкъ. Кто закалилъ его, кто его сердце подмѣнилъ камнемъ, кто научилъ его молча страдать? Вѣдь страдаетъ?

Отвѣта не подсказало сердце.

— Жалкая я, слабая...

Вошелъ Өедя.

— Еще письмо,—съ тоской говорила ему Анна Николаевна.— Прощается. Не пойму. Ты другъ его, Өедоръ, знаешь съ дѣтства... Скажи, почему онъ такой?

Өедя подумалъ передъ отвѣтомъ.

— Люди, Нюша, другъ на другѣ совершенствуются... Такъ же вотъ, какъ ножи точатъ: остріе объ остріе. Отъ этого и крови много на землѣ.

— Вонъ какъ...

И Анна Николаевна снова начала мѣрить комнату медленными легкими шагами, стараясь обдумать слова Өеди, найти ихъ прямой, нескрытый смыслъ. Хотѣлось опредѣленнаго чего-нибудь, чтобы не изнывало въ тоскѣ сердце, точнаго, ибо неизвѣстность для нея пытка. Ждать Анна Николаевна не умѣла. Ко всему подходила вплотную и если желала чего, то вынь да положь ей желаемое сейчасъ же, иначе и день для нея будетъ безъ свѣта и ночь безъ потемокъ. Была она невоздержанной, жизни не знающей, измѣнчивой, какъ облака при вѣтрѣ. Да вотъ и теперь... Письмо Макарьина, съ непонятнымъ ей „прощайте", снова заставило ее забыть о Өедѣ, о сценѣ въ вагонѣ по пути въ Финляндію. И опять она между двухъ береговъ. Холодность Макарьина и скрытность влекли къ себѣ, тянули, какъ пропасть, какъ вода, когда долго смотришь въ нее съ горы или высокаго моста.

— А знаешь, Өедоръ, въ немъ что-то есть,—въ раздумьѣ произнесла Анна Николаевна.

— Въ комъ?

— Въ Макарьинѣ.

— Ты вотъ что, Нюша,—отложивъ работу, говорилъ недовольный Өедя.—Я, братъ, того... Да. Если обрѣла въ немъ что, такъ вернись.

— Ревнуешь?—коротко спросила Анна Николаевна.

— Путаницы не люблю.

Вмѣсто легкихъ и медленныхъ шаговъ Анны Николаевны раздавались и тревожили тишину шаги Ѳеди, пудовые, отъ которыхъ половыя доски скрипѣли и гнулись.

— Когда тоска и любятъ,—началъ онъ не то съ укоромъ, не то примирительно,—то это вродѣ какъ бы пѣсни безъ словъ. Пѣніе хорошее, а къ какимъ оно словамъ, къ кому относится,— неизвѣстно. Такъ и съ любовью. Чувство оно прелесть какое, но если не знаешь, кому его отдать, то...

Ѳедя не договорилъ, замѣтивъ слезы Анны Николаевны.

— Да ну, Нюшъ. Эко ты, право. Прости, если...

Какъ ребенокъ мать утѣшаетъ, неумѣло, наивными словами, плача вмѣстѣ съ нею же, такъ и Ѳедя успокаивалъ Анну Николаевну:

— А, Нюшъ? Брось, говорю.

Руки-клещи его въ эту минуту были нѣжны, глаза печальны, голосъ тихій, умиротворяющій; въ каждомъ его движеніи чувствовалось сердце, близкое Аннѣ Николаевнѣ, родное: словами Ѳедя ласкалъ ея душу.

— Если бы ты, Нюша,—говорилъ онъ успокоенной Аннѣ Николаевнѣ,—да любила меня. Безъ Гаврюшки чтобъ, безъ слезъ. Да если бы намъ уѣхать. Быть вдвоемъ...

— Что тогда бы?—оживленно спросила Анна Николаевна.

— Силушки бы этой, человѣческой, вотъ сколько бы у меня прибавилось. Потому радость была-бъ... Счастье... Э-эхъ!

— Такъ уѣдемъ,—просто предложила Анна Николаевна.

Ѳедя взглянулъ въ ея глаза, чтобы провѣрить, что говоритъ ея устами: разсудокъ или сердце.

— Правда?

Анна Николаевна протянула обѣ руки.

— Вотъ!... Вотъ, Нюша, хорошо-то. Вотъ это да. Вотъ такъ, Ѳедька Игумновъ!

И Ѳедя закружился по комнатѣ, словно кубарь, билъ въ ладоши и время отъ времени подбѣгалъ къ Аннѣ Николаевнѣ взглянуть въ ея глаза, изъ которыхъ синими, сине-темными лучами свѣтилось влюбленное сердце.

— Стрижка ты моя. Женушка... Кокнуть развѣ, что ли, на радостяхъ?

Въ мелкіе звенящіе дребезги разсыпался графинъ.

— Горько, Нюша,—неистовствовалъ Ѳедя.

Радостная Анна Николаевна давала себя цѣловать всю и безсчетно.

Вокзалъ.

Какъ никогда, Θедя сегодня присматривался къ людямъ, къ ихъ торопливой сутолокѣ, къ говору, въ которомъ было больше полусловъ и намековъ, чѣмъ опредѣленныхъ и законченныхъ фразъ.

Θедя счастливъ.

Съ чемоданами въ рукахъ, съ тремястами рублей въ карманѣ, съ сердцемъ, полнымъ любви, онъ чувствовалъ себя если не кумомъ короля, то сватомъ барина навѣрное. Да и какъ могло быть иначе? Анна Николаевна, Нюша, стрижка и милая его женка, уѣзжаетъ съ нимъ, Θедей, въ дальніе, далекіе края ото всего, ото всѣхъ. Да еще съ радостью, съ глазами, изъ которыхъ свѣтилось влюбленное сердце. Поистинѣ Θедя—счастливецъ изъ смертныхъ. А тутъ еще удача. За день до сборовъ Θедю вызвали въ редакцію „Воспитатель" для переговоровъ по поводу его труда по педагогикѣ; въ результатѣ у Θеди въ карманѣ сумма, а въ будущемъ обезпеченный заработокъ. Однимъ словомъ, люли... И Θедя пѣлъ, да какъ еще. Даже Прохорычъ, всесторонній другъ его и помощникъ, подтягивалъ ему надтреснутымъ тенorкомъ да хлопалъ по плечу, приговаривая:

— Ой, Василичъ, быть те головой. Ей-ей. Даромъ что не тертъ.

Потомъ пили, пили по-игумновски, до безобразія и скверности. Въ такомъ видѣ ночь провели, локали вино и пиво вплоть до прихода Анны Николаевны, которая и отрезвила Θедю, сказавъ ему:

— Не забывай, Θедоръ, что Макарьинъ не пьетъ. И безобразнымъ я его не видѣла.

— Баста,—гаркнулъ Θедя.

Съ этого дня сталъ трезвенникомъ и не за страхъ, конечно, а за совѣсть.

Къ вечеру, оправившись отъ ночного кутежа, Θедя занялся приготовленіемъ своихъ дѣлъ и имущества къ отъѣзду. Помогала ему Анна Николаевна. Каждую бумажку, вещицу нужную и ненужную разсматривали вмѣстѣ, рѣшали сообща, какъ поступить съ этимъ, что сдѣлать съ другимъ. И не замѣтили, какъ ночь пришла, а утромъ, съ восходомъ солнца, Θедя снялъ со стѣны образъ Христа и, взглянувъ пытливо на Анну Николаевну, коротко спросилъ:

— Вѣришь?

— Въ горѣ,—отвѣтила Анна Николаевна.

— Тогда возьмемъ,—сказалъ Θедя и бережно, съ благоговѣйной осторожностью упаковалъ икону.

Въ шесть пили чай, а въ семь пришелъ Прохорычъ плакать; слезы онъ началъ словами:

— Былъ ты у меня, Василичъ, вродѣ какъ бы сына, а теперь вотъ нѣтути... Ей-ей. Сиротинкой останусь на старости. А не легко это.

— Да мы не надолго, старикъ. Скоро и вернемся.

— Вернетесь... Я это знаю. Да только, поди, ужъ съ сыномъ али дочерью.

По уходѣ Прохорыча Анна Николаевна созналась Өедѣ, что съ нею за послѣдніе дни что-то творится, и скорѣе всего это и есть беременность.

Өедя въ слезы отъ радости.

И каждый шагъ Анны Николаевны, каждое ея желаніе для него теперь были святыней, лелѣялъ онъ ее, какъ былинку полевую, берегъ и жалѣлъ, неимовѣрными усиліями сдерживалъ свою громоздкость, неуклюжесть, боясь чѣмъ бы то ни было оскорбить ее, сдѣлать больно, вызвать неудовольствіе...

Любилъ Өедя, любилъ сильно и чисто.

Передъ первымъ звонкомъ Өедѣ стало какъ то не по себѣ. И счастливъ онъ, все, казалось, въ порядкѣ, а чего-то нехватаетъ. Чего бы? Подумавъ, Өедя поникъ головой и на вопросъ Анны Николаевны отвѣтилъ съ болью:

— Вѣдь изъ Москвы уѣзжаю. Отъ молодости, Нюша. Ты только посмотри на нихъ...

Вѣрно: въ двухъ шагахъ отъ Өеди печальной группой стояли свидѣтели его молодости, земляки—Филиппъ Батуевъ, Сашка-Выпь, рядомъ Горяинова, теперь уже невѣста Сашки, Иванъ Красильниковъ да Алеша-красна дѣвица. Еще два-три человѣка, все изъ тѣхъ же, изъ друзей Өеди вѣрныхъ, которымъ онъ всегда былъ близкимъ и дорогимъ.

— Прощай, Москва,—со вздохомъ произнесъ Өедя.

Ударили второй звонокъ.

И въ этотъ же мигъ, во время мѣднаго звона, Анна Николаевна ощутила внутри себя что-то живое, до радостныхъ слезъ родное, непередаваемое милое, которое тронулось и сладостно задрожало у сердца, ставъ живымъ, отдѣльнымъ отъ ея тѣла. На пожеланія друзей Өеди, на ихъ юношески горячія пожатья она отвѣчала какъ бы въ забытьѣ, дѣйствуя машинально и холодно. Вся она, съ мыслями своими, съ чувствами радости и печали жила тѣми подталкиваніями, которыя черезъ равные промежутки ощущало ея сердце.

— Сынъ,—шептала зачарованная Анна Николаевна.—У меня будетъ сынъ.

А Ѳедя плакалъ.

Обнимая друзей, безъ словъ, точно животное передъ смертью, онъ глубоко заглядывалъ въ ихъ глаза, взглядомъ проникая въ души, въ сердца, ронялъ на грудь къ нимъ голову и, тихо всхлипывая, выслушивалъ ихъ искреннія благія напутствія.

Дошла очередь до Прохорыча.

— Ну, старикъ...—и больше ни слова не сказалъ Ѳедя.

— Крѣпись, Василичъ. На радость ѣдешь, а не тоску. Съ Богомъ... А ежели что, такъ первое тебѣ мѣсто у меня. Это запомни. Нянькой буду сынишкѣ-то. Ей-ей. А ты, Аннъ Миколавна, сбереги его въ тѣлѣ. Потому — дитя, и глупое. Василича тоже люби. Парень онъ душевный.

— Спасибо, Прохорычъ,—говорила Анна Николаевна.

Ѳедя обнялъ старика, задрожалъ на его хилой груди и въ порывѣ благодарныхъ слезъ разсказалъ ему вкратцѣ о своемъ дѣтствѣ и юношествѣ, отцѣ и матери.

— Роднѣй тебя нѣтъ у меня, Прохорычъ. За отца ты мнѣ.

Третій звонокъ.

Свистокъ кондуктора, отвѣтный съ паровоза.

Тронулись.

— Пиши,—кричали Ѳедѣ.

— Вспоминай когда...

— Въ случаѣ чего, телеграфомъ вышлемъ.

— До скораго...

А Прохорычъ, ковыляя за вагономъ въ припрыжку, всхлипывая старчески, въ тактъ колесному стуку бубнилъ:

— Къ по-пу, Ва-си-личъ. Съ по-помъ крѣп-чай... Совѣтую.

П. Кочевой.

Стихотворенія.

1.

Пусть, кто хочетъ, веселится
Въ установленные дни,
И смѣется, и дивится
На потѣшные огни.

Безотчетному веселью
Я души не отдаю,—
И вернусь я рано въ келью
Бѣдную мою.

2.

Земная жизнь вездѣ все та же,
Все тотъ же людъ и тотъ же трудъ,
И тѣ же тихіе на стражѣ,
И тотъ же непреклонный судъ.

И что бы небо ни вѣщало,
И какъ бы громъ ни грохоталъ,
И какъ бы сердце ни дрожало
Отъ темной боли тайныхъ жалъ,—

Вездѣ, всегда одно и то же,
Все повторяется въ вѣкахъ,
И радость жизни такъ похожа
На боль, омытую въ слезахъ.

Ѳедоръ Сологубъ.

25 мая 1914 г.
С. Себастіанъ.

ИМПЕРАТОРЪ ПОРТУГАЛЬСКІЙ.

Вермландская повѣсть **Сельмы Лагерлефъ.**

Съ шведскаго.

I.

Сердце забилось.

Янъ Андерсонъ изъ Скрулюкка дожилъ до глубокой старости, а ему никогда не надоѣдало разсказывать, какъ родилась его дочка.

Въ этотъ день онъ раннимъ утромъ сходилъ за повивальной бабкой и двумя женщинами, которыя обѣщали помочь въ домѣ, а затѣмъ онъ почти до самаго утра просидѣлъ на чурбанѣ для рубки дровъ въ дровяномъ сараѣ, терпѣливо ожидая, когда его, наконецъ, позовутъ въ избу.

На дворѣ дождь лилъ, какъ изъ ведра, по пригоркамъ струились ручейки дождевой воды, да и Янъ промокъ-таки отъ дождя, хотя и сидѣлъ въ сараѣ. Сквозь щели тонкихъ стѣнъ сарая проникала сырость, черезъ прогнившую крышу падали крупныя капли дождя, а въ дверное отверстіе, на которомъ дверь совершенно отсутствовала, порывами вѣтра захлестывало дождь, который обдавалъ Яна, словно морской волной во время прибоя.

— Хотѣлось бы мнѣ знать, — пробормоталъ Янъ, — неужели кому-нибудь можетъ прійти въ голову, что я радъ этому ребенку?—Онъ съ такой злостью толкнулъ ногой небольшую щепку, что она вылетѣла на середину двора.—Если ужъ правду говорить, то для меня это сущее несчастье! Мы съ Катринной поженились, потому что намъ обоимъ надоѣло служить въ людяхъ у Эрика изъ Фалла и намъ захотѣлось, наконецъ, сидѣть за своимъ столомъ, а вовсе не для того, чтобы плодить дѣтей.

Онъ подперъ голову руками и тяжко вздохнулъ. Конечно, и

холодъ, и сырость, и долгое томительное ожиданіе немало способствовали тому, что онъ пришелъ въ мрачное настроеніе, однако это была далеко не главная причина. Онъ былъ дѣйствительно глубоко огорченъ.

„И безъ того мнѣ не сладко живется,—думалъ онъ,—я работаю изо дня въ день съ ранняго утра до поздняго вечера, но до сихъ поръ у меня было хоть то утѣшеніе, что я имѣлъ ночью покой. А теперь этотъ ребенокъ будетъ кричать и не дастъ мнѣ сомкнуть глазъ по ночамъ“.

Отъ этихъ мыслей онъ пришелъ въ еще большее отчаяніе. Онъ отнялъ руки отъ лица и сталъ ломать ихъ, такъ что суставы затрещали.

„До сихъ поръ мы могли сводить концы съ концами, потому что Катринна ходила на работу, какъ и я. Теперь же ей придется сидѣть дома и возиться съ ребенкомъ“.

Онъ смотрѣлъ передъ собой въ темное пространство, словно ему мерещилось уже, что голодъ крадется по его двору и готовъ проскользнуть въ избу.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ, изо всѣхъ силъ ударяя кулакомъ по чурбану какъ бы для подкрѣпленія своихъ словъ,—я скажу только то, что, если бы я зналъ, чѣмъ все это кончится, когда Эрикъ изъ Фалла предложилъ мнѣ построить на его землѣ избу и далъ мнѣ немного бракованнаго лѣса, если бы я зналъ, къ чему все это поведетъ, то я наотрѣзъ отказался бы отъ всего и продолжалъ бы спокойно жить въ своей каморкѣ надъ конюшней въ Фалла.

Проговоривъ это, Янъ самъ почувствовалъ, что хватилъ черезъ край, однако онъ не собирался отказываться отъ своихъ словъ.

— Если бы случилось что-нибудь такое...—началъ онъ, но не докончилъ.

Его озлобленіе дошло до того, что онъ хотѣлъ сказать, что ничего не имѣлъ бы противъ того, чтобы ребенокъ родился мертвымъ. Но онъ не успѣлъ договорить этого, такъ какъ услыхалъ черезъ тонкую стѣну избы, къ которой примыкалъ сарай, слабый крикъ новорожденнаго ребенка.

Онъ сталъ прислушиваться, крики ребенка продолжались. Съ минуту Янъ сидѣлъ совершенно неподвижно и не проявлялъ ни радости, ни огорченія. Наконецъ, онъ пожалъ плечами.

— Ну, что же, вотъ онъ и явился на свѣтъ Божій,—сказалъ онъ безразличнымъ тономъ,—а теперь, слава Богу, меня впустятъ, наконецъ, въ избу и я хоть согрѣюсь.

Однако погрѣться ему пришлось еще не скоро; проходили часъ за часомъ, а онъ все сидѣлъ и ждалъ. Дождь лилъ не переставая, вѣтеръ усилился, и хотя былъ только конецъ августа, но воздухъ былъ промозглый и сырой, какъ въ ноябрѣ.

Къ довершенію всего черезъ нѣкоторое время Яну въ голову пришли другія мысли, которыя привели его въ еще большее уныніе. Ему вдругъ показалось, что всѣ его презираютъ и никто его ни во что не ставитъ.

— Тамъ при Катриннѣ, кромѣ повивальной бабки, еще двѣ женщины,—сказалъ онъ вполголоса,—такъ неужели же никто изъ нихъ не можетъ потрудиться и прійти сказать мнѣ, мальчикъ это или дѣвочка?

Онъ слышалъ, какъ въ избѣ разводили огонь. Черезъ нѣсколько минутъ онъ увидалъ, что черезъ дворъ къ ручью пробѣжала одна изъ женщинъ за водой. Повидимому, всѣ совершенно забыли о его существованіи.

Вдругъ онъ закрылъ руками лицо и сталъ покачиваться взадъ и впередъ.

— Бѣдняга ты, Янъ Андерсонъ,—сказалъ онъ,—въ чемъ же дѣло? Почему тебѣ ни въ чемъ не везетъ? Почему все такъ скверно складывается для тебя? И почему не женился ты на какой-нибудь красивой молодой дѣвушкѣ, вмѣсто того чтобы связать себя на всю жизнь со старой Лагордской Катринной, работницей Эрика изъ Фалла?

У него стало такъ тяжело на душѣ отъ всѣхъ этихъ думъ, что сквозь его пальцы просочилось нѣсколько слезинокъ.

— Почему тебя никто ни во что не ставитъ въ твоемъ приходѣ, бѣдняга Янъ Андерсонъ? Почему ты всегда остаешься позади другихъ? Вѣдь тебѣ хорошо извѣстно, что есть много такихъ же бѣдняковъ, какъ и ты, и они работаютъ не лучше тебя, но ихъ всетаки уважаютъ, съ ними считаются... не то что съ тобой. Въ чемъ же тутъ дѣло, бѣдный мой Янъ Андерсонъ?

Этотъ вопросъ онъ и раньше часто задавалъ себѣ, но тщетно. Да и теперь онъ не надѣялся получить на него отвѣта. Быть можетъ, самъ онъ тутъ ни при чемъ? Какъ знать, все дѣло, можетъ быть, въ томъ, что и Богъ, и люди несправедливы къ нему?

При этой мысли Янъ вдругъ отнялъ руку отъ лица и постарался придать себѣ суровый и недовольный видъ.

— Если тебѣ позволятъ, наконецъ, войти въ избу, милый мой Янъ Андерсонъ,—проговорилъ онъ,—то ты даже и виду не подай, что замѣтилъ ребенка. Ты пройдешь прямо къ очагу и, не говоря ни слова, станешь грѣться передъ нимъ. А что, если ты возьмешь

да уйдешь куда-нибудь? Тебѣ незачѣмъ здѣсь сидѣть дольше, разъ ты знаешь, что тамъ все кончилось благополучно. Что если бы ты показалъ Катриннѣ и другимъ бабамъ, что ты настоящій мужчина и не позволишь командовать собой...

Онъ всталъ и хотѣлъ уже уходить, какъ вдругъ въ дверяхъ появилась хозяйка изъ Фалла. Она присѣла ему и попросила его войти въ избу и посмотрѣть на ребенка.

Если-бъ это не была сама хозяйка изъ Фалла, то, пожалуй, Янъ и не обратилъ бы вниманія на приглашеніе,—такъ онъ былъ раздраженъ. Но за хозяйкой изъ Фалла онъ послѣдовалъ, хотя и не торопясь. Направляясь въ избу, онъ старался походить выраженіемъ лица и осанкой на Эрика изъ Фалла, когда тотъ шелъ черезъ все помѣщеніе мірской избы, чтобы положить свой бюллетень въ избирательную урну. И ему удалось довольно хорошо придать своему лицу такое же торжественное и кислое выраженіе, какое бывало у Эрика.

— Пожалуйте, Янъ!—сказала хозяйка изъ Фалла, растворяя настежь дверь въ избу и отступая въ сторону, чтобы дать ему пройти впередъ.

Янъ сейчасъ же увидалъ, что въ избѣ все было прибрано и все имѣло праздничный видъ. Катринна смотрѣла на него кроткимъ взглядомъ, какъ бы спрашивая, доволенъ ли онъ ею. Остальныя женщины также смотрѣли на него, ожидая похвалы за свои хлопоты.

Но не такъ-то легко сразу развеселиться послѣ томительнаго ожиданія на холодѣ и въ сырости. На лицѣ Яна все еще было выраженіе, заимствованное имъ у Эрика изъ Фалла, и онъ стоялъ посреди избы, не говоря ни слова.

Тогда повивальная бабка сдѣлала къ нему навстрѣчу одинъ шагъ. Изба же была такая маленькая, что, сдѣлавъ этотъ шагъ, она очутилась возлѣ него и могла положить ему ребенка на руки.

— Вотъ, Янъ, посмотрите-ка на эту маленькую дѣвочку! А посмотрѣть на нее стоитъ,—сказала она.

Янъ стоялъ, не двигаясь, и держалъ на рукахъ что-то теплое и мягкое, завернутое въ большую шаль. Край шали былъ отогнутъ немного и онъ увидалъ среди складокъ крошечное сморщенное личико и маленькія ручки. Онъ стоялъ въ недоумѣніи и не зналъ, чего хотятъ отъ него всѣ эти женщины. Онъ не понималъ, зачѣмъ повивальная бабка дала ему ребенка... И вдругъ онъ почувствовалъ какой-то внутренній толчокъ, и онъ, и ребенокъ вздрогнули. Его никто не толкалъ, что-то перешло отъ ре-

бенка къ нему или отъ него къ ребенку, онъ не отдавалъ себѣ въ этомъ отчета.

Непосредственно вслѣдъ за этимъ сердце его забилось съ такой силой, какъ никогда раньше, въ это же мгновеніе онъ пересталъ чувствовать ознобъ, недовольство также исчезло, и заботъ какъ не бывало,—все стало хорошо. Единственное, что безпокоило его, такъ это то, что онъ не понималъ, почему у него въ груди такъ колотится сердце, разъ онъ не плясалъ, не бѣгалъ и не лазилъ по высокимъ горамъ.

— Милая,—сказалъ онъ повивальной бабкѣ,—приложите руку сюда и послушайте! Мнѣ кажется, что сердце у меня бьется какъ-то странно.

— Да у васъ настоящее сердцебіеніе,—замѣтила повивальная бабка.—Можетъ быть, у васъ это бываетъ иногда?

— Нѣтъ, этого у меня никогда раньше не бывало,—отвѣтилъ Янъ.—Такъ у меня сердце никогда еще не билось.

— Вы чувствуете себя нехорошо? У васъ что-нибудь болитъ?

Нѣтъ, у него ничего не болѣло.

Повивальная бабка никакъ не могла понять, что̀ съ нимъ.

— Пожалуй, лучше будетъ, если я возьму у васъ ребенка,—сказала она.

Но тутъ Янъ почувствовалъ, что ему жалко разстаться съ ребенкомъ.

— Нѣтъ, оставьте у меня маленькую дѣвочку!—проговорилъ онъ тихо.

Должно быть, женщины прочли въ это мгновеніе что-нибудь въ его глазахъ или услышали что-нибудь въ его голосѣ, потому что всѣ онѣ обрадовались, повивальная бабка слегка улыбнулась, а другія женщины громко расхохотались.

— Развѣ вы до сихъ поръ еще никого не любили такъ, что у васъ дѣлалось сердцебіеніе отъ любви, Янъ?—спросила повивальная бабка.

— Нѣ-ѣтъ,—отвѣтилъ Янъ.

Едва онъ это произнесъ, какъ ему вдругъ стало ясно, что именно заставило его сердце такъ сильно забиться. Мало того, онъ началъ даже догадываться о томъ, какой недостатокъ былъ во всей его жизни. Люди, которые не чувствуютъ своего сердца ни въ горѣ, ни въ радости, не могутъ считаться настоящими людьми.

Клара-Фина-Гуллеборгъ.

На слѣдующій день Янъ изъ Скрулюкка стоялъ нѣсколько часовъ подъ-рядъ въ дверяхъ избы съ новорожденной дѣвочкой на рукахъ и чего-то ждалъ.

Ждать приходилось очень долго, но развѣ можно было сравнить это ожиданіе съ его томительнымъ ожиданіемъ наканунѣ? Теперь онъ ждалъ самъ-другъ, и ожиданіе не утомляло его и не надоѣдало ему.

Онъ не могъ бы выразить словами, какое наслажденіе было держать крошечное теплое тѣльце и прижимать его къ себѣ. Ему казалось, что до этого дня онъ былъ невыносимъ даже для самого себя, но теперь душу его наполняло блаженное чувство отрады. Никогда онъ не зналъ до сихъ поръ, что можно находить такое блаженство въ любви къ другому живому существу.

Разумѣется, онъ стоялъ въ дверяхъ избы не для забавы, а потому, что у него было серьезное дѣло.

Все утро онъ и Катринна выбирали имя для ребенка. Но какъ они ни выбирали, какъ ни гадали, а такъ и не остановились ни на чемъ.

— Знаешь, тебѣ придется встать съ дѣвочкой на порогѣ избы,—посовѣтовала, наконецъ, Катринна.—Когда появится первая женщина, которая пройдетъ мимо насъ, то спроси, какъ ее зовутъ, ея имя мы и дадимъ нашей дѣвочкѣ. Пусть это имя будетъ красивое или некрасивое—все равно.

Однако это было не такъ-то легко сдѣлать, такъ какъ изба стояла въ сторонѣ и мимо нея рѣдко кто проходилъ. Янъ долго стоялъ въ дверяхъ, ожидая кого-нибудь, но никто не шелъ. Была сѣренькая погода безъ солнца, но дождя не было, было тихо и не холодно, даже, скорѣе, душно.

Если бы Янъ не держалъ на рукахъ крошечную дѣвочку, то онъ очень скоро потерялъ бы терпѣніе и сказалъ бы себѣ:

„Милый мой Янъ Андерсонъ, уже не забылъ ли ты, что живешь на берегу озера Дювшё въ Аскедаларна, гдѣ всего на всего есть только одинъ большой крестьянскій дворъ, а остальныя жилища—маленькія избушки бѣдныхъ торпаровъ и рыбаковъ? Развѣ есть изъ нихъ кто-нибудь, у кого было бы достаточно красивое имя для того, чтобы ты рѣшился дать его своей дѣвочкѣ?“

Такія сомнѣнія могли бы прійти въ голову Яну при другихъ обстоятельствахъ, но разъ дѣло касалось его дочери, то онъ былъ увѣренъ, что все будетъ хорошо. Онъ стоялъ и смотрѣлъ на озеро и какъ будто не замѣчалъ, насколько его хижина, стоявшая въ

котловинѣ за горой, отрѣзана отъ большого селенія. Онъ всетаки надѣялся, что какіе-нибудь господа пріѣдутъ на лодкахъ съ завода Дювнэсъ, находящагося по другую сторону озера. Онъ былъ увѣренъ, что разъ дѣло касается его маленькой дѣвочки, то все наладится какъ нельзя лучше.

Ребенокъ спалъ все время, такъ что въ этомъ отношеніи ему безпокоиться было нечего. Зато Катринна не давала ему покоя. Она поминутно спрашивала, не идетъ ли кто. Наконецъ, она сказала, что дольше стоять съ ребенкомъ въ дверяхъ нельзя.

Янъ посмотрѣлъ на вершину горы Стурснипа, которая возвышалась въ долинѣ Аскедаля среди небольшихъ рощицъ и полей, словно крѣпостная башня, оберегающая свои владѣнія отъ вторженія непріятеля. Яну пришло въ голову, что, можетъ быть, съ горы спустятся какія-нибудь важныя барыни, которыя любовались широкимъ видомъ, открывающимся съ вершины, что онѣ заблудились и случайно пройдутъ мимо Скрулюкка.

Онъ старался успокоить Катринну и увѣрялъ ее, что съ дѣвочкой ничего не случится, если онъ постоитъ еще немного. Онъ стоялъ уже такъ долго, что стоитъ подождать еще немного.

Нигдѣ не было видно ни живой души, но онъ былъ твердо увѣренъ въ томъ, что скоро все разрѣшится какъ нельзя лучше. Иначе и быть не могло. Онъ ничуть не удивился бы, если бы черезъ горы и долы пріѣхала сама королева въ золотой каретѣ только для того, чтобы дать имя его дѣвочкѣ.

Прошло еще нѣсколько времени, скоро надо ужинать, и теперь Янъ понималъ, что придется отойти отъ дверей и прекратить томительное ожиданіе.

Катринна посмотрѣла на стѣнные часы и снова стала просить его войти въ избу.

— Потерпи еще минутку! — сказалъ ей Янъ. — Вонъ тамъ на западѣ что-то бѣлѣетъ.

Весь день было пасмурно, но тутъ вдругъ случилось такъ, что солнце прорвалось сквозь тучи, и на ребенка упало нѣсколько лучей.

— Я не удивляюсь, что тебѣ захотѣлось взглянуть на дѣвочку, прежде чѣмъ ты отправишься на покой,—сказалъ Янъ солнцу.— По правдѣ сказать, на нее стоитъ взглянуть.

Солнце все больше и больше выходило изъ-за тучъ и вскорѣ оно залило своими багровыми лучами и ребенка, и всю избу.

— Ужъ не хочешь ли ты быть для нея крестной матерью?— спросилъ Янъ.

Солнце ничего не отвѣтило ему на это. На мгновеніе его крас-

ный большой дискъ вынырнулъ изъ-за тучъ, и затѣмъ его задернуло сперва легкимъ облачкомъ, а потомъ оно совершенно скрылось.

Катринна снова заговорила:

— Кто-нибудь былъ тамъ? Мнѣ показалось, что ты разговаривалъ съ кѣмъ-то. Ну, теперь иди въ избу.

— Иду, иду,—отвѣтилъ Янъ, входя въ избу.—Только что мимо насъ прошла важная барыня. Но она такъ торопилась, что я едва успѣлъ поздороваться съ ней, какъ она снова исчезла.

— Ахъ, какое горе! Для чего же мы такъ долго ждали? Неужели ты не успѣлъ даже спросить, какъ ее зовутъ?

— Столько-то я успѣлъ узнать. Ее зовутъ Клара-Фина-Гуллеборгъ. [1])

— Клара-Фина-Гуллеборгъ! Пожалуй, это слишкомъ знатное имя для нашей дѣвочки,—сказала Катринна, но больше она не дѣлала никакихъ возраженій.

Что же касается Яна изъ Скрулюкка, то онъ пришелъ въ изумленіе отъ самого себя. Онъ не могъ понять, какъ онъ догадался взять въ крестныя матери само солнце. А впрочемъ, чему тутъ удивляться. Вѣдь онъ дѣйствительно сталъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ съ того самаго мгновенія, какъ ему положили на руки его новорожденную дѣвочку.

Крестины.

Когда новорожденную дѣвочку изъ Скрулюкка повезли къ священнику на крестины, ея отецъ Янъ велъ себя такъ глупо, что ему чуть было не попало за это и отъ Катринны, и отъ крестныхъ родителей.

Воспріемницей была жена Эрика изъ Фалла, и она должна была отвезти ребенка къ священнику. Она сидѣла въ одноколкѣ съ ребенкомъ на рукахъ, а рядомъ шелъ пѣшкомъ самъ Эрикъ изъ Фалла и правилъ лошадью. Дѣло въ томъ, что первая часть дороги до самаго завода Дювнэсъ была настолько плоха, что ее почти нельзя было назвать дорогой, а Эрикъ изъ Фалла рѣшилъ соблюдать всѣ предосторожности, такъ какъ на немъ лежала отвѣтственность за ребенка, который не былъ еще крещенъ.

Янъ долго стоялъ и смотрѣлъ вслѣдъ одноколкѣ. Онъ самъ вынесъ изъ избы ребенка, и онъ лучше, чѣмъ кто-либо другой,

---

[1]) Сказочное названіе солнца. По-шведски солнце женскаго рода. Клара — ясное, Фина—красивое, Гуллеборгъ—золотой чертогъ.—*Прим. перев.*

зналъ, какимъ хорошимъ людямъ онъ поручаетъ свою дѣвочку. Онъ зналъ, что рѣдко кто умѣетъ править лошадью лучше Эрика; было ему прекрасно извѣстно также и то, что хозяйка изъ Фалла выходила семь человѣкъ дѣтей, а потому, казалось бы, онъ не имѣлъ никакого основанія тревожиться за ребенка.

Однако, не успѣла одноколка скрыться съ его глазъ, и не успѣлъ онъ приняться за рытье канавъ на полѣ Эрика, какъ его охватила страшная тревога. Что, если лошадь Эрика понесетъ? А что, если священникъ уронитъ ребенка, когда будетъ принимать его отъ крестной матери? Ужъ не слишкомъ ли плотно укутала хозяйка изъ Фалла дѣвочку? Вдругъ она задохнется, прежде чѣмъ они доѣдутъ до усадьбы священника?

Янъ старался успокоить себя, сознавая всю неосновательность своей тревоги. Вѣдь на Эрика и на его жену можно было положиться во всемъ. Однако, какъ онъ ни уговаривалъ себя, безпокойство его возрастало съ каждой минутой. Наконецъ, онъ отложилъ въ сторону заступъ и, какъ онъ былъ на работѣ, быстро зашагалъ по направленію къ усадьбѣ священника. Онъ пошелъ проселочной дорогой черезъ гору, и шелъ онъ такъ быстро, что когда Эрикъ и его жена въѣзжали во дворъ священника, то первый, кто имъ попался на глаза, былъ Янъ Андерсонъ изъ Скрулюкка.

Совсѣмъ не принято, чтобы отецъ или мать присутствовали при крещеніи ребенка, и Янъ сейчасъ же замѣтилъ, что Эрикъ и его жена были очень недовольны его появленіемъ. Эрикъ даже не подозвалъ его и не попросилъ помочь выпрячь лошадь, а хозяйка изъ Фалла высоко подняла на рукахъ ребенка и, не говоря ни слова Яну, стала подниматься на пригорокъ и затѣмъ исчезла въ дверяхъ кухни дома священника.

Увидя, что воспріемники его дѣвочки не обращаютъ на него ни малѣйшаго вниманія, Янъ упалъ духомъ и не рѣшился приблизиться къ нимъ. Когда крестная мать проходила мимо него, то до него донесся пискъ ребенка, и это успокоило его немного, такъ какъ онъ зналъ, по крайней мѣрѣ, что ребенокъ не задохся.

Онъ самъ сознавалъ, что съ его стороны было очень глупо не отправиться сейчасъ же назадъ, но его охватила глубокая увѣренность въ томъ, что священникъ уронитъ дѣвочку, и онъ рѣшилъ остаться.

Нѣкоторое время онъ стоялъ на заднемъ дворѣ, но, наконецъ, онъ не вытерпѣлъ, пошелъ къ главному зданію и вошелъ въ сѣни.

Вообще считается неприличнымъ, когда отецъ ребенка во время крестинъ входитъ къ священнику, въ особенности же, если вос-

пріемниками ребенка являются такіе люди, какъ Эрикъ изъ Фалла и его жена. А потому, когда въ кабинетъ священника отворилась дверь и въ комнату шмыгнулъ Янъ Андерсонъ изъ Скрулюкка въ своемъ грязномъ рабочемъ платьѣ какъ разъ въ ту минуту, когда священникъ началъ читать молитву и когда его уже нельзя было выгнать оттуда̀, то оба воспріемника твердо рѣшили откровенно высказать ему по возвращеніи домой, насколько неприлично было его поведеніе.

Обрядъ крещенія прошелъ вполнѣ благополучно, и Яну Андерсону совершенно незачѣмъ было присутствовать при немъ. Какъ только крестины окончились, Янъ тихонько отворилъ дверь и снова шмыгнулъ въ сѣни. Теперь онъ успокоился, онъ убѣдился собственными глазами, что все прошло благополучно и безъ его вмѣшательства.

Нѣсколько минутъ спустя въ сѣни вышли также Эрикъ изъ Фалла и его жена. Они должны были пройти въ кухню, гдѣ хозяйка изъ Фалла оставила всѣ лишнія пеленки и одѣяла дѣвочки.

Эрикъ шелъ впереди и отворилъ въ кухню дверь, въ это же мгновеніе изъ кухни выскочили два котенка и, прыгая другъ черезъ друга, подкатились подъ самыя ноги крестной матери. Она споткнулась и чуть было не упала, у нея пронеслась уже страшная мысль: „Сейчасъ я упаду вмѣстѣ съ ребенкомъ, онъ расшибется, а я сдѣлаю себя несчастной на всю жизнь!“ Но въ это мгновеніе чья-то сильная рука поддержала ее, и она осталась на ногахъ. Она оглянулась и увидала Яна Андерсона изъ Скрулюкка. Казалось, будто онъ стоялъ въ сѣняхъ только потому, что зналъ, что его помощь понадобится.

Не успѣла хозяйка изъ Фалла прійти въ себя и сказать ему слово, какъ онъ уже исчезъ. Немного спустя, когда она съ мужемъ возвращалась домой, Янъ стоялъ уже на полѣ и рылъ канаву.

Яну казалось, что послѣ того, какъ онъ устранилъ такое несчастье, онъ можетъ спокойно отправиться домой.

Ни Эрикъ, ни его жена такъ и не сказали ему ничего по поводу его неприличнаго поведенія. Мало того, хозяйка изъ Фалла пригласила его на чашку кофе, несмотря на то, что онъ былъ весь въ землѣ и въ сырой глинѣ.

Прививка оспы.

Когда пришлось прививать оспу маленькой дѣвочкѣ Яна, то, конечно, Янъ рѣшилъ непремѣнно присутствовать при этомъ самъ.

Въ этотъ годъ въ селѣ прививали оспу въ концѣ августа, и вечеромъ, когда Катринна понесла ребенка въ село, было уже такъ темно, что она рада была, что мужъ пошелъ вмѣстѣ съ ней и помогалъ ей переходить черезъ канавы, кучи камней и пни, которыми была усѣяна проселочная дорога.

Оспу прививали въ большой избѣ у Эрика, и его жена развела на очагѣ такой яркій огонь, что не нашла нужнымъ освѣщать избу еще какимъ-нибудь инымъ способомъ. Только на небольшомъ столѣ, за которымъ прививалъ оспу причетникъ, горѣла тоненькая сальная свѣча.

Янъ и его жена нашли, что въ избѣ необыкновенно свѣтло, однако стѣны всетаки тонули во тьмѣ, и отъ этого изба казалась меньше. Въ этомъ полумракѣ едва бѣлѣли лица женщинъ и маленькихъ дѣтей, которыхъ матери держали на рукахъ, баюкали, кормили и пеленали.

Нѣкоторыя женщины подготовляли дѣтей къ прививкѣ, разворачивали платки и шали, въ которыя они были закутаны, и развязывали распашонки, чтобы не задерживать причетника, когда наступалъ ихъ чередъ.

Въ комнатѣ царила странная тишина, несмотря на то, что въ ней было собрано такое множество маленькихъ крикуновъ. Дѣти были такъ поражены новой обстановкой, что смотрѣли другъ на друга широко раскрытыми глазами и забывали капризничать. Матери не болтали другъ съ другомъ, чтобы лучше слышать, что говоритъ причетникъ, который болталъ все время.

— Нѣтъ ничего на свѣтѣ пріятнѣе, какъ разъѣзжать кругомъ и прививать оспу всѣмъ этимъ славнымъ ребятишкамъ,—говорилъ причетникъ.—Посмотримъ, какія въ этомъ году дѣти, здоровыя ли они, крѣпкія ли?

Причетникъ былъ также и учителемъ и съ незапамятныхъ временъ жилъ въ этомъ приходѣ. Онъ прививалъ оспу матерямъ этихъ дѣтей, училъ ихъ, присутствовалъ на ихъ конфирмаціи и свадьбѣ, а теперь онъ прививалъ оспу ихъ дѣтямъ. Это было первое дѣло, которое имѣли съ нимъ ребятишки, а потомъ ему приходилось играть въ ихъ жизни большую роль.

Все шло какъ нельзя лучше. Одна мать за другой подходили къ столу, садились на стулъ и держали обнаженное лѣвое плечо ребенка, такъ чтобы свѣтъ отъ единственной сальной свѣчи падалъ на него. Не переставая болтать, причетникъ дѣлалъ три надрѣза на бѣлой, нѣжной кожицѣ ребенка такъ искусно, что малютка не успѣвалъ даже крикнуть.

Послѣ этого мать подходила съ ребенкомъ къ очагу, чтобы

дать подсохнуть лимфѣ. Въ это время она думала съ удовольствіемъ о томъ, что сказалъ про ея ребенка причетникъ: что онъ большой и красивый, и что онъ сдѣлаетъ честь ея семьѣ, такъ какъ будетъ такимъ же хорошимъ и работящимъ, какъ его отецъ и дѣдъ, пожалуй, даже еще лучше.

Такъ все шло тихо и гладко до тѣхъ поръ, пока очередь не дошла до Катринны изъ Скрулюкка. Катринна подошла къ столу и сѣла. Тутъ оказалось, что ея маленькая дѣвочка не хочетъ позволить привить себѣ оспу. Она кричала и отбивалась руками и ногами. Катринна шукала на нее, причетникъ уговаривалъ и ласкалъ ее, но дѣвочка продолжала кричать и отбиваться.

Катриннѣ пришлость отойти отъ стола, чтобы успокоить ребенка. Послѣ этого причетникъ привилъ оспу большому, здоровому мальчику, который и не пикнулъ. Но стоило Катриннѣ снова подойти къ столу, какъ ея дѣвочка подняла ту же возню. Не было никакой возможности ни на одно мгновеніе усмирить дѣвочку, чтобы причетникъ могъ сдѣлать хоть одинъ надрѣзъ.

Всѣмъ дѣтямъ была привита оспа, оставалась только маленькая Клара изъ Скрулюкка, и Катринна была въ отчаяніи отъ того, что именно ея ребенокъ ведетъ себя такъ буйно. Она не знала, что̀ дѣлать, и совсѣмъ растерялась. Вдругъ изъ темнаго угла у двери вынырнулъ Янъ и подошелъ къ ней.

Онъ взялъ на руки дѣвочку, а Катринна уступила ему мѣсто на стулѣ.

— Что же, попробуй, не удастся ли тебѣ справиться лучше меня,—сказала она съ маленькой насмѣшкой въ голосѣ, потому что была увѣрена, что этотъ маленькій невзрачный батракъ Эрика изъ Фалла, за котораго она вышла замужъ, во всякомъ случаѣ не сумѣетъ успокоить дѣвочку, разъ это ей самой не удалось.

Какъ только онъ усѣлся, онъ снялъ съ себя куртку, и тутъ оказалось, что онъ успѣлъ въ своемъ темномъ углу засучить рукавъ на лѣвой рукѣ.

Онъ заявилъ причетнику, что онъ хотѣлъ бы, чтобы тотъ и ему привилъ оспу. Онъ прибавилъ, что и ему прививали оспу только одинъ разъ въ жизни, а между тѣмъ онъ ничего на свѣтѣ не боится такъ, какъ оспы.

Какъ только дѣвочка увидала голую руку отца, она вдругъ затихла и уставилась на отца своими большими, умными глазками.

Она внимательно слѣдила за тѣмъ, какъ причетникъ сдѣлалъ три надрѣза на кожѣ, и съ удивленіемъ переводила взглядъ съ одного на другого. Повидимому, она замѣтила, что отецъ оставался совершенно спокойнымъ при этой операціи.

Когда причетникъ покончилъ съ Яномъ Андерсономъ, послѣдній сказалъ ему:

— Теперь дѣвочка притихла, можетъ быть, вы попытаетесь еще разъ?

Причетникъ сейчасъ же сдѣлалъ новую попытку, и на этотъ разъ все обошлось очень хорошо. Дѣвочка сидѣла все съ тѣмъ же умнымъ выраженіемъ на своемъ личикѣ и не пикнула, пока продолжалась операція.

Причетникъ тоже молчалъ и только по окончаніи прививки сказалъ:

— Если вы сдѣлали это, Янъ, для того, чтобы успокоить ребенка, то вѣдь мы могли бы только прикинуться, будто...

Янъ перебилъ его:

— Нѣтъ, знаете что, изъ этого никогда ничего такъ и не вышло бы. Такого второго ребенка не найдется на всемъ свѣтѣ. Вѣдь ее ни за что не заставишь повѣрить чему-нибудь, чего нѣтъ на самомъ дѣлѣ!

День рожденія.

Былъ день рожденія маленькой дѣвочки Яна, ей исполнился годъ. Въ этотъ день Янъ рылъ канаву на полѣ Эрика изъ Фалла.

За работой онъ вспоминалъ, какъ ему жилось раньше, когда ему не о комъ было думать, когда сердце въ его груди еще не умѣло биться такъ сильно, когда онъ не зналъ чувства тревоги и не тосковалъ ни по комъ.

— Подумать только, что человѣкъ можетъ жить такимъ образомъ!—сказалъ онъ, и его охватило чувство презрѣнія къ самому себѣ.

— Да,—продолжалъ онъ,—все зависитъ отъ человѣка. Если бы я былъ такой же богатый, какъ Эрикъ изъ Фалла, или такой же сильный, какъ Бёрье, который тоже роетъ тутъ канавы, то я считалъ бы это ни за что. Главное, чтобы въ груди было сердце, которое умѣетъ биться.

Онъ посмотрѣлъ на своего товарища, отличавшагося необычайной силой. Бёрье могъ работать вдвое больше Яна. Тутъ только Янъ замѣтилъ, что сегодня Бёрье работалъ очень вяло и даже отсталъ отъ него.

Они работали сдѣльно. Бёрье всегда бралъ гораздо больше работы, чѣмъ Янъ, а кончали они всегда вмѣстѣ. А вотъ сегодня съ Бёрье случилось что-то необычайное, и работа не клеилась у него.

Впрочемъ, въ этотъ день Янъ работалъ изо всѣхъ силъ, потому что онъ торопился поскорѣе возвратиться домой къ своей дѣвочкѣ. Сегодня онъ болѣе чѣмъ когда-нибудь соскучился по ней. По вечерамъ дѣвочка засыпала рано, и онъ боялся, что застанетъ ее уже спящей.

Когда Янъ покончилъ со своей работой, онъ увидалъ, что Бёрье не исполнилъ и половины своей работы. Этого еще съ нимъ ни разу не случалось за всѣ тѣ годы, въ теченіе которыхъ они работали вмѣстѣ, и Янъ былъ такъ удивленъ этимъ, что пошелъ къ нему.

Бёрье стоялъ въ канавѣ и тщетно старался выбросить оттуда большой комъ земли. Оказалось, что онъ наступилъ на стекло и сильно поранилъ себѣ ногу. Онъ долженъ былъ снять съ себя сапогъ, но и это не помогло, и для него было настоящимъ мученіемъ стоять въ канавѣ и копать землю.

— Не бросить ли тебѣ лучше работу?—спросилъ Янъ.

— Нѣтъ, я долженъ во что бы то ни стало покончить съ ней сегодня,—отвѣтилъ Бёрье.—Эрикъ не дастъ мнѣ зерна, пока я не покончу съ этимъ. А у насъ дома нѣтъ ни щепотки муки.

— Да, тутъ ужъ ничего не подѣлаешь! Спокойной ночи—сказалъ Янъ.

Бёрье ничего не отвѣтилъ ему. Онъ чувствовалъ такую усталость, все тѣло его было настолько разбито, что у него не хватило силы пожелать Яну спокойной ночи.

Янъ дошелъ до конца поля, но тутъ онъ вдругъ остановился.

— Не все ли равно твоей дѣвочкѣ, придешь ли ты раньше въ день ея рожденія?—сказалъ онъ самому себѣ.—Ей и безъ тебя хорошо. А вотъ у Бёрье дома семь человѣкъ ребятъ и кормить ихъ нечѣмъ. Неужели ты дашь имъ голодать только ради того, чтобы пораньше прійти домой и поиграть съ Кларой-Гулла?

Онъ повернулъ обратно и сталъ работать вмѣстѣ съ Бёрье. Но онъ усталъ уже за день, а потому работа шла медленно. Когда они покончили, было уже почти совсѣмъ темно.

„Клара-Гулла уже давно спитъ“,—подумалъ онъ, выходя изъ канавы.

— Ну, спокойной ночи!—крикнулъ онъ Бёрье во второй разъ.

— Спокойной ночи, — отвѣтилъ Бёрье, — спасибо за помощь! Теперь я пойду и сейчасъ же возьму зерно. Когда-нибудь, когда тебѣ понадобится помощь, я отплачу тебѣ, будь въ этомъ увѣренъ!

— Не надо мнѣ никакой отплаты. Спокойной ночи!

— Такъ неужели же ты ничего не хочешь взять отъ меня за то, что ты помогъ мнѣ? Что съ тобой, что ты такой добрый сегодня?

— Вотъ видишь ли... сегодня день рожденія моей маленькой дѣвочки.

— Такъ изъ-за этого ты и помогъ мнѣ?

— Да, изъ-за этого... и еще изъ-за кое-чего другого... Ну, прощай!

Съ этими словами онъ быстро зашагалъ впередъ, какъ бы боясь поддаться соблазну и сказать, что́ это другое. У него такъ и вертѣлось на языкѣ и ему хотѣлось сказать: „Сегодня не только день рожденія моей Клары-Гулла, а также и моего сердца“.

И хорошо, что онъ этого не сказалъ, потому что Бёрье навѣрное подумалъ бы, что Янъ сошелъ съ ума.

Рождественское утро.

Маленькой дѣвочкѣ было ровно годъ и четыре мѣсяца, когда Янъ взялъ ее съ собой въ церковь на раннюю рождественскую обѣдню.

Катринна находила, что дѣвочка слишкомъ мала для того, чтобы ее водить въ церковь; она боялась, что ребенокъ подниметъ въ церкви такой же крикъ, какъ во время прививки оспы. Однако Янъ настоялъ на своемъ, тѣмъ болѣе, что было вообще въ обычаѣ приводить маленькихъ дѣтей въ церковь на восьмичасовую рождественскую службу.

И вотъ, въ пять часовъ утра въ первый день Рождества Янъ и Катринна отправились въ церковь. Небо было покрыто тучами и царила непроницаемая тьма, но морозъ былъ не сильный, и въ воздухѣ стояла тишина, какъ это часто бываетъ въ концѣ декабря.

Въ началѣ путь ихъ лежалъ по узкой тропинкѣ, извивавшейся между полями и рощами въ долинѣ Аскедаларна. Потомъ приходилось итти по крутой зимней дорогѣ, черезъ гору Снипосенъ, и только послѣ этого можно было выйти на настоящую проѣзжую дорогу.

Большой трехъэтажный домъ въ Фалла былъ ярко освѣщенъ, въ каждомъ окнѣ горѣли свѣчи и, словно маякъ, указывали путникамъ дорогу къ избѣ Бёрье. Тамъ Янъ и Катринна повстрѣчались съ нѣсколькими сосѣдями, у которыхъ были приготовлены факелы. При свѣтѣ факеловъ стало легче пробираться въ темнотѣ, такъ какъ тѣ, у кого были факелы, шли впереди и освѣщали путь. Почти никто ничего не говорилъ, но у всѣхъ было радостно на душѣ. Многимъ казалось, что они, какъ трое библейскихъ мудрецовъ, идутъ за звѣздой къ новорожденному Царю Іудейскому.

Послѣ того какъ богомольцы взошли на вершину горы, они стали спускаться по крутому склону. Здѣсь приходилось проходить мимо громаднаго камня, который, казалось, былъ брошенъ рукой великана въ церковь, но остановился на полпути. Кучка людей, направлявшихся въ церковь, хорошо видѣла, что камень лежитъ неподвижно на своемъ обычномъ мѣстѣ; однако всѣ они хорошо знали, что въ полночь подъ Рождество онъ приподнимался и покоился на двѣнадцати золотыхъ колоннахъ, и что колдунъ пилъ, ѣлъ и плясалъ подъ нимъ.

Не такъ-то пріятно было проходить мимо такого камня въ раннее рождественское утро. А потому не удивительно, что Янъ оглянулся и посмотрѣлъ на жену, которая несла на рукахъ дѣвочку. Катринна шла совершенно спокойно и тихо разговаривала съ однимъ изъ сосѣдей. Повидимому, она совсѣмъ забыла о томъ, по какому опасному мѣсту они шли.

Здѣсь на вершинѣ горы ели были старыя-престарыя, онѣ имѣли какой-то особенно суровый и непривѣтливый видъ. Когда Янъ сталъ всматриваться при свѣтѣ факеловъ въ ихъ суковатыя, покрытыя комками снѣга вѣтви, то замѣтилъ, что многія ели были вовсе не деревья, а колдуны съ острыми глазами, выглядывавшими изъ-подъ нависшихъ шапокъ изъ снѣга, и съ длинными крючковатыми когтями, торчавшими изъ толстыхъ снѣговыхъ рукавицъ.

Пока старыя ели стояли неподвижно, это было еще ничего, но что, если одна изъ елей протянетъ руку, когда мимо нея будутъ проходить люди. Взрослымъ и старымъ незачѣмъ было особенно бояться этого, зато тѣмъ больше Янъ страшился за свою маленькую дѣвочку,—вѣдь онъ зналъ, что колдуны питаютъ особое пристрастіе къ маленькимъ дѣтямъ, и чѣмъ дѣти меньше, тѣмъ больше это по вкусу колдунамъ.

Онъ находилъ, что Катринна держитъ на рукахъ ребенка очень небрежно. Когтистымъ рукамъ колдуна ничего не стоило бы вырвать отъ нея дѣвочку. Онъ не зналъ, что ему дѣлать. Здѣсь, на этомъ опасномъ мѣстѣ, онъ не рѣшался взять ребенка изъ рукъ жены. Какъ знать, можетъ быть, это и заставило бы колдуновъ зашевелиться.

Вотъ ели уже зашумѣли, по нимъ прошелъ шопотъ... послышался сухой трескъ въ вѣтвяхъ, словно колдуны уже расправляли свои длинныя руки...

У Яна нехватило духу спросить другихъ, видѣли ли они и слышали ли то, что видѣлъ и слышалъ онъ. Чего добраго, его вопросъ какъ нарочно и оживитъ колдуновъ.

Его охватила смертельная тревога и онъ не зналъ, что предпринять. Но вдругъ ему пришло въ голову единственное средство, къ которому ему оставалось прибѣгнуть: онъ запѣлъ псаломъ.

Голосъ у Яна былъ разбитый и дребезжащій, и онъ вообще никогда не пѣлъ, по крайней мѣрѣ, при другихъ. Да и слуху у него совершенно не было, а потому онъ не рѣшался пѣть даже въ церкви, но теперь дѣлать было нечего, онъ долженъ былъ пѣть во что бы то ни стало.

Онъ видѣлъ, что сосѣди были нѣсколько удивлены, когда онъ затянулъ псаломъ. Тѣ, кто шли впереди, подтолкнули другъ друга локтями и оглянулись. Но Янъ твердо рѣшилъ не обращать ни на что вниманія и продолжалъ пѣть своимъ фальшивымъ голосомъ псаломъ.

Вдругъ къ нему подошла одна изъ женщинъ и шепнула:

— Подождите-ка, Янъ, я помогу вамъ пѣть! — и она запѣла псаломъ яснымъ голосомъ, соблюдая размѣръ и мелодію.

Это пѣніе въ темнотѣ среди лѣсной чащи производило какое-то чарующее впечатлѣніе, и остальные не могли удержаться отъ соблазна и тоже стали подпѣвать. „Привѣтъ тебѣ и слава, святого утра ранній часъ!“ раздавалось въ тихомъ лѣсу.

По старымъ елямъ пронесся едва слышный шопотъ, словно онѣ испугались. Онѣ опустили свои снѣговыя верхушки, такъ что ихъ злыхъ глазъ не было больше видно, и спрятали вытянутые когти подъ зеленой хвоей и снѣгомъ. Послѣ того, какъ путники пропѣли первый стихъ, не осталось и помину о колдунахъ, по обѣ стороны дороги стояли лишь самыя обыкновенныя старыя ели съ опущенными вѣтвями.

Когда кучка крестьянъ изъ Аскедаларна вышла изъ лѣсу на большую дорогу, то факелы догорѣли и погасли. Но здѣсь они не были больше нужны, такъ какъ путь лежалъ среди избъ, изъ оконъ которыхъ на темную дорогу падали цѣлые снопы свѣта. Когда богомольцы оставляли позади себя одну избу, имъ навстрѣчу уже свѣтились огни изъ другой. Повсюду во всѣхъ окнахъ стояли свѣчи и помогали людямъ найти путь въ церковь.

Черезъ нѣкоторое время богомольцы взошли на холмъ, съ котораго открывался видъ на церковь. Изъ всѣхъ оконъ церкви струился яркій свѣтъ, и она напоминала собою громадный фонарь. Когда богомольцы увидали это зрѣлище, то у нихъ перехватило дыханіе. Послѣ маленькихъ избушекъ съ крошечными оконцами, мимо которыхъ имъ приходилось итти, имъ показа-

лось, что церковь необычайно велика и что она освѣщена ослѣпительно.

При видѣ церкви Янъ подумалъ о старцѣ Іосифѣ и Маріи и о томъ, какъ они отправились въ Іерусалимъ со своимъ единственнымъ ребенкомъ, ихъ радостью и утѣшеніемъ, чтобы совершить надъ нимъ обрядъ обрѣзанія въ Іерусалимскомъ храмѣ. Онъ подумалъ о томъ, какъ они должны были пробираться въ святой городъ темной ночью, потому что у Младенца было много враговъ, преслѣдовавшихъ Его.

Крестьяне изъ Аскедаларна отправились въ путь очень рано, чтобы опередить тѣхъ, кто ѣхалъ на лошадяхъ, однако невдалекѣ отъ церкви ихъ всетаки нагнали экипажи. Санки такъ и проносились мимо пѣшеходовъ, лошади фыркали, а бубенчики весело позвякивали, и бѣднымъ пѣшеходамъ приходилось залѣзать въ сугробы по краямъ дороги, иначе они могли бы быть сбиты съ ногъ.

Теперь ребенка несъ Янъ. Онъ то и дѣло убѣгалъ въ сторону отъ саней. Итти становилось все затруднительнѣе по темной дорогѣ, но вѣдь впереди уже свѣтился храмъ Божій, туда уже было недалеко, а тамъ ихъ ждали покой, тепло и свѣтъ.

Вдругъ позади нихъ раздался громкій звонъ колокольчиковъ и бубенчиковъ и лошадиный топотъ. Неслись большія сани, запряженныя парой. Въ саняхъ сидѣлъ господинъ въ шубѣ и мѣховой шапкѣ, а рядомъ съ нимъ его молодая жена. Господинъ правилъ самъ, но позади него стоялъ кучеръ съ зажженнымъ факеломъ въ рукахъ. Онъ держалъ факелъ высоко надъ головой, пламя раздувалось отъ вѣтра и оставляло позади длинный хвостъ искръ и дыма.

Янъ взобрался на большой сугробъ на краю дороги съ ребенкомъ на рукахъ. Казалось, что онъ вотъ-вотъ упадетъ, такъ какъ одна нога у него глубоко провалилась въ снѣгъ и онъ покачнулся. Господинъ въ саняхъ сразу натянулъ вожжи и остановилъ лошадей.

— Дайте мнѣ сюда ребенка, я отвезу его въ церковь, — сказалъ онъ очень ласково.—Опасно нести такую крошку, когда на дорогѣ такая ѣзда.

— Спасибо, — отвѣтилъ Янъ Андерсонъ. — Я ужъ самъ какъ-нибудь донесу.

— Мы посадимъ дѣвочку между нами, Янъ,—сказала молодая женщина, сидѣвшая въ саняхъ.

— Спасибо! Я ужъ самъ...

— А, ты боишься поручить ее намъ!—сказалъ господинъ, весело разсмѣявшись, и тронулъ лошадей.

Пѣшеходы продолжали свой путь, но итти становилось все труднѣе. Ѣзда по дорогѣ становилась все оживленнѣе. Въ это раннее рождественское утро во всемъ приходѣ не нашлось бы ни одной лошади, на которой хозяева не поѣхали бы въ церковь.

— Напрасно ты не позволилъ имъ взять дѣвочку въ сани,—сказала Катринна.—Боюсь, что ты упадешь вмѣстѣ съ ней.

— Что ты говоришь? Неужели ты находишь, что я долженъ былъ отдать имъ ребенка? Развѣ ты не видала, кто были эти люди?

— А что въ томъ было бы опаснаго, если бы наша дѣвочка прокатилась въ саняхъ съ заводчикомъ изъ Дювнэса?

Янъ вдругъ остановился, какъ вкопанный.

— Такъ это былъ заводчикъ изъ Дювнэса?—спросилъ онъ, и при этомъ на лицѣ у него было такое растерянное выраженіе, словно онъ только что очнулся отъ глубокаго сна.

— Конечно, заводчикъ. А ты думалъ, кто?

Да, куда унесся мысленно Янъ? Что за дитя онъ несъ на рукахъ? Куда онъ направлялся? По какой странѣ онъ шелъ?

Онъ провелъ рукой по лбу и въ полномъ смущеніи отвѣтилъ Катриннѣ:

— Я думалъ... я думалъ, что это былъ царь Иродъ изъ страны Іудейской и его жена!

Скарлатина.

Когда маленькой дѣвочкѣ изъ Скрулюкка было около трехъ лѣтъ, она заболѣла скарлатиной. Все ея тѣло покрылось красной сыпью, и она горѣла, какъ въ огнѣ. Она ничего не ѣла и не спала, а лежала и бредила. Янъ не могъ заставить себя отойти отъ больной, онъ сидѣлъ возлѣ нея и день, и ночь, не выходя на работу, такъ что можно было опасаться, что въ этомъ году рожь Эрика изъ Фалла такъ и останется необмолоченной.

За больнымъ ребенкомъ ухаживала Катринна; она прикрывала дѣвочку одѣяломъ каждый разъ, когда она начинала метаться и сбрасывала съ себя его, она же давала ей пить воду съ черничнымъ сокомъ, который ей дала для больного ребенка хозяйка изъ Фалла. Когда дѣвочка была здорова, то о ней почти исключительно заботился отецъ, но какъ только она заболѣла, онъ пересталъ дотрогиваться до нея, такъ какъ боялся, что не сумѣетъ достаточно осторожно ухаживать за ней и причинитъ ей боль.

Однако изъ избы онъ никуда не выходилъ и сидѣлъ, не шевелясь, въ углу за печкой и не сводилъ глазъ съ больной дѣвочки.

Клара-Гулла лежала въ своей собственной кроваткѣ, но подъ ней были только сѣнникъ безъ простыни да такая же подушка, тоже набитая сѣномъ. Маленькому больному тѣльцу, изможденному болѣзнью и покрытому сыпью, было очень больно лежать на грубомъ мѣшкѣ.

Странно, каждый разъ, когда дѣвочка начинала метаться по постели, Янъ невольно вспоминалъ о своей воскресной рубашкѣ,—это было самое нарядное и самое мягкое изъ всего, чѣмъ онъ только обладалъ.

У него была единственная рубашка изъ тонкаго полотна съ накрахмаленной грудью. Она была бѣлоснѣжная и сшита такъ хорошо, что годилась бы для самого заводчика въ Дювнэсѣ, а потому Янъ очень дорожилъ и гордился ею. Все остальное платье, которое онъ носилъ, было сдѣлано изъ такого же грубаго матеріала, какъ и мѣшокъ въ кроваткѣ дѣвочки.

Но это было сумасшествіе думать о такой рубашкѣ! Катринна ни за что на свѣтѣ не согласилась бы позволить ему испортить ее, вѣдь она-то и подарила мужу эту рубашку къ свадьбѣ.

Впрочемъ, надо отдать справедливость Катриннѣ, она сдѣлала для больной дѣвочки все, что только отъ нея зависѣло. Она попросила у Эрика изъ Фалла лошадь, завернула дѣвочку въ шали и одѣяла и повезла ее къ доктору. Конечно, это было очень хорошо со стороны, но только Янъ не видѣлъ никакой пользы отъ этого. Большая склянка съ лѣкарствомъ, которую Катринна привезла изъ аптеки, не принесла ребенку никакого облегченія, да и всѣ остальныя предписанія доктора остались безъ всякой пользы.

Яну начала приходить въ голову мысль, что, быть можетъ, ему невозможно сохранить такой великій даръ, какъ эта дѣвочка, если онъ не принесетъ въ жертву ради нея то, что есть у него самаго дорогого. Но не такъ-то легко заставить понять это такого человѣка, какъ Катринна.

Однажды, когда дѣвочка лежала больная, въ избу Яна вошла старая Финнъ-Каринъ. Она умѣла лѣчить скотъ, кромѣ того, она заговаривала и у людей нѣкоторыя болѣзни, какъ напримѣръ, судороги, нарывы и укусы ядовитыхъ змѣй и насѣкомыхъ. И люди какъ будто стыдились обращаться къ старой колдуньѣ въ болѣе серьезныхъ случаяхъ.

Когда она вошла въ избу, она сейчасъ же обратила вниманіе

на больного ребенка. Катринна сказала ей, что ихъ дѣвочка больна скарлатиной, но ни она, ни Янъ не попросили у старухи совѣта.

Однако она хорошо видѣла, какъ встревожены за ребенка родители, а потому, послѣ того какъ Катринна угостила ее кофе, а Янъ далъ ей кусокъ жевательнаго табака, она заговорила сама:

— Эту болѣзнь не въ моей власти лѣчить. Но я всетаки научу васъ, какъ узнать, выздоровѣетъ ребенокъ или умретъ. Сидите до двѣнадцати часовъ ночи, а когда пробьетъ полночь, сложите указательный палецъ и мизинецъ лѣвой руки въ видѣ петли и смотрите въ эту петлю на дѣвочку. Хорошенько замѣтьте, кто лежитъ въ кровати возлѣ дѣвочки, и тогда вы будете знать, чего вамъ ожидать.

Катринна поблагодарила старуху, потому что съ такими людьми всегда лучше дружить, но ей и въ голову не пришло бы послѣдовать совѣту ворожеи.

Да и Янъ также не обратилъ вниманія на совѣтъ гостьи. Онъ весь былъ поглощенъ мыслью о рубашкѣ. Ахъ, если бы только ему не надо было бояться Катринны! Но развѣ возможно попросить ее разорвать рубашку, которую она подарила ему въ день свадьбы? Катринна сказала бы, что отъ этого дѣвочкѣ все равно лучше не станетъ, а если ей суждено умереть, то жаль было бы портить рубашку.

Вечеромъ Катринна улеглась спать въ обычное время, но Янъ не могъ спать и остался сидѣть въ своемъ углу за печкой. Онъ не сводилъ глазъ съ ребенка и видѣлъ, какъ Клара-Гулла мечется по кроваткѣ. Онъ чувствовалъ, какъ больно ея крошечному тѣльцу на жесткой, грубой подстилкѣ, и онъ не могъ отдѣлаться отъ мысли о томъ, что ей стало бы легче, если бы она лежала на чемъ-нибудь мягкомъ, гладкомъ и прохладномъ.

Рубашка Яна лежала, чистая и выглаженная, въ сундукѣ. Соблазнъ былъ великъ, но Янъ старался убѣдить себя въ томъ, что было бы нехорошо съ его стороны, если бы онъ употребилъ подарокъ Катринны на простыни для дѣвочки.

Какъ бы то ни было, но когда стала приближаться полночь и когда Янъ убѣдился въ томъ, что Катринна крѣпко спитъ, онъ подошелъ къ сундуку и вынулъ изъ него рубашку. Сперва онъ вырвалъ накрахмаленную грудь, а потомъ разорвалъ рубашку на двѣ части. Одну часть онъ подложилъ подъ дѣвочку, а другою прикрылъ ее, чтобы толстое, грубое одѣяло не касалось ея тѣла непосредственно.

Послѣ этого онъ снова усѣлся въ своемъ углу за печкой и

сталъ смотрѣть на больную, какъ и раньше. Такъ онъ долго сидѣлъ, наконецъ часы пробили двѣнадцать. Не отдавая себѣ въ этомъ отчета, онъ вдругъ сложилъ пальцы лѣвой руки, какъ это посовѣтовала старая ворожея, и сталъ смотрѣть сквозь образовавшееся между пальцами отверстіе на ребенка.

И что же! На краю кровати онъ увидалъ маленькаго нагого ангела Божьяго. Тѣло его было все исцарапано и въ ссадинахъ отъ грубаго сѣнника, и видно было, что ангелъ собирался уйти отъ этихъ страданій. Но вдругъ онъ обернулся, провелъ ручкой по гладкому бѣлому полотну, которымъ былъ покрытъ сѣнникъ, и послѣ этого, какъ бы раздумавъ уходить, снова улегся рядомъ съ дѣвочкой, чтобы оберегать ее.

Въ это же время Янъ замѣтилъ, что по столбу, къ которому было прикрѣплено изголовье кровати, ползетъ что-то черное и противное. Когда это противное существо увидало, что ангелъ Божій собирается уходить, оно заглянуло черезъ изголовье кровати, и на его лицѣ появилась отвратительная усмѣшка, оно радовалось уже, что можетъ сейчасъ заползти въ постель и занять мѣсто ангела.

Когда же черное существо увидало, что ангелъ снова сталъ оберегать больную дѣвочку, то оно все скорчилось, словно испытывало самыя ужасныя муки ада, сползло внизъ и будто провалилось сквозь полъ.

На слѣдующій день дѣвочка начала поправляться. Катринна такъ обрадовалась, что въ болѣзни ребенка наступилъ переломъ къ лучшему, что у нея нехватило духу бранить мужа за испорченную свадебную рубашку. Хотя, конечно, про себя она рѣшила, что ея мужъ порядочный-таки дуракъ.

Въ гостяхъ у богатея.

Маленькой дочери Яна пошелъ уже пятый годъ. И вотъ однажды въ воскресный день отецъ взялъ ее за руку и пошелъ съ ней по направленію къ лѣсу.

Стояло прекрасное лѣтнее утро, но они нигдѣ не останавливались, какъ это обыкновенно дѣлали, когда гуляли вмѣстѣ. Они прошли мимо тѣнистой березовой рощицы, гдѣ часто отдыхали на свѣжей травкѣ; прошли они также и мимо пригорка, гдѣ во множествѣ зрѣла земляника; мало того, они прошли даже мимо прелестнаго игриваго ручейка Тветтбеккенъ, не останавливаясь ни на минуту.

Отецъ и дочь шли рука объ руку, шли молча и серьезно,

какъ будто въ сознаніи того, что идутъ навстрѣчу чему-то торжественному.

Наконецъ, они свернули на востокъ и исчезли въ густомъ лѣсу. Однако они и тамъ не сдѣлали остановки, а шли все впередъ и въ концѣ-концовъ вышли на пригорокъ надъ Лубю.

Оттуда они спустились къ перекрестку, гдѣ пересѣкались проселочная и большая дороги. Тутъ уже должно было выясниться, куда они шли.

Однако они не пошли ни въ Нэста и ни въ Нюста. Они не посмотрѣли даже въ сторону По-Валльнъ или Дэръ-Фрамъ.

Они шли себѣ все впередъ по направленію къ селу. Трудно было даже предположить, куда они шли. Вѣдь не шли же они къ Бьёрну Хиндриксону въ Лубю? Не шли же они въ гости къ этому богатею?

Правда, жена Бьёрна Хиндриксона приходилась двоюродной сестрой матери Яна, такъ что Янъ дѣйствительно находился въ родствѣ съ самыми богатыми въ селѣ и имѣлъ полное право называть Бьёрна Хиндриксона и его жену дядей и тетей. Но до сихъ поръ Янъ не придавалъ этому никакого значенія, онъ даже и Катриннѣ едва ли говорилъ о своемъ родствѣ. При встрѣчахъ съ Бьёрномъ Хиндриксономъ онъ всегда сворачивалъ въ сторону и даже на церковномъ пригоркѣ, гдѣ всѣ по воскресеньямъ встрѣчались, онъ никогда не подходилъ къ нему, чтобы поздороваться съ нимъ за руку.

Теперь другое дѣло. Теперь, когда у Яна была такая удивительная дѣвочка, онъ уже не былъ больше только бѣднымъ поденщикомъ. Теперь у него было сокровище, которое онъ могъ показать, цвѣтокъ, которымъ онъ могъ украсить себя. Теперь онъ былъ на равной ногѣ съ богатеями, онъ былъ могуществевъ, какъ и они. А потому онъ прошелъ прямо и рѣшительно къ большому дому Бьёрна Хиндриксона. Въ первый разъ въ жизни онъ шелъ въ гости къ своимъ богатымъ и важнымъ родственникамъ.

Посѣщеніе Яна продолжалось очень недолго. Не прошло и часа, какъ онъ уже вышелъ со своей маленькой дочкой изъ дома богатыхъ родственниковъ и направился черезъ большой дворъ къ калиткѣ.

Подойдя къ калиткѣ, Янъ вдругъ остановился и оглянулся назадъ, какъ будто онъ собирался вернуться въ домъ.

Ему отнюдь не пришлось раскаиваться въ томъ, что онъ пошелъ туда. Его самого и его дочь приняли очень хорошо во

всѣхъ отношеніяхъ. Жена Бьёрна Хиндриксона была очень ласкова съ маленькой дѣвочкой; она сейчасъ же подвела ее къ большому шкапу, стоявшему посреди длинной стѣны, и дала ей сухарь и кусокъ сахара. А Бьёрнъ Хиндриксонъ сталъ разспрашивать отца о томъ, сколько дѣвочкѣ лѣтъ и какъ ее зовутъ; потомъ онъ вынулъ изъ кармана большую кожаную мошну и далъ ребенку блестящую серебряную монету въ шесть стюверовъ.

Яна угощали кофе, и хозяйка ласково разговаривала съ нимъ. Она спросила, какъ поживаетъ Катринна, есть ли у нихъ корова или свинья, не холодно ли зимою у нихъ въ избѣ, достаточно ли Янъ зарабатываетъ у Эрика, чтобы сводить концы съ концами и не входить въ долги.

Нѣтъ, нѣтъ, Янъ былъ вполнѣ доволенъ пріемомъ, и не это мучило его. Послѣ того какъ онъ нѣкоторое время бесѣдовалъ съ Бьёрномъ Хиндриксономъ, тотъ извинился передъ нимъ и сказалъ, что они въ этотъ день приглашены въ гости и черезъ полчаса должны отправляться въ путь. Въ этомъ также не было ничего обиднаго, Янъ хорошо понялъ, что имъ надо дать время приготовиться къ отъѣзду, и сейчасъ же всталъ и распрощался съ хозяевами.

Тутъ его тетка подошла къ шкапу съ провизіей, вынула немного масла, свинины, наполнила одинъ небольшой бумажный мѣшочекъ крупой, другой мукой и все это завязала въ узелокъ, который сунула Яну въ ту минуту, когда онъ собирался выйти въ дверь. Она сказáла, что это маленькій гостинецъ Катриннѣ, которую надо хоть чѣмъ-нибудь наградить за то, что она осталась одна стеречь домъ.

Вотъ надъ этимъ-то узелкомъ Янъ и раздумывалъ, стоя у калитки.

Онъ сознавалъ, что въ узелкѣ много вкуснаго и необходимаго для ихъ скромнаго хозяйства, много такого, чего имъ нехватаетъ за каждой трапезой, но ему казалось, что если онъ приметъ этотъ подарокъ, то поступитъ нехорошо по отношенію къ своей дѣвочкѣ.

Дѣло въ томъ, что онъ пришелъ въ домъ Бьёрна Хиндриксона не за подаяніемъ, а просто, чтобы навѣстить своихъ родственниковъ. Онъ не хотѣлъ, чтобы они какъ-нибудь иначе объяснили его посѣщеніе.

Все это пришло ему въ голову тотчасъ же, когда хозяйка дала ему узелокъ, но онъ относился съ такимъ уваженіемъ къ Бьёрну Хиндриксону и его женѣ, что у него нехватило духу отказаться отъ подарка, и онъ принялъ его.

Теперь же онъ рѣшилъ такъ или иначе отдѣлаться отъ узелка. Онъ отошелъ отъ калитки и положилъ узелокъ у угла конюшни, мимо которой то и дѣло ходили работницы и работники, такъ что онъ не могъ остаться незамѣченнымъ.

Ему было очень жалко разставаться съ узелкомъ, но дѣлать было нечего. Его дочь не попрошайка, не нищая какая-нибудь. Пусть никто не подумаетъ о ней и о ея отцѣ, что они ходятъ и побираются.

Экзаменъ.

Однажды въ погожій весенній день Янъ изъ Скрулюкка отправился въ Эстанбю, чтобы присутствовать тамъ на экзаменѣ въ школѣ. Его маленькой дочкѣ было тогда шесть лѣтъ.

Школа въ Эстанбю считалась лучшей во всемъ приходѣ. Всѣ прихожане радовались, что у нихъ была выстроена, наконецъ, такая хорошая школа. Прежде причетникъ Свартлингъ долженъ былъ кочевать со своими учениками и ученицами съ одного крестьянскаго двора въ другой.

Вплоть до 1860 года, когда было выстроено, наконецъ, новое школьное зданіе, учителю приходилось мѣнять школьное помѣщеніе черезъ каждыя двѣ недѣли. Часто ему приходилось заниматься съ дѣтьми въ избѣ, гдѣ хозяйка готовила обѣдъ, а хозяинъ занимался тутъ же столярной работой у станка, гдѣ старики цѣлый день лежали въ постеляхъ, а подъ лавкой у стѣны стояла большая клѣтка съ курами.

Правда, несмотря на всѣ эти неудобства, ученіе шло всетаки очень хорошо, потому что причетникъ Свартлингъ былъ хорошимъ учителемъ и хорошимъ человѣкомъ, который умѣлъ внушать дѣтямъ уваженіе къ себѣ независимо отъ обстановки; но, разумѣется, для него было величайшимъ счастьемъ заниматься съ ребятишками въ такомъ помѣщеніи, которое предназначалось только для этой цѣли. Тутъ по стѣнамъ не стояли кровати, не было полокъ съ посудой и инструментами. Свѣта изъ оконъ не затѣнялъ большой ткацкій станокъ въ самое свѣтлое время дня, вниманія дѣтей не отвлекалъ приходъ сосѣдки, которая пила кофе и болтала безъ умолку съ хозяйкой.

Тутъ было совсѣмъ другое дѣло. Онъ украсилъ стѣны школьнаго помѣщенія картинами изъ священной исторіи и изъ зоологіи, а также портретами шведскихъ королей. Дѣти сидѣли на настоящихъ маленькихъ партахъ, пригнанныхъ къ ихъ росту, тогда какъ раньше имъ приходилось тѣсниться вокругъ раскид-

ного стола, который многимъ доходилъ до самаго носа. Въ школѣ у причетника Свартлинга была каѳедра съ полками и ящиками, въ которыхъ онъ могъ держать свои журналы и книги. Кромѣ того, сидя на каѳедрѣ, онъ внушалъ дѣтямъ гораздо большее уваженіе, чѣмъ когда онъ бывало прежде слушалъ отвѣты учениковъ, сидя на очагѣ, спиной къ разложенному огню и лицомъ къ кучкѣ ребятишекъ, сидѣвшихъ передъ нимъ на полу. Здѣсь же у него было опредѣленное мѣсто также и для черной доски и для географическихъ картъ. А раньше ему приходилось прислонять карты къ спинкамъ дивановъ или къ шкапамъ.

Теперь онъ зналъ, гдѣ лежатъ его гусиныя перья, и ему легко было учить дѣтей дѣлать прямыя черты и правильные овалы, такъ что можно было надѣяться, что дѣти когда-нибудь будутъ обладать такимъ же красивымъ почеркомъ, какой былъ у него самого. Онъ могъ теперь выучить дѣтей вставать съ партъ заразъ и выходить изъ класса попарно, какъ солдаты. Вообще не было конца всѣмъ улучшеніямъ, которыя можно было ввести въ новомъ школьномъ помѣщеніи.

Какъ ни радовались прихожане новой школѣ, однако, съ тѣхъ поръ какъ дѣти начали посѣщать ее, у родителей явилось такое чувство, будто дѣти какъ-то отчудились отъ нихъ. Имъ казалось, что ихъ дѣти получили доступъ къ чему-то новому и прекрасному, куда они не имѣли права входить. Конечно, они были неправы, думая такъ. Они должны были бы радоваться, что ихъ дѣти пользуются благами, которыми имъ самимъ не пришлось воспользоваться.

Ведя свою маленькую Клару въ школу на экзаменъ, Янъ всю дорогу шелъ съ ней за руку, какъ они всегда ходили, и они не переставая болтали другъ съ другомъ. Однако, когда они приблизились къ школѣ и Клара-Гулла увидала кучку дѣтей, толпившихся передъ крыльцомъ, она выдернула свою руку изъ руки отца и перешла на другую сторону дороги. А когда они подошли къ школѣ, она совсѣмъ бросила отца и смѣшалась съ кучкой ребятишекъ.

Во время экзамена Янъ сидѣлъ на стулѣ, невдалекѣ отъ каѳедры учителя, среди господъ и членовъ школьнаго совѣта. Онъ долженъ былъ сѣсть именно тамъ, такъ какъ иначе онъ видѣлъ бы только затылокъ маленькой Клары, такъ какъ она сидѣла на передней скамейкѣ вправо отъ каѳедры, гдѣ сидѣли самые маленькіе изъ явившихся на экзаменъ дѣтей. Въ прежнее время онъ ни за что на свѣтѣ не позволилъ бы себѣ сѣсть на такое почетное мѣсто, но теперь было другое дѣло: отецъ, у котораго

была такая дочка, какъ Клара-Гулла, не могъ чувствовать себя хуже другихъ.

Клара-Гулла прекрасно видѣла отца, но она старалась не останавливать на немъ взора. Казалось, будто онъ совсѣмъ перестaлъ существовать для нея.

Зато тѣмъ неотступнѣе смотрѣла она на учителя. Онъ спрашивалъ старшихъ дѣтей, сидѣвшихъ налѣво отъ каѳедры. Они читали вслухъ, показывали на картѣ различные страны и города и дѣлали ариѳметическія задачи на черной доскѣ. Учитель былъ такъ занятъ старшими, что совсѣмъ не смотрѣлъ на маленькихъ. Такъ что Клара-Гулла могла бы смѣло хоть разокъ взглянуть на отца, но она даже и головы не поворачивала въ его сторону.

Янъ утѣшалъ себя тѣмъ, что и всѣ остальныя дѣти тоже не отрывали глазъ отъ учителя. И эти маленькія созданія прикидывались, будто понимаютъ, когда учитель острилъ, потому что они подталкивали другъ друга локтями и смѣялись.

Родители радовались, глядя на дѣтей и слушая ихъ отвѣты: они никакъ не ожидали, что дѣти сдѣлали такіе успѣхи. Но причетникъ Свартлингъ былъ удивительный человѣкъ,—онъ добивался отъ дѣтей всего, чего хотѣлъ.

Яну становилось все болѣе и болѣе не по себѣ. Его даже охватило сомнѣніе, его ли дѣвочка сидитъ передъ нимъ на скамьѣ, или это чужая. Немного спустя онъ потихоньку всталъ съ своего мѣста среди почетныхъ гостей и пробрался поближе къ двери.

Наконецъ, учитель кончилъ экзаменовать старшихъ дѣтей, теперь очередь настала для младшихъ. Правда, экзаменъ ихъ былъ очень несложный, такъ какъ они только что выучились грамотѣ и умѣли лишь читать. Однако, помимо чтенія, они должны были еще отвѣчать на нѣкоторые вопросы. Такъ, между прочимъ, учитель спрашивалъ ихъ о сотвореніи міра.

Сперва онъ спросилъ, кто сотворилъ міръ. На этотъ вопросъ дѣти отвѣтили безъ запинки. Послѣ этого, на горе дѣтямъ, учитель вздумалъ спросить, какъ называютъ еще Бога.

Тутъ всѣ маленькіе шалуны стали втупикъ и растерялись. Щечки у нихъ разгорѣлись, они морщили брови, стараясь найти отвѣтъ на этотъ замысловатый вопросъ, но всѣ ихъ усилія были напрасны.

На скамьяхъ, гдѣ сидѣли старшія дѣти, поднялось шушуканье и фырканье, въ воздухѣ замахало множество рукъ. Маленькіе же новички сжали губы и не произносили ни слова. Даже всегда такая смышленая Клара-Гулла спасовала на этотъ разъ.

— Есть молитва, которую мы читаемъ каждый день,—подсказалъ учитель,—такъ вспомните, какъ мы въ ней называемъ Бога?

На Клару наконецъ нашло просвѣтлѣніе. Она поняла: учитель хотѣлъ, чтобы они отвѣтили, что Бога называютъ Отцомъ. Она быстро подняла руку.

— Ну, Клара-Гулла, какъ же мы называемъ Бога?—спросилъ учитель.

Клара-Гулла встала изъ-за парты, щечки ея пылали, а крошечная косичка стояла дыбомъ на затылкѣ.

— Мы называемъ Бога Яномъ,—отвѣтила она громко и ясно.

Не успѣла она этого произнести, какъ по всей залѣ раздалось фырканье. Господа, члены школьнаго совѣта, родители, дѣти— всѣ улыбались. Даже учитель не могъ удержаться отъ улыбки.

Клара-Гулла вся вспыхнула, и на глазахъ у нея выступили слезы. Тогда учитель постучалъ по столу и крикнулъ:

— Тише!

Когда наступила тишина, онъ сказалъ нѣсколько словъ, чтобы объяснить недоразумѣніе.

— Само собою разумѣется, Клара-Гулла хотѣла сказать, что Бога мы называемъ Отцомъ,—сказалъ учитель.—Но вмѣсто этого она сказала, что Бога называютъ Яномъ, потому что ея отца зовутъ такъ. Но это не должно удивлять васъ. Право, не знаю, есть ли среди васъ еще кто-нибудь, у кого былъ бы такой хорошій отецъ, какъ у этой маленькой дѣвочки. Я не разъ видѣлъ, какъ онъ стоялъ передъ школой въ дождь и холодъ, ожидая свою дочь; я видѣлъ, какъ онъ приносилъ ее въ школу на рукахъ, когда во время вьюги и непогоды дороги становились непроходимыми. А потому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что она сказала „Янъ", когда хотѣла назвать самое дорогое для нея существо на свѣтѣ.

Съ этими словами учитель подошелъ къ дѣвочкѣ и нѣжно погладилъ ее по головкѣ. Всѣ присутствующіе засмѣялись, но видно было, что они въ то же время были тронуты.

Клара-Гулла сидѣла, потупивъ глаза, и не знала, что ей дѣлать. Что же касается Яна изъ Скрулюкка, то онъ былъ счастливъ, какъ король, потому что ему вдругъ стало ясно, что его дѣвочка все еще принадлежитъ ему одному и никому другому.

Состязаніе учителей.

Странно было видѣть вмѣстѣ Клару съ ея отцомъ. Казалось, будто они вылиты изъ одного куска и что они читаютъ въ мысляхъ другъ у друга...

Въ приходѣ Свартшё учителемъ былъ одинъ старый солдатъ. У него не было школьнаго зданія, и онъ переходилъ съ дѣтьми изъ одного дома въ другой, какъ дѣлалъ это раньше причетникъ Свартлингъ. Но, несмотря на нѣкоторыя неудобства, сопряженныя съ такого рода преподаваніемъ, онъ пользовался самой горячей привязанностью со стороны дѣтей. Они учились у него съ такой легкостью, что сами не замѣчали, что учатся; имъ казалось, что это только веселая игра.

Оба учителя очень дружили другъ съ другомъ, но иногда случалось, что младшему приходило въ голову совѣтовать старику слѣдовать теченію новаго времени и учить дѣтей по звуковому методу, да и къ ариѳметикѣ примѣнять новый методъ. Старикъ выслушивалъ обыкновенно эти совѣты довольно спокойно, но разъ какъ-то онъ вышелъ изъ себя.

— Знаешь, Свартлингъ, ты ужасно заважничалъ съ тѣхъ поръ, какъ учишь ребятишекъ въ настоящей школѣ,—сказалъ онъ товарищу.—Но долженъ тебѣ сказать, что мои дѣти учатся не хуже твоихъ и знаютъ не меньше твоихъ, хотя должны учиться въ темныхъ крестьянскихъ избахъ.

— Конечно, это такъ, — отвѣтилъ причетникъ. — Я никогда и не оспаривалъ этого. Мнѣ только кажется, что если дѣти могутъ чему-нибудь выучиться безъ особаго труда...

— Ну, ну, такъ что же изъ этого?

Причетникъ понялъ по интонаціи отставного солдата, что обидѣлъ его, и постарался сгладить свои слова.

— Конечно,—сказалъ онъ,—ты какъ-то умѣешь сдѣлать ученье для дѣтей такимъ легкимъ, что они никогда не жалуются на уроки, но...

— Чего добраго, я дѣлаю ученье для нихъ слишкомъ легкимъ? Можетъ быть, я ихъ вовсе ничему не учу? — спросилъ старикъ, ударяя рукой по столу.

— Что съ тобой сегодня, Тюбергъ? Ты сердишься на все, что бы я ни сказалъ.

— Еще бы, ты вѣчно упрекаешь меня и намекаешь на что-то!

Тутъ къ учителямъ подошли другіе люди, и вскорѣ недоразумѣніе между ними было улажено, и они разстались лучшими друзьями въ мірѣ. Но когда старикъ Тюбергъ шелъ домой одинъ, слова причетника снова вспомнились ему, и на этотъ разъ онъ разсердился еще пуще прежняго. „Съ какой стати этотъ молокососъ говоритъ мнѣ, что я могъ бы выучить дѣтей бо̀льшему, если бы слѣдовалъ за временемъ,—думалъ онъ.—Онъ просто находитъ,

что я ужъ слишкомъ состарился и никуда больше не гожусь, но онъ не хотѣлъ только сказать этого прямо“.

Эти мысли не давали ему покоя, и когда онъ пришелъ домой, то онъ разсказалъ обо всемъ своей женѣ.

— Стоитъ ли обращать вниманіе на то, что сказалъ причетникъ, — замѣтила жена. — Онъ помоложе, зато ты опытнѣе его. Оба вы хорошіе учителя, и ты, и причетникъ.

— Мнѣ не легче отъ того, что ты это говоришь, — отвѣтилъ мужъ.—Люди всетаки остаются при своемъ.

Дня два онъ ходилъ мрачнѣе ночи, и женѣ было больно смотрѣть на него.

— Развѣ ты не можешь доказать имъ, что они неправы?— спросила она его.

— Что имъ доказать? Что ты хочешь сказать?

— Я хочу только сказать, что если ты увѣренъ въ томъ, что твои дѣти знаютъ не меньше дѣтей причетника...

— Конечно, я въ этомъ увѣренъ.

— Въ такомъ случаѣ ты долженъ устроить такъ, чтобы вашихъ дѣтей проэкзаменовали заразъ.

Старикъ притворился, будто не обратилъ вниманія на совѣтъ жены. Но мысль ея пустила корни, и онъ сталъ обдумывать предложеніе жены. Нѣсколько дней спустя причетникъ получилъ отъ Тюберга письмо, въ которомъ послѣдній предлагалъ устроить нѣчто вродѣ состязанія между двумя школами.

Причетникъ отвѣтилъ, что онъ ничего не имѣетъ противъ этого, но поставилъ условіемъ, чтобы это состязаніе происходило во время рождественскихъ каникулъ, такъ какъ это доставило бы удовольствіе дѣтямъ, а главное, не надо было бы просить разрѣшенія на это отъ школьнаго совѣта.

„Хорошая это выдумка,—подумалъ причетникъ.—Теперь дѣти сами подучатся, и мнѣ не придется задавать имъ отдѣльныхъ уроковъ на это время“.

И дѣйствительно, ему незачѣмъ было подгонять дѣтей. Какъ только дѣтямъ стало извѣстно о предстоящемъ состязаніи, они стали учиться съ такимъ усердіемъ, что стало совершенно лишнимъ подгонять ихъ.

Состязаніе было назначено на второй день Рождества. Школьный залъ былъ разукрашенъ елками и ярко освѣщенъ, такъ какъ были зажжены всѣ свѣчи, оставшіяся въ церкви послѣ ранней обѣдни въ рождественское утро. Яблокъ было заготовлено такое множество, что дѣти должны были получить, по крайней мѣрѣ, по два яблока каждый. Дѣти шопотомъ передавали другъ другу, что родителей и гостей будутъ угощать кофе.

Но, разумѣется, больше всего всѣ были заняты предстоящимъ состязаніемъ. По одну сторону средняго прохода залы сидѣли дѣти причетника, по другую—дѣти Тюберга. Дѣтямъ предстояло поддержать честь своихъ учителей. Тюбергъ экзаменовалъ учениковъ причетника, а причетникъ—дѣтей Тюберга. Если ученики одного не могли отвѣтить на какой-нибудь вопросъ, то этотъ же вопросъ предлагался другимъ ученикамъ. Вопросамъ велся подсчетъ, и по нимъ-то и предстояло судить, которая изъ двухъ школъ лучше.

Причетникъ началъ экзаменовать учениковъ Тюберга. Вначалѣ онъ былъ очень остороженъ, такъ какъ хотѣлъ щадить дѣтей, но когда онъ увидалъ, что дѣти прекрасно знаютъ свои предметы, онъ началъ задавать имъ все болѣе и болѣе трудные вопросы. Было прямо наслажденіемъ слушать быстрые и вѣрные отвѣты дѣтей стараго солдата. Они оказались настолько твердыми въ своихъ познаніяхъ, что ни одинъ вопросъ не перешелъ отъ нихъ къ дѣтямъ другой школы.

Потомъ наступилъ чередъ старика Тюберга, и онъ началъ экзаменовать дѣтей причетника.

У старика совсѣмъ уже прошло сердце, такъ какъ его дѣти доказали блестящимъ образомъ, что тверды во всѣхъ наукахъ, которымъ онъ обучалъ ихъ, и ему захотѣлось пошутить. Онъ сдѣлалъ дѣтямъ причетника нѣсколько серьезныхъ вопросовъ, но долго онъ не могъ выдерживать роли строгаго экзаминатора и вскорѣ сдѣлался тѣмъ веселымъ и добродушнымъ учителемъ, какимъ бывалъ всегда со своими дѣтьми.

— Я знаю, что вы учитесь больше и знаете гораздо больше насъ,—сказалъ онъ.—Вѣдь мы пришли изъ медвѣжьяго угла и намъ за вами не угоняться. Вы обучались и естественнымъ наукамъ и всему прочему. Но мнѣ всетаки хотѣлось бы знать, есть ли среди васъ кто-нибудь, кто зналъ бы, какіе камни находятся въ рѣкѣ Мотала?

Никто изъ дѣтей причетника не поднялъ руки, зато въ рядахъ дѣтей Тюберга поднялось много рукъ.

Среди учениковъ причетника сидѣли первый ученикъ Олафъ Ольсонъ и Августъ Дэръ-Ноль, сынъ виднаго богатаго крестьянина, и всѣ они молчали. Каринъ Свенсъ, шустрая дѣвочка изъ солдатскаго поселка, тоже молчала, а она была одной изъ лучшихъ учеництъ и не пропустила ни одного учебнаго дня. Мысленно она удивлялась, какъ это причетникъ забылъ сказать имъ, какіе камни находятся въ рѣкѣ Мотала.

Учитель Тюбергъ ждалъ отвѣта съ серьезнымъ выраженіемъ

на лицѣ, а причетникъ сидѣлъ, потупивъ голову. Онъ былъ очень огорченъ.

— Нечего дѣлать,—сказалъ Тюбергъ,—придется этотъ вопросъ задать моимъ дѣтямъ. Подумать только, сколько среди васъ шустрыхъ мальчиковъ и дѣвочекъ, и никто не можетъ отвѣтить на такой простой вопросъ.

Въ эту минуту маленькая Клара обернулась и посмотрѣла на своего отца, что она всегда дѣлала, когда ее ставили втупикъ. Янъ стоялъ такъ далеко отъ Клары, что не могъ шепнуть ей отвѣтъ, но когда дѣвочка встрѣтилась со взоромъ отца, ей вдругъ стало ясно, что̀ именно она должна отвѣтить.

Она не только протянула руку, она вся вытянулась впередъ,— такъ ей хотѣлось поскорѣе отвѣтить.

Всѣ дѣти повернулись къ ней, а причетникъ улыбался отъ радости, что его дѣти не упали лицомъ въ грязь.

— Они мокрые!—крикнула Клара-Гулла, не дожидаясь, пока ее спросятъ, тутъ ужъ нельзя было терять времени даромъ.

Но она сейчасъ же раскаялась въ своемъ отвѣтѣ, такъ какъ онъ показался ей очень глупымъ, и она испугалась, что теперь испортила все дѣло. Она опустилась на скамью и почти совсѣмъ спряталась за партой.

— Вотъ это былъ хорошій отвѣтъ, моя милая!—сказалъ Тюбергъ.—Хорошо, что среди васъ нашлась такая умница, а то вы осрамили бы себя.

Послѣ этого послѣдовалъ такой взрывъ хохота, что долго ничего другого не было слышно. Хохотали дѣти и взрослые. Нѣкоторыя изъ дѣтей встали съ мѣста, чтобы хорошенько нахохотаться, другія положили головы на парты и хохотали до слезъ. Порядокъ былъ нарушенъ, никто больше не сидѣлъ чинно.

— Ну, что же, не пора ли теперь убрать скамьи и парты,— сказалъ старикъ Тюбергъ.—Не мѣшало бы намъ поплясать немного вокругъ елки.

Никогда ни раньше, ни позже не веселились такъ дѣти, какъ въ этотъ достопамятный вечеръ.

Ловля рыбы.

Конечно, трудно было предположить, что кто-нибудь могъ любить маленькую Клару больше, чѣмъ ее любилъ родной отецъ. Но всетаки можно смѣло сказать, что старый Ола, который плелъ сѣти, былъ ея хорошимъ другомъ.

Вотъ какимъ образомъ между ними завязалась дружба.

Однажды весною Клара-Гулла поставила въ быстрой рѣчкѣ Тветтбеккенъ переметъ для ловли маленькихъ форелей, которыя водились тамъ во множествѣ. Ей повезло, и на другой день она принесла домой двѣ связки маленькихъ рыбешекъ.

Она очень гордилась своимъ уловомъ, и даже мать похвалила ее за то, что она доставляетъ домой провизію, хотя ей было всего восемь лѣтъ. Чтобы доставить дѣвочкѣ удовольствіе, Катринна велѣла ей самой вычистить рыбу и поджарить ее къ обѣду. Янъ съ наслажденіемъ ѣлъ рыбу и сказалъ, что никогда во всю свою жизнь онъ не ѣлъ такой рыбы. Пожалуй, это было именно такъ, потому что рыба была такая костистая, сухая и такъ пахла дымомъ, что Клара-Гулла сама съ трудомъ проглотила кусочекъ.

Однако это ничуть не отняло у нея охоты продолжать заниматься рыболовствомъ. По утрамъ она вставала въ одно время съ Яномъ, брала на руку корзину для рыбы, забирала съ собой свѣжихъ червей и шла на рѣку. Рѣчка Тветтбеккенъ быстро струилась по порогамъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на ней были затоны, гдѣ сквозь тихую кристальную воду можно было видѣть каждую песчинку и каждый камешекъ.

Такъ продолжалось цѣлую недѣлю, дѣвочкѣ продолжало везти, и она приносила домой рыбу. Но вдругъ счастье измѣнило ей. Когда она вынимала переметъ, то оказывалось, что червей на крючкахъ больше не было, да и рыбъ на нихъ также не было. Клара-Гулла переносила свой переметъ то въ затонъ, то на быстрое мѣсто рѣки, но ничего не помогало.

Она пошла къ мальчикамъ Бёрье, жившимъ въ усадьбѣ Эрика изъ Фалла, и спросила, не они ли обираютъ ея рыбу съ крючковъ. Но мальчики не удостоили ея даже отвѣтомъ, такъ какъ никогда ни одинъ мальчикъ не унизился бы до того, чтобы ловить рыбу въ Тветтбеккенѣ, разъ въ ихъ распоряженіи было все большое озеро Дювшё. Эта рѣчка хороша была только для маленькихъ дѣвочекъ, которымъ матери не позволяли бѣгать на берегъ озера.

Однако, несмотря на дерзкій отвѣтъ мальчиковъ, Клара все-таки не очень-то повѣрила имъ. Не было никакого сомнѣнія въ томъ, что кто-нибудь снималъ рыбу съ ея крючковъ. Вѣдь это были настоящіе крючки съ червяками, а не согнутыя булавки.

Чтобы выяснить, наконецъ, въ чемъ дѣло, Клара встала однажды утромъ раньше Катринны и Яна и пошла на рѣчку. Не доходя до рѣчки, она пошла тише и стала осторожно пробираться по камнямъ и черезъ кусты, чтобы какъ-нибудь не нашумѣть.

И что же? Клара чуть не остолбенѣла, когда она вышла на

берегъ рѣчки и увидала, что она была права. Какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ она накануне опустила переметъ, стоялъ воръ и вытаскивалъ изъ воды ея крючки.

Къ величайшему изумленію дѣвочки воръ оказался не мальчикомъ, какъ она это думала, а взрослымъ мужчиной. Онъ стоялъ, склонившись надъ водой, и какъ разъ снималъ съ крючка рыбу.

Хотя Кларѣ было всего восемь лѣтъ, но она была не изъ трусливаго десятка; она бросилась къ вору и поймала его на мѣстѣ преступленія.

— Такъ это вы приходите сюда за моей рыбой?—сказала она.— Хорошо, что я поймала васъ, наконецъ, теперь, по крайней мѣрѣ, это воровство прекратится.

Человѣкъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на нее, и Клара узнала въ немъ стараго Оле, который плелъ неводы. Онъ жилъ невдалекѣ отъ рѣчки въ убогой избушкѣ.

— Я хорошо знаю, что это твой переметъ,—отвѣтилъ онъ совершенно спокойно и безъ малѣйшаго раздраженія.

— Такъ какъ же вы смѣете брать то, что вамъ не принадлежитъ?—возмутилась бѣдная дѣвочка.

Тутъ старикъ еще разъ посмотрѣлъ на нее долгимъ взглядомъ, и этого взгляда Клара-Гулла никогда не забывала больше. Ей показалось, что на нее посмотрѣли двѣ большія темныя впадины, въ глубинѣ которыхъ едва можно было различить потухшіе глаза, не выражавшіе больше ни радости, ни горя.

— Вотъ видишь ли, я знаю, что ты получаешь все необходимое отъ своихъ родителей,—проговорилъ онъ тихо.—Я зналъ, что ты ловишь рыбу ради забавы. А у меня дома нечего ѣсть, и мы умираемъ отъ голоду.

Клара вся вспыхнула. Она не поняла, отчего это, но теперь стало стыдно ей.

Старый Оле ничего больше не сказалъ. Онъ надѣлъ шапку, которая упала съ его головы, пока онъ возился съ крючками, и пошелъ домой.

Клара-Гулла также ничего не сказала. На берегу бились двѣ рыбешки, но она не брала ихъ. Постоявъ съ минуту и взглянувъ на рыбокъ, она толкнула ихъ ногой, и онѣ полетѣли въ рѣку.

Весь этотъ день дѣвочка была недовольна собой, но она сама не могла понять, чѣмъ именно она недовольна. Во всякомъ случаѣ не она поступила дурно.

Она не могла выкинуть изъ мыслей стараго Оле. Люди говорили про него, что когда-то онъ былъ очень богатъ. Увѣряли, будто у него было семь дворовъ, и каждый изъ нихъ стоилъ

двора Эрика изъ Фалла. Но какимъ-то необъяснимымъ образомъ онъ лишился всѣхъ своихъ дворовъ и совсѣмъ обѣднѣлъ.

На слѣдующее утро Клара опять пошла на рѣчку. На этотъ разъ никто не трогалъ ея перемета, и на каждомъ крючкѣ она нашла по рыбкѣ. Она сняла рыбокъ съ крючковъ и положила ихъ въ корзинку, но она не пошла съ ними домой, а направилась прямо къ избушкѣ стараго Оле.

Онъ стоялъ на пригоркѣ передъ избой и рубилъ дрова, когда къ калиткѣ подошла Клара. Прежде чѣмъ войти въ калитку, дѣвочка съ минуту стояла на мѣстѣ и смотрѣла на старика. Онъ былъ одѣтъ очень бѣдно, платье его было въ лохмотьяхъ. Никогда она не видала своего отца въ такомъ плачевномъ видѣ.

Клара слышала, что богатые люди предлагали старику жить у нихъ до самой его смерти. Но онъ отказался отъ этого и переѣхалъ къ вдовѣ сына, жившей въ Аскедаларна, чтобы помогать ей, насколько онъ могъ. Его сынъ давно уже ушелъ отъ своей жены, а потомъ говорили, что онъ умеръ. У его жены было нѣсколько маленькихъ дѣтей.

— А сегодня на крючкахъ была рыба!—крикнула Клара старику.

— Въ самомъ дѣлѣ?—отвѣтилъ старикъ.—Что же, это хорошо!

— Я съ удовольствіемъ буду отдавать вамъ всю рыбу, только бы мнѣ самой ловить ее,—сказала дѣвочка.

Съ этими словами она подошла къ старику и высыпала на землю возлѣ него всю рыбу изъ корзинки. Она ожидала, что старый Оле очень обрадуется и будетъ хвалить ее, какъ ее всегда за все хвалилъ ея отецъ. Но старикъ оставался такимъ же спокойнымъ и ничѣмъ не проявлялъ своей радости.

— Оставь себѣ то, что твое,—сказалъ онъ.—Мы привыкли голодать, такъ что намъ ничего не стоитъ обойтись безъ этихъ рыбешекъ.

У Клары было какое-то странное чувство по отношенію къ этому бѣдному старику. Она не могла успокоиться до тѣхъ поръ, пока не расположила его къ себѣ.

— Если хотите, вы можете сами снимать рыбу съ крючковъ... и сами надѣвать червяковъ... вы можете все дѣлать сами.

— Нѣтъ, милая, этого удовольствія я не хочу отнимать отъ тебя,—отвѣтилъ старикъ.

Но Клара-Гулла продолжала настаивать. Она ни за что не хотѣла уходить, пока не поладитъ какъ-нибудь со старикомъ.

— Хотите, я буду приходить за вами сюда каждое утро, и тогда мы будемъ вмѣстѣ снимать рыбу съ крючковъ и будемъ дѣлить уловъ пополамъ?—спросила она.

Старикъ пересталъ рубить дрова. Онъ посмотрѣлъ своими потухшими глазами на дѣвочку, и на его губахъ появилась слабая улыбка.

— Ну, что же; въ концѣ-концовъ, тебѣ удалось-таки уговорить меня,—сказалъ онъ.—Отъ этого предложенія я не откажусь.

Агриппа.

Странная была эта дѣвочка, Клара-Гулла! Ей было всего только десять лѣтъ, а она не сплоховала даже передъ такимъ человѣкомъ, какъ Агриппа Престбергъ.

Одна только наружность этого человѣка могла навести страхъ на кого угодно. У него были желтые глаза съ красными вѣками, густыя, нависшія брови, громадный носъ съ горбомъ и шишками, косматая жесткая борода и усы, торчавшіе изъ-подъ носа, словно щетина, и лобъ, весь изрытый глубокими морщинами. Онъ былъ очень высокаго роста, но въ то же время нескладный и косолапый. На головѣ у него всегда была надѣта затасканная солдатская фуражка. Вообще видъ у него былъ такой, что къ нему было страшно подойти.

Однажды маленькая Клара-Гулла сидѣла въ полномъ одиночествѣ на каменной плитѣ передъ входной дверью своей избы и ѣла бутербродъ, оставленный ей матерью на ужинъ.

Вдругъ она увидала, что по дорогѣ къ ихъ избѣ идетъ какой-то высокій человѣкъ. Когда онъ приблизился, то она узнала въ немъ Агриппу Престберга.

Однако дѣвочка не растерялась, хотя и побаивалась этого непріятнаго человѣка. Первымъ дѣломъ она поспѣшила спрятать подъ фартукъ бутербродъ, не забывъ предварительно сложить ломоть такъ, чтобы масло приходилось внутри и чтобы оно не запачкало ей платья. Послѣ этого она спокойно сложила руки. Она не пыталась ни убѣжать, ни запереться въ избѣ, потому что хорошо знала, что такой человѣкъ, какъ Агриппа, все равно добьется своего. Черезъ минуту однако она вспомнила, что тутъ же на каменной плитѣ мать оставила чулокъ, который она вязала, и дѣвочка взяла его и принялась вязать съ такимъ усердіемъ, что спицы такъ и звенѣли.

Она сидѣла совершенно спокойно и вязала, будто ничего ее не тревожило, но исподтишка она посматривала на калитку и ждала, что будетъ дальше. Такъ и есть, Агриппа дѣйствительно направлялся къ нимъ. Вотъ онъ уже снялъ щеколду.

Клара усѣлась поудобнѣе на камнѣ и расправила юбки. Она

сознавала, что на ней лежитъ отвѣтственность за домъ. Она знала, что Агриппа Престбергъ не будетъ воровать, что въ драку онъ тоже не полѣзетъ, если только его не будутъ дразнить „Греппой“ или предлагать ему бутерброды. Знала она также и то, что онъ нигдѣ долго не засиживается, если на несчастье въ домѣ не окажется стѣнныхъ часовъ.

Дѣло въ томъ, что онъ бродилъ изъ селенія въ селеніе и чинилъ стѣнные часы. И если только ему въ домѣ попадались на глаза стѣнные часы, то онъ не успокаивался до тѣхъ поръ, пока ему не удавалось наконецъ снять часы и посмотрѣть, въ порядкѣ ли механизмъ. Ну, а недостатокъ какой-нибудь въ механизмѣ всегда находился. Тутъ ужъ ему не оставалось ничего другого, какъ разобрать весь механизмъ. Затѣмъ проходило нѣсколько дней, прежде чѣмъ онъ снова собиралъ часы, а въ теченіе этого времени хозяевамъ приходилось кормить и поить его.

Это бы еще ничего, но хуже всего было то, что послѣ того, какъ часы попадали въ руки Престберга, они уже никогда больше не шли такъ хорошо, какъ раньше. Потомъ приходилось, по крайней мѣрѣ, разъ въ годъ просить Престберга чинить часы, иначе они совсѣмъ останавливались.

Вотъ почему лучше всего было, когда Агриппа вовсе не дотрогивался до часовъ. Все это очень хорошо знала Клара-Гулла, но она ничего не могла придумать, чтобы спасти стѣнные часы, которые тикали въ избѣ. Престбергъ зналъ о существованіи этихъ часовъ и давно уже точилъ на нихъ зубы, но раньше, когда онъ появлялся въ домѣ Яна, Катринна бывала дома и не подпускала его къ часамъ.

Подойдя къ крыльцу, Агриппа остановился передъ дѣвочкой, изо всѣхъ силъ ударилъ палкой о землю и прорычалъ:

— Пришелъ Іоханъ-Уттеръ-Агриппа Престбергъ, его королевскаго величества барабанщикъ! Былъ подъ пулями, нюхалъ порохъ и не боюсь ни ангела, ни дьявола! Кто-нибудь дома?

Кларѣ незачѣмъ было отвѣчать ему. Онъ прошелъ мимо нея и вошелъ въ избу. Тамъ онъ направился прямехонько къ стѣннымъ часамъ.

Дѣвочка бросилась за нимъ и стала разсказывать ему, какіе у нихъ хорошіе часы и какъ они вѣрно идутъ, не отстаютъ и не бѣгутъ впередъ. Ихъ совсѣмъ незачѣмъ исправлять.

— Какимъ образомъ эти часы могутъ итти вѣрно, разъ Іоханъ-Уттеръ-Агриппа Престбергъ не исправлялъ ихъ?—сказалъ незваный гость.

Онъ былъ такой высокій, что, не взлѣзая на стулъ, открылъ

деревянный футляръ часовъ. Въ слѣдующее мгновеніе онъ снялъ циферблатъ, вынулъ механизмъ и положилъ его на столъ. Клара-Гулла сжала подъ фартукомъ кулачки, и на глазахъ у нея выступили слезы, но развѣ она могла воспрепятствовать этому великану дѣлать все, что ему было угодно?

Престбергъ очень спѣшилъ найти недостатокъ въ механизмѣ часовъ, такъ какъ боялся, что Катринна или Янъ возвратятся домой и скажутъ, что часы не требуютъ никакой починки. Онъ носилъ съ собой узелокъ съ инструментами и баночками съ мазью. Быстро развязалъ онъ узелъ и при этомъ такъ торопился, что часть содержимаго узелка разсыпалась по полу.

Агриппа приказалъ Кларѣ подобрать все съ пола. Понятно, что ей оставалось только слушаться его. Она присѣла на корточки и подала ему маленькую стамезку и маленькую пилку.

— Тамъ есть еще что-нибудь? — зарычалъ Престбергъ. — Ты должна радоваться и гордиться тѣмъ, что прислуживаешь его королевскаго величества барабанщику, пигалица ты этакая!

— Нѣтъ, тутъ больше ничего нѣтъ,—отвѣтила дѣвочка. Она чувствовала себя такой несчастной, какой не чувствовала никогда раньше. Вѣдь ей поручили стеречь домъ, и вотъ какъ все вышло.

— Ну, а гдѣ же мои очки?—спросилъ Престбергъ.—Они, навѣрное, тоже упали?

— Нѣ-ѣтъ,—отвѣтила дѣвочка,—тутъ нѣтъ никакихъ очковъ.

У нея вдругъ пронеслась радостная мысль. Что, если онъ безъ очковъ ничего не можетъ сдѣлать съ часами? Что, если онъ потерялъ ихъ?

Въ это самое мгновеніе она увидала футляръ съ очками. Онъ лежалъ позади толстой ножки стола.

Между тѣмъ старикъ рылся въ узелкѣ и звенѣлъ металлическими колесиками и пружинами. У дѣвочки явилась надежда на то, что онъ не увидитъ своихъ очковъ.

— Ну, придется, видно, мнѣ самому сѣсть на полъ и разыскивать свои очки,—сказалъ Агриппа.—Вставай, торпарское отродье!

Дѣвочка ловкимъ движеніемъ схватила футляръ съ очками и быстро спрятала его подъ фартукомъ.

— Ну, вставай, что ли?—крикнулъ опять Агриппа.—Я тебѣ не очень-то вѣрю. Что ты тамъ прячешь подъ фартукомъ? Подавай сейчасъ, говорятъ тебѣ!

Дѣвочка протянула ему сейчасъ же одну руку. Другую она все время держала подъ фартукомъ. Теперь она должна была показать и ее, и тутъ старикъ увидалъ бутербродъ.

— Фу, никакъ это бутербродъ!—воскликнулъ старикъ, питавшiй къ маслу непреодолимое отвращенiе. Онъ даже отпрянулъ, словно дѣвочка показала ему гадюку.

— Когда вы пришли, я сидѣла и ѣла бутербродъ, и я спрятала его подъ фартукъ, потому что знаю, что вы не любите масла.

Престбергъ сталъ искать на полу свои очки, но ничего не нашелъ.

— Вы, навѣрное, забыли ваши очки дома, — сказала Клара-Гулла.

Такъ думалъ и старикъ, но онъ не былъ увѣренъ въ этомъ.

Какъ бы то ни было, но часы были спасены, безъ очковъ онъ ничего не могъ подѣлать съ ними. Ему пришлось завязать свой узелокъ и снова вложить механизмъ часовъ въ деревянный футляръ.

Пока старикъ возился съ часами, дѣвочка воспользовалась тѣмъ, что онъ стоялъ къ ней спиной, и сунула потихоньку футляръ съ очками въ его узелъ.

Тамъ Агриппа и нашелъ ихъ, когда пришелъ въ господскую усадьбу Левдала, гдѣ онъ незадолго передъ тѣмъ работалъ, чтобы спросить, не забылъ ли онъ тамъ свои очки. Онъ развязалъ узелъ, чтобы показать, что тамъ его очковъ нѣтъ, и тутъ первое, что онъ увидалъ, были какъ разъ его очки.

Вскорѣ послѣ этого онъ повстрѣчался на церковномъ пригоркѣ съ Яномъ и Катринной. Онъ подошелъ къ нимъ и сказалъ:

— Ваша маленькая дѣвочка... эта маленькая шустрая дѣвочка доставитъ вамъ много радости.

Запретный плодъ.

Многiе предсказывали Яну изъ Скрулюкка, что его маленькая дѣвочка доставитъ ему много радости, когда выростетъ большая. Люди, должно быть, не понимали, что она уже дѣлаетъ его счастливымъ каждый день и каждый часъ. Только разъ за все время ея дѣтскихъ лѣтъ она заставила его разсердиться и почувствовать стыдъ за нее.

Однажды лѣтомъ, когда Кларѣ было одиннадцать лѣтъ, Янъ пошелъ съ ней черезъ гору въ Лёвдала. Это было семнадцатаго августа, въ день рожденiя хозяина Лёвдала, лейтенанта Лильекроны.

Семнадцатое августа былъ такой радостный день, что всѣ ждали его съ нетерпѣнiемъ какъ въ Свартшё, такъ и въ Бру. Въ празднествѣ этомъ принимали участiе не только господа, но также

и крестьяне, ихъ дѣти и молодежь во всемъ околоткѣ. Въ этотъ день въ Лёвдала со всѣхъ сторонъ стекался народъ, которому хотѣлось хоть однимъ глазкомъ взглянуть на нарядныхъ господъ и послушать пѣніе и музыку.

Было и еще нѣчто, притягивавшее семнадцатаго августа молодежь въ Лёвдала. Дѣло въ томъ, что господскій садъ изобиловалъ ягодами и яблоками, которыя въ это время были уже достаточно зрѣлы. Правда, люди въ той мѣстности соблюдали самую щепетильную честность во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, но на ягоды и фрукты, висѣвшіе на кустахъ и деревьяхъ, они смотрѣли совсѣмъ иначе и считали, что нѣтъ грѣха попользоваться ими втихомолку отъ хозяевъ.

Когда Янъ проходилъ съ Кларой по саду, то онъ хорошо замѣтилъ, какими большими глазами дѣвочка смотрѣла на вѣтви яблонь, гнувшихся подъ массой зеленыхъ яблокъ. Янъ, пожалуй, и позволилъ бы ей сорвать одно яблоко и полакомиться имъ, но какъ разъ подъ яблонями разгуливали управляющій Сёдерлингъ съ двумя работниками; они, повидимому, оберегали плодовыя деревья, и Янъ прошелъ мимо нихъ.

Онъ прошелъ съ Кларой на большой дворъ, гдѣ не было никакихъ соблазновъ. Однако онъ хорошо видѣлъ, что дѣвочка только и думаетъ о кустахъ со спѣлымъ крыжовникомъ и о яблоняхъ. Она не смотрѣла ни на нарядныхъ господскихъ дѣтей, ни на роскошныя клумбы съ цвѣтами. Онъ не могъ заставить ее слушать прекрасную рѣчь пробста изъ Бру, которую тотъ сказалъ лейтенанту Лильекрона, или рѣчь инженера Бореуса изъ Борга. Даже поздравительные стихи причетника Свартлинга не произвели на Клару никакого впечатлѣнія.

Изъ залы доносилась игра на кларнетѣ Андерсъ Эстера. Онъ игралъ такую веселую и игривую польку, что такъ и подмывало пуститься подъ нее въ плясъ. Но и къ этому дѣвочка осталась равнодушной. Видно было, что она хочетъ во что бы то ни стало подъ какимъ-нибудь предлогомъ снова пойти въ садъ.

Янъ все время держалъ ее за руку. Онъ не отпускалъ ея, хотя она нѣсколько разъ порывалась уйти отъ него. Все шло прекрасно, пока не стемнѣло.

Повсюду засвѣтились пестрые фонарики, не только на деревьяхъ, но также среди цвѣточныхъ клумбъ, на газонѣ и среди вьющихся растеній, которыми были покрыты стѣны дома. Янъ никогда еще не видалъ ничего подобнаго, онъ былъ такъ пораженъ этимъ зрѣлищемъ, что у него голова закружилась и онъ не сознавалъ, на землѣ ли онъ, или на небѣ.

Однако, онъ продолжалъ все такъ же крѣпко держать Клару за руку.

Купецъ, у котораго была лавка возлѣ церкви, его братъ и Андерсъ Эстеръ съ племянникомъ вышли на балконъ и запѣли. Яну казалось, что весь воздухъ наполнился чѣмъ-то радостнымъ и животворящимъ. Это пѣніе заставляло забывать всѣ горести и заботы. Въ тихую лѣтнюю ночь оно производило чарующее впечатлѣніе, и Янъ весь отдался ему. И на всѣхъ остальныхъ слушателей оно производило такое же впечатлѣніе. Люди радовались, что живутъ, да еще въ такомъ прекрасномъ мірѣ.

— Да, теперь хоть чувствуешь, что сегодня дѣйствительно семнадцатое августа,—раздавался вокругъ Яна шопотъ.

— Вотъ такая жизнь, вѣроятно, въ раю,—сказалъ одинъ молодой парень, и на лицѣ у него было серьезное и торжественное выраженіе.

Янъ былъ съ ними согласенъ, но онъ настолько еще владѣлъ своими чувствами, что не выпускалъ изъ своей руки маленькую дѣтскую ручку.

Послѣ пѣнія въ воздухѣ стали взлетать ракеты. Когда Янъ увидалъ на фонѣ синяго ночного неба огненные шары, разсыпавшіеся во множество красныхъ, зеленыхъ и золотыхъ звѣздочекъ, то онъ такъ растерялся отъ неожиданности и восторга, что на мгновеніе забылъ о Кларѣ. А когда онъ опомнился, то ея возлѣ него уже не было больше.

„Тутъ ужъ ничего не подѣлаешь,—подумалъ Янъ.—Авось, съ ней ничего не случится и ее не поймаютъ ни управляющій, ни работники“.

Онъ не пытался пойти разыскивать ее въ большомъ темномъ саду. Умнѣе всего было дожидаться ея возвращенія на томъ же мѣстѣ.

Ждать ему пришлось не долго. Была пропѣта еще одна пѣсня, и не успѣли пѣвцы замолкнуть, какъ онъ увидалъ управляющаго Сёдерлинга съ Кларой на рукахъ.

Лейтенантъ Лильекрона стоялъ на верхней ступенькѣ крыльца съ нѣсколькими гостями и слушалъ пѣніе. Управляющій подошелъ къ нему и опустилъ дѣвочку на землю.

Клара-Гулла не кричала и не дѣлала ни малѣйшей попытки убѣжать. Она успѣла набрать въ саду полный фартукъ яблокъ и теперь думала только о томъ, какъ бы не разронять ихъ, и крѣпко держала своей ручонкой собранный въ узелъ фартукъ.

— Вотъ эта дѣвочка сидѣла на яблонѣ, — сказалъ управляю-

щій.—А вы, лейтенантъ, приказали хватать всѣхъ воришекъ и приводить ихъ къ вамъ. Вы хотѣли сами говорить съ ними.

Лейтенантъ Лильекрона посмотрѣлъ на маленькую преступницу, и усы его слегка задрожали отъ сдерживаемой улыбки. Онъ собирался сдѣлать строгое внушеніе вору, но когда онъ увидалъ, какъ крѣпко дѣвочка сжимаетъ рукою фартукъ съ яблоками, ему вдругъ стало жаль ея. Онъ только не зналъ, какъ бы устроить такъ, чтобы яблоки остались у нея. Вѣдь если онъ отпуститъ ее безъ всякой кары, то это можетъ повести къ тому, что его плодовый садъ окончательно опустошатъ.

— Вотъ какъ, такъ ты лазила на яблоню? — сказалъ онъ. — Вѣдь ты ходила въ школу и читала про Адама и Еву, а потому ты должна знать, какъ опасно воровать яблоки.

Въ это мгновеніе изъ толпы вышелъ Янъ и сталъ рядомъ съ дѣвочкой. Онъ былъ очень недоволенъ ею и разсердился за то, что она испортила ему все удовольствіе, но онъ считалъ, что долженъ помочь ей въ бѣдѣ.

— Не наказывайте ея, господинъ лейтенантъ,—сказалъ онъ.— Дѣло въ томъ, что я самъ позволилъ ей влѣзть на дерево и набрать себѣ яблокъ.

Едва онъ это произнесъ, какъ Клара метнула на отца гнѣвный взглядъ и заговорила, наконецъ:

— Это неправда! Это я сама хотѣла взять яблокъ. Отецъ весь вечеръ держалъ меня за руку, чтобы я только не убѣжала въ садъ и не взяла яблокъ.

Лейтенантъ былъ въ восторгѣ.

— Отлично, моя милая!—сказалъ онъ.—Ты поступила хорошо, не позволивъ отцу взять вину на себя. Вотъ, видишь ли, Господь разгнѣвался на Адама и Еву не за то, что они украли яблоко, а за то, что они изъ трусости сваливали вину другъ на друга. Иди и возьми съ собой яблоки. Я даю тебѣ ихъ за то, что ты не побоялась сказать правду.

Съ этими словами онъ обратился къ одному изъ своихъ сыновей:

— Дай Яну рюмку пунша. Я хочу чокнуться съ нимъ и выпить за здоровье его дѣвочки, которая оказалась болѣе на высотѣ положенія, чѣмъ наша прародительница Ева. Для насъ всѣхъ было бы гораздо лучше, если бы подругой Адама въ райскомъ саду была Клара-Гулла.

Перевела **М. Благовѣщенская.**

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Два стихотворенія.

1. На Карпатахъ.

Уступами всходятъ Карпаты,
Подъ ногами таетъ туманъ.
Внизу различаютъ солдаты
Древній край—колыбель славянъ.

Весеннимъ привѣтомъ согрѣта,
Такъ же тихо дремала страна...
На четыре стороны свѣта
Отсюда шли племена.

Шли сербы, чехи, поляки,
Полабы и разная русь.
Скрывалась отчизна во мракѣ,
Но каждый шепталъ: „я вернусь!“

Проносились вѣка и бѣды,
Не встрѣчался съ братьями братъ,
И вотъ, подъ грохотъ побѣды,
Мы снова на склонахъ Карпатъ.

Вздохни же ожиданнымъ мигомъ,
Друзей возвращенныхъ встрѣчай,
Такъ долго подъ вражескимъ игомъ,
Словно рабъ, томившійся край!

Засвѣтился день возвращенья,
Подъ ногами таетъ туманъ...
Здѣсь поставьте стягъ единенья
Нашедшихъ другъ друга славянъ!

15 октября 1914 г.
Варшава.

2. Круги на водѣ.

Отъ камня, брошеннаго въ воду,
Далеко ширятся круги.
Народъ передаетъ народу
Проклятый лозунгъ: „мы—враги!"

Племенъ враждующихъ не числи,
Кругомъ бѣгутъ,—имъ нѣтъ числа!
Въ лазурной Марнѣ, въ желтой Вислѣ
Влачатся чуждыя тѣла.

Въ святыхъ просторахъ Палестины
Уже звучатъ шаги Войны;
Въ Анголѣ дѣвственной—долины
Ея стопой потрясены;

Безлюдные утесы Чили
Оглашены глухой пальбой,
И воды Пе-че-ли покрыли
Флотъ, не отважившійся въ бой.

Вездѣ—вражда! гдѣ райской птицы
Воздушный зыблется полетъ,
Гдѣ въ джунгляхъ страшенъ стонъ тигрицы,
Гдѣ землю давитъ бегемотъ!

Въ чудесныхъ, баснословныхъ странахъ
Визгъ пуль и пушекъ ровный ревъ,
Повязки бѣлыя на ранахъ
И пятна красныя крестовъ!

Внимая дальнему удару,
Встаютъ народы, какъ враги,
И по всему земному шару
Бѣгутъ и ширятся круги.

Валерій Брюсовъ.

2 декабря 1914 г.
Варшава.

ПЫЛЬ.

Романъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Ксеніи Ксенофонтовнѣ Зильбербергъ.

I.

Бѣгутъ дни моей жизни, и похожи они на спицы огромнаго колеса. Когда наступаетъ новый день, мнѣ кажется, что это вернулся ко мнѣ прежній, свершивъ извѣстный кругъ. Но часъ наступитъ, и придетъ мой настоящій день. Я его жду, готовлюсь къ его приходу. Скоро два года, какъ я бѣжалъ изъ Россіи. Я пріѣхалъ въ Парижъ, и первая мысль была:

— Я вернусь.

Дни бѣгутъ...

Позади—поле костей, могилы да могилы, вокругъ меня сумерки эмигрантской жизни, но все—впереди. Вѣруя, я жду и, ожидая, вѣрю. Я знаю, у моихъ товарищей нѣтъ для меня другого названія, какъ романтикъ. Такъ зовутъ меня многіе, даже тѣ, которые въ сущности не знаютъ меня. Кое-кто говоритъ это добродушно, другіе любовно, а иные вкладываютъ въ это слово большую долю насмѣшки и даже презрѣнія. Я не знаю, что оскорбительнѣе: эпитетъ съ любовью или съ насмѣшкой, но то и другое проходятъ мимо меня. Мнѣ вспоминается эпизодъ изъ войны двѣнадцатаго года... Остатки великой арміи спасаются бѣгствомъ. Наполеонъ уже скрылся. Бѣгутъ оборванные, замерзшіе солдаты. Смѣсь одеждъ... Нѣтъ разницы между офицеромъ и солдатомъ. Дорога покрывается трупами. Офицеръ падаетъ рядомъ съ солдатомъ, растутъ груды брошеннаго оружія. На снѣгу тусклыми пятнами мелькаютъ жерла оставленныхъ пушекъ. Возлѣ одной изъ нихъ солдатъ. Крѣпко ухватился за колесо и кричитъ:

— Нельзя уходить! Да здравствуетъ императоръ!

Снѣгъ падаетъ, мететъ сугробы. Возлѣ пушки одинокій солдатъ. И гдѣ-то далеко, далеко догораютъ остатки Москвы...

Романтизмъ или стыдъ? Романтизмъ или вѣра?

II.

Сегодня двѣ недѣли, какъ Эстеръ уѣхала въ Лондонъ. На вокзалѣ она еще разъ повторила:

— Надо запастись терпѣніемъ.

— О, я буду терпѣливъ. Привыкъ,—улыбнулся я.—Только бы удалось тебѣ.

— Удастся,—убѣжденно отвѣтила она и, смѣясь, добавила:— недаромъ я еврейка, упорства много.

— Какая ты еврейка, — замѣтилъ я. — Въ тебѣ ничего нѣтъ еврейскаго. Вся ты бѣлокурая, сѣверная.

— Кровь.

— Пустяки.

Она вдругъ перестала смѣяться и серьезно посмотрѣла на меня.

— Ты говоришь: пустяки, да?

Глаза ея стали пытливыми. Я хотѣлъ обратить все въ шутку:

— Эстеръ, я боюсь твоихъ глазъ.

— Не надо шутокъ. Слушай, ты вотъ сейчасъ сказалъ, что я сѣверная, бѣлокурая, а ты не думаешь, что это особый видъ мимикріи? Понимаешь, мимикріи слабаго. Лишь бы не узналъ сильный и не уничтожилъ. Идущая отъ одного поколѣнія къ другому. И вотъ она во мнѣ. Не думалъ? А ты самъ? Еврей, да? А помнишь, какъ тебя даже жандармы приняли за русскаго. Не думалъ, никогда? О національной мимикріи? Нашей, еврейской? Ящерица живетъ возлѣ сѣрой стѣны—сѣрая окраска... Легче спрятаться отъ врага, легче укрыться отъ опасности. И мы тоже...

— Эстеръ!

— Не думалъ? Любая оболочка, но кровь своя. Конечно, бываетъ и наоборотъ: слишкомъ явная. Даже почти всегда. Но не въ этомъ дѣло. Я говорю не только о носахъ, о глазахъ. Понимаешь, любая оболочка. Но кровь своя, и она должна сказаться.

Я изумленно взглянулъ на нее. Видно, ей показалось, что я хочу возразить, и она устало сказала:

— Ну, не будемъ спорить. Въ другой разъ... Тебя удивили мои слова. Потомъ, потомъ поговоримъ объ этомъ.

Кондукторъ торопливо запиралъ двери. Уже о чемъ-то другомъ говорила Эстеръ, стоя у окна, и шутила и смѣялась, но глаза были попрежнему пытливы, и когда Эстеръ обращалась ко

мнѣ, мнѣ казалось, что они глядятъ на меня съ какой-то недоброй усмѣшкой, и мнѣ хотѣлось крикнуть:

— Не гляди такъ.

И услышать, что она отвѣтила бы мнѣ. Медленно поплылъ поѣздъ, и я не крикнулъ, точно чего-то боялся, а на слѣдующій день я получилъ отъ нея открытку. Она писала въ вагонѣ карандашомъ. Въ дорогѣ буквы стерлись, и я смогъ разобрать только двѣ фразы. Одну въ началѣ: „Ты даже не знаешь, насколько я еврейка", и другую въ концѣ: „Мы всегда и всюду мимикристы". Долго я сидѣлъ надъ этими двумя фразами: что-то тревожное чувствовалось въ этихъ словахъ.

Сегодня двѣ недѣли, а писемъ нѣтъ отъ нея. Безпокойно на душѣ, и, очевидно, поэтому весь день предо мной ея глаза.

III.

Почему-то всѣ эти дни вспоминается прошлое. Вотъ сейчасъ я думалъ о Нинѣ и такъ спокойно, какъ будто она гдѣ-то далеко, а не въ сосѣдней комнатѣ. Думаю о ея первомъ мужѣ. Онъ-то дѣйствительно далеко, а кажется, стоитъ только закрыть глаза, и я услышу его голосъ, какъ сейчасъ слышу съ улицы чье-то пѣніе—негромкое, но ясное.

Гдѣ онъ—я не знаю. Мы когда-то были очень дружны, а когда его жена ушла отъ него ко мнѣ, онъ отказался отъ работы и исчезъ. Говорятъ, онъ уѣхалъ въ Африку. Возможно; онъ всегда любилъ говорить объ Африкѣ и всегда добавлялъ:

— Будетъ революція разбита,—уѣду въ Африку.

Онъ не дождался конца, уѣхалъ заранѣе, и потомъ, когда всѣ покинули Россію, я спрашивалъ себя не разъ:

— Предчувствовалъ ли онъ? Зналъ ли, что всѣ уйдутъ?

Онъ былъ однимъ изъ самыхъ стойкихъ работниковъ, какихъ я только зналъ. И былъ такимъ, не вѣря въ успѣхъ революціи. Онъ былъ красивъ, смѣлъ.

Когда Нина сказала мнѣ, что уходитъ отъ него, я ей не повѣрилъ. Не вѣрилъ и онъ. Онъ пришелъ ко мнѣ вечеромъ и спросилъ:

— Ты звалъ ее?

Я ему ничего не отвѣтилъ. А на слѣдующій день Нина была уже у меня, и я помогалъ ей раскладывать вещи. Изъ Гамбурга онъ писалъ мнѣ:

„Впервые вижу побѣдителя еврея. Поздравляю. Я всегда думалъ, что у евреевъ большіе аппетиты. Оказывается, что не только въ общественной дѣятельности. Поздравляю".

Сперва это письмо кольнуло меня. Неужели Григорій могъ рѣшиться написать подобное? Но я вспомнилъ, какъ онъ любилъ Нину, и съ какимъ чувствомъ онъ уѣхалъ,—и простилъ ему и забылъ. Вскорѣ я получилъ отъ него второе письмо. Я разорвалъ его, я старался забыть о немъ, какъ о первомъ письмѣ, но не могъ. Онъ писалъ мнѣ съ парохода: „Она уйдетъ отъ тебя такъ же скоро, какъ ушла отъ меня, такъ же скоро, какъ и пришла ко мнѣ отъ другого. И кто знаетъ, какой ты по счету. Третій или десятый. Спроси... Я не знаю“.

Разъ ночью, когда на дворѣ нудно стучалъ дождь, и Нина не могла заснуть, я передалъ ей содержаніе второго письма Григорія.

— Покажи письмо,—попросила она.

— Я его разорвалъ.

— Но запомнилъ?

Она присѣла на край кровати.

— Вѣришь?

Я глядѣлъ на ея распущенные волосы, смотрѣлъ, какъ подъ тонкой рубашкой обрисовывалась грудь, и до безумія хотѣлось спросить, многіе ли прижимались къ этой груди, но молчалъ и цѣловалъ ея пальцы. На одномъ изъ нихъ блестѣло обручальное кольцо: она и Григорій были обвѣнчаны.

Я ее часто спрашивалъ:

— Почему ты не снимешь кольца?

Но она всегда избѣгала отвѣта. И въ этотъ разъ, когда я цѣловалъ ея руки, къ моимъ губамъ часто прикасалась холодная золотая полоска. И въ тотъ разъ я еще упорнѣе думалъ, почему она не снимаетъ кольца.

О письмѣ Григорія мы потомъ уже никогда не вспоминали, словно забыли о немъ, но я часто ловилъ на себѣ ея испытующій взглядъ. Она какъ бы присматривалась ко мнѣ... И еще многое приводитъ память... А за окномъ шопотъ листьевъ, похожій на нѣжный, почти неуловимый перезвонъ. Окно мое противъ парка. Мы живемъ на окраинѣ Парижа. Я, Нина, мой братъ. Когда я сижу у стола, мнѣ видно, какъ по аллеямъ бѣгаютъ дѣти, играя въ серсо, какъ на каштанахъ увеличиваются цвѣты—узорные канделябры. По воскреснымъ днямъ вижу гуляющихъ разодѣтыхъ отцовъ и матерей, затянутыхъ дѣвицъ, принаряженныхъ дѣвочекъ, похожихъ на взрослыхъ, а когда день подходитъ къ концу,—въ окно бьется вкрадчивый запахъ расцвѣтающихъ каштановъ.

Идутъ сумерки...

Рядомъ со мной комната Бориса. Слышу, какъ онъ шагаетъ

взадъ и впередъ. Сейчасъ войдетъ Нина, принесетъ лампу, и въ паркѣ спрячутся цвѣты-канделябры. Клумбы и аллеи сольются съ сумерками, и на небѣ покажется зарево Парижа, лежащаго гдѣ-то далеко за нами. Если прислушаться, можно уловить гулъ его бульваровъ, улицъ и площадей, похожій на гулъ отдаленнаго пожара.

Когда-то этотъ гулъ страшилъ меня; мнѣ казалось, что Парижъ раздавитъ меня, какъ раздавилъ многихъ изъ насъ, но теперь нѣтъ этого страха. Я знаю: я только гость.

IV.

Конъ куритъ одну папиросу за другой и, не погасивъ, бросаетъ за окно. Мы сидимъ въ моей комнатѣ. Онъ пришелъ звать меня на какой-то митингъ протеста и засидѣлся. Какъ всегда, онъ говоритъ, а я слушаю.

— Что же, ясно, какъ Божій день. Наркотики мы, наркотики словъ. Понимаете, очень просто; мы въ нихъ забываемся, какъ другіе ищутъ забвенія въ опіумѣ, въ морфіи и чортъ знаетъ въ чемъ. Говоримъ о какихъ-то массахъ. Вотъ вчера въ группѣ я наговорилъ не мало объ этихъ массахъ. Жаль, что васъ не было. Ну, и говоримъ, потрясаемъ мечами, а мечи-то картонные. Были когда-то настоящими. Тамъ, въ Россіи, но и сами мы были тогда настоящими, а здѣсь...

Конъ поднимается, подходитъ къ окну.

— Фюить! Однѣ резолюціи. А когда отъ нихъ тошно становится—идемъ въ Пантеонъ, къ Матису. Глядимъ, какъ проститутки дрыгаютъ ногами. Дуемъ коньякъ, а когда доходимъ до нужнаго градуса, изливаемъ другъ передъ другомъ свою гражданскую скорбь, иногда съ непереваренной закуской. Это еще ничего. Бываетъ похуже: бьемъ себя въ грудь, говоримъ о великихъ могилахъ, кричимъ другъ другу, что надо домой, домой, на опустѣвшія нивы, а какая-нибудь Марьетта или Жанна глядитъ на наши слезы—пьяныя, больныя слезы—и хохочетъ. Если бы только хохотала! Бываетъ иной разъ, что потѣхи ради виномъ обливаетъ. Подниметъ стаканъ. Бахъ!—и въ лицо, за шею. Возможно, что и не ради потѣхи, а со злости. Вѣдь нашъ братъ глазами ее ѣстъ, а ученые разговоры ведетъ. Такъ и такъ молъ... А когда до дѣла дойдетъ—на попятный. Труситъ: не одинъ вѣдь, товарищи вокругъ. А ей: я, молъ, того... Знаете, мои убѣжденія, моя совѣсть, мое „я“, а у самого глаза на лобъ лѣзутъ. Ну, и обливаетъ. Вотъ еще недавно одна закусила губу и плеснула одному. А тутъ и

подвернись другой:—„Не позволю оскорблять моего товарища по партіи“. И полѣзъ съ кулаками, шатается—у Матиса коньякъ крѣпкій. Его тащатъ, а онъ лѣзетъ. Нога на ногу карабкается, а онъ лѣзетъ. Спуталъ маленько,—Марьетту за идейнаго врага принялъ. Грохотъ, хохотъ и слезы. Сколько слезъ! А въ окна разсвѣтъ глядитъ, жмурится, раздвигаетъ плотныя занавѣски, и мы смирнехонько и тихохонько вылѣзаемъ на свѣтъ Божій. Шумитъ проснувшійся рабочій Парижъ, и мы ни шатко, ни валко идемъ на опустѣвшія нивы... Латинскаго квартала. Эхъ, Александръ, не то все, не то!...

У Кона чахоточная жена. Конъ уже успѣлъ побывать на каторгѣ. Изъ Россіи онъ пріѣхалъ два года тому назадъ, а до этого жилъ тамъ много мѣсяцевъ, какъ затравленный звѣрь, пока не выбился изъ силъ. „Затравили“—вспоминаются мнѣ его слова... Гляжу на его длинное испитое лицо, на желтые, давно нечищенные зубы, вспоминаю его новую, недавно написанную имъ брошюру о „конкретныхъ силахъ революціи“,—и мнѣ хочется подойти къ нему, обнять его, прижать къ себѣ его больную, усталую голову.

V.

Сегодня за завтракомъ Нина спросила меня, куда уѣхала Эстеръ, и когда я ей отвѣтилъ—въ Лондонъ, она вдругъ задумалась. Я молчалъ. Потомъ она спросила:

— Почему уѣхала?

Мнѣ не хотѣлось выдумывать, и я просто отвѣтилъ:

— Не знаю.

— Ты не знаешь? Ты?

Сколько изумленія въ ея вопросѣ.

— Нина, вѣдь могу же я не знать.

— Про Эстеръ? Неправда, все!

Она быстро встала и ушла къ себѣ. Я не удерживалъ. Къ чему? Она права: это неправда. Когда Эстеръ пріѣхала къ намъ, Нина ее сразу не взлюбила, и Эстеръ уже на третій день сказала мнѣ:

— Нина меня не любитъ.

— Не думаю.

— Присмотрись.

И Эстеръ переѣхала на другую квартиру, а когда намъ иногда необходимо было говорить, и мы оставались въ моей комнатѣ, Нина съ усмѣшкой, но какъ будто шутя, встрѣчала насъ:

— Ну, конспираторы, кончили свои вѣчныя конспираціи?

Меня коробила злая усмѣшка Нины, какъ насъ коробитъ фальшивый аккордъ, внезапно вырвавшійся изъ волнъ свѣтлой музыки.

Нина ея не любитъ, но развѣ отъ этого неправда становится оправданной? Я ничего не говорилъ Нинѣ, она не знаетъ, зачѣмъ Эстеръ уѣхала въ Лондонъ, о чемъ наши разговоры. Когда-то давно она понимала меня, а теперь мы говоримъ на разныхъ языкахъ. Она знаетъ, что революція кончена, что мы разбиты и что надо жить здѣсь. Жить здѣсь. Что она вкладываетъ въ эти слова? Когда-то каждое мое слово находило въ ней откликъ, а теперь, когда я гляжу въ глаза Нины, я вижу, что они другіе— и я не могу ей сказать, не могу позвать съ собой, но я люблю ихъ и молчу.

Вечеръ близится. Нина забыла о своей утренней вспышкѣ, но я не забылъ. Она зоветъ:

— Саша!

Иду къ ней. Часъ за часомъ проходитъ вечеръ, а когда наступаетъ глубокая ночь и я остаюсь одинъ, одинъ въ тишинѣ, одинъ въ безмолвности, я чувствую, какъ тяжела эта двойственность и какъ мучительна моя любовь къ Нинѣ.

Тихо... За окномъ, въ душѣ.

VI.

Утромъ мы получили отъ бабушки новый портретъ нашего ребенка. Съ нами онъ пробылъ мѣсяцевъ пять. Нина рожала его долго, съ трудомъ, и когда бабушка увезла его въ Россію, Нина разсталась съ нимъ легко.

— Онъ мнѣ сдѣлалъ очень больно,—говорила она.

Уѣхала бабушка—Нина распахнула окна, велѣла убрать кроватку, а ночью прислушивалась ежеминутно, не кричитъ ли ребенокъ, и плакала неслышно, зарывшись въ уголъ кровати. Писала бабушкѣ: „мы скоро возьмемъ его, мнѣ грустно безъ Шурки", и душила письмо своими любимыми духами, а въ post-scriptum'ѣ приписывала: „дай это письмо понюхать Шуркѣ". Гдѣ-то растетъ мальчикъ,—мой мальчикъ, гдѣ-то падаетъ снѣгъ, и мой мальчикъ тянется къ нему ручонками, а здѣсь снѣга нѣтъ, не каркаютъ вороны, сбрасывая съ верхушекъ деревьевъ рыхлые снѣжные комья, не вскрываются рѣки, и я не держу своего мальчика на рукахъ и не говорю ему „милый Шурка". Не знаю, увижу ли я его. Быть можетъ, никогда. Выроститъ и спроситъ. О многомъ... Кто отвѣтитъ? Туда, гдѣ живетъ бабушка—мать Нины,— мнѣ нельзя будетъ заглянуть. Слишкомъ хорошо меня знаютъ тамъ. Засѣсть вмѣстѣ съ Шуркой въ тюрьму? Подносить его къ

окну и глядѣть, какъ онъ своими крошечными пальцами трогаетъ рѣшетки?

Я первый сказалъ, что Шурку надо отправить въ Россію.

— На всякій случай?—спросила Нина и, дѣлая нарочно большіе глаза, утрированнымъ шопотомъ добавила:

— На всякій революціонный случай?

— На всякій,—отвѣтилъ я.

А въ это время я былъ наканунѣ поѣздки въ Россіи. Нина не знала объ этомъ и шутила. Какъ и сейчасъ, я ей не говорилъ. Какъ и сейчасъ, я тянулся къ ней и шагъ за шагомъ уходилъ отъ нея. Какъ недавно и въ то же время какъ давно это было! Помню, какъ упорно Нина настаивала на томъ, что Шурка долженъ жить у ея матери. Въ это время моя мать гостила у насъ. Я хотѣлъ, чтобы она увезла Шурку. Но Нина упорствовала. Я не спорилъ, не настаивалъ, только спросилъ:

— Почему именно у твоихъ?

Она вдругъ вспыхнула:

— Вѣдь это мой ребенокъ.

Мнѣ показалось это смѣшнымъ, и я разсмѣялся. Помню, я, шутя, замѣтилъ:

— Но настолько же и мой.

— Но я мать. Шурка долженъ быть въ той же средѣ, гдѣ я росла.

Я съ удивленіемъ взглянулъ на нее. Мнѣ показалось, что она смутилась, но минутъ черезъ десять мы уже вмѣстѣ пошли на почту телеграфировать ея матери. Бабушка пріѣхала и Шурку увезли. Я, онъ и бабушка ѣхали въ дождь къ Gare du Nord. Я укрылъ Шурку своимъ пальто. Бабушка нервничала, охала и все говорила о простудѣ. Изъ-подъ голубого чепчика Шурка глядѣлъ на меня, и временами мнѣ казалось, что грустно. Внутрь автомобиля упалъ свѣтъ фонаря, и Шурка сморщилъ лобикъ, а потомъ заплакалъ. Я не зналъ, что дѣлать, и засвистѣлъ. Свистѣлъ и слушалъ, какъ постукиваютъ капли, словно разсыпанный горохъ.

Я не уѣхалъ, поѣздка разстроилась. Шурка поѣхалъ. Но онъ не вернется сюда: вѣдь дни бѣгутъ, и я опять „наканунѣ“.

Вотъ тихая ночь, и я не одинъ: ребенокъ возлѣ меня, болтаетъ ножками, разбрасываетъ на моей подушкѣ прядку волосъ, беретъ мою руку и тянетъ къ себѣ. Брови, какъ ниточка, и весь онъ, какъ ниточка. Хочется бережно сказать, цѣлуя мягкое темя, гдѣ спутались волосенки:

— Милый мой мальчикъ!

Весь онъ, какъ ниточка. И оторванъ.

VII.

На углу St. Michel я столкнулся съ Кономъ. Онъ выходилъ изъ ресторана. Пьянъ. Еле стоитъ на ногахъ. Я увелъ его къ себѣ и уложилъ въ постель. Только что въ дверь постучалась Нина. Я на стукъ отвѣтилъ:

— Я не могу тебя впустить. Я не одинъ, у меня больной товарищъ.

Ея горячее дыханіе проходитъ сквозь скважину и жжетъ мое ухо. А на постели тяжело ворочается Конъ.

— Милый... Любимый...

Я сижу возлѣ Кона, и минуты ползутъ, какъ нагруженные фургоны.

Я думаю: что Конъ конкретнымъ силамъ революціи, и что онѣ ему?

А рука моя невольно тянется къ его неспокойно лежащей рукѣ. На пальцахъ обкусанные ногти, какъ у дѣтей, а на ладони сѣть линій. Вся ладонь испещрена ими. То свиваются въ клубокъ, то разбѣгаются, и говорятъ онѣ о бурныхъ дняхъ, о красныхъ зоряхъ, о томъ, какъ вспыхивали искры. Перевернуть—и встаютъ обкусанные ногти, и въ нихъ что-то дѣтское, безпомощное. Беру книгу, но читать не могу, и минуты тянутся, тянутся безъ конца, и я радуюсь, когда Конъ, наконецъ, поднимаетъ растрепанную голову и спрашиваетъ хрипло:

— Который часъ?

Онъ долго умывается въ углу, потомъ садится на подоконникъ, опускаетъ голову, прячетъ лицо въ ладони и въ такой позѣ сидитъ долго, долго. Въ сумеркахъ мелькаетъ огонекъ его папиросы. И наступаетъ одинъ изъ тѣхъ вечеровъ, когда на дальнихъ улицахъ Парижа постепенно замираетъ жизнь, когда издали еле доносится стукъ экипажей и гудки автомобилей, когда тонкая, мягкая пелена тишины и сумерекъ окутываетъ полузаснувшіе дома. Въ такой вечеръ хорошо прислониться къ стѣнѣ, глядѣть, какъ расплывается паркъ, какъ на бархатномъ коврѣ неба кто-то вышиваетъ изъ звѣздъ рисунки—и не думать, не думать ни о чемъ... Ни о чемъ!...

— Конъ, право, лучше не говорить. Вѣдь вамъ потомъ будетъ досадно.

Конъ машетъ рукой.

— Нн-ѣѣттъ. Потомъ ужъ было раньше. Было, а теперь ничего нѣтъ. Вотъ такъ... пусто. Хоть шаромъ покати. Всякія тамъ досады, обиды, терзанія и прочія стыдныя штуки уѣхали. Безъ

обратнаго билета. Уѣхали, да. Я выдалъ впередъ много векселей, а потомъ оказалось: несостоятельный банкротъ. Сажай его въ долговую яму, а я сижу въ комитетѣ. Не пугайтесь, въ заграничномъ. Испугались?

Конъ смѣется. Я не люблю, когда онъ смѣется: это не смѣхъ, а крикъ.

— Дѣлаю дѣло. Никакого дѣла нѣтъ—фикція одна. Но попробуйте-ка отнять его у меня,—я зубами и руками вцѣплюсь, не отдамъ ни за что. Вѣдь это же моя соломинка, понимаете, соломинка, иначе я трупъ утопшаго человѣка.

Я шагаю отъ одной стѣны къ другой. Оборачиваясь, вижу только изрѣдка кусокъ лица Кона, озареннаго золотистымъ уголькомъ папиросы,—и плывутъ слова, фразы Кона, сплетаются, перегоняютъ другъ друга и обхватываютъ меня тусклымъ сплошнымъ кругомъ. И кажется, нѣтъ изъ него выхода.

— Александръ Яковлевичъ, не коньякъ говоритъ во мнѣ—развѣ вы когда-нибудь видали еврея-пьяницу?—и даже не оскорбленное самолюбіе автора брошюръ и десятка статей, которыхъ хорошо, если двое-трое прочтутъ. Благо, безплатное удовольствіе, да и бумага тонкая. Да и тѣ потомъ забываютъ. Нѣтъ, Александръ Яковлевичъ, ни въ какомъ случаѣ. „Больно"—вотъ что говоритъ во мнѣ. Представьте-ка себѣ: огромный могильный холмъ, а на немъ мы, да еще вразбродъ. Нѣтъ, я не пьянъ. Если боль—алкоголь и пьянитъ, то я пьянъ, тогда я согласенъ. Ау, ау,—не откликаются. А только сбоку, да снизу, да сверху: больно! И бродимъ мы, одиночки, по закоулкамъ, по угламъ; а тѣ, кто совсѣмъ сдрейфили и на мерзость пошли,—въ такія ямы залѣзли, что не дай Богъ, только вонь слышна. По старой памяти привязали мы къ себѣ девизы да возгласы и думаемъ: живъ Курилка. А онъ ужъ, Господи ты Боже мой, пятую или шестую годовщину своей гражданской смерти справляетъ. Банкротики, злостненькіе!

— Конъ, не надо!

— Надо. Въ одной рукѣ сотня неоплаченныхъ векселей, а въ другой барабанъ. Дутый! Одна рука гордо указываетъ на Россію... Здѣсь будетъ городъ заложенъ. А въ другой слезница: оставьте насъ въ покоѣ и спокойной ночи. О Россіи не говорю. Она насъ знать не хочетъ. Она насъ выплюнула. О, земля-родина, это прожорливый звѣрь, но хитрый. Съѣдаетъ то, что питательно, и выбрасываетъ ненужное. Вотъ такъ напружится, заворчитъ и выплевываетъ шелуху. Куда шелуха попадетъ—какое ей дѣло, и такъ у ней заботъ не мало. Еще о шелухѣ думать! Знать насъ не хочетъ. Что-то внутри шевелится у нея, что-то новое, а у насъ

нутро разворочено. На кой чортъ мы ей дались? Александръ, пробѣжитесь-ка по Парижу, этакъ съ высоты птичьяго полета. Стопъ— не то. Шапкой-невидимкой загляните къ каждому въ его уголъ. Охъ, печальная картина. Александръ Яковлевичъ, какъ въ кинематографѣ: hoch dramatisch. А сбоку, а снизу—больно, ратуйте, больно! Фикція на фикціи и на каждой фикціи трехсаженными буквами ярлыкъ. Пусть видитъ народъ! Мы, дескать, отвѣтственны предъ исторіей. Лови ее! Она уже въ шестомъ году обернулась къ намъ спиной и сказала: attendez mon caprice. Ждемъ. Руки сложили. А расправить ихъ—дудки. Безсильны. Сорвать ярлыкъ? Тонуть? Благодарю! Отдать мою соломинку, мою соломинку?

Я помогаю Кону найти его шляпу. Мы идемъ внизъ. Онъ отдыхаетъ на каждой ступенькѣ. Даже въ темнотѣ я вижу, какъ онъ кривится отъ головной боли. Мы спускаемся по лѣстницѣ. У самыхъ дверей я что-то громко говорю. Конъ испуганно схватываетъ меня за руку:

— Тс... тише!

А потомъ съ легкимъ смѣшкомъ оправдывается смущенно:

— Стыдно сказать, по сей день отчаянно боюсь этихъ самыхъ консьержекъ.

Конъ на улицѣ. Заворачиваетъ за уголъ. Сейчасъ онъ пропадетъ въ лабиринтѣ улицъ Парижа. Долго гляжу ему вслѣдъ. Вѣдь такъ недавно у него въ душѣ горѣли великія, огненныя слова. Конъ сливается съ паркомъ и тонетъ въ темнотѣ. Неужели они вновь не загорятся? Сумракъ шевелится въ деревьяхъ и молчитъ пугливо. Я возвращаюсь къ себѣ.

— Милый, какъ долго тебя не было!

На волосахъ Нины отсвѣтъ фонаря, словно серебряный вѣнчикъ.

VIII.

Вчера Конъ говорилъ о соломинкѣ, а сейчасъ я и Борисъ говоримъ про того, кого мы намѣрены убить въ Россіи. Въ сегодняшней газетѣ есть сообщеніе о его новыхъ выступленіяхъ. Короткое, сухое, безъ ненависти, безъ гнѣва.

Борисъ держитъ газету въ рукахъ.

— Скажи, Саша, какъ по-твоему, онъ ждетъ насъ, онъ предчувствуетъ нашъ приходъ?

Легкая краска на лицѣ Бориса. Видно, что эта мысль часто неотлучно съ нимъ.

— Я вотъ, Саша, много разъ думалъ, не отчаяніе ли толка-

етъ его на такіе поступки. Вотъ разъ зажмурилъ глаза и пошелъ на все. А если не ждетъ?

— Тѣмъ хуже для него.

— А для насъ?

Я пожимаю плечами:

— Мы ни разу не зажмурили глазъ.

— Ты не понялъ меня.

Уходитъ къ себѣ. Вотъ только что раздались его шаги по тротуару. Я выглядываю изъ окна: онъ идетъ въ паркъ, слегка согнувшись, и, какъ всегда, держитъ шляпу въ рукахъ. Милый и странный! Говоритъ, что я не понялъ его. Но вѣдь ясно: мы должны пойти, ибо погасло то, чему безгнѣвные дали потухнуть.

IX.

Сегодня два года, какъ я бѣжалъ изъ тюрьмы. Утромъ Нина сказала мнѣ, смѣясь и цѣлуя:

— Съ днемъ рожденія!

И меня невольно тянуло спросить:

— Не съ днемъ ли смерти?

Когда-то тотъ же Конъ мнѣ говорилъ:

— Сидѣли мы по тюрьмамъ, ѣли баланду, кормили тюремныхъ клоповъ, но зато хоть были живыми. Парадоксъ? Если такъ, то нашъ—революціонный. А здѣсь? Пріѣхали и гніемъ.

Кто правъ: Конъ или Нина, свѣтло и радостно поздравляя меня? Нина любитъ меня, и для нея мой день бѣгства — день счастья, а Конъ въ моемъ лицѣ видитъ Кона номеръ второй и говоритъ:

— Чему радуешься?

Какъ бы случайно я спрашиваю Нину:

— Вотъ ты поздравила меня. Это день счастливый?

— Конечно.

— Но вѣдь это же и день отхода отъ революціи.

— Какимъ образомъ?

— Я уже два года здѣсь. Это годы ничегонедѣланья.

— Какой ты смѣшной. Не все ли равно, сидѣть здѣсь или въ тюрьмѣ. Въ тюрьмѣ развѣ лучше?

— Не въ этомъ дѣло. Я здѣсь за границей два года. Они живые?

— Конечно.

— Но вѣдь я ничего не дѣлалъ.

Я сбоку гляжу на нее.

— Ну, какъ же такъ ничего?

— Для дѣла, для революціи?

Она недоумѣвающе поводитъ плечами.

Я спрашиваю:

— Живые? И я живой, революціонеръ на словахъ?

— Какой ты странный. Вѣдь сейчасъ ничего нѣтъ.

— А Россія?

Она молчитъ и только крѣпко прижимается ко мнѣ, а спустя нѣсколько минутъ вдругъ спрашиваетъ тоскливо:

— Зачѣмъ мы отослали Шурку?

Я осторожно освобождаюсь изъ ея рукъ. Она уходитъ и долго глядитъ на меня съ порога, словно ошеломленная чѣмъ-то внезапнымъ.

Ночью она приходитъ ко мнѣ. На подушкѣ разметались ея волосы. Двѣ-три пряди она бросаетъ мнѣ на лицо—ея любимая привычка—закрываетъ ими мои глаза, лобъ.

— Какой ты скверный. Испортилъ весь день. Онъ былъ такой свѣтлый и радостный для меня. Ну, скверный, цѣлуй же меня!

На моемъ лицѣ душистая сѣтка.

X.

Словно не было вчерашняго разговора. Нина говоритъ о поѣздкѣ къ морю.

— ...И мы снимемъ небольшой домикъ. Непремѣнно съ садомъ. И балконъ будетъ. Весь въ цвѣтахъ. Знаешь, около Ниццы я знаю одну деревушку, и тамъ такой домъ. Удивительно хорошій. Садъ большой и террасами спускается къ морю. Ночью и садъ и море шумятъ вмѣстѣ. Знаешь, въ этомъ саду ночью удивительно хорошо.

Я перебираю свои бумаги. Полуоборачиваясь, спрашиваю:

— Ты жила тамъ?

Она отвѣчаетъ неохотно:

— Да.

Я спрашиваю, запинаясь:

— Одна?

И вижу: ея глаза устремлены въ паркъ, пропускаютъ мимо себя верхушки каштановъ и уходятъ куда-то далеко, словно видятъ что-то исчезнувшее, но незабытое, а на губахъ ея то появляется, то исчезаетъ какая-то странная, чужая мнѣ, улыбка. Я тянусь къ ея глазамъ, хочу увидать то, что они видятъ. Я знаю, что мужъ Нины никогда не жилъ возлѣ Ниццы.

— Одна?

Она встаетъ и, точно внезапно разбуженная, быстро цѣлуетъ меня и говоритъ торопливо:

— Идемъ въ паркъ, здѣсь душно.

А на губахъ ея все та же странная улыбка.

XI.

Раскрыты окна—и снова солнце и снова зайчики на стѣнахъ. Только на краю неба темныя полоски—остатки вчерашней непогоды. Сверкаютъ крыши, свѣжимъ блескомъ блестятъ листья. Въ паркѣ радостный шопотъ, но нѣтъ радости во мнѣ: чѣмъ ярче и свѣтлѣе здѣсь, тѣмъ сильнѣе, почти до боли, хочется туда, гдѣ таетъ снѣгъ въ оврагахъ, нашъ снѣгъ, гдѣ прыгаютъ грачи, гдѣ по вечерамъ румянится тихое зимнее небо за дальней рощей. На подоконникѣ Конъ. Въ углу, съежившись, сидитъ Гершковичъ, Вѣра Мальцева, подруга Нины, возлѣ этажерки съ книгами. Рядомъ съ ней Ѳедоръ Сергѣевичъ. Я вижу только его лысину и кончикъ широкаго яркаго галстука. За столомъ Гриша Маленькій разложилъ локти. Мы всѣ ждемъ Нину. Она должна сейчасъ прійти, и мы пойдемъ въ Венсенскій лѣсъ. А пока въ комнатѣ громкіе голоса. Гриша Маленькій разсказываетъ про сибирскую тайгу. Гершковичъ перебиваетъ его и говоритъ, что Бѣловѣжская пуща не хуже тайги, а Вѣра Мальцева защищаетъ простой русскій лѣсъ:

— Березы, все березы. Бѣлыя, бѣлыя. Нѣтъ выметенныхъ дорожекъ, нѣтъ дощечекъ съ надписями, только однѣ тропинки незамѣтныя.

— И на этихъ тропинкахъ вой: объѣздчики колотятъ проворовавшагося мужика,—ехидничаетъ Гриша Маленькій.—Картина!

И вдругъ, какими-то нелѣпыми скачками разговоръ переходитъ отъ бѣлыхъ березъ къ послѣдней конференціи, отъ конференціи къ самоубійству Калинкиной. Я смутно вспоминаю ее,—маленькая, худенькая женщина съ стриженными волосами.

Я стою у дверей и вижу разгоряченныя лица. Забытъ Венсенскій лѣсъ, забыты стройные стволы съ узорчатыми листьями. Громче всѣхъ голосъ Кона. Всегда глухой, онъ въ этотъ разъ звонокъ. Возможно, что мнѣ это только кажется.

— Что вы ужасаетесь. Ну, еще одна могила. Лучше сразу умереть, чѣмъ умирать безъ конца. Была Калинкина—и нѣтъ ея, и не намъ ломать голову, почему она покончила съ собой. И такъ голова болитъ. Ясно: жизнь надоѣла, и она ушла отъ нея.

— Она хотѣла жить.

— Гриша Маленькій, вамъ это досконально извѣстно?

— Позвольте... Она любила...

— Любила? И поэтому покончила съ собой? Какъ водится въ романахъ. Она его любила, онъ ея не любилъ; она его звала, онъ не шелъ, и она — пифъ-пафъ? Гриша Маленькій, сколько вамъ лѣтъ? 24? Это и видать. Дорогой мой товарищъ, прошли тѣ времена, когда убивали себя изъ-за неудачной любви. И еще въ нашей средѣ. Мой дорогой и милый товарищъ, въ нашей средѣ любовь давно приведена къ одному знаменателю: мы обмѣниваемся. Найдите среди насъ хоть одного, у кого жена—жена, а не бывшая жена игрека, зета и наоборотъ? Многихъ найдете? То-то, Гриша Маленькій! У насъ приходъ и уходъ одинаково легокъ, и цѣна ему одна и та же. Мы уже давно привыкли любить безъ трагедій, мы замѣнили трагедію обмѣномъ. Да, Калинкину Парижъ доконалъ, нашъ эмигрантскій Парижъ. Подождите, онъ и насъ всѣхъ доконаетъ. Кого мытьемъ, кого катаньемъ. Но доконаетъ. И будетъ вмѣсто насъ порошокъ одинъ. Подойдутъ, понюхаютъ и скажутъ: Эге, да это остатки Кона, Гриши Маленькаго. Гриша, не злитесь! Всѣмъ намъ теплыя мѣста уготованы, а вы злитесь. Вотъ и Калинкина, навѣрное, злилась. Что, помогла ей злость? А вы тутъ чортъ знаетъ что приплели. Гдѣ намъ любить по-настоящему. И смѣшно говорить, что изъ-за любви, когда вмѣсто нея существуетъ обмѣнъ.

У Гриши Маленькаго отъ волненія выступаютъ на щекахъ красныя пятна; и онъ кашляетъ долго съ надрывомъ. Говоритъ и злится, бьетъ кулакомъ по столу, а кулакъ у него маленькій, и самъ онъ весь крошечный, нестрашный. Его снова перебиваетъ Конъ и тоже злится. Вѣра Мальцева проситъ:

— Господа, не надо такъ, не надо!

И бѣжитъ ко мнѣ.

— Александръ, попросите ихъ успокоиться.

Я ей тихо говорю:

— Не мѣшайте.

Я иду къ столу, сталкиваюсь глазами съ Кономъ и вижу, какъ онъ смущенно сворачиваетъ папиросу и, насильно смѣясь, говоритъ:

— Хватитъ, уморился.

Увидавъ меня, онъ вспомнилъ про Нину и смутился: это ясно. Бѣдный Конъ! Неловкое молчаніе въ комнатѣ.

Трагедіи нѣтъ, нѣтъ любви, а есть обмѣнъ. Все просто, какъ въ двойной бухгалтеріи. У Кона чахоточная жена. Онъ убѣгаетъ отъ разрушающагося тѣла, но не можетъ забыть, что оно было

когда-то здоровымъ, красивымъ и принадлежало до него другому, третьему. Видитъ меня, Нину и говоритъ:

— Ты не первый.

И я долженъ молчать. Я могу сказать то же самое пятому, шестому. Жена Кона можетъ спросить у него:

— И я не первая у тебя?

Конъ долженъ промолчать. Она встрѣтитъ Нину и скажетъ:

— Спроси, и ты не первая.

А ночью Нина придетъ ко мнѣ и зашепчетъ:

— Цѣлуй же меня.

Все просто. Мы сейчасъ пойдемъ въ Венсенскій лѣсъ. Будутъ рдѣющіе листья на солнцѣ. Будемъ, конечно, говорить о своей любви къ природѣ, и Ѳедоръ Сергѣевичъ обязательно скажетъ пару горячихъ словъ объ общинѣ. Отъ природы перейдемъ къ послѣднему германскому партейтагу, потомъ къ какой-нибудь новой брошюрѣ, гдѣ толково и ясно объясняется, почему революція была разбита. А когда наступитъ вечеръ, вернемся въ свои дома, располземся по своимъ угламъ. Пройдемъ мимо освѣщенныхъ ресторановъ. Гриша Маленькій, глядя въ окна, пошаритъ по своимъ карманамъ и сбѣжитъ. Гдѣ-нибудь въ ночномъ барѣ станетъ стучать маленькимъ кулакомъ по столу и, кашляя, краснѣя надрывно, будетъ говорить о Россіи, о позорѣ. Гершковичъ пойдетъ провожать Вѣру Мальцеву и будетъ по дорогѣ говорить ей о томъ, какъ онъ любитъ русскую литературу. Ѳедоръ Сергѣевичъ заведетъ разговоръ о террорѣ и ругнетъ противниковъ, энергично тряхнувъ лысиной. Конъ осторожно пройдетъ мимо консьержки и начнетъ возиться съ микстурами, отсчитывать капли.

...Стукъ въ дверь и оживленный голосъ Нины:

— Простите, господа, ей-Богу, не виновата, задержали меня.

Не хочется оторваться отъ ея лица. Шуршитъ ея платье.

— Что же это вы всѣ пріумолкли?

Надо что-нибудь сказать. И трудно говорить. Сказать Кону: подѣлись съ Ниной своей тонкой теоріей объ обмѣнѣ?

— Конъ!

Онъ оборачивается, Но меня перебиваетъ Нина:

— Идемте, господа.

Да, надо итти: все просто, все очень просто.

Бѣгутъ трамваи, автомобили. На мосту алѣютъ розы. Груды гвоздикъ. Внизу по мутной водѣ скользятъ барки. Сверкаютъ рельсы. Столики на тротуарахъ; въ рюмкахъ преломляются солнечные лучи. Свѣтлыми пятнами мелькаютъ въ черномъ кругу

толпы женскія соломенныя шляпы. Съ огромныхъ плакатовъ глядятъ смѣющіяся физіономіи. Прошла толпа студентовъ. На тротуаръ упала бархатная шапочка. Чей-то женскій смѣхъ прозвучалъ вблизи и чья-то женская рука высоко подняла упавшую шапочку. Безпрерывное шуршанье шаговъ на каменныхъ плитахъ. Гулъ въ воздухѣ. Окликаютъ дѣвочки съ цвѣтами. Нина беретъ меня подъ руку. Насъ толкаютъ торопливые прохожіе. Нина спрашиваетъ:

— О чемъ вы спорили?

Смѣется:

— Спорщики несчастные!

На ней большая шляпа. Чтобы увидать ея глаза, я долженъ заглянуть подъ шляпу. Они слегка прищурены, и на лицѣ ея прозрачная, едва замѣтная тѣнь отъ рѣсницъ. Она замѣчаетъ, что я гляжу на нее. Шевелятся ея губы:

— Хорошо?

Я молчу. Нѣтъ словъ, только пугливая тишина во мнѣ. А гулъ уменьшается: все ближе и ближе окраины Парижа.

XII.

Гаснетъ лампа. Что-то зашуршало на столѣ: вѣтеръ шевелитъ бумаги. Одинъ листикъ упалъ и забѣлѣлъ на полу.

Я стучу въ стѣнку и спрашиваю брата:

— Ты спишь?

У Бориса комната на востокъ. Вмѣсто парка—передъ окнами длинная высокая насыпь, за ней поле, и поле кажется безбрежнымъ, а надъ нимъ на страшной высотѣ луна. Лунные отблески падаютъ на столъ, скользятъ вокругъ постели. Я передаю Борису слова Кона. Мы сидимъ рядомъ. У Бориса небольшая, но крѣпкая рука. Она на моемъ плечѣ, и мнѣ отрадно чувствовать ея теплоту. Мнѣ холодно. Ночь свѣжая, длинная, безъ конца, молчаливая, и потому боязно говорить громко. Когда я, забываясь, возвышаю голосъ, рука Бориса сжимаетъ мое плечо, какъ бы говоря: тише.

Я самъ слышу свой шопотъ. Онъ мнѣ кажется громкимъ, и я едва-едва произношу слова:

— Только обмѣнъ? Уходъ ея отъ Григорія только обмѣнъ? Ты подумай, Боря, со дня на день могу уѣхать и не смѣю ей сказать. Если скажу, увижу непонимающіе глаза. Не смѣю ее позвать: все мое чуждо ей, непонятно. Недавно, когда она разсказывала про деревушку возлѣ Ниццы, я спросилъ ее, жила ли она тамъ одна. Спросилъ не изъ ревности, смѣшно ревновать къ

прошлому, а боль за прошлое, когда она вмѣстѣ съ любимымъ человѣкомъ, мнѣ все равно, кто онъ былъ, шла къ одному въ одномъ. А сейчасъ... Есть ли это одно? Его нѣтъ, есть только поцѣлуи, а души отдѣльно. Она проходитъ мимо того, предъ чѣмъ я останавливаюсь. Тогда, дѣйствительно, приходъ и уходъ одинаково легки; если нѣтъ великой связи—общности, тогда, дѣйствительно, только обмѣнъ. Развѣ иначе я подумалъ бы о Нинѣ, когда Конъ говорилъ? Я бы съ возмущеніемъ отбросилъ всякую мысль связать его слова съ Ниной. Но я не отбросилъ, я тотчасъ же подумалъ о Нинѣ, въ одинъ мигъ, какъ только Конъ произнесъ первыя слова. Только обмѣнъ? Гдѣ же сила и красота любви?

Я вижу, какъ Борисъ прикрываетъ лицо рукой, словно отъ боли:

— Не... знаю.

— Значитъ, ложь?

XIII.

Съ утра потемнѣло небо. Тревожно зашумѣли каштаны, и въ воздухѣ повисла сѣтчатая пелена. На плитахъ тротуара, гдѣ раньше роемъ роились солнечныя пятна, прыгаютъ мутные пузыри дождевыхъ капель. Намокла живая изгородь парка, и вмѣсто зеленыхъ кружевъ висятъ какіе-то сморщенные комки. Нинѣ скучно. Когда дождь—она вся съеживается и становится грустной. Даже весенній дождь печалитъ ее. Она говоритъ мнѣ и Борису:

— Давайте, господа, помечтаемъ.

Она ложится на диванъ, вытягивается, забрасываетъ руки:

— Итакъ, я начинаю. Я уже не въ Парижѣ. Передъ нашими окнами апельсиновыя деревья и виноградъ. Обязательно вмѣстѣ. Нѣтъ, не такъ. Надо съ самаго начала. Итакъ, мы въ поѣздѣ, подъѣзжаемъ къ Ниццѣ. Оттуда я веду васъ къ деревушкѣ. Вѣдь вы оба дороги не знаете. И вотъ мы идемъ. Вдругъ изъ-за зелени вырастаетъ нашъ домъ. Боря мечтательно произноситъ: эхъ, кабы въ этомъ домѣ пожить! А я намѣренно молчу, а потомъ...

Она поднимается:

— Что же вы молчите? Боря, продолжай. Ну!

Она ждетъ, съ дивана тянетъ Борю за руку, и вдругъ онъ быстро поднимается и уходитъ. Стукнула дверь... Недоумѣніе на лицѣ Нины.

— Что съ нимъ?

Я ей отвѣчаю какой-то шуткой по адресу Бориса, смѣюсь, а

когда подхожу къ его комнатѣ—смѣхъ замираетъ. Надо крѣпко, до боли стиснуть зубы...

— Саша, быть можетъ, я нехорошо сдѣлалъ, но я не могъ не уйти.

— Знаю.

— Саша, пойми, вѣдь это невыносимо.

— Знаю.

Онъ взволнованно уходитъ въ глубь комнаты, и я иду за нимъ.

— Нельзя ей говорить, нельзя. Боже мой, ты самъ это понимаешь. Она ничего не должна знать до нашего отъѣзда. Она хочетъ поѣхать въ ту деревушку и снять домъ. Пусть. Зато хоть сразу. А мнѣ не больно?... Вотъ такъ недавно ты говорилъ о нашей лжи. Да, да, большая ложь. И когда идешь умирать, когда хоть намекъ смерти, тогда нельзя нести ложь съ собой. Вотъ берутъ и отбрасываютъ ее. А мнѣ не больно? Если бы я могъ ей сказать: идемъ съ нами. Ей, понимаешь, ей, любимой. Если бы я могъ. Скажи, могу? Скажи ты, могу? молчишь? и что она отвѣтила бы? Знаешь? могу позвать? Вотъ такъ радостно: идемъ со мной, молчишь? Знаешь?

Я жду съ нетерпѣніемъ. Онъ отворачивается и глухо говоритъ:

— Да.

Ищетъ мою руку, словно хочетъ поддержать меня, словно боится, что я сейчасъ зашатаюсь, и еще глуше добавляетъ:

— Но мы ее обманываемъ.

— Нѣтъ, мы только скрываемъ.

— Только?

Онъ грустно улыбается. Эта улыбка бьетъ меня. И, какъ у побитаго, у меня является желаніе стать вдвое меньше, согнуться, запрятать куда-нибудь голову, и впервые за всю нашу совмѣстную жизнь я злобно кричу ему:

— Чего же ты хочешь?

XIV.

Вечеръ. Какой-то зыбкій, ускользающій. Тѣни сумерекъ вьются трепетной паутиной. Кто-то свиститъ за окномъ. Свистъ тонкій, протяжный. Только что была здѣсь Нина. Я притворился спящимъ, и она ушла, еле ступая ногами, боясь разбудить меня. Слышу ея шаги въ коридорѣ. Почему они мнѣ кажутся вкрадчивыми?

Развѣ я сплю? Она! И если сейчасъ пойти къ ней, разбудить ее и ей, разбуженной, разсказать все и позвать съ собой,—что она отвѣтитъ? Будетъ пробужденіе радостью? Не надо будить,

не надо! Лучше видѣть любимые глаза закрытыми, навсегда закрытыми, чѣмъ чужими и безрадостными.

Снова свистъ...

Я знаю легенду-быль о тѣхъ, чьи глаза сплетались между собой сплетеніемъ любви, о тѣхъ, кто шли къ смерти отъ смерти другъ возлѣ друга. И я знаю: теперь только быль и нѣтъ легенды.

— Саша!

Въ дверяхъ выростаетъ Борисъ и такъ неслышно, какъ будто это не человѣкъ пришелъ, а одна изъ многихъ вечернихъ тѣней. Я не вижу его лица, но чувствую, что оно должно быть блѣднымъ. Онъ присаживается и нагибается ко мнѣ:

— Спишь?

Проводитъ рукой по моимъ волосамъ:

— Успокоился?

Я вспоминаю, какъ я недавно кричалъ, и боль стыда сдавливаетъ горло. Каштаны шумятъ тревожно и боязливо, вечеръ грустить, какъ заброшенное кладбище въ часъ заката солнца. И чудится: гдѣ-то роютъ могилу.

XV.

Борисъ приноситъ наверхъ письмо отъ Эстеръ. Наконецъ-то!

„Сейчасъ ничего не могу писать: нерасположена, и голова кругомъ идетъ отъ безчисленныхъ разговоровъ съ моими милыми и тоже безчисленными родственниками. Если бы ты, Саша, увидѣлъ меня въ ихъ кругу! Какая тамъ „сѣверная“! Я торгуюсь съ ними, спорю и жестикулирую, какъ подобаетъ еврейкѣ, и даже кричу. Какъ не кричать, когда я одна противъ нихъ всѣхъ, а ихъ много. Если бы вы знали, какъ я умѣю кричать. Часто хочется убѣжать отъ нихъ, махнуть рукой на это проклятое наслѣдство, но вспоминаю нашу цѣль, сдерживаю себя, а мысленно я съ вами, мои милые. Вотъ написала слово „цѣль“, и задумалась. Идемъ мы къ ней, знаемъ, какъ пойдемъ, а въ то же время чаще и чаще приходитъ мысль, что только тамъ, на мѣстѣ, мы увидимъ, какъ эта цѣль тяжела. Знаешь, Саша, для насъ, евреевъ. Ну, ладно, ладно. Ты ужъ хмуришься. Не хмурься. Подожди хмуриться. У меня тутъ былъ одинъ разговоръ кое съ кѣмъ. Послѣ него вотъ въ душѣ проснулось что-то. Сперва дремало, и я не думала. Теперь проснулось, и я думаю, должна думать, иначе это значитъ отмахнуться. Нельзя, нельзя! Хорошо, брошу объ этомъ, вотъ пріѣду и разскажу. Такъ или иначе, но 14-го я буду

въ Парижѣ и все разскажу, а сейчасъ я не могу: надо торговаться, а торгуюсь я до холоднаго поту. Видно, заговорила отцовская кровь—и своего добьюсь. Вѣрьте въ удачу, какъ вѣрю я".

Борисъ дочитываетъ послѣднюю строку, и мы оба молчимъ, точно каждый изъ насъ, не сговорившись, хочетъ побыть въ эту минуту въ тишинѣ.

Удача! я хочу знать только это слово. Еврейство тутъ не при чемъ. Эстеръ взвинчена разговорами со своими родными и видитъ какую-то новую тяжесть. Я ея не чувствую и не знаю. Кто идетъ къ цѣли, тотъ не оглядывается назадъ. И передъ этой цѣлью мы всѣ равны. Удача—и я вижу себя въ Россіи. Хочется глубже, еще глубже вникнуть въ великое слово: родина,—и въ немъ моя радость, моя скорбь, моя свѣтлая надежда.

И, вѣруя, я знаю:

— Свѣтъ... свѣтъ... свѣтъ...

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Гриша Маленькій и Ѳедоръ Сергѣевичъ, перебивая другъ друга, разсказываютъ мнѣ о вчерашнемъ собраніи. Собраніе было бурное: неожиданно для всѣхъ выступилъ Бергманъ. Теперь его выступленіе—злоба дня.

У Ѳедора Сергѣевича крикливый голосъ и въ галстукѣ булавка съ какимъ-то символическимъ знакомъ: двѣ кости и черепъ.

— Нѣтъ, это скотство! Иначе не могу выразиться. Понимаете, онъ такъ и сказалъ: терроръ убилъ самого себя.

Крикливый голосъ растетъ:

— Понимаете, для него нѣтъ иного презрительнаго слова, какъ бомбочки, и произноситъ, понимаете, съ ироніей, издѣваясь. Это... это... У меня нѣтъ словъ для опредѣленія! А потомъ это сведеніе всѣхъ прошлыхъ дѣлъ къ нулю. Вѣдь надо же дойти до этого! Вѣдь это не что иное, какъ плевокъ на могилу павшихъ, а намъ нужны великія могилы. Пожалуйста, не обижайтесь, Александръ, но по-моему это типично еврейская черта—въ одинъ мигъ оплевывать то, чему еще вчера поклонялся. Какой-то цинизмъ мысли, какая-то распущенность души. Терроръ убилъ себя. Это ли не ренегатство?

А Гриша Маленькій то сжимаетъ, то разжимаетъ свои кулачки и торопится, и торопится.

— Хуже ренегатства! Хуже! Если бы другой сказалъ, а то Бергманъ. Вѣдь всѣ знаютъ его прошлое. Это ударъ сзади. И отъ кого?

Оба негодуютъ, оба раскраснѣлись. У Өедора Сергѣевича даже галстукъ волнуется. Что мнѣ отвѣтить имъ. Я молчу, а когда они уходятъ, спрашиваю Бориса:

— Ты слышалъ?

— Слышалъ.

— Тебѣ смѣшно?

— Саша милый, да вѣдь Өедоръ Сергѣевичъ уже шесть лѣтъ волнуется и еще ни разу не сунулъ своего носа дальше фортификацій. Вѣдь черезъ каждыя четыре слова у него пятое „терроръ", и все это говорится въ Парижѣ. Ты обратилъ вниманіе на его слова о типичной еврейской чертѣ?

— Ахъ, это просто такъ.

— Да?

Онъ внимательно глядитъ на меня и потомъ быстро отводитъ глаза.

— Пусть такъ, ладно. Да, что я хотѣлъ сказать? Ну, вотъ значитъ такъ, смѣшно. О Гришѣ я не говорю. Его возмущеніе понятно. Вѣдь онъ только что пріѣхалъ и не съ пустыми руками. А Өедоръ Сергѣевичъ? Конечно, только смѣшно.

— А Бергманъ?

Борисъ отворачивается. Мнѣ видно сбоку, какъ онъ закусываетъ губу, какъ краска сбѣгаетъ съ его лица. И вдругъ онъ подходитъ ко мнѣ и уже не смѣется.

— Саша, надо скорѣе, скорѣе уѣзжать!

Онъ уходитъ къ себѣ. Гдѣ-то за паркомъ промчался поѣздъ, доносятся свистъ и гудѣнье. Къ деревьямъ ластятся первые вѣстники вечера, что-то нашептываютъ деревьямъ, и листья вздрагиваютъ.

II.

Толки о выступленіи Бергмана еще не улеглись. Сегодня снова пришелъ Өедоръ Сергѣевичъ. Опять тѣ же слова, опять то же замѣчаніе о типичной чертѣ. Онъ снова волнуется и обращается къ Борису:

— Развѣ не возмутительно?

— Но вѣдь это для васъ удобный случай лишній разъ подчеркнуть цинизмъ еврейской мысли.

Өедоръ Сергѣевичъ, волнуясь, машетъ руками.

— Вы меня не поняли.

— Вы такъ рѣшили?—спрашиваетъ Борисъ и, какъ бы мимоходомъ, говоритъ: — Для разговоровъ въ какомъ-нибудь барѣ о евреяхъ это великолѣпный случай.

— Я прошу васъ!

Я встаю. Что-то кричитъ Ѳедоръ Сергѣевичъ. Я увожу его къ себѣ, стараюсь успокоить. Зачѣмъ все это, зачѣмъ? Когда, наконецъ, Ѳедоръ Сергѣевичъ уходитъ, я возвращаюсь къ Борису. Что-то нудное встаетъ въ душѣ, и я говорю:

— Какъ безобразно все это вышло.

— Не менѣе, чѣмъ его слова. Да развѣ онъ одинъ?

— Боря!

— Оставь меня.

Уже за порогомъ онъ догоняетъ меня.

— Скажи, неужели ты ничего не видишь?

— Что?—спрашиваю я.

Онъ молчитъ.

Идетъ Нина. Еще издали слышенъ ея голосъ. Она зоветъ насъ. Мы идемъ ей навстрѣчу.

— Что?—спрашиваю я вторично.

— Не надо при ней, — шепчетъ Борисъ и слишкомъ громко кричитъ:—Нина!

Движется жизнь... Нина что-то разсказываетъ. Пришла Вѣра Мальцева, принесла новую статью для перевода.

Что же я долженъ видѣть? Въ темнотѣ? Тамъ, гдѣ свѣтло, я вижу все.

День мой, день мой грядущій!

III.

Борисъ проситъ меня поговорить съ Бергманомъ.

— Не удивляйся моей просьбѣ. Поговори съ нимъ. Я тебя очень прошу.

Почему Борисъ такъ смущенно проситъ объ этомъ? Я не удивляюсь: и я хочу услышать, что скажетъ Бергманъ.

Сегодня 7-е. 14-го пріѣзжаетъ Эстеръ. Я убѣжденъ, что ей все удалось, иначе тьма, а я тьмы не хочу.

Музыканты въ красномъ играютъ какой-то вальсъ. За отдѣльнымъ столикомъ я и Бергманъ. Возлѣ насъ два француза перебрасываются картами. Съ однимъ изъ нихъ, обнявшись, сидитъ женщина. Слой бѣлилъ и румянъ. И синія губы. У каждаго столика румяна и синія губы. Лицъ нѣтъ. На фальшивыхъ воло-

сахъ мертвые электрическіе блики. Вмѣсто вальса уже звучитъ другая мелодія. Безъ имени, но популярная. Съ утра до поздней ночи ее насвистываетъ весь Парижъ—въ ресторанахъ, на улицахъ, за работой. Синія губы складываются въ улыбки, безжизненныя руки апплодируютъ. Ежеминутно вздрагиваютъ стеклянныя двери. Оборачиваются къ дверямъ широкія шляпы, ждутъ; и, не дождавшись, обиженно качаются высокія перья, дешевыя эспри. За окнами темнѣетъ Люксембургскій садъ и чудятся строгія очертанія статуй и прохлада аллей.

Бергманъ въ высокихъ воротничкахъ, выбритъ, надушенъ. На столикѣ желтѣютъ его перчатки. Но какое у него усталое лицо. Говоритъ, улыбаясь, точно дѣлится со мной какимъ-то забавнымъ приключеніемъ, но мнѣ кажется, что еще одинъ мигъ, и улыбка смѣнится гдѣ-то спрятанной гримасой. Мнѣ вспоминается: такъ улыбаются больные въ кабинетѣ зубного врача.

— Удивляетесь, что я назначилъ свиданіе здѣсь? Привычка. Помните, какъ мы всегда и всѣмъ назначали свиданія въ ресторанахъ, даже вотъ въ такую погоду. Господи, а еще вчера меня упрекали за измѣну завѣтамъ. Я ли измѣняю! Даже насчетъ свиданій дѣйствую согласно завѣтамъ.

Французы подпѣваютъ все громче и громче.

— Вы помните, Александръ, нашъ прошлогодній разговоръ?

Онъ указываетъ влѣво:

— Тамъ, у того столика? Помните? А теперь другой столикъ. Если бы тотъ столикъ могъ говорить. О, разсказалъ бы онъ о радужныхъ словахъ, о блестящихъ задачахъ.

Онъ перегибается черезъ столикъ.

— Александръ, вамъ разсказали о моей рѣчи на собраніи?

— Да.

— И о бомбочкахъ, конечно?

— Да.

— И Ѳедоръ Сергѣевичъ читалъ монологи о цинизмѣ еврейской мысли? Правда, любопытный господинъ? Зачѣмъ вы вызвали меня?

— Я хочу услышать...

— Что?

— Правду.

Онъ продолжаетъ улыбаться:

— Но вѣдь вы все уже знаете отъ Ѳедора Сергѣевича. Онъ великолѣпный отголосокъ.

— А если ея нѣтъ?—онъ перестаетъ улыбаться.—А если все... Ну, ладно. Хотите правду узнать, пожалуйста. Какимъ я былъ

раньше... Помните? Хорошимъ былъ. Всѣ такими были?... Не знаю... У меня была хорошая пружинка внутри, чистая такая. Ну, вотъ... Когда на всѣхъ перекресткахъ кричали, что нѣтъ партіи, я говорилъ: неправда. Глаза сверкали, да, вотъ такъ было. Потомъ надвинулась темная, темная полоса и уже кричали другое: всюду провокація. Кричали други и недруги. А я говорилъ себѣ: не такъ страшенъ чортъ. Пошло недовѣріе, посыпались обвиненія. Всѣ носы повѣсили и стали другихъ вѣшать... На веревочку шаткихъ обвиненій. Страшное было время, но я крѣпился: ничего, выберемся изъ этого болота. А стыдъ росъ, внутри. Вотъ тотъ великій стыдъ, который твердитъ ежеминутно: смой пятно, докажи, что есть чистыя руки. Да... И пришло совсѣмъ новое ощущеніе. Такое, національное, доселѣ неиспытанное. Точно кто-то въ душѣ и въ головѣ новую дверцу распахнулъ. Отъ кого вся темнота пошла? Отъ еврея. Кого съ поличнымъ поймали, кто всю разруху завелъ? Еврей. Тамъ одного уличили, тамъ другого, и опять евреи. Одинъ помельче, другой покрупнѣе. Вотъ сдавило душу, словно ее тугими ремнями стянули. Только шевельнешься, а въ тебя ремни и врѣзаются. Разорвать ихъ надо, разорвать. Вотъ знаю: я членъ партіи, община, крестьянство и прочее. При чемъ тутъ еврейство? Были и русскіе провокаторы, были и евреи, смѣло умиравшіе. А нѣтъ!— ремни все туже и туже. И яснѣе все: если надо доказать, что есть чистыя руки, то это должны сдѣлать руки еврея. А съ этой мыслью не могъ согласиться я—прежній. Не хочу такъ думать. Ночи не сплю, все къ стыду прислушиваюсь. Было еще одно— сознаніе, что нѣтъ уже слова „мы“, а есть „я“. Ну, нѣтъ коллектива, нѣтъ сообщества, а есть одиночки. Но развѣ стыдъ не мой, развѣ не мнѣ онъ твердитъ: дѣлай. Такъ день, другой, третій. Бѣгаю по Парижу, и все кажется мнѣ, что въ меня пальцами тычутъ. И рѣшилъ: да, смыть надо, еврейскими руками, только еврейскими руками и ими уничтожить весь тотъ вредъ, что принесъ другой еврей. Вотъ, поединокъ такой, между двумя евреями... Кто кого побѣдитъ. Поди-ка, за все время существованія міра первая дуэль между евреями... Смѣшно? Вотъ. И не одна, и не двѣ—много ночей было безъ сна... И каждый часъ, каждый мигъ твердилъ: надо. Подъ утро забудешься сномъ, потомъ просыпаешься. На улицѣ шумъ, гамъ, а на душѣ какая-то святая тишина, какъ бываетъ всегда передъ труднымъ шагомъ. А день бѣжитъ, и тревога растетъ: надо ли? долженъ ли я? И снова ночь подходитъ, и опять тишина. Вотъ такъ самъ себя пыталъ. Задача была: слово претворить въ дѣло. Трудная, очень

трудная. Вотъ тогда-то я понялъ впервые, какъ смѣшны и ничтожны всѣ наши писанія о террорѣ и что эти писанія—дымъ, а не огонь настоящій, очищающій. Ну, обратился я въ болгарскаго подданнаго и незамѣтно исчезъ изъ Парижа. Подъѣзжаю къ Эйдкунену, буфера побрякиваютъ, а въ головѣ все по полочкамъ разложено. Ясно мнѣ все: гдѣ остановлюсь и что сдѣлаю. Въ удачу вѣрилъ, вѣрилъ, что мой выстрѣлъ раскатится по всей Россіи. Что вѣра—молитва была въ душѣ! Задача моя была не изъ скромныхъ. Это я зналъ, но зналъ и другое—доведу до конца, и смою пятно. Ну, пріѣхалъ. Пріѣхалъ я въ темную, дождливую ночь. Былъ сильный вѣтеръ. Рвалъ онъ вывѣски, тушилъ фонари, швырялся дождевыми брызгами. Словомъ, погодка. Извозчикъ плелся почти шагомъ, а вѣтеръ, какъ бѣшеная лошадь, мчался отъ угла къ углу. Извозчикъ ругался, колотилъ мокрую клячу, а я видѣлъ только его согнутую спину. Онъ довезъ меня, наконецъ, до гостиницы. Раздѣлся я и легъ. Кололо одѣяло, въ комъ сбились подушки, и мнѣ казалось, что въ комнатѣ разгуливаетъ вѣтеръ. Я подошелъ къ окну, открылъ форточку. Въ лицо полетѣли брызги. Я одѣлся и вышелъ. Скользили ноги по грязи, возлѣ фонарей поблескивали лужи. Текло съ крышъ. Шелъ я, мелькали фигуры городовыхъ, а впереди меня плелся какой-то пьяный и покачивался. Потомъ взмахнулъ руками и скатился въ канаву. Очутился я возлѣ Невы. Было холодно. Нева темная и мрачная. Свернулъ я и пришелъ на площадь. Чернѣли дома, ни одного освѣщеннаго окна. Вѣтеръ завылъ, понесся. Гдѣ-то раздался тревожный полицейскій свистокъ, за нимъ другой, отозвался третій. И тутъ произошла со мной странная исторія. Вру, не странная, а вполнѣ естественная. Подумалъ я: вотъ когда поймаютъ меня, прежде всего станутъ кричать: жида поймали, а потомъ насядутъ: жидовье, тоже полѣзъ! И, какъ жиду, прежде всего въ ухо: Хайка!

И словно кто-то толкнулъ меня. Умирать на этой чужой площади? Вотъ бѣжать вдоль этихъ домовъ? Слышать за собой погоню и свистки, а потомъ изъ подлыхъ устъ: жидочекъ? И подошла жуть, которая безпредѣльна и которой нѣтъ названія. Я бросился обратно къ гостиницѣ. Бѣжалъ по улицамъ, спотыкаясь, какъ тотъ пьяный, и стало мнѣ ясно, что я, дѣйствительно, иностранецъ, что все, окружающее меня, не мое и чуждо мнѣ, что нѣтъ во мнѣ любви, что гдѣ-то далеко моя родина, и что я никогда не увижу ея. А утромъ я уже былъ на вокзалѣ. Опять Эйдкуненъ, опять Парижъ—и тотъ же иностранецъ я тутъ. Нѣтъ родины, нѣтъ земли любимой, нѣтъ тяги къ ней, а если даже

есть, для чего тянуться къ чужому? Все равно не дотянешься. Нѣтъ ея соковъ, а вѣдь только они питаютъ и даютъ рукамъ крѣпость. А мои руки повисли. А еще хотѣлъ ими пятна смывать. Ничего нѣтъ. Въ одну ночь всѣ ниточки оборвались. Значитъ, некрѣпкія были. А вѣдь девять лѣтъ твердилъ: Россія, русскій народъ. Вѣдь девять лѣтъ отдалъ на это. Молодость всю, весь пылъ, а потомъ вдругъ въ одну ночь увидать, что все это миѳъ. Если бы не миѳъ, развѣ удралъ бы? Удралъ бы русскій? Развѣ всему виной моя трусость, если допустить, что я струсилъ? И среди русскихъ бывали и есть трусы. Не въ трусости дѣло. Основа нужна, на что можно опереться въ любую дождливую ночь.

И въ одну ночь моя основа треснула, словно пустое яйцо. Какъ не треснуть, если вся она была искусственно сдѣлана. Я удралъ безъ оглядки и оглядываться не хочу. Какъ только оглянусь—крышка мнѣ: вспомню, какъ шелъ пятно смывать, и конецъ мнѣ будетъ. Надо переть безъ оглядки, черезъ все. Разъ заврался человѣкъ,—ужъ вретъ навсегда. А другіе готовятъ ярлыкъ: цинизмъ еврейской мысли. А если даже такъ? Кадилъ девять лѣтъ, девять лѣтъ стукался лбомъ, а на десятомъ оглянулся—нѣтъ бога, миѳъ, пустота.

Нѣтъ бога—и все позволено, а цинизмъ мысли на верхушкѣ всего. Богъ ты мой, да вѣдь прежде всего онъ бьетъ меня, меня оплевываетъ, во мнѣ все сжигаетъ! Ладно. Ну, вотъ... Вѣрилъ въ терроръ, проснулось національное достоинство... Россію считалъ отчизной... Жида вспомнилъ, мужицкая Россія—моя Россія... Смѣшалъ все это и этой смѣсью захлебнулся—не выдержалъ желудокъ. Одинъ изъ нашихъ кашу заварилъ—проклятую, гнусную, другой ее расхлебывать пошелъ. А результатъ-то? Первый, какъ иностранецъ, за рубль продаетъ Россію, по кусочкамъ, Россію будущаго, Россію протестующую; второй пошелъ во имя этой самой Россіи и тоже очутился иностранцемъ. Оба иностранцы—и хорошій и дурной. Оба чужіе. Захлебнулся я, глаза выкатились, и увидѣли они, что нѣтъ живого бога, а только пустота. Вотъ все...

Попрежнему улыбаются синія губы, попрежнему, не переставая, вздрагиваютъ стеклянныя двери.

IV.

Я передаю Борису разговоръ Бергмана со мной. Борисъ взволнованно ловитъ каждое мое слово. То онъ садится, то встаетъ и все проситъ:

— Ничего не пропускай.

— Я повторяю все то, что онъ мнѣ сказалъ.

— Ты это спокойно выслушалъ?—спрашиваетъ онъ.

— Мнѣ было больно за него,—говорю я.

— Только?

Снова глаза его печальны. Я не хочу этой печали: если одинъ упалъ, то другіе должны встать. И нѣсколько разъ я упорно повторяю:

— Только!

V.

Рано утромъ Нина будитъ меня и говоритъ оживленно:

— Я сегодня ѣду.

Потомъ бѣжитъ къ Борису. Я слышу, какъ она бодро кричитъ ему:

— Вставай! Я ѣду!

Возвращается ко мнѣ.

— Ты удивленъ, что такъ внезапно? Но надо же, правда? Этимъ я ускорю нашъ переѣздъ, а то васъ отсюда никакъ не вытянешь. Надо еще ждать, пока Шурку привезутъ. Вѣдь это ужасно долго; лучше тамъ ждать.

Складываетъ вещи въ саквояжъ, потомъ вдругъ отбрасываетъ его въ сторону, задумывается.

— Саша, ты недоволенъ? Хочешь, я не поѣду.

— Нѣтъ, нѣтъ, поѣзжай,—отвѣчаю я. Стараюсь улыбнуться, но чувствую, что мнѣ это не удается. Неужели она не видитъ, что это не улыбка, а гримаса?

Вновь смѣется... не видитъ. Цѣлуетъ... Не видитъ.

Мы торопливо завтракаемъ. Борисъ хмурый. Нина тормошитъ его:

— Не кисни!

Зачѣмъ онъ хмурится? Какъ долго тянется завтракъ. Въ коридорѣ Борисъ пропускаетъ Нину впередъ, меня удерживаетъ и какъ-то робко говоритъ:

— Попроси ее не уѣзжать.

Я коротко спрашиваю:

— Для чего?

Онъ молча догоняетъ Нину. Съ одной улицы мы переходимъ на другую; проходимъ мимо ресторана, гдѣ третьяго дня я былъ съ Бергманомъ. Я вспоминаю вопросъ Бориса, спокойно ли я выслушалъ его. Вонъ виденъ столикъ, за которымъ мы сидѣли. Спокойно или неспокойно—это все равно: Бергманъ-еврей для

меня ничто, Бергманъ-революціонеръ—многое; паденіе его дѣлаетъ мнѣ больно, но это все. Когда упалъ одинъ, должны встать другіе.

Сверкаютъ витрины магазиновъ, въ воздухѣ звонъ людскихъ перемѣнчивыхъ голосовъ.

Только такъ—встаютъ другіе...

Утро молодое, безъ пыли, безъ духоты. Гудитъ вокзалъ. Снуютъ носильщики. Изъ газетнаго кіоска выглядываетъ чье-то заспанное лицо. Нина въ вагонѣ, стоитъ у окна, оживленная, съ искорками смѣха въ углахъ рта. Тонкая тѣнь на лицѣ то появляется, то бѣгло исчезаетъ, словно не она, а кто-то другой шевелитъ и играетъ ея рѣсницами.

— Вотъ увидите, какую чудесную квартиру найду и дешево. Только не скучайте, бѣдненькіе мои.

Я ее спрашиваю:

— Когда вернешься?

— Четырнадцатаго. Непремѣнно, ни въ какомъ случаѣ позднѣе. Въ четыре дня я успѣю, потомъ дорога. Четырнадцатаго я пріѣду, а двадцатаго-двадцать перваго мы всѣ двинемся. Правда, хорошо?

Машетъ намъ платкомъ и за поворотомъ исчезаетъ.

Борисъ догоняетъ меня, и мы садимся въ трамвай. Снова бѣгутъ улицы.

Четырнадцатаго вернется Нина, четырнадцатаго пріѣзжаетъ Эстеръ. Обѣ въ одинъ день. Нина будетъ разсказывать о своей поѣздкѣ, о пальмахъ, о морѣ, и смѣхъ будетъ звонкій...

Я оборачиваюсь къ Борису, насъ раздѣляетъ толстый французъ:

— Боря, у Нины звонкій смѣхъ или мнѣ это кажется?

Онъ выпускаетъ изъ рукъ газету и, точно что-то обдумывая, отвѣчаетъ протяжно:

— Да.

И, уже не глядя на меня, спрашиваетъ:

— Ты когда ей скажешь?

Я отвѣчаю:

— Я ей оставлю письмо въ день отъѣзда.

— А сказать раньше?

— Не могу.

— А Шурка?

Я молчу.

Онъ еще медленнѣе спрашиваетъ, и видно, что ему трудно подыскивать слова:

— А если Эстеръ пріѣдетъ безъ денегъ?

— Я уйду.

Онъ теребитъ газету:

— Куда?

— Не знаю, но одинъ.

— А Нина?

— Боря, кто говорилъ недавно, что я и Нина—ложь?

Онъ усмѣхается:

— Я.

Трамвай останавливается. Вновь киваютъ мнѣ канделябры-цвѣты, я дома нахожу pneumatique отъ Бергмана: „Вы меня спрашивали о правдѣ. Знаю только, что она не съ нами. Не можетъ быть съ нами, потому что мы евреи, пыль летающая. Куда насъ понесетъ, туда и летимъ. Сядемъ на мигъ, но только до слѣдующаго дуновенія. Сѣли мы на революцію и тоже полетимъ, если уже не полетѣли, какъ наши милые предки изъ одной страны въ другую. Не только полетимъ, но и обожжемся. Надо крестъ поставить надъ нами, надъ нашимъ народомъ, надъ всѣмъ тѣмъ, что такъ или иначе связано съ нами. Нѣтъ и не можетъ быть правды у тѣхъ, чей народъ—пыль летающая, чей народъ всегда и всюду иностранецъ. Да, и вотъ всѣмъ дѣтямъ его, куда бы они ни шли и во имя чего бы ни шли, уготованъ одинъ удѣлъ: летать. Вотъ такъ, какъ летѣлъ пухъ изъ нашихъ перинъ. Вамъ правды хочется. Въ нашей революціонности нѣтъ ея. Пыль и революція несовмѣстимы. Въ революціи необходимы фундаментъ и крыша, а у насъ ни того, ни другого. Назойливые иностранцы. Въ моихъ словахъ о бомбочкахъ тоже нѣтъ правды, это только кукишъ заднимъ числомъ, какъ и не было ея, когда я ѣхалъ въ Россію и воображаемую правду несъ въ дулѣ револьвера. Дуло остается дуломъ, а мокрая, безлюдная площадь съ жидочкомъ посередкѣ—это ужъ символъ и такой, что плакать хочется да слезъ нѣтъ. Что можетъ быть хуже мокрой пыли? Что осталось? Не спрашивайте. Милый Саша, придетъ часъ, и вы сами узнаете. Всѣ вы, и внизу стоящіе, и наверху стоящіе, придете къ тому, къ чему я пришелъ; зрячіе и незрячіе, храбрые и трусы. Это неизбѣжно. Пыль до тѣхъ поръ спокойно лежитъ на землѣ, пока не поднимется вѣтеръ. Малѣйшее дуновеніе, и мы летимъ. Чѣмъ сильнѣе вѣтеръ, тѣмъ безпощаднѣе носитъ насъ. Отъ вѣтра намъ, евреямъ, не уйти. Мы жадно любимъ жизнь, а въ жизни, какъ въ морѣ, вѣтры неизбѣжны, и передъ нами только двѣ дороги: или не жить, а если жить, то летать. И то, и другое одинаково вкусно. Не спрашивайте, что

осталось у меня. Моя мука пусть останется моей. Пусть хоть что-нибудь будетъ моимъ. Да, разорвите это письмецо и до свиданія. Бергманъ“.

VI.

Я не могу забыть усмѣшки Бориса, она неотступно передо мной. Знаю ли я его? Закрывая глаза, могу ясно представить себѣ его улыбку, лицо, походку. Все, до мельчайшихъ подробностей. Мы почти ровесники. Я старше его на полтора года. Мы вмѣстѣ росли дома, вмѣстѣ сидѣли въ тюрьмѣ. Онъ бѣжалъ съ поселенія и пріѣхалъ ко мнѣ. Въ Парижѣ мы неразлучны. Мы ѣдемъ вмѣстѣ. Связь въ прошломъ, великая въ будущемъ—связь смерти.

Вотъ онъ тутъ за стѣной. Онъ близко-родной и любимый. Но знаю ли я его? О чемъ твердитъ его усмѣшка? Недавно, когда былъ разговоръ о Бергманѣ, онъ сказалъ мнѣ: „надо скорѣе уѣхать“, и въ его словахъ слышался испугъ. Испугъ передъ чѣмъ? И если даже спросить, отвѣтитъ ли онъ? Знаю ли я его? Его думы, его тревоги?

Постучать къ нему, позвать его? Не надо спрашивать, не надо. Придетъ часъ, и въ немъ растаетъ все смутное, все неясное.

Свѣтаетъ... На небѣ радостный изгибъ зари. Да, все растаетъ, какъ таетъ иней при солнцѣ. Такъ будетъ!

Вчера я писалъ Бергману, хотѣлъ отвѣтить ему, а сейчасъ утро, я рву написанное и знаю: съ нимъ ночь, со мной день зарождающійся. У него упали руки. Безсильный, онъ забылъ о любви; надломленный, онъ не увидѣлъ ея, а въ ней крѣпость руки. Тогда и въ дулѣ револьвера правда остается правдой.

Клочки разорваннаго письма кружатся за окномъ. Словно хрупкія бабочки падаютъ на землю.

VII.

Ѳедоръ Сергѣевичъ встрѣтилъ меня въ библіотекѣ и на обратномъ пути долго и нудно объяснялъ мнѣ, что Борисъ не понялъ его.

— Обвинять меня въ антисемитизмѣ? Меня? Вы только подумайте!

Онъ переходилъ мнѣ дорогу, размахивая шляпой; на узенькой улицѣ постоянно наталкивался на людей, на колеса и мнѣ приходилось отводить его въ сторону.

— Меня! безъ всякой причины. Я не предполагалъ, что Бо-

рисъ страдаетъ болѣзнью многихъ евреевъ—заподозрѣвать всѣхъ въ нелюбви. Кого-кого, но меня!

Безъ всякаго умысла, ни о чемъ не думая, я спросилъ:

— Значитъ, есть кого?

Онъ вспыхнулъ и, не прощаясь, ушелъ.

Разсказываю объ этомъ курьезѣ Борису и снова вижу, съ какимъ волненіемъ онъ принимаетъ всѣ эти разговоры объ евреяхъ.

— Что ты, говорю я ему, вѣдь глупо же считаться съ этимъ серьезно.

— Ты ничего не видишь,—твердитъ онъ.

Опять то же самое—не видишь.

— Что я долженъ видѣть?—нетерпѣливо спрашиваю я.—Отвѣть хоть разъ.

— Жизнь отвѣтитъ.

— Нѣтъ, ты отвѣчай.

— Тому, что я скажу, ты не повѣришь, а жизни повѣришь. Придется повѣрить. Вотъ... я скажу тебѣ, что Ѳедоръ Сергѣевичъ, десятки, сотни Ѳедоровъ Сергѣевичей не любятъ насъ. Насъ, евреевъ... Наши же товарищи. Повѣришь?

— Нѣтъ.

— Зачѣмъ же мнѣ тогда говорить тебѣ. Бываютъ слѣпые. Вотъ и ты слѣпой. Какъ онъ тебѣ сказалъ: „кого-кого, но меня?“. Его нельзя, „кого-кого“ можно?

Смѣется... А потомъ уже много часовъ спустя, поздно вечеромъ, передъ тѣмъ, какъ уйти къ себѣ, вдругъ обращается ко мнѣ:

— Не „кого-кого“, а многихъ, очень многихъ. Хочешь, начну называть по именамъ?

Я сперва не понимаю,—мы говорили днемъ, а сейчасъ уже ночь,—но потомъ сооображаю и невольно спрашиваю:

— Неужели ты все время объ этомъ думалъ?

Мнѣ немного смѣшно: онъ качаетъ головой, словно умудренный, оставившій позади себя тяжелую, долгую жизнь, старикъ.

— Я не забываю ни на одну минуту,—отвѣчаетъ онъ мнѣ.

VIII.

Отъ Эстеръ телеграмма: „все удачно, ждите меня“. Я показываю ее Борису, и онъ соглашается со мной, что пора прощаться съ Парижемъ.

Мнѣ хочется выйти изъ дому въ тихое, раннее утро и неторопливо пройтись по всѣмъ любимымъ улицамъ, заглянуть во

всѣ любимыя мѣста. Въ послѣдній разъ. И унести съ собой память о немъ, навѣкъ запечатлѣнную, навѣкъ незабываемую. Объ этомъ желаніи я говорю Борису.

Онъ напоминаетъ:

— А съ людьми?

Я забылъ о нихъ.

Радость меркнетъ. Вновь приходятъ глухія мысли о тѣхъ, кого родина выбросила за бортъ, и снова въ душѣ тоскливыя, безрадостныя слова: безкрылые, безкрылые...

Надо забыть о нихъ или быть съ ними. Я не хочу ни того, ни другого.

— Саша, настанетъ ли день для нихъ всѣхъ?

Какъ-то по-дѣтски спрашиваетъ Борисъ, и тихое ощущеніе свѣтлой вѣры мягко подкрадывается ко мнѣ. Себѣ и Борису я отвѣчаю:

— Настанетъ!

Гудитъ Парижъ. Зарево его передъ нами; раскинулось широко, отрѣзало часть неба и горитъ.

IX.

Днемъ пришелъ Конъ и попросилъ меня быть вечеромъ дома: ему необходимо поговорить со мной.

— А сейчасъ? Я свободенъ.

Онъ что-то смущенно пробормоталъ и ушелъ. Почему онъ смутился?

День прошелъ быстро. Подходитъ вечеръ, Конъ стучитъ въ дверь. Я открываю, и мы остаемся вдвоемъ. Онъ дѣлаетъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, но вдругъ нагибается и тушитъ лампу. У меня невольно вырывается восклицаніе:

— Что вы дѣлаете?

Какъ будто откуда-то издалека онъ заглушенно говоритъ мнѣ:

— Не зажигайте. Пусть будетъ темно.

Въ его рукахъ дрожитъ зажженная папироска. Когда онъ расхаживаетъ, свѣтлая точка то появляется, то пропадаетъ, словно болотный огонекъ. Темно, и только по огоньку я догадываюсь, гдѣ находится Конъ.

— Въ чемъ дѣло, Конъ?

Я жду съ любопытствомъ. Къ чему эта таинственность? Огонекъ приближается ко мнѣ. Вотъ онъ совсѣмъ, совсѣмъ близко. Голова Кона почти прикасается къ моей. Онъ волнуется, и его волненіе передается мнѣ.

— Въ чемъ же дѣло?

Я начинаю сердиться, но какъ только онъ произноситъ первое слово, я успокаиваюсь.

— Александръ... Я знаю, вы ѣдете въ Россію. Ошибаюсь?

Трогаетъ меня рукой.

— Только не спрашивайте, какъ я узналъ, только не удивляйтесь. Положимъ, догадался. Ну, припишите это моему нюху, нюху особаго рода ищейки, которая чувствуетъ, гдѣ что лежитъ. Александръ, вы можете говорить со мной открыто? Безъ конспирацій? Александръ, понимаете, бываютъ такія минуты, когда конспирація излишня, когда ей грошъ цѣна, когда она только... Ну, отталкиваетъ?

— Понимаю.

— Если не можете,—я сейчасъ уйду. Если да,—то выслушайте меня и только не удивляйтесь. Да, еще одно, Александръ, я не навеселѣ. Вѣрите?

— Вѣрю.

— Ну... уйти мнѣ или говорить?

Снова въ его рукахъ дрожитъ папироса. Потухнетъ, онъ закуритъ другую. Скажу ему: не надо,—и онъ съежится весь, медленно сойдетъ съ лѣстницы. На улицѣ будетъ та же дрожь въ рукахъ, а улицы безлюдны, ночь близка, а онъ одинъ.

— Говорите.

Онъ двигаетъ стуломъ, задѣваетъ меня, извиняется и спрашиваетъ:

— Все?

— Какъ хотите.

— Хорошо. А вы... вы мнѣ отвѣтите на мои вопросы?

— Вамъ это нужно. Спрашивайте.

— Александръ, вы ѣдете скоро?

— Скоро.

— Сами, внѣ партіи?

— Да.

Золотой огонекъ дрогнулъ и сузился подъ пепломъ.

— Вы ѣдете...

Онъ обрываетъ, и я за него доканчиваю. Кто насъ слышитъ?— ночь. Пусть слышитъ. Пусть Конъ все знаетъ.

— Вы хотѣли это знать? Да, одни. И сдѣлаемъ.

Меня перебиваетъ надорванный шопотъ:

— Не только знать. Возьмите съ собой... меня.

— Васъ?

Я отбрасываю стулъ, онъ мнѣ мѣшаетъ. Я долженъ взгля-

нуть на Кона. Онъ тоже встаетъ. Я быстро зажигаю спичку. Онъ отшатывается, и при свѣтѣ вспыхнувшей спички я вижу, какъ онъ, неловко улыбаясь, глядитъ на меня, мигая. Все. Спичка гаснетъ. Снова темно.

— Конъ,—говорю я тоскливо,—милый Конъ!

Онъ дышитъ мнѣ въ лицо—тяжело, напряженно:

— Почему „милый Конъ"? Конъ пьяница, Конъ вѣчный эмигрантъ, Конъ бездарный писака. И руки прочь? Мертвымъ былъ, мертвымъ и оставайся? Да? Не шевелись, молъ, торчи здѣсь, пиши никому ненужныя брошюрки, вяло тяни: революція, конституція, провокація, дорогая братія. Да?

Что отвѣтить ему?—я не могу позвать его съ собой. Я молчу. Онъ встаетъ, задѣваетъ меня худыми, острыми колѣнями. Скрипитъ полъ, и золотистый кружокъ пропадаетъ за дверью. Тихо. Снизу доносится голосъ Кона:

— Cordon, s'il vous plait!

Разъ, другой и все громче и визгливѣе.

X.

Борису нездоровится. Я одинъ ѣду встрѣчать Эстеръ. Поѣздъ опоздалъ. Медленно ползутъ стрѣлки часовъ. Безпрерывно приходятъ и уходятъ другіе поѣзда. Я радъ, когда, наконецъ, послѣ долгихъ ожиданій въ окнѣ вагона мелькаетъ лицо Эстеръ, и мнѣ не стыдно и легко признаться ей, что этотъ часъ ожиданія я волновался, словно нетерпѣливый любовникъ.

Только на улицѣ, подъ солнцемъ я замѣчаю, какъ она похудѣла, осунулась. Темные круги подъ глазами. Бѣлокурые строгіе волосы еще строже легли вокругъ лба.

— Что такъ всматриваешься? Измѣнилась я?

Синія жилки вздрагиваютъ подъ подбородкомъ.

— Я очень устала. Сейчасъ мы куда? Къ тебѣ?

— Куда хочешь.

— Если можно—лучше въ какой-нибудь ресторанъ. Я голодна. А потомъ я пойду къ себѣ отдохнуть.

Я иду за извозчикомъ. Она зоветъ:

— Саша.

— Что?

Она беретъ меня за руку:

— Вѣдь все удачно,—и слабо улыбается.

Проносятся мимо дома, улицы, люди. Въ ресторанѣ прохладно и нѣтъ шума. Столики пустые, только за однимъ изъ нихъ си-

дятъ какіе-то старички, видно, провинціалы. Все шепчутся между собой, оглядываются. За буфетомъ тихіе голоса. Лакей изрѣдка перекатываетъ билліардные шары.

Въ ресторанѣ Эстеръ говоритъ мнѣ:

— Мы поговоримъ завтра, сегодня я устала.

Я, молча, киваю головой.

— Ты что загрустилъ?

Хочетъ заглянуть въ мои глаза и словно тянется ко мнѣ вся.

— Развѣ ты не радъ?

Наливаетъ мнѣ и себѣ, старается говорить бодро:

— Выпьемъ за удачу.

Я пью и повторяю:

— За удачу, за удачу!

И больно глядѣть, какъ устало вздрагиваютъ синія жилки. А вечеромъ я снова на вокзалѣ: пріѣхала Нина. Въ рукахъ у нея два огромныхъ букета. Выходя изъ вагона, она прежде всего проситъ:

— Посмотри на цвѣты, это изъ нашего сада.

Я гляжу на смятые лепестки. Дома Нина ставитъ цвѣты въ воду, зоветъ Бориса. Смѣется и ежеминутно спрашиваетъ:

— Правда, чудесные?

Андрей Соболь.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Стихи 90-хъ годовъ.

I.

Кто, любя, не ждалъ награды,
Безъ надежды жилъ,
Кто любилъ, любовь скрывая,—
Только тотъ любилъ.

Только тотъ позналъ отраду
Вдохновенныхъ грезъ,
Прелесть грусти сокровенной,
Сладость тайныхъ слезъ.

Только тотъ, всю жизнь лелѣя
Первую любовь,
До могилы не забудетъ,
Не полюбитъ вновь.

II.

Сладость любви—только въ горечи сладкаго яда;
Дивной отрады исполнены муки любви.
Нѣтъ, мнѣ для счастья взаимнаго счастья не надо,
Нѣтъ, для любви мнѣ не надо взаимной любви.

Только въ незнаніи вѣра, въ сомнѣньи надежда,
Только въ надеждѣ и вѣрѣ блаженство любви.
Я и надѣюсь, и вѣрю, счастливый невѣжда,
Я и хочу, и не взялъ бы взаимной любви.

Духъ мой, какъ море глубоко волнуемый страстью,
Жизнью двойною живетъ въ одинокой любви.
Счастье любви—лишь въ любви, не стремящейся къ счастью,—
Въ таинствѣ чистой любви.

III.

Любить—и женщинѣ любимой
Не смѣть свою повѣдать страсть,
И въ часъ тоски неодолимой
Не смѣть къ ногамъ ея упасть,—

Не смѣть любимой дѣвы руки
На мигъ къ устамъ своимъ прижать,
Любить, томиться, и не знать,
Любимъ ли ты,—какія муки!

IV.

Не вѣрь скупымъ моимъ рѣчамъ,
Какъ тучи мрачнымъ и свинцовымъ,
Не вѣрь упорнымъ и суровымъ,
Грозою дышащимъ словамъ.

Они текутъ изъ глубины
Души, охваченной волненьемъ,
Они полны моимъ смятеньемъ,
Моей тоской нагружены.

Я къ нѣжнымъ звукамъ не привыкъ,
Моя душа болитъ, тоскуя,
И чѣмъ нѣжнѣй тебя люблю я,
Тѣмъ непокорнѣй мой языкъ.

V.

Чудится: тамъ, среди моря, лежитъ на волнахъ Нереида.
Сонъ ея очи смежилъ, и глубокимъ дыханіемъ мѣрно
Движутся перси, кругòмъ волнуя уснувшія воды;
Дальше движенье несется, и плещутъ о берегъ отлогій
Съ соннымъ роптаньемъ, пѣняся, полупробужденныя волны.
Слышишь? все громче ихъ ропотъ, удары сильнѣе и выше.
Снится теперь Нереидѣ сонъ, жгучій какъ это свѣтило;
Снится, что сжала въ объятьяхъ красавца она молодого,
Стройнаго, полнаго силы, который—ты знаешь—гуляетъ
Лѣтней порою нерѣдко по тихому берегу моря.
Какъ онъ стыдливъ и прекрасенъ, какъ взоръ его зорокъ и ясенъ!—
Жгучъ ея сонъ, и сильнѣе волнуется грудь Нереиды,
Съ рокотомъ дальше прибой, плеснувъ, разбѣгается пѣной.

VI.

Яснѣй и чище сердца муки,
Тоска и вѣра скорбныхъ дней,
Когда ихъ жаръ въ живые звуки
Ты изольешь; такъ въ часъ разлуки
Любовь и чище, и яснѣй.

М. Гершензонъ.

Русская политика въ Царствѣ Польскомъ до 1863 года.

I.

Раздѣлы Польши явились, какъ извѣстно теперь, результатомъ крупной дипломатической побѣды, одержанной Фридрихомъ Великимъ надъ Екатериной II, благодаря какъ чрезвычайно благопріятно сложившимся для Пруссіи обстоятельствамъ, такъ и замѣчательному дипломатическому таланту Фридриха, обезпечившему успѣхъ прусской политики на нѣсколько лѣтъ и послѣ его смерти [1]). Россія по тремъ раздѣламъ получила тѣ самыя области, изъ-за которыхъ она вела съ Польшей многовѣковую и когда-то очень опасную и изнурительную борьбу. Въ областяхъ этихъ не было коренного польскаго населенія, и польскимъ или ополяченнымъ элементомъ въ нихъ являлся лишь верхній слой общества—шляхта, да кое-гдѣ польское католическое духовенство. Если бы Екатерина просто завоевала всѣ эти области, то Польша, въ своихъ этнографическихъ границахъ, могла бы существовать и долѣе, совершивъ, конечно, необходимыя преобразованія своего внутренняго быта, а Россія имѣла бы всѣ основанія поддерживать ея независимость и самостоятельность противъ всякихъ покушеній со стороны западныхъ ея сосѣдей, не имѣя вмѣстѣ съ тѣмъ никакихъ побудительныхъ причинъ къ захвату остальныхъ чисто-польскихъ земель. Но обстоятельства сложились иначе: они сложились именно такъ, какъ это было нужно съ

---

[1]) Основныя пособія для изученія исторіи раздѣловъ Польши указаны и разобраны въ извѣстной книгѣ *Н. И. Карѣева*: „Паденіе Польши въ исторической литературѣ". Спб., 1889 г. Съ тѣхъ поръ въ польской литературѣ явились: *Smoleńskiego*: „Ostatni rok Sejmu Welkiego" (служащее окончаніемъ труда *Калинки*: „Sejm Czteroletni"). W., 1896. *Askenazy*: „Przymierze polsko-pruskie". W., 1900. *Kraushar*: „Książe Repnin i Polska w pierwszem czteroleciu panowania Stanisława Augusta". 2 t. 1898 и *M. Łubieńska*: „Sprawa dysydencka". 1911. Въ русской литературѣ попрежнему являются важнѣйшими сочиненіями по этому вопросу извѣстные труды *С. М. Соловьева* и *Н. И. Костомарова*.

точки зрѣнія жизненныхъ интересовъ не Россіи и Польши, а прусской монархіи.

Поляки передъ окончательнымъ паденіемъ польскаго государства сознали невозможность и зловредность того соціально-политическаго строя, который подготовилъ паденіе „Ржечи посполитой", и дѣлали между I и II раздѣлами героическія попытки коренныхъ преобразованій своего государственнаго, а отчасти и соціальнаго строя. Но попытки эти оказались запоздалыми и не могли уже спасти древней польской республики отъ прочно подготовленной внутренними и внѣшними причинами ея гибели. Впрочемъ, даже и въ роковой часъ окончательной гибели государства огромное большинство шляхты вовсе не было расположено къ той главнѣйшей реформѣ внутренняго своего быта,—къ коренной крестьянской реформѣ, — которая одна могла спасти Польшу, выведя на историческую арену освобожденныя отъ рабства и надѣленныя землей народныя массы. Значеніе этой реформы понимали въ тогдашнемъ польскомъ обществѣ лишь немногія отдѣльныя лица; а сдѣлать рѣшительный шагъ къ ея осуществленію осмѣлился лишь великій вождь польскаго народа, Ѳаддей Костюшко, въ томъ поланецкомъ „универсалѣ", который онъ издалъ уже въ моментъ послѣдней, смертельной борьбы.

Старое польское государство погибло, а народъ польскій остался, хотя и подѣленный на части, но все же живой и, какъ оказалось, способный къ дальнѣйшему культурному развитію и росту. Надолго однако же традиціи шляхетской республики остались въ умахъ польскаго шляхетскаго общества единственнымъ стимуломъ и основаніемъ общественно-политической дѣятельности и политической мысли. Застарѣлыя язвы и злоупотребленія погибшей республики забылись, а легенда о старомъ блескѣ, могуществѣ и былыхъ доблестяхъ вольныхъ сыновъ „Ржечи посполитой" росла и украшалась, маня мечты и возбуждая патріотическія чувства новыхъ поколѣній. Задача возстановленія погибшаго государства сдѣлалась для нихъ господствующей и священной идеей,—единственной нравственной цѣлью ихъ существованія. И вотъ за возстановленіе Польши начинается вѣковая борьба, къ развязкѣ которой мы, можетъ быть, теперь приближаемся. Естественно, что при данныхъ условіяхъ, затруднявшихъ для ближайшихъ послѣ раздѣла Польши поколѣній возможность свободно-критически разобраться и оріентироваться въ совершившихся грозныхъ событіяхъ, цѣль борьбы сводилась къ возстановленію „Исторической Польши" въ тѣхъ самыхъ границахъ, въ которыхъ она была до перваго раздѣла 1772 г. И не только сами поляки такъ понимали поставленную предъ ними историческую задачу. Такъ ее понимали и всѣ сочувствовавшіе имъ современники раздѣловъ вплоть до императора Александра I, относившагося, какъ извѣстно, съ открытымъ осужденіемъ къ этому дѣлу своей бабки. Прак-

тическая возможность поправить допущенную по отношенію къ полякамъ несправедливость и пойти навстрѣчу мечтаніямъ и надеждамъ польскихъ патріотовъ для Александра явилась вскорѣ послѣ вступленія его на престолъ. Но еще прежде, чѣмъ приступить къ этой миссіи въ области международной политики, Александръ приступилъ къ подготовительнымъ мѣрамъ въ этомъ направленіи въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ. Съ самаго начала у него оказался въ этомъ дѣлѣ сподвижникъ, а отчасти и инспираторъ, въ высокой степени одаренный и превосходно къ этой роли подготовленный. Это былъ одинъ изъ его личныхъ „друзей", молодой кн. Адамъ Чарторыйскій, привезенный въ Петербургъ въ 1795 г. въ качествѣ заложника, но вскорѣ назначенный Екатериной къ Александру Павловичу въ адъютанты. Впрочемъ, уже и Павелъ I тотчасъ же по вступленіи на престолъ показалъ свое несочувствіе къ польской политикѣ Екатерины и свое благорасположеніе къ полякамъ. Онъ показалъ это не только тѣмъ, что съ почетомъ отпустилъ изъ плѣна Костюшку со всѣми его сослуживцами, но и тѣмъ, что приказалъ уничтожить въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ всѣ заведенные въ нихъ Екатериною русскіе порядки и возстановить прежнія польскія учрежденія—судебныя и административныя. Чарторыйскій, сдѣлавшійся по воцареніи Александра членомъ такъ называемаго неофиціальнаго комитета, въ которомъ Александръ обсуждалъ всѣ предполагаемыя въ Россіи реформы, сдѣланъ былъ также, какъ только образованы были—по его же плану—министерства въ концѣ 1802 г., товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ и въ то же время попечителемъ виленскаго учебнаго округа, а въ составъ этого послѣдняго введены были всѣ губерніи, присоединенныя къ Россіи по тремъ раздѣламъ отъ „Ржечи посполитой". Здѣсь онъ приступилъ совершенно открыто къ дѣятельному насажденію польской культуры при помощи основаннаго въ Вильнѣ польскаго университета,—а позднѣе и кременецкаго лицея,—и хорошо подобранныхъ сотрудниковъ духовныхъ и свѣтскихъ. Дѣятельность эта, продолжавшаяся 20 лѣтъ (1803—1823), принесла обильные плоды, дающіе основаніе изслѣдователямъ исторіи этого края признать, что никогда, даже во времена „Ржечи посполитой", онъ не подвергался столь систематической и умѣлой полонизаціи, какъ подвергся въ эти годы благодаря Чарторыйскому и его сотрудникамъ. Возможность дальнѣйшихъ шаговъ—уже въ области международныхъ отношеній—представилась Александру и Чарторыйскому въ 1805 году, когда Александръ сталъ во главѣ новой коалиціи противъ Наполеона и дѣятельно готовился къ борьбѣ съ нимъ. Чарторыйскій, уже управлявшій въ это время министерствомъ иностранныхъ дѣлъ (послѣ удаленія на покой престарѣлаго канцлера гр. А. Р. Воронцова) и не скрывавшій отъ Александра своего стремленія служить главнымъ образомъ польскимъ ин-

тересамъ, старался въ своихъ докладахъ обосновать и самую войну противъ Наполеона такъ, чтобы связать съ ней польскій вопросъ. Именно въ этихъ видахъ онъ доказывалъ, что для того, чтобы побѣдить Наполеона, уже составившаго себѣ тогда репутацію непобѣдимости, надо поднять противъ него и имѣть за себя не только союзныя арміи, но и національныя чувства народовъ, права которыхъ нарушены въ новѣйшія времена. Съ своей стороны Александръ открыто высказывалъ себя другомъ поляковъ и сторонникомъ возстановленія польскаго государства, подъ своимъ, правда, скипетромъ. Пріѣхавъ, на пути своемъ къ арміи, въ имѣніе Чарторыйскихъ Пулавы (нынѣшняя Ново-Александрія Люблинской губ.), онъ провелъ тамъ двѣ недѣли, охотно принимая съѣзжавшихся со всѣхъ сторонъ польскихъ патріотовъ и обвороживъ ихъ своимъ обхожденіемъ. Въ концѣ его пребыванія въ Пулавахъ было уже почти рѣшено, что онъ немедленно объявитъ себя королемъ польскимъ и начнетъ войну противъ прусскаго короля Фридриха-Вильгельма, не рѣшавшагося вступить въ основанную Александромъ и Англіей коалицію противъ Наполеона и отказывавшагося пропустить русскія войска черезъ свою территорію. Слухи о предпринимаемомъ Александромъ возстановленіи Польши до того распространились въ это время, что о нихъ говорили открыто варшавскія торговки на рынкѣ, грозя скорымъ приходомъ русскихъ войскъ придиравшимся къ нимъ прусскимъ полицейскимъ чиновникамъ. Но именно прикосновенность къ этому дѣлу прусскаго короля разрушила неожиданно всѣ надежды и упованія польскаго общества. Оказалось, что для Александра въ тотъ моментъ польскіе интересы имѣли все же второстепенное значеніе въ сравненіи съ задачей остановить растущее могущество Наполеона и нанести ему достаточно сильный ударъ, а для этого надо было не воевать съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, а, наоборотъ, во что бы то ни стало присоединить его къ своей коалиціи. Наполеонъ облегчилъ Фридриху-Вильгельму выходъ изъ колебательнаго положенія, грубо нарушивъ съ своей стороны нейтралитетъ прусскаго королевства проводомъ своихъ войскъ безъ всякаго разрѣшенія черезъ прусское владѣніе Аншпахъ. Оскорбленный прусскій король тотчасъ же разрѣшилъ и Александру провести свои войска черезъ прусскія владѣнія и заключилъ съ нимъ союзъ, скрѣпленный тогда же клятвой въ вѣчной дружбѣ обоихъ на гробѣ Фридриха II, послѣ чего, конечно, не могло уже быть рѣчи объ отобраніи у Пруссіи полученныхъ ею польскихъ областей, и вопросъ о возстановленіи Польши отодвинулся въ туманное будущее. Поляки были глубоко разочарованы, Чарторыйскій подалъ въ отставку (изъ министровъ иностранныхъ дѣлъ, сохранивъ за собой попечительство въ Вильнѣ до 1823 года), а Александръ вскорѣ долженъ былъ пожать плоды своего некорректнаго въ отношеніи поляковъ и легкомысленнаго въ

сущности поведенія. Въ концѣ слѣдующаго 1806 года, когда, послѣ Аустерлицкаго пораженія и послѣдовавшаго затѣмъ разгрома Пруссіи, Александру пришлось на поляхъ Польши одинъ на одинъ встрѣтиться съ войскомъ Наполеона, поляки всѣ свои надежды уже возлагали на этого послѣдняго, и Наполеонъ ловко воспользовался преимуществомъ новаго своего положенія, хотя и воздерживался отъ всякихъ прямыхъ обѣщаній полякамъ. Въ 1807 г. по Тильзитскому договору Наполеонъ образовалъ подъ своимъ личнымъ протекторатомъ изъ бо̀льшей части польскихъ земель, вошедшихъ въ составъ Пруссіи, особое Варшавское герцогство съ королемъ саксонскимъ Фридрихомъ-Августомъ во главѣ [1]). Для Наполеона образованіе этого полунезависимаго герцогства имѣло главнымъ образомъ военное и стратегическое значеніе, потому что онъ получалъ возможность пользоваться его военными рессурсами и вмѣстѣ пріобрѣталъ въ немъ весьма важный военный передовой и наблюдательный постъ на самой границѣ Россіи. Въ то же время герцогство это могло послужить при случаѣ зерномъ будущаго польскаго государства въ широкихъ размѣрахъ, если бы Наполеонъ призналъ такое возстановленіе Польши полезнымъ въ своихъ интересахъ впослѣдствіи. Возможность и даже, при извѣстныхъ условіяхъ, желательность такого исхода польскаго вопроса онъ вовсе не игнорировалъ, серьезно помышляя о томъ, что, можетъ быть, придется впослѣдствіи отбросить Россію за Днѣпръ и Западную Двину, если Александръ окажется ненадежнымъ и непокорнымъ союзникомъ [2]). И конечно, если бы Наполеонъ не сдѣлалъ въ 1812 г. тѣхъ ошибокъ, которыя погубили его армію въ Россіи, а ограничился бы для перваго года войны съ Россіей завоеваніемъ присоединенныхъ отъ Польши губерній и прочнымъ утвержденіемъ въ нихъ своего управленія, положеніе Россіи сдѣлалось бы очень тяжелымъ и даже, можетъ быть, на долгое время безвыходнымъ. Къ счастью для насъ, онъ увлекся тогда иными, болѣе смѣлыми планами и этимъ обезпечилъ быстрое торжество Александра въ 1812 г.

---

[1]) Фридрихъ-Августъ былъ внукъ польскаго короля Августа III (сына Августа II) изъ саксонской династіи, и когда въ 1791 г. по конституціи, принятой четырехлѣтнимъ сеймомъ, установлена была въ Польшѣ наслѣдственная монархія, то въ преемники бездѣтному Станиславу-Августу Понятовскому былъ избранъ именно Фридрихъ-Августъ. Поэтому назначеніемъ его въ варшавскіе герцоги (въ 1807 г.) Наполеонъ очень угодилъ тогдашнему польскому обществу. Историки польскіе и въ настоящее время чтутъ его, какъ послѣдняго, свободно избраннаго короля польскаго и къ имени его проявляютъ поэтому особую симпатію. Срав. *Prof. Anatol Lewicki*: „Zarys Historyi polskiej aż-do najnowszych czasów“. W., 1913 (5-ое изданіе).

[2]) Извѣстенъ секретный докладъ Дюрока Наполеону, обнаруживающій эти тенденціи наполеоновской дипломатіи. Докладъ этотъ былъ добытъ (очевидно, за деньги) изъ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ русскимъ посломъ кн. Куракинымъ въ 1809 г. Онъ приводится у Богдановича въ „Исторіи царствованія Александра I“, т. III, стр. 86. Копія этого доклада имѣется въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

За время своего владычества въ Польшѣ Наполеонъ чрезвычайно истощилъ этотъ край въ матеріальномъ отношеніи—огромнымъ количествомъ людей, которыхъ онъ взялъ въ свои арміи, и континентальной системой, которая лишила Польшу на все это время всякой заграничной торговли. Но онъ успѣлъ дать этому краю три важныхъ учрежденія: 1) конституціонное устройство, хотя и съ очень скромными правами, 2) гражданскій кодексъ, который очень быстро привился къ этому краю, и 3) личное освобожденіе крестьянъ, но безъ земли и даже безъ всякихъ правъ на жилище и сельскохозяйственный инвентарь.

Въ 1809 г., послѣ разгрома Австріи при дѣятельномъ участіи польской арміи кн. Іосифа Понятовскаго, Наполеонъ увеличилъ предѣлы герцогства присоединеніемъ къ нему отвоеванной отъ Австріи области между Пилицей, среднимъ теченіемъ Вислы и Западнымъ Бугомъ [1]). Въ этомъ составѣ, послѣ пораженія Наполеона въ Россіи, варшавское герцогство занято было русскими войсками въ началѣ 1813 г. Александръ не только не сталъ при этомъ мстить тѣмъ полякамъ, которые входили въ составъ герцогства, но далъ полную амнистію и тѣмъ своихъ подданнымъ польскаго происхожденія изъ присоединенныхъ къ Россіи губерній, которые пристали къ войскамъ Наполеона. При такихъ условіяхъ полякамъ вновь пришлось перенести на Александра всѣ свои надежды и упованія. Чарторыйскій въ этотъ моментъ попытался даже поставить вопросъ о возстановленіи Польши въ границахъ 1772 г. не подъ скипетромъ Александра, а совершенно отдѣльно отъ Россіи, съ тѣмъ, чтобы королемъ польскимъ былъ объявленъ младшій братъ Александра Михаилъ Павловичъ. На это Александръ отвѣчалъ, что́, продолжая желать возстановленія Польши въ границахъ 1772 г., слѣдовательно со включеніемъ присоединенныхъ къ Россіи старыхъ русскихъ губерній, онъ считаетъ, что психологически невозможно убѣдить даже наиболѣе благопріятно настроенныхъ въ отношеніи поляковъ людей въ Россіи въ допустимости такой комбинаціи, если возстановленная Польша не будетъ соединена съ Россіей въ лицѣ общаго для обѣихъ монарха. Чарторыйскій на это, разумѣется, не могъ ничего возразить, и съ этими намѣреніями Александръ явился, послѣ низложенія Наполеона, на вѣнскій конгресъ, предварительно обезпечивъ себѣ согласіе прусскаго короля не требовать назадъ отобранныхъ у него въ 1807 г. польскихъ провинцій, а взамѣнъ ихъ получить большую часть саксонской территоріи; саксонскаго же короля Александръ предположилъ вовсе лишить королевства за то, что тотъ, сохраняя до конца вѣрность Наполеону, являлся такимъ образомъ измѣнникомъ интересамъ своего германскаго отечества. Планъ Александра не могъ однако же пройти на вѣнскомъ кон-

---

[1]) Нынѣшнія губерніи: Радомская, Кѣлецкая, Люблинская и Холмская.

грессѣ гладко. Его считалъ зловреднымъ „якобинскимъ“ планомъ Меттернихъ, опасавшійся, что онъ подготовитъ отторженіе впослѣдствіи и отъ Австріи оставшейся въ ея власти Галиціи, несмотря на то, что Александръ готовъ былъ возвратить Австріи даже прирѣзанный къ Россіи Наполеономъ въ 1809 г. кусокъ этой страны, — такъ называемую тарнопольскую область,—и вовсе не требовалъ, видя настроеніе Меттерниха, уступки Галиціи. Противъ плана Александра рѣшительно выступилъ съ самаго же начала и англійскій представитель, лордъ Кэстльри, опасавшійся чрезвычайнаго усиленія Россіи отъ присоединенія къ ней территоріи варшавскаго герцогства, хотя бы и въ качествѣ полунезависимаго государства, соединеннаго съ Россіей лишь общимъ монархомъ. И въ особенности рѣзкую оппозицію планамъ Александра, неожиданно для него, оказалъ „другъ“ его Талейранъ, увидѣвшій, съ одной стороны, легкую возможность разрушить на этомъ вопросѣ союзъ великихъ державъ, побѣдившихъ и унизившихъ Францію, а съ другой стороны, отнюдь не желавшій допустить уничтоженія Саксоніи и усиленія могущества Пруссіи. Талейрану удалось не только сговориться съ Англіей и Австріей въ дѣлѣ организаціи совмѣстной оппозиціи Александру, но и присоединить къ своей точкѣ зрѣнія второстепенныя нѣмецкія государства: Баварію, Гессенъ, Гановеръ, и довести дѣло до того, что всѣ эти державы заключили между собой секретный оборонительный и наступательный союзъ противъ Александра, готовый съ нимъ воевать, если бы Александръ сталъ упорствовать въ своемъ намѣреніи. И хотя Александръ упорствовалъ, ему пришлось таки послѣ долгихъ и утомительныхъ переговоровъ сдѣлать изъ своего первоначальнаго плана довольно серьезныя уступки въ отношеніи границъ будущаго царства польскаго. Онъ согласился, впрочемъ, еще раньше по договору съ прусскимъ королемъ (заключенному въ Калишѣ въ февралѣ 1813 г.) не только не требовать включенія въ составъ царства польскаго западной Пруссіи, доставшейся прусскому королевству въ 1772 г., и города Данцига, присоединеннаго къ Пруссіи въ 1793 г., а затѣмъ сдѣланнаго особымъ вольнымъ городомъ въ 1807 г., но уступить Фридриху-Вильгельму и познанскую область до р. Просны, г. Калиша и р. Древенца, чтобы такимъ образомъ соединить достаточно широкой полосой земли восточную и западную Пруссію съ Силезіей. Теперь Александръ долженъ былъ согласиться еще на выдѣленіе изъ территоріи варшавскаго герцогства городовъ Кракова и Торна, въ качествѣ особыхъ вольныхъ городовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить часть саксонскихъ владѣній за саксонскимъ королемъ, нашедшимъ себѣ сильныхъ заступниковъ въ лицѣ уполномоченныхъ Англіи и Франціи. Когда же между Фридрихомъ Вильгельмомъ и Фридрихомъ-Августомъ саксонскимъ зашелъ новый споръ изъ-за г. Лейпцига, грозившій вызвать новыя затрудненія, то Александръ

предложилъ Фридриху-Вильгельму отказаться отъ Лейпцига и взамѣнъ Лейпцига получить Торнъ [1]).

Такъ образовано было, наконецъ, Царство Польское въ нынѣшнихъ своихъ границахъ. При этомъ въ актахъ конгресса было указано, что Царство Польское „безповоротно присоединено къ Россіи своей конституціей", что „Е. И. В. предоставляетъ себѣ дать этому государству, пользующемуся отдѣльной администраціей, такое внѣшнее протяженіе, какое онъ найдетъ удобнымъ. Е. И. В. присоединитъ при этомъ къ прочимъ своимъ титуламъ титулъ царя польскаго". Тамъ же было указано, что „поляки, подданные договаривающихся высокихъ сторонъ, получатъ представительство и національныя учрежденія, установленныя сообразно тому роду политическаго существованія, какое каждое изъ правительствъ, которымъ они будутъ принадлежать, признаетъ полезнымъ и удобнымъ имъ предоставить" [2]). На основаніи этой статьи австрійское и прусское правительства предоставили тѣмъ частямъ бывшаго польскаго государства, которыя вошли въ составъ ихъ владѣній по этому „четвертому раздѣлу Польши",—какъ называютъ нѣкоторые польскіе историки постановленія вѣнскаго конгресса,—представительство лишь въ формѣ областныхъ земскихъ учрежденій; Александръ же октроировалъ Царству Польскому особую конституцію, по которой оно признано было отдѣльнымъ государствомъ, соединеннымъ съ Россіей въ сущности лишь личной уніей, съ особымъ конституціоннымъ правительствомъ, съ особой казной и особой арміей. Слѣдуетъ при этомъ отмѣтить, что на вѣнскомъ конгрессѣ вопросъ о таможенныхъ границахъ между отдѣльными частями прежней Польши подвергнутъ былъ,—повидимому, по желанію Александра же,—особому обсужденію, причемъ признано было желательнымъ, въ видахъ сохраненія безпрепятственнаго общенія между частями прежней Польши, выработать спеціальныя льготныя таможенныя правила по особому договору между Россіей, Австріей и Пруссіей, что и было исполнено.

„Высокія договаривающіяся стороны, — гласила соотвѣтствующая

---

[1]) Въ газетѣ *Рѣчь* за № 313 проф. Е. В. Тарле недавно приводилъ справку о томъ, какъ г. Торнъ достался Пруссіи, — справку, основанную на словахъ канцлера кн. Гарденберга, опроверженія которымъ Е. В. Тарле искалъ, но не нашелъ въ англійскихъ архивахъ, а затѣмъ уже по собственнымъ соображеніямъ связалъ уступку Торна съ помолвкой вел. кн. Николая Павловича. Но ходъ всего этого дѣла вполнѣ выясненъ у *Соловьева* („Императоръ Александръ I. Политика—Дипломатія", стр. 293—299), весьма точно воспроизводящаго весь ходъ переговоровъ, въ томъ числѣ и окончательное рѣшеніе Александра относительно Торна (стр. 299), на основаніи архивныхъ документовъ, обстоятельно изученныхъ Соловьевымъ.

[2]) Договоръ 3 мая 1815 г. между Россіею, Австріею и Пруссіею и „Финальный актъ" вѣнскаго конгресса 9 іюня 1815 г. Срав. *Sz. Askenazy:* „Rosya-Polska 1815—1830", стр. 63—65.

статья вѣнскихъ трактатовъ,—согласились дозволить впредь и навсегда свободное и неограниченное между всѣми ихъ польскими областями (какъ онѣ были передъ 1772 г.) обращеніе всѣхъ произведеній земли и издѣлій промышленности сихъ областей“ [1]). Вслѣдствіе этого для выработки таможеннаго тарифа по торговлѣ Царства Польскаго съ польскими провинціями Австріи и Пруссіи, а также мѣръ по регулированію транзитной торговли была учреждена въ Варшавѣ такъ называемая трехсторонняя (trilaterale) комиссія изъ представителей трехъ державъ [2]). Правда, тарифы, выработанные этой комиссіей, не были утверждены, и окончательныя торговыя конвенціи были выработаны новой петербургской комиссіей въ 1818 г., сильно ограничившей льготы, предположенныя варшавской комиссіей; но всетаки установленный этою послѣднею конвенціею тарифъ создалъ весьма льготное положеніе для произведеній прусскихъ частей прежней Польши. Затѣмъ 3 октября 1819 г. былъ изданъ особый указъ о сліяніи Царства Польскаго и имперіи въ таможенномъ отношеніи въ одно цѣлое, создавшій въ высшей степени выгодное положеніе для польской обрабатывающей промышленности [3]).

Всѣ эти мѣры, ярко знаменовавшія позицію, занятую Александромъ по польскому вопросу, не могли не содѣйствовать укорененію въ умахъ польскихъ патріотовъ весьма обоснованной, повидимому, надежды на то, что дѣло возстановленія ихъ родины въ границахъ, существовавшихъ если не до перваго, то, на первый разъ, хоть до второго раздѣла, предпринятое русскимъ монархомъ, идетъ быстро на ладъ [4]). Эти надежды постоянно оживлялись обѣщаніями, дававшимися Александромъ и въ личныхъ бесѣдахъ, и съ высоты трона, хотя послѣднія и были выражены въ условной и не совсѣмъ ясной формѣ [5]). Еще больше эти надежды были подкрѣплены указомъ объ учрежденіи въ 1819 году отдѣльнаго литовскаго корпуса, отданнаго подъ команду вел. кн. Констан-

---

[1]) Ст. XXVIII дополн. дружеств. трактата между Россіей, Пруссіей и Австріей, отъ 12 апрѣля (3 мая) 1815 г., приложеннаго къ актамъ вѣнскаго конгресса. Въ той же статьѣ было сказано: „Для того, чтобы иностранцы (т.-е., съ одной стороны, очевидно, русскіе, а съ другой—пруссаки, австрійцы, венгерцы и проч.) не пользовались сдѣланными въ пользу жителей помянутыхъ областей уступками, постановляется, чтобы на всѣ произведенія сихъ областей, перевозимыя изъ одного государства въ другое, были представляемы свидѣтельства о ихъ происхожденіи, безъ чего оныя впущены не будутъ“. Цитирую по книгѣ г. Лодыженскаго „Исторія русскаго таможеннаго тарифа“, стр. 178.

[2]) Тамъ же, стр. 179 и слѣд.

[3]) Тамъ же, стр. 181 и слѣд.

[4]) „Mémoires de Michel Oginski sur la Pologne et les polonais“. Томы III и IV passim. Срав. prof. *Anatol Lewicki*, назв. соч., стр. 419 и слѣд.

[5]) См. въ приложеніяхъ къ мемуарамъ Огинскаго извѣстную рѣчь Александра произнесенную въ 1818 г., т. IV, стр. 292.

тина Павловича, командовавшаго и польской арміей, причемъ въ рукахъ великаго князя соединена была и высшая власть надъ гражданской администраціей Польши и западныхъ губерній (по присвоеннымъ ему правамъ главнокомандующаго).

Однако самъ Александръ встрѣтилъ въ это время большія препятствія къ осуществленію своего первоначальнаго намѣренія объединить основанное имъ Царство Польское въ одно политическое цѣлое съ губерніями, ранѣе присоединенными отъ Польши къ Россіи. Какъ только слухи объ этомъ намѣреніи государя распространились среди русскихъ, они вызвали среди нихъ не только изумленіе и ропотъ, но и прямой отпоръ. Это отрицательное отношеніе къ польскимъ планамъ Александра было одинаково присуще какъ консервативнымъ, такъ и либеральнымъ и даже радикальнымъ кругамъ, которые—каждый по своему—обнаруживали это свое отрицаніе въ различныхъ формахъ.

Въ средѣ, близкой къ самому императору, между молодыми генералами его свиты, предполагалось подать ему особую записку, составленную М. Ѳ. Орловымъ, съ возраженіями противъ присоединенія къ Польшѣ западныхъ русскихъ губерній [1]). Среди военной молодежи, когда слухи объ этихъ намѣреніяхъ Александра дошли до нея въ явно преувеличенной и искаженной формѣ (въ извѣстномъ письмѣ кн. С. П. Трубецкого къ собравшимся въ Москвѣ въ 1817 г. членамъ „Союза спасенія“), то это вызвало въ ихъ средѣ такое возбужденіе, что они заговорили о цареубійствѣ, причемъ нашелся между ними экзальтированный юноша—И. Д. Якушкинъ,—который тутъ же взялъ на себя и исполненіе этого умысла и котораго не легко было потомъ болѣе трезвымъ товарищамъ убѣдить отказаться отъ осуществленія своего плана [2]). Такъ выражали свое недовольство либерально и радикально настроенные военные. Не менѣе рѣзко и сильно, хотя и въ совершенно иной формѣ, протестовалъ противъ него консервативно настроенный исторіографъ Н. М. Карамзинъ, подавшій Александру въ 1819 г. свою знаменитую записку, въ которой онъ рѣшительно отвергалъ право самодержавнаго монарха распоряжаться русскими землями, какъ своею частною собственностью [3]). Извѣстно, что Александръ остался очень недоволенъ попыткой Орлова и даже не принялъ составленной имъ записки; извѣстно, что онъ рѣзко спорилъ съ Карамзинымъ и чуть не

---

[1]) Самъ Орловъ упоминаетъ объ этомъ въ показаніи своемъ, написанномъ по требованію императора Николая I въ 1826 г. (См. изданные *Н. В. Довнаромъ-Запольскимъ* „Мемуары декабристовъ“. Кіевъ, 1906 г., стр. 3.

[2]) „Записки *И. Д. Якушкина*“. М., 1905 г., стр. 14.

[3]) „Мнѣніе русскаго гражданина“ въ „Неизданныхъ сочиненіяхъ и перепискѣ *Н. М. Карамзина*“, ч. I, Спб., 1862 г., стр. 1—8.

разссорился съ нимъ на этомъ вопросѣ [1]), но несомнѣнно доходившіе до него слухи объ общественномъ мнѣніи насчетъ затѣваемой имъ реставраціи польскаго государства въ предѣлахъ 1772 года заставили его отложить, а потомъ и вовсе оставить первоначальное свое намѣреніе [2]). Между тѣмъ поляки съ нетерпѣніемъ ждали его осуществленія. Поляки, т.-е. члены шляхетскаго сословія, которые попрежнему составляли все польское общество, смотрѣли на образованіе Царства Польскаго въ границахъ, установленныхъ послѣ вѣнскаго конгресса, лишь какъ на первый шагъ по пути къ возстановленію прежняго польскаго государства. Отсрочка, а тѣмъ болѣе отказъ отъ выполненія этого обѣщанія Александра волновали и возмущали ихъ, несомнѣнно, гораздо болѣе, нежели тѣ, весьма серьезныя, нарушенія конституціи и конституціонныхъ порядковъ, которыя допускались со стороны правительства. Одинъ изъ вліятельныхъ участниковъ возстанія 1830 г., Морицъ Мохнацкій, не отрицалъ, что Польша въ эпоху 1815—1830 гг. благоденствовала по крайней мѣрѣ въ матеріальномъ отношеніи подъ скипетромъ россійскаго императора, несмотря на частичныя нарушенія конституціи, и ставилъ себѣ слѣдующій вопросъ: „если бы даже русскіе святѣйшимъ образомъ соблюдали конституціонное учрежденіе въ Царствѣ Польскомъ, то полное его развитіе не привело ли бы еще скорѣе къ возстанію, нежели его ограниченіе?“ „Революція,—писалъ онъ далѣе,—лежала въ основаніи самого учрежденія царства, и русскіе государи не могли предотвратить ее ни пунктуальнымъ исполненіемъ конституціи, ни совершеннымъ ея уничтоженіемъ; по этой причинѣ я не вывожу революцію изъ недостатковъ правительства, такъ какъ оно могло быть въ тысячу разъ хуже, если бы мы были независимы“. Это замѣчательное въ устахъ революціонера признаніе онъ пояснялъ такъ: „Царство Польское, основанное конгрессомъ, *было только частицею общаго національнаго бытія. Дарованныя ему права и привилегіи постольку лишь имѣли значеніе, поскольку они доставляли возможность закон-*

---

[1]) Тамъ же, стр. 9. Въ замѣткѣ къ „Мнѣнію русскаго гражданина“, написанной „для потомства“ 29 декабря 1819 г.—а самая записка помѣчена 17 октября того же года—сказано: „...Мы душею разстались кажется на вѣки...“, затѣмъ приведены и отдѣльныя выраженія разговора съ государемъ, изъ которыхъ видна степень раздраженія, до какой дошли разговаривавшіе.

[2]) Въ концѣ-концовъ Александръ не только не присоединилъ къ Царству Польскому западныхъ украинскихъ, бѣлорусскихъ или хоть однихъ литовскихъ губерній, но онъ даже не включилъ въ территорію царства и ту бѣлостокскую область, которая была присоединена къ Россіи изъ состава прусской Польши въ 1807 г. по тильзитскому договору. Область эта состоитъ изъ трехъ уѣздовъ нынѣшней Гродненской губерніи (Сокольскаго, Бѣлостокскаго и Бѣльскаго) и населена въ нѣкоторой (хотя вовсе не въ бо́льшей) своей части поляками.

нымъ путемъ выказывать оппозицію главнѣйшимъ врагамъ польскаго имени“ [1]).

Единственно возможнымъ путемъ къ удовлетворенію стремленій тогдашняго польскаго общества могъ быть только путь, избранный первоначально Александромъ (при несомнѣнномъ участіи Чарторыйскаго), но затѣмъ имъ оставленный, подъ вліяніемъ опасенія серьезнаго разлада съ русскимъ общественнымъ мнѣніемъ. Вѣдь Александръ,—хотя, можетъ быть, и не очень сознательно,—замышлялъ въ 1814 г. возстановленіе именно той самой шляхетской Польши, которая уничтожена была тремя раздѣлами XVIII вѣка. Замѣчательно, что при этомъ онъ не обратилъ даже достаточнаго вниманія на содержаніе того извѣстнаго письма Костюшки, которое ему адресовалъ тогда великій патріотъ польскій. Въ этомъ письмѣ Костюшко совѣтовалъ Александру объявить себя королемъ польскимъ и приступить тотчасъ къ освобожденію крестьянъ съ землей и къ открытію для нихъ казенныхъ школъ [2]). Изъ этого письма видно, что для Костюшки его идеи въ области крестьянскаго вопроса, выраженныя имъ когда-то такъ ярко въ поланецкомъ универсалѣ, являлись вовсе не формой демагогіи, а составляли нѣчто весьма продуманное. Совѣтъ, данный имъ въ этомъ случаѣ Александру, показываетъ, что Костюшка понималъ, при какихъ условіяхъ можетъ послѣдовать дѣйствительное возрожденіе польскаго *народа*. Но Александръ, повидимому, обратилъ вниманіе только на первый изъ двухъ данныхъ ему совѣтовъ и совершенно не оцѣнилъ второго. Конечно, конституцію 1815 г. не Александръ составлялъ,—онъ предоставилъ это дѣло комиссіи, въ которую входили самые блестящіе представители польской аристократіи, и онъ допустилъ, повидимому, опять-таки по невѣдѣнію,—ибо онъ никогда не былъ по взглядамъ и симпатіямъ своимъ сторонникомъ дворянскихъ тенденцій,—что конституція эта обезпечила въ Царствѣ Польскомъ шляхетскій режимъ. Изъ 121 члена нижней палаты 71 избирались землевладѣльцами и только 50 городскими плательщиками налоговъ; крестьяне же, хотя они и были номинально освобождены отъ крѣпостного права декретомъ варшавскаго герцога въ 1807 г., никакого участія въ законодательствѣ и даже въ администраціи страны по конституціи 1815 г. не получили. И обстоятельства эти ярко отразились и на законахъ, принятыхъ первымъ же сеймомъ Царства Польскаго. Въ числѣ ихъ былъ важный законъ о гминахъ, возстановившій въ Польшѣ въ полномъ объемѣ вотчинную власть помѣщиковъ.

---

[1]) Цитирую по книгѣ *Ф. Смита:* „Исторія польскаго возстанія и войны 1830—1831 годовъ“, т. I, стр. 75.

[2]) Это замѣчательное письмо воспроизведено въ IV томѣ мемуаровъ *М. Огинскаго*, стр. 174.

Въ конституціонномъ Царствѣ Польскомъ (1815—1830 гг.) пышнымъ цвѣтомъ развилась молодая, только что зародившаяся польская промышленность, благодаря чрезвычайно благопріятнымъ условіямъ внѣшняго рынка и разумной экономической политикѣ талантливаго министра финансовъ кн. Ксаверія Любецкаго [1]). Но замѣчательно, что всѣ лица недворянскаго происхожденія, чѣмъ-либо отличившіяся на промышленномъ поприщѣ или въ сферѣ искусствъ, наукъ и либеральныхъ профессій, тотчасъ же зачислялись, согласно конституціи, въ шляхетское сословіе. Это постановленіе, повидимому, направленное на измѣненіе состава самой шляхты и потому имѣвшее какъ будто своеобразный демократическій характеръ, имѣло однако и другую сторону, на практикѣ оказавшуюся гораздо болѣе важной,—именно ту, что всѣ представители молодой нарождающейся буржуазіи въ Польшѣ не становились, какъ въ другихъ странахъ, антагонистами дворянства, а, наоборотъ, спѣшили пополнить его ряды и пріобщались невольно къ его міровоззрѣнію, усваивали его идеологію и вмѣстѣ съ тѣмъ и его преклоненіе передъ легендой о славномъ и величественномъ прошломъ шляхетской республики. При такихъ условіяхъ ничего нѣтъ удивительнаго, что въ обществѣ польскомъ ни у кого не могло возникнуть ни малѣйшихъ сомнѣній насчетъ правильности его притязаній на присоединеніе къ Польшѣ отторгнутыхъ отъ нея украинскихъ, бѣлорусскихъ и литовскихъ губерній. Мысль о томъ, что въ этихъ губерніяхъ болѣе 90% жителей были отнюдь не поляки и что поляки составляли въ нихъ лишь очень тонкій слой, ни для кого изъ поляковъ не являлась тогда аргументомъ въ пользу отказа отъ этихъ губерній, ибо единственными представителями культуры являлись и тамъ поляки, а туземное населеніе—крестьяне—попрежнему совершенно серьезно считалось не имѣющимъ и не заслуживающимъ никакихъ правъ на самостоятельное и независимое отъ шляхты существованіе.

Понятно поэтому, что когда на второмъ сеймѣ 1820 г. окончательно выяснилось, что Александръ оставилъ свое намѣреніе возстановить или содѣйствовать возстановленію Польши въ границахъ 1772 или хотя бы 1793 г., то польскіе патріоты того времени логически должны были взять на себя осуществленіе этой задачи *вопреки* волѣ русскаго самодержца и *вопреки* представителямъ русскаго общественнаго мнѣнія, которое имъ было извѣстно не только въ качествѣ мнѣнія людей, вродѣ ненавистнаго имъ комиссара русскаго императора въ Царствѣ Польскомъ Новосильцова, но и въ качествѣ мнѣнія русскихъ радикаловъ; ибо, какъ извѣстно, Пестель при переговорахъ съ представителями

---

[1]) Срав. *Smolka:* „Politika Lubeckiego". Kraków, 1907, а также *Sz. Askenazy:* „Rosya-Polska 1815—1830". Lwów, 1907, и проф. *Воблаго:* „Очерки по исторіи польской фабричной промышленности", т. I (1764—1830 гг.). Кіевъ, 1909 г.

польскихъ тайныхъ обществъ высказался за допустимость отдѣльнаго существованія Польши въ этнографическихъ границахъ съ присоединеніемъ къ ней лишь части сѣверо-западнаго края. [1]) При такихъ обстоятельствахъ понятно, что всѣ нарушенія конституціи со стороны Александра и его представителей въ Польшѣ, всѣ проявленія рѣзкости и необузданности вел. кн. Константина Павловича, какъ они ни раздражали поляковъ, являлись лишь второстепенными причинами подготовлявшагося возстанія. Эти же обстоятельства разъясняютъ и тотъ фактъ, что поляки, несмотря на свои сношенія съ русскими тайными обществами, не сдѣлали никакой попытки выступленія противъ правительства въ 1825 году, несмотря на то, что они были подготовлены къ такому выступленію гораздо больше, нежели русскіе революціонеры того времени. Это было чуждое для нихъ дѣло, и имъ не было никакого резона рисковать и тратить на него свои силы. Съ другой стороны, понятно, что удержать отъ возстанія, когда для него наступилъ, по ихъ мнѣнію, благопріятный моментъ, ихъ не могло и сравнительно лойяльное поведеніе относительно Польши императора Николая, короновавшагося польской короной въ Варшавѣ, торжественно присягнувшаго конституціи 1815 г. и созвавшаго четвертый сеймъ въ 1830 г.

II.

Возстаніе 1830 г. было подавлено далеко не такъ быстро и энергично, какъ это можно было бы ожидать по соотношенію силъ Россіи и Польши. Медленность, вялость и даже чрезвычайная нерѣшительность правительственныхъ дѣйствій зависѣла въ этомъ случаѣ отъ малодушія и раздвоенности стремленій вел. князя Константина Павловича и отъ робкаго сообразованія съ его противорѣчивыми взглядами и чувствами фельдмаршала Дибича, что давало возможность полякамъ, разсчитывавшимъ притомъ на вооруженное или дипломатическое вмѣшательство Франціи, довольно долго поддерживать иллюзорныя надежды на возможность силою заставить Россію не только признать неприкосновенность конституціонныхъ гарантій, но и отдать Польшѣ сѣверо-западный и юго-западный край.

Когда возстаніе было подавлено, то значительная часть его участниковъ и руководителей съ кн. Адамомъ Чарторыйскимъ во главѣ выселилась за границу, преимущественно во Францію и Англію, и тамъ сформировалась въ особое общество, члены котораго поставили себѣ задачей рано или поздно возобновить борьбу за достиженіе своихъ

[1]) Срав. показанія Пестеля въ книгѣ *Н. П. Павлова-Сильванскаго* „Декабристъ Пестель передъ верховнымъ уголовнымъ судомъ". Спб., 1906 г., стр. 105 и слѣд., а также *Русскую Правду* Пестеля, подъ ред. *П. Е. Щеголева*, особ. стр. 38 и слѣд. и 42.

патріотическихъ идеаловъ. Идеалы эти попрежнему сводились для нихъ къ возстановленію Польши въ границахъ 1772 года. Успѣвши сохранить значительныя матеріальныя средства, несмотря на многочисленныя конфискаціи недвижимыхъ имуществъ русскимъ правительствомъ вслѣдъ за подавленіемъ возстанія, вожди эмиграціи сумѣли довольно удобно организовать въ Парижѣ центральный пунктъ для объединенія жившихъ за границей многочисленныхъ эмигрантовъ. Такимъ пунктомъ явился дворецъ, купленный кн. Адамомъ Чарторыйскимъ въ Парижѣ—palait Lambert. Во дворцѣ этомъ устроенъ былъ настоящій штабъ революціоннаго польскаго правительства, военнымъ кабинетомъ котораго завѣдывалъ бывшій адъютантъ вел. кн. Константина Павловича гр. Владиславъ Замойскій, причемъ самъ кн. Адамъ Чарторыйскій заводилъ и поддерживалъ въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ настоящія дипломатическія сношенія съ тѣми державами, отъ которыхъ поляки не переставали ждать себѣ помощи въ ихъ борьбѣ съ Россіей, Пруссіей и Австріей. Время отъ времени они дѣлали попытки новыхъ революціонныхъ предпріятій во всѣхъ частяхъ раздѣленной между тремя державами Польши. Первая такая попытка была произведена (Заливскимъ) уже въ 1833 г. въ Царствѣ Польскомъ; затѣмъ въ сороковыхъ годахъ организованъ былъ рядъ революціонныхъ предпріятій въ прусской и австрійской частяхъ Польши. Попытки эти не имѣли никакого успѣха и приносили странѣ только новыя бѣдствія, доставляя въ то же время деспотическимъ правительствамъ, владѣвшимъ частями Польши, все новыя положительныя данныя для поддержанія и усиленія тѣхъ репрессивныхъ мѣръ и того военнаго положенія, которое просуществовало, напримѣръ, въ Царствѣ Польскомъ съ 1831 г. до конца царствованія Николая.

Въ Царствѣ Польскомъ, послѣ подавленія возстанія, императоръ Николай,—съ которымъ революціонное правительство въ началѣ возстанія пыталось завести переговоры на правахъ равноправной воюющей стороны, и котораго затѣмъ, когда эта попытка не удалась, объявило низложеннымъ,—призналъ себя теперь свободнымъ отъ всякихъ обязательствъ, принятыхъ въ конституціи 1815 г. за себя и за своихъ преемниковъ императоромъ Александромъ. Уничтоживъ въ Польшѣ сеймовое устройство, отдѣльную армію и всѣ конституціонныя гарантіи 1815 г., Николай объявилъ, что Царство Польское, какъ страна, завоеванная русскимъ оружіемъ, отнынѣ будетъ составлять одну изъ частей Россійской имперіи и впредь будетъ управляться на основаніи особаго статута, обнародованнаго 14/26 февраля 1832 г. Статутъ этотъ, обнародованный, но никогда не введенный въ дѣйствіе, упраздняя особое государственное существованіе Царства Польскаго и низводя его на положеніе простой имперской провинціи, давалъ однако же этой провинціи особую своеобразную административную автономію, на основаніи кото-

рой она должна была сохранить въ своемъ административномъ и судебномъ устройствѣ совершенно оригинальныя черты, рѣзко выдѣлявшія ее изъ числа остальныхъ частей россійской имперіи. Статутъ открывался перечнемъ правъ гражданъ Царства Польскаго, причемъ имъ были обѣщаны: свобода вѣроисповѣданія, съ особеннымъ попеченіемъ правительства о римско-католическомъ вѣроисповѣданіи, какъ о вѣрѣ большинства населенія; неприкосновенность собственности, съ допущеніемъ, впрочемъ, конфискаціи имѣній (въ противность хартіи 1815 г.) за политическія преступленія; личная свобода, съ преслѣдованіемъ только по суду по формамъ и обрядамъ, установленнымъ закономъ; ограниченіе печати лишь настолько, насколько того будутъ требовать религія, авторитетъ власти, чистота нравовъ и уваженіе къ личности. Сохранялись особыя центральныя учрежденія царства: во главѣ управленія попрежнему долженъ былъ стоять намѣстникъ (на эту должность былъ назначенъ усмиритель возстанія фельдмаршалъ кн. Паскевичъ-Варшавскій) и при немъ особый административный совѣтъ, составленный изъ польскихъ и *русскихъ* (въ отличіе отъ хартіи 1815 г.) сановниковъ. Въ число членовъ этого совѣта должны были входить прежде всего начальники отдѣльныхъ вѣдомствъ, которые по статуту именовались уже не министрами, а директорами комиссій. Такихъ комиссій учреждалось три: внутреннихъ дѣлъ, на которую возлагалось и завѣдываніе дѣлами народнаго просвѣщенія, финансовъ и юстиціи. Для разработки законопроектовъ по дѣламъ царства долженъ былъ сохраниться особый государственный совѣтъ, которому было предоставлено также разрѣшать всѣ пререканія между отдѣльными вѣдомствами и разсматривать представленія отъ провинціальныхъ штатовъ и иныхъ болѣе мелкихъ органовъ самоуправленія. Сохранялся также особый верховный судъ. Дѣлопроизводство въ административныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ должно было вестись на польскомъ языкѣ; но въ административномъ совѣтѣ и въ канцеляріи намѣстника вводился русскій языкъ, который могъ для незнающихъ таковаго замѣняться французскимъ. Административныя дѣленія оставались старыя—на 8 воеводствъ и повѣты (уѣзды). Въ странѣ предполагалось учредить мѣстное самоуправленіе въ видѣ областного учрежденія—провинціальныхъ штатовъ,—совѣтовъ воеводствъ, дворянскихъ собраній и гминныхъ собраній. Наконецъ, при особѣ монарха, для докладовъ ему по дѣламъ Царства Польскаго, сохраненъ былъ особый министръ-статсъ-секретарь въ Петербургѣ.

Если бы этотъ статутъ введенъ былъ въ дѣйствіе, Царство Польское и въ роли особой провинціи сохранило бы значительныя преимущества въ сравненіи съ остальными областями россійской имперіи, которыя, какъ извѣстно, не пользовались въ то время никакими политическими правами и не имѣли въ сущности никакого самоуправленія.

Но статутъ этотъ не былъ введенъ. Отказаться отъ его осуществленія на практикѣ правительству помогли первыя же попытки польскихъ революціонеровъ возобновить смуту, въ видѣ вышеупомянутаго заговора Заливскаго, послѣ котораго въ царствѣ рѣшено было сохранить, вмѣсто учрежденій, возвѣщенныхъ въ статутѣ, режимъ военнаго положенія, дѣйствовавшій затѣмъ до 1856 г.

Въ 1835 г. императоръ Николай лично посѣтилъ Варшаву и сказалъ здѣсь собравшимся представителямъ дворянства суровую рѣчь, обѣщая при первыхъ попыткахъ возмущенія разрушить Варшаву пушками возведенной на берегахъ Вислы цитадели. „Je detruirai Varsowie,—сказалъ онъ,—et certes ce ne sera pas moi qui la rebatirai!“ Затѣмъ послѣдовалъ рядъ мѣропріятій, явно направленныхъ къ постепенному уравненію Царства Польскаго съ остальными частями имперіи: въ 1837 г. дѣленіе царства на 8 воеводствъ замѣнено было дѣленіемъ его на губерніи, организованныя по типу русскихъ губерній (окончательно въ 1844 г.); въ 1839 г. образованъ былъ для надзора за польскими учебными заведеніями, среди которыхъ уже не было университета, закрытаго въ 1831 году, особый учебный округъ съ русскимъ попечителемъ во главѣ, подчиненный русскому министерству народнаго просвѣщенія; вмѣсто университета открыты въ 1840 г. особые дополнительные классы при варшавской гимназіи и юридическіе курсы въ Москвѣ и Петербургѣ спеціально для уроженцевъ Царства Польскаго; въ 1841 г. уничтоженъ государственный совѣтъ царства и открыты въ Варшавѣ IX и X департаменты русскаго правительствующаго сената, которымъ была передана часть дѣлъ прежняго государственнаго совѣта; тогда же введенъ счетъ денегъ на рубли и копейки (вмѣсто злотыхъ и грошей польскихъ), хотя, впрочемъ, обращавшаяся въ народѣ мелкая размѣнная монета, ранѣе выпущенная, оставалась въ обращеніи до 80-хъ гг.

Въ 1846 г. произведены были новыя попытки возстанія въ тѣхъ частяхъ Польши, которыя входили въ составъ Пруссіи и Австріи. Движеніе это, сдѣлавшее своимъ исходнымъ и опорнымъ базисомъ территорію вольнаго города Кракова, образованную вѣнскимъ конгрессомъ въ видѣ особой маленькой республики подъ общимъ протекторатомъ Россіи, Австріи и Пруссіи, стало развиваться главнымъ образомъ въ Галиціи. Австрійское правительство, руководимое престарѣлымъ кн. Меттернихомъ, рѣшилось направить противъ него крестьянское населеніе, такъ какъ оно хорошо знало ненависть этого послѣдняго къ угнетавшимъ его панамъ, противъ произвола которыхъ австрійское правительство и ранѣе брало крестьянъ подъ свою защиту (еще со времени Іосифа II). Начальство въ нѣкоторыхъ округахъ Галиціи дѣйствовало при этомъ открыто демагогически. Произошла кровавая рѣзня помѣщи-

ковъ и ихъ семей крестьянами, напомнившая по своей безпощадности времена Зализняка и Гонты. Шляхетскіе повстанческіе отряды были совершенно разстроены и потерпѣли быстрое и полное пораженіе. Послѣ этого краковская республика была уничтожена, и территорія ея, по соглашенію между Россіей, Пруссіей и Австріей, присоединена къ этой послѣдней.

Императоръ Николай, считавшій себя, какъ извѣстно, главнымъ охранителемъ общественнаго порядка и установленныхъ властей въ Европѣ, не сочувствовалъ, однако, тому методу усмиренія возстанія, который пустило на этотъ разъ въ ходъ правительство Меттерниха. Русское начальство въ пограничныхъ съ Австріей мѣстностяхъ, пропуская черезъ границу семейства помѣщиковъ, преслѣдуемыхъ озвѣрѣвшими крестьянами, не пропускало этихъ послѣднихъ и такимъ образомъ оказало даже нѣкоторую охрану избиваемой шляхтѣ противъ бросившихся на нее крестьянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти событія заставили императора Николая спѣшно поднять и пересмотрѣть вопросъ объ отношеніяхъ между помѣщиками и крестьянами въ Царствѣ Польскомъ. Результатомъ этого пересмотра явился чрезвычайно важный указъ 26 мая 1846 года, впервые серьезно ограничившій хозяйственный произволъ польскихъ помѣщиковъ по отношенію къ сидѣвшимъ на ихъ земляхъ номинально свободнымъ, но совершенно безправнымъ крестьянамъ. По этому, столь внезапно изданному, закону положеніе крестьянъ, сидѣвшихъ на помѣщичьихъ земляхъ и обрабатывавшихъ ихъ за произвольно налагавшіяся на нихъ повинности, было радикально измѣнено къ лучшему. Правда, законъ этотъ, изданный, какъ предварительная мѣра „впредь до изданія общаго закона объ устройствѣ поселянъ", бралъ подъ свою защиту не всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ, а лишь тѣхъ изъ нихъ, которые, сидя на помѣщичьей землѣ, обрабатывали для себя не менѣе 3 морговъ ($1^1/_2$ дес.) земли. Такихъ крестьянъ,—а ихъ было всетаки большинство,—отнынѣ запрещалось сгонять съ ихъ участковъ, пока они исправно отбываютъ лежащія на нихъ повинности, а также перемѣнять или уменьшать отведенные каждому крестьянину участки и угодія или увеличивать отбываемыя за нихъ повинности. Напротивъ, крестьяне могли переселяться попрежнему куда угодно (согласно декрету 1807 г.), соблюдая лишь установленный полицейскій порядокъ и предваривъ помѣщика за 3 мѣсяца до начала хозяйственнаго года. Слѣдующая статья указа обязывала помѣщика водворять на каждый оставляемый крестьяниномъ участокъ не позднѣе 2 лѣтъ новаго поселенца, отнюдь не присоединяя такихъ участковъ („пустокъ") къ собственнымъ господскимъ полямъ. Указъ уничтожалъ также всѣ дополнительныя произвольныя повинности, такъ называемыя „даремщины", „принудительные наймы" и т. п. Исполненіе этого указа возложено было на намѣстника и совѣтъ упра-

вленія, причемъ послѣднему поручалось выработать особыя правила для рѣшенія упрощеннымъ порядкомъ всѣхъ споровъ между помѣщиками и крестьянами, а также слѣдить, чтобы административныя власти оказывали помѣщикамъ необходимую помощь и покровительство въ тѣхъ случаяхъ, когда они пожелаютъ заключить со своими крестьянами сдѣлку объ „очиншеваніи", т.-е. о переводѣ ихъ съ барщины на оброкъ, причемъ такія сдѣлки должны были разсматриваться какимъ-либо высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ по назначенію совѣта управленія.

Такъ совершено было безъ всякаго подготовленія, внезапно, огромной важности дѣло, въ иныхъ странахъ требовавшее для своего проведенія долгихъ и многолѣтнихъ усилій. Слабая сторона указа заключалась въ томъ, что проводить эту мѣру въ жизнь пришлось поручить мѣстной администраціи, которая въ низшихъ своихъ степеняхъ принадлежала на вотчинномъ правѣ помѣщику и вообще вся сверху до низа была по своему составу шляхетская, отчего впослѣдствіи и оказалось въ исполненіи этого закона немало злоупотребленій и упущеній.

Волненія 1846 года въ Познани и Галиціи были прелюдіей къ тому революціонному взрыву, который послѣдовалъ въ Австріи и Пруссіи повсемѣстно вслѣдъ за парижской февральской революціей 1848 г. Въ Познани были выпущены народомъ посаженные въ 1846 г. въ тюрьму польскіе революціонеры Либельтъ и Мѣрославскій, причемъ народъ носилъ ихъ на рукахъ по улицамъ города и требовалъ войны съ Россіей, какъ съ главнымъ оплотомъ деспотизма. Движеніе охватило всѣ вошедшія въ составъ Пруссіи земли прежней „Ржечи Посполитой". Однако въ этихъ провинціяхъ вскорѣ обнаружился значительный антагонизмъ между польскимъ и нѣмецкимъ ихъ населеніемъ, причемъ на сторону послѣдняго становились и мѣстные евреи. Движеніе было быстро подавлено, и франкфуртскій парламентъ хотѣлъ даже, согласно домогательствамъ познанскихъ и поморскихъ нѣмцевъ, отдѣлить отъ западной Пруссіи и отъ познанской провинціи рядъ округовъ съ преобладающимъ, по ихъ вычисленію, нѣмецкимъ населеніемъ и соединить эти округа съ сосѣдними нѣмецкими землями. Проектъ этотъ не получилъ осуществленія лишь потому, что Фридрихъ-Вильгельмъ IV отказался вообще признать постановленія франкфуртскаго парламента. Затѣмъ, когда въ Пруссіи введена была конституція, то дѣйствіе ея распространилось и на польскія провинціи, не сообщая имъ, впрочемъ, при этомъ отнюдь бо́льшей самостоятельности.

Въ Галиціи движеніе 1848 г. сосредоточилось главнымъ образомъ въ большихъ городахъ, Краковѣ и Львовѣ, и это обстоятельство замѣтно отразилось на формулировкѣ тѣхъ революціонныхъ требованій, которыя были выражены въ адресахъ представителей львовскаго и краковскаго населенія. Въ адресахъ этихъ общія либерально-демократиче-

скія требованія преобладали надъ національными-польскими. Въ числѣ первыхъ выставлены были такія, какъ полное уничтоженіе барщины, которую помѣщики будто бы согласились отмѣнить безвозмездно, въ видѣ дара своимъ прежнимъ крѣпостнымъ, и полное уравненіе въ правахъ жителей всѣхъ сословій, демократическое представительство, уничтоженіе цензуры, образованіе національной гвардіи для охраны общественнаго порядка и проч. Въ числѣ вторыхъ на первомъ планѣ стояли: введеніе польскаго языка въ школахъ, судѣ и управленіи и установленіе отдѣльной администраціи края,—т.-е. того, что существовало, въ значительной мѣрѣ, даже и послѣ отмѣны конституціи 1815 г., въ Царствѣ Польскомъ,—а также замѣщеніе мѣстныхъ должностей мѣстными уроженцами и учрежденіе особого польскаго войска. Въ Австріи, которая была въ это время сильно потрясена возстаніями въ Венгріи и итальянскихъ областяхъ, съ революціоннымъ движеніемъ въ Галиціи правительство не могло такъ быстро справиться, какъ справилось съ таковымъ же прусское правительство въ Познани; но въ концѣ-концовъ оно было подавлено и здѣсь, причемъ австрійское правительство и на этотъ разъ ловко воспользовалось и соціальной рознью, существовавшей въ населеніи, и начавшимся русинскимъ движеніемъ, которое оно рѣшилось противопоставить польскому, беря русинъ подъ особое свое покровительство противъ поляковъ. Что же касается крестьянскаго вопроса, то, промолчавъ въ отвѣтѣ своемъ на адресъ относительно высказаннаго тамъ отъ имени помѣщиковъ желанія безвозмездно отмѣнить барщину, оно объявило затѣмъ особымъ указомъ императора объ уничтоженіи барщины, какъ бы по собственной его инициативѣ, на основахъ выкупа за счетъ казны. Наконецъ, когда венгерское возстаніе, въ которомъ принимали участіе и нѣкоторые изъ выдающихся польскихъ революціонныхъ вождей, было подавлено благодаря помощи, оказанной австрійцамъ императоромъ Николаемъ, то въ Австріи наступила снова полная реакція, и Галиціи опять пришлось переживать, по выраженію польскаго историка, „годы унынія, прострацiи и нужды“ [1]).

Впрочемъ, послѣ 1849 г. реакція распространилась въ Европѣ повсемѣстно, а въ Россіи сильнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, хотя Россія и не пережила въ 1848 г. никакихъ революціонныхъ потрясеній. Глухая реакція царила и въ русской Польшѣ вплоть до смерти императора Николая.

Что касается внутренняго состоянія каждой изъ частей прежней Польши, то за время, протекшее съ момента послѣдняго раздѣла, въ каждой изъ нихъ произошли значительныя перемѣны. Въ Галиціи, на-

---

[1]) *Wilhelm Feldman*. „Stronnictwa i programy polityczny w Galicyi. 1846—1906“. Kraków. I, 43.

ходившейся подъ властью бюрократическаго и реакціоннаго правительства Меттерниха и остававшейся все время страной почти исключительно земледѣльческой, внутренній бытъ населенія измѣнился всего менѣе, хотя въ отношеніи крестьянъ здѣсь были проведены весьма существенныя преобразованія, начавшіяся еще при Іосифѣ II и завершившіяся упраздненіемъ барщины съ сохраненіемъ за крестьянами нѣкоторыхъ земельныхъ надѣловъ. Германизація населенія, несмотря на введеніе здѣсь съ самаго начала нѣмецкаго языка въ школахъ, судѣ и администраціи, мало дала результатовъ. Но вмѣсто того, сперва стараніями самой австрійской администраціи, постоянно руководившейся здѣсь принципомъ „divide et impera", а затѣмъ въ силу начавшаго просыпаться среди русинъ національнаго сознанія, здѣсь выдвинулся послѣ 1848 г. новый вопросъ—русинскій, которому суждено было получить впослѣдствіи сильное развитіе и кончиться отвоеваніемъ у польской общественности и культуры восточной половины Галиціи.

Въ польскихъ областяхъ Пруссіи устройство крестьянъ на основахъ штейнъ-гарденберговскаго законодательства началось еще съ 20-хъ годовъ XIX столѣтія; вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь еще ранѣе была пущена въ ходъ нѣмцами весьма планомѣрно и хитро разсчитанная система германизаціи, принесшая значительные плоды. Пруссаки, получивъ въ свое обладаніе польскія земли, не ограничились, подобно австрійцамъ, введеніемъ здѣсь нѣмецкой администраціи и нѣмецкаго языка въ школахъ. Они съ самаго же начала ревностно принялись вытѣснять поляковъ, особенно тамъ, гдѣ нѣмцы начали водворяться еще со времени „Ржечи Посполитой" (какъ, наприм., въ западной Пруссіи), съ самой земли, стараясь всѣми способами усилить здѣсь нѣмецкую колонизацію и нѣмецкое землевладѣніе. На-ряду съ землевладѣніемъ они усиленно насаждали здѣсь и промышленность, и благодаря ихъ усиліямъ, внутренній бытъ этой страны уже къ серединѣ XIX столѣтія совершенно преобразовался. Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ остальныхъ частяхъ Польши, развилось капиталистическое производство и буржуазія, а само польское общество закалилось мало-по-малу въ повседневной борьбѣ съ нѣмцами, причемъ центръ тяжести въ этой борьбѣ перемѣстился: непосредственнымъ предметомъ борьбы уже стали здѣсь не политическіе вопросы и не иллюзорные политическіе идеалы, основанные на болѣе или менѣе легендарныхъ представленіяхъ о прошломъ „Исторической Польши", а самые насущные жизненные интересы—культурные и экономическіе. И хотя нѣмцы, особенно на первыхъ порахъ, здѣсь много успѣли отвоевать у поляковъ на этомъ поприщѣ, но зато и полякамъ эта перемѣна предмета борьбы и ея формъ дала много—она послужила здѣсь къ выработкѣ совсѣмъ иного типа культурнаго поляка, нежели прежній, шляхетскій типъ, и подготовила возможность

иной національной идеологіи, опирающейся не на иллюзорныя, а на реальныя данныя.

Въ Царствѣ Польскомъ до 1830 г., какъ уже было отмѣчено, обрабатывающая промышленность превосходно развивалась, благодаря въ значительной мѣрѣ тому льготному таможенному положенію, которое установлено было русскимъ правительствомъ вскорѣ послѣ образованія царства. Правда, уничтоженная въ 1819 г. таможенная граница между имперіей и царствомъ была въ 1822 году возстановлена, и на вывозимые изъ Польши, какъ и привозимые изъ имперіи въ Польшу, товары (кромѣ сырья обѣихъ странъ) наложены были нѣкоторыя пошлины; но пошлины на тѣ товары, которые вывозились изъ Польши (въ особенности на сукна), были установлены весьма умѣренныя, тогда какъ хлопчатобумажныя ткани, привозимыя изъ Россіи въ Польшу, были обложены гораздо болѣе значительною пошлиною. Польскія сукна шли въ это время не только въ Россію, но и транзитомъ черезъ Россію въ Китай и Среднюю Азію, причемъ до 1825 г. сохранялись очень льготныя условія транзита для польскихъ суконъ, не только производимыхъ въ Царствѣ Польскомъ, но и въ польскихъ областяхъ Пруссіи. Когда же въ 1825 г. льготы для этихъ послѣднихъ были уничтожены, то цѣлый рядъ фабрикантовъ изъ Познани переселились въ Царство Польское вмѣстѣ со своими рабочими и перенесли туда свои фабрики. [1]) Послѣ 1811 г. Царству Польскому пришлось въ экономическомъ отношеніи пережить довольно трудные годы. Польская казна, сверхъ значительной контрибуціи, наложенной на нее послѣ подавленія возстанія (22 мил. руб. золотомъ), должна была тратить значительныя средства, особенно въ первые годы послѣ возстанія, на содержаніе 100-тысячной русской арміи въ Польшѣ. Въ то же время въ 1831 г. былъ рѣзко измѣненъ, къ невыгодѣ Польши, и таможенный тарифъ. Русскій рынокъ вслѣдствіе этого значительно сузился, а вывозъ польскихъ суконъ въ Кяхту почти совсѣмъ прекратился. Общій вывозъ товаровъ изъ Польши сократился тогда почти въ четыре раза, а привозъ русскихъ товаровъ значительно увеличился. Но обрабатывающая промышленность въ Царствѣ Польскомъ къ тому времени настолько уже окрѣпла, что она выдержала этотъ кризисъ довольно стойко, и одинъ изъ изслѣдователей ея исторіи—покойный проф. Янжулъ—находилъ даже, что затрудненія эти имѣли для нея и полезное дѣйствіе, заставивъ польскихъ фабрикантовъ ввести въ свои производства много серьезныхъ техническихъ улучшеній. [2]) Въ то же

---

[1]) Срав. *Smolka*. „Polityka Lubeckiego“. W Krakowie. 1907. 2 тома. Проф. *К. І. Воблый*. „Очерки по исторіи польской фабричной промышленности“, т. I, Кіевъ, 1909 г. *К. Лодыженскій*. „Исторія русскаго таможеннаго тарифа“. Спб., 1886 г. *Я. Иллиничъ*. „Очеркъ развитія польской промышленности. В., 1900 г.

[2]) *И. И. Янжулъ*. „Историческій очеркъ развитія фабрично-заводской промышленности въ Царствѣ Польскомъ“.

время начавшійся тогда переходъ къ денежному хозяйству въ сферѣ сельской промышленности положилъ начало образованію внутренняго рынка, который обусловилъ развитіе хлопчатобумажной промышленности, сдѣлавшей, какъ разъ въ сороковые и пятидесятые годы, крупные успѣхи въ краѣ. Въ то же время значительное развитіе получили здѣсь производства: винокуренное, мукомольное, свеклосахарное, кожевенное, пиво- и медоваренное, а также желѣзодѣлательное, механическое и машиностроительное. Общій ростъ стоимости производства по имѣющимся, довольно, впрочемъ, неточнымъ, статистическимъ даннымъ представляетъ такую картину:

Въ 1845 г.	общая	стоимость	производства	была	9,8	мил.	руб.
„ 1857 „	„	„	„	„	21,3	„	„
„ 1864 „	„	„	„	„	50,0	„	„ [1])

Въ 1851 г. таможенная граница между Россіей и Царствомъ Польскимъ была окончательно уничтожена, причемъ былъ изданъ новый общій для имперіи и Царства Польскаго тарифъ, выработанный извѣстнымъ экономистомъ Тенгоборскимъ при дѣятельномъ участіи представителя администраціи царства тайн. сов. Моравскаго; всѣ замѣчанія послѣдняго, клонившіяся къ обезпеченію выгодъ польской промышленности, были приняты во вниманіе. [2])

III.

Въ 1856 г., когда, послѣ вступленія на престолъ Александра II и окончанія неудачной крымской войны, въ Россіи повѣяло новымъ духомъ, то и въ Царствѣ Польскомъ естественно общество стало выходить изъ того состоянія прострацін и оцѣпенѣнія, въ которомъ оно пребывало послѣдніе годы николаевскаго царствованія. Здѣсь это оказалось тѣмъ болѣе возможнымъ, что, вслѣдъ за смертью императора Николая, умеръ въ январѣ 1856 г. и его полномочный намѣстникъ Паскевичъ, а на его мѣсто назначенъ былъ мягкій, нерѣшительный и недальновидный кн. М. Д. Горчаковъ, — тотъ самый, которому судьба судила только что передъ тѣмъ сдать Севастополь. [3])

---

[1]) *Zaleński.* „Statistyka porównawcza królewstwa polskiego", стр. 172. Цитирую по ст. г. *Иллинича* „Очерки развитія польской промышленности".

[2]) Весьма интересную исторію разработки этого тарифа см. у г. *Лодыженскаго* „Исторія русскаго таможеннаго тарифа", стр. 239 и слѣд.

[3]) Впрочемъ, какъ свидѣтельствуютъ польскіе историки, подъемъ надеждъ среди польскаго общества начался уже и ранѣе,—какъ только началась русско-турецкая война и въ особенности съ момента составленія противъ Россіи коалиціи изъ Франціи, Англіи и Турціи, къ которымъ потомъ присоединилась и Сардинія. Извѣстенъ фактъ сформированія въ 1854 г. особаго „польскаго" легіона подъ начальствомъ Чайковскаго

Александръ II, правда, не особенно поощрялъ надежды, пробудившіяся въ полякахъ съ его воцареніемъ. Пріѣхавъ въ Варшаву въ 1856 году, онъ сказалъ имъ строгую рѣчь, основной нотой которой былъ предостерегающій окрикъ: „point de rêveries!“ „Сохраняя,—сказалъ Александръ,—права и учрежденія такими, какъ они были даны моимъ отцомъ, я хочу обезпечить этому краю все, что можетъ ему быть на пользу, все, что мой отецъ ему предоставилъ и пожаловалъ...“, а въ концѣ прибавилъ: „а если потребуются строгости, я сумѣю быть строгимъ и буду строгимъ“. Поляки этой рѣчи не вняли, и движеніе стало разрастаться, по мѣрѣ того, какъ открывалась къ тому возможность. Амнистія вернула въ страну многихъ ссыльныхъ и эмигрантовъ и, разумѣется, увеличила этимъ силы движенія, которое, впрочемъ, росло и развертывалось параллельно съ общественнымъ движеніемъ, разраставшимся и въ Россіи. Князь Горчаковъ и унаслѣдованный имъ отъ Паскевича его ближайшій помощникъ по гражданскимъ дѣламъ директоръ комиссіи внутреннихъ дѣлъ и въ то же время попечитель учебнаго округа Мухановъ, ненавистный полякамъ, какъ живой представитель режима Паскевича, думали однако, что поляковъ можно успокоить небольшими уступками, которыя дали бы нѣкоторый исходъ накопившейся общественной энергіи. Въ этихъ видахъ образовано было земледѣльческое общество, въ которое сразу же записалось до 3,000 членовъ, и этому обществу переданъ былъ на обсужденіе крестьянскій вопросъ. Немудрено, что въ той атмосферѣ общественнаго возбужденія, которая быстро сгущалась въ это время, общество это скоро почувствовало себя чуть ли не суррогатомъ парламента. Во главѣ его сталъ человѣкъ, твердо державшійся взглядовъ „бѣлой“ умѣренной фракціи,— одинъ изъ вліятельнѣйшихъ польскихъ аристократовъ, гр. Андрей Замойскій, родной братъ того Замойскаго, который завѣдывалъ „военнымъ

(Садыкъ-паши) въ Добруджѣ, хотя въ легіонѣ этомъ поляки дали лишь офицеровъ, а рядовые въ немъ были самаго разноплеменнаго происхожденія. Извѣстно также, что графъ Владиславъ Замойскій убѣдилъ англійское правительство согласиться на доставленіе поляками въ Крымъ особой польской дивизіи; но пока она формировалась, осада Севастополя кончилась. Извѣстно, наконецъ, что кн. Адамъ Чарторыйскій усиленно совѣтовалъ Наполеону III перенести войну къ границамъ польскихъ губерній, но исполнить этотъ совѣтъ было довольно трудно при нейтралитетѣ Германіи и Австріи. Наполеонъ, однако, очень внимательно относился къ совѣтамъ Чарторыйскаго и охотно поддерживалъ съ нимъ сношенія, а при переговорахъ о мирѣ въ 1856 г. усиленно пытался припутать польскій вопросъ, но не успѣлъ въ этомъ, вслѣдствіе равнодушнаго отношенія къ нему Англіи и рѣшительнаго отпора русскаго посла кн. А. Ѳ. Орлова, не допустившаго даже постановки этого вопроса на обсужденіе конференціи. Срав. *Prof. d-r Anatol Lewicki.* „Zarys historyi polskiej aż do najnowczych czasów“ (wyd. 5-e), W. 1913, стр. 495 и слѣд., а также переговоры о мирѣ послѣ крымской войны у *Татищева*, „Александръ II, его жизнь и царствованіе“, т. 1-й, стр. 203 (изд. I-е).

кабинетомъ" въ парижскомъ дворцѣ „Lambert" князя Адама Чарторыйскаго. Андрей Замойскій хотя и не принадлежалъ къ числу эмигрантовъ и послѣ возстанія 1831 г., въ которомъ онъ принималъ участіе, остался въ краѣ, но онъ, однако, несомнѣнно принадлежалъ къ числу тѣхъ поляковъ, про которыхъ можно было сказать, какъ про старыхъ французскихъ эмигрантовъ, что они „ничего не забыли и ничему не научились въ изгнаніи". При всей внѣшней выдержанности и умѣренности его поведенія, онъ проводилъ въ сущности старинную шляхетскую программу, т.-е. программу наименѣе осуществимую. Онъ желалъ возстановленія Польши непремѣнно въ границахъ 1772 г. и не желалъ никакихъ сколько-нибудь серьезныхъ соціальныхъ преобразованій. Въ крестьянскомъ вопросѣ онъ стоялъ на точкѣ зрѣнія добровольнаго „очиншеванія" крестьянъ, т.-е. перевода крестьянъ съ барщины на оброкъ по добровольнымъ договорамъ съ ними помѣщиковъ. Относительно же русскаго правительства онъ твердо держался мнѣнія, что его нужно во всѣхъ случаяхъ игнорировать и отнюдь не обращаться къ нему ни съ какими ходатайствами или заявленіями. Когда его убѣдили однажды, послѣ кроваваго столкновенія на улицѣ толпы съ войсками, поѣхать объясняться съ намѣстникомъ, то на вопросъ Горчакова, что же дѣлать, онъ, послѣ нѣкотораго раздумья, спокойно отвѣчалъ: „оставить край!"

Кромѣ предводимой Замойскимъ умѣренной „бѣлой" партіи, была въ Варшавѣ и „красная" демократическая партія, сложившаяся частью изъ остатковъ тѣхъ наиболѣе безпокойныхъ и крайнихъ элементовъ, которые принимали участіе въ революціонныхъ попыткахъ 1846 и 1848 гг., частью изъ молодыхъ радикаловъ „хлопоманскаго" оттѣнка, явившихся главнымъ образомъ изъ кіевскаго университета. Партія эта не имѣла съ народными массами никакихъ фактическихъ связей, но она желала привлечь массы на свою сторону. Политическіе ея идеалы мало отличались по существу отъ идеаловъ „бѣлой" партіи, потому что и для нея въ этомъ отношеніи во главѣ угла стояло возстановленіе Польши непремѣнно въ границахъ 1772 г. и притомъ на основахъ конституціи 3 мая 1791 г. Но она понимала, что достигнуть успѣха движенія безъ содѣйствія народныхъ массъ, при ихъ безучастіи, а подчасъ и враждебности, невозможно; она убѣдилась въ этомъ горькимъ опытомъ всѣхъ предыдущихъ возстаній, она видѣла, какъ австрійское правительство ловко пускало въ ходъ, когда оно чувствовало себя въ опасности, аграрный вопросъ. Состоя изъ людей рѣшительныхъ и склонныхъ къ крайнимъ способамъ дѣйствій, широко примѣняя впослѣдствіи террористическія мѣры, партія эта рѣшилась потребовать отъ помѣщиковъ, чтобы они отдали крестьянамъ всю ту землю, которой крестьяне пользовались за повинности, безвозмездно отказавшись отъ всякихъ повин-

ностей со стороны крестьянъ. Но при этомъ они требовали и отъ крестьянъ за эти льготы непосредственнаго участія въ возстаніи. Въ сущности и среди помѣщиковъ мысль о необходимости перетянуть на свою сторону крестьянъ дѣлала значительные успѣхи; и въ земледѣльческомъ обществѣ, при обсужденіи крестьянской реформы, Андрей Замойскій остался въ концѣ-концовъ въ меньшинствѣ, и тамъ восторжествовала если не крайняя точка зрѣнія красныхъ демократовъ, то точка зрѣнія давняго и искренняго защитника крестьянскихъ интересовъ среди польскихъ магнатовъ — Ѳомы Потоцкаго, извѣстнаго въ литературѣ подъ псевдонимомъ Адама Кржиштопора, который предлагалъ укрѣпить за крестьянами ихъ надѣлы въ собственность при помощи выкупа повинностей.

Могущественную помощь революціонному движенію оказывало католическое духовенство, стремившееся возстановить населеніе противъ русскихъ, какъ противъ схизматиковъ и враговъ католической вѣры.

Съ 1861 г. движеніе начало выражаться въ уличныхъ демонстраціяхъ, которыя вскорѣ привели къ столкновенію съ войсками. Послѣ перваго же такого столкновенія Горчаковъ совершенно растерялся. Продолжая искать путей мирнаго исхода движенія при помощи какихъ-либо палліативныхъ уступокъ, онъ спѣшно выработалъ программу реформъ, сводившихся въ общемъ къ установленію въ Царствѣ Польскомъ того порядка управленія, который возвѣщенъ былъ въ органическомъ статутѣ 1832 г. Предложить это было тѣмъ легче, что статутъ этотъ, обнародованный Николаемъ, могъ быть подведенъ подъ ту часть рѣчи Александра II въ 1856 году, въ которой онъ обѣщалъ не отступать отъ учрежденій, дарованныхъ его отцомъ. Съ этой программой реформъ Горчаковъ послалъ въ Петербургъ одного изъ своихъ близкихъ сотрудниковъ, статсъ-секретаря Карницкаго, и программа была принята въ Петербургѣ сочувственно. Но не успѣлъ Карницкій вернуться въ Варшаву, какъ Горчаковъ нашелъ неожиданно человѣка, на котораго онъ могъ, какъ ему показалось, вполнѣ опереться и который представилъ ему гораздо болѣе глубоко обдуманный и обоснованный планъ дѣйствій, нежели тотъ, съ которымъ онъ отправилъ Карницкаго. Планъ этотъ былъ изложенъ въ запискѣ, представленной Горчакову, оберъ-прокуроромъ сената Энохомъ, но настоящимъ составителемъ записки оказался одинъ изъ польскихъ магнатовъ, маркизъ Велепольскій; по крайней мѣрѣ, Энохъ указалъ на него, какъ на человѣка, который взялся бы проводить изложенную въ запискѣ программу и обладалъ нужными для этого данными. Маркизъ Велепольскій тотчасъ же былъ вызванъ изъ своей деревни въ Варшаву, программа его была принята Горчаковымъ и одобрена петербургскимъ правительствомъ, а самъ маркизъ назначенъ былъ, по его собственному желанію, директоромъ спѣш-

но возстановленной комиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, причемъ отдѣльный учебный округъ былъ уничтоженъ.

Маркизъ Велепольскій былъ личностью весьма своеобразной и крупной. [1]) Еще въ 1830 году, молодымъ человѣкомъ, онъ былъ посланъ кн. Адамомъ Чарторыйскимъ съ дипломатическимъ порученіемъ въ Лондонъ, но эта поѣздка его не увѣнчалась успѣхомъ. Впервые онъ ярко выдѣлился въ своей средѣ въ 1846 году, когда, возмущенный устроенной или, по крайней мѣрѣ, допущенной австрійскимъ правительствомъ рѣзней помѣщиковъ крестьянами въ Галиціи, онъ опубликовалъ открытое письмо къ кн. Меттерниху, въ которомъ, обличая коварство и гнусность его политики, противопоставлялъ ему русскаго императора, „державнаго владыку сѣвера“, какъ рыцаря строгаго, но прямодушнаго, какъ дворянина, какъ монарха, „который никогда не отчуждалъ правъ своихъ въ руки разбойниковъ“. Онъ убѣждалъ шляхту свободно, не въ силу присяги, а по доброй волѣ и убѣжденію, подчиниться императору Николаю и доказывалъ, что „въ сознаніи славянскаго единства“ должны быть потоплены старыя ненависти, раздѣляющія поляковъ и русскихъ, что рѣшимость честно служить Россіи тотчасъ же создастъ полякамъ равноправное съ русскими положеніе въ имперіи; что „польскому дворянству выгоднѣе стать вмѣстѣ съ русскими во главѣ новой, сильной и имѣющей великую будущность славянской цивилизаціи, нежели быть толкаемымъ, презираемымъ, ненавидимымъ и тащиться позади за вашею (т.-е. кн. Меттерниха) цивилизаціею, которая дряхла, придирчива и самоувѣренна“. Это письмо не получило въ то время большой извѣстности, а въ рядахъ польскихъ эмигрантовъ и дѣятелей вызвало нѣкоторую сенсацію, но отнюдь не сочувствіе. Но Велепольскій не терялъ надежды когда-нибудь увлечь за собой своихъ соотечественниковъ. Когда началась крымская война, онъ призналъ правильнымъ отправить въ ряды русскаго войска сына своего Сигизмунда, и это очень испортило его отношенія съ польскими патріотами. Попытка найти съ ними общую почву или, точнѣе говоря, увлечь ихъ за собой, когда началось движеніе въ концѣ 50-хъ годовъ, потерпѣла fiasco; маркизу пришлось даже отказаться отъ участія въ земледѣльческомъ обществѣ. Характера онъ былъ непреклоннаго, тяжелаго и въ то же время страстнаго. Когда онъ окончательно убѣдился въ невозможности увлечь за собой мятущееся польское дворянство, онъ рѣшилъ лично отъ себя предложить свои услуги русскому правительству, надѣясь по-своему повернуть движеніе и вывести на надлежащую дорогу страну, получивъ въ свои руки власть.

---

[1]) *В. Д. Спасовичъ.* „Жизнь и политика маркиза Велёпольскаго“. Спб., 1882 г. *H. Lisicki.* „Alexander Wielopolski“, 4 t. Kraków, 1878—1879.

Программа, предложенная имъ правительству, заключалась въ томъ, что онъ совѣтовалъ опереться на опредѣленные общественные элементы въ краѣ. Въ запискѣ, поданной Горчакову Энохомъ и составленной, по утвержденію Спасовича, Велепольскимъ, указывалось, что правительство не можетъ опираться на одну только матеріальную силу; что въ данномъ случаѣ нельзя опираться и на массы, потому что массы,—подъ ними, очевидно, разумѣлись широкіе слои шляхты и городского населенія, но отнюдь не крестьяне,—не удовлетворятся никакими реформами правительства, а потребуютъ безусловной независимости Польши или, по крайней мѣрѣ, чисто личной ея связи, притомъ въ *прежнихъ границахъ,* съ Россійскою имперіею. Записка предлагала поэтому опереться на имущественные классы, вліятельные по своему общественному положенію, богатству, высшей образованности, состоящіе изъ помѣщиковъ, чиновниковъ и вообще зажиточныхъ классовъ населенія. Составитель записки не скрывалъ, впрочемъ, что ихъ вполнѣ удовлетворить или привязать также нѣтъ возможности, „потому что въ своихъ задушевныхъ пожеланіяхъ они заодно съ массами. Но и съ другой стороны эти классы чувствуютъ, сколько они потеряютъ при насильственномъ ниспроверженіи порядка, и понимаютъ, что они будутъ обойдены (движеніемъ?). Они кинутся въ движеніе, только потерявъ всякую надежду улучшить свою участь. Можно бы мудрыми реформами помѣшать этимъ классамъ принять участіе въ движеніи, затѣянномъ горячими головами. Нѣтъ надобности въ томъ, чтобы эти реформы были черезчуръ широкія“. [1])

Таковъ былъ этотъ, очевидно, совершенно ненадежный фундаментъ, на который предлагалъ опереться Велепольскій. Въ сущности, судя по всей его послѣдующей дѣятельности и по содержанію разработанныхъ имъ проектовъ реформъ, онъ хотѣлъ бы опереться на буржуазію. Но буржуазіи въ собственномъ смыслѣ, отдѣльной отъ помѣщичьяго класса, онъ не находилъ въ тогдашнемъ польскомъ обществѣ и потому впослѣдствіи особенно старался ее образовать, вводя въ ея составъ богатый еврейскій торгово-промышленный классъ, для чего онъ и хлопоталъ съ большою энергіею о введеніи въ царствѣ еврейскаго равноправія. Будучи самъ съ головы до ногъ помѣщикомъ и магнатомъ, онъ хлопоталъ объ образованіи сильной буржуазіи потому, что со шляхтою онъ издавна разстроилъ свои отношенія и потерялъ надежду сорганизовать ее по-своему. Реформы, которыя Велепольскій имѣлъ въ виду провести въ административной системѣ Царства Польскаго въ ближай-

---

[1]) *Спасовичъ,* н. соч., стр. 70. Содержаніе этой записки въ сущности гораздо слабѣе всего послѣдующаго размаха законодательной дѣятельности маркиза Велепольскаго. Ср. *Lisickiego* op. cit., t. II, стр. 39.

шее время, сводились, въ сущности, къ возстановленію или, точнѣе говоря, къ подробной разработкѣ и введенію въ дѣйствіе органическаго статута 1832 г., и въ этомъ отношеніи его планъ мало чѣмъ разнился отъ той программы, съ которой былъ посланъ въ Петербургъ статсъ-секретарь Карницкій. Но онъ этимъ не ограничивался: онъ хотѣлъ ввести коренныя преобразованія въ положеніе самого общества польскаго и отдѣльныхъ классовъ населенія Царства Польскаго. Въ этомъ отношеніи имѣли существенное значеніе: 1) развитіе въ національномъ духѣ системы народнаго просвѣщенія, 2) тщательная разработка системы мѣстнаго самоуправленія—отъ гминныхъ и городскихъ учрежденій до провинціальныхъ штатовъ (ландтага) включительно—на основахъ имущественно-буржуазнаго принципа, 3) довольно радикальное разрѣшеніе еврейскаго вопроса, въ смыслѣ почти полнаго равноправія, но съ тѣмъ, чтобы евреи признавали себя поляками моисеева закона, и 4) разрѣшеніе крестьянскаго вопроса въ очень умѣренномъ духѣ—на началахъ очиншеванія, т.-е. замѣны барщины тѣмъ или инымъ видомъ денежныхъ повинностей, но безъ разрыва связи между крестьянами и помѣщиками [1]).

Таковы были въ самыхъ общихъ чертахъ реформы, задуманныя Велепольскимъ. Въ конечномъ счетѣ онъ имѣлъ въ виду проложить, такимъ образомъ, путь къ возстановленію полной автономіи и возвращенію конституціи 1815 г., но при этомъ хотѣлъ существенно преобразовать и самое общество польское. Съ „красными“ революціонерами онъ думалъ справиться путемъ безпощадной репрессіи, а „бѣлыхъ“ не терялъ надежды перетянуть въ значительномъ числѣ на свою сторону. Принявъ въ этихъ цѣляхъ должность директора комиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, онъ фактически объединилъ въ своихъ рукахъ также руководство комиссіями юстиціи и внутреннихъ дѣлъ и съ кипучей энергіей приступилъ къ разработкѣ соотвѣтствующихъ законопроектовъ.

Работа его подвигалась съ блестящимъ успѣхомъ; но въ осуществленіи своихъ политическихъ замысловъ онъ встрѣтилъ въ самомъ польскомъ обществѣ непреодолимыя затрудненія, которыя осложнились еще и рядомъ внѣшнихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, вродѣ, напримѣръ, быстрой смѣны намѣстниковъ Царства Польскаго, изъ которыхъ большая часть вовсе не одобряли его политики. Кн. Горчаковъ умеръ весной 1861 г.; на его мѣсто прибылъ тупой и необразованный, но въ то же время упрямый Сухазанетъ; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ былъ замѣщенъ любезнымъ и деликатнымъ, но мало подготовленнымъ къ своей должности гр. Ламбертомъ, намѣстничество котораго

[1]) *Спасовичъ*, назв. соч., стр. 164 и слѣд.

быстро закончилось личной катастрофой (столкновенiемъ и американской дуэлью съ его ближайшимъ помощникомъ генераломъ Герштенцвейгомъ); затѣмъ опять временно исполнялъ обязанности намѣстника Сухазанетъ и, наконецъ, послѣ него генералъ Лидерсъ, уже не заставшiй Велепольскаго въ Варшавѣ,—все это въ теченiе одного года. Но гораздо бо́льшiя затрудненiя испытывалъ Велепольскiй въ сношенiяхъ своихъ съ обществомъ. Прежде всего онъ вызвалъ рѣзкую оппозицiю противъ себя всего подчиненнаго ему духовенства, которое онъ оттолкнулъ отъ себя первою же своею властною и дышащею внутреннею силою рѣчью, которой онъ прямо показалъ, что не потерпитъ никакого участiя духовенства въ различныхъ демонстрацiяхъ и манифестацiяхъ революцiоннаго характера. Затѣмъ ему пришлось совершенно разочароваться въ надеждахъ своихъ привлечь на свою сторону заправилъ земледѣльческаго общества съ гр. Андреемъ Замойскимъ во главѣ, который не только уклонился отъ всякаго соучастiя въ замышлявшихся Велепольскимъ преобразованiяхъ и въ возстановленныхъ высшихъ правительственныхъ учрежденiяхъ края, но проявлялъ хотя и пассивную, но явную оппозицiю его дѣятельности.

Между тѣмъ на улицахъ Варшавы начались рѣзкiя проявленiя движенiя въ формѣ процессiй религiознаго характера, но съ явнымъ революцiоннымъ оттѣнкомъ, причемъ не только происходили столкновенiя съ войсками на улицахъ, но и въ костелахъ, завершившiяся закрытiемъ всѣхъ костеловъ духовною властью, послѣ чего произошла рѣзкая схватка съ войсками возлѣ королевскаго замка, въ которомъ жилъ намѣстникъ, въ результатѣ давшая до 200 убитыхъ и болѣе 400 раненыхъ. Все это происходило еще при Горчаковѣ, въ апрѣлѣ 1861 г. Когда же, послѣ его смерти, наступила непрерывная смѣна намѣстниковъ, со стороны которыхъ дѣятельность Велепольскаго встрѣчала массу мелкихъ препятствiй, то Велепольскiй, несмотря на успѣшное прохожденiе бо́льшей части его проектовъ въ законодательномъ порядкѣ въ Петербургѣ, призналъ невозможнымъ продолжать свою дѣятельность и, при вторичномъ появленiи Сухазанета, подалъ въ отставку.

Вызванный затѣмъ въ Петербургъ, онъ сумѣлъ, однако же, тамъ найти точку опоры для продолженiя своей политики въ сочувствiи, встрѣченномъ имъ въ высшихъ петербургскихъ сферахъ, въ особенности со стороны министра иностранныхъ дѣлъ князя А. М. Горчакова и великаго князя Константина Николаевича, причемъ послѣднiй самъ согласился отправиться въ Варшаву въ качествѣ намѣстника, а Велепольскому предложенъ былъ постъ начальника гражданскаго управленiя царства. Эта комбинацiя оказалась, однако же, запоздалой, какъ и вся дѣятельность Велепольскаго. Когда великiй князь и маркизъ явились въ Варшаву лѣтомъ 1862 г., то уже и бѣлая, а тѣмъ болѣе

красная партіи, на которыя дѣлилось теперь все общество, заняли вполнѣ непримиримыя позиціи. Красная партія вступила на путь террора, и правительству пришлось принять рядъ рѣзкихъ репрессивныхъ мѣръ, которыя, однако, не привели къ цѣли. Земледѣльческое общество было закрыто, гр. Андрей Замойскій высланъ былъ изъ Варшавы и уѣхалъ за границу. Послѣдняя мѣра, которую Велепольскій придумалъ, чтобы предупредить возстаніе, послужила, наоборотъ, сигналомъ къ его началу. Это былъ объявленный правительствомъ рекрутскій наборъ, при помощи котораго Велепольскій надѣялся убрать изъ городовъ наиболѣе горючіе элементы. Соотвѣтственно этой цѣли наборъ объявленъ былъ только въ городахъ, не касаясь сельскаго населенія. Но вмѣсто набора вспыхнуло возстаніе, начавшееся избіеніемъ русскихъ солдатъ въ казармахъ во время сна.

И великій князь, и Велепольскій принуждены были признать свою миссію неудавшейся. Усмирять возстаніе въ Царствѣ Польскомъ выпало на долю гр. Берга, въ Литвѣ, куда оно перекинулось,—на долю М. Н. Муравьева.

Къ политикѣ маркиза Велепольскаго русское правительство уже не возвращалось. Встрѣтивъ маркиза въ 1864 г. въ Берлинѣ, императоръ Александръ II сказалъ ему съ горечью: „nous avons été vaincus, marquis, nous avons été vaincus!“. Послѣ подавленія возстанія правительство русское обратилось къ иной системѣ политики въ Польшѣ, о которой мы поговоримъ въ слѣдующей статьѣ.

А. Корниловъ.

Китай и Россія.

Настроенія современнаго Китая.

Антимилитаристское теченіе.—Германская агитація.—Германское вліяніе въ Китаѣ.—Паденіе Циндао и прекращеніе германской агитаціи.—Попытки къ реставраціи Дайцинговъ.—Жизнь Дайцинговъ.—Протесты китайской печати противъ германскихъ варварствъ. — Крахъ германскаго дѣла въ Китаѣ. — Китайскіе руссофилы. — Реформы и возрожденіе.—Общество и Юань-Ши-кай.—Новая эра на Дальнемъ Востокѣ.—Китай и Россія.—Наша очередная и неотложная задача на Дальнемъ Востокѣ.

I.

Съ самыхъ первыхъ дней европейской войны Китай чрезвычайно чутко началъ реагировать на міровыя событія и этимъ самымъ опять рѣзко опровергъ ходячее представленіе о себѣ, какъ о странѣ, еще не разбуженной отъ многовѣковаго сна и находящейся лишь во власти полуразбойничьихъ и анархически-изувѣрскихъ сектъ и партій.

Внутренній духовный образъ этой въ высшей степени интересной и загадочной страны для насъ, европейцевъ, до самыхъ послѣднихъ дней остается очень смутнымъ. Въ нашемъ представленіи о Китаѣ послѣ великой китайской революціи произошло лишь незначительное измѣненіе, касающееся только внѣшней стороны, скользнувшее только поверхностно. Даже въ восточной Сибири, въ мѣстностяхъ, граничащихъ съ Китаемъ, и то въ представленіи о Китаѣ попрежнему много смѣшныхъ и наивныхъ неправильностей, порой чисто-анекдотическаго характера. Китайцы намъ представляются какими-то дикарями. Китайское искусство и китайская этика намъ неизвѣстны. Намъ все еще кажется, что великая китайская стѣна существуетъ, что „Запретный городъ“ еще живетъ своей таинственной жизнью и что между нами и китайцами нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго, что китайцы не интересуются тѣмъ, что находится за ихъ „великой стѣной“, и живутъ своей обособленной и мало интересной для насъ жизнью.

Однако, лишь только началась европейская война, лишь только заговорили пушки, лишь только раздались стоны первыхъ раненыхъ, какъ

„сонный“ Китай пробудился, какъ повсюду въ этой странѣ возникъ острый интересъ къ кровавымъ событіямъ, которыя скоро же перекинулись и сюда, въ, казалось бы, далекій отъ европейской войны Шаньдунь.

Самые первые дни войны настроеніе въ Китаѣ, правда, было неопредѣленное. Военная мощь Германіи въ Китаѣ представлялась чрезвычайно значительной, была вѣра въ культурную миссію Германіи, вспоминались всѣ ошибки, допущенныя по отношенію къ Китаю нами и нѣкоторыми изъ нашихъ союзниковъ, и все это, вмѣстѣ взятое, приводило къ тому, что въ китайской печати поднялась разноголосица. Въ эти дни въ Китаѣ даже раздались голоса, враждебные иностранцамъ. Но вскорѣ же настроеніе опредѣлилось, и въ Китаѣ возникло яркое антимилитаристское теченіе.

Во многихъ городахъ состоялись антимилитаристскіе митинги, по улицамъ прошли манифестаціи, газеты начали заполняться статьями соотвѣтствующаго характера, и въ этомъ объединяющемъ могучемъ антимилитаристскомъ теченіи безслѣдно потонули слабые и одинокіе голоса китайскихъ шовинистовъ. Президентъ Юань-Ши-кай началъ получать со всѣхъ сторонъ покрытыя многочисленными подписями петиціи объ обращеніи къ правительству Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ съ просьбой принять всѣ возможныя для него мѣры къ предотвращенію войны и возстановленію нарушеннаго мира.

Но ни антимилитаристскіе протесты китайской печати, ни петиціи китайскаго народа, ни уступчивость Сербіи, ни мирное посредничество президента Вильсона не измѣнили намѣреній императора Вильгельма, не могли пріостановить движенія германцевъ. Война началась, и вся тяжесть ея скоро же сказалась даже и на отдаленной китайской республикѣ.

Съ самыхъ же первыхъ дней европейской войны Китай вступилъ въ полосу тяжелаго промышленнаго застоя. Набѣги въ дальневосточныхъ водахъ германскихъ крейсеровъ привели къ тому, что всякое сообщеніе съ Китаемъ было прервано. Обстрѣлъ нашей „Рязани“ и потопленіе китайскаго „Винда“ произвели всюду самое тяжелое впечатлѣніе и сразу же отбили у всѣхъ охоту подвергаться подобному риску. Особенно сильно было впечатлѣніе отъ гибели „Винда“. Этотъ китайскій торговый пароходъ шелъ изъ Австраліи въ Шанхай съ пассажирами и грузомъ мяса. Случайно онъ наткнулся на германскій крейсеръ „Эмденъ“, который въ это время, вѣроятно, нуждался въ припасахъ. И вотъ съ „Винда“ берутся припасы, а затѣмъ, когда „Виндъ“ уже могъ считать себя спасеннымъ, на него дѣлается нападеніе, и весь пароходъ съ грузомъ и пассажирами идетъ ко дну... Послѣ этого, конечно, не много найдется желающихъ отправлять въ Китай свои товары.

И вотъ китайскіе порты затихли. Масса китайскихъ кули осталась безъ всякой работы. Сократился экспортъ чая, совершенно стала за отсутствіемъ экспорта чифусская шелковая промышленность, уничтожился подвозъ иностранныхъ товаровъ,—безработица росла, а одновременно съ этимъ также росла и дороговизна предметовъ первой необходимости. Такимъ образомъ Китай самымъ практическимъ образомъ познакомился съ послѣдствіями европейской войны, а это лишь содѣйствовало развитію въ странѣ возникшаго антимилитаристскаго теченія.

II.

Но въ Китаѣ создавался и противовѣсъ этому теченію.

Въ Китаѣ очень много вліятельныхъ германскихъ газетъ, и вотъ при посредничествѣ этихъ газетъ германское посольство въ Пекинѣ начало вести по всей странѣ самую широкую агитацію, направленную противъ державъ тройственнаго соглашенія и противъ сохраненія Китаемъ своего нейтралитета. Въ Китаѣ повторилась та же исторія, что была въ Турціи. И здѣсь въ достиженіи своихъ цѣлей германцы не останавливались ни передъ какими мѣрами. Скупались издательства, дѣлались подкупы вліятельныхъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, созывались митинги, разбрасывались прокламаціи, и правда смѣшивалась съ ложью или замѣнялась клеветой. Но все это продѣлывалось такъ умѣло, что китайское общественное мнѣніе не замѣчало подтасовки фактовъ, оно было изумлено сообщеніями о звѣрствахъ, якобы допускаемыхъ державами тройственнаго соглашенія, и объ удивительныхъ побѣдахъ Германіи.

Въ странѣ началось глухое броженіе. Вліятельная въ Китаѣ нѣмецкая газета *Peking-Gazette*, которую теперь, между прочимъ, редактируетъ высланный изъ Японіи за антияпонскую пропаганду редакторъ *Japan-Times* г. Освальдъ, продолжала увѣрять, что Японія и Россія питаютъ по отношенію къ Китаю самыя агрессивныя намѣренія, и свои сообщенія подтверждала сфабрикованными въ Пекинѣ германскимъ посольствомъ данными. Шанхайскія, издающіяся на нѣмецкія деньги, газеты начали писать о томъ, что Японія настаиваетъ на заключеніи японско-китайскаго союза, по которому Японія возьметъ на себя обязанность охранять неприкосновенность Китая, что равносильно для Китая потерѣ своей политической независимости. Свои статьи эти газеты основывали на неправильно ими передаваемыхъ заявленіяхъ главы токійскаго кабинета гр. Окумы; онѣ хвалили японскихъ радикаловъ, обвинявшихъ гр. Окуму въ измѣнѣ своимъ прежнимъ взглядамъ, и совершенно замалчивали, въ чемъ именно заключалась эта измѣна и почему въ дѣйствительности на нее ополчились японскіе радикалы...

Японскіе прогрессивные круги были недовольны гр. Окумой за то, что замѣчали въ немъ проявленіе уступчивости по отношенію къ всесильному „генро“ и поддерживаемымъ имъ военнымъ кланамъ „Сатсума“ и „Чіосиму“. Эти кланы продолжали требовать увеличенія арміи, но при объясненіи своихъ требованій они теперь, однако, указывали уже не на Китай или Россію, а на калифорнійскіе законы объ японскихъ эмигрантахъ, о чемъ нѣмецкія газеты совершенно умалчивали. Онѣ лишь усиленно намекали на агрессивность гр. Окумы въ отношеніи Китая и горячо призывали истинныхъ патріотовъ на защиту отечества.

И „истинные патріоты“ не замедлили откликнуться. Ни въ одной странѣ нѣтъ такой партійной диференціаціи, какъ въ Китаѣ: здѣсь можно найти партіи съ самыми невѣроятными политическими программами. И на призывы шанхайскихъ, издающихся на нѣмецкія деньги, газетъ отозвалась одна изъ такихъ странныхъ организацій—„Партія Небоящихся Смерти“. Въ революціонной китайской, издающейся въ Кобэ, газетѣ *Чжао-жи-синъ-венъ* были напечатаны прокламаціи, въ которыхъ подробно разбирался японско-китайскій союзъ, критиковались дѣйствія въ Китаѣ иностранцевъ и, наконецъ, со словъ германскихъ газетъ, опубликовывались извѣстія о звѣрствахъ японскихъ войскъ въ Шаньдунѣ. Изъ Кобэ эти прокламаціи очень быстро распространялись по всему Шаньдуню и южнымъ провинціямъ. Такъ среди мирнаго населенія раздавался призывъ къ насилію надъ иностранцами...

Вскорѣ къ этимъ газетамъ присоединилась новая—*Peking D. News*. Эта газета сообщила, что въ Японіи чрезвычайно быстро расходится вышедшая тамъ брошюра подъ громкимъ названіемъ: „Раздѣлъ Китая“. Въ этой агитаціонной брошюрѣ, говорила газета, высказаны завѣтныя мысли иностранцевъ, уже давно мысленно раздѣлившихъ Китай и не рѣшающихся практически осуществить свое давнее желаніе лишь благодаря противодѣйствію Германіи.

— Берегитесь, китайцы!— патетически восклицала газета.— Если европейская война окончится побѣдой враговъ Германіи, то нашей политической независимости придетъ конецъ; тогда жестокіе побѣдители исполнятъ свое желаніе и безъ всякаго сожалѣнія уничтожатъ нашу самобытную многовѣковую культуру! На защитѣ нашей культуры стоятъ только наши истинные друзья—нѣмцы“.

Пруссаки, уничтожившіе Лувенъ и Реймсскій соборъ, превратившіе въ развалины мирную цвѣтущую Бельгію, здѣсь представлялись защитниками китайской культуры, носителями гуманныхъ началъ...

III.

Конечно, поднятая пекинскимъ посольствомъ и очень искусно имъ инспирируемая агитація не могла пройти безслѣдно. Результаты ея

должны были сказаться, и они сказались очень скоро. По всей странѣ и особенно въ Шаньдунѣ и Манчжуріи возникли движенія, враждебныя намъ и японцамъ. По поселкамъ Китайско-Восточной желѣзной дороги проходили русско-японскія манифестаціи, и хмуро глядѣли на манифестантовъ китайцы. А въ Шаньдунѣ это тяжелое молчаніе уже превращалось въ открытыя столкновенія китайскаго мирнаго населенія съ войсками японскаго экспедиціоннаго корпуса.

Германской агитаціи много способствовало и то обстоятельство, что вліяніе Германіи было очень значительнымъ и при дворѣ китайскаго президента.

Среди высшаго китайскаго чиновничества имѣется очень много людей, женившихся на нѣмкахъ и вслѣдствіе этого имѣющихъ съ Германіей тѣсныя родственныя связи. Внѣ всякаго сомнѣнія всѣ эти германофилы съ самыхъ первыхъ же дней европейской войны начали усиленно работать въ пользу активнаго сближенія Китая съ Германіей. Но первое время, когда по всей странѣ шло яркое антимилитаристское теченіе, всѣ они работали тайно; теперь же германская партія сразу заговорила рѣшительнымъ языкомъ и старалась въ желательномъ ей смыслѣ воздѣйствовать на президента Юань-Ши-кая. И надо отмѣтить, что это германофильство встрѣчало въ немъ откликъ.

Вообще Юань-Ши-кай настолько скрытенъ, настолько дипломатиченъ, что разгадать, на чьей сторонѣ его искреннія симпатіи, почти невозможно. Вся жизнь Юань-Ши-кая прошла среди постояннаго опасенія чѣмъ-нибудь выдать свое настроеніе и за то получить въ спину клинокъ наемнаго убійцы или чашку отравленнаго чая. Очень часто онъ видѣлъ трупы своихъ менѣе осторожныхъ и болѣе искреннихъ товарищей. „Запретный городъ“ научилъ его осторожности, онъ научилъ его хранить свои помыслы, скрывать свои намѣренія и наружно приспособляться къ требованіямъ переживаемаго момента.

Конечно, Юань-Ши-кай хорошо знаетъ цѣну германскимъ благодѣяніямъ. Но обаяніе германскаго бронированнаго кулака было такъ велико, а получаемыя изъ Берлина или черезъ Берлинъ деньги ему были такъ необходимы, что онъ дѣлался вынужденнымъ, но въ то же самое время и самымъ послушнымъ германофиломъ.

Внѣ всякаго сомнѣнія очень много работалъ въ пользу сближенія Китая съ Германіей и старшій любимый сынъ китайскаго президента Юань-Ко-Тингъ.

Юань-Ко-Тингъ—одна изъ наиболѣе интересныхъ фигуръ современнаго Китая. Это—больной, худой, блѣдный молодой человѣкъ, съ задумчивымъ, мечтательнымъ взглядомъ, но трудно себѣ представить, сколько энергіи и честолюбія скрывается подъ этой мечтательной философской наружностью! Юань-Ко-Тингъ сыгралъ видную роль въ первой великой

китайской революціи. Тогда онъ числился въ рядахъ революціонеровъ и являлся связью между своими партійными товарищами и своимъ отцомъ. Но вотъ Юань-Ши-кай сдѣлался великимъ президентомъ—времена измѣнились, измѣнился и Юань-Ко-Тингъ. Онъ ѣдетъ въ Берлинъ и сначала живетъ тамъ въ качествѣ больного курортнаго гостя, а затѣмъ въ качествѣ посланника Китайской республики при берлинскомъ дворѣ. И здѣсь тогда начинаетъ приводиться въ осуществленіе затаенная мысль отца и сына,—мысль о возстановленіи въ Китаѣ абсолютизма и о возстановленіи не путемъ реставраціи Дайцинговъ, а путемъ избранія *народомъ* въ императоры самого Юань-Ши-кая съ отказомъ послѣдняго въ пользу Юань-Ко-Тинга. Видѣть сына императоромъ и себя всесильнымъ регентомъ при немъ,—вотъ къ чему еще недавно стремился дальновидный китайскій политикъ, вотъ какое желаніе привело его къ дружбѣ съ Германіей; между Берлиномъ и Пекиномъ устанавливается тѣсная связь, и очень часто теперь то, что должно бы было рѣшаться въ Пекинѣ, рѣшалось въ Берлинѣ. И все это дѣлалось лишь потому, что Берлинъ подавалъ Юань-Ши-каю надежду на осуществленіе его завѣтной мечты!...

IV.

За послѣдніе годы вліяніе Германіи на Дальнемъ Востокѣ и особенно въ Китаѣ возрастало со сказочной быстротой. Германія захватывала въ свои руки всѣ китайскіе рынки, держала въ своихъ рукахъ почти всѣ финансовыя предпріятія страны, высылала сюда своихъ инструкторовъ для арміи и флота и, наконецъ, даже дѣлала погоду во внѣшней политикѣ Китая.

Особенно замѣтно германское вліяніе въ Китаѣ обозначилось со времени занятія Германіей Кіао-чао.

14 ноября 1897 года, воспользовавшись убійствомъ въ Китаѣ, какъ разъ въ Шаньдунѣ, двухъ нѣмецкихъ миссіонеровъ, Германія оккупировала Кіао-чаоскую бухту и прилегающія къ ней окрестности подъ видомъ аренды на 99 лѣтъ. „Нѣмецкій орелъ,—по выраженію императора Вильгельма,—впустилъ свои могучіе когти въ кусокъ Китая, и надъ новой колоніей горделиво взвился германскій флагъ, который никогда и нигдѣ не склоняется“. Занятая германцами гавань оказалась лучшей на всемъ восточномъ побережьѣ. Она защищена отъ всѣхъ вѣтровъ, достаточно глубока, она можетъ служить хорошей базой для военнаго флота и имѣетъ за собой плотное населеніе Шаньдуня.

Съ чрезвычайной поспѣшностью германцы приступили къ оборудованію своей новой колоніи. Въ этомъ же году была начата постройка желѣзнодорожной линіи отъ лежащаго у входа въ гавань порта Циндао до главнаго города Шаньдуня Цзи-нань-фу, съ вѣткой на Бо-шань. За-

тѣмъ вскорѣ же двумя другими линіями были соединены города И-чжоу-фу, Цзи-нань-фу и Цзяо-чжоу-фу. Всѣ эти линіи прорѣзали плотно населенный Шаньдунь и прошли по изобилующей минеральными богатствами мѣстности, разработку которой Китай предоставилъ въ исключительное пользованіе „Schantung Eisenbahn Gesellschaft".

Циндао началъ быстро расти. Были сооружены два мола, сухой и пловучій доки, большой подъемный кранъ, вырастала великолѣпная набережная, строились пакгаузы, проводились электричество и водопроводъ, разбивались парки, воздвигались форты, появлялись частные дома, отели, рестораны. Словомъ, въ очень короткое время Циндао превратился въ благоустроенный европейскій городъ. Циндаоская гавань начала заполняться торговыми пароходами, и по желѣзнымъ дорогамъ потекли въ Китай самые разнообразные нѣмецкіе товары.

Какъ росли обороты Циндао, можно видѣть хотя бы изъ того, что въ очень короткое время были открыты отдѣленія слѣдующихъ банковъ: Дэ-хуа (нѣмецко-китайскій), Дао-шэнъ (русско-азіатскій банкъ), Хуй-фынъ (англійскій), Хэнъ-бинъ-чжи-цзинь (японскій), Май-цзя-ли (американскій), Чжунъ-го (правительственный китайскій), Ю-тай (коммерческій шаньдуньскій) и др. За одинъ 1913 г. общая ввозная пошлина въ пользу китайскаго правительства превысила сумму въ 41.800,000 долларовъ.

Такимъ образомъ, благодаря Циндао германцы быстро захватывали въ свои руки китайскіе рынки, убивали на нихъ всякую иностранную конкуренцію и сосредоточивали въ своихъ рукахъ какъ экспортъ, такъ и импортъ страны. Очень скоро вліяніе Германіи въ китайскихъ дѣлахъ сдѣлалось настолько значительнымъ, что германцы проявили притязанія и на рынки внѣшняго Китая—Монголію и Маньчжурію. И изъ Монголіи оттягивался экспортъ сырья на Тяньтцзинъ, а въ Маньчжуріи стали появляться въ подавляющемъ количествѣ самые разнообразные нѣмецкіе товары.

Съ каждымъ годомъ это вліяніе усиливалось. Германцамъ удалось захватить въ свои руки всѣ оперирующіе въ Китаѣ банки. Одновременно съ этимъ въ Китаѣ интенсивно увеличивалось число германскихъ школъ, миссіонеровъ и газетъ, а въ арміи и флотѣ стали появляться германскіе инструктора.

Извлекая изъ Китая колоссальные барыши, Германія зорко оберегала китайскіе рынки отъ иностраннаго вліянія и этимъ самымъ наносила серьезный ущербъ интересамъ остальныхъ державъ. Съ каждымъ годомъ политика Германіи становилась все болѣе и болѣе нетерпимой, и скоро создалось настолько тяжелое положеніе, что вѣра въ возможность дальнѣйшаго дальневосточнаго мира была окончательно утрачена. Дальній Востокъ снова вступилъ въ полосу тревожныхъ ожиданій.

Захватывая въ свои руки китайскіе рынки, Германія не забывала и о пекинскомъ правительствѣ. И за послѣднее время при Дайцингахъ и при Юань-Ши-каѣ китайская внѣшняя политика направлялась по руслу, предусмотрительно намѣченному Германіей. Этимъ въ значительной степени объясняются многочисленные за послѣднее время японско-китайскіе и китайско-русскіе конфликты и лишеніе Англіи нѣсколькихъ существенныхъ концессій. Съ цѣлью содѣйствовать улучшенію японско-китайскихъ отношеній, завязать съ Китаемъ торговыя сношенія и выяснить, что можно предпринять къ заключенію японско-китайскаго союза, изъ Японіи былъ посланъ баронъ Шибусава. Всюду онъ встрѣчалъ китайскія любезныя улыбки, вездѣ ему говорили о желательности японско-китайскаго союза, повсемѣстно ему выражали полнѣйшую готовность завязать съ Японіей тѣсныя экономическія сношенія. Это было какое-то тріумфальное шествіе. А баронъ Шибусава даже не закончилъ своей поѣздки, вернулся въ Токіо и заявилъ, что до тѣхъ поръ, пока стоитъ германское Циндао, никто, кромѣ германцевъ, на китайскихъ рынкахъ работать не можетъ и что сейчасъ думать о японско-китайскомъ союзѣ безполезно!...

V.

Какъ мною выше отмѣчено, германская агитація не прошла безслѣдно. И если въ Маньчжуріи возникала только глухая скрытая вражда, то въ Шаньдунѣ уже начались столкновенія мирнаго населенія съ японскимъ экспедиціоннымъ корпусомъ.

Германскія газеты всѣ эти столкновенія объясняли звѣрствами, допускаемыми японскими войсками, но противъ этой агитаціи были приняты самыя рѣшительныя мѣры.

Изъ Японіи былъ высланъ г. Освальдъ, редакторъ издающейся въ Японіи германской газеты *Japan Times*, писавшей, что Японія никогда не возвратитъ и не можетъ возвратить Китаю его Кіао-чао. Затѣмъ англійскій посланникъ въ Пекинѣ подтвердилъ, что дѣйствія японцевъ ограничатся исключительно однимъ Шаньдунемъ, а японскій посланникъ потребовалъ закрытія всѣхъ китайскихъ газетъ, замѣченныхъ въ германской агитаціи.

Къ этому же времени ярко сказалась у германцевъ и разница между словомъ и дѣломъ. Приходили извѣстія о звѣрствахъ германцевъ въ Европѣ, наконецъ, сдѣлалось извѣстнымъ варварское истребленіе германцами всѣхъ работавшихъ по укрѣпленію циндаоскихъ фортовъ китайцевъ путемъ отправки ихъ на работы въ минированныя мѣстности. Дни Циндао были сочтены. Германцы подъ Циндао слишкомъ поспѣшно оставляли линію внѣшнихъ укрѣпленій. Военная мощь Германіи замѣтно блѣднѣла, и германофильство въ Китаѣ интенсивно падало.

Одновременно съ этимъ рѣзко измѣнилось и направленіе политики правительства Юань-Ши-кая. Прежде всего правительствомъ были запрещены всѣ антияпонскіе митинги. Была установлена военная цензура для періодическихъ изданій. Было закрыто много газетъ. Провинціальнымъ властямъ было предписано принять всѣ мѣры для предотвращенія антияпонскихъ безпорядковъ.

Конечно, прекращеніе агитаціи не могло быть достигнуто въ одинъ день, не могло пройти безъ нѣкоторыхъ шероховатостей. И въ этомъ дѣлѣ сказалось то, что переживаетъ сейчасъ Китай повсемѣстно,—сказалась борьба Пекина съ провинціями, борьба Юань-Ши-кая за централизацію власти. Въ Шаньдунѣ, напримѣръ, провинціальныя власти очень долго сопротивлялись подобнымъ мѣропріятіямъ Юань-Ши-кая. Пекинское правительство предписало командующему шаньдуньскими войсками генералу Чангу отозвать во избѣжаніе столкновеній съ японцами свои войска изъ Шаньдуня, но генералъ Чангъ, одинъ изъ виднѣйшихъ столповъ монархическаго движенія, отказался исполнить подобное предписаніе. Дѣло перешло въ государственный совѣтъ, гдѣ также нашлись націоналисты, сторонники генерала Чанга. Произошло бурное засѣданіе, но въ конечномъ итогѣ генералъ Чангъ долженъ былъ подать въ отставку, а войска были отозваны.

Нѣчто подобное произошло и въ другихъ провинціяхъ.

Одновременно съ этимъ японцы организовали особое разслѣдованіе всѣхъ опубликованныхъ китайскими газетами звѣрствъ, якобы совершонныхъ японскими войсками. И слѣдствіе дало совершенно неожиданные результаты: оказалось, что звѣрства, приписываемыя японцамъ, на самомъ дѣлѣ были совершены переодѣтыми германцами и что частью они провоцировались китайцами!...

Но вотъ скоро пали форты Циндао, германскому дѣлу въ Китаѣ былъ нанесенъ почти непоправимый ударъ, и отношенія китайцевъ къ намъ и нашимъ союзникамъ окончательно перемѣнились къ лучшему.

VI.

Германцы своей усиленной агитаціей надѣялись вызвать въ Китаѣ революціонное и націоналистическое движеніе и этимъ самымъ принудить правительство Юань-Ши-кая, для отвлеченія общественнаго вниманія отъ внутреннихъ дѣлъ, къ активному выступленію противъ державъ тройственнаго соглашенія, главнымъ образомъ противъ Россіи, имѣющей съ Китаемъ такую значительную границу. Однако, эти расчеты не оправдались: агитація, враждебная державамъ тройственнаго соглашенія, была скоро же прекращена, а въ Китаѣ вмѣсто революціи возникли монархическіе безпорядки и возобновились разбои, что привело

къ объединенію населенія съ правительствомъ Юань-Ши-кая и къ торжеству антимилитаристской тенденціи. Такимъ образомъ, германцы въ Китаѣ добились какъ разъ обратнаго тому, къ чему они такъ настойчиво стремились.

Разбои возникли въ южныхъ провинціяхъ, гдѣ проявилась дѣятельность уцѣлѣвшихъ бандъ „Бѣлыхъ волковъ".

Этимъ „волкамъ" удалось занять рядъ мелкихъ уѣздныхъ городовъ. Къ „волкамъ" примкнули, съ одной стороны, небольшіе отряды крайнихъ революціонеровъ, а съ другой—совершенно обратное имъ—отряды крайнихъ реакціонеровъ, приверженцевъ Дайцинговъ. Уже одинъ такой блокъ говоритъ за то, что Китай сейчасъ очень далекъ отъ того, что онъ переживалъ въ предыдущіе годы, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ серьезнымъ народнымъ движеніемъ, а съ потухающими вспышками движеній самаго разнообразнаго характера. И надо ли говорить о томъ, что намѣренія союзниковъ „волковъ" сейчасъ обречены на неудачу.

Агитація за реставрацію трона Дайцинговъ въ Китаѣ еще не прекратилась. Правда, большинство недавнихъ властителей Китая отказалось отъ всякихъ притязаній, и многіе изъ нихъ теперь въ своемъ новомъ положеніи свободныхъ и богатыхъ людей Китая чувствуютъ себя гораздо лучше, чѣмъ то было при богдыханѣ. Но среди нихъ все же есть немногіе, которые еще не забыли прошлаго: принцы Цинъ, Гунъ, бывшій регентъ принцъ Чунь и главный совѣтникъ маньчжурскаго двора крайній реакціонеръ Ши-Сюй.

Принцъ Цинъ является самымъ богатымъ человѣкомъ современнаго Китая. Еще недавно принцъ Цинъ держалъ въ своихъ рукахъ судьбы всей страны, но послѣ великой революціи онъ какъ будто совершенно отказался отъ государственной дѣятельности—заперся въ своемъ дворцѣ, никого не принималъ и началъ вести крайне уединенный образъ жизни. Но за этимъ скрывалась самая оживленная подпольная дѣятельность. Дворецъ принца Цина сдѣлался маякомъ для роялистовъ; отсюда исходила пропаганда реставраціи Дайцинговъ, здѣсь раздавались и щедрыя обѣщанія, и деньги всѣмъ, кто содѣйствовалъ планамъ Дайцинговъ.

Но вмѣстѣ съ этимъ принцъ Цинъ оставался въ тѣни, и казалось, что вдохновителемъ монархическаго движенія въ пользу Дайцинговъ являлись принцы Гунъ и Чунь, главнымъ образомъ принцъ Гунъ, поселившійся послѣ революціи въ безопасномъ для него Циндао. Ближайшимъ помощникомъ принца Гуна былъ популярнѣйшій въ Китаѣ ученый Ляо-Да-Сѣнь. И въ томъ, что принцу Гуну удалось перетянуть на свою сторону этого извѣстнаго и безкорыстнаго ученаго, приверженцы Дайцинговъ видѣли залогъ своего успѣха.

Правительство Юань-Ши-кая до самаго послѣдняго времени не принимало по отношенію къ агитаціи Дайцинговъ какихъ-либо рѣшитель-

ныхъ мѣръ. Правда, производились аресты, было совершено нѣсколько казней, но въ то же самое время агитація Дайцинговъ процвѣтала, и дворецъ принца Цина оставался неприкосновеннымъ. Однако теперь, благодаря германской агитаціи, дѣла приняли настолько серьезный оборотъ, что потребовали рѣшительныхъ мѣръ. На почвѣ монархической агитаціи возникли военные бунты—это сильнѣйшее зло современнаго Китая. Безпорядки коснулись даже дворцовой стражи. Былъ моментъ, когда казалось, что Китай снова переживетъ еще серію государственныхъ переворотовъ. Тогда въ Пекинѣ начались аресты и казни. Казненъ былъ и китайскій философъ Ляо-Да-Сѣнь.

Однако и эти безпорядки не представляютъ чего-либо угрожающаго. Правда, напуганные прежними безпорядками иностранцы начали изъ южныхъ провинцій выѣзжать въ Гонконгъ, возможно, что безпорядки отразятся на чайномъ рынкѣ и нѣсколько задержатъ доставку къ намъ чая, но этимъ, вѣроятно, все и ограничится: вліяніе Юань-Ши-кая замѣтно усилилось, и тотъ же принцъ Цинъ считаетъ его сейчасъ единственнымъ въ Китаѣ человѣкомъ, могущимъ провести въ странѣ необходимыя реформы. Кромѣ того, необходимо отмѣтить, что возникшіе безпорядки не задержали распространенія въ Китаѣ антимилитаристскаго теченія, а это для Китая явленіе въ высшей степени симптоматичное. Въ дни великой китайской революціи или во время боксерскаго движенія антимилитаристскаго теченія въ Китаѣ не было и не могло быть.

Такимъ образомъ, вмѣсто революціоннаго движенія германцамъ удалось вызвать какъ разъ обратное — монархическое, противъ котораго единодушно возстали и общество, и печать. Китайскія газеты опять начали настаивать на сохраненіи Китаемъ полнаго нейтралитета и на укрѣпленіи дружественныхъ отношеній съ Россіей и Японіей. Многія изъ китайскихъ газетъ сейчасъ подробно останавливаются на дѣлахъ Ближняго Востока, проводятъ параллели между Китаемъ и Турціей и предостерегаютъ правительство Юань-Ши-кая отъ увлеченія предложеніями берлинскихъ дипломатовъ, за довѣрчивость къ которымъ расплатятся и Турція и Австрія. И, наконецъ, китайская печать выступила съ протестомъ антимилитаристскаго характера, направленнымъ противъ недавнихъ друзей—германцевъ. Этотъ протестъ, появившійся въ распространеннѣйшей газетѣ *Шунъ-тянъ-ши-бао,* настолько характеренъ для настроенія современнаго Китая, что я позволяю себѣ его привести цѣкомъ.

„Нѣмецкая культура,—говоритъ китайская газета,—считалась выше культуры другихъ народовъ, и этого никто не отрицалъ, сами же нѣмцы всегда гордились этимъ и старались развивать свое вліяніе въ другихъ странахъ, и въ этомъ отношеніи они имѣли громадный успѣхъ. Другимъ странамъ было тяжело конкурировать съ такимъ все болѣе развиваю-

щимся вліяніемъ, такъ какъ высокая нѣмецкая культура довольно легко устраняла своихъ соперниковъ, преграждающихъ путь къ ея развитію. Безусловно, состязаться какому-нибудь другому народу съ нѣмцами становилось невозможнымъ, ибо всѣ народы скоро поняли, насколько высока нѣмецкая культура, съ которой не только не имѣетъ смысла бороться, но которую, наоборотъ, надо воспринимать и которой надо давать у себя ходъ. Такъ и дѣлали многіе народы, стараясь подражать нѣмцамъ, и вѣрили они, что нѣмцы — культурнѣйшій народъ въ мірѣ. Вѣра эта существовала до нашихъ дней. Но что же мы видимъ теперь? Разгорается европейская, вызванная нѣмцами же, война, падаютъ первыя жертвы, и міръ содрогается отъ допускаемыхъ германцами звѣрствъ, а нашъ народъ не хочетъ вѣрить, что эти звѣрства допускаются культурнѣйшимъ народомъ.

„Слухи о звѣрствахъ нѣмцевъ надъ ранеными и мирными жителями враждебныхъ державъ послѣ каждаго боя растутъ и подтверждаются. Нѣмецкія войска въ занятыхъ ими областяхъ производятъ издѣвательства, производятъ насилія надъ дѣтьми, женщинами и стариками, предаются грабежамъ и убійствамъ. Подобныя дѣйствія нѣмецкихъ солдатъ заставляютъ насъ, китайцевъ, глубоко задуматься и прійти къ заключенію, что кровь германцевъ осталась такою же, какой была на зарѣ исторіи, что культура коснулась ихъ лишь наружно, а ихъ духовныя начала остались въ первобытномъ состояніи".

„Помѣщая настоящую статью, мы позволяемъ себѣ спросить у нѣмецкихъ властей, справедливы ли эти ужасныя обвиненія, дѣйствительно ли нѣмцы занимаются насиліями и грабежомъ? И если это дѣйствительно такъ, то мы не можемъ къ нѣмцамъ питать другихъ чувствъ, кромѣ чувства презрѣнія. Если это такъ, то мы призываемъ нашъ народъ протестовать противъ подобныхъ звѣрствъ, мы просимъ правительсто Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ выступить противъ нѣмецкаго варварства. Мы вѣримъ, что граждане свободной Америки, которая всегда была выразительницей свободы народовъ, не останутся пассивными зрителями нѣмецкихъ безчинствъ. Мы убѣждены, что голосъ Америки будетъ услышанъ и что онъ заставитъ нѣмцевъ прекратить свои позорныя звѣрства".

Этотъ протестъ былъ перепечатанъ очень многими китайскими газетами, онъ нашелъ живой откликъ въ обществѣ и показалъ, какъ остро современный Китай интересуется міровыми событіями, насколько выросло за послѣдніе годы самосознаніе китайскаго народа и какъ рѣзко измѣнилось теперь въ Китаѣ отношеніе къ Германіи.

VII.

Вскорѣ послѣ паденія Циндао Юань-Ши-каемъ было созвано чрезвычайное засѣданіе государственнаго совѣта, вниманію котораго было

предложено разсмотрѣніе всѣхъ вопросовъ, вытекающихъ изъ создавшагося съ паденіемъ Циндао положенія вещей. Однимъ изъ первыхъ, предложенныхъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта вопросовъ являлся вопросъ о томъ, какъ отнестись къ занятію японцами Кіао-чао, настаивать ли передъ японцами на немедленномъ возвратѣ Кіао-чао Китаю и, если настаивать, то чѣмъ тогда компенсировать японскую уступчивость; вторымъ являлся вопросъ о дальнѣйшемъ направленіи китайской политики по отношенію къ Японіи и Россіи. Совѣщаніе почти единогласно признало, что съ вопросомъ о Кіао-чао необходимо выждать, а отношенія съ Японіей и Россіей впредь должны оставаться наилучшими.

Вслѣдъ за этимъ были вызваны въ Пекинъ для совѣщаній объ укрѣпленіи добрососѣдскихъ отношеній маньчжурскіе губернаторы. И тогда же было рѣшено отправить въ Японію депутацію, которая предприняла бы первые шаги въ сторону укрѣпленія китайско-японскихъ дружественныхъ отношеній. Въ Токіо извѣстіе о такомъ постановленіи государственнаго совѣта произвело чрезвычайно хорошее впечатлѣніе и тамъ уже рѣшено сдѣлать то же самое: въ скоромъ времени въ Пекинъ отправится почетная делегація съ извѣстнымъ государственнымъ дѣятелемъ графомъ Терауци во главѣ; эта делегація на мѣстѣ разслѣдуетъ всѣ спорные вопросы и постарается заложить основаніе будущему японско-китайскому союзу.

Паденіе Циндао вся дальневосточная печать безъ различія національностей, за исключеніемъ, конечно, нѣмецкихъ газетъ, привѣтствовала какъ поворотъ международной политики на Дальнемъ Востокѣ въ сторону дѣйствительнаго мира.

Германскій милитаризмъ являлся постоянной угрозой дальневосточному миру и создавалъ здѣсь чрезвычайно напряженное настроеніе. Дальневосточный миръ обращался въ какую-то хрустальную, очень хрупкую драгоцѣнность, на сохраненіе которой уходили всѣ силы и всѣ заботы. И иногда эта общая боязнь вызвать осложненія съ Германіей доходила до смѣшного; такъ, напримѣръ, было въ дѣлѣ харбинскаго даотая Линь-Тяо.

Даотай Линь-Тяо является однимъ изъ наиболѣе интересныхъ дѣятелей „молодого“ Китая. Человѣкъ образованный, умный, съ громадной энергіей, онъ извѣстенъ въ Китаѣ, какъ виднѣйшій и убѣжденнѣйшій руссофилъ. Внѣ всякихъ сомнѣній такихъ государственныхъ дѣятелей, какъ Линь-Тяо, въ Китаѣ сейчасъ не много, и поэтому передъ Линь-Тяо открывалась блестящая карьера. И тѣмъ, что эта блестящая карьера такъ странно и такъ неожиданно оборвалась, Линь-Тяо обязанъ какъ разъ своимъ друзьямъ—намъ, русскимъ!

Линь-Тяо все время настаивалъ на тѣсномъ сближеніи Китая съ

Россіей. Все время онъ разъѣзжалъ между Петроградомъ, Пекиномъ, Владивостокомъ и Харбиномъ. Результаты его настойчивости уже начали было сказываться. Но на его дѣятельность обратили вниманіе въ Берлинѣ, его дѣятельность тамъ признали неудобной, и по требованію изъ Берлина нашъ посланникъ заявилъ въ Пекинѣ, что Линь-Тяо необходимо убрать изъ Харбина, что его дальнѣйшее пребываніе въ Харбинѣ можетъ вызвать дальневосточныя осложненія!.. Нужно ли говорить о томъ, съ какимъ удивленіемъ было встрѣчено въ Пекинѣ это заявленіе и какъ оно содѣйствовало росту германскаго вліянія въ Китаѣ?!..

Линь-Тяо вызвали въ Пекинъ. Это было какъ разъ передъ войной. Линь-Тяо выѣхалъ изъ Харбина въ самомъ радостномъ настроеніи. Еще бы!—не только ему самому, но и всѣмъ провожавшимъ его казалось, что, наконецъ-то, теперь его поймутъ, наконецъ-то, его настойчивость восторжествуетъ. Но надежды его не сбылись. Въ Пекинѣ рады были въ угоду Германіи отдѣлаться отъ такого энергичнаго руссофила и по пріѣздѣ Линь-Тяо ему предложили выйти въ отставку. Линь-Тяо подалъ въ отставку, его карьера была уничтожена, но онъ однако не успокоился, онъ вернулся въ Харбинъ и теперь занятъ здѣсь организаціей солиднаго русско-китайскаго торгово-промышленнаго предпріятія, которому придается серьезное значеніе.

Конечно, такихъ энергичныхъ руссофиловъ въ Китаѣ не много, но въ то же самое время Линь-Тяо не является исключеніемъ, онъ въ Китаѣ далеко не одинокъ. Другіе китайскіе руссофилы не обладаютъ только такой смѣлостью, но тѣмъ не менѣе въ Китаѣ все же имѣется значительное руссофильское теченіе. Этимъ-то въ значительной степени и объясняется то обстоятельство, что на „активную“ политику въ духѣ боевого націонализма Китай отвѣчалъ чрезвычайно миролюбиво. А мы до сихъ поръ и не умѣли и не хотѣли использовать это миролюбіе въ свою пользу.

VIII.

Какъ я уже отмѣтилъ, съ паденіемъ Циндао германскому дѣлу въ Китаѣ нанесенъ почти непоправимый ударъ, а при благопріятномъ для союзниковъ окончаніи европейской войны Германія окончательно потеряетъ весь Дальній Востокъ, на который она за послѣднее время обращала такое большое вниманіе.

Горделивыя слова императора Вильгельма о томъ, что „мѣсто, гдѣ пролита нѣмецкая кровь, навсегда остается принадлежащимъ Германіи“, уже потеряли всякое значеніе, германскій флагъ надъ Циндао упалъ, „германскій орелъ“ подъ натискомъ японцевъ разжалъ „свои могучіе когти“, и передъ нами теперь открываются на Дальнемъ Востокѣ но-

вые широкіе горизонты, для насъ является полная возможность укрѣпить наши дружественныя отношенія съ Китаемъ и начать работу на китайскихъ рынкахъ.

За время европейской войны сказалось то внутреннее успокоеніе, которое достигнуто правительствомъ Юань-Ши-кая, кажется, окончательно вступившимъ на путь послѣдовательныхъ реформъ. Намѣченныя правительствомъ Юань-Ши-кая реформы должны коснуться самыхъ разнообразныхъ сторонъ китайской жизни; администрація, судъ, армія, финансы—все это будетъ затронуто тѣми законопроектами, которые внесены правительствомъ Юань-Ши-кая въ новый китайскій парламентъ—Ли-фа-юань. Трудно сравнивать Ли-фа-юань съ парламентами западно-европейскихъ странъ; онъ нѣсколько напоминаетъ нашу Государственную Думу и даже можетъ показаться какъ бы совѣтомъ при особѣ президента. Но за Ли-фа-юанемъ всетаки имѣется право отклонять правительственные законопроекты или измѣнять ихъ и, наконецъ, главное, у Ли-фа-юаня есть связь съ населеніемъ, что придаетъ ему значительную крѣпость и силу.

Укрѣпленіе народовластія и народнаго представительства въ Китаѣ можно видѣть и въ томъ, что сами Дайцинги къ движенію въ ихъ пользу отнеслись съ очень замѣтнымъ индиферентизмомъ. Кромѣ упомянутыхъ выше принцевъ Цина, Гуна и Чуня, всѣ остальные уже окончательно, кажется, порвали съ своимъ прошлымъ всѣ связи.

Эксъ-императоръ, бывшій „Сынъ Неба“ Пу-И, которому теперь уже около 9 лѣтъ, живетъ въ отдѣльной части „Запретнаго Города“, въ уединенномъ павильонѣ, за дворцомъ Юань-Ши-кая. Большинство принцевъ послѣ великой революціи поспѣшило покинуть Пекинъ, и около эксъ-императора скоро же образовалась гнетущая пустота. Единственными его сожителями являются крайній реакціонеръ, бывшій совѣтникъ маньчжурскаго двора, маньчжуръ Ши-Сюй, въ 1908 году спасшій отъ смертной казни Юань-Ши-кая, и три учителя: два китайца и одинъ монголъ. Новыя вѣянія въ этотъ забытый павильонъ не проникли, здѣсь все по-старому, ребенокъ даже не знаетъ о томъ, что сдѣлала въ Китаѣ великая революція—относительно этого его держатъ въ полномъ невѣдѣніи. По общимъ разсказамъ, Пу-И—болѣзненный ребенокъ, который уже и теперь проявляетъ въ своихъ поступкахъ признаки дегенераціи и жестоко расправляется съ подаренными ему для забавы животными.

Герцогъ Цзай-Цзэ, бывшій министръ финансовъ, поступилъ на службу къ правительству Юань-Ши-кая и занимаетъ теперь должность смотрителя императорскихъ гробницъ, а принцъ Пу-Лунь числится совѣтникомъ президента и все свое время проводитъ въ билліардной одного изъ отелей посольскаго квартала. Еще недавно вдовствующая

императрица Цы-Си выражала намѣреніе назначить его наслѣдникомъ престола, а теперь этотъ кандидатъ въ императоры потерялъ всякій авторитетъ и производитъ жалкое впечатлѣніе.

Остальные Дайцинги живутъ въ Циндао или Таньтцзинѣ и тоже, кажется, уже совершенно забыли о своемъ недавнемъ прошломъ. Такимъ образомъ „Запретный Городъ“ быстро теряетъ свой прежній видъ, дѣлается достояніемъ исторіи и на развалинахъ его появляются и крѣпнутъ ростки новой жизни.

Одновременно съ этимъ можно констатировать и улучшеніе отношеній между обществомъ и Юань-Ши-каемъ. Внѣ всякаго сомнѣнія Юань-Ши-кай при всѣхъ его недостаткахъ является крупной исторической личностью, съ чѣмъ соглашается и такой его личный врагъ, какъ принцъ Цинъ. Только Юань-Ши-кай, пожалуй, и можетъ сдержать сейчасъ всѣ тѣ разнообразныя теченія, во власти которыхъ находится страна, выковывающая себѣ новый государственный строй. Вліяніе и популярность Юань-Ши-кая за послѣднее время замѣтно возрастаютъ. Предпринятый Юань-Ши-каемъ внутренній пробный заемъ въ 16 милліоновъ таэлей далъ блестящіе результаты: подписка на этотъ заемъ была закончена въ очень короткій срокъ, чего раньше въ Китаѣ сдѣлать было невозможно. Все это опредѣленно говоритъ за то, что Китай окончательно покончилъ со своимъ прошлымъ, вступилъ на новый путь и что отношенія между обществомъ и правительствомъ значительно измѣнились къ лучшему.

Такимъ образомъ опасенія новыхъ государственныхъ переворотовъ въ Китаѣ постепенно отпадаютъ.

Въ то же самое время китайскіе рынки переживаютъ сейчасъ острый товарный голодъ. Китай съ его громаднымъ, въ 400 милліоновъ, населеніемъ еще очень долго не сможетъ существовать безъ иностраннаго привоза. Между тѣмъ со времени начала европейской войны привозъ иностранныхъ товаровъ въ Китай, какъ я уже отмѣчалъ выше, совершенно прекратился. Запасы этихъ товаровъ на китайскихъ рынкахъ не были значительными, и поэтому уже теперь Китай начинаетъ испытывать товарный голодъ. Конечно, долго безъ товаровъ Китай не останется, и если въ Китай мы не повеземъ своихъ товаровъ, то тогда германцевъ тамъ замѣнятъ другіе—прежде всего японцы, которые чрезвычайно заинтересованы въ китайскихъ рынкахъ и которые уже активно выступили на нихъ. До войны большинство оперирующихъ въ Китаѣ банковъ было нѣмецкаго происхожденія; теперь эти банки закрылись и ихъ замѣнили японскіе.

Наши торговыя отношенія съ Китаемъ до самаго послѣдняго времени оставляютъ желать многаго. Въ 1911 году мы ввезли въ Китай разныхъ товаровъ на 16 милліоновъ, а въ 1912 году на 17 мил-

ліоновъ таэлей—такъ слабо увеличивается нашъ экспортъ въ Китай. И надо сознаться, что до самаго послѣдняго времени мы почти и не интересовались этимъ въ высшей степени важнымъ рынкомъ.

Первыя наши начинанія въ этомъ направленіи относятся еще къ концу русско-японской войны, когда въ нашемъ обществѣ впервые пробудился интересъ къ Дальнему Востоку. Но тогда мы сдѣлали только нѣсколько шаговъ, остановились на полпути и дальше этого до сихъ поръ не пошли. Къ китайскимъ рынкамъ мы отнеслись съ гораздо меньшимъ вниманіемъ, чѣмъ хотя бы къ монгольскому рынку, хотя тѣ рынки несравненно интереснѣе и сложнѣе.

За все это время мы въ этомъ направленіи сдѣлали только одно: пришли въ Харбинъ, построили тамъ знаменитые „Московскіе Ряды" и стали тамъ поджидать покупателей изъ Китая. Но въ Китай везли свои товары германцы, на китайскіе рынки обращали усиленное вниманіе американцы и японцы—зачѣмъ же китайцу надо было итти къ намъ, въ наши, заваленные совершенно неподходящими для него товарами, „Московскіе Ряды"? И эти „Ряды" пустовали, наши торговыя начинанія на рынкахъ Китая оставались почти безрезультатными.

Теперь конъюнктура рѣзко измѣнилась. Наши отношенія съ Китаемъ налаживаются, а китайскіе рынки освобождаются отъ германской зависимости. Правда, на китайскіе рынки прежде всего пойдутъ японцы—это явится законной и заслуженной ими наградой за ту существенную помощь, которую они оказали державамъ тройственнаго соглашенія. Но состояніе японской промышленности, степень развитія этой промышленности не закрываетъ для насъ китайскихъ рынковъ, не лишаетъ насъ возможности также работать здѣсь. И наша работа на этихъ рынкахъ не повредитъ нашимъ дружественнымъ отношеніямъ съ Японіей.

Недавно въ популярномъ въ Японіи политическомъ журналѣ *Таїё* (*Солнце*) появилась на эту тему очень интересная статья. Авторъ статьи подробно разбираетъ японскую и нашу заинтересованность на Дальнемъ Востокѣ и путемъ сопоставленія этихъ интересовъ приходитъ къ заключенію, что наша конкуренція съ Японіей никогда не сможетъ повредить нашему союзу съ этой державой. Такимъ образомъ и съ этой стороны намъ нѣтъ препятствій для работы на китайскихъ рынкахъ.

Но для этой работы намъ необходимо теперь же основательно изучить особенности этихъ рынковъ, необходимо выработать нужные для нихъ товары и, главное, добиться того, чтобы наши товары сдѣлались здѣсь популярными.

Въ отношеніи изученія рынковъ намъ хорошій примѣръ даютъ японцы. Едва только въ Китаѣ перестали, какъ я уже говорилъ, работать германскіе банки, какъ тамъ начали открываться отдѣленія японскихъ банковъ, быстро захватившихъ даже тѣ операціи, которыя до сихъ

поръ являлись какъ бы германской монополіей. Затѣмъ японцы чрезвычайно заинтересованы въ укрѣпленіи торговыхъ отношеній съ Россіей. И вотъ въ Японіи сразу же возникаетъ нѣсколько обществъ—„Русско-японское“, „Кокусанъ-Сіорэй-кай“ и др., которыя ставятъ своей задачей укрѣплять торговыя сношенія съ нами. Во Владивостокѣ сейчасъ наблюдается значительный, небывалый пріѣздъ японскихъ вояжеровъ. Отсюда они разъѣдутся по разнымъ направленіямъ, быстро изучатъ всѣ требованія и вкусы нашего потребителя, и въ очень короткомъ времени появятся товары, которые нигдѣ не могутъ итти въ Японіи и которые будутъ тамъ выработаны страной исключительно для нашихъ рынковъ.

Но, кромѣ этого, японцы также очень серьезно заинтересованы нашимъ маньчжурскимъ и пріамурскимъ сырьемъ. И вотъ въ Харбинѣ по проекту японцевъ организуется большая торговая экспедиція, которая захватитъ съ собой образцы мѣстнаго сырья (кожи, щетина, сало, масло, овчина, шерсть, мука, пшеница, воскъ, медъ уссурійскій и др.), будетъ снабжена надлежащими рекомендаціями, получитъ безплатный проѣздъ по южно-маньчжурской желѣзной дорогѣ, посѣтитъ главнѣйшіе рынки Японіи и положитъ основаніе въ Японіи экспорта этого нашего сырья.

Вотъ они, эти примѣры, и здѣсь ихъ сейчасъ чрезвычайно много! Война еще не окончилась, весьма возможно, что Японія еще приметъ въ ней дальнѣйшее активное участіе, а между тѣмъ здѣсь уже думаютъ о томъ, что̀ необходимо дѣлать послѣ войны, думаютъ о разрѣшеніи тѣхъ задачъ, которыя поставлены этой ужасной войной...

Эти задачи возникаютъ и передъ нами. И одна изъ нихъ—чрезвычайно важная задача: использованіе того, что на Дальнемъ Востокѣ намъ доставлено войной. Крахъ германскаго дѣла въ Китаѣ, паденіе Циндао знаменуютъ собой перемѣну международныхъ отношеній на Дальнемъ Востокѣ. Здѣсь теперь слагается иная конъюнктура, возникаетъ новая эра,—эра мирнаго прогресса, передъ нами теперь здѣсь открываются новые широкіе горизонты, и намъ нельзя упускать момента, намъ нужно быть готовыми къ той новой работѣ, которая возникнетъ здѣсь немедленно же послѣ того, какъ стихнетъ послѣдній орудійный залпъ, послѣдній стонъ раненаго...

Намъ нужно приготовиться къ работѣ на китайскихъ рынкахъ—вотъ одна изъ наиболѣе важныхъ, поставленныхъ европейской войной, дальневосточныхъ задачъ.

Но передъ нами при попыткахъ разрѣшить эту задачу встаетъ вопросъ: нѣтъ ли у китайскаго народа къ намъ озлобленности, нѣтъ ли у него по отношенію къ намъ предубѣжденія, о которыя легко могутъ разбиться всѣ наши самыя энергичныя начинанія?

Я уже давно живу на Дальнемъ Востокѣ, мнѣ много приходилось и приходится сталкиваться съ китайцами и изъ моихъ непосредствен-

ныхъ надъ этимъ народомъ наблюденій я уже давно вынесъ глубокое убѣжденіе, что у китайскаго народа нѣтъ по отношенію къ намъ никакихъ враждебныхъ предубѣжденій. Даже въ тѣ дни, когда по нашей же винѣ наши отношенія съ пекинскимъ правительствомъ были натянутыми, даже и тогда отношенія китайскаго населенія къ намъ оставались неизмѣнно миролюбивыми. Правда, съ горечью приходится констатировать фактъ, что вслѣдствіе неправильной нашей политики за послѣдніе годы это миролюбіе начало падать; у китайца по отношенію къ намъ накопилось много справедливыхъ обидъ, и эти годами накопленныя обиды иногда начали у него прорываться, но въ этомъ, повторяю, мы сами виноваты и, къ счастію, въ нашихъ рукахъ—исправить это. Если бы въ Китаѣ широкіе круги населенія, если бы китайскій народъ былъ къ намъ настроенъ враждебно, то тогда бы изъ его среды никогда не могли бы выходить такіе руссофилы, какъ даотай Линь-Тяо, уже давно мечтающій о полномъ русско-китайскомъ союзѣ.

Китай — страна, обладающая громаднымъ запасомъ потенціальной энергіи, страна будущаго, и свѣтлаго будущаго. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, въ странѣ окончательно окрѣпнетъ правовой строй, реформы коснутся самыхъ разнообразныхъ сторонъ китайской жизни, и тогда все, что теперь нами въ отношеніи укрѣпленія русско-китайскихъ отношеній будетъ достигнуто, принесетъ намъ громаднѣйшую пользу. Народъ, который создалъ свою особую культуру, свое оригинальное искусство, который при иностранныхъ вліяніяхъ и при иностранныхъ заимствованіяхъ сохраняетъ свое самобытное начало, который такъ легко перешелъ отъ крайняго абсолютизма къ правовому строю,—такой народъ уже доказалъ свою жизнеспособность, доказалъ, что онъ непремѣнно активно выступитъ на міровой аренѣ,—а все это говоритъ за то, что дружба съ такимъ народомъ желательна и полезна.

Тѣсное сближеніе съ Китаемъ при обязательномъ сохраненіи общаго дальневосточнаго мира, полное экономическое оздоровленіе нашей дальневосточной окраины, ликвидація боевого націонализма,—вотъ тѣ задачи, которыя ставитъ передъ нами великая европейская война.

Вал. Сѣверовскій.

Борьба за имперію.

Имперіализмъ въ политикѣ и экономикѣ.

I. Имперія и имперіализмъ.

Въ девятнадцатомъ вѣкѣ Германія, выработавъ значительно раньше общую національную культуру, образовала также въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ здоровое и сильное національное тѣло. Сперва это національное цѣлое въ значительной степени было какъ бы замкнуто въ самомъ себѣ и не нуждалось ни въ политическомъ, ни въ экономическомъ отношеніи въ дальнѣйшемъ расширеніи (извѣстное бисмарковское „saturiert“). Однако, съ теченіемъ времени, особенно начиная съ конца 80 годовъ XIX в., нѣмецкая нація начала перерастать тѣ границы чисто-національнаго бытія, которыя были установлены ея достиженіями 1830—70 годовъ. Въ самомъ концѣ XIX в., особенно же въ первые годы XX вѣка стало ясно, что для нѣмецкаго народа наросла новая задача: создать для себя и за предѣлами своей національной территоріи широкую сферу экономическаго вліянія, простирающуюся на другіе, чуждые нѣмецкой націи, народы, и закрѣпить это экономическое расширеніе властвованіемъ культурнымъ и политическимъ въ той или иной формѣ. Подобнаго расширенія настоятельно требовали чрезвычайно увеличившіяся производительныя силы націи, искавшія примѣненія, и быстрый ростъ населенія. Задачи чисто-національныя смѣнились для Германіи задачами имперіалистическими,—смѣнились нѣсколько десятилѣтій спустя послѣ основанія Германской имперіи. Эта имперія, какъ она сложилась въ 1870—71 г., сперва не заключала въ себѣ имперіалистическихъ элементовъ, будучи осуществленіемъ чисто-національной идеи; имперіалистическія заданія стали для нея на очередь лишь черезъ нѣкоторое время послѣ 1871 г.

Мы попытаемся здѣсь установить нѣкоторыя общія имперіалистическія категоріи; въ дальнѣйшемъ онѣ должны помочь изслѣдовать идеологію великой Германіи, выяснить ея соотношенія къ имперіалистиче-

скимъ заданіямъ Россіи и, вообще, опредѣлить—въ приблизительныхъ чертахъ—то столкновеніе имперіалистическихъ заданій, которое привело къ конфликту 1914 г.

Нужно установить, что понятіе имперіализма одинаково можетъ быть относимо какъ къ извѣстному направленію чисто-политическаго, государственнаго характера, такъ и къ ряду явленій извѣстнаго порядка въ области экономической и культурной жизни. Можетъ существовать имперіализмъ въ политикѣ, имперіализмъ въ экономикѣ, имперіализмъ въ дѣлахъ культуры. Но сначала мы обратимся къ самому понятію имперіализма. Имперіализмъ, прежде всего, представляетъ собою извѣстное направленіе, опредѣленную тенденцію въ политикѣ—въ широкомъ смыслѣ этого слова, т.-е. въ политикѣ, поскольку она обнимаетъ и чисто-политическія, государственныя отношенія, и отношенія хозяйственныя, и отношенія культурныя. Чѣмъ же характеризуется эта тенденція? „Имперіалистической" можно назвать политику—въ широкомъ смыслѣ слова—каждой націи, расширяющей или расширившей свое національное хозяйство, національную культуру или границы своего національнаго государства за предѣлы своей національности, своей національной территоріи [1]). Подобная политика ставитъ себѣ задачу вовлечь другіе народы и страны въ кругъ вліянія „имперіализующей" націи или страны, заставить ихъ какъ бы вращаться по орбитамъ вокругъ „имперіализующаго" центра, какъ планеты вращаются вокругъ солнца, или даже слить всю эту систему въ единое политическое, культурное и хозяйственное цѣлое и, такимъ образомъ, замѣнить національное хозяйство, культуру и государство главенствующей націи хозяйствомъ, культурой и государствомъ сверхнаціональными, какъ это случалось и можетъ случаться въ имперіалистическихъ образованіяхъ извѣстнаго типа.

Имперіалистическую политику ведетъ какая-либо отдѣльная нація; но поскольку эта политика приводитъ къ реальнымъ послѣдствіямъ—эти послѣдствія выходятъ за предѣлы національнаго бытія этой націи, и касаются, ближайшимъ образомъ, ряда націй и странъ. Реальнымъ достиженіемъ имперіалистической политики является образованіе „имперіи". „Имперія", какъ осуществленное многонаціональное единство, простирающееся одновременно на различныя области—государство, культуру, хозяйство,—служитъ единственнымъ прочнымъ исходнымъ пунктомъ

---

[1]) Мы говоримъ вездѣ „національный", потому что, по нашему мнѣнію, понятіе имперіализма слѣдуетъ ограничить областью взаимоотношеній цѣлыхъ народностей и странъ. Мы можемъ говорить объ имперіализмѣ въ отношеніяхъ города и деревни только тогда, когда городъ олицетворяетъ въ себѣ національность и государство, т.-е. почти исключительно въ примѣненіи къ античному polis, хотя сходство въ отношеніяхъ города и деревни съ процессами имперіалистическаго расширенія можно отмѣтить и въ современности, и, особенно, въ средніе вѣка.

въ изслѣдованіи имперіализма. Имперія является реальнымъ выраженіемъ имперіалистическаго начала. А самое понятіе имперіализма, въ значительной степени, есть какъ бы производное отъ понятія „имперія". Однако, мы можемъ мыслить имперіализмъ и внѣ имперіи. Имперія, имперіалистическое образованіе созидается цѣлымъ рядомъ процессовъ и фактовъ извѣстнаго рода. Если даже подобные процессы и факты встрѣчаются и поодиночкѣ, внѣ той совокупности, которую они образуютъ въ имперіи, то мы всетаки можемъ говорить о нихъ, какъ о явленіяхъ имперіалистическаго порядка.

Всѣ представленія объ имперіализмѣ и объ „имперіи" исходятъ изъ представленій о націи. „Имперія"—это многонаціональное единство, которое исходитъ отъ національнаго единства и въ то же время идейно можетъ ему противополагаться. Въ какія же реальныя формы выливается въ области хозяйства, политики и культуры, въ идеальномъ завершеніи, національное единство? И въ чемъ ему противоположно и въ чемъ исходитъ изъ него единство имперіалистическое, „имперія"?

Чисто-національное хозяйство въ его идеальномъ завершеніи—это хозяйство націи, экономически независимой отъ другихъ народовъ, но не властвующей надъ нимъ. Такое хозяйство нужно мыслить, какъ замкнутое въ себѣ, въ смыслѣ сочетанія на территоріи данной націи и промышленности, и земледѣлія.

Законченное національное государство обнимаетъ лицъ только одной національности, но зато въ ихъ полномъ составѣ. Законченная чисто-національная культура должна быть въ значительной степени независима отъ культуръ другихъ націй; во всякомъ случаѣ — быть одной среди равныхъ. Но въ то же время эта культура чужда властвованія надъ другими народами; она не имѣетъ учениковъ и не стремится привлечь силы чужихъ націй къ работѣ на своей нивѣ.

Національное начало находитъ свое законченное реальное выраженіе въ образованіи національной цѣльности, сочетающей въ себѣ одновременно такое политическое, хозяйственное и культурное національное объединеніе. Нужно оговориться: иногда такимъ реальнымъ выраженіемъ считаютъ прежде всего и даже исключительно національное государство. Это правильно въ томъ смыслѣ, что безъ національнаго государства невозможно существованіе законченной національной цѣльности. Но какъ можетъ существовать имперіалистическое объединеніе внѣ имперіи, такъ можетъ имѣть мѣсто и національное культурное или хозяйственное объединеніе внѣ законченной національной цѣльности, безъ національнаго государства. Тому примѣры: Италія до 1860 г. и Германія до 1871 г.

Итакъ, полнымъ выраженіемъ національнаго начала является національная цѣльность, основанная одновременно на политическомъ, хо-

зяйственномъ и культурномъ національномъ объединеніи и притомъ замкнутая, какъ мы указывали выше, въ каждой изъ этихъ областей въ самой себѣ.

Установивъ это положеніе, обратимся къ характеристикѣ цѣльности имперіалистической и къ указанію той роли, которую играетъ—въ возникновеніи и въ бытіи послѣдней—нація и національное начало.

Подъ понятіе явленій имперіалистическаго порядка мы подводимъ всѣ процессы и факты, въ которыхъ намѣчается установленіе многонаціональнаго культурнаго, или хозяйственнаго, или политическаго единства; подъ категорію явленій подобнаго порядка можно подвести каждое болѣе значительное культурное вліяніе одной націи на другую, каждое значительное хозяйственное взаимодѣйствіе нѣсколькихъ націй, поскольку и подобное вліяніе, и подобное взаимодѣйствіе ведутъ за собою образованіе—нѣсколькими національностями—единства въ отношеніи культуры и хозяйства. Опредѣляющимъ является здѣсь тотъ признакъ, что подобное имперіалистическое единство образуется нѣсколькими національностями; и именно этимъ имперіалистическое единство отличается отъ единства національнаго, образуемаго одною національностью.

Культурное объединеніе нѣсколькихъ націй можетъ сопровождаться ихъ политической разобщенностью и наоборотъ. Въ то же время въ исторіи міра такъ часто встрѣчается—въ отдѣльности—культурное или хозяйственное, или политическое многонаціональное объединеніе, и такое объединеніе можетъ имѣть столько оттѣнковъ и степеней, что если говорить объ имперіализмѣ при наличности отдѣльныхъ чертъ объединенія хотя бы одного изъ этихъ родовъ, то придется всю міровую исторію признать сплошь процессомъ имперіалистическаго порядка. Отдѣльныя явленія политическаго, хозяйственнаго или культурнаго объединенія націй образуютъ широкую сферу какъ бы разрѣженныхъ и неопредѣленныхъ понятій и представленій, которою окружено сгустившееся и принявшее опредѣленную форму тѣло. Это тѣло—законченное имперіалистическое образованіе, законченное выраженіе имперіалистическихъ стремленій—„имперія“.

Правда, въ извѣстныхъ случаяхъ мы можемъ себѣ представить незаконченное имперіалистическое образованіе, основанное на одностороннемъ объединеніи нѣсколькихъ націй,—только политическомъ, только хозяйственномъ, только культурномъ. Но, по понятнымъ причинамъ, подобное незаконченное имперіалистическое образованіе не можетъ быть крѣпкимъ, не можетъ мыслиться, какъ длительное состояніе. Въ нашемъ представленіи подобное имперіалистическое образованіе всегда является этапомъ по пути къ чему-либо иному. Или въ результатѣ оказывается, что „имперіализующая“ нація не въ состояніи довершить

созданное ею незаконченное имперіалистическое образованіе, и тогда это образованіе распадается. Или, наоборотъ, незаконченное имперіалистическое образованіе превращается въ законченное,—когда „имперіализующая“ нація оказывается способной заложить основы многостороннему объединенію нѣсколькихъ націй. Такимъ законченнымъ имперіалистическимъ образованіемъ—или „имперіей“—мы называемъ то образованіе, гдѣ имѣетъ мѣсто объединеніе одновременно всѣхъ трехъ указанныхъ родовъ, т.-е. объединеніе политическое, хозяйственное и культурное. Совершенно вѣрно замѣчено, что первымъ и важнѣйшимъ признакомъ „имперіи“ является чисто-политическое, государственное объединеніе нѣсколькихъ націй. Дѣйствительно, никакая „имперія“, какъ законченное имперіалистическое образованіе, невозможна безъ общности политической власти. Но понятіе „imperium“—въ нашемъ случаѣ: понятіе власти, объединяющей нѣсколько націй—можетъ распространяться не только на чисто-политическія отношенія. Можно представить объединяющее властвованіе надъ нѣсколькими націями какой-либо опредѣленной культуры; можно представить себѣ объединяющее властвованіе надъ нѣсколькими націями опредѣленныхъ хозяйственныхъ интересовъ, хотя бы эти объединяющіе интересы складывались, какъ результаты борьбы интересовъ многихъ индивидуумовъ. Мы оставляемъ понятію „имперія“ его политическое содержаніе. Мы считаемъ, что безъ политическаго объединенія никакой „имперіи“ существовать не можетъ. Но содержаніе понятія не исчерпывается для насъ чисто-политическими признаками. Мы повторяемъ, что подъ „имперіей“ мы подразумѣваемъ только законченное многонаціональное образованіе, т.-е. скрѣпленное одновременно какъ политическими, такъ и культурными, и хозяйственными связями.

При изученіи имперіалистическаго начала въ мировой исторіи практически приходится имѣть дѣло почти исключительно съ „имперіями“, какъ съ наиболѣе осязаемыми, конкретными выраженіями этого начала, изъ которыхъ вышло, конечно, самое понятіе имперіализма. И только въ періоды образованія новыхъ „имперіализмовъ“ приходится оперировать съ незаконченными, односторонними имперіалистическими образованіями, которыя еще не превратились въ „имперію“, а, можетъ быть, и вовсе не превратятся въ нее. Наше время именно является временемъ выработки новаго—германскаго—имперіализма.

Интересно, что въ исторіи „имперія“ никогда не возникала, какъ слѣдствіе согласнаго желанія составляющихъ эту имперію націй объединиться. Наоборотъ, она всегда создавалась иниціативой и дѣйствіями одной „имперіализующей“ націи, которая, руководясь своими выгодами, вовлекала,—принужденіемъ или договоромъ — другія, „имперіализуемыя“ націи въ кругъ своего вліянія. Такъ, напримѣръ, обра-

зованіе Римской имперіи—одного изъ великихъ примѣровъ имперіалистическаго объединенія,—вовсе не было слѣдствіемъ согласнаго стремленія націй, ее составлявшихъ: кельтовъ, эллиновъ, иллирійцевъ; эта имперія была создана завоеваніями римскаго народа; такъ же создалась и современная британская колоніальная имперія, поскольку она охватываетъ націи, чуждыя по крови англичанамъ—Индію, центральную Африку, бурскія республики. Поэтому процессъ образованія „имперіи" можно характеризовать, какъ культурное, хозяйственное и политическое расширеніе „имперіализующей" націи на другіе, чуждые ей—„имперіализуемые"—народы,—расширеніе, ведущее къ созданію многонаціональнаго единства.

Мы должны теперь нѣсколько подробнѣе остановиться на вопросѣ, уже затронутомъ нами,—о соотношеніи имперіалистическаго и національнаго начала въ ихъ реальныхъ проявленіяхъ; затѣмъ мы прослѣдимъ въ отдѣльности характеръ и значеніе имперіалистическаго объединенія въ каждой изъ трехъ указанныхъ нами областей — въ культурѣ, въ экономикѣ и въ политикѣ; наконецъ, установимъ главные встрѣчавшіеся въ исторіи типы имперіализма.

Какъ соотносятся между собой имперіалистическое и національное начала?

Прежде всего, нужно замѣтить, что между этими началами—въ ихъ проявленіяхъ—не существуетъ рѣзкой и разъ навсегда проведенной границы. Часто случается, что существующая въ данный моментъ единая національность является результатомъ сліянія нѣсколькихъ націй— и въ этомъ смыслѣ, оставаясь національной цѣльностью, она въ то же время заключаетъ въ себѣ имперіалистическій элементъ. Можно считать несомнѣннымъ, что въ мірѣ не было и нѣтъ ни одного образованія чисто-національнаго или чисто-имперіалистическаго.

И у Швеціи, напримѣръ, донынѣ могутъ быть имперіалистическія заданія по отношенію къ лопарямъ или финнамъ. Это не мѣшаетъ ей быть тѣломъ, по преимуществу, національнаго характера. Также и Венгріи не препятствуютъ оставаться, главнымъ образомъ, чисто-національнымъ цѣлымъ ея имперіалистическія поползновенія по отношенію къ словакамъ или угро-россамъ.

Соотношенія имперіалистическаго и національнаго началъ чрезвычайно текучи. Можно только опредѣлять, гдѣ преобладаетъ каждое изъ названныхъ двухъ началъ.

Указанное выше исхожденіе „имперій" изъ національныхъ цѣльностей еще болѣе увеличиваетъ эту текучесть. Имперіалистическое начало не можетъ быть противопоставляемо національному, какъ нѣчто, совершенно съ нимъ не связанное. Имперіалистическое единство, т.-е. имперія, создается всегда подъ покровомъ національной идеи одной

опредѣленной націи—именно націи „имперіализующей“. То обстоятельство, что въ процессѣ созданія имперіалистическаго единства эта идея терпитъ видоизмѣненія, а иногда воспринимаетъ въ себя національныя идеи имперіализуемыхъ націй и тѣмъ самымъ становится идеей сверхнаціональной,—это обстоятельство не мѣняетъ существа дѣла. Для исходнаго момента имперіалистическаго объединенія, для созданія „имперіи“, необходимо наличіе „имперіализующаго“ національнаго ядра, которое, своими силами и по своей иниціативѣ, создаетъ и сплачиваетъ это цѣлое въ органическое единство.

Совершенно необходимымъ для „имперіи“ является именно органическій характеръ объединенія націй. Имперія отнюдь не есть механическій конгломератъ націй, связанныхъ какимъ-либо случайнымъ или малозначительнымъ признакомъ; даже единство политической власти не можетъ само по себѣ создать имперіи; понятіе „имперіи“ непремѣнно предполагаетъ наличіе объединяющей культуры и хозяйства. Поэтому завершенный имперіализмъ исключаетъ возможность существованія внутри имперіалистическаго цѣлаго обособленныхъ національныхъ цѣльностей съ вполнѣ самостоятельной культурой и хозяйствомъ. Въ культурномъ и хозяйственномъ объединеніи націй имперіалистическаго цѣлаго—залогъ его существованія; только благодаря этому объединенію, многонаціональное образованіе можетъ пріобрѣсти достаточную внутреннюю спайку.

Турецкая имперія, какъ и царство Тамерлана, не заключаетъ въ себѣ элемента подлинной „имперіи“. Она соединяетъ народы—турокъ, грековъ, арабовъ, армянъ—только политически. Безъ объединенія экономическаго и, особенно, культурнаго такое объединеніе не имѣетъ отличительной черты всякаго здороваго имперіалистическаго цѣлаго—органической крѣпости. Въ дальнѣйшемъ мы увидимъ, что главное условіе подобнаго культурнаго и хозяйственнаго слiянія есть его историческая разумность, его значительность для мірового прогресса.

Здѣсь отъ вопросовъ о соотношеніи имперіалистическаго и національнаго началъ мы переходимъ къ разсмотрѣнію „имперіализма въ культурѣ“.

Давно осознано, что основнымъ элементомъ имперіализма для цѣлевого (телеологическаго) истолкованія его въ міровой жизни является имперіализмъ „въ культурѣ“. Въ этомъ смыслѣ имперіалистическое расширеніе можно опредѣлить, какъ распространеніе вліянія какой-либо ушедшей впередъ по уровню культуры націи на народы менѣе цивилизованные въ области языка, науки, литературы, политическихъ установленій,—распространеніе, которое поднимаетъ эти послѣдніе народы на болѣе высокую степень культуры и тѣмъ самымъ служитъ прогрессу человѣчества, увеличенію его дѣеспособности, умноженію его

средствъ достигать выявленіемъ энергіи наибольшихъ результатовъ. Мы даже ограничиваемъ теоретически кругъ „имперій“ только тѣми изъ многонаціональныхъ цѣльностей, которыя имѣли подобное всемірно-историческое значеніе, которыя, слѣдовательно, оказывались по идеѣ живыми и крѣпкими—и оставляли крупный слѣдъ въ бытіи народовъ. Конечно, каждое крупное явленіе и образованіе имѣетъ свое всемірно-историческое значеніе. Возможно, напримѣръ, что лишь татарское владычество могло привести сѣверную Русь къ національному объединенію—и тѣмъ создать фундаментъ Русской имперіи. Мы хотимъ только подчеркнуть, что „имперіей“ можетъ быть названо лишь то имперіалистическое образованіе, въ которомъ нація, созидающая многонаціональную цѣльность, можетъ дать „имперіализуемымъ“ народамъ что-либо положительное, а не беретъ у нихъ сама начатки цивилизаціи цѣною пониженія уровня культуры покоренныхъ націй; „имперія“—лишь тамъ, гдѣ для покоренныхъ народовъ покореніе имѣетъ бо́льшее значеніе, чѣмъ значеніе того несчастья, которое воспитываетъ характеръ человѣка и обнаруживаетъ ему его недостатки.

Въ античномъ мірѣ можно указать нѣсколько имперіалистическихъ образованій съ подобнымъ положительнымъ всемірно-историческимъ значеніемъ: таковы римская имперія и эллино-македонская держава Александра Великаго, распавшаяся затѣмъ на царства его полководцевъ-преемниковъ. Великое предпріятіе Александра имѣло несомнѣнно цѣлью, осознанной Александромъ, обновленіе культуры Востока—Египта, Вавилоніи, Персіи—путемъ слiянія ея съ культурой Эллады. „Имперіализующей“ націей были эллино-македонцы; эллины дали культуру, македонцы—политическія средства къ образованію новыхъ имперіалистическихъ цѣлыхъ. Въ результатѣ создалась „эллинистическая“ культура, игравшая въ концѣ античной эпохи и въ средніе вѣка для странъ между Ассуаномъ и Владиміромъ такую же роль, какъ римская культура для странъ Западной Европы. О римской имперіи, передавшей своими имперіалистическими достиженіями достояніе древности въ новые вѣка черезъ культуру Италіи, Испаніи и Галліи, говорить излишне. На примѣрѣ римской политики временъ Цезаря, Августа, Тиберія, Клавдія должно учиться пріемамъ имперіалистической политики „римскаго типа“, находящимъ возрожденіе и въ новые вѣка, главнымъ образомъ, въ Русской имперіи. Но объ этомъ—ниже.

Имперіализмъ „въ экономикѣ“ нѣсколько аналогиченъ имперіализму „въ культурѣ“. Его можно толковать, какъ распространеніе на варварскія или вообще отсталыя націи болѣе высокой экономической культуры, распространеніе, которое является слѣдствіемъ хозяйственныхъ сношеній экономически отсталыхъ націй съ экономически передовыми.

Въ этомъ—исторически-цѣлевое оправданіе имперіализма въ экономикѣ. Чтобы дать его практическое опредѣленіе, нужно исходить изъ тѣхъ реальныхъ послѣдствій, которыя вытекаютъ изъ хозяйственныхъ сношеній для поддерживающихъ эти сношенія націй (или странъ).

Съ этой точки зрѣнія мы опредѣляемъ хозяйственное имперіалистическое расширеніе страны высшей экономической культуры, какъ установленіе ею такихъ торговыхъ сношеній со странами низшей культуры, которыя снабжаютъ ее необходимыми продуктами низшей культуры и, тѣмъ освобождая отъ необходимости производить подобные продукты, даютъ возможность удерживаться на болѣе высокомъ уровнѣ экономическаго развитія. „Экономически имперіализующей“ страной здѣсь будетъ именно эта страна болѣе высокой экономической культуры, для которой сношенія съ „имперіализуемыми“ странами, т.-е. странами низшей культуры, обезпечиваютъ ея хозяйственное положеніе. Въ историческомъ истолкованіи эта „болѣе высокая экономическая культура“ выражается обыкновенно въ большемъ развитіи промышленности и горнаго дѣла, въ торговомъ и мореходномъ могуществѣ націи (или страны) и въ накопленіи большихъ денежныхъ богатствъ. Націи съ подобнымъ развитіемъ всегда нуждались въ привозномъ сырьѣ для промышленной обработки и въ привозныхъ продуктахъ питанія, потому что, отдавая свои силы изощреннымъ видамъ производства и хозяйственной дѣятельности, онѣ могли только въ небольшой, недостаточной для ихъ потребностей степени заниматься земледѣліемъ. Въ такомъ пониманіи экономическій имперіализмъ сводится къ „хозяйственному дополненію“ странъ высшей экономической культуры странами низшей культуры.

Прекрасными примѣрами подобнаго имперіалистически-хозяйственнаго расширенія являлись современная Англія и Германія. Несомнѣнно, что въ послѣднее время эти страны поднялись до наибольшей доселѣ достигнутой высоты экономической культуры. Въ то же время совершенно очевидно, что держаться на этомъ уровнѣ онѣ могли только благодаря наличію „хозяйственныхъ дополненій“, въ видѣ земледѣльческихъ странъ умѣреннаго и жаркаго пояса. Эти страны поставляли имъ, съ одной стороны, сырье для переработки,—хлопокъ, каучукъ, джутъ, шерсть, съ другой стороны—продукты питанія, какъ хлѣбъ, мясо, яйца; этимъ онѣ и давали возможность Англіи и Германіи существовать въ качествѣ великоторговыхъ и великопромышленныхъ странъ, содержащихъ населеніе большее, чѣмъ можетъ непосредственно прокормить почва этихъ земель.

Отношенія „экономически имперіализующихъ“ странъ къ ихъ хозяйственнымъ дополненіямъ, т.-е. къ странамъ болѣе низкой экономической культуры, могутъ складываться двояко: или устанавливается прямое экономическое властвованіе, хозяйственная эксплоатація націями высшей

культуры націй отсталыхъ, или, наоборотъ, воцаряется хозяйственное равноправіе взаимно дополняющихъ націй (или странъ). Въ первомъ случаѣ характеръ хозяйственныхъ сношеній опредѣляется исключительно интересами и волей имперіализующей націи; возникаетъ такое положеніе, что національное хозяйство имперіализующей націи распространяется на нѣсколько народовъ, и въ то же время хозяйствующимъ субъектомъ остается только эта имперіализующая нація.

Наиболѣе опредѣленную форму это сверхнаціональное хозяйство съ единой хозяйствующей націей получило въ колоніальныхъ владѣніяхъ современности. Народы современныхъ Handelscolonien тропическихъ и субтропическихъ странъ вовлечены въ кругъ хозяйствованія тѣхъ или иныхъ европейскихъ народовъ; но въ то же время они несомнѣнно лишены самостоятельной хозяйствующей воли, ихъ хозяйственные интересы отодвинуты на второй планъ; и мѣстами такая сущность хозяйственныхъ отношеній европейцевъ съ малайцами, герреро, готтентотами или банту выступаетъ съ полной, не оставляющей никакихъ сомнѣній ясностью.

Картину хозяйственнаго дополненія безъ наличія эксплоатаціи, но, наоборотъ, съ полнымъ хозяйственнымъ равноправіемъ взаимно-дополняющихъ странъ представляютъ намъ отношенія Англіи и ея колоній-дочерей. Мы разсматриваемъ и эти отношенія, какъ хозяйственное имперіалистическое расширеніе Англіи, потому что эти колоніи и понынѣ являются для промышленной и торговой метрополіи рынкомъ для фабрикатовъ и поставщикомъ сырья и тѣмъ обезпечиваютъ метрополіи незыблемость ея экономическаго положенія.

Мы сознаемъ, что при такомъ пониманіи хозяйственнаго имперіалистическаго расширенія подъ это понятіе подойдетъ торговый оборотъ современной Англіи или Германіи со многими совершенно чуждыми имъ и отъ нихъ независимыми народами и странами, какъ Россія, Соединенные Штаты Америки или Аргентина. Мы допускаемъ возможность такого распространенія понятія. Но нужно замѣтить, что подобное расширеніе ставитъ расширяющуюся страну высшей культуры, пожалуй, въ бóльшую зависимость отъ странъ низшей культуры, чѣмъ та, въ которой эти послѣднія стоятъ отъ нея самой. Поэтому можно утверждать, что подобное экономическое расширеніе только тогда неопасно для расширяющейся страны, когда его незыблемость обезпечена достаточными гарантіями въ области политики и культуры, т.-е. обезпечена созданіемъ „имперіи“.

Итакъ, мы опредѣляемъ хозяйственное имперіалистическое расширеніе, какъ „хозяйственное дополненіе“ странъ высшей экономической культуры странами низшей культуры; затѣмъ устанавливаемъ въ этомъ расширеніи два типа: типъ эксплоатаціи странъ низшей культуры стра-

нами высшей и типъ хозяйственнаго равноправія или взаимодополненія однѣхъ странъ другими.

Наиболѣе осязательнымъ выраженіемъ имперіалистическаго начала является *государство* имперіалистическаго характера, т.-е. политическое объединеніе нѣсколькихъ націй, вырастающее обыкновенно изъ расширенія національнаго государства „имперіализующей“ націи на другіе народы. Понятіе имперіализма распространяется въ общежитіи обыкновенно именно только на область собственно политическихъ отношеній; говоря объ имперіализмѣ, говорятъ обыкновенно о государственномъ или политическомъ имперіализмѣ. Конечно, въ политико-имперіалистическомъ властвованіи мыслимы самые различные оттѣнки, начиная отъ того полнаго порабощенія однѣхъ націй другою, какое имѣло мѣсто въ испанской или португальской колоніальной имперіи, до того полнаго равноправія націй, объединенныхъ единой властью или культурой, которое установилось въ поздней римской имперіи и которое, въ измѣненной, конечно, формѣ, можетъ установиться и установилось, относительно ряда націй, въ Россіи, правда, пока, главнымъ образомъ, въ формѣ равнаго повсюду государственнаго неустройства.

Политическое объединеніе, общность власти являются отличительной чертой всякаго имперіалистическаго цѣлаго, будь то монархія Александра Македонскаго или британская колоніальная имперія.

Каждое подлинное развитое имперіалистическое цѣлое—„имперія“—должно заключать въ себѣ всѣ три элемента: имперіализмъ „въ культурѣ“, имперіализмъ „въ экономикѣ“, имперіализмъ „въ политикѣ“. Примѣромъ такихъ развитыхъ имперіалистическихъ образованій можетъ служить, съ одной стороны, римская имперія, особенно комплексъ ея западныхъ провинцій съ латинской культурой—Италія, Африка, Испанія, Галлія; съ другой стороны,—современная британская колоніальная имперія. Однако, характеръ сочетанія трехъ выше указанныхъ элементовъ въ этихъ двухъ имперіалистическихъ образованіяхъ существенно различенъ. Правда, и въ томъ, и въ другомъ ясно выражена культуро-просвѣтительная роль „имперіализующей“ націи, но она выростаетъ не на одной и той же почвѣ. Въ дѣлѣ образованія латинскаго (римскаго) имперіалистическаго цѣлаго приматъ принадлежалъ установленію чисто-политическаго, государственнаго властвованія надъ не-латинскими „имперіализуемыми“ народами. Культурное и экономическое объединеніе во многихъ случаяхъ какъ бы выростали изъ объединенія политическаго, которое явилось ихъ причиной, а не формальнымъ закрѣпленіемъ ранѣе намѣтившагося латинскаго экономическаго и культурнаго имперіалистическаго расширенія. По слову Фрид. Листа,

римляне создали свою имперію „только при помощи холодной стали". [1]) Наоборотъ, англичане свое колоніальное царство создали „при помощи торговли и мануфактуръ". Въ расширеніи Англіи преобладающую роль играло установленіе опредѣленнаго порядка экономическихъ отношеній, очень часто—экономическая эксплоатація „имперіализуемыхъ" народовъ при помощи торговли. Англійскіе солдаты и пушки слѣдовали за англійскими купцами и промышленниками или служили средствомъ, чтобы расчистить имъ путь.

Имперіалистическое расширеніе Англіи въ значительной мѣрѣ вышло изъ ея экономическаго расширенія типа „эксплоатаціи". Хозяйственная эксплоатація при помощи торговли еще и теперь продолжается въ британскихъ „колоніяхъ-владѣніяхъ", заселенныхъ чуждыми британцамъ по крови народами, какъ Индія или тропическая Африка. Но по отношенію къ колоніямъ-„дочерямъ", т.-е. землямъ, населеннымъ выходцами изъ метрополіи, какъ Австралія, Новая Зеландія, Канада или южная Африка, эта эксплоатація смѣнилась, со времени отпаденія Сѣв.-Америк. Соед. Штатовъ, хозяйственнымъ равноправіемъ колоній и метрополіи. Однако, колоніи какъ одного, такъ и другого рода и понынѣ остаются хозяйственнымъ дополненіемъ метрополіи, служа рынками для ея фабрикатовъ и поставляя ей необходимое сырье. Но нужно замѣтить, что, несмотря на обширность британскихъ колоній и быстрый ростъ торговли метрополіи съ ними, даже въ послѣдніе годы колоніи поставляли только одну треть необходимаго Англіи сырья. Двѣ другихъ трети поставляютъ чуждыя страны, часто недоступныя для англійскихъ фабрикатовъ, благодаря таможеннымъ тарифамъ. При такомъ обмѣнѣ экономическое расширеніе Англіи можетъ превратиться въ эксплоатацію Англіи ея поставщиками сырья. Для опредѣленія преимущественно экономическаго характера британскаго имперіализма, для выясненія его экономической первоосновы чрезвычайно важно то обстоятельство, что требованіе самыхъ ярыхъ британскихъ имперіалистовъ сводится къ установленію общеимперскаго тарифа, который давалъ бы особыя преимущества торговлѣ метрополіи съ колоніями, и тѣмъ обезпечивалъ неразорительный для Англіи характеръ ея экономическаго расширенія тѣми культурными и политическими гарантіями, которыя даются имперіалистическимъ объединеніемъ: уходящіе изъ Англіи капиталы оставались бы внутри имперіалистическаго цѣлаго; рынки земледѣльческихъ поставщиковъ Англіи, т.-е. ея колоній, были бы открыты для фабрикатовъ метрополіи.

Наоборотъ, въ Римѣ въ имперіалистическомъ расширеніи элементъ

---

[1]) *Fried. List.* „Das nationale System der Politischen Oekonomie. Eingeleitet von Dr. Heinrich Waentig. Jena, 1910. S. 63.

экономическаго властвованія игралъ второстепенную роль. Экономическая эксплоатація римлянами покоренныхъ народовъ во многихъ случаяхъ не являлась обоснованной въ самой себѣ, самоцѣлью, какъ въ англійскихъ колоніяхъ; она являлась только формой использованія ранѣе установленнаго политическаго владычества и исходила изъ него. Среди римлянъ экономическимъ эксплоататоромъ „имперіализуемыхъ“ націй были чаще всего правители провинцій и откупщики государственныхъ налоговъ. Конечно, не нужно забывать, что многія завоеванія римлянъ, особенно послѣдняго столѣтія республики, были обусловлены интересами римскихъ купцовъ и банкировъ; что эти купцы и банкиры въ первые вѣка нашей эры занимали господствующее положеніе въ хозяйственной жизни Греціи и Малой Азіи; что итальянскіе мореходы держали въ своихъ рукахъ большую часть оборота Востока съ Западомъ. Но уже такія завоеванія, какъ завоеваніе Галліи (при Цезарѣ) или Британіи (при императ. Клавдіи) вызваны преимущественно политическими соображеніями; и до завоеванія здѣсь не было для римско-италійскихъ купцовъ ни торговыхъ ограниченій, ни торговыхъ соперниковъ.

Для сравнительной характеристики британскаго и римскаго имперіализма слѣдуетъ отмѣтить, въ какой формѣ использовало блага своего имперіалистическаго расширенія основное ядро народовъ: англійскаго, съ одной стороны, и римскаго, съ другой стороны. Благополучіе Англіи основывалось и основывается на экономической дѣятельности ея населенія, между прочимъ, на выгодахъ, предоставляемыхъ англійскому народу его имперіалистическимъ расширеніемъ въ области торговли и промышленности, и на полученіи прибыли съ капиталовъ, работающихъ за предѣлами метрополіи. Наоборотъ, римскій плебсъ прокармливало то политическое положеніе въ мірѣ, которое было ему создано предками. Египетъ, Африка, Бетика доставляли римскому плебсу свой хлѣбъ, свое масло, свои ткани, какъ дань политическому завоевателю.

Разсмотрѣніе экономическихъ условій жизни римской имперіи приводитъ къ заключенію, что то имперіалистическое объединеніе, которое было достигнуто этой имперіей, отнюдь не вытекало съ необходимостью изъ какого-либо опредѣленнаго строя экономическихъ отношеній. Если Египетъ или Африка еще могутъ разсматриваться до извѣстной степени, какъ хозяйственное дополненіе Италіи—Рима, то Сирія и Финикія, во всякомъ случаѣ, не являются таковыми; по своему экономическому развитію онѣ были какъ бы однохарактерны Италіи и стояли по своей промышленности и торговлѣ на равной ногѣ съ нею. Необходимости экономическаго объединенія Италіи и Сиріи не существовало. Поэтому политическое объединеніе не можетъ разсматриваться здѣсь, какъ гарантія экономическаго расширенія Италіи—Рима. Въ этомъ

случаѣ съ полной ясностью сказывается то обстоятельство, что римская имперія основывалась, прежде всего, на опредѣленномъ строѣ политическихъ отношеній.

Итакъ, сходные по своимъ основнымъ элементамъ, по своему культурному вліянію, отличительному для здороваго имперіализма, римская и британская имперіи различаются въ соотношеніи своихъ основныхъ элементовъ. Римское имперіалистическое расширеніе выростаетъ, прежде всего, изъ установленія опредѣленнаго строя политическихъ отношеній. Британское—изъ установленія, прежде всего, извѣстнаго порядка экономическихъ отношеній. Это—примѣры двухъ различныхъ типовъ имперіализма. Конечно, ихъ различія далеко не ограничиваются данною нами простою формулой. Такъ, имперіалистическое расширеніе съ приматомъ политическаго элемента имѣло обыкновенно въ исторіи характеръ континентально-сухопутнаго расширенія; наоборотъ, имперіалистическія образованія съ приматомъ экономическаго элемента шли по пути расширенія заморскаго, колоніальнаго, въ смыслѣ пріобрѣтенія и заселенія владѣній для экономическаго использованія. Это различіе существенно, такъ какъ оно вытекаетъ изъ основныхъ характерныхъ чертъ имперіалистическихъ образованій того и другого рода. Наиболѣе сильные экономически, наиболѣе нуждающіеся въ „хозяйственномъ дополненіи“ народы обыкновенно бывали въ то же время народами мореходными—финикіяне, греки, голландцы, англичане. Проводникомъ ихъ имперіалистическаго расширенія было море; и поэтому имперіи, основанныя на приматѣ экономическихъ отношеній, обыкновенно пріобрѣтали форму колоніально-заморскихъ державъ. Наоборотъ, чисто-политическое милитарное могущество—часто не связанное съ соотвѣтствующей экономической мощью — было обыкновенно удѣломъ великихъ континентальныхъ націй. И поэтому имперіалистическое расширеніе, исходящее изъ примата политическаго элемента, представляло собою чаще всего расширеніе континентальное. Къ типу „континентально-политическаго“ имперіализма, кромѣ Римской имперіи, можно отнести монархію Александра Македонскаго и Россію. Къ типу „колоніально-экономическаго“ имперіализма можно причислить, кромѣ британской имперіи, колоніальныя имперіи новыхъ вѣковъ, какъ, напр., голландскую или современную африканскую французскую. Конечно, формы имперіалистическихъ образованій не ограничиваются двумя указанными типами. Можно построить, черезъ различныя сочетанія „элементовъ“ имперіализма, цѣлый рядъ другихъ типовъ, которые, вѣроятно, встрѣчались въ исторіи или могутъ встрѣтиться.

Просматривая приведенные здѣсь примѣры имперіализма, можно замѣтить, что громадное ихъ большинство взято изъ послѣднихъ вѣковъ античности или изъ 3 — 4 столѣтій новаго времени. Намъ кажется,

что иначе быть не можетъ. Уже давно замѣчено, что античный міръ и новое время представляютъ собою какъ бы самостоятельные и до извѣстной степени замкнутые въ себѣ круги развитія; пути эволюціи въ томъ и другомъ въ значительной степени параллельны. Ранніе вѣка античности, съ одной стороны, и такъ называемые средніе вѣка (V—XV вв. по Р. Х.),—съ другой, нужно толковать, какъ время выработки тѣхъ высокоразвитыхъ національныхъ цѣльностей, которыя въ послѣдующіе періоды, т.-е. въ позднюю античность и въ новѣйшее время (XVI—XX вв.), переходили къ имперіалистическому расширенію и, вовлекая въ кругъ своего вліянія другіе, болѣе отсталые народы, создавали „имперіи", дѣлали отсталыхъ причастными къ своимъ достиженіямъ и тѣмъ самымъ выполняли великую космическую задачу. Исторія Греціи—отъ Гомера и до Александра Македонскаго, ранняя исторія Рима—отъ Ромула и до пуническихъ войнъ—почти чужды имперіалистическихъ элементовъ; также чужда ихъ средневѣковая Европа временъ натуральнаго или городского хозяйства, до періода великихъ открытій. Но въ слѣдующіе періоды, созрѣвшія національныя цѣльности, греко-македонская, римская, съ одной стороны, испанская, французская, голландская, британская — съ другой, начинали побѣдное шествіе своего имперіалистическаго расширенія. Подобное построеніе очень схематично. Это не мѣняетъ существа дѣла: въ жизни античнаго міра и въ жизни новаго—правда, у каждаго по своему—былъ преимущественно „національный" и былъ преимущественно „имперіалистическій" періодъ развитія; первый предшествуетъ второму, вѣрнѣе, второй исходитъ изъ перваго.

Имперіалистическіе процессы античнаго міра предстоятъ передъ нами въ законченности и полнотѣ; прекрасная поэма, ихъ воспѣвающая,—V томъ „Римской исторіи" Моммзена, трактующій о римскихъ провинціяхъ отъ Цезаря до Діоклетіана и одновременно описывающій процессы „романизаціи" Запада и „эллинизаціи" Востока. Имперіалистическіе процессы новаго времени еще далеко не закончены. Еще не опредѣлилось даже, кому изъ культурныхъ народовъ предстоитъ великая задача имперіализовать отсталыя націи и земли. 1914 г. можно толковать, какъ одинъ изъ рѣшающихъ моментовъ въ этомъ опредѣленіи: кто же? Казалось, что эта роль предназначена въ наибольшей степени Англіи и Россіи. Но теперь и Германія предъявила свои права на великое имперіалистическое расширеніе. Мы постараемся проанализировать характеръ столкновенія имперіалистическихъ идей въ 1914 году; начнемъ съ идеологіи великой Германіи.

II. Идеологія великой Германіи у Фридриха Листа.

Идеологія великой Германіи выросла и облеклась въ опредѣленныя формы, главнымъ образомъ, въ послѣднія 100 или 75 лѣтъ. Въ этихъ идеологическихъ построеніяхъ разсматриваются вопросы двухъ родовъ: съ одной стороны, здѣсь говорится о національномъ самоутвержденіи Германіи; эта тема привлекала къ себѣ преобладающее вниманіе нѣмецкихъ литераторовъ до 1871 г.,—времени національнаго объединенія Германіи; съ другой стороны, эти идеологическія построенія обсуждаютъ вопросъ объ имперіалистическомъ расширеніи Германіи, т.-е. объ ея расширеніи за предѣлы чисто-національнаго бытія; этотъ вопросъ особенно часто разсматривался за послѣднія 15 или 20 лѣтъ. Однако, рѣзкаго раздѣленія между идеологическими построеніями того и другого рода провести нельзя. Мы начнемъ разсмотрѣніе идеологіи великой Германіи съ изложенія взглядовъ Фридриха Листа—крупнаго нѣмецкаго экономиста и публициста, начавшаго свою дѣятельность въ 20-хъ годахъ XIX в. и умершаго въ 1846 г. И какъ разъ въ его взглядахъ, на-ряду съ ученіями о чисто-національномъ самоутвержденіи Германіи, можно найти много мыслей и максимъ, касающихся имперіалистическаго ея расширенія, которое должно, по мнѣнію Листа, послѣдовать за упомянутымъ національнымъ самоутвержденіемъ.

Вести идеологію современной Германіи отъ Листа кажется намъ вполнѣ законнымъ и обоснованнымъ. Листъ предвосхитилъ многое, чего вовсе не было въ его время и что осуществилось только на нѣсколько десятилѣтій или на полстолѣтіе позднѣе. Если принять во вниманіе это обстоятельство, то станетъ понятнымъ, почему, отыскивая истоки новѣйшихъ построеній въ вопросѣ о великой Германіи, нужно, прежде всего, обратиться ко взглядамъ Фридриха Листа.

Основною работою Листа является „Das nationale System der politischen Oekonomie". Политическая экономія, въ изложеніи Листа, совершенно теряетъ тотъ специфически коммерческій и матеріалистическій характеръ, который она имѣла въ ученіи школы А. Смита и Сея. Политическая экономія Листа является широко захватывающей космической философіей жизни человѣчества, одновременно учитывающей вопросы экономики, политики и культуры. Конструируя грядущую великую Германію, Листъ съ полной ясностью рисуетъ формы завершеннаго въ себѣ національнаго цѣлаго. Но онъ провидитъ, что, достигнувъ значительнаго развитія, эта національная цѣльность должна поставить себѣ заданія имперіалистическаго расширенія, должна прійти къ стремленію создать своей иниціативой и своими силами хозяйственное и политическое многонаціональное единство, внутри котораго она могла бы найти удовлетвореніе своимъ выросшимъ потребностямъ. Однако,

листовское пониманіе имперіализма мы не можемъ признать полнымъ. Ниже мы отмѣтимъ, что нѣкоторая узость его взглядовъ объясняется, вѣроятно, невниманіемъ къ исторіи Рима и Россіи.

Національную нѣмецкую культуру Листъ признаетъ уже созданной и укрѣпленной. Въ своихъ построеніяхъ онъ постоянно ссылается на развитіе въ Германіи образованія, науки, искусства, чувства общественности, на любовь нѣмецкаго народа къ порядку, хозяйственности, умѣренности. Но наличіе національной культуры еще не создаетъ, по мнѣнію Листа, здороваго національнаго цѣлаго. Онъ сознаетъ многозначность элементовъ, которые требуются для его созданія. Нѣмецкая нація, съ ея національной культурой, но безъ національной политической и экономической силы, представляется ему человѣкомъ, который, изучивъ теоретически, какъ нужно ѣсть, пить, ходить, смѣяться, плакать, не имѣетъ возможности примѣнить своихъ знаній на дѣлѣ. „Поэтому нѣмцы любятъ философскія системы и космополитическіе сны".

Въ своей книгѣ Листъ явно ставитъ себѣ цѣль намѣтить для Германіи, уже и тогда, по его признанію, достаточно зрѣлой въ отношеніи національной культуры, пути къ экономическому и политическому національному укрѣпленію. Ко времени написанія книги (1840 г.) уже возникъ нѣмецкій таможенный союзъ, и Германія была въ состояніи создать цѣльную національную систему таможенной политики. Вся прекрасно выработанная листовская теорія производительныхъ силъ націи, все обстоятельное обслѣдованіе того благотворнаго вліянія, которое оказываетъ на земледѣліе страны собственная развитая мануфактурная промышленность, всѣ многочисленные аргументы въ пользу того, что здоровымъ національнымъ тѣломъ можетъ быть признана только та нація, у которой одинаково развиты и земледѣліе и обрабатывающая промышленность, въ то время какъ чисто-земледѣльческая нація подобна человѣку съ одной рукой,—всѣ эти построенія и доводы созданы, главнымъ образомъ, для того, чтобы доказать, что Германія должна всячески развивать свою обрабатывающую промышленность и беречься отъ соблазна стать чисто-земледѣльческой страной, обслуживающей своими продуктами англійскій рынокъ. Лишь одновременно земледѣльческая и промышленная нація можетъ стать крѣпкимъ, замкнутымъ въ самомъ себѣ національнымъ тѣломъ. Книга Листа совершенно явственно говоритъ о томъ, что первымъ этапомъ германскаго возрожденія должно было стать образованіе такого національнаго тѣла. Въ этомъ смыслѣ особенно характерны разсужденія Листа о соотношеніяхъ земледѣльческой и промышленной силъ (Manufaktur- und Agrikulturkraft) и объ исходныхъ задачахъ нѣмецкой промышленности.

Листъ останавливается, главнымъ образомъ, на выгодахъ, которыя

получаетъ агрикультуристъ отъ сожительства мануфактуръ на территоріи той же націи. Онъ говоритъ, что, благодаря этому сожительству, агрикультуристъ, обслуживая промышленное населеніе своей страны, становится независимымъ въ своихъ интересахъ отъ условій вывоза отъ войнъ, чужихъ политическихъ движеній, чужихъ жатвъ. [1]) Съ другой стороны, онъ говоритъ, что первой задачей нѣмецкой промышленности является покореніе своего собственнаго внутренняго рынка. [2]) Эта картина соотвѣтствуетъ представленію о замкнутомъ, въ главныхъ своихъ проявленіяхъ (промышленности и земледѣліи), національномъ хозяйствѣ. Почти единственное исключеніе изъ этой хозяйственной замкнутости представляетъ собою, по Листу, торговля съ жаркими странами для добыванія колоніальныхъ товаровъ. И не совсѣмъ неправъ былъ бы тотъ читатель Листа, который сказалъ бы, что идеальнымъ, для сознанія Листа, хозяйственнымъ состояніемъ европейскихъ народовъ является постоянная таможенная война при сохраненіи, однако, возможности товарообмѣна съ жаркими странами. Недаромъ же Листъ рекомендуемую имъ таможенную систему считаетъ необходимымъ продолженіемъ запретительной системы, создающейся благодаря войнамъ. Относительно торговли съ жаркими странами, о которой говоритъ Листъ, нужно замѣтить, что она неизбѣжна даже для замкнутыхъ, въ смыслѣ сочетанія и земледѣлія и промышленности на единой территоріи, національныхъ цѣльностей. Напримѣръ, въ современномъ быту огромное употребленіе находятъ хлопчато-бумажныя ткани; развитая національная промышленность современности прямо немыслима безъ ихъ производства; между тѣмъ, хлопокъ произрастаетъ только въ жаркихъ странахъ; поэтому даже замкнутому національному хозяйству не обойтись безъ ввоза хлопка.

Но ввозъ въ страну нѣкоторыхъ продуктовъ жаркаго пояса, которые не могутъ производиться внутри самой страны, какъ хлопокъ, самъ по себѣ не можетъ служить признакомъ совершившагося хозяйственнаго имперіалистическаго расширенія. Листъ предполагаетъ существованіе подобнаго оборота съ жаркими странами; это не мѣшаетъ признавать, что его построенія касаются, главнымъ образомъ, замкнутаго національнаго хозяйства, а не хозяйства въ стадіи имперіалистическаго расширенія. То предполагаемое хозяйственное цѣлое, которое Листъ постоянно имѣетъ въ виду, очень мало нуждается въ „хозяйственномъ дополненіи“ странами низшей культуры. Развитіе промышленности и число населенія въ этомъ цѣломъ держатся въ такихъ предѣлахъ, что необходимыя количества сырья и продуктовъ питанія все еще могутъ быть произведены на собственной территоріи.

1) Idid., S. 313—314.
2) Ibid., S. 280.

Въ приведенномъ взглядѣ на построенія Листа есть, конечно, доля преувеличенія. Однако, несомнѣнно, что осуществленіе идей Листа должно было повести на извѣстное время къ нѣкоторой хозяйственной замкнутости, въ смыслѣ возможности полно обслужить страну и собственной промышленностью, и собственнымъ земледѣліемъ. Германія отъ положенія экономически эксплоатируемой страны (англійская эксплоатація; время послѣ 1815 г.) должна была прійти къ имперіалистическому экономическому расширенію по ступенямъ болѣе или менѣе замкнутаго къ себѣ національнаго хозяйства.

Такое же представленіе о преобладаніи въ построеніяхъ Листа абстракцій національнаго, но не имперіалистическаго хозяйства даютъ его разсужденія о совершенной безполезности таможеннаго поощренія земледѣлія, т.-е. собственно то обстоятельство, что онъ считаетъ невозможнымъ упадокъ земледѣлія на территоріи великопромышленной націи (наприм., въ Англіи) даже въ періодъ ея полнаго экономическаго развитія. Между тѣмъ, такія страны не разъ видали упадокъ земледѣлія и запустѣніе земли благодаря привозу дешевыхъ продуктовъ изъ хозяйственно „имперіализуемыхъ“ странъ. Такое запустѣніе видѣли Италія и Греція послѣднихъ вѣковъ античности, оно замѣчается въ современной Англіи, и Германія, при благопріятномъ ходѣ экономическаго развитія, была бы въ ближайшемъ времени на пути къ нему.

Непремѣннымъ условіемъ созданія мощнаго нѣмецкаго національнаго хозяйства Листъ считалъ политическое объединеніе Германіи. Только подъ покровомъ сильнаго государства, которое будетъ создано этимъ объединеніемъ, можетъ, по мнѣнію Листа, вырасти и укрѣпиться здоровое національное хозяйство.

Обращаясь къ прошлому, Листъ находитъ, что Германіи не удалось образовать въ средніе вѣка или въ началѣ новыхъ мощное цѣлое именно благодаря пренебрежительному отношенію къ развитію собственныхъ производительныхъ силъ націи, къ совмѣстному развитію отечественныхъ мануфактуры и земледѣлія, и благодаря отсутствію достаточной политической спайки. Сперва онъ говоритъ о ганзейскихъ городахъ. „Какъ легко было бы имъ (т.-е. ганзейскимъ городамъ) во времена ихъ морского владычества (XIII—XIV вв.) основать, въ единеніи съ верхненѣмецкими городскими союзами, нижнюю имперскую представительную палату, создать противовѣсъ имперской аристократіи, достигнуть при помощи императорской власти національнаго единства, объединить въ рукахъ одной націи все побережье отъ Дюнкирхена до Риги и, такимъ образомъ, добиться и сохранить нѣмецкому народу гегемонію въ области промышленности, торговли и морского могущества“ (N. S. P. Oek., S. 102).

Но ганзейцы не обращали достаточнаго вниманія на развитіе соб-

ственной мануфактуръ и земледѣлія, они были только передатчиками чужихъ товаровъ, они были полны сепаратизма, не осознали общности своихъ интересовъ съ интересами всей Германіи, и поэтому объединеніе, исходящее отъ этихъ союзовъ торговыхъ республикъ, не осуществилось.

Новая возможность создать германское могущество возникла, по мнѣнію Листа, при Карлѣ V (1519—1556 гг.), когда Германская имперія объединилась подъ властью этого монарха съ родственными ей „по духу и нравамъ, по происхожденію и языку обитателей“ нидерландскими провинціями—Голландіей, Фландріей и Брабантомъ.

„Если бы Карлъ V отбросилъ отъ себя испанскую корону, какъ отбрасываютъ камень, который влечетъ насъ въ бездну, насколько иная судьба ждала бы въ такомъ случаѣ Нидерланды и Германію! Какъ правитель соединенныхъ Нидерландовъ, какъ германскій императоръ и глава реформаціи, Карлъ имѣлъ въ распоряженіи всѣ средства, какъ матеріальныя, такъ и духовныя, чтобы создать величайшее морское и сухопутное могущество, какое когда-либо существовало,—морскую державу, которая соединила бы подъ однимъ флагомъ всѣ корабли отъ Дюнкирхена до Риги.

„Карлъ V и его мрачный сынъ пошли по другому пути; ставъ во главѣ фанатиковъ, они хотѣли испанизировать Нидерланды“.

Предоставленная впослѣдствіи самой себѣ, Голландія оказалась не въ силахъ удержаться въ ряду великихъ державъ, потому что, по слову Листа, „небольшая полоска приморской земли, населенная кучкой нѣмецкихъ рыбаковъ и мореходовъ, не можетъ стать великодержавной страной“.

Мы видимъ, что Листъ прилагалъ всѣ усилія, чтобы избѣжать ошибокъ прошлаго; онъ ратовалъ за развитіе производительныхъ силъ Германіи—предварительно для созданія крѣпкаго національнаго хозяйства. Затѣмъ онъ считалъ необходимымъ для своего времени политическое объединеніе, съ сохраненіемъ существующихъ династій, всѣхъ германскихъ государствъ, включая сюда ганзейскіе города, Голландію и, по возможности, Бельгію. Въ населеніи послѣднихъ странъ онъ видѣлъ лишь отпрыски нѣмецкой народности. При оставленіи имъ независимости, онъ считалъ ихъ оплотами враждебнаго германизму англійскаго владычества на континентѣ Европы; въ случаѣ ихъ присоединенія къ Германіи онъ прозрѣвалъ въ нихъ проводниковъ германскаго морского и колоніальнаго могущества.

Здѣсь Листъ уже выходитъ за предѣлы задачъ, непосредственно выдвигавшихся жизнью Германіи того времени. Отъ разысканія способовъ національнаго утвержденія Германіи въ области хозяйства и политики,—въ разсужденіяхъ о необходимости морского и колоніальнаго

могущества Германіи Листъ переходитъ къ вопросамъ грядущаго имперіалистическаго расширенія Германіи въ области культуры, экономики и политики; этимъ самымъ онъ обгоняетъ свое время. Впрочемъ, мы оговариваемся: рѣзкое раздѣленіе національныхъ построеній отъ имперіалистическихъ привнесено къ Листу извнѣ; имперіализма, какъ стихіи, равноцѣнной національной стихіи, онъ не знаетъ; самое слово „имперіализмъ“ онъ употребляетъ въ своей „Національной системѣ“ всего два или три раза. Чаще онъ оперируетъ съ понятіемъ „колонія“, которое обнимаетъ у него и области выселенія самой „имперіализующей“ націи, и экономически эксплоатируемыя страны, заселенныя чуждыми ей народами. И знаетъ онъ, по существу, только одинъ типъ имперіализма—типъ англійскій, т.-е. „колоніально-экономическій“.

Англія была для Листа великой учительницей имперіализма. Вполнѣ различая всѣ три его элемента—культуроносительство, экономическое и политическое расширеніе, и правильно опредѣляя основное космическое заданіе имперіализма—распространеніе среди отсталыхъ народовъ высшей культуры, онъ можетъ представить себѣ экономическій и политическій элементы имперіализма только въ томъ соотношеніи, который они являютъ въ расширеніи Англіи. И поэтому „континентально-политическое“ расширеніе Рима, произведенное „только при помощи холодной стали“, онъ считаетъ ведущимъ лишь къ варварству. Какъ это неправильно исторически!

Космическія цѣли имперіалистическаго расширенія онъ характеризуетъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Доказательствомъ, что задачей человѣчества является цивилизація всѣхъ націй, культура всего земного шара, служитъ тотъ неизмѣнный законъ природы, что цивилизованные народы съ непреодолимой силой побуждаются природой перенести свои производительныя силы на менѣе культурныя страны“.

А самый процессъ имперіалистическаго расширенія Листу представляется въ формѣ постояннаго обмѣна мануфактурныхъ товаровъ „имперіализующаго“ центра на земледѣльческіе продукты „имперіализуемыхъ“ земель. [1]) Изъ подобнаго обмѣна,—какъ думалъ Листъ,—неизбѣжно рождается зависимость странъ земледѣльческихъ отъ странъ мануфактурныхъ. Нѣтъ нужды доказывать, что здѣсь рѣчь идетъ несомнѣнно о томъ „хозяйственномъ дополненіи“ странъ высшей экономической культуры странами низшей, которое мы считаемъ проявленіемъ хозяйственнаго имперіалистическаго расширенія. Листъ изображаетъ политическое и культурное имперіалистическое расширеніе исключительно какъ слѣдствіе хозяйственныхъ отношеній подобнаго рода, и поэтому

---

[1]) Мысли, высказываемыя Листомъ, мы переводимъ на языкъ нашихъ категорій.

можно смѣло сказать, что всѣ имперіалистическія построенія Листа имѣютъ въ виду имперіалистическое расширеніе, основанное на приматѣ экономическихъ отношеній, т.-е. касаются имперіализма англійскаго типа.

Будущее Германіи, послѣ національнаго утвержденія, Листъ видитъ въ слѣдованіи по путямъ этого имперіализма въ цѣляхъ распространенія на менѣе цивилизованные народы своего „моральнаго, интеллектуальнаго, промышленнаго, коммерческаго и политическаго вліянія"

Въ то же время Листъ чувствуетъ, что, идя по пути колоніальнаго расширенія, подобному путямъ Англіи, Германія неизбѣжно должна встрѣтиться на этомъ пути со своей учительницей. Листу казалось необходимымъ для будущаго Германіи создать, опираясь на побережье „отъ Дюнкирхена до Риги", германскую великодержавную морскую мощь. И это тѣмъ болѣе казалось тогда труднымъ, что ко времени Листа Германія еще не вполнѣ освободилась отъ экономической зависимости отъ Англіи. Ничего Листъ такъ не боится, какъ возможности, что Англія „цивилизуетъ всю Азію, Африку, Австралію и заполнитъ ихъ государствами по англійскому образцу, подъ верховенствомъ метрополіи. Франція будетъ поставлять вина этому англійскому міру. Германія едва ли можетъ доставлять ему что-либо, кромѣ дѣтскихъ игрушекъ, деревянныхъ стѣнныхъ часовъ, филологическихъ писаній и временами— вспомогательный корпусъ, предназначенный для того, чтобы въ пустыняхъ Азіи или Африки распространять англійское мануфактурное торговое владычество, англійскую литературу и языкъ".

Листъ опредѣленно ставилъ нѣмецкому народу задачу: избѣгнувъ участи „имперіализуемой" націи, не ограничиваться рамками чисто-національнаго бытія, но стать націей „имперіализующей" по типу „колоніально-экономическаго" расширенія. „Государственный союзъ съ 35 мил. населенія (столько его будетъ насчитываться въ Германіи, когда завершится объединеніе), который, при ежегодномъ увеличеніи населенія на $1^1/_2{}^0/_0$ безъ вреда для себя можетъ лишаться ежегодно отъ 200 до 300 тысячъ человѣкъ, провинціи котораго полны опытными и образованными людьми, которымъ естественно попытать свое счастіе въ отдаленныхъ странахъ, людьми, которые вездѣ вкореняются и крѣпко осѣдаютъ, гдѣ первобытные лѣса способны стать плодородными пашнями,—такой государственный союзъ призванъ самой природой стать въ первомъ ряду среди колонизующихъ и распространяющихъ культуру націй".

Въ Листѣ жила, повидимому, твердая увѣренность, что Германіи удастся совершить свое имперіалистическое колоніальное расширеніе исподволь, безъ большихъ столкновеній; что въ мірѣ хватитъ мѣста, на-ряду съ британской имперіей, и для великой германской колоніальной державы. Въ этомъ смыслѣ онъ далъ нѣсколько конкретныхъ указаній.

Листъ находилъ, что, прежде всего, Германія должна принять

дѣятельное участіе въ возрожденіи къ новой жизни странъ старой, но омертвѣвшей культуры, какъ Китай, Персія и Турція. Онъ считалъ, что природа какъ бы „указываетъ пальцемъ", на какомъ пути должно произойти это возрожденіе—на почвѣ обмѣна богатыхъ земледѣльческихъ продуктовъ Азіи на европейскіе мануфактурные товары.

Поселенія европейцевъ должны пріобрѣсти характеръ свободныхъ городовъ. А къ мѣстнымъ властителямъ должны быть приставлены европейскіе совѣтники, какъ въ британской Остъ-Индіи. Ни одна изъ европейскихъ націй не должна имѣть въ этомъ великомъ дѣлѣ особыхъ преимуществъ. Въ частности, въ Турцію, какъ и въ Румынію и Сербію, Листъ даже считалъ возможнымъ, по соглашенію съ Австро-Венгріей, направить нѣмецкихъ колонистовъ, послѣ того какъ нѣмецкимъ правительствамъ удастся установить тамъ сносный политическій и общественный порядокъ.

Выселеніе въ Сѣверную Америку Листъ характеризовалъ, какъ потерю для нѣмецкой національности; поселенцы теряются въ массѣ англосаксонскаго населенія. Зато ему казалось плодотворнымъ для германизма выселеніе въ Южную Америку, Бразилію, Аргентину и другія земли на югъ отъ Соединенныхъ Штатовъ. „Эти страны—безъ собственной моральной силы—для поднятія въ нихъ культуры, установленія и укрѣпленія правопорядка нуждаются въ иммиграціи. Переселенцевъ должна дать Германія. Она должна установить здѣсь общественную безопасность, улучшать средства сообщенія и постановку народнаго образованія, и не должна даже бояться послать сюда вспомогательный корпусъ, если этимъ она можетъ наложить обязательства на мѣстное правительство".

Здѣсь предусмотрѣны всѣ элементы имперіалистическаго объединенія: культура, экономика, политика. По мысли Листа, въ Южной Америкѣ Германія должна породить новые народы отъ собственной крови—и этимъ создать себѣ обширные рынки, широкую сферу экономическаго расширенія, которую Англія имѣла въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, до ихъ отпаденія, и донынѣ имѣетъ въ Канадѣ, Австраліи и Новой Зеландіи.

Ко времени Листа еще не вся Австралія и не вся Новая Зеландія были заняты англичанами. Листъ совѣтывалъ Пруссіи немедленно же основать здѣсь нѣмецкія колоніи, въ отдаленіи отъ англійскихъ поселеній.

Отмѣченная выше идея о мирномъ сожительствѣ великой Германіи и великой Англіи получила особенно яркое выраженіе въ статьѣ, написанной Листомъ въ годъ смерти, т.-е. въ 1846 г.—„О значеніи и условіяхъ британско-нѣмецкаго союза" [1]). Содержаніе статьи преиму-

---

[1]) Ueber den Wert und die Bedingungen einer Allianz zwischen Groszbritanien und Deutschland. Мы пользовались ею въ Fried. List's Gesammelte Schriften, 2-er Theil, 1850, S. 435—468.

щественно политическое; но его политическія требованія какъ бы вырастаютъ изъ экономической первоосновы; подобное сочетаніе экономики и политики вообще характерно для построеній Листа.

Листъ строитъ свою политическую систему совсѣмъ не на тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ строилась и, казалось, должна была строиться политика въ 40 годахъ XIX вѣка и въ ближайшее къ нимъ время. Въ своихъ конструкціяхъ Листъ принимаетъ за реальность два факта, которые къ его времени еще вовсе не имѣли мѣста въ дѣйствительности: 1) Германія объединена и представляетъ собою экономически и политически мощное національное тѣло. 2) Австрія отказалась отъ своего соперничества съ Пруссіей и находится въ ближайшемъ союзѣ съ объдиненной Германіей. Листъ думалъ, что при такомъ положеніи Франція и Россія неизбѣжно придутъ къ союзу между собою,—союзу, который будетъ направленъ противъ Германіи и будетъ имѣть цѣлью уничтожить ее, инкорпорировать ея отдѣльныя части и тѣмъ заставить нѣмцевъ служить интересамъ, съ одной стороны, Франціи, съ другой—Россіи. Въ то же время во Франціи и Россіи Листъ видѣлъ соперниковъ и противниковъ Англіи въ ея міровомъ „колоніально-экономическомъ“ расширеніи. Постулируя подобное положеніе, онъ неизбѣжно приходилъ къ мысли, что Англія и Германія—естественные союзники. Листъ считалъ необходимымъ, чтобы Англія тотчасъ же приступила къ закладкѣ основаній для этого союза; прежде всего, чтобы англійское правительство перестало препятствовать, въ интересахъ англійской промышленной монополіи, таможенному объединенію Германіи. Листъ совѣтовалъ, чтобы англійское правительство, наоборотъ, всячески способствовало экономическому и политическому національному объединенію Германіи и тѣмъ создало себѣ мощнаго и вѣрнаго союзника.

Нужно отмѣтить, что излагаемая здѣсь статья Листа состоитъ, главнымъ образомъ, изъ максимъ и требованій, которыя только въ малой степени сопровождаются практическими разъясненіями, въ какія формы выльется этотъ британо-нѣмецкій союзъ. Немногое сказанное Листомъ по этому вопросу сводится къ слѣдующему. Чтобы держать „въ уздѣ“ Францію и Россію и чтобы гарантировать себѣ удобное сообщеніе со своей Остъ-Индской имперіей, Англіи необходимо овладѣть Египтомъ и Малой Азіей. Это пріобрѣтеніе можетъ быть сдѣлано только при наличности союза Британіи съ „объединенными нѣмецкими державами“, т.-е. съ собственно Германіей и съ Австріей. Условіемъ такого союза должно являться распространеніе нѣмецкаго владычества на всѣ европейскія владѣнія Турціи, т.-е., по тогдашнему положенію, на весь Балканскій полуостровъ. Египетъ, Сирія и Малая Азія станутъ тогда средоточіемъ германской военной морской и сухопутной силы. Отсюда должны посылаться англійскіе корабли и солдаты

во всѣ тѣ мѣста Африки или Азіи, гдѣ они нужны въ данный моментъ. Усовершенствованіе путей сообщенія въ этой области должно увеличить англійскую торговлю съ Инціей; наконецъ, эти страны могутъ принять многочисленныхъ европейскихъ поселенцевъ и стать тѣмъ, чѣмъ были во времена античности,—житницей міра. О томъ же, въ какія реальныя формы должно вылиться нѣмецкое владычество на Балканахъ, Листъ въ своей статьѣ о британо-нѣмецкомъ союзѣ не говоритъ. Но взгляды Листа на этотъ вопросъ нашли свое выраженіе въ немного болѣе раннемъ очеркѣ (1845 г.): „О національно-экономической реформѣ въ Венгріи" [1]). Въ этомъ очеркѣ Листъ требовалъ, чтобы австрійское правительство провело въ Венгріи рядъ преобразованій, которыя улучшили бы политическій строй этой страны, вызвали бы широкое развитіе ея производительныхъ силъ и тѣмъ привлекли бы венгровъ, эту „огненную, богатую фантазіей и высокими чувствами" націю, къ служенію нѣмецкому дѣлу. Въ частности, Венгрія вмѣстѣ съ нѣмецко-австрійскими провинціями должна, по мнѣнію Листа, послужить основнымъ „имперіализующимъ" ядромъ новой большой имперіи. Онъ говоритъ: „Промышленность и торговля Австріи и Венгріи, рука объ руку, должны обратиться къ использованію нижнедунайскихъ странъ путемъ обмѣна мануфактурныхъ продуктовъ на земледѣльческія; за установленіемъ такой хозяйственной связи, основанной на взаимныхъ выгодахъ, должно, рано или поздно, послѣдовать политическое объединеніе".

Слѣдовательно, подъ „нѣмецкимъ владычествомъ въ европейскихъ владѣніяхъ Порты" Листъ понималъ имперіалистическое расширеніе Австро-Венгріи на Румынію, Болгарію и Сербію. Интересно, что онъ строилъ это расширеніе на экономической первоосновѣ; въ то же время несомнѣнно, что и въ намѣченной имъ формѣ оно носитъ характеръ континентальнаго расширенія и должно вести къ образованію такого территоріальнаго единства, что понятіе „колоніи", всегда предполагающее извѣстное обособленіе отъ метрополіи, здѣсь по отношенію къ „имперіализуемымъ" частямъ является непримѣнимымъ. Къ построенному Листомъ типу лучше всего подошло бы названіе „континентально-экономическаго" расширенія.

Подобное расширеніе Австро-Венгріи для остальной Германіи, по идеѣ Листа, должно служить гарантіей ея безопасности со стороны Россіи; Россія угрожаетъ со стороны континента; поэтому мы сказали бы—расширеніе Австріи дастъ для союзной Германіи „континентальныя гарантіи". „Когда ослаблена Австрія, ослаблена вся Германія" (S. 318).

---

[1]) Uber die national-ökonomische Reform des Königreichs Ungarn. Gesammelte Schriften, 2-er Theil, S. 299—366.

Листъ въ яркихъ чертахъ изображаетъ русскую опасность, грозящую Германіи; Россія—варварская страна; при томъ она очень агрессивна; ей необходимо захватить хоть часть Германіи, чтобы заставить нѣмецкую культуру служить себѣ. Только союзъ съ мощной Австро-Венгріей можетъ отвратить отъ Германіи эту опасность.

Всѣ построенія Листа почти совсѣмъ непримѣнимы къ ближайшему къ нему времени, наприм., ко времени крымской войны. Объединенія германскихъ государствъ тогда еще не существовало; франко-русскаго союза еще даже и не намѣчалось; наоборотъ,—въ 1854 г. Франція соединилась съ Англіей, чтобы препятствовать проникновенію русскихъ на Востокъ. Но уже вскорѣ началось осуществленіе многаго изъ того, что предвидѣлъ Листъ. Прежде всего осуществилось національное хозяйственное самоутвержденіе Германіи. Между 1840 и 1870 годами въ Германіи, въ значительной мѣрѣ, имѣло мѣсто то идеальное сожительство промышленности и земледѣлія на одной территоріи, о которомъ такъ часто говорилъ Листъ; промышленность все болѣе развивалась и пріобрѣтала большую силу; въ то же время собственныхъ земледѣльческихъ продуктовъ еще хватало для удовлетворенія, въ полномъ размѣрѣ, всѣхъ главнѣйшихъ потребностей населенія. Вплоть до 1875 г. непрерывно росла цѣна на земли и повышалась земельная рента; затѣмъ въ 1871 г.—національное хозяйственное самоутвержденіе завершилось національнымъ политическимъ объединеніемъ. На краткій мигъ Германія стала завершенной въ себѣ національной цѣльностью. Достигнутое было закрѣплено союзомъ съ Австро-Венгріей. Свершилось предвидѣнное Листомъ „объединеніе германскихъ державъ“. Бисмаркъ сказалъ: „Saturiert“.

Но уже въ ближайшее время за 1871 г. начали намѣчаться нѣкіе новые процессы. Въ началѣ 80-хъ годовъ было потеряно равновѣсіе между земледѣліемъ и промышленностью. Своего хлѣба стало нехватать. Возникла необходимость ввоза изъ чужихъ странъ въ значительныхъ количествахъ продуктовъ питанія. Ввозъ сырья принялъ огромные размѣры: шагавшая гигантскими шагами по пути развитія промышленность требовала все въ большихъ количествахъ матеріала для переработки. Установился „пассивный“ торговый балансъ — признакъ большого экономическаго благосостоянія. Въ 1910 г. въ Германіи было 65 мил. населенія; а территорія страны могла прокормить только 50 мил.; ежегодная прибавка населенія достигла 900 тысячъ. Германія стала чисто-промышленной страной, съ огромной производительной промышленной силой, но безъ собственнаго сырья и хлѣба.

Хозяйственное имперіалистическое расширеніе Германіи къ началу XX вѣка свершилось; она стала страной очень высокой экономической культуры, и многіе чужія земли и страны служили ея „хозяйственнымъ

дополненіемъ", ея поставщиками хлѣба и сырья. Требовалось создать этому хозяйственному расширенію политическія гарантіи. Но на пути политическаго расширенія Германіи встали: съ одной стороны, возникшій въ серединѣ 80-хъ годовъ XIX вѣка франко-русскій союзъ, съ другой стороны—Англія. Слѣдовательно, въ одномъ Листъ ошибся: Англія не вступила въ союзъ съ Германіей. Эта ошибка вполнѣ объяснима; въ построеніяхъ Листа о британско-нѣмецкомъ союзѣ было противорѣчіе, которое должно было разрушить все построеніе. Говоря—въ своей „Національной системѣ"—о грядущемъ колоніально-экономическомъ расширеніи Германіи, Листъ ничего не говорилъ въ этой своей работѣ о британо-германскомъ союзѣ; онъ сознавалъ, что при такомъ расширеніи Германія должна неизбѣжно стать не союзникомъ, но соперникомъ Англіи. Тамъ же, гдѣ Листъ проводитъ идею британо-германскаго союза, онъ какъ бы совсѣмъ забываетъ то, о чемъ говорилъ раньше; именно, что въ своемъ развитіи Германія непремѣнно придетъ къ необходимости колоніально-экономическаго расширенія. Въ своей статьѣ о британо-германскомъ союзѣ, Листъ разсматриваетъ Германію, какъ чисто-національное тѣло. Оставаясь въ предѣлахъ чисто-національнаго бытія, Германія, конечно, могла жить въ мирѣ съ британской имперіей, какъ на это указываетъ Листъ; но, пожелавъ создать и себѣ такую же имперію, Германія естественно должна была стать соперницей Англіи. Въ упомянутой статьѣ Листъ совершенно упустилъ изъ виду это обстоятельство. Выросши въ своемъ экономическомъ развитіи за предѣлы чисто-національнаго бытія, Германія рѣшила вступить въ борьбу за имперію. Только созданіемъ „имперіи" она могла добыть гарантіи незыблемости своего осуществившагося хозяйственнаго имперіалистическаго расширенія. Въ этой борьбѣ Англія оказалась въ станѣ враговъ Германіи.

Громадное большинство новѣйшихъ идеологовъ великой Германіи пошло по тѣмъ путямъ, которые указалъ Листъ. Это слѣдованіе бывало часто даже слишкомъ рабскимъ. Построеніе Листа объ отношеніяхъ между Германіей и Англіей несомнѣнно не осуществилось. Несмотря на это, новѣйшіе нѣмецкіе литераторы продолжали повторять основныя практическія требованія Листа, и тѣмъ впадали въ противорѣчіе съ самими собой и съ дѣйствительностью. Къ рѣшенію вопроса, которое соотвѣтствовало реальнымъ условіямъ, они подошли ощупью, невѣрными шагами. Однако, съ основными положеніями Листа и это рѣшеніе отнюдь не стоитъ въ противорѣчіи.

Духъ и мысль Листа донынѣ ведутъ за собою Германію.

Петръ Савицкій.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Изъ трезвой деревни.

Пишущему эти строки какъ-то непривычно писать изъ „трезвой“ деревни. Слишкомъ ужъ свыклись мы съ обликомъ деревни пьяной, обалдѣлой отъ паровъ алкоголя, слишкомъ велика перемѣна во всемъ ея бытѣ за эти мѣсяцы, когда закрыты гостепріимныя двери казенокъ и безчисленныхъ шинковъ. Просто не вѣрится тому, что видишь, и боишься, что все это только сонъ,—одно изъ тѣхъ „праздныхъ мечтаній“, которое вотъ-вотъ разсѣется яко дымъ... Прежнія деревенскія темы: пьянство, дебоши, хулиганство, пропиваніе надѣловъ, водка въ судѣ, водка на сходѣ—все это куда-то провалилось, какъ въ волшебной сказкѣ...

Русская пословица „нѣтъ худа безъ добра“,—этотъ парадоксъ народной мудрости,—оправдалась въ полной мѣрѣ. Война небывалая по своимъ размѣрамъ вызвала къ жизни то, о чемъ еще такъ недавно можно было только мечтать, безъ надежды, что мечта когда-либо осуществится,—отрезвленіе народа. Положимъ, отрезвленіе принудительное, но все же отрезвленіе, реальныя послѣдствія котораго у всѣхъ на виду.

Проклятый вопросъ о борьбѣ съ пьянствомъ и его роднымъ дѣтищемъ хулиганствомъ, мутной волной захлестнувшимъ нашу деревню, разрѣшился просто: закрыта продажа крѣпкихъ напитковъ, убранъ съ глазъ долой великій соблазнъ, и сразу же измѣнилось лицо русской деревни, а съ тѣмъ вмѣстѣ и лицо всей русской жизни. Простота рѣшенія вопроса поражаетъ своей смѣлостью: но вѣдь извѣстно, что простыя рѣшенія въ то же время и самыя трудныя, требующія огромнаго запаса рѣшимости, и нужно было великое потрясеніе, чтобы, не мудрствуя лукаво, прійти къ нему. Въ нашемъ бюджетѣ питейный доходъ представляетъ столь значительную величину, что финансовому вѣдомству приходилось основательно призадуматься надъ изысканіемъ новыхъ источниковъ дохода, которые замѣнили бы собою отказъ казны отъ извлеченія дохода изъ народнаго пьянства. 700 милліоновъ—не шутка, особенно теперь, когда война требуетъ колоссальныхъ затратъ, когда все народное хозяйство съ верху до низа потрясено военными дѣйствіями, сократившими това-

рообмѣнъ и понизившими производительность народнаго труда. Но самый успѣхъ войны—какъ это было правильно учтено—зависитъ прежде всего отъ сохраненія въ народѣ бодрости. Урокъ дальневосточной кампаніи не пропалъ даромъ, и гордіевъ узелъ народнаго отрезвленія былъ смѣло разрубленъ. Нужно признать, что если бы не война, вѣроятно и теперь все еще продолжались бы колебанія и споры, изобрѣтались бы палліативы, вродѣ „разумныхъ развлеченій“ для отвлеченія отъ водки, усиленія каръ за хулиганскіе проступки и преслѣдованія корчемства и т. п., а зеленый змій, знай себѣ, продолжалъ бы свою губительную дѣятельность, внося духовное и физическое разложеніе въ народныя массы, сѣя вокругъ себя нищету и преступность...

Итакъ, нѣтъ худа безъ добра...

Внутри страны мы имѣемъ уже такую побѣду, которая одна выкупаетъ, можетъ быть, большую часть тѣхъ жертвъ, которыя принесены и будутъ еще принесены Россіей на кровавый алтарь войны. Вѣдь надо же признать, что въ конечномъ счетѣ ни одна самая кровопролитнѣйшая война не унесетъ столько жизней и не внесетъ такого моральнаго и экономическаго развала, какъ алкоголь, дѣйствіе котораго къ тому же не ограничивается однимъ поколѣніемъ. Тутъ только жертвы не такъ видны, какъ въ войнѣ, и потому выносятся—да будетъ позволено такъ выразиться—охотнѣе...

Итакъ, война помогла намъ одержать побѣду надъ внутреннимъ, исконнымъ супостатомъ, помогла покончить съ народнымъ пьянствомъ, съ пьянымъ бюджетомъ, и съ тѣми разрушеніями, которыя вѣками вносилъ въ жизнь алкогольный угаръ. Для бытописателя русской деревни теперь является чрезвычайно важнымъ вопросъ о томъ, какъ встрѣтилъ народъ принудительное отрезвленіе, въ чемъ наглядно выразилось изъятіе изъ обихода сивухи? Оговариваемся: мы не считаемъ возможнымъ подводить какіе-либо итоги: вѣдь отрезвленію, что называется, безъ года недѣля, и жизнь народа, его бытъ не можетъ измѣняться въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Теперь можно только намѣтить тѣ слагаемыя, изъ которыхъ потомъ, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, сложатся итоги, и съ нѣкоторой осторожностью попытаться заглянуть въ это будущее...

По общимъ отзывамъ, идущимъ изъ всѣхъ уголковъ нашего отечества, картина жизни русской деревни рѣзко измѣнилась со времени прекращенія продажи крѣпкихъ напитковъ: нѣтъ уличныхъ скандаловъ, дракъ, сквернословія, бывшихъ прежде обычными явленіями. Значительно убавилось число оборванцевъ, общій видъ населенія сталъ здоровѣе, лица осмысленнѣе, одежда чище и лучше. То, что прежде пропивалось въ казенкахъ и шинкахъ, теперь идетъ на улучшеніе хозяйства и питанія. Даже привычные пропойцы, завсегдатаи шинковъ и трак-

тировъ, вѣчно ходившіе въ лохмотьяхъ и опоркахъ, попріодѣлись, меньше стало и попрошайства. Деревенскіе праздники-„престолы“, большая часть которыхъ приходится на осень (Покровъ, Казанская, Введеніе, Знаменіе, дни св. Сергія и Димитрія, наиболѣе чтимыхъ по деревнямъ святыхъ православной церкви, Михайловъ день и др.), проходятъ чинно, безъ обычнаго пьянства, сопровождаемаго драками и членовредительствомъ. Столь же благообразно справляются свадьбы, которыя даже въ бѣдныхъ семьяхъ рѣдко обходились безъ 5—10 ведръ водки, для чего обычно продавалось все, что только можно продать, и дѣлались обременительные займы. Даже гульба рекрутовъ передъ наборомъ, гульба, продолжавшаяся обычно полтора-два мѣсяца и дѣлавшая улицы деревни положительно непроходимыми для мирныхъ обывателей, на этотъ разъ была лишена своего обычнаго характера. Поговорите съ крестьянами, и услышите повсюду единодушный отзывъ: теперь стало не въ примѣръ лучше, и хорошо было бы, какъ бы навѣки вѣчные такъ установилось. Такъ говорятъ даже привычные пьяницы, первое время сильно страдавшіе отъ невозможности добыть водки: очевидно, и въ нихъ принудительное отрезвленіе пробудило сознаніе гибельности пьянства. А женщины—молодыя и старыя—такъ тѣ не иначе какъ съ умиленіемъ относятся къ наступленію эры трезвости. И еще бы: вѣдь женщина наиболѣе страдала отъ алкоголя, и кому же, какъ не ей, благословлять побѣду надъ этимъ лютымъ врагомъ, разрушавшимъ и домашній миръ, и экономическое благополучіе крестьянской семьи.

Анкеты, произведенныя нѣкоторыми земствами, въ достаточной мѣрѣ выясняютъ отношеніе деревни къ алкогольному вопросу. Подавляющее количество корреспондентскихъ отвѣтовъ, съ которыми намъ довелось ознакомиться, говорятъ о благодѣтельномъ вліяніи прекращенія торговли крѣпкими напитками и о желательности „прикрыть“ эту торговлю „навсегда“, причемъ подавляющее число отвѣтовъ касаются запрещенія продажи и водки, и винъ, и пива. Лишь небольшой процентъ корреспондентовъ высказывается въ пользу торговли пивомъ и виноградными винами, значительная же часть ихъ признаютъ пиво болѣе соблазнительнымъ и болѣе дорогимъ напиткомъ, чѣмъ водка. Что касается собственно виноградного вина, то отношеніе къ нему земскихъ корреспондентовъ нужно считать недостаточно выясненнымъ, потому что населеніе, за исключеніемъ жителей винодѣльческихъ районовъ, мало знакомо съ чистымъ виноградным виномъ, подъ названіемъ котораго обывателю деревни обычно подносится та же водка, разбавленная водой и сдобренная вкусовыми специями. Надо однако полагать, что и виноградныя вина, особенно крѣпкія, причисляются земскими корреспондентами къ числу нежелательныхъ напитковъ, подобно пиву, такъ какъ всѣ они высказываются за желательность полнаго отрезвленія народа.

Впрочемъ, относительно земскихъ анкетъ нужно сдѣлать небольшую оговорку. Земскіе корреспонденты,—тѣ, коимъ разсылаются по тѣмъ или инымъ поводамъ опросные листы,—не могутъ быть отождествляемы со всѣмъ населеніемъ. Правда, это мѣстные жители—учителя, священники, землевладѣльцы, крестьяне, хорошо знающіе свои районы, имѣющіе обширный кругъ знакомства и возможность широкаго наблюденія мѣстной жизни,—но они все же *не народъ,* не масса, а выдѣлившіеся изъ этой массы деревенскіе интеллигенты, въ большей или меньшей степени захваченные интеллигентской идеологіей,—хотя бы по паспорту они и значились крестьянами. И несомнѣнно, что, давая отвѣты на вопросы анкеты, они, при всемъ желаніи сохранить безпристрастіе и дать точную картину настроеній народа, привносятъ въ свои отвѣты нѣчто индивидуальное, высказываютъ свои собственные взгляды, добросовѣстно считая ихъ взглядами, господствующими въ широкихъ слояхъ народа. Зло алкоголизаціи страны такъ велико и застарѣло, что, конечно, найдется не мало людей, ропщущихъ на новые порядки, что принудительное отрезвленіе далеко не всѣми встрѣчено съ радостью, и что однимъ имъ вопросъ о борьбѣ съ пьянствомъ далеко не исчерпывается.

Въ первомъ ряду недовольныхъ запрещеніемъ продажи питей нужно поставить хотя и немногочисленную, но, къ сожалѣнію, вліятельную группу лицъ, непосредственно заинтересованныхъ въ производствѣ вина и процвѣтаніи водочной торговли, а также торговли пивомъ. Съѣздъ винокуренныхъ заводчиковъ успѣлъ уже высказать свое отношеніе къ дѣлу отрезвленія Россіи. Отношеніе это, какъ и слѣдовало ожидать, вполнѣ отрицательное. По мнѣнію съѣзда, воспрещеніе продажи крѣпкихъ напитковъ, помимо разоренія винокуренныхъ заводчиковъ, повлечетъ за собою гибель нѣкоторыхъ отраслей сельскаго хозяйства, тѣсно связанныхъ съ винокуреніемъ, и оставитъ безъ хлѣба десятки тысячъ рабочихъ, занятыхъ въ винокуренной промышленности. Тутъ несомнѣнно сказалась тенденція отождествлять свои интересы съ интересами государственными. Само собою разумѣется, что имѣніямъ, оборудованнымъ винокуренными заводами, принудительное отрезвленіе нанесетъ нѣкоторый ущербъ, лишивъ владѣльцевъ ихъ источника крупныхъ доходовъ,—а такихъ имѣній въ Россіи насчитывается до трехъ тысячъ. Владѣльцамъ придется перестроить всю систему полеводства, приноровленную къ нуждамъ винокуренія, сократить посадку картофеля и замѣнить его культурой другихъ хлѣбныхъ и кормовыхъ растеній. Это—безспорно. Но безспорно также и то, что никакого крушенія сельскохозяйственной жизни Россіи отъ этого не произойдетъ. Ссылка на то, что отбросами винокуренія—бардой—откармливается скотъ, что де благопріятно вліяетъ на развитіе отечественнаго скотоводства, едва ли достаточно убѣдительна: статистика, наоборотъ, удостовѣряетъ, что развитіе винокуренія и скотоводства

никогда не совпадаютъ, что, захватывая обширныя площади земли подъ культуру картофеля, винокуреніе даетъ не кормъ, а суррогатъ корма и содѣйствуетъ сокращенію посѣвовъ хлѣбныхъ злаковъ и кормовыхъ травъ. Тутъ очевидно заводчики, желая сохранить въ неприкосновенности свое право производить признанный вреднымъ для народнаго здоровья и благополучія спиртъ, что называется перехватили черезъ край и привели доводъ въ защиту винокуренія, не выдерживающій критики. Насиженныя позиціи сдаются, какъ извѣстно, не легко, и, конечно, всѣмъ еще памятны тѣ голоса, которые предостерегали отъ введенія винной монополіи, имѣющей убить цѣлую отрасль торговли и оставить безъ хлѣба сотни тысячъ торговцевъ, кормившихся около нея. Опытъ однако показалъ, что опасенія были напрасны и внушались своекорыстными побужденіями лицъ, непосредственно заинтересованныхъ въ сохраненіи вольной продажи водки, и никакого ущерба отъ замѣны послѣдней монопольной торговлей народное хозяйство не понесло. И какъ бы ни относиться къ винной казенной монополіи, нужно признать, что она имѣла одну положительную сторону: только при наличности ея оказалось возможнымъ провести такую радикальную мѣру, какъ повсемѣстное запрещеніе продажи питей, и какъ бы ни были велики грѣхи монополіи, этимъ они искупаются вполнѣ...

Что касается запугиванія винокуренныхъ заводчиковъ, что де десятки тысячъ рабочихъ, занятыхъ въ винокуренной промышленности, останутся не у дѣлъ, то, говоря вульгарно, цѣна такому запугиванію—ломаный грошъ. Всего въ винокуренной промышленности занято около сорока тысячъ рабочихъ (въ среднемъ по 14 на заводъ), — цифра, сама по себѣ далеко не устрашающая, да и кромѣ того, по свойству производства, эти 40 тысячъ не представляютъ собою обособленной специализировавшейся группы, какъ, напримѣръ, въ текстильной или металлообрабатывающей промышленности, гдѣ закрытіе заводовъ и фабрикъ не можетъ не вызывать безработицы и обнищанія среди занятыхъ въ нихъ рабочихъ. Обычно кадръ винокуренныхъ рабочихъ комплектуется изъ крестьянъ ближайшихъ къ заводамъ деревень, для которыхъ работа на заводахъ является не постояннымъ занятіемъ и источникомъ пропитанія, но лишь подсобнымъ промысломъ въ свободное отъ полевыхъ работъ время.

Испугъ винокуренныхъ заводчиковъ слишкомъ преувеличенъ и вызванъ всего вѣроятнѣе неожиданностью и радикальностью мѣропріятія, имѣющаго отрезвить Россію. Мы отнюдь не думаемъ, что это отрезвленіе окончательно убьетъ винокуренную промышленность: ей только придется пережить временныя затрудненія и приспособиться къ новымъ условіямъ существованія. Перспективы техническаго примѣненія спирта—безпредѣльны, и если министерство финансовъ пойдетъ

навстрѣчу болѣе широкому использованію спирта для техническихъ надобностей путемъ удешевленія его, то имѣется полное основаніе предполагать, что производство спирта не только не сократится, но въ будущемъ даже и расширится. У насъ для техническихъ цѣлей въ настоящее время используется около 2% всего выкуриваемаго спирта, тогда какъ, напримѣръ, въ Германіи для тѣхъ же цѣлей потребляется почти 50%: отсюда можно видѣть, какіе широкіе горизонты открываются передъ винокуренной промышленностью при условіи расширенія техническаго примѣненія спирта.

Помимо притязаній вліятельной группы винокуренныхъ заводчиковъ, дѣлу отрезвленія Россіи угрожаетъ вѣками усвоенная и вошедшая въ бытъ привычка населенія къ самоодурманиванію. Создался цѣлый рядъ обычаевъ, не только освящающихъ употребленіе водки, но и обязательно требующихъ его при различныхъ обстоятельствахъ и событіяхъ семейной и общественной жизни, а обычай, какъ извѣстно, сильнѣе требованій морали и закона. Не бѣда, что нѣтъ водки. Голь на выдумки хитра, говоритъ пословица, и при желаніи ее замѣняютъ суррогаты. Пьютъ денатурированный спиртъ, политуру, которые очищаютъ процѣживаніемъ черезъ хлѣбъ или черезъ соль, а то употребляютъ и безъ всякой очистки, разбавивъ наполовину водой, пьютъ домашняго изготовленія хмельную брагу, содержащую, какъ говорятъ, до 10% алкоголя, пьютъ „сыченый“ квасъ, который варятъ изъ отбросовъ при промывкѣ вощины и для „крѣпости“ сдабриваютъ отваромъ нюхательнаго табаку. Что денатурированный спиртъ и политура ядовиты, на это не обращаютъ вниманія: изъ газетныхъ сообщеній извѣстно, что нерѣдко употребляющіе подобные напитки не только подвергаются тяжелымъ заболѣваніямъ, но и опиваются до смерти. Насколько безвредна хмельная брага и взваръ изъ медовыхъ отбросовъ съ примѣсью табаку, пока еще нѣтъ опредѣленныхъ указаній, но что они имѣютъ широкое распространеніе со времени закрытія винныхъ лавокъ и шинковъ, это не подлежитъ сомнѣнію. Очевидно, что привычная потребность въ опьянѣніи не можетъ быть вырвана сразу, и, потерявъ, такъ сказать, возможность законнаго удовлетворенія, она находитъ окольные пути.

Изъ этого отнюдь, однако, не слѣдуетъ, что дѣло отрезвленія народа является дѣломъ безнадежнымъ. Правда, суррогаты водки вредны для народнаго здравія, но надо признать, что прибѣгаетъ къ нимъ незначительное меньшинство—то, организмъ котораго уже окончательно расшатанъ алкоголемъ. Широкаго распространенія они во всякомъ случаѣ не получатъ и навѣрное въ подрастающихъ поколѣніяхъ не разовьютъ привычки къ пьянству, уже по тому одному, что, какъ говорятъ опытные люди, употребленіе денатурата, политуры или сыченаго кваса

не даетъ „настоящаго" опьянѣнія, а только одурманиваетъ, сопровождаясь тяжелымъ похмельемъ и болями—часто весьма жестокими—въ животѣ.

Но все же тутъ кроется угроза отрезвленію населенія, и несомнѣнно, что на-ряду съ изъятіемъ изъ обихода крѣпкихъ напитковъ необходимы и другія мѣры—мѣры культурнаго порядка, которыя подняли бы самосознаніе широкихъ массъ населенія. Помнится, Левъ Толстой въ письмѣ съѣзду по борьбѣ съ пьянствомъ въ 1909 г. высказалъ соображеніе, что человѣкъ избавится отъ пьянства „не тогда, когда онъ будетъ лишенъ возможности пить, а тогда, когда онъ не станетъ пить, хотя бы передъ нимъ, въ его комнатѣ стояло вино и онъ слышалъ бы его запахъ, и ему стоило бы только протянуть руку. А это будетъ только тогда, когда человѣкъ будетъ считать благо духовное выше блага тѣлеснаго. А такое предпочтеніе души предъ тѣломъ можетъ быть только у человѣка религіознаго, такъ что, по-моему, пьянство отъ отсутствія религіознаго сознанія, и спасеніе отъ него—въ пробужденіи этого сознанія".

Великій моралистъ, въ силу особенностей его міропониманія, недооцѣнивалъ значеніе мѣропріятій запретительнаго характера, а мы по опыту должны признать, что въ дѣлѣ отрезвленія они имѣютъ положительное и притомъ огромное значеніе; но тѣмъ не менѣе надо признать глубочайшую вѣрность его замѣчанія, что для окончательной побѣды надъ пьянствомъ нужно пробужденіе религіознаго сознанія въ народѣ. Нужно не угашать духа въ этомъ народѣ, показавшемъ столько духовной мощи и стойкости въ переживаемое нами трудное время. Нужно благожелательно относиться къ этой мощи и открыть свободный путь религіознымъ исканіямъ и религіозному самоопредѣленію народа, отбросивъ, какъ пережитокъ темнаго прошлаго, недовѣріе къ религіознымъ исканіямъ, которыя одни только и могутъ создать здоровую мораль, не привитую извнѣ, но вырастающую изъ самыхъ сокровенныхъ корней народнаго міросозерцанія...

Давно ли у насъ преслѣдовали братцевъ-трезвенниковъ въ качествѣ людей опасныхъ для общественнаго спокойствія и развратителей народа? Какой только грязью ни обливали этихъ апостоловъ трезвости,—а вотъ теперь мы присутствуемъ при торжествѣ ихъ идеи, выношенной ими на самобытной почвѣ исканія правды Божьей и жизни праведной и чистой. Пусть эти гоненія будутъ послѣдними, пусть они отойдутъ въ область прошлаго, и тогда мы дѣйствительно увидимъ трезвую Русь, Русь сильную и духовно и экономически...

Вліяніе трезвости, хотя бы и принудительной, успѣло сказаться и на отношеніи деревни къ происходящей войнѣ. Какая разница съ тѣмъ,

что было десять лѣтъ назадъ, во время войны съ Японіей! Тогда деревня съ ропотомъ отдавала своихъ сыновей въ ряды дѣйствующей арміи и смотрѣла на войну, какъ на нѣчто чужое, совсѣмъ ей, деревнѣ, не нужное. Народъ пилъ, топя въ водкѣ свое озлобленное горе, пили и производили чудовищные дебоши запасные,—выростало на почвѣ всеобщей неразберихи погромное движеніе, натворившее тогда столько бѣдъ. Правда, и поводы къ войнѣ были не тѣ, что теперь. Несмотря на великія тягости нынѣшней войны, не сравнимыя съ тѣми, которыя выпали на долю Россіи десять лѣтъ назадъ, отношеніе къ войнѣ мы позволимъ себѣ назвать религіознымъ: трезвая Русь сознаетъ, что творится великое дѣло, нужное всему культурному человѣчеству, и какъ бы ни велики были жертвы во имя этого дѣла, онѣ должны быть принесены. И приносятся. Въ морѣ горя родителей, женъ, братьевъ, сестеръ нѣтъ ропота: есть опредѣленное сознаніе необходимости жертвъ, и трезвая Россія даетъ ихъ...

Пока что, повторяемъ, лицо русской жизни,—и въ особенности жизни деревни,—съ запрещеніемъ продажи водки измѣнилось до неузнаваемости. Измѣнилось къ лучшему. И задача ближайшаго времени, какъ это само собою разумѣется, состоитъ въ томъ, чтобы закрѣпить это преображеніе нашего быта и создать условія, при которыхъ возвращеніе къ старому стало бы невозможнымъ. Задача великая и трудная. Алкоголь имѣетъ у насъ могучихъ союзниковъ въ лицѣ народной темноты и тѣхъ притязаній огромной рати людей, для которыхъ народное пьянство являлось источникомъ наживы. Трудность задачи должна одушевлять поборниковъ трезвости, которымъ предстоитъ огромная работа.

В. Быстренинъ.

О нѣкоторыхъ малообоснованныхъ притязаніяхъ Италіи и Румыніи.

Неизвѣстно, конечно, когда выступятъ и выступятъ ли вообще Италія и Румынія съ оружіемъ въ рукахъ противъ Австро-Угріи, или же предпочтутъ за благоразумный и безопасный нейтралитетъ получить pour boire законно, де, по историческому и національному праву принадлежащую имъ территорію: Тріентъ, Тріестъ (со всѣмъ, конечно, Приморьемъ?) и Далмацію—Италіи, Буковину, Трансильванію и часть Угріи—Румыніи.

Такъ ли ужъ, однако, безспорны эти права?

Историческое право—вообще довольно шаткое основаніе. Мало ли что̀ было, да ушло! Отчего бы туркамъ не потребовать—по „священному“ историческому праву—весь Балканскій полуостровъ (съ Румыніей и частью Далмаціи), бо́льшую часть Угріи съ Будапештомъ и Трансильваніей, полякамъ—западную Русь со Смоленскомъ и Кіевомъ, Литву и т. п. Кстати, существуетъ ли, вродѣ земской, какая-либо историческая давность?

Историческія права Италіи и, особенно, Румыніи, думается, не такъ ужъ непререкаемы.

Италіи, какъ единаго государства, до половины XIX в. не существовало, Италія, *какъ таковая,* никогда Далмаціей не владѣла [1]).

Только одной Венеціанской республикѣ принадлежала въ разное время и въ бо́льшемъ или меньшемъ размѣрѣ Далмація (иногда лишь одни *города,* да и то не всѣ), но и то угорскіе короли, а потомъ угорскіе короли и императоры-Габсбурги опять-таки въ разное время владѣли Далмаціей, начиная съ 1102 г., когда угорскій король Коломанъ захватилъ Хорватію и Далмацію. Когда турки утвердились на Балканахъ, то и султаны временами господствовали надъ Далмаціей. Правда, въ турецкое время Венеція часть Далмаціи удержала за собой, часть пріобрѣла по Карловецкому 1699 г., часть по Пожаревецкому 1718 г. миру.

---

[1]) Между прочимъ, въ половинѣ XIV в. угорскій король Людовикъ Великій отнялъ Далмацію отъ Венеціи съ помощью *итальянскихъ* же городовъ Генуи, Аквилеи и др.

Съ паденіемъ республики Венеціи Далмація по Кампо-Формійскому миру въ 1797 г. отошла къ Австріи и донынѣ осталась за ней [1]), т.-е. болѣе 100 лѣтъ. Время не малое, да и историческое право Венеціанской республики, какъ видно, не имѣло непрерывности.

Республика Дубровникъ (Рагуза) опять-таки въ разное время и въ разной степени подчинялась Венеціи, послѣ же 1365 г. признала власть—скорѣе протекторатъ—Угріи. Впрочемъ, дубровчане, охраняя свою самостоятельность, искали и находили себѣ покровителей вездѣ, гдѣ было имъ выгодно. Недаромъ дубровчанъ называли „nazione di sette bandiere, нація семи флаговъ“. Византія, Венеція, Угрія, Турція, папа, даже короли далекой Испаніи защищали Дубровникъ другъ отъ друга. Въ 1806 г. Дубровникъ занятъ былъ французами, въ 1814 г. отошелъ къ Австріи.

Населеніе далматинскихъ *городовъ* первоначально было итальянское, но славянскій элементъ постоянно просачивался въ нихъ изъ окрестныхъ славянскихъ поселеній, и въ XIV—XV вв. города ославянились. Культурное же вліяніе Италіи и распространенность итальянскаго языка существовали все время, существуютъ и теперь, но это, конечно, ничего общаго не имѣетъ ни съ историческимъ, ни съ національнымъ правомъ.

У Румыніи нѣкоторое историческое право имѣется только на Буковину, до 1774 года составлявшую часть Молдавіи, но вѣдь молдавскіе господари были лишь вассалами султана, которому и принадлежало суверенное право на Буковину. Теперь, къ тому же, уже прошло 140 лѣтъ спокойнаго обладанія Буковиной Австріи. Что касается Угріи, то, бывало, угорскіе короли имѣли власть въ Молдавіи или Валахіи, но не наоборотъ. Если временами румынскіе господари и хозяйничали въ Трансильваніи, то по приказу и при поддержкѣ султана.

Насколько по *національному* праву, по этнографическому принципу Италіи принадлежатъ южный Тироль, [2]) *городъ* Тріестъ и западная часть Приморья (Küstenland), настолько же осуществленіе ихъ поползновеній на остальное Приморье, на всю Далмацію было бы попраніемъ національнаго права славянъ (словинцевъ и сербо-хорватовъ), грубаго надъ ними насилія, замѣнило бы иго нѣмецкое—*теперь*, впрочемъ, именно здѣсь почти не ощутимое—игомъ итальянскимъ.

Обратимся къ офиціальной статистикѣ Цислейтаніи [3]).

Если австрійская статистика стремится увеличить число нѣмцевъ—вообще, число поляковъ—въ Галичинѣ, то относительно славяно-итальян-

---

[1]) Кромѣ кратковременнаго хозяйничанья французовъ 1805—1810 гг.

[2]) Надо замѣтить, однако, что многія долины южнаго Тироля (Grödner Thal, Val di Fassa и др.) населены ладинцами—тоже романцами, но часто болѣе сочувствующими нѣмцамъ, чѣмъ итальянцамъ.

[3]) 1910 г.

скихъ областей трудно ее заподозрѣть въ предумышленномъ увеличеніи цифры говорящихъ тѣмъ или другимъ языкомъ. Надо только имѣть въ виду, что часто славяне, владѣющіе съ дѣтства обоими языками (а такихъ здѣсь, даже и помимо образованнаго общества, весьма и весьма много), при переписи своимъ *обиходнымъ* (Umgangssprache) языкомъ—по тѣмъ или инымъ побужденіямъ—объявляютъ не словинскій или сербо-хорватскій, а *итальянскій*. При измѣнившихся условіяхъ число такихъ „итальянцевъ", конечно, уменьшится.

Остановимся сначала на Далмаціи.

Въ 1910 году во всей Далмаціи [1]) сербо-хорватовъ было 610,669 (96,2%) и итальянцевъ—18,028 (2,8%). Эта картина однако неправильна. Бо́льшая часть итальянцевъ сосредоточивается въ городахъ Задрѣ (Zara) и Сплѣтѣ (Spalato). [2]) Въ судебномъ округѣ Зары—вмѣстѣ съ городомъ—сербо-хорватовъ 49,915 (80,3%), итальянцевъ 11,574 (18,6%), Сплѣта—сербо-хорватовъ 50,514 (95,6%) итальянцевъ—2,090 (почти 4%); за исключеніемъ этихъ округовъ, въ остальной Далмаціи [3]) сербо-хорватовъ 510,240 (98,0%), итальянцевъ—4,170, т.-е. *0,8%* (!).

На сѣверѣ къ Далмаціи примыкаетъ Рѣка (Fiume), портъ Угріи, но съ очень малымъ количествомъ мадьяръ. Всего въ Рѣкѣ 37,792 жителей [4]); изъ нихъ мадьяръ только 2,405 (6,3%), сербо-хорватовъ 7,514 (19,8%), преобладающая же народность—итальянцы: 26,370 (69,8%). [5])

Приморье составляютъ Горица (Görz) и Градиска, Тріестъ и Истрія.

Итальянцами заселены прилегающіе къ Италіи западные судебные округа [6]): Gradisca, *городъ* Görz [7]) и Monfalcone:

Округа.	Итальянцы.	Славяне [8]).	Итальянцы (%).	Славяне (%).
Gradisca . .	26,263	4,656	83,9	14,9
гор. Görz .	14,812	10,868	50,6	37,1
Monfalcone .	45,979	1,704	95,9	3,6

Остальные, лежащіе на востокъ судебные округа: Tolmein, Görz [9]) и Sesana почти исключительно славянскіе [10]):

---

[1]) Общая цифра населенія 634,855.

[2]) Кромѣ того, островъ Вишъ (Lissa) чисто итальянскій.

[3]) Общая цифра населенія 520,568.

[4]) Безъ евреевъ, увеличивающихъ число мадьяръ и нѣмцевъ.

[5]) Рубрики итальянскаго языка въ статистикѣ Транслейтаніи нѣтъ; лица съ роднымъ (Muttersprache) итальянскимъ языкомъ занесены въ рубрику „иныхъ" (egyeb) языковъ. Мы пользовались статистикой по переписи 1900 г. Данныя переписи 1910 г еще не опубликованы.

[6]) Приводимъ далѣе названія въ формѣ, принятой офиціальной переписью

[7]) Съ значительнымъ, однако, меньшинствомъ славянъ

[8]) Почти исключительно словинцы.

[9]) Безъ города.

[10]) Словинцы.

Округа.	Славяне.	Итальянцы.	Славяне (%).	Итальянцы (%).
Tolmein . .	37,893	29	95,5	0,1
Görz . . .	70,061	2,765	95,6	3,8
Sesana . .	29,566	343	98,1	1,1

Въ Тріестскомъ округѣ итальянцы сосредоточиваются преимущественно въ городѣ; на побережьѣ и къ сѣверу отъ Тріеста преобладаютъ славяне. [1]) Поэтому въ Тріестскомъ округѣ славянское меньшинство довольно значительно. Итальянцевъ въ этомъ округѣ 118,959 (62,3%), славянъ—59,314 (31,0%).

Въ Истріи итальянцы занимаютъ узкую береговую полосу и лишь въ сѣверной части углубляются внутрь страны (округъ Montona); остальное занято славянами. [2])

Къ югу отъ Тріеста округъ Capodistria: преобладаютъ славяне, итальянцы—лишь вдоль побережья. Далѣе на югъ почти чисто итальянскій округъ Buje; на востокъ отъ него преимущественно итальянскій Montona. Еще южнѣе вдоль берега преимущественно итальянскіе округа: Parenzo, Rovigno (въ немъ чисто итальянскій городъ Rovigno) и Pola. Изъ большихъ острововъ преимущественно итальянскій лишь Lussin. Преимущественно славянскіе округа [3]): Castelnuovo, Pinguente и Voloska, Pisina, Albona, Dignano; изъ большихъ острововъ: Cherso и Veglia.

Округа.	Итальянцы.	Славяне.	Итальянцы (%).	Славяне (%).
Capodistria . . .	18,774	25,492	42,2	57,4
Buje	19,728	2,007	90,7	9,2
Montona	11,004	10,442	51,2	48,6
Parenzo	10,544	6,547	61,5	38,2
Rovigno	3,341	3,078	52,0	47,9
Городъ Rovigno .	10,859	120	96,0	1,0
Pola	30,902	19,967	50,2	32,4
Lussin	7,588	4,380	61,0	35,8
Castelnuovo . . .	7	16,595	0,04	99,9
Pinguente	874	19,445	4,3	95,6
Voloska	946	31,275	2,7	90,0
Pisino	1,636	28,907	5,4	94,0
Albona	2,396	14,305	13,6	81,1
Dignano	6,620	11,167	37,0	62,3
Cherso	2,296	5,714	28,6	71,3
Veglia	1,544	19,553	7,3	92,5
Всего . . .	147,417	223,318	43,1	62,9

[1]) Б. ч. словинцы.
[2]) На сѣверо-западѣ словинцы, на востокѣ и югѣ—сербо-хорваты.
[3]) Начиная съ сѣвера.

Насколько же *справедливы* и основательны притязанія итальянцевъ на Далмацію и *все* Приморье?!

Если на западѣ Австро-Угріи имѣется „Irredenta" романской Италіи, то на востокѣ ея—„Irredenta" романской Румыніи: Буковина, вся Трансильванія и прилегающія къ ней столицы (комитаты) Угріи.

Давно уже румыны Румыніи мечтаютъ освободить болѣе 3-хъ милліоновъ [1]) страждущихъ подъ гнетомъ братьевъ и, конечно, присоединить ихъ къ королевству, захвативъ, кстати, еще и живущія между ними другія народности, главнымъ образомъ, мадьяръ и нѣмцевъ — около 1.700.000, всего, слѣдовательно, болѣе 4.700,000. Недурной лакомый кусочекъ для шестимилліоннаго нынѣшняго королевства Румыніи! [2]) Стоитъ, конечно, ради него рискнуть и войною, особенно, когда цѣной страшныхъ усилій и страшныхъ потерь Англіи, Франціи, Сербіи, Черногоріи, главнымъ же образомъ Россіи, звѣрю будутъ нанесены смертельные удары, и останется его только добивать. Это уже не „клочокъ медвѣжьяго ушка", а нѣчто весьма бо̀льшее! По такому масштабу Россія имѣла бы получить территорію со *ста милліонами* новыхъ гражданъ. Зато какія потомъ радужныя для Румыніи картины политическаго вліянія въ восточной Европѣ и гегемоніи на Балканахъ!

Относительно Буковины пожеланія румынъ королевства легко удовлетворить: выдѣленіе румынской юго-восточной и южной ея части отъ русской затрудненій почти не представляетъ, кромѣ лишь узкой полосы на востокѣ Буковины, къ югу отъ Сторожинца, вдоль границы Молдавіи. Отъ Старожинца до Сочавы находится значительное русское населеніе, хотя и прорѣзанное румынскими и смѣшанными румынско-русскими и русско-румынскими селами. Въ судебныхъ округахъ [3])— Серетъ, Солетинъ и Сочава—румынъ 65,780, русскихъ—40,544. Что̀ же, отдать эти сорокъ съ половиной тысячъ русскихъ Румыніи?

Трансильванія [4])—совсѣмъ не *исключительно* и даже не *преимущественно* румынская страна. Изъ 2.476,998 всего ея населенія *румынъ* лишь *немного болѣе половины*—1.397,282 (56,4%). Послѣ румынъ наиболѣе многочисленны *мадьяры* (секлеры)—814,994 и *нѣмцы* (такъ называемые саксы)—233,019, что составляетъ вмѣстѣ 1.048,013 (42,4%). [5])

---

1) Въ Буковинѣ (въ 1910 г.) румынъ 273,254, въ столицахъ Трансильваніи (въ 1900 г.)—1.397,282, въ собственно Угріи—1.387,846.

2) Собственно румынъ въ немъ врядъ ли болѣе 5-ти милліоновъ.

3) Начиная съ сѣвера.

4) Уже въ половинѣ XIX в. автономія Трансильваніи уничтожена, и Трансильванія составляетъ лишь часть Угріи.

5) Извѣстно, конечно, умѣнье мадьярской статистики увеличивать на бумагѣ число мадьяръ на счетъ другихъ народностей. Но что̀ въ широкихъ размѣрахъ удается сдѣ-

Затѣмъ, каждая изъ этихъ трехъ народностей не занимаетъ рѣзко очерченной территоріи. Въ теченіе столѣтій Трансильванія, какъ и вообще Угрія, пережила много погромовъ со всѣхъ сторонъ, многократно населеніе ея истреблялось, уцѣлѣвшіе бѣжали въ горы или на чужбину, потомъ возвращались, часто занимая иныя мѣстности; многократно въ Трансильванію—какъ и вообще въ Угрію—вливались потоки колонистовъ изъ Угріи, Австріи, Германіи, Балканскаго полуострова. Все это—въ связи съ чрезвычайно пересѣченной горами мѣстностью—привело къ крайней черезполосицѣ поселеній разныхъ народностей, къ возникновенію многихъ смѣшанныхъ областей и отдѣльныхъ селъ, многихъ иноязычныхъ острововъ среди той или иной народности. [1])

Вслѣдствіе этого только въ очень небольшомъ количествѣ сто́лицъ какая-либо народность имѣетъ рѣшительное и безспорное преобладаніе. Изъ 15-ти сто́лицъ Трансильваніи лишь въ 2-хъ—Удваргель и Фогарашъ—% меньшинства народностей ниже 10, лишь въ 4-хъ—колеблется отъ 10,9 до 14,1: Нижн. Фегеръ, Чикъ, Гунядъ и Гаромсекъ:

Сто́лицы.	Все населеніе.	Мадьяры.	Нѣмцы.	Румыны.	Мадьяры+нѣмцы (%) [2]).	Румыны (%).
Udvarhely .	118,275	112,607	2,225	2,928	97,1	2,5
Fogaras . .	92,801	5,199	3,627	83,445	9,5	89,9
A. Fehér . .	212,352	36,360	7,953	166,099	10,9	78,2
Csik	128,382	110,963	1,062	15,936	87,2	12,4
Hunyad . .	303,838	32,316	9,189	257,013	13,6	84,6
Háromszék	137,261	116,755	363	19,439	85,3	14,1

Въ остальныхъ сто́лицахъ % этнографическихъ меньшинствъ колеблется отъ 22,9 до 47,4 (см. таблицу на слѣд. стр.).

Попробуйте раздѣлить Трансильванію, слѣдуя болѣе или менѣе строго этнографическому принципу. Нечего говорить, какъ при этомъ пострадали бы экономическіе интересы населенія!

лать со словаками и русскими, то далеко не такъ гладко проходитъ относительно румынъ и особенно саксовъ. Поэтому офиціальныя о нихъ цифровыя данныя можно считать болѣе или менѣе соотвѣтствующими дѣйствительности. Евреевъ же въ Трансильваніи мало.

[1]) Наименѣе подвижны были секлеры—оттого и территорія ихъ является болѣе однородной.

[2]) Мы вычисляли % *для мадьяръ и нѣмцевъ вмѣстѣ*—вѣдь для нашей цѣли важно только процентное отношеніе не-румынъ къ румынамъ.

Сто́лицы.	Все населеніе.	Мадьяры.	Нѣмцы.	Румыны.	Мадьяры + нѣмцы (%).	Румыны (%).
Sz. Doboka .	237,134	47,212	7,252	180,309	22,9	76,0
T. Aranyos .	160,579	40,806	654	116,833	25,1	72,7
B. Naszód .	119,014	8,475	26,036	82,256	29,0	69,7
Szeben . . .	166,188	8,084	47,678	108,413	33,5	65,2
Kolozs . . .	253,661	95,626	9,058	146,268	38,9	57,7
K. Küküllö .	109,197	32,491	19,202	55,276	47,4	50,7
N. Küküllö .	145,138	17,139	61,769	61,779	54,4	42,6
Brassó . . .	95,565	31,191	29,415	33,886	63,3	35,5
Maros-Torda .	197,618	119,180	7,446	67,402	64,3	34,1

Наконецъ, географическое размѣщеніе народностей крайне невыгодно для румынъ. Части Трансильваніи съ болѣе или менѣе значительнымъ преобладаніемъ румынъ прорѣзываются по срединѣ суживающимся къ сѣверо-западу иноязычнымъ клиномъ, идущимъ отъ крайняго юго-восточнаго угла Трансильваніи, вдающагося между Молдавіей и Валахіей и отдѣленнаго отъ послѣднихъ трудно проходимыми высокими горами. Клинъ этотъ занимаютъ сначала мадьяры [1]), а далѣе смѣшанныя мадьяро-нѣмецкія и отчасти лишь румынскія пространства.

Болѣе сплошная румынская территорія находится, въ сущности, лишь *къ сѣверу и къ югу* отъ этого мадьяро-нѣмецкаго клина. Сѣверная часть этой румынской территоріи на востокѣ на небольшомъ протяженіи—по границѣ Трансильваніи около 90 килом., по воздушной линіи около 70-ти—сливается съ румынской частью Буковины и съ Молдавіей, на западѣ съ румынской территоріей Угріи (не безъ иноязычныхъ, часто крупныхъ острововъ).

Послѣ мадьярской части клина—шириной по воздушной линіи около 150 килом., по границѣ Трансильваніи, около 270 килом.—южное крыло румынской территоріи начинается послѣ Брашова (Brassó, Kronstadt), идетъ, все болѣе расширяясь къ сѣверу, на западъ (опять тоже не безъ иноязычныхъ островов) и переходитъ въ собственно Угрію.

На основаніи какого же принципа на этотъ мадьярско-нѣмецкій клинъ имѣетъ право Румынія?

Въ десяти сто́лицахъ Угріи, гдѣ находятся болѣе или менѣе сплошныя поселенія румынъ, на все количество населенія—3.547,624—румынъ 1.387,846 (39,1%), мадьяръ—1.110,755, нѣмцевъ—473,979, мадьяръ и нѣмцевъ вмѣстѣ, слѣдовательно—1.584,734 (44,6%). Остальную часть населенія составляютъ иныя народности—между прочимъ, въ Мараморошской и Угочской сто́лицахъ—русскіе.

[1]) Съ востока: Гаромсекъ, Чикъ, Удваргель, Вел. Кикиллё и Марошъ Торда.

Изъ этихъ 10-ти стóлицъ румыны преобладаютъ въ 3-хъ: Крашшо-Сёренъ, Силадь [1]) и Арадъ, преимущественно въ 1-й:

Стóлицы.	Все население.	Мадьяры.	Нѣмцы.	Румыны.	Мадьяры+нѣмцы (%).	Румыны (%).
Krassó-Szörény	443,001	21,439	55,266	328,371	17,2	74,1
Szilágy	207,293	76,482	1,494	125,421	37,6	60,5
Arad	386,100	110,823	40,148	223,806	39,1	57,9

Въ остальныхъ 7-ми—румыны составляютъ меньшинство отъ 10,0% до 45,4%:

Стóлицы.	Все население.	Мадьяры.	Нѣмцы.	Русскіе.	Румыны.	Мадьяры+нѣмцы (%).	Румыны (%).
Bihar	577,312	324,970	3,620	—	239,449	62,7	45,4
Temes	476,242	58,153	171,087	—	167,523	48,1	35,1
Szatmár	367,570	235,015	11,763	—	118,770	67,4	32,5
Mármaros [2])	309,598	36,230	5,335	138,963	73,231	57,9 [3])	23,6
Torontál	609,362	114,760	184,016	—	88,044	49,0	11,1
Ugocsa [2])	83,316	30,641	108	32,664	9,219	75,9 [3])	11,0
Csanád	140,007	103,242	1,182	—	13,981	74,5	10,0

Надѣемся,—увы, не увѣрены!—что самые горячіе румынскіе патріоты не думаютъ о захватѣ этихъ 10-ти стóлицъ *цѣликомъ*, а лишь о присоединеніи ихъ *румынскихъ* частей. Но при чрезвычайно прихотливой, извилистой этнографической границѣ, при наличности многихъ, иногда весьма крупныхъ иноязычныхъ островов на румынской территоріи и наоборотъ, а также многихъ смѣшанныхъ полосъ, Румынія захватитъ и должна будетъ захватить не менѣе 600—700 тысячъ не-румынъ. Особенно труднымъ представляется разграниченіе той части этихъ стóлицъ, которая лежитъ не на угорской равнинѣ, „Дольней землѣ“ (мад. alföld), а въ горныхъ отрогахъ.

Мы никогда не занимались политикой, рѣшать политическія задачи не беремся, но для научныхъ цѣлей часто бывали въ разныхъ частяхъ Угріи и Трансильваніи, иногда и подолгу—отъ 3 до 10 мѣсяцевъ,—думаемъ, что имѣемъ нѣкоторое представленіе о внутреннихъ отношеніяхъ Угріи, и беремъ на себя смѣлость поставить нѣсколько вопросовъ. Пусть болѣе компетентныя лица дадутъ на нихъ отвѣты:

1. Имѣетъ ли *на основаніи національнаго принципа* Румынія *право* на юго-восточную часть Угріи и на отдѣляющую эту часть Угріи отъ Румыніи Трансильванію?

[1]) До 1861 г. входила въ составъ Трансильваніи.

[2]) Безъ евреевъ.

[3]) Мадьяры, нѣмцы и русскіе.

2. Трансильванскіе мадьяры-секлеры, по своему неукротимому духу и преданности своей народности, могутъ быть названы мадьярами par excellence. Трансильванскіе нѣмцы-саксы извѣстны трудолюбіемъ, зажиточностью, высокимъ уровнемъ образованія и умѣніемъ лучше всѣхъ народностей (не исключая и другихъ нѣмцевъ Угріи) упорно отстаивать свои всякаго рода, въ томъ числѣ и національныя, права. Не пріобрѣтутъ ли румыны королевства въ секлерахъ и саксахъ такой орѣшекъ, котораго имъ не разгрысть? Хватитъ ли у нихъ умѣнія съ достаточнымъ тактомъ и безъ насилій сладить съ секлерами и саксами? Не кончится ли дѣло такой же ненавистью и тѣхъ и другихъ къ румынамъ, какую румыны Угріи теперь питаютъ къ мадьярамъ, т.-е., собственно, не къ мадьярскому народу, а къ *правящимъ кругамъ*, въ которыхъ хуже мадьяръ—мадьяроны-ренегаты? Не создастся ли тогда новый костеръ горючихъ матеріаловъ?

3. Можно ли быть *увѣреннымъ*, что сами *румыны* Угріи и Трансильваніи ужъ такъ жаждутъ быть присоединенными къ Румыніи, съ такимъ ужъ уваженіемъ смотрятъ на порядки королевства, будутъ въ восторгѣ, если эти порядки заведутся и у нихъ? Такъ ли ужъ румыны Угріи и Трансильваніи преклоняются передъ культурой, образованными кругами Румыніи, такъ ли ужъ румынскіе крестьяне въ Угріи имѣютъ основаніе завидовать въ экономическомъ и иныхъ отношеніяхъ своимъ собратьямъ въ Румыніи?

Конечно, при нынѣшнихъ порядкахъ Угріи румыны стонутъ и негодуютъ. Но если обстоятельства измѣнятся, если эти порядки отойдутъ въ прошлое, если румыны получатъ полное удовлетвореніе въ національномъ и религіозномъ отношеніи, *то не предпочтутъ ли они королевству Румыніи королевство Угрію?*

4. Слѣдуетъ ли во имя національности кромсать то, что тѣсно связано географически и *экономически*, не представляетъ ли Угрія такой именно единый организмъ, ни одна часть котораго не можетъ существовать безъ другихъ, и выгодно ли будетъ *нѣкоторымъ* народностямъ, если ихъ, вопреки горнымъ массивамъ, свяжутъ съ ихъ единоплеменниками внѣ предѣловъ Угріи?

Пусть эти загадки разрѣшитъ мудрый Эдипъ!

Отмѣтимъ, что много цѣнныхъ указаній, какъ удовлетворить народности Угріи при сохраненіи ея недѣлимости, можно найти въ разныхъ петиціяхъ, меморандумахъ, постановленіяхъ, какъ представителей отдѣльныхъ не-мадьярскихъ народностей, такъ и ихъ съѣздовъ съ 60-хъ годовъ XIX в. до второго десятилѣтія XX в. Но гдѣ достать въ Россіи эти матеріалы, особенно въ настоящее время?

Докторъ славянской филологіи **А. Петровъ.**

1914 г. 17/XII.

Боттичелли.

Опытъ по философіи искусства.

I.

Образъ искусства предстоитъ воспринимающему его прежде всего, какъ предметъ *созерцанія*. Въ этомъ непосредственномъ опытѣ вѝдѣнія впервые открывается *красота* даннаго сочетанія элементовъ прекраснаго образа, какъ начало, которое убиваетъ въ немъ чувственно-временное и, оберегая его единичность, рождая въ ней достоинство сверхвременности, дѣлаетъ его неповторяемо единственнымъ достиженіемъ. Уже первоначально-интуитивное воспріятіе предмета искусства усматриваетъ въ просвѣтленной, оправданной единичности его то *сверхъиндивидуальное*, отъ котораго чувственный образъ пріемлетъ свое оправданіе, но которое *не вмѣщается* въ его предѣлы. Художественная интуиція открываетъ въ индивидуальной красотѣ явленіе Бога.

Созерцаніе прекраснаго образа, раздвигая границы индивидуально-чувственнаго воплощенія красоты, безгранично расширяетъ сферу художественнаго опыта. То невѣдомое, творчески образующее предметъ искусства, которое открывается въ ирраціональномъ вѝдѣніи, не можетъ быть постигнуто однимъ этимъ вѝдѣніемъ именно въ силу неисчерпаемаго богатства своего содержанія. Пріобщеніе къ нему вызываетъ стремленіе познать его со всей полнотой, доступной познающему духу, стремленіе къ тождеству съ нимъ и въ интуиціи, и въ идеѣ. Такъ возникаетъ потребность осознать, *осмыслить* непосредственно открывшееся въ созерцаніи и развернуть это осмысленное въ системѣ понятій-смысловъ. Такъ начинается исканіе *разума* въ красотѣ, такъ родится философія искусства.

Какъ бы ни были многообразны и сложны задачи этой науки объ искусствѣ, какъ бы ни были многочисленны тѣ пути, на которыхъ она ищетъ ихъ разрѣшенія, *основнымъ* источникомъ ея положеній долженъ быть *непосредственный опытъ художественнаго созерцанія*. Этотъ опытъ долженъ дать основу познанія и при изслѣдованіи общей идеи красоты,

и при изученіи отдѣльной области искусства или единичнаго художественнаго явленія. Непосредственное созерцаніе должно быть положено въ основу и при познаніи разума въ искусствѣ Боттичелли.

Красота этого искусства живетъ въ образахъ, созданныхъ художникомъ. Подлинное пониманіе ея дается лишь черезъ эти образы, черезъ созерцаніе ихъ, которое изолируетъ постигаемый предметъ и даетъ возможность увидѣть его въ немъ самомъ, въ его неповторяемой самодовлѣющей завершенности. Напротивъ, историческое изученіе искусства Боттичелли, которое сопоставляетъ его съ другими, родственными ему предметами и отыскиваетъ генетическія условія его данности, можетъ лишь помочь оріентироваться въ его содержаніи и сдѣлать его менѣе чуждымъ. Но уловить индивидуальную сущность этого искусства невозможно, подходя къ нему отъ ино-содержанія или ино-бытія; аналогія или сходство безсильны дать адэкватную формулу, найденная причина можетъ лишь обмануть соблазнительной иллюзіей пониманія. И это не потому, что искусство Боттичелли имѣетъ мало отношеній къ эпохѣ, его создавшей, но, быть можетъ, именно потому, что связь его съ культурой Возрожденія очень велика и очень опредѣленна. Исторія установила общую зависимость между творчествомъ художника и той духовной жизнью, которою жила Флоренція второй половины XV вѣка, и указала на тѣ вліянія, которыя воспринимало чуткое и разностороннее дарованіе Боттичелли. Современная ему живопись, [1]) эстетическія воззрѣнія Альберти, [2]) классическое искусство и классическая литература, преломленная новой итальянской поэзіей, [3]) наконецъ, религіозно-философскія исканія Платоновой академіи и проповѣдь Савонаролы,—все это находило свое отраженіе въ его образахъ и опредѣляло его художественное дѣло. Въ результатѣ этихъ сопоставленій искусство Боттичелли стало разсматриваться, какъ отблескъ золотого вѣка итальянской исторіи, и въ этихъ даляхъ исторической перспективы развѣялась та высшая самобытность въ немъ, которая сдѣлала его носителемъ метафизическаго откровенія. А между тѣмъ смыслъ и значеніе этого откровенія не подчинены ни времени, ни мѣсту, ни той индивидуальной душѣ, которая приняла его, какъ свое благословеніе или свое проклятіе.

---

[1]) Особенно замѣтное вліяніе на Боттичелли имѣло искусство Фра Филиппо Липпи, Верроккіо и братьевъ Поллаюоло, а затѣмъ и Леонардо да Винчи.

[2]) Della pittura di Leon Battista Alberti libri tre. См. Quellenschriften für Kunstgeschichte, B. XI: Leone Battista Alberti's Kleinere kunsttheoretische Schriften, herausgegeben von H. Janitschek.

[3]) Здѣсь имѣется въ виду, между прочимъ, поэзія современниковъ Боттичелли—Лоренцо Медичи и Анжело Полиціано, у которыхъ художникъ могъ заимствовать сюжеты для своихъ картинъ.

Если для того, чтобы узнать разумъ образовъ Боттичелли, приходится обратиться отъ историческаго анализа къ непосредственному ихъ созерцанію, то при этомъ надо помнить, что не всякое ви̂дѣніе откроетъ этотъ разумъ, но лишь ви́дѣніе, адэкватное созерцаемому предмету. А такимъ можетъ быть лишь *объективное* созерцаніе, изъ котораго устраненъ созерцающій субъектъ. Цѣпи личныхъ впечатлѣній, ассоціативныхъ образовъ и мыслей, всплывающія при созерцаніи предмета искусства, наконецъ, общая душевная взволнованность, вызываемая пріобщеніемъ къ красотѣ,—всѣ эти эмпирическіе спутники ея воспріятія, которые обывательская практика и убогая духомъ психологія нерѣдко принимаютъ за содержаніе прекраснаго, должны быть жертвенно преданы являющемуся объекту, должны умереть въ немъ. *Бытъ* долженъ онъ одинъ, раскрывающійся въ самопознаніи. И тогда все то, что откроется въ предметѣ, будетъ обладать высшей доступной для человѣка объективностью; и это открытое будетъ обнаружено передъ всякимъ, у кого есть воля и силы къ осуществленію объективнаго ви̂дѣнія, ихъ провѣритъ тотъ, кто способенъ отречься отъ себя для иного и видѣть въ этомъ иномъ.

Въ объективномъ созерцаніи предмета искусства познающій разумъ открываетъ *смыслъ* даннаго явленія красоты. Этотъ смыслъ облеченъ въ чувственную форму прекраснаго образа, образуетъ вмѣстѣ съ нею конкретно цѣлостную сложность и, опредѣляя ее, самъ черезъ нее опредѣляется. Поскольку сознаніе фиксируетъ смыслъ красоты, ищетъ и находитъ для него понятія и слова, оно неизбѣжно разрываетъ цѣлостность прекраснаго образа, какъ бы обѣдняетъ, схематизируетъ его. Но это—судьба всякой мысли, которая, пусть будетъ она и необъятна, и глубока, все же упрощаетъ неисчерпаемую сложность предмета. Она должна принять эту судьбу уже потому, что только въ ея усиліи понять до конца открывается во всемъ своемъ значеніи его безнадежность, а въ этой безнадежности—безграничность познаваемаго. Такъ, осознанная недостаточность чисто-разумнаго постиженія становится его силой; разлагающая работа мышленія приводитъ къ требованію новаго созерцательнаго синтеза, въ которомъ разумъ красоты раскрывается вмѣстѣ съ ирраціональною данностью прекраснаго образа. Дѣло философіи искусства состоитъ въ томъ, чтобы искать путь къ абсолютно адэкватному красотѣ созерцанію, къ *созерцательному знанію* или интеллектуальной интуиціи. Въ опытѣ этого исканія станетъ явной недостойность и ненужность субъективнаго мнѣнія объ искусствѣ и будетъ найдено для него подлинное слово.

II.

Въ искусствѣ Боттичелли красота расцвѣтаетъ, какъ чудо, тамъ, гдѣ еще не уготовлено для нея мѣсто, гдѣ все враждебно ей и мѣшаетъ ея появленію. Прекрасное всегда причастно покою завершенности, въ которомъ обрѣтаютъ миръ противоборствующія начала и дается свобода отъ неразрѣшимости духовныхъ заданій. Между тѣмъ образы Боттичелли полны той смущенности духа, которая возникаетъ въ немъ тогда, когда онъ видитъ правду, но не знаетъ пути къ ней, когда онъ смѣетъ осудить до конца, но хочетъ и не хочетъ устранить уже приговоренное имъ изначально-злое. Здѣсь все—раздвоенность и борьба. И когда эта безнадежность озаряется красотой, то эта красота приходитъ не какъ осуществленная реальность, но какъ мечта о далекомъ послѣднемъ примиреніи, какъ предчувствіе блаженнаго конца.

Мечта—это торжество духа, раненаго смертью. Она родится тогда, когда сила запрета душитъ свободное проявленіе жизни и заставляетъ умирать то, что умереть не можетъ; въ ней надломленная жизнь заявляетъ о неисчерпаемости своей силы. И въ образахъ Боттичелли таится повышенное жизнеощущеніе, которое претворяется въ боль, въ жертвенное преданіе индивидуальнаго хаосу живой стихіи; неудержимая сила жизни утверждаетъ себя и въ бурной радости, и въ безмѣрномъ страданіи, и въ стремительномъ самозабвенномъ движеніи, въ которое захвачены и люди, и волны, и цвѣты. Но надъ этой полной красочной жизнью лежитъ мертвенная тѣнь; не убивая жизни, не угашая ея силы, смерть набрасываетъ на живое тѣло краски коченѣющаго трупа и калѣчитъ его судорогой надломленности.

Такъ въ первоначальномъ воспріятіи образовъ Боттичелли уже обнаруживается основная особенность его духа. Міроощущеніе его діалектично по своему существу. Онъ не только видитъ въ мірѣ враждебныя и враждующія силы, но обостряетъ ихъ различія до противоположности, до взаимоотрицанія, до абсолютной несовмѣстимости ихъ бытія. Онъ видитъ зло, знаетъ его и знаетъ его изначальность, и существованіе его является ему непреодолимой преградой къ святости и спасенію. Но въ то же время интенсивное жизнеощущеніе, въ которомъ жизнь пріемлется во всей полнотѣ своихъ проявленій, заставляетъ его признать всѣ антагонистическія стихіи жизни равно необходимыми элементами ея. Это жизнеощущеніе мѣшаетъ ему искать спасенія такъ, какъ искало его средневѣковое сознаніе, которое мирилось съ дуализмомъ тѣла и души, зла и добра, ада и рая. Душа не можетъ спастись, если осуждено тѣло, духъ не можетъ жить, если отвергнута и казнена матерія. Спасеніе не исключаетъ, но требуетъ полноты жизни и возможно лишь тогда, когда оправдано, когда свято въ ней все

и до конца. Такъ выдвигается непомѣрная задача абсолютнаго оправданія міра, въ которомъ зло не подлежитъ осужденію и изъятію, но въ которомъ оно должно претвориться въ благо.

При томъ обостренномъ ощущеніи грѣха въ его изначальности и неискупимости, при той интенсивности осужденія, въ которомъ живетъ духъ Боттичелли, трудности новаго морально-религіознаго пути оказываются непреодолимыми. Каждый образъ, созданный художникомъ, ставитъ проблему и рѣшаетъ ее, но въ самомъ рѣшеніи утверждаетъ вновь и вновь ея неразрѣшенность. Все творчество Боттичелли развертывается, какъ непрерывное, безнадежное *исканіе святости,* исканіе Бога, который есть лишь тамъ, гдѣ нѣтъ зла, и бытіе котораго есть знакъ того, что въ мірѣ все благо и все свято.

III.

Безысходно гнетущая *тоска* даетъ Боттичелли первое смутное сознаніе объ изначальной неблагости жизни, о томъ, что не все въ ней можетъ быть принято такъ, какъ оно есть.

Его раннія картины съ изображеніемъ Мадонны и Христа складываются подъ сильнымъ вліяніемъ Фра Филиппо Липпи и Верроккіо. Молодой художникъ воспринимаетъ отъ своихъ учителей не только особенности рисунка и красокъ, не только темы и общій характеръ композиціи, но отдѣльныя черты лицъ и фигуръ, детали костюма и украшеній. Однако, несмотря на эту несамостоятельность воплощенія, несмотря на общую техническую несвободу его, въ первыхъ опытахъ художника уже живетъ субстанціальное начало его духа, которое сковываетъ ихъ отдѣльные элементы въ одно опредѣленное единство. Этимъ опредѣляющимъ началомъ и является тоска, смутная, неосознанная въ своемъ источникѣ и своихъ основаніяхъ, но непосредственно живая и непреодолимая. Гнетомъ тоски покорно сгибается голова Мадонны подъ аркой у цвѣтущихъ розъ, болѣзненно сжимается тѣльце младенца; тоска заставляетъ его спрашивать пытливо и робко.

Есть маленькія дѣти: они растутъ, осѣненныя радостью ласки, но въ глазахъ ихъ смотритъ глубокая грусть. Они не знаютъ ея, другимъ она непонятна, а между тѣмъ тотъ, кто замѣтитъ ее, склоняется передъ нею, какъ передъ откровеніемъ невѣдомой правды.

Въ такой изначальной тихой скорби родилось искусство Боттичелли; оно родилось тогда, когда наступали дни Лоренцо Великолѣпнаго,— солнечный праздникъ Флоренціи.

Пробужденіе скорби есть пробужденіе *духовности.* Духъ въ творчествѣ Боттичелли опознаетъ себя, какъ скорбный духъ, и противостоитъ въ образѣ скорбящей Юдиѳи недуховности тупо безразличной Абры.

Тоска гнететъ, давитъ духъ, сковываетъ его, дѣлаетъ несвободнымъ; въ ней, при всей ея смутной неопредѣленности, уже раскрывается злое начало, какъ нѣчто враждебное духовному самодовлѣнію, радости и духовной свободѣ. Эта тоска требуетъ отъ разума признанія *проблемы зла*, отъ воли—борьбы за его преодолѣніе.

Наивное сознаніе объективируетъ зло и мыслитъ его противостоящимъ субъективному духу: это внѣшній врагъ, съ которымъ внутренно свободный духъ можетъ вступать въ противоборство. Для побѣды надъ врагомъ открыты два пути: одинъ путь воинствующій, агрессивный; мечта народа ведетъ такимъ путемъ своихъ героевъ въ тридесятое царство къ истребленію змѣеподобныхъ и иныхъ чудовищъ; національные герои избираютъ его для борьбы съ иноземнымъ или туземнымъ тираномъ. Другой путь—это пассивное подчиненіе, страдальческое пріятіе; торжество надъ зломъ достигается здѣсь обрѣтеніемъ блаженства въ самомъ страданіи—это путь мученичества.

При всемъ различіи этихъ двухъ формъ преодолѣнія зла обѣ онѣ предполагаютъ реальный дуализмъ добраго и злого начала, рѣзкую раздѣльность ихъ жизненныхъ проявленій. Въ „Юдиѳи“ [1]) и „Св. Себастіанѣ“ [2]) Боттичелли даетъ художественное выраженіе тому духовному опыту, въ которомъ испытывается антагонизмъ грубой силы и благой духовности, разрѣшающійся побѣдой духа. Побѣда эта, однако, раскрываетъ изначальную безнадежность того пути, который привелъ къ ней. Неустраненность зла, оживающаго въ тоскѣ побѣдителя, оказывается не случайной; она не зависитъ отъ слабости воинствующаго духа—дѣло его доведено до конца,—но отъ того, что врагъ его живетъ не тамъ, куда были направлены его силы. Героическій подвигъ, въ которомъ духъ въ борьбѣ со зломъ пріобщается къ нему и познаетъ его, получаетъ значеніе акта самопознанія, въ результатѣ котораго герой долженъ и себя самого признать носителемъ злого начала и принять отвѣтственность за него.

Маленькая картинка, изображающая героическую побѣдительницу Олоферна, является однимъ изъ лучшихъ достиженій Боттичели. Ее создало то особенное дважды углубленное видѣніе, для котораго и линіи, и цвѣта не только исполнены силъ, слагающихъ движеніе жизни, но подчиненно слиты съ живою въ нихъ глубиной метафизическаго смысла. Во всемъ царственномъ образѣ Юдиѳи, въ ея сдержанномъ движеніи, въ облекающихъ ее тканяхъ утонченно благороднаго, почти прозрачнаго сине-лиловаго цвѣта, оттѣненнаго желто-оранжевой одеждой рабыни, живетъ гордый одинокій духъ. Одиночество его безнадежно:

---

[1]) *Botticelli.* „Giuditta“. Firenze. Uffizi. № 1166.

[2]) *Botticelli.* „Der heilige Sebastian“. Berlin. Kaiser-Friedrich-Museum. № 1128.

оно утверждается непосредственной навязчивой близостью изначальнаго неисправимаго рабства; но онъ силенъ и одинъ, и пріемлетъ на одного себя и трудность борьбы, и тяжесть побѣды. Вся концепція картины, всѣ отдѣльные мотивы ея, начиная отъ мертвой головы Олоферна и кончая группами войскъ вдали, спѣшащихъ навстрѣчу вѣсти о побѣдѣ, утверждаютъ полноту, окончательность этой побѣды и внутреннюю красоту, неоспоримую праведность той, которая побѣдила въ борьбѣ за освобожденіе. И, однако, въ ней нѣтъ и тѣни торжества, которымъ такъ полна библейская исторія Юдиои. Духъ отказывается дать санкцію своей побѣдѣ, его скорбное сознаніе, оторванное отъ видимыхъ результатовъ совершеннаго, приковано къ самому акту насилія, смутно прозрѣвая въ немъ что-то мѣшающее полнотѣ достиженія. Въ насиліи побѣды оно открываетъ зло и, страдая, утверждаетъ его непреодолѣнность.

Въ „Св. Себастіанѣ" зло обезсиливается кроткой покорностью его пріятія. Пассивность духа передъ грубостью истязанія претворяетъ ее въ небытіе; израненное тѣло чуждо духу такъ же, какъ далека ему шумная жизнь, убѣгающая въ даль для того, чтобы угаснуть въ сумракѣ вечера. Духъ одинъ въ самосозерцаніи, ему близки лишь кристальность воздуха и красота одинокаго дерева на фонѣ свѣтлаго неба. Но подобно тому, какъ побѣда въ борьбѣ не даетъ торжества, такъ и побѣда въ смиреніи не даетъ блаженства. Духъ, спасаясь въ глубину самого себя, не уходитъ отъ страданія, но снова находитъ его.

И побѣда Юдиои и подвигъ Себастіана говорятъ одно: если внѣшнее объективное зло парализовано, а страданіе живетъ, то источникъ этого страданія долженъ быть въ предѣлахъ самого страдающаго духа. Актомъ самопознанія духъ открываетъ зло въ самомъ себѣ и беретъ на себя всю полноту отвѣтственности. Зло есть его *вина*.

IV.

Идея виновнаго духа есть центральный моментъ въ той системѣ идей, которая развертывается въ художественныхъ образахъ Боттичелли. Этой идеей опредѣляется отношеніе его и къ жизни, и къ Богу. Рожденное болѣзненно-мнительной, но глубокой и жестокой совѣстью, неустанно поддерживаемое ею, переживаніе вины вызываетъ тоску по совершенному, абсолютному оправданію и въ то же время создаетъ все новыя помѣхи для его осуществленія. Въ творчествѣ Боттичелли раскрывается со всѣмъ обаяніемъ наивнаго глубокомыслія тотъ конфликтъ между совѣстью и Богомъ, въ которомъ сознаніе неуничтожимости зла запрещаетъ увидѣть Его и потопить въ очевидности Его бытія послѣднее сомнѣніе.

Живая, но не осознанная въ раннихъ твореніяхъ Боттичелли, идея виновности получаетъ полное выраженіе въ его зрѣлыхъ образахъ. Здѣсь раскрываются и общія особенности вины, какъ таковой, и специфическое ея содержаніе.

Та виновность, которую утверждаетъ художественная интуиція Боттичелли, имѣетъ прежде всего характеръ не личный, но *универсальный;* это не вина индивидуальной человѣческой души, но вина духа, проникающаго жизнь человѣка такъ же, какъ жизнь всего міра. Міроощущеніе Боттичелли какъ бы сосредоточено на всеобщемъ, оно метафизично въ самой своей основѣ. Несмотря на обиліе тщательно разработанныхъ деталей, отдѣльные образы его универсальны по своему существу: въ нихъ конкретный міръ вещей предстоитъ лишь какъ созерцаніе мірового реальнаго, въ которомъ на-ряду съ раціонализованными элементами присутствуютъ и ирраціональные, смутно постигаемые, какъ міровыя стихіи.

Образы, созданные Боттичелли, говорятъ объ единствѣ духа и міра; они не только утверждаютъ бытіе внѣшняго эмпирическаго міра, которое открылось прозрѣвшему сознанію Возрожденія, они открываютъ въ немъ духовность и сближаютъ судьбу его съ судьбой самопознающаго себя духа. Боттичелли принимаетъ жизнь во всей неисчерпаемости ея эмпирическихъ проявленій. Для него равно важны и дороги и красота нагого тѣла, и праздничныя одежды семьи и друзей Медичи, и тонкіе узоры на женскомъ платьѣ, и драгоцѣнныя ожерелья молодыхъ флорентинокъ. Онъ молится у холмовъ Тосканы, у ихъ тонкихъ алтарныхъ вершинъ съ темными остріями кипарисовъ, легко пронзающихъ солнечное небо. Онъ любовно пишетъ цвѣты, не цвѣты вообще, а каждый отдѣльный цвѣтокъ такъ же, какъ любовно поютъ ихъ народныя итальянскія пѣсни и сонеты молодого флорентійскаго герцога; и цвѣты эти никнутъ вмѣстѣ съ склоненной головой Мадонны и мчатся съ нимфами въ вихрѣ весны. Искусство Боттичелли говоритъ „да“ живому міру, но потому, что въ немъ живетъ духъ, и когда этотъ духъ, познавая, открываетъ зло и страдаетъ, то весь міръ неизбѣжно дѣлитъ его судьбу.

Это субстанціальное единство міра дѣлаетъ невозможной индивидуальную виновность. Духъ, живой въ отдѣльномъ человѣкѣ, есть тотъ же духъ, который живетъ во всемъ человѣчествѣ и во всемъ бытіи. Каждая отдѣльная душа слишкомъ близка другой душѣ для того, чтобы она могла быть праведна тогда, когда эта другая виновна. Бытіе зла взываетъ къ противодѣйствію, а между тѣмъ, гдѣ тотъ способъ отозваться на него, который не заставилъ бы пріобщиться къ злому началу и не создалъ бы новой вины? Когда герой убиваетъ злое, то онъ творитъ зло въ актѣ насилія. Когда мученикъ терпитъ зло, то онъ пи-

таетъ его каждымъ мгновеніемъ своего, вызваннаго имъ, страданія. Если же праведный, устраненный отъ непосредственнаго участія въ проявленіяхъ зла, видитъ его и любовно сострадаетъ виновному, то самый актъ сострaданія, въ которомъ даны и полнота пониманія, и сращенность до отождествленія съ чужою душою, утверждаетъ изначальную общность природы творящаго вину и ей сострадающаго и изначальную доступность ихъ дѣйствію силы злого.

Если вина всеобща, если ее несетъ и невинный, то злая воля не есть необходимое условіе виновности. Искусство Боттичелли говоритъ больше этого: оно утверждаетъ *невольность* вины, какъ таковой. Вина—это именно доступность злому началу, безсиліе передъ высшей силой, передъ *рокомъ,* тяготѣющимъ надъ внутренно единой жизнью міра.

Каждое проявленіе этой жизни несетъ въ себѣ необходимость, которая воспринимается не какъ внутренняя закономѣрность его, но какъ чуждая, какъ бы извнѣ навязанная, непреодолимая власть. Идея рока находитъ у Боттичелли два противоположныхъ, на первый взглядъ исключающихъ другъ друга воплощенія: одно изъ нихъ это—оцѣпенѣлый покой, другое—неудержимое движеніе. Стоящія и особенно сидящія фигуры Мадонны или святыхъ не просто неподвижны, онѣ внутренно скованы. Это дѣлаетъ ихъ тяжелыми, иногда неуклюжими или же покорно пассивными. Въ ихъ покоѣ нѣтъ воли къ покою, нѣтъ свободы и успокоенія, онѣ поникаютъ обезсиленныя. Та же несвобода присуща и большинству движущихся фигуръ Боттичелли: движеніе ихъ лишено внутренняго произвольнаго порыва, это не онѣ идутъ, не онѣ ведутъ хороводы,—ихъ гонитъ, ихъ несетъ безмѣрная сила, а онѣ только отдаются ей. И эта сила та же, что передъ тѣмъ ковала въ нихъ оцѣпенѣлую неподвижность.

Въ идеѣ рока Боттичелли устанавливаетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ расширяетъ границы познающаго духа; надъ той сферой, гдѣ этотъ духъ знаетъ и владѣетъ, онъ раскрываетъ другую сферу, невѣдомую, но въ которой скрыта власть править движеніемъ жизни. Такъ расширяло сферу человѣческаго эллинское искусство: сознаніе рока осѣняетъ образы греческихъ боговъ тихой серьезностью скорби. Но духъ грековъ мыслитъ судьбу, какъ начало, далекое жизни; это—почти абстракція, законъ, который значитъ, не разрушая самодовлѣющей завершенности бытія, не сковывая свободнаго его хода. Идея рока у Боттичелли имѣетъ другое значеніе. Въ ней утверждается начало, которое чуждо лишь потому, что не опознано, но живетъ оно въ предѣлахъ самого духа, въ темной глубинѣ его. Это—стихіи жизни, рожденныя ею самою; затаенныя, онѣ создаютъ оцѣпенѣніе; освобожденныя, онѣ уносятъ въ вихрѣ безумія. И не только міръ ночной души жадно внимаетъ пѣснѣ

хаоса; она звучитъ и въ зримой красотѣ дня и покоряетъ его: это—страшная власть безсознательнаго.

Роковая, непреоборимая сила, которая бѣжитъ отъ познанія и стихійно подчиняетъ и топитъ въ себѣ духъ, дѣлаетъ его вину несчастіемъ, а не преступленіемъ. Онъ въ самой виновности своей является страдающимъ, въ этомъ *страданіи* выражается природа его вины. Если страданіе всегда оказывается показателемъ виновности, то это потому, что сущность его и сущность вины совпадаютъ. „Никогда не страдала невинность, страданіе всегда есть вина“ [1]).

Таковъ общій характеръ идеи вины у Боттичелли. Но въ чемъ же специфическій смыслъ ея, въ чемъ именно видитъ онъ виновность духа?

Погруженный въ живую субстанцію міра, растворенный въ ней духъ Боттичелли ищетъ вину не въ отдѣльныхъ проявленіяхъ жизни, но въ самыхъ ея нѣдрахъ, въ самой природѣ ея. Онъ дѣлаетъ отвѣтственнымъ за зло самое жизнь, онъ осуждаетъ самые ея истоки. Зло—это любовь, вина—любовь къ любви. Влюбленный въ міръ Боттичелли казнитъ его и казнитъ въ немъ свою любовь. Онъ заставляетъ себя сказать „нѣтъ“ жизни и мститъ этимъ отрицаніемъ за ея власть надъ собой. Эта страдальческая месть выростаетъ изъ затаеннаго жизнеутвержденія; она скрываетъ въ себѣ тотъ вдохновенный восторгъ передъ красотой человѣка и міра, которымъ проникнутъ духъ Возрожденія.

Осужденіе любви у Боттичелли не есть результатъ приложенія къ ней того или другого нравственнаго или религіознаго мѣрила, оно не выводъ изъ установленныхъ заранѣе посылокъ. Любовь виновна не потому, что ею нарушается законъ совѣсти или Бога. Такого рода приговоръ предполагаетъ вѣрное знаніе того, что есть добро, что зло, что есть добродѣтель, что порокъ. Такъ могло судить и осуждать средневѣковое сознаніе, которому было хорошо извѣстно и то, въ чемъ спасеніе души, и то, что тѣло есть врагъ этого спасенія и источникъ всякаго грѣха. Свободное отъ догмы, пансихически настроенное и метафизически углубленное сознаніе Боттичелли воспринимаетъ любовь не какъ функцію тѣлеснаго, не какъ влеченіе тѣла къ тѣлу, но какъ мировое начало, какъ стихію жизни, подобную той стихіи, которую въ образѣ Великой Матери чтили народы Востока. Эта любовь не можетъ нарушить законъ, потому что она выше, глубже, шире него и поглощаетъ его такъ, какъ поглощаетъ и топитъ въ себѣ великая безсознательная жизнь маленькую жизнь сознанія. Что любовь есть вина, Боттичелли открылъ въ непосредственномъ жизненномъ опытѣ. Она яви-

---

[1]) Hegels theologische Jugendschriften, herausgegeben von Dr. H. Nohl. Tübingen. 1907. Der Geist des Christenthums und sein Schicksal. S. 284.

лась ему, какъ безуміе души, какъ символъ ея изначальнаго рабства и слабости, какъ боль неудовлетвореннаго томленія. *Любовь есть вина, есть страданіе*—вотъ жизненная интуиція Боттичелли, на основѣ которой его художественный геній соткалъ свой прекрасный міръ.

Въ воспріятіи Боттичелли любовь это—судьба; она есть независимо отъ того, хочетъ или не хочетъ ея разумный духъ; она приходитъ изъ той темной наполненной пустоты, въ которой когда-то родилось сознаніе, неблагодарно забывшее и часъ своего рожденія, и ту стихію, которая вскормила его. И слѣпая стихія мститъ за это забвеніе; безсильное понять ее и овладѣть ею, судить ее и осудить или оправдать до конца, оно покоряется ей и несетъ вину рабства. Все изживаніе любви становится поэтому запретнымъ дѣланіемъ, тѣмъ внутренно раздвоеннымъ дѣланіемъ раба, который не въ силахъ сокрушить, но смѣетъ искалѣчить. Сознаніе вины не даетъ любви возможность свободно изживаться, претвориться въ активную творческую силу, оно ранитъ ее, обрекаетъ на недостигнутость, дѣлаетъ ее кроткимъ страданіемъ.

Осужденіе любви и въ немъ осужденіе жизни вызываетъ у Боттичелли мечту объ отрѣшенности, въ которой духъ долженъ найти свободу отъ жизненной вины и страданія, долженъ найти святость и покой. Эта робкая грустная мечта расцвѣтаетъ въ тихомъ образѣ ангела [1]), окутавшемъ тѣнью мира трагическую судьбу Маріи и Христа и блаженнаго близостью Бога. Религіозное сознаніе, зародившееся въ атмосферѣ осужденія жизни, увидѣло Божество далеко отъ нея и преградило длинный путь къ Нему преградой вины, которая явилась теперь, какъ вина передъ лицомъ Бога, и получила значеніе грѣха.

Это рѣзкое противоположеніе жизни, виновной и страдающей, и Божества разбило религіозное исканіе Боттичелли. Для того чтобы осуществить блаженство святости, надо преодолѣть грѣхъ, надо убить его. Но убить грѣхъ—значитъ убить жизнь и ввергнуть духъ въ пустоту, въ ничто, гдѣ нѣтъ ничего и не можетъ быть Бога; Онъ—лучшая блаженная жизнь и не можетъ быть тамъ, гдѣ нѣтъ никакой жизни. Но пощадить жизнь—значитъ пощадить грѣхъ, обречь эту жизнь на вину и страданіе и въ неискупимости грѣха вновь утратить Бога. Такова дилемма. Она вноситъ въ богоисканіе Боттичелли страдальческую безнадежность.

V.

Мечта о блаженной святости, въ силу противоположности своей реальному грѣховному существованію, должна была сдѣлать болѣе острымъ

1) См. *Botticelli.* La vergine col bambino („Magnificat") и La vergine col Bambino („Melagrana"). Firenze. Uffizi. № 1267 bis и № 1289. А также: Maria mit dem Kinde und singende Knaben. Berlin. Kaiser-Friedrich-Museum.

и болѣе непереносимымъ страданіе вины. Искусство Боттичелли является въ себѣ непрерывную *борьбу съ грѣхомъ*, безпощадное гоненіе на зло жизни. Формы этой борьбы опредѣляются той первоначальной интуиціей, въ которой Боттичелли воспринимаетъ любовь, какъ вину и страданіе. Сознать вину и казнить ее есть уже путь къ ея преодолѣнію. Страдать за грѣхъ—значитъ искупать его. Въ раннихъ образахъ Боттичелли духъ, не осознавшій еще до конца свою причастность къ началу зла, противопоставляетъ своему врагу активную силу и пассивное страданіе. Обѣ эти формы реакціи возрождаются и въ борьбѣ духа со своимъ грѣхомъ. Но теперь онъ въ самомъ себѣ видитъ врага и на самого себя обращаетъ свою активную силу; въ неустанномъ *самообвиненіи* и самоказни онъ хочетъ истребить, искоренить самый источникъ грѣха. Походъ противъ тиранической власти ассирійскаго вождя превращается въ походъ противъ тиранической власти *инстинкта;* освободительный подвигъ Юдиѳи смѣняется *аскетическимъ* подвигомъ Іоанна Крестителя. Точно такъ же въ страданіи къ моменту кроткаго непротивленія злу присоединяется моментъ *изживанія вины,* и идея мученичества претворяется въ идею *искупленія міра страданіемъ,* въ идею обреченнаго на смерть Христа.

Аскетическая идея, воплощенная въ искусствѣ Боттичелли, несмотря на видимую близость свою къ религіозному умонастроенію средневѣкового сознанія, имѣетъ уже новое содержаніе.

Духовный подвигъ аскеза, получившій такое большое значеніе въ практикѣ христіанской церкви, основанъ на рѣшительномъ различеніи между жизнью и судьбой эмпирическаго міра и жизнью и судьбой духа. Уродливость самоистязанія получаетъ оправданіе и смыслъ именно въ виду своей конечной цѣли: сдѣлать безразличной для духа преходящую радость общенія съ внѣшнимъ чувственнымъ міромъ и болѣе интенсивной непреходящую радость общенія съ Богомъ; убить тѣло для того, чтобы въ немъ ярче горѣлъ духъ. Сила аскеза лежитъ не въ отрицательной, но именно въ этой послѣдней положительной функціи его; парализуя всякое жизнеутвержденіе, проистекающее изъ интересовъ чувственнаго бытія, онъ не вноситъ въ жизнь никакого лишенія: вѣдь отрицаемое само по себѣ не имѣетъ цѣны, оно лишь препятствіе для осуществленія другой жизни, которая открывается или въ созерцаніи, или въ экстазѣ и есть самая подлинная и лучшая жизнь. Иными словами, аскезъ силенъ своимъ жизнеутвержденіемъ.

Новое сознаніе, смѣнившее это раздвоенное сознаніе среднихъ вѣковъ, связало воедино духъ и чувственное бытіе. Оно ощутило тождество духа и матеріи и противопоставило такимъ образомъ дуалистическому міропониманію строго монистическое. Это ощущеніе тождества не исключаетъ различія между духовнымъ и тѣлеснымъ, но объединя-

етъ ихъ въ чемъ-то третьемъ, высшемъ, по отношенію къ которому они являются только формой его жизни. Оно подобно тому единству людей въ Богѣ, о которомъ возвѣстило христіанское ученіе и которое хотѣла осуществить ранняя христіанская община. Возрожденіе умѣло открыть Бога въ красотѣ матеріи и черезъ красоту пріобщить ее духу. Тождество духа и матеріи есть единство ихъ въ Богѣ, котораго *увидѣли* въ буквальномъ смыслѣ этого слова широко открытые глаза человѣка и которымъ исполнилась его художественная интуиція. Нѣтъ и не можетъ быть двухъ исключающихъ одна другую жизней, двухъ радостей, нѣтъ и не можетъ быть чисто духовной жизни; лучшая высшая жизнь, гдѣ бы и когда бы она ни осуществлялась, есть неизбѣжно и духъ и матерія, т.-е. есть одна полная прекрасная жизнь. На какую бы живую часть ея ни обращалось аскетическое отрицаніе, оно ранитъ ее всю во всемъ ея цѣлостномъ единствѣ, оно становится *абсолютнымъ жизнеотрицаніемъ;* это—реальная невозможность и логическій абсурдъ.

Духъ Боттичелли долженъ былъ трагически пережить эту невозможность. Когда онъ увидѣлъ зло и въ этомъ злѣ вину духа, онъ возложилъ отвѣтственность за нее на всю жизнь, какъ таковую, и уже этимъ однимъ сдѣлалъ невозможнымъ искорененіе грѣха частичнымъ отрицаніемъ жизни, т.-е. аскетическимъ усиліемъ. Примѣненіе его именно въ силу своей безнадежности довело до крайняго напряженія его отрицательную функцію: ожесточенность борьбы увеличилась до крайнихъ предѣловъ. Въ аскезѣ Боттичелли, вслѣдствіе остроты ощущенія огромности и безобразія грѣха, воздержаніе получаетъ значеніе и силу наказанія. То рѣшительное вліяніе, которое оказала на художественное дѣло Боттичелли проповѣдь Савонаролы, питалось этой ненасытностью самоосужденія. Рѣзкій голосъ доминиканца, взывавшій къ покаянію, не только обличалъ грѣхъ, но заставлялъ испытывать его, какъ нѣчто безобразно чудовищное, и художникъ подъ темными сводами Santa Moria del Fiore находилъ себѣ союзника, сильнѣйшаго, чѣмъ былъ онъ самъ.

Это наказующее жизнеотрицаніе, которое ждало оправданія въ осуществленіи мечты о высшей праведности духа, угашало эту мечту. Казнь, направленная противъ чувственнаго бытія, оказалась казнью духа, живого въ проявленіяхъ этого бытія, отождествленнаго съ нимъ. *Угасаніе тѣла стало угасаніемъ духа.* Въ Іоаннѣ Крестителѣ Боттичелли утверждаетъ духовную смерть, какъ результатъ аскетическаго подвига.

Боттичелли придалъ Іоанну [1]) черты Олоферна, тѣ черты, въ которыхъ онъ видѣлъ жизненное зло. Духъ знаетъ это зло, какъ свой

---

[1]) *Botticelli.* „Maria mit dem Kinde und den beiden Johannes“. Berlin. Kaiser-Friedrich-Museum. № 106.

грѣхъ, и изступленно преслѣдуетъ и казнитъ его. Самоистязаніе Іоанна доведено до крайнихъ предѣловъ [1]): его изпуренное тѣло недвижно и мертво, оно высохло и потемнѣло такъ, какъ темнѣетъ давній, сбереженный временемъ, трупъ. Но, убивая тѣло, Боттичелли убиваетъ и жизнь. Изъ глазъ Крестителя смотритъ эта раненая угасающая жизнь, подавленная тишиной душевной пустыни, смотритъ ужасъ передъ небытіемъ. Еще одно усиліе—и духъ становится трупомъ, совершается актъ духовнаго самоубійства, въ смерти тѣла раскрывается полное отсутствіе жизни, расцвѣтаетъ *ничто*.

Въ этомъ приближеніи къ небытію религіозный порывъ Боттичелли умираетъ, не завершенный побѣдой. Аскезъ—это цѣна святости, это путь къ Божественному откровенію. Іоаннъ теряетъ себя ради другого Грядущаго: „меня нѣтъ, но есть Онъ“, говоритъ движеніе его протянутой руки. Умереть для того, чтобы видѣть, въ смерти узнать Бога... Напряженность религіознаго исканія достигаетъ здѣсь одного изъ своихъ предѣловъ. И за этимъ предѣломъ не Онъ, но бѣдное маленькое дитя на колѣняхъ грустной матери, торжественная пышная обстановка и спокойные, чинные святые—пустое благолѣпіе внѣшнихъ церковныхъ формъ. На фонѣ ихъ образъ Іоанна есть потрясающій символъ религіозной безнадежности, выраженіе недостигнутости при полной исчерпанности ищущаго духа.

VI.

Осужденіе и казнь вины не приводитъ къ святости. Для того чтобы найти выходъ изъ позора безсилія передъ зломъ, духъ долженъ принять на себя всю тяжесть виновнаго страданія и въ этомъ страданіи искупить вину міра.

Въ идеѣ искупленія Боттичелли вновь касается христіанской идеологіи, сложившейся въ Средніе вѣка. Мысль о спасеніи міра страданіемъ невиннаго, страданіемъ Бога явилась ему въ найденномъ уже для нея образѣ обреченнаго на смерть младенца на рукахъ страдающей, но покорной Мадонны. Онъ принялъ, однако, въ этой мысли только общую основу ея—идею объ искупающей силѣ страданія—и создалъ на этой основѣ свою концепцію Христа, въ существѣ своемъ отличную отъ концепціи христіанскаго догмата.

Идея искупленія развивается, какъ духовное преодолѣніе грѣховности міра, который, несмотря на эту грѣховность, долженъ быть спасенъ. Зло разсматривается при этомъ, какъ такая сила жизни, которая необходимо, органически связана съ нею и поэтому не можетъ быть

---

[1]) *Botticelli*. „La vergine col Figlio e santi“. Firenze. Accademia di Belle Arti. № 85.

устранена изъ нея, но должна быть изжита и въ этомъ изживаніи претворена въ иное, противоположное ей и отрицающее ее начало. Средствомъ для такого творческаго преодолѣнія зла и является страданіе. Съ одной стороны, страданіе есть слѣдствіе зла и постольку—одна изъ формъ участія въ немъ. Съ другой стороны, оно даетъ то знаніе злого начала, ту мудрость въ немъ, которая необходима для власти надъ нимъ и для его преодолѣнія. Въ страданіи того, кто совершаетъ зло, угасаетъ самая злая воля его, познавшая себя въ результатѣ своего хотѣнія; въ страданіи пострадавшаго отъ чужой злой воли умираетъ тотъ протестъ противъ зла, въ которомъ утверждается его бытіе и его сила.

Страданіе грѣшнаго міра не можетъ, однако, само по себѣ спасти его; если въ этомъ страданіи можетъ умереть зло отдѣльныхъ дѣяній, то злая воля, какъ изначальное несовершенство природы человѣка, все же остается неискоренимой, а вмѣстѣ съ нею сохраняется и возможность новыхъ проявленій зла. Въ силѣ этой злой воли—слабость человѣка, которая дѣлаетъ необходимымъ участіе въ дѣлѣ спасенія абсолютно чуждаго грѣху Божественнаго начала. Богъ преодолѣваетъ грѣхъ міра, пріобщаясь ему въ формѣ абсолютно невиннаго страданія: искупающая сила этого страданія можетъ быть направлена исключительно на зло въ человѣкѣ, потому что невинно страдающій не имѣетъ грѣха; безмѣрность, безграничность божественнаго страданія даетъ возможность искупить вину всего міра. Но, сливаясь съ міромъ въ страданіи и участвуя въ его злѣ, Богъ остается Богомъ и пріобщаетъ міръ божественной благодати. Изъ этого неисчерпаемаго источника блага и радости прощенный, но опустошенный смертью Бога міръ пріемлетъ новую жизнь.

Міроощущеніе Боттичелли заключаетъ въ себѣ всѣ элементы, необходимые для признанія идеи спасенія силою искупающаго грѣхъ страданія, но оно чуждо идеѣ невинности въ страданіи, а, слѣдовательно, и Божественности его. Для сознанія, которое увидѣло абсолютный духъ въ человѣкѣ и природѣ, которое искало Бога не внѣ міра, но въ немъ самомъ,—искупленіе не могло быть даромъ Божества, но *творческимъ актомъ* самого грѣшника, не могло быть дано страданіемъ невиннаго за виновныхъ, но осуществлено страданіемъ *виновнаго* за самого себя. Зло для Боттичелли есть одна изъ основныхъ субстанціальныхъ основъ міра, въ предѣлахъ этого міра не можетъ быть невиннаго страданія, и искупленіе можетъ быть достигнуто лишь *виновнымъ страданіемъ* самой субстанціи жизни. Христіанская идея искупленія падаетъ такимъ образомъ сама собой. Но Боттичелли не отказывается отъ нея до конца. Онъ утверждаетъ вину міра и вопреки ей ищетъ въ немъ Божество. Идея искупленія претворяется въ его искусствѣ въ безумную и безна-

дежную идею спасенія міра черезъ искупленіе грѣха *страданіемъ виновнаго Бога.*

Образы Христа и Маріи-матери, созданные Боттичелли, утверждаютъ *неискупимость вины,* которая неизбѣжно погашаетъ вѣру въ божественную природу міра. Его Мадонна, подобно многимъ другимъ воплощеніямъ Божіей Матери въ христіанскомъ искусствѣ, является символомъ материнской любви, жертвенно сжигаемой во исполненіе непреложной воли; въ ней утверждается святость смиренія. Но та любовь, которая, страдая, отдаетъ себя ради спасенія міра, есть въ міроощущеніи Боттичелли не только одно изъ проявленій жизни, но сама жизнь,—раненая, но не убитая. Боттичелли раскрываетъ въ материнствѣ основную стихію жизни, тотъ міровой Эросъ, въ которомъ живутъ и Мадонна и Афродита. Не только внѣшнія черты, но весь духовный обликъ Маріи получаетъ непреодолимое сходство съ тѣмъ образомъ, въ которомъ Боттичелли видѣлъ стихію страсти и въ которомъ не одинъ разъ воплощалъ ее, и эта страсть страдаетъ, не умирая, въ горѣ матери Христа. Вина любви, изначальная и неустранимая вина жизни не можетъ быть изжита, потому что вмѣстѣ съ нею гибнетъ жизнь. И когда въ „Magnificat“ [1]) скорбный духъ Мадонны, преодолѣвая боль, ищетъ въ своей судьбѣ источникъ новой жизни, когда, просвѣтленный, онъ преклоняется передъ тайной грядущаго спасенія и славитъ Бога—на строгое лицо Маріи ложится тѣнь безрадостной *пустоты,* а образъ маленькаго Христа утверждаетъ во всей ея силѣ тоску не оправданнаго исканія.

Христосъ Боттичелли въ виновномъ страданіи утрачиваетъ свою божественную природу и становится богоискателемъ. Онъ является всегда, какъ символъ обреченности на страданіе и смерть. Передъ лицомъ смерти онъ—побѣжденный; ея атрибуты—распятіе, гвозди, терновый вѣнецъ—непрестанно указываютъ ему на ея неизбѣжность. Страданіе владѣетъ имъ и въ немъ владѣетъ имъ зло: черты его лица, положенія или движенія его тѣла несчастны до конца; и когда Мать его, преодолѣвъ свою материнскую любовь въ служеніи Богу, смиренно хвалитъ Его, глаза Іисуса тоскливо и безнадежно ищутъ и не видятъ Его въ далекомъ небѣ.

Христосъ, въ которомъ жизнь, отдавшаяся порыву искупленія, надламываетъ себя судорогой боли, исходитъ въ смиренномъ пріятіи смерти и вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаетъ неизмѣнно сущее въ себѣ божественное начало—этотъ Христосъ, это несчастное дитя не спасаетъ міра. Въ немъ скрытъ приговоръ жалкой невинной и все же виновно-страждущей жизни, пронизанной неискупимымъ грѣхомъ, обезсиливающимъ живого въ ней Бога. Въ немъ торжествуетъ зло, страданіе и безнадежность.

Въ маленькой флорентійской церкви Ognissanti, гдѣ въ семейной

---

[1]) *Botticelli.* „La vergine col bambino“. Firenze. Uffici. № 1267 bis.

гробницѣ похороненъ Боттичелли, есть фреска, имъ написанная, изображающая блаженнаго Августина. Сѣдой старикъ, мудрый жизнью и самопознаніемъ, искушенный творческой научной работой, приведенъ къ послѣднимъ ступенямъ познаванія, туда, гдѣ рождается порывъ къ послѣднему откровенію. Сильный всеобъемлющій духъ въ смиреніи недостойнаго раба цѣлостно, напряженно страдальчески отдается экстатической устремленности въ непостигнутое. Онъ молитъ открыть ему послѣднее тайное; онъ ждетъ отвѣта на послѣдній вопросъ, онъ вѣритъ и не вѣритъ въ возможность отвѣта.

Это—судьба Боттичелли.

VII.

Жизненная драма Боттичелли развертывается изъ субстанціальной *раздвоенности* его духа, который мятется между святою жизнью въ Богѣ и грѣшною жизнью на землѣ. Эта раздвоенность должна стать непреодолимой, если именно съ грѣшной формой человѣческаго бытія оказываются связанными и интенсивность жизнеощущенія, и радость, и красота, если ее проникаетъ и облагораживаетъ паѳосъ познанія. Праведность, рѣзко противополагающая себя земной жизни, рѣшительно отрицаетъ всѣ ея проявленія и въ результатѣ этого сама оскудѣваетъ, превращается въ пустую формальную идею, утвержденіе которой означаетъ духовную смерть. Въ моментъ такого глубокаго антагонизма между омертвѣвшимъ нравственно-религіознымъ постулатомъ и свободнымъ потокомъ жизни, эта освобожденная жизнь вноситъ свой коррективъ въ святыя мечты грѣшника; она подсказываетъ ему новый идеалъ святости, которая исходитъ изъ утвержденія жизни, выростаетъ изъ нея самой, сильна ея силой. Такъ открывается *новый путь* къ спасенію, прямой, но труднѣйшій. На этомъ пути нѣтъ насилія надъ зломъ, нѣтъ и не искупающаго его страданія; на немъ подрывается самое убѣжденіе въ изначальной необходимости злого начала; и не только это: возникаетъ сомнѣніе въ самомъ существованіи его, въ подлинномъ его бытіи. Не родится ли зло только въ самый моментъ его признанія, не крѣпнетъ ли оно отъ настойчивости осужденія, не костенѣетъ ли, не теряетъ ли оно способность измѣняться,—а, слѣдовательно, и возможность претвориться въ иное,—подъ гнетомъ безпощаднаго моральнаго приговора? Жизнь должна быть освобождена изъ плѣна осужденія, должна быть поставлена выше добра и зла. Пусть виновна она, но пусть свободно изживаетъ она свою вину и она сожжетъ ее въ пламени своего горѣнія. Зло откроетъ въ себѣ свою благую сущность и преобразится въ добро, тѣло—носитель грѣха,—увлеченное огневымъ потокомъ жизни, преодолѣетъ свою тѣлесность и утончится до нематеріальности огня. Живъ и подлиненъ

одинъ духъ; виновная страдающая жизнь откроетъ его въ самыхъ нѣдрахъ своихъ и, преисполненная имъ, узнаетъ полную святую радость.

Таково послѣднее упованіе Боттичелли. Движимый имъ, его духъ самозабвенно отдается жизни и погружается въ живую ея тайну. Она открывается ему въ образахъ древнихъ эллинскихъ боговъ, въ которыхъ новое сознаніе, познавшее и силу грѣха, и безнадежность борьбы, и ужасъ наказанія, хочетъ видѣть символы легкаго полнаго жизнеутвержденія.

Но если тягость разрыва между отдѣльными потенціями духа дѣлаетъ особенно необходимымъ, особенно желаннымъ *примиреніе* враждующихъ началъ, то рѣшительность ихъ противоположенія, сопровождаемая деградаціей ирраціональныхъ движеній души, несетъ въ себѣ серьезную преграду для его осуществленія. Примиреніе оказывается возможнымъ лишь въ результатѣ одухотворенія тѣла, которому надлежитъ, такимъ образомъ, претерпѣть полное преобразованіе для того, чтобы стать достойнымъ участникомъ цѣлостной оправданной жизни. Трудность этой задачи, обусловленная у Боттичелли упорнымъ недовѣріемъ къ могущественнымъ и непросвѣтленнымъ элементамъ существованія, непрестаннымъ осужденіемъ ихъ, ведетъ къ тому, что онъ нерѣшительно, почти принужденно слѣдуетъ зову воскресшей въ немъ свободной жизни. Вотъ почему въ его новыхъ видѣніяхъ нѣтъ полнаго достиженія, они проникнуты лишь робкимъ и тоскующимъ предчувствіемъ его. Ихъ красота есть красота мечты, рожденной душевнымъ надрывомъ; она всегда безнадежно трагична.

Миѳологическіе образы Боттичелли принадлежатъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ образовъ искусства, въ которыхъ чисто-эстетическая задача чувственнаго воплощенія срастается съ духовной проблемой, въ нихъ поставленной, въ одно цѣлое. Результатомъ этого является то, что художественная сторона картины получаетъ полную свободу развитія, становится какъ бы самоцѣлью и вмѣстѣ съ тѣмъ вся она, взятая во всемъ объемѣ, и каждый ея элементъ въ самомъ подчиненіи своемъ автономной эстетической закономѣрности, оказываются полными духовнаго значенія. Здѣсь нѣтъ разрыва между формой выраженія и тѣмъ, что хочетъ быть выраженнымъ, въ нихъ нѣтъ слѣдовъ исканія формы, какъ средства воплощенія: открывшееся художнику, духомъ увидѣнное имъ, открылось ему уже облеченнымъ въ чувственную оболочку, и исканіе эстетическихъ образовъ преобразилось въ постепенное раскрытіе и выявленіе самого полученнаго имъ откровенія.

Въ разсматриваемой группѣ картинъ получили особенно яркое выраженіе всѣ тѣ особенности художника, которыя въ своей совокупности образуютъ его стиль. Самымъ характернымъ моментомъ стиля Боттичелли является то исключительно интенсивное эстетическое бытіе, ко-

торымъ живетъ въ его картинахъ линія. Она не только даетъ подчеркнуто рѣзкій контуръ фигурамъ и вещамъ, но творитъ и самую пластичность формы,—то, что при другой манерѣ рисовать достигается мягкими переходами свѣта и тѣни. Линія доминируетъ надъ всѣми другими формами воплощенія: композиціонный замыселъ какъ бы имѣетъ своей задачей оттѣнить повышенную жизнь линіи; краски смягчаются, свѣтлѣютъ и подчиняются власти рисунка.

Слѣдуя трудно опредѣлимымъ законамъ красоты, линія оказывается вмѣстѣ съ тѣмъ носительницей психической или психокосмической силы; въ ней таится, играетъ, кипитъ сложная стихійная жизнь. Боттичелли не дѣлаетъ лицо или глаза исключительнымъ средоточіемъ духовнаго начала, онъ разливаетъ его по всему тѣлу, наполняетъ имъ каждое его движеніе, каждую прядь волосъ, каждую складку одежды. Оно вездѣ, гдѣ есть свободная игра линій, даже тамъ, гдѣ онѣ, маленькія и капризныя, ткутъ паутинные узоры украшеній.

Самая форма линіи и творимаго ею рисунка у Боттичелли слагается взаимодѣйствіемъ двухъ противоположныхъ силъ: одна изъ нихъ—сила легкаго, но стремительнаго, самого по себѣ неудержимаго и вполнѣ пассивнаго движенія; другая—направленная навстрѣчу первой, задерживающая сила, которая надламываетъ ее, не уменьшая ея стремительности. Угловатый изломъ, ярко выраженный какъ въ деталяхъ рисунка,—въ движеніи руки, въ наклонѣ головы, въ формахъ падающихъ цвѣтовъ,—такъ и въ общей концепціи человѣческаго образа, и составляетъ индивидуальную особенность Боттичелли, въ которой раскрывается глубинный слой его общаго міроощущенія. Для Боттичелли жизнь есть власть ирраціональныхъ стихійныхъ началъ, несокрушимыхъ, но удерживаемыхъ преградой запрета. Этотъ запретъ, посланный нравственнымъ сознаніемъ въ безсознательное, несетъ съ собою осужденіе и, безсильный измѣнить неизмѣнное, претворяется въ страдальческое пріятіе неискупимой вины.

VIII.

Основныя особенности жизнеощущенія Боттичелли отразились съ особенной силой и полнотой въ созданномъ имъ образѣ Минервы, усмирившей Кентавра. [1]) Въ сонмѣ эллинскихъ боговъ художникъ увидѣлъ прежде всего дѣвственную Аѳину, какъ символъ чистой творческой духовности, полярно противостоящей грубому плотскому началу. Минерва Боттичелли есть прежде всего носитель духа, сильнаго лишь своей ясностью, своей нѣжной отрѣшенной красотой. Она легка до невѣсомости

[1]) *Botticelli.* „Pallade“. Firenze. Palazzo Pitti.

и то, что относится къ матеріальному ея воплощенію, какъ бы подчинено ея духовной природѣ. Копье и щитъ — атрибуты воинственной дочери Зевса—низведены до внѣшнихъ знаковъ побѣдной силы духовнаго подвига. Она женственно пассивна и лишь легкимъ движеніемъ руки удерживаетъ Кентавра; ее облекаютъ легкія одежды, въ которыхъ красный цвѣтъ претворенъ въ дымчато-лиловый, оттѣненный затемненно-зеленымъ, подобнымъ цвѣту кипариса, цѣломудренно хранящаго свою тайну.

И рядомъ съ ней Кентавръ, взъерошенный, недовольный, но безсильный, едва дерзающій молить о пощадѣ. Боттичелли доводитъ здѣсь различіе духа и тѣла, добра и зла до крайнихъ предѣловъ. Онъ надѣляетъ высшую духовность всей полнотой жизненности съ ея побѣдной силой и ея мудрой красотой, низводя злое начало до состоянія удрученной, безобразно безпомощной полуживотности. Онъ какъ бы переливаетъ въ прекрасное чистаго духа всю жизненную энергію зла для того, чтобы затѣмъ отринуть его, не убивая, не разрушая цѣлостности жизни, не нанося ей смертельныхъ ранъ.

Боттичелли на своемъ новомъ жизнеутверждающемъ пути не хочетъ отказаться отъ безпощадно казнящаго аскеза, и черты обузданнаго Кентавра принимаютъ обликъ Іоанна Крестителя. Правда, теперь спасенъ духъ, который какъ бы оторванъ отъ казнимаго и уже не раздѣляетъ его судьбу. Но этотъ духъ роковымъ образомъ связанъ съ побѣжденнымъ началомъ. Кентавръ побѣжденъ, но онъ здѣсь рядомъ съ Минервой, она должна держать его, вести за собою. И не только это. Отринутое начало какъ бы органически входитъ въ цѣлое жизни, какъ будто жизнь въ самой полнотѣ духовности не цѣльна безъ начала зла. Безобразный Кентавръ не только не нарушаетъ общей красоты видѣнія Боттичелли, но становится необходимымъ моментомъ ея, и его грубыя формы, его всклокоченная коричневая шерсть сливаются съ нѣжными линіями и тонами одеждъ Минервы въ одну линеально-цвѣтовую гармонію. Въ откровеніи, создавшемъ „Минерву“, Боттичелли узналъ, что и въ самой *разорванности* своей жизнь прекрасна и *едина*, что она совершенна въ самомъ изначальномъ несовершенствѣ своемъ. И отдавшись этому откровенію, Боттичелли снялъ на мигъ гнетъ осужденія съ темнаго стихійнаго начала духа и на мигъ повѣрилъ въ возможность полной примиренности и радости достиженія.

IX.

Когда человѣческій духъ ищетъ въ дарованномъ ему мірѣ хотя бы одно подлинно-праведное, подлинно-благое мгновеніе жизни, то первую боль несетъ ему сознаніе, что нѣтъ такого мгновенія и не можетъ быть,

если гдѣ-нибудь и когда-нибудь, раньше или послѣ, совершалось или совершится злое. Нѣтъ такой минуты, которая не несла бы въ себѣ всю полноту жизни другихъ минутъ и не отвѣчала бы за ихъ грѣховность всей полнотой своей праведности. Но еще большее страданіе, большій ужасъ охватываетъ этотъ духъ въ его исканіи тогда, когда онъ вдругъ открываетъ, что то самое зло—да еще самое безобразное, самое несомнѣнное,—въ которомъ онъ видѣлъ неустранимую помѣху для торжествующаго бытія добра,—что это самое зло какими-то таинственными нитями близости связано съ добромъ, что не только полнота доброй жизни не осуществима безъ него, но невозможна и самая благость и красота ея. Тогда падаютъ всѣ исканія, тогда разрушаются и выбрасываются за негодностью всѣ критеріи, всѣ лѣса оцѣнокъ, на которыхъ утверждался благородный духъ, строившій добрую жизнь. Тогда міръ теряетъ свой привычный образъ, все мѣшается въ немъ, и открывается хаосъ; духъ долженъ отказаться отъ всего прежняго себя и уйти въ него, въ это новое, непосредственное, самозабвенное пріобщеніе жизни.

Когда исканіе Боттичелли достигло этого рокового мгновенія, когда въ самомъ послѣднемъ героическомъ усиліи своей разумной доброй воли, онъ познаиъ слабость и ненужность его, тогда ему открылась *любовь*, какъ свободное стихійно-царственное начало міра, которое по самой природѣ своей не осуждаетъ и не полагаетъ непреходимыхъ границъ, и силою объединенія, скрытою въ немъ, преодолѣваетъ непримиримое. Онъ принялъ эту любовь, но въ новое видѣніе свое перенесъ безсильную тоску, отзвукъ былого крушенія.

Робко-цѣломудренному и универсальному духу Боттичелли любовь явилась, какъ общее безличное начало, какъ *стихія весны.* [1]) Венера, помѣщенная художникомъ въ качествѣ божественной повелительницы возрожденной жизни въ самомъ центрѣ картины, не имѣетъ опредѣляющаго значенія въ ней. Она сама еще не любовь, она какъ бы только позволяетъ любить и весь ея кроткій образъ проникнутъ тѣмъ просвѣтленнымъ покоемъ, который наполняетъ жизнь Мадонны. Боттичелли какъ бы не рѣшается дать любви образъ женщины и слышитъ въ ней общую пѣсню природы: это—хороводы солнечныхъ лучей, бурный, ласкающій вѣтеръ, цвѣты и плоды, это—легкій ускоренный ритмъ жизни. Люди и природа здѣсь одно: проявленіе единой космической жизни, возрождающейся въ обреченности на любовь. И отдѣльныя группы въ общемъ шествіи весны выражаютъ лишь отдѣльныя стороны этой подлинно реальной, непосредственно воспринимаемой весенней тайны.

Весна для Боттичелли есть весна *духа.* Именно здѣсь, въ этихъ образахъ нимфъ, движимыхъ волною эроса, въ этомъ нѣжномъ, утончен-

---

[1]) *Botticelli.* „La Primavera". Firenze. Accademia di Belle Arti. № 80.

номъ женскомъ тѣлѣ, впервые открывающемся изъ-за прозрачной дымки туники, художникъ утверждаетъ духовность жизни. Пространственное бытіе тѣла цѣлостно подчиняется временному бытію и въ непрерывности ритмическаго движенія какъ бы растворяется, анулируется самая матеріальность, самая косность его. Хороводъ грацій — это дыханіе и пѣсня весны. Изломанная линія то вздымающихся, то опускаемыхъ сплетенныхъ рукъ, объединяющая три движущіяся фигуры является какъ бы пластическимъ выраженіемъ самой мелодіи этой пѣсни, расцвѣтающей на гармоническихъ, покорныхъ ритму аккордахъ.

Весна—не радость жизни, но раненость ея, *раненость* духа. Въ ней духъ отдается стремленію къ чему-то недостижимому, онъ обреченъ на неутолимую жажду. Красота весны есть красота неудовлетворенности: развѣ не увядаетъ цвѣтокъ съ того мгновенія, когда ему уже нечего больше желать? Тоскою недостигнутости и въ любви живетъ духъ Боттичелли; отсюда эта неустанность замкнутаго въ себѣ кругового движенія, одиночество и покинутость въ немъ.

Въ танцѣ нимфъ, раненыхъ зажженной стрѣлой незрящаго Эроса, духъ Боттичелли принимаетъ любовь, какъ новую *судьбу* свою. Онъ становится такимъ образомъ въ новое отношеніе къ жизни, но и въ немъ жизнь является ему страдающей и невинно-виновной. Здѣсь обнаруживается съ особенной силой, что безнадежная скорбность, свойственная всѣмъ творческимъ проявленіямъ художника, остается внѣ зависимости отъ того, къ какому полюсу жизни направляется онъ въ своемъ исканіи спасенія. И въ аскетическомъ отрицаніи и въ эротическомъ пріятіи жизни сохраняетъ все значеніе конфликтъ между силами природы, силами инстинкта и задачами и тенденціями разума и разумной воли. Самая идея вины рождается, какъ симптомъ этого изначальнаго антагонизма. Въ ней суммируется состояніе духа, въ которомъ высшее разумное начало судитъ и осуждаетъ, но не можетъ сломить непокорство ирраціональной стихіи.

Пробужденіе весны смягчаетъ, однако, рѣзкость конфликта. Самая возможность этого пробужденія обусловлена тѣмъ, что разумъ отказывается осуждать до конца, и освобождая тѣмъ природу изъ давящаго ее плѣна, давая ей возможность жить и изживать себя, онъ уменьшаетъ тѣмъ самымъ силу ея враждебнаго сопротивленія.

Вмѣстѣ съ уменьшеніемъ силы конфликта, начинаетъ ослабѣвать и гнетъ вины. Боттичелли, какъ бы изживая до конца новую судьбу, явившуюся ему въ пріобщеніи къ хаосу, открываетъ въ ней возможность какого-то новаго, неизвѣданнаго до тѣхъ поръ, *взаимодѣйствія* враждебныхъ началъ, ихъ, убивающаго скорбь, примиренія. Онъ сбрасываетъ на одинъ мигъ всѣ цѣпи, сдерживающія игру стихіи: испуганная внезапностью весенняго вихря, который въ полетѣ гнетъ самые

стволы деревьевъ, робкая Флора не сопротивляется больше и увлекается его порывомъ. Весь образъ убѣгающей, преслѣдуемой Зефиромъ, нимфы проникнутъ особенной *легкостью* изживанія, чуждой той скорбной надломленности обреченнаго духа, въ которой граціи ведутъ свой вѣчный хороводъ. И эта пассивная робкая легкость превращается въ слѣдующее идейное мгновеніе въ *свободный* смѣлый бѣгъ разсыпающей розы Весны. Въ этомъ новомъ образѣ видѣнія Боттичелли духъ, самозабвенно погружаясь въ хаосъ бытія, въ отождествленіи съ нимъ осознаетъ себя вновь, обогащенный новымъ знаніемъ. Весна бѣжитъ, пьяная жизнью; она уже не отдается никакой внѣшней силѣ, потому что сила въ ней самой; она свободна и неудержна: растрепанныя космы волосъ падаютъ на ея лицо, глаза смотрятъ изъ глубины въ глубину мимо видимаго міра, ея ротъ полуоткрытъ. Но и въ этой оргіи развязанной весенней стихіи правитъ сдерживающая сила духа. Движеніе Весны при всей стремительности своей не чуждо сдержаннаго напряженія. Духъ Боттичелли, забывая себя въ опьяняющемъ туманѣ безсознательнаго, какъ бы спѣшитъ вернуться къ себѣ и обрѣсти въ опытѣ неразумія новую силу самоутвержденія; онъ не дерзаетъ за послѣдній предѣлъ. Нимфѣ весны чуждъ самосжигающій экстазъ античной Менады, и слабая улыбка ея полуоткрытыхъ губъ таитъ лишь предчувствіе той блаженной мудрости, изъ глубины которой улыбнулся наивному міру вѣдающій геній Леонардо.

X.

Весенній сонъ Боттичелли открылъ ему возможность увидѣть въ игрѣ непросвѣтленной, пугающей робкое сознаніе, стихіи ту духовную радость, которая бѣжала отъ его религіозной мечты. Слѣдуя за нею на пути все большаго жизнеутвержденія, онъ дерзнулъ на послѣднее полное *оправданіе жизни*. „Рожденіе Венеры“ [1]) создано у предѣла этого свѣтлаго пути. Въ немъ торжествуетъ свободу любовь, преодолѣвающая въ себѣ зло грѣха, въ немъ открывается *святость страсти*.

„Рожденіемъ Венеры“ Боттичелли впервые утверждаетъ любовь, какъ непреодолимо могущественное царственное начало жизни. Міровой Эросъ является ему здѣсь уже не той безсознательной и безформенной стихіей природы, которая пробуждаетъ ее весной; онъ индивидуализируется въ осознанную страсть человѣка, наполняющую его разумный духъ. Въ образѣ Венеры Ураніи, рожденной изъ пѣны волнъ, сосредоточивается все духовное значеніе новаго видѣнія Боттичелли. Природа,

---

[1]) *Botticelli.* „Nascita di Venere“. Firenze. Uffizi. № 39.

окружающая богиню, не живетъ въ себѣ и для себя, какъ то было въ пѣснѣ „Весны“. Играющее море, разсыпанные вихремъ цвѣты, крылатый вѣтеръ, подгоняющій раковину богини, и Весна, готовая принять ее подъ зеленый шатеръ и окутать цвѣтущимъ покровомъ — все объединено въ одномъ созвучномъ откликѣ на ея солнечное явленіе, въ проникновенно серьезномъ служеніи ей.

Самый образъ Венеры раскрываетъ женственное начало любви, оправданное смиреніемъ Мадонны и одухотворенное сдерживающей силой аскетическаго сознанія. Боттичелли удается здѣсь создать *творческій синтезъ* изъ тѣхъ элементовъ бытія, утвержденіе которыхъ въ ихъ самодовлѣющей враждебности одинъ другому угашало въ немъ и самую жизнь, и надежду на спасеніе. Каждое изъ этихъ какъ будто до конца противоположныхъ началъ, нисколько не поступаясь своей самобытной силой, открываетъ свою изначальную близость другимъ, проникаетъ ихъ и сливается съ ними въ одно органическое единство.

Въ Венерѣ все—и свѣтлые бездонно-пустые глаза, и тонкое изогнутое нагое тѣло, и длинные золотые волосы, развитые по вѣтру, какъ змѣи огня, ищущіе и ненасытные,—въ ней все есть дыханіе эроса, единое желаніе, единая неудовлетворенная и неудовлетворимая страсть. Человѣческая любовь какъ бы сгораетъ, исходитъ въ сверхличномъ вселенскомъ началѣ эроса, покорно принимая свою обреченность, исполняя чью-то высшую волю. Цѣломудренный жестъ руки, прикрывающей грудь, обычный въ античной концепціи Афродиты, выражаетъ у Боттичелли въ его сочетаніи съ покорно склоненной головой полноту религіознаго смиренія. Онъ въ пламени любви ощутилъ близость Божества, ему открылось, что одна любовь горитъ и въ кротости Мадонны и въ красотѣ Венеры, и онъ слилъ ихъ черты въ одинъ прекрасный образъ.

Но эта расцвѣтающая жизнь въ самой святости своей хранитъ въ себѣ непрестанно преодолѣваемое начало грѣха, она утверждается на упорномъ аскетическомъ отрицаніи, которое все болѣе и болѣе одухотворяетъ самую страсть, внося вмѣстѣ съ тѣмъ въ нее мертвенный отблескъ аскеза. Хрупкое блѣдное тѣло Венеры, надломленное, какъ листы камыша у волнъ океана, вскрываетъ ту борьбу, въ которой Боттичелли такъ долго и безнадежно искалъ полноты и святости жизни. Въ тихую блаженную улыбку Венеры, въ радость внутренно объединенной жизни вошла, какъ необходимое въ ней начало, тихая скорбь, тѣнь отъ страданія борьбы, создавшей торжество побѣды.

Въ „Рожденіи Венеры“ Боттичелли подошелъ къ вершинѣ того пути, который долженъ былъ открыть ему Бога. Онъ достигъ здѣсь наибольшей полноты жизнеощущенія, наибольшей примиренности, свободы и радостности въ немъ, другими словами, онъ достигъ наибольшей прео-

доленности того страданія въ грѣхѣ, которое преграждало ему путь къ святости и спасенію. Освобожденіе жизни въ любви и очищеніе ея отъ зла черезъ раскрытіе и укрѣпленіе въ немъ духовности и красоты сдѣлало возможнымъ то *созерцаніе Божества,* которое для сомнѣвающагося духа его осуществлялось на одинъ неуловимый мигъ, какъ нежданное, незаслуженное, почти пугающее чудо. Образъ летящаго ангела [1]) облекъ такой мигъ въ конкретно чувственную форму.

Ангелъ Боттичелли не довлѣетъ себѣ. Это—жизнь, рдѣющая одной нечаянной радостью, живая одной улыбкой Бога. Это—самоотрицаніе въ созерцаніи Божественнаго, въ буйной устремленности къ нему, какъ единому средоточію, какъ могучей покоряющей силѣ. Но эта сила уже не гнететъ, какъ та слѣпая стихія, которая увлекаетъ къ безумію зла. Она—свѣтъ, пронизавшій хаосъ, и влечетъ къ себѣ непреодолимо, претворяя необходимость подчиненія въ необходимость — свободу пріятія. Не надламываемая силой сопротивленія, свободно себя осуществляющая жизнь находитъ въ этомъ свѣтѣ свой единый центръ, и ея стремительное движеніе преобразуется въ стройное вращеніе, въ гармонію хоровода. Идея Бога, Который вноситъ порядокъ въ первоначальный хаосъ, идея Бога, который творитъ красоту тамъ, гдѣ не прозрѣвшій духъ видитъ непреодолимое зло,—открылась Боттичелли въ нѣжномъ видѣніи хоровода ангеловъ, рѣющихъ вокругъ Божества и пронизанныхъ свѣтомъ его созерцанія.

XI.

Ангелъ Боттичелли, художественно прекрасный символъ близости духа къ Богу, разъ возникнувъ въ творчествѣ художника, уже не покидаетъ его, несмотря на то, что мгновеніе наибольшей достигнутости становится для него началомъ кризиса, началомъ религіозно-моральной растерянности и отчаянія. Сроднившійся со своимъ сомнѣніемъ духъ Боттичелли, узнавъ, наконецъ, послѣ долгаго пути преодолѣній, радость,—заподозрилъ ее. То обостренное чувство противоположности, несовмѣстимости духа и инстинкта, которое вызвало послѣднее побѣдное усиліе, создавшее „Рожденіе Венеры“, воскресло вновь въ самомъ торжествѣ побѣды. Въ радости своего достиженія онъ увидѣлъ наслажденіе праздникомъ земной любви, и весь трудный путь его, освященный святою цѣлью спасенія, явился передъ нимъ, какъ обманъ, какъ коварное наважденіе антихриста.

---

[1]) *Botticelli.* „Incoronazione della Vergine. Firenze“. Accademia di Belle Arti, № 73. См. также рисунки къ Божественной комедіи Данте: „Zeichnungen von Sandro Botticelli zu Dantes Göttlicher Komödie“. Berlin. Neues Museum. Kupferstichkabinett.

Въ этомъ критическомъ отношеніи къ себѣ Боттичелли потерялъ свою радость, потерялъ своего Бога. Онъ превратилъ въ ничто всю неутомимую работу духа, увидѣлъ въ себѣ великаго грѣшника, а передъ собой—безконечный путь къ новому раю. Въ этомъ послѣднемъ періодѣ уже надорваннаго, угасающаго творчества жизнь вновь является ему, какъ великій грѣхъ, живой въ тысячахъ пороковъ, какъ великое страданіе. Онъ какъ бы возвращается назадъ къ пути самообвиненія, которое превращается порою въ казнь. Новое міроощущеніе Боттичелли исходитъ изъ рѣзкаго опредѣленнаго различенія между порокомъ и добродѣтелью; полагая между ними непреходимую грань, утверждая затѣмъ земную жизнь, какъ всецѣло преданную власти грѣха, онъ закрываетъ для духа всѣ пути спасенія, онъ объявляетъ себя духовнымъ банкротомъ. Спасеніе является ему теперь не конечной цѣлью, которую сознательно ставитъ себѣ виновный, страдающій, но сильный духъ, и достиженіе которой требуетъ борьбы и подвига. Нѣтъ, оно лишь мечта, рожденная вѣрой въ милость божію, вѣрой въ его благодать, которая одна можетъ сдѣлать то, что не по силамъ грѣховному духу. Въ послѣднихъ своихъ созданіяхъ Боттичелли утверждаетъ растерянное безсиліе духа передъ отрицающими другъ друга, полярными одна другой тенденціями жизни; тотъ самый духъ, который сумѣлъ познать міръ въ его добрѣ и злѣ, сумѣлъ коснуться его антиномій, признаетъ себя безсильнымъ ихъ снять и ищетъ убѣжища отъ послѣдняго отчаянія въ надеждѣ на внѣшнюю силу, на благодать, которая снизойдетъ для того, чтобы примирить и спасти.

Художественное творчество Боттичелли становится напряженнымъ морально-религіознымъ исканіемъ. Онъ избѣгаетъ такихъ темъ, которыя не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ овладѣвшей имъ религіозной идеѣ; и, воплощая ее, онъ удаляетъ изъ своихъ образовъ все, что могло бы уменьшить силу ея выраженія напоминаніемъ о земной красотѣ: въ картинахъ Боттичелли послѣдняго періода преобладаютъ темные, почти черные тона и простыя, почти монашескія одежды. Но именно въ этомъ послѣднемъ религіозномъ порывѣ, въ этомъ послѣднемъ обращеніи къ средневѣковому христіанскому ученію, тому ученію, на которомъ Данте построилъ свою „Божественную комедію“ и которое легло въ основу проповѣди Савонаролы—духъ Боттичелли осозналъ съ особенной силой свою безконечную далекость отъ Бога и спасенія.

Онъ хочетъ вѣрить въ Бога и уже не вѣритъ въ себя. Его новый путь исходитъ изъ признанія безсилія и духовной исчерпанности, изъ исканія внѣшней опоры. При созданіи своихъ художественныхъ образовъ онъ слѣдуетъ указаніямъ безпощаднаго доминиканца, онъ дѣлаетъ Данте своимъ руководителемъ въ дѣлѣ спасенія и становится иллю-

страторомъ его поэмы [1]). Художественно отождествляя себя съ самимъ поэтомъ въ рисункахъ къ „Раю“, онъ пассивно, какъ ребенокъ матери, подчиняется указаніямъ сильной мужественной Беатриче.

Это духовное безсиліе является какъ бы моральнымъ результатомъ того непосильнаго гнета страданія, на которое обрекаетъ себя духъ Боттичелли ради искупленія грѣха. Идея Данте о томъ, что въ самой индивидуальной сущности совершаемаго грѣха скрытъ источникъ вѣчной за него муки—идея, на которой построена система наказаній грѣшниковъ въ „Аду“—воспринималась Боттичелли, какъ родная, близкая другой интуитивно пережитой имъ идеѣ о тождествѣ вины и страданія, о неискупимо страдающей въ своей виновности жизни. Рисунки къ „Аду“—это оргія самоистязанія. Въ нихъ нѣтъ и слѣда того гордаго суда надъ міромъ, того строгаго осужденія другихъ, которымъ полна Божественная комедія несмотря на то, что самое путешествіе въ адъ и чистилище предприняты для самопознанія и самоочищенія. Боттичелли не знаетъ грѣха и не умѣетъ казнить его, если этотъ грѣхъ—не вина его духа. „Клевета“ [2]), гдѣ онъ, какъ моралистъ, ищетъ художественнаго воплощенія для цѣлаго сонма пророковъ, оказывается лишь слабой, нѣсколько дѣланно и театрально построенной аллегоріей.

Иллюстрируя адъ, художникъ отождествляетъ себя съ самими казнимыми. Онъ не щадитъ себя и обнажаетъ всѣ темные углы своей духовной жизни, жертвуя красотой и цѣльностью композиціи ради силы выраженія, онъ раскрываетъ весь ужасъ и безобразіе, весь сладострастный цинизмъ грѣха и нестерпимую боль, принятую на себя мучениками ада.

При этой безпощадности самоосужденія явленіе Христа, какъ вѣстника спасенія, кажется далекимъ и неосуществимымъ. Духъ Боттичелли, безпомощный безъ внѣшней опоры, нуждающійся въ исцѣляющей силѣ благодати, сознаетъ себя неподготовленнымъ къ принятію ея. Въ „Поклоненіи волхвовъ“ [3]) маленькій Христосъ въ пещерѣ виѳлеемской является міру не какъ давно желанное, давно ожидаемое осуществленіе, но какъ страшная въ своей непонятности, потрясающая неожиданность, которая создаетъ растерянность и хаосъ. Всѣ уже видятъ его, но испуганно не вѣрятъ своему видѣнію; всѣ знаютъ, чувствуютъ его присутствіе, но сознаютъ свою безконечную отъ него далекость; они бѣгутъ, спѣшатъ, боятся опоздать, гонимые страшнымъ призракомъ: слишкомъ поздно. Тамъ, гдѣ свѣтлый міръ долженъ увѣнчать исканія

---

[1]) Zeichnungen von Sandro Botticelli zu Dantes Göttlicher Komödie. Berlin. Neues Museum. Kupferstichkabinett. Восемь рисунковъ къ „Аду“ хранятся въ библіотекѣ Ватикана.

[2]) *Botticelli.* „La Calunnia“. Firenze. Uffizi. № 1182.

[3]) *Botticelli.* „L'Adorazione dei Magi“. Firenze. Uffizi. № 3436.

духа—рождается лишь безпокойный безумный порывъ къ далекому въ самой близости своей Богу, порывъ, исполненный сознаніемъ недостойности и тревогой сомнѣнія.

Удѣлъ Боттичелли—тоска по далекому раю; она питаетъ ту волю къ искупающему грѣхъ страданію, которая надолго удерживаетъ грѣшныя души въ Дантовомъ чистилищѣ, она же лелѣетъ мечту о спасеніи. Рай для Боттичелли—только мечта; въ его рисункахъ конкретно-реальны лишь поэтъ, благоговѣйно слѣдующій указаніямъ своей вѣры, и руководящая имъ Беатриче, тогда какъ то, что составляетъ цѣль ихъ долгаго пути—лишь свѣтлая тѣнь въ образѣ земныхъ цвѣтовъ, огней и рѣющихъ ангеловъ, нѣжный отблескъ когда-то близкой, но убитой радости. Когда въ „Клеветѣ“ Боттичелли противопоставляетъ пороку и лжи образъ „истины“, онъ даетъ ей образъ Венеры съ ея тонкимъ одухотвореннымъ тѣломъ и пламенемъ золотыхъ волосъ. Когда въ скитаніяхъ по раю его встрѣчаютъ добродѣтели, онъ видитъ ихъ въ образѣ танцующихъ нимфъ. И какъ бы сознавая, что тѣ посланники Бога, которые рѣютъ въ райскихъ кругахъ, рождены вмѣстѣ съ пробужденіемъ весны, и пѣсня ихъ лишь отзвукъ ея пѣсни—Боттичелли не смѣетъ повѣрить до конца ни въ полноту ихъ святости, ни въ подлинную осуществленность спасенія.

XII.

Когда Боттичелли подошелъ къ концу своего духовнаго пути, враждебныя силы его духа оказались вполнѣ опредѣлившимися, но и вполнѣ непримиренными между собой. Непреклонная совѣсть открывала въ мірѣ все новыя и новыя формы зла, утверждала его непреодолимую силу. Въ моральной неустойчивости человѣческой души, въ политической смутѣ человѣческаго общества Боттичелли видѣлъ дѣло дьявола и наивно-безобразный образъ его еще разъ явился въ его искусствѣ. Бунтъ противъ Бога, никогда не угасавшій въ немъ, вспыхнулъ съ новой силой и превратилъ его богоисканіе въ призывъ Его и стонъ о Немъ. Богъ долженъ былъ явиться въ борьбѣ съ дьяволомъ и побѣдить его, но это побѣдное явленіе могли увидѣть только грядущія времена; теперь же оно было лишь пророческимъ сномъ.

Въ „Рожденіи Христа“ [1]) разсказанъ этотъ послѣдній сонъ Боттичелли. Іисусъ приходитъ на землю и его явленіе повергаетъ въ паническій ужасъ злую силу, которая убѣгаетъ съ лица земли. Ангелы поютъ побѣду Христа, изнемогая въ вихрѣ самозабвеннаго танца, и встрѣчаютъ праведныхъ привѣтомъ любви. Но эта мечта о побѣдѣ Бога и

---

[1]) *Botticelli.* „Nativity“. London. National Gallery. № 1034.

торжествѣ добра есть новое пораженіе для религіозно-ищущаго духа. Христосъ пришелъ не для того, чтобы бороться со зломъ и побѣдить его, но для того, чтобы сказать: зла нѣтъ. Когда духъ Боттичелли заставилъ умолкнуть въ себѣ стихію осужденія и для него открылся путь къ просвѣтленію зла, когда онъ въ грѣхѣ увидѣлъ святость и создалъ образъ Венеры, тогда онъ былъ ближе къ Богу и спасенію, чѣмъ въ „Рожденіи Христа“. Тотъ экстазъ, которымъ проникнутъ его послѣдній прекрасный образъ, есть экстазъ религіознаго отчаянія.

Искусство Боттичелли угасаетъ, не успокоенное полнотой обрѣтенія. И только красота, которой неизмѣнно исполненъ увидѣнный имъ виновный и неутѣшенный міръ, утверждаетъ, что духъ и въ сомнѣніи своемъ стоитъ передъ лицомъ Божіимъ, что Богъ открывается ему вопреки смущенному разуму и бунтующей волѣ.

Наталія Вокачъ.

Около войны.

Парижскія замѣтки.

— Читали?!..

— Что такое?

— А вотъ...

Мой собесѣдникъ энергично тычетъ пальцемъ въ газетный столбецъ, содержащій австрійскій ультиматумъ Сербіи.

Мы встрѣтились на улицѣ. Онъ—чехъ, офицеръ австрійской арміи.

— Ну что-жъ, — говорю я, прочитавъ,—нѣмцы опять насъ застращать хотятъ. Дѣло, вѣроятно, кончится какой-нибудь новой конференціей.

— Конференціей!—отчеканиваетъ онъ.—Вы правы. Да, именно конференціей, но которая состоится послѣ войны.

— А будетъ вамъ... Точно европейская война такая легкая вещь?!

— Очень хорошо знаю, что трудная, а для васъ, не военныхъ людей, почти невѣроятная; но она должна быть если не сегодня, такъ завтра, если не завтра, то послѣ завтра. Я же думаю, что она будетъ теперь.

Собесѣдникъ мой горячится, и я не спорю съ нимъ, потому что вижу, что онъ совсѣмъ разстроенъ. Въ случаѣ войны онъ получитъ приказъ явиться въ свой полкъ и долженъ будетъ сражаться или противъ Франціи, которая стала для него второй родиной, или же противъ Россіи, которую, хоть никогда онъ въ ней не былъ, онъ любитъ той особенной, такъ сказать, „идеальной“ любовью, которая такъ обычна къ намъ у чеховъ. Теперь, конечно, мы привыкли и притерпѣлись ко многому, и война создала много положеній, еще болѣе сложныхъ, запутанныхъ и трагическихъ. Но тогда и это казалось ужаснымъ: не было еще теперешняго опыта.

Во всякомъ случаѣ, чтобы разсѣять нѣсколько моего знакомаго и отвлечь его отъ непріятныхъ мыслей, я потащилъ его въ кафе, гдѣ разсчитывалъ встрѣтить нашихъ общихъ пріятелей—людей, какъ и я,

„совсѣмъ не военныхъ“, и, вѣроятно, довольно легкомысленно относившихся къ ожидаемымъ событіямъ.

Такъ и вышло. Разговоръ хоть и шелъ о войнѣ, но въ совершенно „ненадлежащемъ“ тонѣ. Даже вопросъ о заработкѣ и вообще о средствахъ существованія—самый серьезный вопросъ во всѣ времена и при всѣхъ обстоятельствахъ—и тотъ трактовался больше съ комической стороны. Особенно неистощимъ былъ на этотъ счетъ одинъ художникъ, полякъ, который и въ не военное время, благодаря слабому сбыту своихъ картинъ, постоянно перебивался, какъ говорятъ, „съ хлѣба на квасъ“, а въ случаѣ войны и вовсе долженъ былъ „закрыть лавочку“. Но духомъ не падалъ нисколько.

— Профессій, господа, послѣ объявленія войны,—утѣшалъ онъ себя и насъ,—откроется масса: только выбирай. Всюду понадобятся люди, потому что вся мужская половина населенія Франціи уйдетъ на войну. Быть можетъ, въ одинъ прекрасный день я буду имѣть удовольствіе прислуживать вамъ здѣсь въ качествѣ гарсона, или же вы увидите меня на трамваѣ кондукторомъ, или... впрочемъ, позвольте, можетъ, меня возьмутъ городовымъ и, свято исполняя свой долгъ, я долженъ буду тащить кого-нибудь изъ васъ въ участокъ... Что вы скажете, наконецъ, о ремеслѣ уличнаго музыканта? Я играю немного на гитарѣ, въ случаѣ необходимости смогу и пѣть, а патріотизмъ и доброе желаніе дополнятъ остальное. Итакъ, да здравствуетъ война! Ваше здоровье, господа!!

Все было обращено въ шутку и отчасти съ намѣреніемъ, чтобы „не задумываться серьезно“.

Но много было тогда людей, которые шутили „безъ намѣренія“, настолько сама идея европейской войны была еще невѣроятна.

Ярко выразилось это отношеніе въ репликѣ одного моего русскаго знакомаго, которому, кажется, не понравилась, или показалась неискренней нотка „гражданской скорби“, проскинувшаяся у кого-то въ разговорѣ. (Дѣло было уже совсѣмъ наканунѣ).

— Да *вамъ*-то какое дѣло! — воскликнулъ онъ. На войну васъ вѣдь не возьмутъ. Съ голоду тоже, слава Богу, не помрете... Чего вамъ!..

Странно теперь припоминать такія рѣчи. А онѣ были. И ничего удивительнаго въ томъ нѣтъ: это не былъ какой-нибудь индиферентизмъ или безнадежная толстокожесть, а просто-на-просто *отсутствіе яснаго представленія о дѣйствительныхъ размѣрахъ бѣдствія.* Мой знакомый скептикъ скоро поступилъ волонтеромъ во французскую армію и, кто знаетъ, живъ ли еще.

Я много разъ думалъ и старался себѣ представить, что было бы во Франціи, еслибъ вмѣсто настоящихъ ея умныхъ, благородныхъ и энергичныхъ руководителей стояли бы, по несчастью, люди слабые,

малодушные и нерѣшительные, которые передъ угрозой Германіи сдались бы на ея требованіе и отказались поддержать союзницу Россію. Какъ реагировалъ бы на это народъ, парламентъ и, наконецъ, Парижъ? И всегда я приходилъ къ выводу, что такое правительство не просуществовало бы даже одного дня. Оно было бы низвергнуто, низвергнуто даже революціей, если бы это потребовалось. Настолько силенъ былъ тогда народный энтузіазмъ во Франціи.

Война перевернула все вверхъ дномъ и опрокинула сразу установившійся порядокъ жизни.

Прежде всего почувствовали это мы—иностранцы. До сихъ поръ мы были въ Парижѣ желанными гостями, и парижскія власти и публика, пожалуй, даже избаловали насъ своею любезностью. Теперь все пошло иначе. Я не говорю уже о германцахъ и австрійцахъ—было бы странно, если бы ихъ продолжали „ублажать" попрежнему,—но и мы, подданные дружественныхъ державъ, тоже должны были покориться извѣстнымъ строгостямъ. Дѣло коснулось прежде всего нашего пребыванія въ Парижѣ. Намъ позволяли остаться, но мы должны были въ четырехдневный срокъ выхлопотать себѣ особые документы, *permis de séjour*, безъ которыхъ всѣ другія бумаги, хотя бы и выданныя ранѣе парижской полиціей, оказывались недѣйствительны.

Нужно было видѣть, что творилось въ это время возлѣ полицейскихъ участковъ, гдѣ выдавались эти документы. „Хвосты" ожидающихся тянулись часто на протяженіи нѣсколькихъ кварталовъ. Многіе приходили до разсвѣта, потому что иначе приходилось выстаивать по пяти-шести часовъ. Въ такихъ мѣстахъ создавалась даже особая, такъ сказать, бивуачная жизнь. Вдоль рядовъ сновали торговцы съѣстными продуктами и напитками. Много разъ въ день забѣгали сюда газетчики со свѣжими новостями, оглашая воздухъ неистовыми криками. Ожидали стоя, но многіе не выдерживали и садились тутъ же на краю панели, или возлѣ стѣны. И такихъ „великихъ стояній" нужно было продѣлать не одно, а два и даже больше. Я лично былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ по виду довольно крѣпкій и здоровый мужчина упалъ въ обморокъ. Что-жъ подѣлать? Вытащили, сдали его городовому, и ряды снова сомкнулись. „На войнѣ, какъ на войнѣ".

Это скоро почувствовали и коренные парижане-французы. Прекратился кредитъ. Перестали платить многія семьи, лишившіяся заработка. Деньги вдругъ стали страшно рѣдки и, что удивительнѣе всего, казалось, потеряли вдругъ цѣну бумажныя деньги. Произошло это отчасти потому, что до войны въ обращеніи ходили лишь сотенныя и пятидесятифранковыя бумажки. Раньше, когда золото циркулировало, размѣнъ совершался легко. Золота было много и въ довольно мелкихъ

единицахъ: 10 и 20 франковъ. Но во время войны и даже много раньше золото исчезло совершенно, серебряной наличности нехватало для размѣна, а къ тому же на этой почвѣ создалась и паника, принявшая было довольно серьезные размѣры.

Передъ государственнымъ банкомъ (Banque de France), единственнымъ учрежденіемъ, производившимъ размѣнъ, толпа стояла весь день и почти всю ночь (чтобы не потерять мѣстъ въ очереди), и безконечный „хвостъ“ тянулся за много кварталовъ, навѣрное на полверсты. Огромные наряды полиціи поддерживали порядокъ, который, впрочемъ, не нарушался ни разу, тѣмъ болѣе, что быстро и энергично проведенная мѣра выпуска мелкихъ билетовъ 5-ти и 20-ти франковаго достоинства, очень скоро поправила дѣло.

Денежная паника естественно вызвала панику продовольственную, не имѣвшую однако тоже никакихъ серьезныхъ послѣдствій, кромѣ развѣ порядочной усталости слишкомъ ужъ энергично запасавшихся семействъ. Толстыя степенныя хозяюшки, обливаясь потомъ, тащили на себѣ „какъ можно больше“ сахару, сухихъ овощей и т. п.

Даже люди вполнѣ просвѣщенные и культурные поддались общему настроенію.

Разумѣется, и продовольственный вопросъ (въ сущности даже и вопроса не было) разрѣшился самымъ счастливымъ образомъ. Цѣны на предметы первой необходимости не только не поднялись, но и упали, и даже въ позднѣйшіе дни, когда Парижу дѣйствительно угрожала опасность, онѣ остались на прежнемъ уровнѣ.

Все это вмѣстѣ взятое нервировало однако и безъ того достаточно взвинченное парижское населеніе.

Парижъ страдалъ. Несмотря на грандіозный энтузіазмъ, какимъ было встрѣчено объявленіе войны, всѣ связанныя съ нею бѣдствія и несчастія дали себя чувствовать уже въ самомъ началѣ. Эгоистическіе, избалованные и тонкіе цѣнители матеріальныхъ благъ и личнаго счастья, парижане не могли, конечно, съ легкимъ сердцемъ примириться съ разлукой съ близкими и лишеніями, особенно женщины, а онѣ составляли теперь преобладающій элементъ.

Основнымъ мотивомъ стало естественно озлобленіе противъ нѣмцевъ. Интересная вещь. Военные люди: солдаты, офицеры—словомъ, всѣ тѣ, кто принимаетъ *непосредственное* участіе въ борьбѣ съ врагомъ, не ненавидятъ его такъ сильно, какъ тѣ, кто удалены отъ него. И опять-таки въ особенности женщины. Озлобленіе это должно было найти себѣ выходъ, и оно нашло. Въ одинъ прекрасный день начался погромъ нѣмецкихъ магазиновъ. Разгромлено было нѣсколько крупныхъ фирмъ на большихъ бульварахъ, нѣкоторые магазины въ другихъ кварталахъ Парижа и рѣшительно повсюду отдѣленія швейцарской молочной фирмы

Maggi, которой справедливо или нѣтъ приписывали нѣмецкое происхожденіе. Погромъ не имѣлъ цѣлью грабежа, а только уничтоженіе, разрушеніе: многіе продукты уничтожались тутъ же на мѣстѣ.

Событія между тѣмъ развивались. Французы сразу перешли въ наступленіе, и ихъ передовые отряды вскорѣ вступили въ Эльзасъ и Лотарингію; геройское сопротивленіе бельгійцевъ казалось гарантіей успѣха на сѣверѣ, и многіе легковѣрные люди опредѣляли длительность войны въ мѣсяцъ и даже менѣе и уже мечтали о радости свиданія съ близкими, которые вернуться домой, покрытые славой. Офиціальныя сообщенія также проникнуты были духомъ надежды и увѣренности и, такъ сказать, шли въ унисонъ съ общимъ настроеніемъ.

Въ такой приподнятой и бодрящей атмосферѣ прошли почти всѣ 20 дней мобилизаціи регулярныхъ войскъ и затѣмъ наступила вербовка волонтеровъ.

„Ростъ—1 метръ 76 сантиметровъ; вѣсъ—63 килограмма; окружность груди—84 сантиметра“,—значилось на выданномъ мнѣ у входа клочкѣ бумажки.

Совершенно голый въ толпѣ такихъ же голыхъ, немного стѣсняющихся и немного сбитыхъ съ толку людей, переходилъ я отъ одного врача къ другому. Меня повертывали, выслушивали, ощупывали, испытывали мое зрѣніе.

— Служили въ Россіи?

— Нѣтъ; былъ совершенно освобожденъ по болѣзни.

— А именно?

— Неправильная дѣятельность сердца послѣ ревматизма.

— Вы хотите непремѣнно записаться?

— Если это только возможно.

— Хорошо, вы придете черезъ мѣсяцъ. Отсрочка.

Дѣйствіе происходило въ зданіи „Дома Инвалидовъ“ 20 августа. Съ ранняго утра огромная „Площадь Инвалидовъ“ и прилегающій къ ней бульваръ того же имени были покрыты представителями національностей всего свѣта. Русскіе, поляки, чехи, итальянцы, бельгійцы иногда американцы и изрѣдка турки и венгерцы, выстроившись по-военному, въ колонны, терпѣливо ожидали своей очереди. Мѣстами можно было замѣтить даже негровъ, ослѣпительно поблескивавшихъ своими зубами и бѣлками глазъ, японцевъ и китайцевъ. Кого, кого только не было здѣсь, въ этой разношерстной и живописной арміи!!.. Война перемѣшала всѣ классы, спутала всѣ общественныя отношенія. На-ряду съ прилично и даже элегантно одѣтыми господами стояли настоящіе оборванцы, грязные, неряшливые и грубые—несомнѣнные подонки париж-

скаго населенія. Старики съ сѣдыми или сѣдѣющими усами перемѣшивались съ безусыми и безбородыми юношами.

Говорили на всѣхъ языкахъ. Преобладалъ, конечно, французскій, но часто долетала до уха и русская и родственная ей чешская и польская рѣчь, которую издали часто принимаешь за родную. Изрѣдка энергично звучали англійскія фразы, но онѣ покрывались шумными, хотя и мелодичными раскатами итальянскаго краснорѣчія, да рѣзкой трескотнею жаргона. И вся эта разношерстная, разнокалиберная и разноязычная публика шла на защиту страны, ставшей для многихъ второю родиной. Шла не подъ вліяніемъ какихъ-либо корыстныхъ побужденій, а движимая чувствомъ долга и желаніемъ принести и свою посильную лепту въ дѣло борьбы съ общимъ врагомъ.

Принимали однако съ большимъ разборомъ. По газетнымъ свѣдѣніямъ, около тридцати процентовъ всѣхъ явившихся было или совсѣмъ забраковано, или же получило мѣсячную отсрочку. Брали лишь молодыхъ и вполнѣ здоровыхъ.

Въ число такихъ „отсроченныхъ“ попалъ и я. Было непріятно, конечно, но ждать намъ пришлось совсѣмъ не долго, значительно меньше, чѣмъ было назначено.

Обстоятельства войны въ скоромъ времени рѣзко измѣнились. Не успѣла еще замолкнуть лихорадочная сутолка первыхъ дней мобилизаціи, не успѣлъ улечься энтузіазмъ, вызванный извѣстіями о первыхъ побѣдахъ, какъ появились тревожные и даже грозные признаки. Прежде всего отчетливо вдругъ обозначилась нотка умолчанія въ офиціальныхъ правительственныхъ сообщеніяхъ. Бывшій военный министръ Мессими, обѣщавшій журналистамъ и публикѣ „говорить правду, хотя и не всю“, до такой степени оказался вѣренъ своимъ обѣщаніямъ, что французская публика, предполагавшая, что нѣмцы еще въ Бельгіи, гдѣ-то возлѣ Брюсселя, въ одинъ прекрасный день должна была перенести линію фронта сразу черезъ всю сѣверную Францію и считаться съ пребываніемъ нѣмецкихъ войскъ въ 50-ти или 60-ти километрахъ отъ Парижа. Положеніе выяснилось еще болѣе, когда президентъ республики и правительство спѣшно выѣхали въ Бордо, а въ самомъ Парижѣ начались ежедневные визиты нѣмецкихъ авіаторовъ.

Теперь ужъ не было никакого сомнѣнія, и первая нѣмецкая бомба безусловно произвела немалый эфектъ. Началась паника, массовый выѣздъ изъ Парижа. Нехватало экипажей. Билеты нужно было брать задолго заранѣе. Вокзалы охранялись значительными нарядами полицейскихъ. Новый военный губернаторъ Парижа, генералъ Галліэни, даже поощрялъ это массовое бѣгство: неимущимъ былъ предоставленъ даровой проѣздъ въ нѣкоторые департаменты центра Франціи.

Мѣра эта имѣла благодѣтельное значеніе: она очистила Парижъ

отъ слишкомъ нервныхъ элементовъ, заражавшихъ своимъ волненіемъ болѣе спокойныхъ и разсудительныхъ, и Парижъ, несмотря на всю неожиданность сразу надвинувшейся опасности, скоро пришелъ въ себя и успокоился.

Наполовину онъ опустѣлъ. Въ особенности обезлюдѣли богатые кварталы, прилегающіе къ площади Etoile и къ Булонскому лѣсу. Жизнь тамъ совсѣмъ замерла. На улицахъ ни души; окна домовъ наглухо закрыты ставнями; магазины заперты и даже заколочены, и на широкихъ бульварахъ, еще недавно запруженныхъ элегантными экипажами, учатся солдаты. Изрѣдка лишь пронесется автомобиль какой-нибудь почтенной пожилой дамы, которая считаетъ „бѣгство“ позорнымъ, и которая останется „на посту“ во что бы то ни стало, или проковыляетъ старый лакей, оставленный господами стеречь квартиру. А тутъ же въ двухъ шагахъ возводятъ новыя укрѣпленія. Вонъ поднимаются стѣнкой наложенные одинъ на другой мѣшки съ землею, между которыми оставлены отверстія—родъ бойницъ; тамъ натянута колючая проволока и вырыты канавы, а дальше лежатъ поваленныя деревья, обращенныя заостренной массой суковъ въ сторону непріятеля.

Въ бѣдныхъ кварталахъ веселѣе. Они такъ же, какъ раньше и, пожалуй, даже болѣе оживлены, и милое парижское простонародіе попрежнему васъ трогаетъ и восхищаетъ. Безспорно, ударъ былъ великъ и разочарованіе ужасно. Но они горды, эти маленькіе, нервные, легко возбуждающіеся парижане. Они уже приготовились ко всему и съ спокойной серьезностью ждутъ развязки.

А пока... пока они развлекаются, чѣмъ только могутъ. Всѣ, кому пришлось проводить эти тревожные дни въ Парижѣ, не забудутъ, вѣроятно, никогда картины, какую представляли ежедневно часамъ къ 5-ти улицы, прилегающія къ площади Бастиліи или Республики. Въ этотъ часъ появлялись обычно нѣмецкіе авіаторы. Ну какъ пропустить такое интересное зрѣлище! И вотъ все населеніе Парижа высыпало на улицу. Не говоря уже о молодежи, даже пожилыя толстыя, солидныя мамаши чинно располагались, сложивъ на животѣ руки, возлѣ дверей домовъ, или на скамейкахъ бульвара и съ спокойнымъ любопытствомъ завсегдатаевъ кинематографа ожидали обычнаго интереснаго зрѣлища.

— Мама, смотри, тобъ, тобъ [1],—пронзительно кричала какая-нибудь ґруппа ребятишекъ, передъ тѣмъ игравшихъ „въ войну“, и дѣйствительно въ ясномъ вечернемъ воздухѣ, красиво позлащенный лучами склонившагося къ западу солнца, показывался нѣмецкій аэропланъ

---

[1]) Французское простонародье, да и не одно лишь простонародье, всѣ вообще иностранныя слова, въ томъ числѣ и нѣмецкія, произноситъ такъ, какъ если бы это были французскія. Такимъ образомъ изъ *Taube* получается *тобъ*, изъ *Breslau—брэло* и т. д.

съ характерными закругленіями на крыльяхъ, и все отчетливѣе слышалась трескотня мотора. Было немного страшно, но какое-то острое, болѣзненное любопытство непреодолимо влекло, и каждый стремился быть поближе, „чтобы лучше все видѣть“, чтобы самому испытать чувство близости врага и опасности. Затѣмъ раздавался, точно пушечный выстрѣлъ, звукъ взрыва упавшей бомбы, за нимъ второй, третій. И на другой день узнавали изъ газетъ, что доблестный авіаторъ сразилъ семидесятилѣтняго старика и двухъ маленькихъ дѣвочекъ.

А вечеромъ попрежнему бродили, обнявшись, въ тѣни бульвара молодыя парочки, слышались поцѣлуи, быть можетъ, уже прощальные, можетъ, послѣдніе, слышались и подавленныя рыданія, и снова добрые старые каштаны сочувственно кивали своими верхушками и о чемъ-то тихо шептались.

Въ эти смутные, тревожные дни призвали и насъ—„отсроченныхъ“. На этотъ разъ медицинскій осмотръ былъ много короче. Оказалось, напримѣръ, потомъ (только въ нашей ротѣ), что одного приняли съ грыжей, у другого былъ отрубленъ указательный палецъ на правой рукѣ; вѣроятно, много и чего другого, что не было мнѣ извѣстно.

Что же касается лично меня, докторъ покачалъ головой.

— Бѣгать можете?

— Могу.

— Ну, хорошо. Тогда приняты.

На утро мы уже были въ казармахъ. Довольно долго посылали насъ „отъ Понтія къ Пилату“, и порядочно пришлось опять стоять въ очереди, пока, наконецъ, не занесли насъ всѣхъ въ соотвѣтственныя роты, секціи и эскуады, и не распредѣлили по этажамъ и комнатамъ. Впрочемъ, перераспредѣляли и переселяли насъ еще не одинъ разъ. Народа было масса, а новые все прибывали и прибывали. Понятно поэтому, что вначалѣ все немного неладилось и скрипѣло, какъ немазаная телѣга. Во время обѣда, напримѣръ, нехватало мисокъ и ложекъ, а на ночь для многихъ нехватало ни коекъ, ни матрасовъ. И такъ длилось нѣсколько дней, пока не уменьшился нѣсколько потокъ вновь прибывавшихъ.

Впрочемъ, благодаря тому, что первое время очень легко давались позволенія ночевать и обѣдать въ городѣ, оставалось много свободныхъ мѣстъ, такъ что послѣ необходимыхъ предварительныхъ перебранокъ и объясненій всѣ, въ концѣ-концовъ, бывали и сыты, и находили себѣ мѣсто для ночлега.

Кормили недурно. Утромъ кофе черный, не перваго качества, конечно, но вполнѣ сносный. Въ 11 часовъ завтракъ, или, по-нашему, обѣдъ, состоявшій изъ супа съ большимъ кускомъ мяса и какіе-нибудь вареные овощи: картофель, бобы, чечевица. То же и вечеромъ. Спанье

было похуже. Жесткіе соломенные тюфяки, такія же и подушки. Постельное бѣлье намъ выдали лишь въ концѣ второй недѣли. Но все это было плохо лишь для избалованныхъ. Люди неприхотливые спали отлично.

Что касается самыхъ военныхъ занятій, и здѣсь не обходилось безъ трудностей. Во-первыхъ, мы—волонтеры, по крайней мѣрѣ, 90%, оказались людьми, совершенно новыми въ военномъ дѣлѣ, никогда еще не служившими; инструкторы наши также оставляли желать лучшаго: это были пожарные сосѣдней съ нашими казармами команды и, несмотря на производство ихъ въ капралы и сержанты, не всегда хорошо справлялись съ своей задачей. Лишь постепенно все болѣе или менѣе наладилось.

Самыя упражненія начались въ первый же день нашего прибытія. Сначала къ намъ были довольно „снисходительны“ и „мучили“ мало. Но день ото дня требованія возрастали. Насъ гоняли съ 6—7 часовъ утра до 11 и съ половины перваго до пяти. Мы маршировали, бѣгали, разсыпались цѣпью, бросались ничкомъ на землю (въ дурную погоду прямо въ грязь), передвигались ползкомъ, учились манипулировать съ ружьями и производили маневры въ Венсенскомъ лѣсу. Однажды во время такихъ маневровъ наши передовые патрули арестовали въ шутку какого-то праздношатающагося. Надо было видѣть его испугъ!

Для меня самая выучка не была трудна. Я не былъ, правда, на военной службѣ, но въ средней школѣ, гдѣ я учился, гимнастика была поставлена на военную ногу, и многое я уже зналъ. Единственно странно было поворачиваться черезъ правое плечо, вмѣсто сдваиванія рядовъ заходить по четверо и класть ружье на плечо куркомъ внизъ и собачкою кверху. Трудно же было потому, что упражненія эти съ каждымъ днемъ становились все длительнѣе и интенсивнѣе и требовали много силъ и здоровья. А кромѣ того, давали себя знать ранецъ и ружье, особенно ранецъ. Насъ заставляли его носить (очевидно, чтобы пріучить къ походу) постоянно и приказывали класть въ него всѣ необходимыя вещи.

— Все бы ничего, если бы не эта проклятая штука,—жаловался мнѣ мой сосѣдъ по койкѣ, здоровенный дѣтина, лѣтъ уже около пятидесяти.—Смотрите-ка!!...

И, дѣйствительно, было на что смотрѣть: вся холстинная сѣрая подкладка шинели была „хоть выжми“, черная отъ пота. У многихъ другихъ было не лучше, и большинство, возвращаясь съ занятій, не раздѣваясь, часто даже не отстегивая ранца, валились на койки, если только, конечно, ихъ не ожидала какая другая работа: уборка казармы, очередь итти за обѣдомъ и т. д.

Зато, начиная съ пяти часовъ, мы отдыхали. Отдыхали, впрочемъ, въ кавычкахъ. Большинство уходило, и уѣзжало въ городъ къ женамъ,

къ роднымъ, къ знакомымъ, а такъ какъ казармы находились на окраинѣ и на утро нужно было вернуться до шести часовъ, то вмѣсто отдыха выходило еще больше утомленія. Я, напримѣръ, жилъ какъ разъ въ противоположной части Парижа и потому долженъ былъ вставать въ 4 часа утра, чтобы даже на велосипедѣ поспѣть къ сроку.

Отдыхали, дѣйствительно, только тѣ, кто оставался въ казармахъ. Во-первыхъ, имъ доставался такой обильный ужинъ, что они не знали, что съ нимъ дѣлать, доставалось также все полагавшееся намъ (по праздникамъ лишь, однако) вино. Потомъ они выходили немного погулять за ворота казармы и вскорѣ возвращались, чтобы уже устроиться на ночлегъ. Засыпали не сразу, а долго еще разговаривали, нѣкоторые играли въ шашки, въ маниллу. Время летѣло страшно быстро.

— Знаете,—говорилъ мнѣ одинъ очень симпатичный бельгіецъ, съ которымъ я познакомился еще на медицинскомъ осмотрѣ,—я теперь, по крайней мѣрѣ, сплю. До службы я такъ нервничалъ, и мнѣ было такъ плохо, что одно время я думалъ, что схожу съ ума. Дѣлъ никакихъ нѣтъ, времени свободнаго пропасть. Да, какъ начитаешься газетъ... Я ихъ штукъ пять-шесть обязательно прочитывалъ. А здѣсь даже и одной просмотрѣть некогда...

И, дѣйствительно, съ тѣхъ поръ какъ казарма высокой стѣной отгородила насъ отъ внѣшняго міра, всѣ еще недавнія тревоги, нервничанье, опасенія улетѣли куда-то далеко. На сцену выступили ближайшіе интересы минуты,—интересы казарменной жизни, интересы службы. То, что нѣмцы были отъ Парижа всего лишь въ нѣсколькихъ десяткахъ километровъ и великому городу все время угрожала опасность, это какъ-то забывалось, или, вѣрнѣе, стушевывалось передъ сознаніемъ, что въ такомъ-то упражненіи при командѣ: „разъ“ нужно было поднять ружье такимъ-то образомъ, а при командѣ: „два“—инымъ. Кромѣ того, нужно было не забыть тысячи маленькихъ мелочей, касавшихся туалета, слѣдить за чистотою оружія и т. п. Хотѣлось быть образцовымъ и бравымъ солдатомъ, и хотя многіе демонстративно заявляли товарищамъ о своемъ нежеланіи быть ни капраломъ, ни (Боже сохрани!) сержантомъ, но въ глубинѣ души каждый таилъ въ себѣ смутную надежду на повышеніе.

Кромѣ того, всегда имѣлся достаточный запасъ чисто казарменныхъ „событій“, казавшихся много занимательнѣе всего того, что происходило за стѣнами. Вчера, напримѣръ, вдругъ были сразу отмѣнены всѣ отпуски, и громадная толпа ожидающихъ должна была разбрестись по своимъ комнатамъ. Сегодня командовалъ новый поручикъ, пріѣхавшій изъ Марокко (тутъ же сообщалась и его „краткая достовѣрная біографія“), который гонялъ такъ, „что всѣ—безъ ногъ“, но въ общемъ „бравый и дѣльный малый“. Затѣмъ оказывалось—вторая рота за какую-то

провинность была назначена не въ очередь на черную работу: мыть лѣстницы и уборныя и т. д.

Но больше всего, конечно, было разговоровъ, когда и куда мы выступаемъ, а также о начальствѣ.

Насчетъ выступленія ежедневно циркулировала какая-нибудь свѣжая новость, которая къ вечеру уже замѣнялась другой. Сначала говорили: „черезъ день", потомъ „черезъ два", затѣмъ черезъ недѣлю и т. д. Опредѣленно утверждали сначала, что насъ шлютъ въ Авиньонъ или же въ Руанъ, потомъ не менѣе опредѣленно увѣряли, что мы сразу отправляемся на фронтъ. Источникомъ всѣхъ этихъ сплетенъ и слуховъ неизбѣжно являлась кухня—своего рода клубъ, гдѣ сходились персоны по тѣмъ или инымъ причинамъ привилегированныя и, такъ сказать, въ курсѣ событій.

Начальство занимало насъ не меньше, чѣмъ вопросъ о выступленіи. Естественно, что оно раздѣлялось на „симпатичныхъ" и „несимпатичныхъ". „Симпатичнымъ" безусловно былъ капитанъ, дѣйствительно, необыкновенно милый и культурный человѣкъ, доброту котораго, надо признаться, временами порядочно эксплоатировали. Онъ требовалъ знанія службы, но не придирался къ частностямъ и мелочамъ, охотно выслушивалъ всѣ заявленія и просьбы и входилъ въ положеніе своихъ солдатъ. Типомъ „несимпатичнаго" начальства былъ одинъ изъ поручиковъ въ нашей же ротѣ, служившій до тѣхъ поръ въ пожарной командѣ, маленькій, коренастый человѣчекъ, съ тупымъ выраженіемъ лица и страшнымъ самомнѣніемъ. Насъ, волонтеровъ, онъ глубоко презиралъ, никогда не снисходилъ до разговора или личныхъ указаній, а лишь кричалъ и командовалъ черезъ сержанта.

— Эй, сержантъ, смотрите, что это они тамъ фабрикуютъ. Смотрите, какъ вонъ тотъ держитъ ружье. Подтяните-ка ихъ хорошенько.

И сержантъ, въ общемъ милый и добродушный малый, со звѣрскимъ лицомъ, летѣлъ къ провинившимся, точно хотѣлъ ихъ съѣсть, и пускалъ въ дѣло весь свой запасъ смѣшныхъ французскихъ проклятій.

Впрочемъ, и то сказать, на лѣвомъ флангѣ, дѣйствительно, попадались такіе мѣшки (а многіе еще языка хорошенько не понимали), что и святого могли вывести изъ терпѣнія.

Совсѣмъ особенное мѣсто въ ряду другого начальства занималъ другой поручикъ, старенькій уже, немного какъ будто робкій, одѣтый въ старый поношенный мундирчикъ и старое кепи, который вначалѣ всегда скромно держался въ сторонкѣ, и котораго мы какъ-то не замѣчали.

Но въ одинъ прекрасный день (это было въ праздникъ) мы увидѣли, какъ его выцвѣтшій потертый мундирчикъ украсился массою орденовъ и притомъ такихъ, какихъ не было даже у капитановъ. Это насъ заставило взглянуть на старенькаго поручика иначе.

Въ другой разъ, когда немножко глупый, но весьма краснорѣчивый сержантъ (румынъ, изъ насъ же, волонтеровъ) весьма пространно объяснялъ обязанности часовыхъ, никто и не замѣтилъ, какъ тихо подошелъ къ нашей группѣ старенькій поручикъ.

— Вы мнѣ позволите, сержантъ,—очень мило остановилъ онъ нашего слишкомъ краснорѣчиваго профессора,—вы мнѣ позволите маленькое поясненіе, почерпнутое изъ опыта. Почерпнутое изъ опыта, говорю я, потому что мнѣ уже пришлось имѣть этотъ опытъ въ прошлую войну съ нѣмцами,—пояснилъ онъ.—Этотъ поношенный мундиръ и это выцвѣтшее кепи знаютъ уже немного, что такое нѣмецкій штыкъ и нѣмецкая пуля. Все, что объяснилъ сержантъ, все очень хорошо и правильно, но на дѣлѣ всегда выходитъ немного иначе.

И онъ разсказалъ намъ, какъ важно для часового, помимо всего остального, запомнить всѣ предметы, находящіеся въ полѣ его зрѣнія. Случалось много разъ, что какой-нибудь странной формы камень, пень, или просто брошенный на полѣ плугъ въ сумерки давали иллюзію приближающагося врага, и въ результатѣ—напрасная тревога и, что особенно вредно, стрѣльба...

И затѣмъ далѣе еще двумя-тремя мѣткими замѣчаніями и удачными примѣрами—и все это въ необыкновенно миломъ, дружескомъ тонѣ—онъ сразу далъ намъ ясное представленіе о дѣлѣ.

Зато и съ нашей стороны отношеніе къ старенькому поручику было совершенно исключительнымъ. Дисциплина обязывала насъ, конечно, къ чрезвычайной почтительности ко всѣмъ начальникамъ, и никто не имѣлъ причинъ на насъ жаловаться въ этомъ отношеніи, но нужно было слышать, съ какимъ особымъ выраженіемъ произносилось: *bien, mon lieutenant, entendu mon lieutenant* и т. п., когда обращались именно къ нему. Нечего говорить, съ какой молніеносной быстротой исполнялись также его разныя мелкія просьбы и порученія.

Таковы были наши впечатлѣнія и наши чувства въ отношеніи отдѣльныхъ офицеровъ. Какъ же они относились къ намъ, и что вообще думало о насъ начальство?

Отношеніе это было двойственнымъ, въ зависимости отъ двойственности нашего положенія. Мы не были солдатами регулярныхъ войскъ и не были въ то же время французами. Мы составили совершенно отдѣльную часть общаго военнаго цѣлаго—иностраннаго легіона (légion etrangère). Т.-е., вѣрнѣе, не составили, а пополнили: иностранный легіонъ существовалъ и до войны, но пополнялся совершенно исключительными элементами и имѣлъ спеціальное назначеніе. До сихъ поръ онъ являлся частью колоніальныхъ войскъ и дѣйствовалъ въ Марокко. Пополнялся онъ иностранцами и, само собой разумѣется, большею частью такими, которымъ по тѣмъ или инымъ причинамъ приходилось покидать

родину и вообще не оставалось ничего лучшаго, какъ „наниматься“ въ солдаты. Французская печать въ свое время съ достаточной опредѣленностью опровергла нѣмецкія басни о пыткахъ и мученіяхъ, какимъ подвергаются будто бы легіонеры, но несомнѣнно всетаки одно: часть войскъ, составлявшаяся изъ такого рода авантюристскихъ и даже подозрительныхъ элементовъ, должна была находиться въ условіяхъ болѣе суровыхъ, чѣмъ другія.

Такъ фактически и было до войны. Война создала иное положеніе. Огромная масса волонтеровъ-иностранцевъ не представляла тѣхъ авантюристскихъ, антиобщественныхъ элементовъ, какими комплектовался легіонъ до сихъ поръ. Все это были теперь люди, въ нормальныхъ условіяхъ честнымъ трудомъ зарабатывавшіе свой кусокъ хлѣба и ничѣмъ не скомпрометированные. Кромѣ того, формула ихъ обязательствъ была: „лишь на время войны“. Все это измѣняло обычныя представленія о легіонѣ. Но, съ другой стороны, легіонеры все же были иностранцы, которымъ (предполагалось) интересы Франціи не могли быть такими родными, какъ настоящимъ французамъ, притомъ, быть можетъ, люди, которыхъ лишь отсутствіе средствъ къ существованію толкало въ ряды французской арміи и, наконецъ, они могли слишкомъ тенденціозно понимать *добровольческій* характеръ своей службы. И эти соображенія, несомнѣнно, также имѣли значеніе.

Въ зависимости отъ этихъ обстоятельствъ колебалось и отношеніе къ намъ начальства. Такъ, напримѣръ, тотъ самый нашъ добрякъ-капитанъ, который рѣдко кому въ чемъ отказывалъ, собралъ насъ въ одинъ прекрасный день для преподанія намъ нѣкоторыхъ статей французскаго военнаго кодекса и къ великому нашему изумленію началъ свою рѣчь такъ:

— Съ тѣхъ поръ, какъ вы подписали ваши обязательства, вы считаетесь солдатами и подчиняетесь французскимъ военнымъ законамъ. Помните, что васъ собрали сюда не для того, чтобы пить, ѣсть и спать, а чтобы нести извѣстныя обязанности. Если вы ихъ не будете выполнять какъ слѣдуетъ, вамъ грозятъ слѣдующія наказанія.

И затѣмъ былъ прочитанъ рядъ пунктовъ, неизбѣжно оканчивавшихся словами: „...полагается смертная казнь“, или „лишеніе воинскаго званія и смертная казнь“.

Очевидно, указаніе насчетъ того, что легіонеры могутъ воспользоваться въ рядахъ французской арміи лишь возможностью „пить, ѣсть и спать“, являлось своего рода формулой, которая считалась неизбѣжной въ дѣлѣ воспитанія иностраннаго легіона. И хотя непріятно и обидно было выслушивать такого рода „поясненія“, но нельзя не сознаться, что для извѣстной части легіонеровъ они имѣли свое значеніе.

Для очень небольшой лишь части, впрочемъ, по моимъ наблюде-

піямъ. Хотя и достаточно было волонтеровъ, лишившихся во время войны всякихъ средствъ къ существованію, но рѣдко кто смотрѣлъ на военную службу исключительно какъ на возможность прокормиться. Во всякомъ случаѣ, такого рода элементы были не въ авантажѣ у товарищей, и имъ волей-неволей приходилось все же приспособляться къ общему тону и помалкивать.

Не скажу, чтобы и остальные волонтеры руководились исключительно общественными или идейными мотивами. Одни, какъ я сказалъ, оказались безъ всякихъ средствъ къ жизни, въ особенности австрійскіе славяне: чехи, поляки т. д. Другіе предполагали натурализоваться во Франціи („если, Богъ дастъ, вернемся"). Третьи, наконецъ, (это—русскіе эмигранты) разсчитывали получить, такимъ образомъ, прощеніе своихъ давнишнихъ или недавнихъ грѣховъ и по окончаніи войны вернуться въ Россію.

Но всѣ эти личные эгоистическіе мотивы и расчеты лишь *совпадали* съ главнымъ основнымъ—принять посильное участіе въ борьбѣ съ общимъ врагомъ и принести посильную долю пользы.

Я упомянулъ объ эмигрантахъ; здѣсь можно кое-что добавить. Всякому извѣстно, что въ ихъ средѣ всегда было достаточное количество революціонеровъ и часто очень крайнихъ и непримиримыхъ. Война для большинства изъ нихъ была такою же неожиданностью, какъ и для мирныхъ обывателей. Она, пожалуй, застигла ихъ врасплохъ даже болѣе, чѣмъ кого-либо, потому что хотя въ программахъ ихъ и имѣлись на этотъ счетъ „пункты", но непосредственное чувство диктовало иное. О томъ, какъ сбиты были съ толку, въ частности, соціалъ-демократы, мнѣ приходилось слышать слѣдующее:

— Еще за нѣсколько дней до начала военныхъ дѣйствій мы начали выяснять наше отношеніе къ войнѣ и вопросъ о нашемъ въ ней участіи. Собранія слѣдовали за собраніями. Устали всѣ страшно, въ концѣ-концовъ переругались и чуть даже не передрались, а всетаки вопроса не рѣшили. И вотъ тогда-то и выдѣлилась довольно сборная группа волонтеровъ—„революціонеровъ-республиканцевъ", которая представилась въ рекрутское бюро независимо отъ группы при русскомъ консульствѣ".

Мнѣ лично не пришлось быть вмѣстѣ съ этой группой благодаря данной мнѣ отсрочкѣ. И вообще въ этотъ болѣе поздній періодъ, когда я былъ принятъ, русскихъ было уже немного. Они ушли въ первую очередь. Зато много было поляковъ. Воззваніе Верховнаго Главнокомандующаго побѣдило въ нихъ послѣднюю нерѣшительность, особенно послѣ того, какъ видные члены польской колоніи въ Парижѣ горячо выразили въ печати свою радость и признательность.

Много было также эльзасцевъ, лотарингцевъ, итальянцевъ и бель-

гійцевъ. Въ большинствѣ случаевъ это были люди давнымъ давно поселившіеся во Франціи и совершенно офранцузившіеся. Но, случалось, прорывались все же національныя нотки: при мнѣ случилось однажды, что серьезно повздорили одинъ итальянецъ и эльзасецъ по поводу нейтралитета Италіи. Но въ этихъ случаяхъ вмѣшивались другіе и всегда говорили:

— Мы здѣсь теперь всѣ—французы. Мы боремся за Францію и долой всякіе національные споры!...

Вообще долженъ сказать, что и всякія другія тренія и недоразумѣнія, происходившія иногда не только между отдѣльными лицами, но и цѣлыми группами, разрѣшались всегда съ удивительнымъ тактомъ, и грубоватое солдатское „ты", такъ дико звучавшее вначалѣ, потомъ постепенно становилось все болѣе и болѣе естественнымъ и понятнымъ, какъ нѣкоторый символъ дружбы и солидарности. Я не знаю, каковъ былъ составъ другихъ ротъ и казармъ, но что касается того, куда былъ я зачисленъ, могу лишь сказать, что пребываніе мое среди волонтеровъ оставило во мнѣ самыя лучшія воспоминанія. Товарищи мои, въ громадной своей части, люди простые, люди ручного труда, помимо добросовѣстности, съ какой они отнеслись къ исполненію своихъ обязанностей, сумѣли создать въ казармѣ такую пріятную, дѣйствительно, товарищескую и даже дружескую атмосферу, что прямо-таки жаль было оставлять ихъ семью. Въ особенности о нѣкоторыхъ изъ нихъ я еще долго буду вспоминать съ самыми лучшими чувствами.

Мнѣ пришлось пробыть въ ихъ средѣ очень мало, всего двѣ недѣли. За это время генералъ Жоффръ оттѣснилъ нѣмцевъ на востокъ; опасность наступленія на Парижъ миновала, и нашъ полкъ постепенно сталъ очищаться отъ физически слабыхъ и непригодныхъ элементовъ. Къ этому времени въ числѣ многихъ другихъ заболѣлъ и я, и очень скоро былъ уволенъ въ отставку.

А. Щепетевъ.

Нейтралитетъ независимой Бельгіи.

1.

— „Всѣ мы до нѣкоторой степени являемся всемірными гражданами. Для всѣхъ насъ, кромѣ собственной родины, есть еще и общее идеальное отечество, а въ этомъ отечествѣ не послѣднее мѣсто занимаетъ Бельгія“, — такъ говорилъ въ октябрѣ 1883 года, на парадномъ завтракѣ во время торжествъ по случаю открытія въ Брюсселѣ дворца судебныхъ установленій, покойный В. Д. Спасовичъ. О мѣстѣ, принадлежащемъ Бельгіи въ этомъ „идеальномъ“ всемірномъ отечествѣ, у насъ съ тѣхъ поръ основательно забыли. Только теперь, подъ впечатлѣніемъ трагическихъ подробностей германскаго нашествія на Бельгію, о ней снова вспомнили и начали искать въ историческихъ книгахъ и въ справочныхъ изданіяхъ указаній на заслуги бельгійскаго народа предъ европейской культурой и европейской политической исторіей. Это можно сказать съ полною откровенностью,—мы всѣ слишкомъ привыкли видѣть въ бельгійцахъ просто предпріимчивыхъ и подвижныхъ промышленниковъ и торговцевъ, которые изъ своей маленькой страны распространили нити своего экономическаго вліянія на самые отдаленные уголки земного шара. За этими оборотливыми „французами второго ранга“ мы давно уже не замѣчали бельгійцевъ, вѣками отстаивавшихъ свою національную самобытность и на протяженіи восьмидесяти лѣтъ независимаго государственнаго существованія давшихъ Европѣ блестящіе образцы свободныхъ политическихъ учрежденій и разумнаго устроенія отношеній соціальныхъ.

Національный конгрессъ, созванный въ Брюсселѣ послѣ провозглашенія независимости Бельгіи для того, чтобы оформить существованіе независимаго бельгійскаго королевства, декретировалъ 7 февраля 1831 года бельгійскую конституцію, явившуюся образцомъ для цѣлаго ряда конституціонныхъ актовъ послѣдующей эпохи и сыгравшую видную роль въ развитіи современныхъ государственно-правовыхъ понятій. Было бы, конечно, преувеличеніемъ утверждать, что

бельгійская конституція была продуктомъ совершенно оригинальнаго творчества національнаго конгресса. Само собою разумѣется, авторы этой конституціи находились подъ вліяніемъ и ученій англійскаго парламентаризма, какъ разъ тогда получавшаго свою законченную форму, и государственно-правовыхъ ученій, выработавшихся во Франціи въ процессѣ борьбы либеральной оппозиціи съ Людовикомъ XVIII и Карломъ X и нашедшихъ свое отраженіе въ пересмотрѣнной французской хартіи 1830 года. Но при всемъ томъ бельгійская конституція остается памятникомъ, во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательнымъ и далеко превзошедшимъ многія предшествовавшія ей конституціонныя хартіи. По ясности и отчетливости формулировки основныхъ принциповъ свободнаго государственнаго строя, искусно сочетающаго устойчивость монархической власти съ чуткостью парламентскаго механизма къ колебаніямъ общественнаго мнѣнія, она не имѣетъ себѣ равныхъ. Отдѣльныя ея формулы относительно порядка осуществленія законодательной власти, бюджетныхъ полномочій парламента, взаимодѣйствія между короной и народнымъ представительствомъ заимствованы многими нынѣ дѣйствующими конституціями самыхъ разнообразныхъ государствъ. А общая связь ея постановленій до сихъ поръ служитъ предметомъ поучительныхъ наблюденій и размышленій ученыхъ государствовѣдовъ и профессіональныхъ политиковъ.

Будучи самобытнымъ бельгійскимъ государственнымъ документомъ, конституція 1831 года естественно носитъ на себѣ слѣды всѣхъ тѣхъ наслоеній, изъ которыхъ въ теченіе столѣтій сложилось своеобразное *бельгійское* государственно-правовое міросозерцаніе. Мѣстныя вольности, которыя бельгійцы ревниво оберегали еще тогда, когда они находились подъ властью испанскихъ и австрійскихъ Габсбурговъ; французскія идеи свободы и равенства, занесенныя въ Бельгію за двадцать лѣтъ пребыванія ея подъ властью Франціи; наконецъ, практическіе уроки конституціонной политики, полученные бельгійцами въ суровой школѣ нидерландскаго королевства—все это вмѣстѣ привело Бельгію къ той „самой свободной“, „самой республиканской“ монархіи, о которой мечтали въ 1830 году бельгійскіе революціонеры и основы которой имъ удалось заложить въ конституціи 7 февраля. Рамки этого свободнаго государственнаго строя оказались настолько широкими и гибкими, что бельгійская конституція, если не считать реформы избирательнаго права и реорганизаціи сената, почти безъ измѣненій просуществовала до нашихъ дней и создала самую благопріятную обстановку для мощнаго культурнаго развитія дѣятельнаго и энергичнаго народа.

Это развитіе, конечно, не было безболѣзненнымъ и идиллическимъ. Въ теченіе всего XIX вѣка, какъ и въ началѣ XX-го, въ Бельгіи шла ожесточенная борьба между обѣими ея „историческими“ партіями—кле-

рикальной и либеральной, къ которымъ въ восьмидесятыхъ годахъ присоединилась еще партія рабочая. Чрезвычайно интенсивный ростъ бельгійской промышленности и торговли тоже не могъ не вызывать острыхъ соціальныхъ конфликтовъ и кризисовъ. Маленькая Бельгія занимаетъ очень видное мѣсто въ міровомъ хозяйствѣ. Ея промышленность достигла самаго пышнаго расцвѣта. Ея торговля ставитъ ее на одинъ уровень съ самыми старыми и мощными торговыми странами. Внѣшняя торговля Бельгіи превышаетъ торговлю Россіи, Италіи и Австро-Венгріи, уступая лишь торговлѣ Англіи, Соединенныхъ Штатовъ, Германіи, Франціи и Голландіи. Такая гигантская экономическая эволюція должна была наложить свой отпечатокъ на всю бельгійскую культуру, на весь бельгійскій „бытъ". Соціальная борьба часто достигала въ Бельгіи большого напряженія. Соціальныя противорѣчія давали себя знать въ ней съ большою остротой. Но та же самая соціальная борьба породила и бельгійское рабочее движеніе, трезвое и дѣловитое и съ чрезвычайной чуткостью относящееся и къ матеріальнымъ, и къ духовнымъ запросамъ и нуждамъ бельгійской демократіи.

Иными словами, современная бельгійская культура — это типичная „городская", торгово-промышленная культура, со всѣми ея неизбѣжными мрачными сторонами. Но эта культура и въ наши дни блещетъ тѣми же свѣтлыми чертами, которыми справедливо гордились вольнолюбивые бельгійскіе горожане еще въ средніе вѣка. Бельгійцы-капиталисты и бельгійцы-рабочіе, бельгійцы-коммерсанты и бельгійцы-промышленники остались прежде всего смѣлыми и мужественными гражданами свободной страны, вѣрными своимъ историческимъ традиціямъ и готовыми до послѣдней капли крови защищать свою родину. Въ 1830 году всѣ бельгійцы сплотились вокругъ временнаго правительства, ведшаго ихъ къ государственной независимости. Такъ, на нашихъ глазахъ потомки бельгійскихъ революціонеровъ всѣ до послѣдняго человѣка пошли за королемъ Альбертомъ I, которому Европа единодушно присудила имя короля-*героя*, но который не меньше заслужилъ и почетный титулъ короля-*гражданина*.

Сорокъ четыре года тому назадъ, когда воспоминанія перваго „героическаго" періода бельгійской независимости были еще живы у всѣхъ въ памяти, Гладстонъ посвятилъ Бельгіи слѣдующія восторженныя и прочувствованныя слова:

— „Что такое Бельгія?—восклицалъ великій старецъ въ засѣданіи палаты общинъ 10 августа 1870 года. — Это страна съ пятью милліонами жителей, имѣющихъ великое историческое прошлое и обладающихъ такимъ же пылкимъ и чистымъ національнымъ чувствомъ, какое заставляетъ биться сердца самыхъ могущественныхъ народовъ. Среди революціонныхъ потрясеній и кризисовъ нашей эпохи Бельгія всегда такъ

устраивала свои внутреннія дѣла, что дала всей Европѣ примѣръ добраго и прочнаго правительства, совмѣщаемаго съ самыми широкими политическими свободами. Въ виду такихъ особенностей этой страны, среди моихъ слушателей не найдется, конечно, никого, кто не понималъ бы, что вѣсть объ уничтоженіи Бельгіи въ угоду чьимъ-либо аппетитамъ прозвучала бы на всю Европу погребальнымъ звономъ всякому публичному праву и всѣмъ международнымъ законамъ".

Такъ какъ тогда, въ 1870 году, какъ и лѣтомъ прошлаго года, шла рѣчь объ угрозѣ независимости Бельгіи со стороны ея сосѣдей, англійскій первый министръ заключалъ:

— „Въ независимости Бельгіи Англія заинтересована больше, чѣмъ въ буквальномъ исполненіи договора, въ которомъ она принимала участіе. Эта заинтересованность основывается на слѣдующемъ соображеніи. Можетъ ли сильная и вліятельная Англія присутствовать въ качествѣ безразличнаго свидѣтеля или даже сообщника при совершеніи самаго жестокаго преступленія, какое когда-либо оскверняло страницы исторіи?!"

2.

— „Съ полнымъ основаніемъ всѣ видятъ въ Бельгіи мощную индивидуальность. Такъ же, какъ перешеекъ, отдѣляющій Эгейское море отъ моря Іоническаго, препятствуетъ столкновенію и смѣшенію ихъ волнъ, такъ и наша маленькая Бельгія сдерживаетъ сосѣднія великія имперіи, которыя безъ нея раздвинулись бы во всѣ стороны и захватили бы все". — Это изреченіе профессора лейденскаго университета Юстуса Липсіуса, умершаго въ Лувенѣ въ 1606 году, часто приводится въ сочиненіяхъ о бельгійскомъ нейтралитетѣ, какъ доказательство того, что нейтрализація Бельгіи была „предопредѣлена" всей ея исторіей, что Бельгіи было „на роду написано" стать „постоянно нейтральнымъ" государствомъ. Противъ такого взгляда на историческія основы нейтралитета Бельгіи можно спорить. Можно утверждать, что исторія бельгійскихъ провинцій могла бы привести ихъ и къ порабощенію, частичному или полному, одному изъ сосѣдей или къ раздѣлу между сосѣдями. Но нельзя отрицать того, что изреченіе лейденскаго профессора очень просто и очень правильно характеризуетъ особенности географическаго положенія Бельгіи, благодаря которымъ независимость Бельгіи, съ точки зрѣнія и собственно бельгійскихъ и обще-европейскихъ интересовъ, требовала своеобразныхъ международно-правовыхъ гарантій. Независимой Бельгіи могло и не быть. Но разъ возникло независимое бельгійское государство, ему естественнѣе всего было стать и государствомъ „постоянно нейтральнымъ" [1]).

---

[1]) Дальнѣйшее изложеніе исторіи бельгійскаго нейтралитета основано главнымъ образомъ на книгѣ бар. *Б. Э. Нольде.* „Постоянно нейтральное государство", 1905,

Съ тѣхъ поръ какъ въ 1581 году семь сѣверныхъ провинцій Нидерландовъ образовали независимую республику, южныя бельгійскія провинціи были нѣсколько столѣтій подъ-рядъ театромъ ожесточенныхъ военныхъ столкновеній между Франціей, Испаніей, Австріей и Нидерландами. Въ рядѣ войнъ, которыя велись этими государствами, Бельгія всегда принимала на себя первые и самые чувствительные удары. Бельгіей крайне интересовались поэтому и Франція, которая склонна была включить ее въ свои границы, и противники Франціи, которые пытались создать изъ Бельгіи „барьеръ" противъ завоевательныхъ замысловъ французскихъ правительствъ. Уже въ XVII вѣкѣ Ришелье думалъ выйти изъ этихъ вѣчныхъ затрудненій путемъ осуществленія проекта, весьма близкаго къ проекту нейтрализаціи Бельгіи. По предположеніямъ Ришелье, Бельгія должна была стать независимой и находиться въ „постоянномъ союзѣ" со всѣми сосѣдними государствами. Проектъ Ришелье потерпѣлъ неудачу, и дальнѣйшее развитіе бельгійскаго вопроса получило на долгое время направленіе одностороннее, анти-французское. Усиліями Нидерландовъ и Австріи, на основаніи Утрехтскаго трактата 1713 года, и Антверпенскаго договора 1715 года, на территоріи Бельгіи былъ фактически воздвигнутъ „барьеръ" изъ пограничныхъ съ Франціей крѣпостей и городовъ, гарнизоны въ которыхъ, по уполномочію императора, должны были держать голландцы. Система „барьера" рухнула въ 1795 году, когда великая французская революція включила Бельгію въ составъ французской республики и положила конецъ самостоятельности Нидерландовъ. Въ 1803 году Наполеонъ, тогда еще первый консулъ, для того чтобы окончательно ликвидировать систему „барьера", распорядился „деклассировать" бельгійскія крѣпости. Но въ 1815 году, по иниціативѣ Англіи, руководившей дѣйствіями анти-французской коалиціи, „барьеръ" былъ возстановленъ. Для этого бельгійскія провинціи были присоединены къ Голландіи и, такимъ образомъ, Франціи противопоставлено новое „état d'équilibre" — королевство Нидерландовъ.

Таково было положеніе вещей, когда въ 1830 году Бельгія отложилась отъ Голландіи и провозгласила свою независимость. Система „барьера" рушилась еще разъ, и возстановить ее въ прежней формѣ

представляющей наиболѣе полное и точное изслѣдованіе вопроса. Кромѣ того, были приняты во вниманіе: *Dollot*. „Les origines de la neutralité de la Belgique et le système de la Barrière", 1902. *Sorel*. „Histoire diplomatique de la guerre franco-allemande", 1875. *Rolin-Jaequemyns*. „La guerre actuelle dans ses rapports avec le droit international", 1870—1871. При изложеніи событій минувшаго лѣта были использованы матеріалы англійской „Синей книги", вмѣстѣ съ дополнительно изданнымъ донесеніемъ сэра Эдуарда Гошена, бельгійской „Сѣрой книги" и французской „Желтой книги". Для послѣдующаго періода приходилось прибѣгать къ газетному и журнальному матеріалу.

было уже, очевидно, немыслимо. Европѣ приходилось считаться съ совершившимся фактомъ и найти такую международно-правовую характеристику Бельгіи, которая, по возможности, примирила бы всѣ скрещивавшіеся на бельгійской территоріи противорѣчивые интересы. Послѣ продолжительныхъ усилій такая характеристика и была найдена на лондонской конференціи представителей пяти великихъ державъ, которыя 4 ноября 1830 года предложили Бельгіи и Голландіи прекратить военныя дѣйствія и вывести войска за предѣлы линіи, раздѣлявшей Голландію и Бельгію до 1814 года, принимая на себя заботы о дальнѣйшемъ ходѣ событій.

Это, конечно, совершенно случайное, но очень любопытное совпаденіе, что первый проектъ нейтрализаціи Бельгіи исходилъ отъ графа Матушевича, представлявшаго Россію на лондонской конференціи.

— „Меня спросятъ,—писалъ онъ графу Нессельроде 3 (15) ноября 1830 года,—что слѣдуетъ дѣлать... Средство для спасенія Бельгіи отъ Франціи и Голландіи, и Голландіи отъ Бельгіи было бы слѣдующее. Пять державъ гарантируютъ сообща, посредствомъ протокола или трактата, существованіе бельгійскаго королевства и объявляютъ, что ни одна изъ нихъ не можетъ ни въ какомъ случаѣ ни нападать на него, ни занимать его безъ согласія четырехъ другихъ державъ, и что, кромѣ того, онѣ гарантируютъ равнымъ образомъ Голландію отъ всякаго нападенія со стороны Бельгіи“. Идея постояннаго нейтралитета Бельгіи, очевидно, настолько всетаки подсказывалась ходомъ исторіи, настолько, можно сказать, носилась въ воздухѣ, что ее тотчасъ же подхватили и делегатъ Франціи, Талейранъ, и делегатъ Пруссіи, Бюловъ.

Въ одиннадцатомъ протоколѣ лондонской конференціи отъ 20 января 1831 года имѣются уже статьи 5-я и 6-я, которыя представляютъ собою первоначальный набросокъ формулы постояннаго бельгійскаго нейтралитета, гарантируемаго пятью великими державами. Этой формулѣ не сразу суждено было стать международно-правовой нормой, и послѣ долгихъ усилій только 14 октября 1831 года въ сорокъ девятомъ протоколѣ конференція изложила окончательныя условія бельгійско-голландскаго мира. Послѣ того какъ Бельгія приняла эти условія, а Голландія ихъ отвергла, 15 ноября между пятью великими державами и Бельгіей былъ подписанъ договоръ, въ статьѣ 7 котораго былъ охарактеризованъ бельгійскій нейтралитетъ, а въ статьѣ 25 дана ему гарантія пяти великихъ державъ.

Прошло семь съ половиною лѣтъ, прежде чѣмъ Голландія примирилась съ независимостью Бельгіи и признала ея своеобразное международное положеніе. 14 апрѣля 1839 года между Бельгіей и Голландіей былъ, наконецъ, подписанъ въ Лондонѣ мирный договоръ, состоявшій изъ исправленныхъ двадцати четырехъ статей договора 15 ноября.

Статья 7-я этого договора, повторявшая дословно статью 7-ю договора 15 ноября, гласила:

„Бельгія въ предѣлахъ, означенныхъ въ статьяхъ 1-й, 2-й и 4-й, образуетъ независимое и постоянно нейтральное государство; она обязуется соблюдать нейтралитетъ по отношенію ко всѣмъ прочимъ государствамъ“.

Въ тотъ же день между пятью великими державами и Бельгіей былъ подписанъ другой договоръ, отмѣнявшій договоръ 1831 года и въ статьѣ 1-й постановлявшій:

„Е. И. В. Императоръ Всероссійскій, е. в. императоръ Австрійскій, король Венгріи и Богеміи, е. в. императоръ Французовъ, е. в. королева Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи и е. в. король Прусскій заявляютъ, что приложенныя къ сему статьи, воспроизводящія содержаніе договора, заключеннаго въ этотъ же день между е. в. королемъ Бельгійцевъ и е. в. королемъ Нидерландовъ, великимъ герцогомъ Люксембургскимъ, признаются имѣющими ту же самую силу и значеніе, какъ если бы онѣ были дословно внесены въ настоящій актъ, и что онѣ, такимъ образомъ, ставятся подъ гарантію Ихъ Величествъ“.

Такъ началось существованіе формально признаннаго и гарантированнаго Англіей, Австріей, Пруссіей, Франціей и Россіей постояннаго нейтралитета независимой Бельгіи. Этотъ нейтралитетъ представлялъ собой наилучшій возможный компромиссъ между заинтересованными въ бельгійскомъ вопросѣ сторонами. Нейтральная Бельгія сохранила свое значеніе „барьера“, локализующаго и смягчающаго столкновенія раздѣленныхъ ею другъ отъ друга государствъ. Но это былъ „барьеръ“ не анти-французскій, не анти-германскій и не анти-англійскій. Это былъ „барьеръ“ *европейскій,* воздвигнутый въ интересахъ обще-европейскаго равновѣсія и спокойствія.

3.

Первому серьезному испытанію постоянный нейтралитетъ Бельгіи подвергся во время франко-прусской войны. Конечно, и до 1870 года вокругъ Бельгіи не было абсолютнаго покоя. Такъ, февральская революція 1848 года доставила во Франціи преобладающее вліяніе партіи, внѣшняя политика которой покоилась на идеѣ „естественныхъ границъ“, и могла поэтому представлять угрозу для европейскаго равновѣсія, установившагося въ періодъ между 1831 и 1839 годами. Дѣйствительные или только предполагаемые завоевательные планы Франціи тотчасъ же вызвали соотвѣтствующую реакцію въ средѣ другихъ участвовавшихъ въ договорѣ 1839 года державъ, и между Англіей и Пруссіей было достигнуто неформальное соглашеніе о совмѣстной защитѣ нейтралитета

Бельгіи отъ посягательствъ со стороны Франціи. Но только въ 1870 году, когда вспыхнувшій между Франціей и Пруссіей вооруженный конфликтъ подвергъ уже вполнѣ реальной опасности неприкосновенность бельгійской территоріи, всѣ заинтересованныя державы получили возможность еще разъ провѣрить свое отношеніе къ нейтральной Бельгіи, и изъ этой повѣрки постоянный нейтралитетъ бельгійскаго королевства вышелъ не поколебленнымъ, а вновь признаннымъ и укрѣпленнымъ.

Тотчасъ же по возникновеніи войны правительства обѣихъ воюющихъ сторонъ поспѣшили сдѣлать Бельгіи самыя успокоительныя заявленія насчетъ ея нейтралитета. 16 іюля французскій министръ иностранныхъ дѣлъ писалъ бельгійскому посланнику въ Парижѣ: „Правительство императора рѣшило уважать нейтралитетъ бельгійскихъ территорій подъ условіемъ, что онъ будетъ уважаемъ Пруссіей и ея союзниками“. Аналогичныя обѣщанія были даны бельгійскому посланнику въ Берлинѣ и канцлеромъ унаслѣдовавшаго международныя права и обязанности Пруссіи Сѣверо-Германскаго союза. При этомъ Бисмаркъ, съ извѣстнымъ кокетствомъ особо подчеркнулъ ненужность какихъ-либо дополнительныхъ гарантій при наличности договора 1839 года.—„Имѣю честь дать письменное завѣреніе,—говорилъ онъ,—хотя и излишнее въ виду существующихъ договоровъ, что Сѣверо-Германскій союзъ и его союзники будутъ уважать бельгійскій нейтралитетъ, если этотъ нейтралитетъ будетъ уважаться и другой воюющей стороной“.

Но кромѣ Франціи и Пруссіи, въ бельгійскомъ нейтралитетѣ была заинтересована Англія, и тогда уже въ своей бельгійской политикѣ руководившаяся двоякаго рода мотивами—чисто политическимъ расчетомъ, заставлявшимъ ее ревниво оберегать бельгійское побережье отъ овладѣнія какою-либо великой державой, и началами моральнаго порядка, побуждавшими ее охранять созданное при ея помощи маленькое цвѣтущее государство. Въ словахъ лорда Джона Росселя, сказанныхъ въ палатѣ лордовъ 2 августа, громко звучитъ именно эта нота не только юридической, но и моральной связанности Англіи по отношенію къ Бельгіи. — „Наши обязательства по отношенію къ Бельгіи, — говорилъ лордъ Джонъ,—принадлежатъ къ числу наиболѣе для насъ священныхъ. Мы приняли эти обязательства отдѣльно за себя и совмѣстно съ другими державами. Намъ нечего выбирать между нѣсколькими открывающимися передъ нами путями. Мы должны слѣдовать однимъ путемъ, и этотъ единственный путь есть путь чести. Мы обязаны защищать Бельгію“.

Свою рѣшимость отстаивать во что бы то ни стало независимость и нейтралитетъ бельгійскаго королевства Англія сочла нужнымъ зафиксировать въ опредѣленныхъ международно-правовыхъ документахъ. Она потребовала, прежде всего, соотвѣтствующихъ обѣщаній отъ Сѣ-

веро-Германскаго союза и Франціи. Оба правительства повторили ей заявленія, только что сдѣланныя Бельгіи. Но поощряемая Бельгіей, которая научилась видѣть въ ней свою самую вѣрную и послѣдовательную защитницу, Англія продолжала дипломатическія сношенія съ Берлиномъ и Парижемъ до тѣхъ поръ, пока ей не удалось въ двухъ договорахъ, заключенныхъ 9 августа съ Сѣверо-Германскимъ союзомъ и 11 августа съ Франціей, получить отъ воюющихъ государствъ новое торжественное подтвержденіе ихъ вѣрности соглашенію 1839 года.

Существенное содержаніе этихъ двухъ тождественныхъ соглашеній сводилось къ тому, что Англія обязывалась оказать вооруженную помощь Франціи или Сѣверо-Германскому союзу въ дѣлѣ охраны бельгійскаго нейтралитета, въ случаѣ нарушенія его противной стороной. Соглашенія эти должны были сохранять силу до окончанія войны между Сѣверо-Германскимъ союзомъ и Франціей, и въ теченіе двѣнадцати мѣсяцевъ по ратификаціи мирнаго договора. Съ истеченіемъ же этого срока независимость и нейтралитетъ Бельгіи должны были попрежнему основываться на статьѣ первой пятерного договора 19 апрѣля 1839 г.

Смыслъ этихъ договоровъ не нуждается, повидимому, въ комментаріяхъ. Но значеніе ихъ было еще болѣе рѣзко подчеркнуто бельгійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ д'Анетаномъ.—„Эти тождественныя сепаратныя соглашенія,—говорилъ онъ въ палатѣ представителей 16 августа,—не создаютъ и не измѣняютъ обязательствъ, вытекающихъ изъ договора 1839 года. Они только нормируютъ для опредѣленнаго случая практическій порядокъ осуществленія этихъ обязательствъ. Они ни въ чемъ не умаляютъ обязанностей, принятыхъ прочими державами, участвовавшими въ договорѣ 1839 года, и, какъ явствуетъ изъ ихъ текста, они сохраняютъ въ неприкосновенности на будущее время договоръ 1839 года и всѣ вытекающіе изъ него выводы".

Окруженная такой двойной цѣпью международныхъ соглашеній, нейтральная Бельгія благополучно пережила кризисъ 1870 — 1871 года. Бельгійское правительство очень точно понимало обязанности, возлагаемыя на него нейтралитетомъ, и обнаруживало въ соблюденіи ихъ щепетильность, доходившую даже до нѣсколько утрированнаго педантизма.

19 іюля была объявлена война. Уже 21 іюля бельгійское правительство циркулярно сообщило своимъ дипломатическимъ представителямъ за границей: „Мы охраняемъ всѣми нашими силами дороги, ведущія на нашу территорію, полагая долгомъ чести не допускать на нихъ вооруженныхъ силъ воюющихъ". Соотвѣтствующія инструкціи были даны мѣстнымъ властямъ и въ точности исполнялись ими всякій разъ, когда солдаты воюющихъ государствъ, группами или поодиночкѣ, вооруженные или безоружные, приближались къ бельгійской границѣ. Бельгійскіе отряды выходили имъ навстрѣчу и выкидывали, рядомъ съ національнымъ фла-

гомъ, бѣлый парламентерскій флагъ. Согласно сообщенію, опубликованному въ официальной бельгійской газетѣ, „пограничнымъ властямъ было указано, что онѣ могутъ допускать солдатъ воюющихъ армій на бельгійскую территорію только при условіи: для офицеровъ—дачи письменменнаго обязательства не покидать Бельгіи до окончанія войны, а для солдатъ—личнаго задержанія". Столь же суровый режимъ бельгійское правительство примѣняло и по отношенію къ раненымъ. Въ концѣ августа Сѣверо-Американское правительство обратилось къ нему съ просьбой допустить провозъ черезъ территорію Бельгіи раненыхъ французскихъ и прусскихъ солдатъ. Бельгійское правительство раньше, чѣмъ дать отвѣтъ, запросило французское правительство о его мнѣніи. Такъ какъ французское правительство отвѣтило, что оно усмотрѣло бы въ пропускѣ раненыхъ пруссаковъ нарушеніе нейтралитета Бельгіи, бельгійскій министръ иностранныхъ дѣлъ отклонилъ просьбу Сѣверо-Германскаго союза. Только однажды территорія Бельгіи подверглась серьезному нарушенію со стороны французскихъ „вольныхъ стрѣлковъ". 6 декабря отрядомъ „вольныхъ стрѣлковъ" былъ захваченъ на бельгійской территоріи прусскій мальпостъ, перевозившій офиціальныя депеши изъ Германіи и направлявшійся черезъ Бельгію къ Седану. Въ свое оправданіе французы указывали на то, что мальпостъ сопровождалъ отрядъ прусскихъ улановъ, и что, такимъ образомъ, пруссаки первые нарушили бельгійскій нейтралитетъ. Какъ бы то ни было, благодаря энергичному вмѣшательству бельгійскихъ военныхъ и гражданскихъ властей, уже 7 декабря почта была въ полной неприкосновенности возвращена Пруссіи и отправлена по назначенію.

Лучшимъ доказательствомъ корректности бельгійскаго правительства служитъ, впрочемъ, отношеніе къ нему правительства Сѣверо-Германскаго союза. Зорко слѣдившій за тѣмъ, чтобы нейтральныя государства ни на іоту не уклонялись отъ своихъ обязанностей и очень энергично воздѣйствовавшій въ этомъ смыслѣ на Люксембургъ, Бисмаркъ ни разу не имѣлъ повода сдѣлать сколько-нибудь серьезныя представленія брюссельскому кабинету. Только однажды, 8 октября, посланникъ Сѣверо-Германскаго союза сдѣлалъ бельгійскому министру иностранныхъ дѣлъ нѣкоторыя указанія на „враждебное отношеніе" бельгійской прессы къ Германіи,—указанія, носившія вполнѣ дружественный характеръ и не имѣвшія дальнѣйшихъ послѣдствій.

Когда франко-прусская война была окончена Франкфуртскимъ мирнымъ трактатомъ и черезъ двѣнадцать мѣсяцевъ послѣ того истекъ срокъ соглашеній, заключенныхъ въ августѣ 1870 года между Англіей, Франціей и Сѣверо-Германскимъ союзомъ, Бельгія могла съ нѣкоторымъ удовлетвореніемъ оглянуться на пережитое ею тревожное время. При щепетильной вѣрности ея правительства договору 1839 года и ве-

ликодушной и проницательной помощи Англіи, Бельгія съ успѣхомъ сыграла свою роль нейтральнаго „перешейка“, о который разбивались и благодаря которому не разлились въ безбрежное море волны франко-прусскаго вооруженнаго столкновенія.

4.

Въ теченіе тридцати лѣтъ относительно прочнаго мира въ Европѣ Бельгія наслаждалась почти полнымъ спокойствіемъ, и понемногу у нея создавалась репутація страны, безмятежно пользующейся щедрыми дарами великодушно гарантированнаго ей великими державами безопаснаго существованія.

Однако, какъ только притязанія Германіи на гегемонію въ міровой политикѣ вызвали обостреніе международныхъ отношеній, Бельгія начала дрожать за свой нейтралитетъ. Дважды, въ 1905 году, послѣ поѣздки императора Вильгельма въ Танжеръ, и въ 1911 году, въ моментъ начавшагося Агадирскимъ инцидентомъ политическаго кризиса, Бельгія вынуждена была спѣшно принимать мѣры по приведенію въ боевую готовность своихъ укрѣпленій и своей арміи, въ чемъ она видѣла долгъ чести не только передъ своею собственною исторіей, но и передъ великодержавной Европой. Подъ впечатлѣніемъ событій 1905 года въ Бельгіи усилилась агитація за введеніе всеобщей воинской повинности, которая привела къ „военной реформѣ“ 1909 года. Въ 1911 году положеніе было еще болѣе тревожно. Въ концѣ августа, когда франко-германскій конфликтъ началъ принимать критическій оборотъ, бельгійское правительство распорядилось ускорить работы по укрѣпленію линіи Мааса. Контингентъ призыва 1909 года былъ оставленъ подъ знаменами. Гарнизоны въ пограничныхъ городахъ были значительно усилены. По соображеніямъ все той же международной корректности, военныя мѣры принимались одинаково и на германской и на французской границѣ. Въ 1913 году въ Бельгіи опять была на очереди „военная реформа“. Защищая проектъ ея, клерикальное министерство де-Броквилля совершенно недвусмысленно указывало парламенту на тѣ грозныя опасности, которыя ожидали бы Бельгію въ случаѣ новой франко-германской войны. Событія не замедлили показать, что бельгійское правительство правильно оцѣнивало международное положеніе, и что мѣры по усиленію боевой готовности Бельгіи были болѣе чѣмъ своевременны.

Лѣтомъ 1914 года бельгійское правительство зорко слѣдило за всѣми перипетіями международнаго кризиса, съ самаго момента врученія Сербіи австрійскаго ультиматума. Австрійскій ультиматумъ былъ врученъ въ Бѣлградѣ 10 іюля. Уже 11 іюля бельгійскій министръ иностранныхъ дѣлъ Давиньонъ циркулярно далъ посланникамъ въ Парижѣ, Берлинѣ, Лондонѣ, Вѣнѣ и Петроградѣ инструкціи относительно шаговъ, которые должны

были быть предприняты, если бы франко-германская война стала неизбѣжной. Дипломатическіе представители Бельгіи при державахъ, подписавшихъ договоръ 1839 года, должны были вручить министрамъ иностранныхъ дѣлъ заблаговременно доставленное имъ письмо, въ которомъ излагалась точка зрѣнія Бельгіи на текущія событія.

„Бельгія,—говорилось въ этомъ письмѣ—соблюдала съ величайшей добросовѣстностью и точностью обязанности нейтральнаго государства, возложенныя на нее договоромъ 19 апрѣля 1839 года. Эти обязанности она будетъ непоколебимо исполнять, какъ бы ни сложились обстоятельства. Державы такъ часто свидѣтельствовали Бельгіи свое расположеніе, что она съ довѣріемъ ожидаетъ, что ея территорія останется неприкосновенной, даже если военныя дѣйствія будутъ происходить вблизи ея границъ. Тѣмъ не менѣе королевскимъ правительствомъ приняты всѣ необходимыя мѣры для обезпеченія нейтралитета Бельгіи. Бельгійская армія мобилизована и находится на стратегическихъ позиціяхъ, избранныхъ для наилучшей обороны неприкосновенности страны и ея нейтралитета. Форты Антверпена и Мааса приведены въ состояніе боевой готовности. Едва ли необходимо объяснять характеръ этихъ мѣръ. Онѣ преслѣдуютъ только одну цѣль—дать Бельгіи возможность исполнить ея международныя обязательства. Само собой разумѣется, онѣ не внушены и не могли быть внушены ни желаніемъ принять непосредственное участіе въ вооруженной борьбѣ державъ, ни недовѣріемъ къ какой-либо изъ нихъ“.

16 іюля бельгійское правительство привело армію на положеніе усиленнаго мирнаго состава. Два дня спустя былъ изданъ указъ о мобилизаціи.

Въ то время какъ Бельгія на всякій случай готовилась къ оборонѣ своихъ границъ, въ Лондонѣ сэръ Эдуардъ Грэй слѣдовалъ возвышеннымъ примѣрамъ политики Гладстона и Джона Росселя. 18 іюля онъ телеграфировалъ въ Берлинъ сэру Эдуарду Гошену и въ Парижъ сэру Френсису Берти: „Я продолжаю считать положеніе не безнадежнымъ, но, въ виду германской мобилизаціи, правительство Е. В., основываясь на существующихъ договорахъ, признаетъ необходимымъ освѣдомиться, готово ли германское (французское) правительство обязаться уважать нейтралитетъ Бельгіи до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ нарушенъ другой стороной“. Въ тотъ же день онъ извѣстилъ англійскаго посланника въ Брюсселѣ о содержаніи депешъ, посланныхъ въ Берлинъ и въ Парижъ, и поручилъ выразить бельгійскому министру иностранныхъ дѣлъ увѣренность Англіи, что „бельгійское правительство до послѣднихъ предѣловъ возможности будетъ отстаивать нейтралитетъ Бельгіи“. Бельгійскій министръ поблагодарилъ сэра Френсиса Вильерса за это „особо цѣнное сообщеніе“ и прибавилъ, что „Великобританія и прочія державы, гарантировавшія независимость Бельгіи, могутъ быть увѣрены, что

Бельгія употребитъ всѣ усилія для охраны своего нейтралитета, но что бельгійское правительство убѣждено, что, при наличности у Бельгіи самыхъ дружественныхъ и довѣрчивыхъ отношеній со всѣми великими державами, эти державы сами будутъ уважать и охранять ея нейтралитетъ". Министръ сказалъ еще, что вооруженныя силы Бельгіи, значительно увеличенныя за послѣдніе годы, даютъ ей возможность энергично противодѣйствовать всякому покушенію на неприкосновенность ея территоріи.

Того же 18 іюля, утромъ, генеральный секретарь бельгійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ имѣлъ бесѣду съ германскимъ посланникомъ фонъ-Беловымъ, которому выяснилъ значеніе принятыхъ Бельгіей военныхъ мѣръ. Генеральный секретарь спросилъ при этомъ германскаго посланника, извѣстно ли ему заявленіе германскаго канцлера по вопросу о нейтралитетѣ Бельгіи, переданное въ Брюсселѣ въ 1911 году предшественникомъ фонъ-Белова, фонъ-Флотовымъ. Имперскій канцлеръ фонъ-Бетманъ-Гольвегъ поручилъ тогда германскому посланнику заявить, что онъ серьезно задѣтъ подозрительностью бельгійскаго правительства и что Германія не имѣетъ никакого намѣренія нарушать нейтралитетъ Бельгіи. Германскій канцлеръ находилъ, однако, что Германія не могла бы сдѣлать на этотъ счетъ какое-либо официальное сообщеніе, не ослабляя себя въ военномъ отношеніи со стороны Франціи. Но нѣсколько времени спустя, 29 апрѣля 1913 года, въ засѣданіи бюджетной комиссіи рейхстага, соотвѣтствующія заявленія всетаки были сдѣланы германскимъ статсъ-секретарёмъ по иностраннымъ дѣламъ и прусскимъ военнымъ министромъ. Отвѣчая на вопросъ депутата соціалъ-демократической партіи, фонъ-Яговъ сказалъ, что нейтралитетъ Бельгіи закрѣпленъ международнымъ договоромъ и что Германія твердо намѣрена уважать этотъ договоръ. Дальнѣйшіе вопросы соціалъ-демократическаго депутата побудили и военнаго министра заявить, что Германія не упускаетъ изъ виду, что нейтралитетъ Бельгіи гарантированъ международнымъ соглашеніемъ. Фонъ-Беловъ завѣрилъ 18 іюля генеральнаго секретаря бельгійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, что содержаніе разговора съ фонъ-Флотовымъ ему извѣстно, и что онъ убѣжденъ, что выраженныя отъ имени Германіи чувства съ тѣхъ поръ не измѣнились.

Пока въ Брюсселѣ происходилъ этотъ дружественный обмѣнъ мнѣній между министерствомъ иностранныхъ дѣлъ и германскимъ посланникомъ, въ Лондонѣ были получены отвѣты Германіи и Франціи по поводу бельгійскаго нейтралитета. Отвѣтъ французскаго правительства былъ вполнѣ удовлетворителенъ. Сообщеніе, официально сдѣланное англійскому послу въ Парижѣ и переданное въ Брюсселѣ французскимъ посланникомъ Клобуковскимъ, гласило, что „правительство республики твердо намѣрено уважать нейтралитетъ Бельгіи, и что только въ слу-

чаѣ, если этотъ нейтралитетъ будетъ нарушенъ другой державой, Франція можетъ оказаться вынужденной, для обезпеченія своей безопасности, измѣнить свое поведеніе". Напротивъ, отвѣтъ Германіи убѣдительно свидѣтельствовалъ о томъ, что правительство Вильгельма II, по соображеніямъ цѣлесообразности, предпочитало уклониться отъ категорическаго обѣщанія уважать международный договоръ, который въ 1870 году казался Бисмарку ненуждающимся въ какихъ-либо гарантіяхъ. Англійскій посолъ въ Берлинѣ телеграфировалъ сэру Эдуарду Грэю, что имперскій статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ не далъ опредѣленнаго отвѣта на его запросъ, сославшись на необходимость посовѣтоваться предварительно съ императоромъ и канцлеромъ. Кромѣ того, изъ разговоровъ съ фонъ-Яговымъ сэръ Эдуардъ Гошенъ вынесъ впечатлѣніе, что германское правительство полагаетъ, что Бельгіей были уже допущены нѣкоторые враждебные акты по отношенію къ Германіи. Въ частности, фонъ-Яговъ указалъ, что Бельгія наложила эмбарго на транспортъ зерна, предназначавшійся для Германіи. При личномъ свиданіи съ германскимъ посломъ княземъ Лихновскимъ сэръ Эдуардъ Грэй не преминулъ выразить свое глубочайшее сожалѣніе по поводу такого отвѣта германскаго правительства.—„Вопросъ о бельгійскомъ нейтралитетѣ,—говорилъ онъ 19 іюля,—чувствительно затрогиваетъ общественное мнѣніе Англіи. Если бы Германія рѣшила дать по этому вопросу такое же завѣреніе, какое только что было дано Франціей, она содѣйствовала бы этимъ устраненію царящей въ Англіи тревоги. Напротивъ, если бы нейтралитетъ Бельгіи былъ нарушенъ одною изъ воюющихъ сторонъ въ то время, какъ другая продолжала бы уважать его, то было бы чрезвычайно трудно сдержать общественное негодованіе въ Англіи".

Между тѣмъ событія продолжали развиваться, принимая все болѣе и болѣе критическій оборотъ. 19 іюля Германія объявила войну Россіи. 20 іюля германскія войска вторглись въ предѣлы Люксембурга, направляясь къ французской границѣ. Огромныя массы войскъ были сосредоточены въ Эльзасъ-Лотарингіи и у бельгійской границы. Въ Лондонѣ и въ Берлинѣ германская дипломатія напрягала послѣднія усилія для того, чтобы добиться сохраненія Англіей нейтралитета. Несмотря на такое положеніе вещей, сэръ Эдуардъ Грэй все еще воздерживался отъ дачи Бельгіи какихъ-либо опредѣленныхъ обѣщаній. Утромъ 20 іюля французскій посолъ въ Лондонѣ посѣтилъ статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ и спросилъ его о взглядахъ англійскаго правительства на нарушеніе нейтралитета великаго герцогства Люксембургскаго. Сэръ Эдуардъ Грэй, ссылаясь на прецеденты 1867 года, замѣтилъ, что англійское правительство не считаетъ себя обязаннымъ защищать люксембургскій нейтралитетъ съ оружіемъ въ рукахъ. Французскій посолъ спросилъ затѣмъ, какъ отнесется Англія къ нарушенію нейтралитета

Бельгіи. Сэръ Эдуардъ сказалъ, что это совсѣмъ другое дѣло, и что „англійское правительство какъ разъ обсуждаетъ текстъ сообщенія, которое ему предстоитъ прочесть въ парламентѣ по вопросу о томъ, считать ли нарушеніе бельгійскаго нейтралитета за casus belli для Англіи“.

Германскій посланникъ въ Брюсселѣ, видимо, былъ также настроенъ еще очень оптимистически. Бельгійскій министръ иностранныхъ дѣлъ поставилъ фонъ-Белова въ извѣстность о сообщеніи, сдѣланномъ французскимъ посланникомъ Клобуковскимъ. 20 іюля въ личной бесѣдѣ съ министромъ фонъ-Беловъ поблагодарилъ бельгійское правительство за любезность и добавилъ, что онъ еще не получилъ порученія офиціально сдѣлать аналогичное заявленіе, но что бельгійскому правительству должно быть извѣстно его личное убѣжденіе, что Бельгія можетъ съ полнымъ довѣріемъ взирать на своихъ восточныхъ сосѣдей. Бельгійскій министръ, со своей стороны, подтвердилъ, что никакихъ сомнѣній насчетъ корректности Германіи у него нѣтъ, но всетаки высказался въ томъ смыслѣ, что формальное заявленіе германскаго правительства, которое всей Бельгіей было бы принято съ величайшею радостью и благодарностью, было бы чрезвычайно цѣнно.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ этого разговора фонъ-Беловъ привезъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, вмѣсто ожидавшагося заявленія объ уваженіи бельгійскаго нейтралитета, ультимативную ноту слѣдующаго содержанія:

„Императорское правительство получило достовѣрныя свѣдѣнія о предстоящемъ движеніи французскихъ войскъ по линіи Мааса между Живэ и Намюромъ. Эти свѣдѣнія не оставляютъ никакихъ сомнѣній насчетъ намѣренія Франціи вторгнуться въ Германію черезъ бельгійскую территорію. Императорское правительство не можетъ не опасаться, что Бельгія при всемъ своемъ желаніи не будетъ въ силахъ безъ посторонней помощи успѣшно отразить французское нашествіе и, такимъ образомъ, предотвратить угрожающую Германіи опасность. Долгъ самосохраненія повелѣваетъ Германіи предупредить нападеніе непріятеля. Поэтому германское правительство будетъ чрезвычайно сожалѣть, если Бельгія усмотритъ враждебный противъ нея актъ въ томъ, что Германія для противодѣйствія своимъ противникамъ окажется вынужденной, со своей стороны, вступить на бельгійскую территорію.

Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, императорское правительство заявляетъ нижеслѣдующее:

1. Германія не имѣетъ въ виду никакихъ враждебныхъ дѣйствій противъ Бельгіи. Если Бельгія въ предстоящей войнѣ будетъ держаться дружественнаго Германіи нейтралитета, то германское правительство обязуется, по заключеніи мира, гарантировать въ полномъ объемѣ цѣлость и независимость королевства.

2. Германія обязуется, при соблюденіи вышеуказаннаго условія, немедленно по заключеніи мира очистить территорію королевства.

3. Въ случаѣ дружелюбнаго поведенія Бельгіи, Германія изъявляетъ готовность по соглашенію съ королевскими бельгійскими властями покупать за наличныя деньги все необходимое для ея войскъ и возмѣстить всѣ убытки, которые будутъ причинены этими войсками.

4. Если же Бельгія отнесется къ германскимъ войскамъ враждебно и, въ частности, будетъ создавать ихъ движенію препятствія сопротивленіемъ маасскихъ укрѣпленій, а равно разрушеніемъ желѣзнодорожныхъ линій, дорогъ, туннелей и другихъ сооруженій, то Германія, къ своему сожалѣнію, окажется вынужденной отнестись къ бельгійскому королевству, какъ къ непріятельской странѣ. Въ этомъ случаѣ Германія откажется отъ всякихъ обязательствъ по отношенію къ королевству и предоставитъ позднѣйшее урегулированіе отношеній между обоими государствами силѣ оружія.

Императорское правительство питаетъ твердую надежду, что этотъ случай не будетъ имѣть мѣста и что королевское бельгійское правительство приметъ необходимыя мѣры для предотвращенія вышеупомянутыхъ враждебныхъ дѣйствій. При такихъ условіяхъ, связывающія оба сосѣднія государства дружественныя узы еще болѣе окрѣпнутъ и упрочатся".

Германскій ультиматумъ былъ врученъ министру иностранныхъ дѣлъ 20 іюля, въ 7 часовъ вечера. Германія назначила Бельгіи для отвѣта двѣнадцатичасовой срокъ. Не дожидаясь истеченія этого срока и, видимо, желая какъ-нибудь подкрѣпить аргументацію германской ноты, фонъ-Беловъ въ половинѣ второго часа ночи съ 20 на 21 іюля пожелалъ видѣть генеральнаго секретаря бельгійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ и сообщилъ ему, что съ „французскихъ дирижаблей были сброшены бомбы и что, въ нарушеніе международнаго права, до объявленія войны, французскій кавалерійскій патруль перешелъ границу". Генеральный секретарь естественно поинтересовался узнать, гдѣ собственно имѣли мѣсто эти факты. Фонъ-Беловъ отвѣтилъ, что въ „Германіи". Генеральный секретарь сказалъ, что въ такомъ случаѣ для него неясенъ смыслъ сообщенія германскаго посланника, но фонъ-Беловъ возразилъ, что „дѣйствія Франціи настолько противорѣчатъ международному праву, что даютъ поводъ предполагать возможность со стороны Франціи и дальнѣйшихъ правонарушеній".

Въ 7 часовъ утра 21 іюля бельгійскій министръ иностранныхъ дѣлъ передалъ германскому посланнику отвѣтъ на ультиматумъ.

„Посягнувъ на независимость Бельгіи,—говорилось въ этомъ отвѣтѣ,—германское правительство допустило бы тягчайшее нарушеніе международнаго права. Никакіе стратегическіе расчеты не могутъ оправдать такое правонарушеніе. Бельгійское же правительство, принявъ сдѣ-

ланное ему предложеніе и тѣмъ самымъ измѣнивъ своимъ обязательствамъ по отношенію къ Европѣ, принесло бы въ жертву честь и достоинство Бельгіи. Въ сознаніи роли, которую уже болѣе восьмидесяти лѣтъ Бельгія играетъ въ цивилизованномъ мірѣ, бельгійское правительство отказывается вѣрить, что независимость Бельгіи можетъ быть спасена только цѣною попранія ея нейтралитета. Но если эта увѣренность окажется обманутой, то королевское правительство всѣми имѣющимися въ его распоряженіи средствами отразитъ всякое покушеніе на права Бельгіи".

О содержаніи своего отвѣта бельгійское правительство тотчасъ же увѣдомило Россію, Англію, Австрію и Голландію.

Несмотря на категорическій тонъ германскаго ультиматума, въ Бельгіи, кажется, не совсѣмъ еще разувѣрились въ средствахъ дипломатическаго воздѣйствія на берлинскій кабинетъ. 21 іюля французскій военный агентъ въ Брюсселѣ предложилъ Бельгіи военную помощь Франціи въ размѣрѣ пяти армейскихъ корпусовъ. Бельгійское правительство отвѣтило благодарностью, но добавило, что оно не считаетъ своевременнымъ взывать къ защитѣ державъ и оставляетъ за собою право рѣшить позднѣе, какого поведенія ему слѣдуетъ держаться. Не прибѣгая пока къ коллективной помощи всѣхъ участвовавшихъ въ договорѣ 1839 года державъ, Бельгія, какъ и въ 1870 году, обратилась къ содѣйствію Англіи. 21 іюля король Альбертъ телеграфировалъ королю Георгу: „Помня многочисленныя доказательства дружбы Вашего Величества и Вашихъ Предшественниковъ, дружественное отношеніе Англіи къ Бельгіи въ 1870 году и новые знаки сочувствія, только что данные намъ, я обращаюсь съ послѣднимъ призывомъ къ правительству Вашего Величества, прося его дипломатическаго вмѣшательства на защиту неприкосновенности Бельгіи".

Ссылаясь на эту телеграмму и на германскій ультиматумъ, сэръ Эдуардъ Грэй послалъ въ Берлинъ новыя энергичныя инструкціи. „Правительство Е. В.,—телеграфировалъ онъ сэру Эдуарду Гошену 22 іюля,—считаетъ своимъ долгомъ протестовать противъ нарушенія договора, въ подписаніи котораго Германія участвовала наравнѣ съ нами, и требуетъ обѣщанія, что предъявленный Бельгіи ультиматумъ не будетъ имѣть послѣдствій, и что ея нейтралитетъ не будетъ нарушенъ Германіей. Вы имѣете потребовать немедленнаго отвѣта".

Тѣмъ временемъ дипломатическія сношенія между Бельгіей и Германіей были уже прерваны. 22 іюля утромъ фонъ-Беловъ сообщилъ бельгійскому министру Давиньону, что, въ виду отказа Бельгіи принять „сдѣланныя съ добрыми намѣреніями предложенія императорскаго правительства", Германія „приметъ необходимыя мѣры предосторожности". Бельгійское правительство тотчасъ же вернуло фонъ-Белову его паспор-

та и предписало бельгійскому посланнику въ Германіи покинуть Берлинъ. По сообщенію бельгійскаго главнаго штаба, германскія войска перешли границу при Геммених҄ѣ. Одновременно Бельгія апеллировала къ помощи державъ-поручительницъ—Англіи, Франціи и Россіи.

Освѣдомленный объ этихъ обстоятельствахъ, сэръ Эдуардъ Грэй поручилъ англійскому посланнику въ Бельгіи передать бельгійскому правительству, что „правительство Е. В. ожидаетъ, что Бельгія будетъ всѣми доступными ей средствами сопротивляться попыткамъ Германіи нарушить ея нейтралитетъ, что правительство Е. В. окажетъ въ этомъ Бельгіи поддержку, и что оно готово, совмѣстно съ Россіей и Франціей, съ согласія Бельгіи, оказать бельгійскому правительству помощь для противодѣйствія германскому насилію и обезпеченія на будущія времена цѣлости и независимости бельгійскаго королевства“.

Со своей стороны, и германское правительство встревожилось, наконецъ, угрозой вмѣшательства Англіи въ его споръ съ Бельгіей. 22 іюля статсъ-секретарь фонъ-Яговъ телеграфировалъ князю Лихновскому: „Благоволите разсѣять возможныя подозрѣнія британскаго правительства насчетъ нашихъ намѣреній. Повторите въ самой категорической формѣ наше заявленіе, что даже въ случаѣ вооруженнаго столкновенія съ Бельгіей Германія ни въ коемъ случаѣ не аннектируетъ бельгійскую территорію. Искренность этого заявленія доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что мы дали слово Голландіи уважать ея нейтралитетъ; между тѣмъ, очевидно, что мы не могли бы съ пользою для себя аннектировать бельгійскую территорію, не дѣлая въ то же время территоріальныхъ пріобрѣтеній въ Голландіи. Германія вынуждена пренебречь бельгійскимъ нейтралитетомъ, такъ какъ дла нея является вопросомъ жизни и смерти предупредить нападеніе Франціи“.

По сильный поддержкой общественнаго мнѣнія и парламента и вѣрный исконнымъ морально-политическимъ традиціямъ Англіи въ бельгійскомъ вопросѣ, сэръ Эдуардъ Грэй былъ непоколебимъ.—„Такъ какъ Германія отказывается дать относительно Бельгіи обѣщаніе, аналогичное тому, какое Франція дала на прошлой недѣлѣ на нашъ запросъ, сдѣланный одновременно въ Берлинѣ и въ Парижѣ,—телеграфировалъ онъ сэру Эдуарду Гошену,—то мы вынуждены повторить этотъ запросъ и потребовать удовлетворительнаго отвѣта, который долженъ быть полученъ здѣсь сегодня до 12 часовъ ночи. Если такого отвѣта не послѣдуетъ, вы имѣете потребовать ваши паспорта и сказать, что правительство Е. В. считаетъ своимъ долгомъ сдѣлать все находящееся въ его власти для охраны нейтралитета Бельгіи и осуществленія договора, который подписанъ наравнѣ съ нами и Германіей“.

Двѣ послѣднія депеши сэра Эдуарда Грэя были получены въ Берлинѣ днемъ 22 іюля. Въ состоявшемся въ этотъ день засѣданіи рейхстага

имперскій канцлеръ съ полною откровенностью призналъ, что своимъ вторженіемъ въ Бельгію Германія грубо нарушила международное право.

— „Господа,—говорилъ онъ съ трибуны имперскаго парламента,—мы находимся въ состояніи необходимой обороны. Нужда не знаетъ запретовъ. Наши войска заняли Люксембургъ и, быть можетъ, вступили уже на территорію Бельгіи. Это противорѣчитъ международному праву. Правда, французское правительство заявило въ Брюсселѣ, что оно будетъ уважать нейтралитетъ Бельгіи при условіи взаимности. Но мы знали, что у французовъ все готово къ нападенію. Франція могла ждать, а мы ждать не могли. Нападеніе французовъ на нашъ флангъ на нижнемъ Рейнѣ могло бы оказаться для насъ роковымъ. Поэтому мы вынуждены были игнорировать справедливые протесты правительствъ Люксембурга и Бельгіи. Правонарушеніе,—я открыто признаю это,—правонарушеніе, совершенное нами, будетъ нами исправлено, какъ только будетъ достигнута преслѣдуемая нами военная цѣль. Кто, какъ мы въ настоящую минуту, подвергается величайшей опасности и борется за свои высшія блага, тотъ можетъ думать только о томъ, какъ бы ему достичь своей цѣли".

Засѣданіе рейхстага еще продолжалось, когда въ зданіе имперскаго парламента прибылъ сэръ Эдуардъ Гошенъ, чтобы поговорить со статсъ-секретаремъ по иностраннымъ дѣламъ. На категорически поставленный ему англійскимъ посломъ вопросъ, намѣрена ли Германія уважать нейтралитетъ Бельгіи, фонъ-Яговъ отвѣтилъ отрицательно, сославшись на то, что германскія войска уже перешли бельгійскую границу. „Это нарушеніе бельгійскаго нейтралитета,—сказалъ германскій министръ,—было неизбѣжно, такъ какъ германцамъ совершенно необходимо проникнуть во Францію наиболѣе короткимъ и удобнымъ путемъ, чтобы предупредить французовъ и какъ можно скорѣе нанести имъ рѣшительный ударъ. Для Германіи это вопросъ жизни и смерти. Въ то время какъ главное преимущество Россіи заключается въ ея неисчерпаемыхъ запасахъ человѣческаго матеріала, главный козырь Германіи—это быстрота дѣйствій". Сэръ Эдуардъ замѣтилъ, что дѣло чрезвычайно серьезно, и спросилъ, нельзя ли еще успѣть вывести германскія войска изъ Бельгіи. Фонъ-Яговъ возразилъ, что это абсолютно невозможно.

Было около семи часовъ вечера, когда сэръ Эдуардъ Гошенъ вновь посѣтилъ фонъ-Ягова въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и передалъ ему ультимативное требованіе англійскаго правительства до 12 часовъ ночи обязаться уважать нейтралитетъ Бельгіи. Фонъ-Яговъ повторилъ свой предыдущій отвѣтъ, еще разъ добавивъ, что соображенія безопасности германской имперіи безусловно требовали движенія германскихъ войскъ черезъ Бельгію. Англійскій посолъ настаивалъ и сказалъ, что, быть можетъ, до полуночи германское правительство измѣнитъ еще

свое мнѣніе. Но статсъ-секретарь сказалъ, что какой бы срокъ ни былъ ей данъ, Германія останется при своемъ рѣшеніи. „Въ такомъ случаѣ,—закончилъ разговоръ англійскій посолъ,—я буду вынужденъ потребовать мои паспорта".

Изъ министерства иностранныхъ дѣлъ сэръ Эдуардъ Гошенъ отправился къ имперскому канцлеру. По свидѣтельству англійскаго дипломата, фонъ-Бетманъ-Гольвегъ былъ очень взволнованъ и произнесъ цѣлый монологъ, длившійся почти 20 минутъ.

„Какъ,—воскликнулъ онъ,—изъ-за одного слова, изъ-за слова „нейтралитетъ", которымъ такъ часто пренебрегаютъ въ военное время, изъ-за простого клочка бумаги великобританское правительство собирается объявить войну родственной націи, которая только и мечтала о томъ, чтобы быть другомъ Англіи. Всѣ мои попытки въ этомъ направленіи уничтожены этимъ ужаснымъ рѣшеніемъ; вся политика, которой я слѣдовалъ на канцлерскомъ посту, рушится, какъ карточный домъ. Поведеніе Великобританіи непостижимо. То, что она дѣлаетъ—это ударъ въ спину человѣку, защищающему свою жизнь отъ двухъ враговъ".

Англійскій посолъ энергично протестовалъ и указалъ, что если нарушеніе бельгійскаго нейтралитета является для Германіи, по соображеніямъ стратегическимъ, „вопросомъ жизни и смерти", то для достоинства Великобританіи тоже является „вопросомъ жизни и смерти" соблюденіе торжественно даннаго обѣщанія и защита всѣми возможными силами нейтралитета Бельгіи. „Это торжественное обѣщаніе должно быть исполнено, ибо иначе, какое довѣріе можно было бы имѣть впредь къ обѣщаніямъ Великобританіи?"

24 іюля сэръ Эдуардъ Гошенъ покинулъ Берлинъ со всѣмъ составомъ посольства. Наканунѣ сэръ Френсисъ Вильерсъ довелъ до свѣдѣнія бельгійскаго правительства, что англійское правительство считаетъ отнынѣ вошедшимъ въ силу соглашеніе о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ противъ Германіи, каковыя дѣйствія, по его мнѣнію, находятся въ полномъ согласіи съ договоромъ 1839 г. Аналогичныя заявленія сдѣлали бельгійскому правительству отъ имени своихъ кабинетовъ посланники французскій и русскій. 15 августа окольнымъ путемъ черезъ Гаагу Австро-Венгрія послала Бельгіи ноту съ объявленіемъ войны. „Барьеръ", въ теченіе 75 лѣтъ служившій опорой мира и равновѣсія Западной Европы, былъ, такимъ образомъ, „снятъ". Борьба между германо-австрійской коалиціей и франко-русскимъ союзомъ превратилась въ общеевропейскую, а затѣмъ и въ міровую войну.

5.

Первое время послѣ начала войны въ Германіи по вопросу о нарушеніи нейтралитета Бельгіи всѣми поддерживалась та самая версія,

которая была изложена ф.-Бетманъ-Гольвегомъ въ засѣданіи рейхстага 22 іюля. Такъ, опубликованное тогда же сообщеніе агентства Вольфа констатировало, что „имперскій канцлеръ откровенно призналъ, что Германія, вступая на бельгійскую территорію, нарушила начала международнаго права; онъ заявилъ также, что Германія намѣрена возмѣстить причиненный ею ущербъ“. Еще въ концѣ августа, въ бесѣдѣ съ представителемъ бюро датской печати, имперскій канцлеръ категорически высказывался въ этомъ же смыслѣ. „Совершенно вѣрно,—говорилъ онъ,—что мы нарушили нейтралитетъ Бельгіи, будучи вынуждены къ тому горькою необходимостью. Но мы обѣщали Бельгіи полную неприкосновенность и вознагражденіе за убытки въ случаѣ, если бы она согласилась считаться съ нашимъ положеніемъ. Если бы Бельгія поступила такъ, она пострадала бы столь же мало, какъ, напримѣръ, Люксембургъ“.

Но черезъ нѣсколько недѣль въ Германіи стало намѣчаться новое теченіе, возникновеніе котораго нужно, очевидно, объяснять негодованіемъ, вызваннымъ нарушеніемъ бельгійскаго нейтралитета во всемъ культурномъ мірѣ, и которое поставило себѣ задачей „историко-юридическими“ аргументами доказать „правомѣрность“ германскаго вторженія въ Бельгію.

Если не считать явно нелѣпыхъ ссылокъ фонъ-Белова на правонарушенія, допущенныя французскими авіаторами и кавалеристами на германской территоріи, о которыхъ германскій посланникъ говорилъ во время своего ночного посѣщенія бельгійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, единственный упрекъ, сдѣланный Германіей Бельгіи до начала войны, заключался въ указаніи на задержаніе бельгійскими таможенными властями въ Антверпенѣ груза зерна, предназначавшагося для отправленія въ Германію. Еще 18 іюля статсъ-секретарь фонъ-Яговъ упоминалъ объ этомъ „недружелюбномъ актѣ“ со стороны Бельгіи въ бесѣдѣ съ сэромъ Эдуардомъ Гошеномъ. Германскій посланникъ въ Брюсселѣ также протестовалъ по этому поводу передъ бельгійскимъ правительствомъ. Бельгійское правительство отнеслось къ этому протесту съ полной предупредительностью, и 20 іюля германскій грузъ былъ освобожденъ.

Въ октябрѣ германское правительство выдвинуло новые аргументы. Офиціозъ имперскаго канцлера *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* началъ печатаніе документовъ, найденныхъ германскими властями въ Брюсселѣ, въ архивахъ бельгійскаго генеральнаго штаба, и будто бы доказывающихъ, что уже въ 1906 г. Бельгія перестала быть нейтральной и заключила съ Англіей союзъ для наступательныхъ дѣйствій противъ Германіи.

На основаніи бумагъ, хранившихся въ Брюсселѣ въ папкѣ съ надписью „Intervention anglaise en Belgique“, офиціозная германская газета

утверждала, что въ апрѣлѣ 1906 г. начальникъ бельгійскаго генеральнаго штаба подробно разработалъ съ тогдашнимъ англійскимъ военнымъ агентомъ въ Брюсселѣ, подполковникомъ Бернардистономъ, планъ совмѣстныхъ операцій англійскаго экспедиціоннаго корпуса, численностью въ 100 тысячъ человѣкъ, и бельгійской арміи противъ Германіи. Планъ этотъ былъ затѣмъ одобренъ генералъ-майоромъ англійскаго генеральнаго штаба Грейерсономъ. Бельгійскій генеральный штабъ былъ освѣдомленъ о составѣ и организаціи англійскихъ войскъ и о пунктахъ, намѣченныхъ для высадки войскъ. Десантъ предполагалось произвести во Франціи, въ Дюнкирхенѣ, Калэ и Булони, а затѣмъ въ бельгійскихъ вагонахъ англичане должны были быть направлены на театръ военныхъ дѣйствій. Въ виду предположеннаго, такимъ образомъ, участія Франціи въ этомъ военномъ „заговорѣ“, англо-бельгійскій планъ былъ передань и во французскій генеральный штабъ.

Продолжая свои сенсаціонныя разоблаченія, *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* воспроизвела въ ноябрѣ еще одинъ документъ, найденный опять-таки въ Брюсселѣ, въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, въ пакетѣ съ надписью „Convention anglo-belge“ и съ помѣткою на поляхъ: „Англичане вступятъ въ Бельгію только послѣ нарушенія Германіей нашего нейтралитета“. Самый же документъ представляетъ собою запись разговора, имѣвшаго мѣсто 23 апрѣля 1912 г. между англійскимъ военнымъ агентомъ, подполковникомъ Бриджесъ и начальникомъ бельгійскаго главнаго штаба, генераломъ Юнгблутомъ. Подполковникъ Бриджесъ заявилъ своему собесѣднику, что у Англіи совершенно готова армія въ 160 тысячъ человѣкъ въ составѣ шести пѣхотныхъ дивизій и восьми кавалерійскихъ бригадъ, которая можетъ быть въ любой моментъ послана на континентъ. Генералъ Юнгблутъ возразилъ, что для этого было бы необходимо предварительно испросить согласіе Бельгіи. Англійскій агентъ сказалъ, что онъ это знаетъ, но что, въ виду явной невозможности для Бельгіи остановить вторженіе германской арміи, англичане высадили бы свои войска во всякомъ случаѣ. О мѣстѣ высадки англійскій военный агентъ не далъ точныхъ указаній, но генералу Юнгблуту было извѣстно, что его собесѣдникъ имѣлъ при этомъ въ виду Остенде и Зеебрюгге. Разговоръ закончился замѣчаніемъ генерала Юнгблута, что, по его мнѣнію, Бельгія имѣетъ полную возможность собственными силами остановить германское нашествіе.

Находки, столь удачно сдѣланныя гарманскими властями въ Брюсселѣ, дали возможность германской печати объявить непререкаемо установленнымъ, что культурный міръ былъ коварно обманутъ англичанами и бельгійцами. Въ своей новой рѣчи въ засѣданіи рейхстага 19 ноября фонъ-Бетманъ-Гольвегъ офиціально санкціонировалъ эту версію „самонарушенія бельгійскаго нейтралитета“, заявивъ, что въ тотъ моментъ,

когда германскія войска вступили въ Бельгію, Бельгія не была нейтральной, и что, собственно, Германіи нарушать было нечего.

„22 іюля,—говорилъ онъ,—были только подозрѣнія насчетъ виновности Бельгіи. Безспорныхъ письменныхъ доказательствъ не было, но англійскимъ государственнымъ людямъ эти доказательства были извѣстны. Теперь же, когда при помощи найденныхъ въ Брюсселѣ и опубликованныхъ документовъ установлено, какъ и въ какой степени Бельгія отреклась отъ своего нейтралитета въ пользу Англіи, два факта ясны для всѣхъ. Когда наши войска вступили въ Бельгію въ ночь съ 21 на 22 іюля, они очутились въ странѣ, которая сама уже нарушила свой нейтралитетъ въ интересахъ Англіи. Англія объявила намъ войну не изъ-за бельгійскаго нейтралитета, который она сама нарушила, а потому, что она хотѣла раздавить насъ съ помощью двухъ самыхъ могущественныхъ военныхъ державъ континента".

Въ извѣстномъ воззваніи 93 германскихъ профессоровъ тоже было громко сказано „всѣмъ цивилизованнымъ народамъ":

„— *Неправда*, что мы преступно нарушили нейтралитетъ Бельгіи. Имѣются доказательства тому, что Франція и Англія еще раньше приняли рѣшеніе нарушить его. Имѣются доказательства тому, что Бельгія согласилась на это. Для насъ было бы равносильно самоубійству не предупредить ихъ".

Достойно вниманія, что подъ этимъ воззваніемъ значатся подписи не только химиковъ и зоологовъ, капельмейстеровъ и художниковъ, но и юристовъ, и даже профессоровъ международнаго права.

Между тѣмъ, даже если признать, что офиціозъ фонъ-Бетманъ-Гольвега вполнѣ добросовѣстно передалъ содержаніе документовъ, хранившихся въ Брюсселѣ, и почему-то неосторожно забытыхъ тамъ бельгійскими министрами, все же дѣлать изъ нихъ то употребленіе, какое дѣлается въ Германіи, очевидно, невозможно. Максимумъ того, что вытекаетъ изъ документовъ, найденныхъ въ брюссельскихъ архивахъ, это въ „худшемъ" для Бельгіи и въ „лучшемъ" для Германіи случаѣ, что въ 1906 г. Бельгія заключила съ Англіей *оборонительный* союзъ, имѣвшій цѣлью *охрану* ея нейтралитета отъ чьего-либо *нарушенія*. Германскимъ юристамъ должно быть хорошо извѣстно,—потому что все это значится въ ихъ же ученыхъ изслѣдованіяхъ,—что съ природою постоянно нейтральнаго государства несовмѣстимъ союзъ, предполагающій возможность участія такого государства въ какой-либо *агрессивной* войнѣ, но что природѣ постояннаго нейтралитета вполнѣ отвѣчаетъ *оборонительный* союзъ, имѣющій цѣлью именно и только охрану нейтральнымъ, съ чьей-либо благожелательной помощью, своего нейтралитета. Къ сожалѣнію, для Бельгіи и, несмотря на всѣ разоблаченія германскаго офиціоза, въ 1906 году никакого англо-бельгійскаго оборони-

тельнаго союза, очевидно, заключено не было. Это доказывается хотя бы тѣмъ простымъ и неопровержимымъ соображеніемъ, что при наличности такого союза англійскому военному агенту незачѣмъ было бы вести въ 1912 г. съ генераломъ Юнгблутомъ разговоръ, который фонъ-Бетманъ-Гольвегъ и его юристы тоже пытаются эксплоатировать въ своихъ интересахъ. Что же касается собственно этого разговора, то изъ него уже съ полной очевидностью слѣдуетъ, что Бельгія англійской военной помощи не просила и на англійскія войска не разсчитывала, и что Англія со своей стороны въ 1912 г. думала не о вовлеченіи Бельгіи въ наступательную войну противъ Германіи, а объ охранѣ бельгійскаго нейтралитета, недостаточно, по мнѣнію англійскихъ властей, обезпеченнаго собственными вооруженными силами Бельгіи.

Въ сообщеніи англійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ отъ 14 октября допускается возможность, что въ виду торжественной гарантіи, данной Великобританіей нейтралитету Бельгіи отъ нарушенія его какой-либо державой, между бельгійскимъ правительствомъ и генераломъ Грейерсономъ, при посредствѣ подполковника Бернардистона, имѣли мѣсто переговоры „строго академическаго характера" по поводу той помощи, которую британская армія была бы въ состояніи оказать Бельгіи въ случаѣ нарушенія ея нейтралитета. Дѣйствительно, такіе переговоры были бы болѣе чѣмъ естественны, особенно, какъ правильно указывается въ англійскомъ сообщеніи, въ 1906 году, т.-е. въ разгаръ марокскаго кризиса. Но то же самое, конечно, примѣнимо и къ переговорамъ 1912 г., въ виду обострившагося тогда международнаго положенія опять-таки въ связи съ марокскимъ вопросомъ. Впрочемъ, международно-правовыя „теоріи" берлинскихъ офиціозовъ и берлинскихъ юристовъ въ корнѣ подрываются обстоятельствами, обнаружившимися послѣ начала войны и достаточно хорошо извѣстными. Въ двадцатыхъ числахъ іюля, когда бельгійскій нейтралитетъ былъ уже нарушенъ Германіей, Англія формально предложила Бельгіи высадить на ея территорію свою армію, дѣйствительно, какъ предполагалъ подполковникъ Бриджесъ, силою въ 160 тысячъ человѣкъ. Эта высадка оказалась, однако, физически неосуществимой, такъ какъ порты Остенде и Зеебрюгге не обладали достаточной глубиной и крупныя транспортныя суда не могли войти въ нихъ.

Среди бельгійскихъ политическихъ партій не всегда господствовало полное единодушіе по вопросу о „выгодности" или „невыгодности" для Бельгіи предписаннаго ей Европой постояннаго нейтралитета и о размѣрахъ вооруженій, которыя Бельгія должна была бы предпринимать въ интересахъ собственной безопасности и европейскаго равновѣсія. Когда окончится война и въ разрушенныхъ и разграбленныхъ германскими полчищами городахъ старой Бельгіи возродится нормальная по-

литическая жизнь, бельгійцы сами будутъ имѣть время разобраться, все ли было сдѣлано ими въ этой области, что нужно было сдѣлать, и на кого должна лечь отвѣтственность за то, что было сдѣлано недостаточно или неправильно. Но если бы пришлось допустить, что убаюканная увѣренностью въ незыблемости въ культурной Европѣ началъ международнаго права, и въ полной своей безопасности подъ сѣнью гарантированнаго пятью великими державами договора 1839 г., Бельгія оказалась не на высотѣ требованій „вооруженнаго мира“, то это говорило бы, очевидно, не въ пользу, а противъ германской доктрины „самонарушенія“ бельгійскаго нейтралитета. Зато Германія, конечно, не можетъ упрекнуть себя ни въ непредусмотрительности, ни въ излишнемъ уваженіи къ написаннымъ на „клочкахъ бумаги“ словамъ, „которыми такъ часто пренебрегаютъ въ военное время“. Англійское министерство иностранныхъ дѣлъ указывало уже, что Германія съ 1906 г. провела густую сѣть стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ отъ береговъ Рейна къ бельгійской границѣ черезъ пустынныя и слабо населенныя мѣстности. Эти дороги были построены съ явною цѣлью сдѣлать технически возможнымъ внезапное нападеніе на Бельгію. Было бы трудно сказать, когда именно Германіей былъ предрѣшенъ и подготовленъ планъ вторженія во Францію черезъ территорію нейтральной Бельгіи. Но само собою ясно, что такіе стратегическіе планы не импровизируются въ нѣсколько дней, и недаромъ еще въ ноябрѣ 1913 г. французскій посолъ въ Берлинѣ сообщалъ въ Парижъ министру иностранныхъ дѣлъ содержаніе разговора, происходившаго между королемъ Альбертомъ и императоромъ Вильгельмомъ въ присутствіи начальника главнаго штаба Мольтке, когда и императоръ, и начальникъ штаба весьма недвусмысленно дали понять бельгійскому монарху, что Германія имѣетъ въ виду въ ближайшемъ будущемъ „разъ навсегда покончить“ съ Франціей и что Бельгіи придется при этомъ „посторониться“.

„Жестокое преступленіе“, которымъ въ іюлѣ 1914 года Германія „осквернила страницы исторіи“, было, такимъ образомъ, совершено ею „съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ“. Позднѣйшія же разсужденія о нарушеніи самой Бельгіей своего нейтралитета, которыми думаютъ теперь оправдаться передъ судомъ культурнаго человѣчества фонъ-Бетманъ-Гольвегъ и его сообщники, представляютъ собой типичный образецъ того, что на судейскомъ жаргонѣ называется „арестантскими объясненіями“. Убійственную для германскаго самолюбія оцѣнку этихъ оправданій далъ уже одинъ „дружественный Германіи“ голландскій профессоръ. Въ письмѣ, обошедшемъ недавно всю германскую печать, онъ откровенно высказался въ томъ смыслѣ, что первоначальное честное признаніе Германіей совершоннаго правонарушенія своею мужественною прямотой не могло не произвести на всякаго безпристраст-

наго наблюдателя неизмѣримо болѣе выгоднаго впечатлѣнія, чѣмъ новѣйшія жалкія и мелочныя попытки оправдать и объяснить то, чему нѣтъ ни объясненія, ни оправданія.

Послѣ паденія Льежа, германское правительство сдѣлало опять попытку, при посредствѣ голландскаго министра иностранныхъ дѣлъ, соблазнить Бельгію на заключеніе сепаратнаго мира, увѣряя ее въ своей готовности подписать съ ней всякое соглашеніе, совмѣстимое съ франко-германскимъ вооруженнымъ конфликтомъ, и еще разъ обѣщая ей полную неприкосновенность ея территоріи. Бельгійское правительство отвергло и это предложеніе съ тѣмъ же достоинствомъ и съ тою же твердостью, какими былъ проникнутъ первый его отвѣтъ на германскій ультиматумъ. Но раньше, чѣмъ отвѣтить на новую германскую ноту, бельгійское правительство сообщило текстъ своего отвѣта на усмотрѣніе Англіи, Франціи и Россіи. Англія и Франція, черезъ своихъ посланниковъ въ Брюсселѣ, и Россія устами С. Д. Сазонова выразили свое полное удовлетвореніе по поводу „непреклоннаго и достойнаго поведенія“ Бельгіи. Такимъ образомъ, судьба Бельгіи оказалась прочно связанной съ судьбою державъ тройственнаго согласія. 19 августа Россія, Англія и Франція подписали союзный договоръ, по которому ни одна изъ этихъ державъ не можетъ до окончанія настоящей войны заключить съ Германіей или Австріей сепаратный миръ, а общій миръ долженъ быть заключенъ ими не иначе, какъ всѣми совмѣстно и на солидарно установленныхъ условіяхъ. Какое мѣсто въ этихъ условіяхъ будущаго европейскаго мира будетъ удѣлено Бельгіи,—это извѣстно изъ рѣчи Асквита на банкетѣ лондонскаго лордъ-мэра, и изъ деклараціи министерства Вивіани въ засѣданіи французскихъ палатъ. Союзники сложатъ оружіе только послѣ того, какъ „возстановятъ героическую Бельгію въ ея матеріальной жизни и политической независимости“. До достиженія этой конечной цѣли бельгійскій народъ прольетъ еще цѣлыя рѣки крови и слезъ. Но его страданія будутъ сторицею вознаграждены сознаніемъ, что „матеріальная жизнь“, благодаря счастливымъ особенностямъ бельгійскаго характера, возстановится въ Бельгіи легко и скоро, что „политическая независимость“ бельгійскаго королевства послѣ войны будетъ прочной, какъ никогда, и что въ исторію навѣки вѣковъ перейдетъ разсказъ о томъ, какое славное участіе принимала маленькая Бельгія въ великой борьбѣ „за преобразованіе обновленной Европы на началахъ права“.

К. Соколовъ.

Параллели.

О германцахъ.

„Weltmacht oder Niedergang".
(*Frdr. v. Bernhardi.* „Deutschland und der nächste Krieg".)

Чѣмъ дольше затягивается война, чѣмъ ярче сказывается ея роковой міровой характеръ, тѣмъ острѣе дѣлается интересъ къ ея иниціаторамъ, къ германскому „національному лицу". На разные лады обсуждается нѣмецкая жестокость, ея источники и природа, сравниваются прежніе корректные нѣмцы-идеалисты съ теперешними неистовыми завоевателями.

Вопросу о германизмѣ посвящено много статей въ журналахъ: въ *Русской Мысли*, *Русскихъ Запискахъ*, *Вѣстн. Евр.*, *Сѣверн. Записк.* и др. Авторы ихъ, располагая обильнымъ матеріаломъ, высказываютъ много интересныхъ соображеній и мыслей, но повторяютъ обыкновенно одну и ту же ошибку: впадаютъ въ нѣкоторый субъективизмъ—уклоняются отъ исторической точки зрѣнія или даже совсѣмъ игнорируютъ исторію, жертвуя ею стройности своей схемы.

Возможность подобныхъ ошибокъ психологически понятна. Слишкомъ ошеломляющи впечатлѣнія дѣйствительности, для того чтобы возможна была ея безпристрастная оцѣнка. Слова, которыя чаще всего приходится слышать при характеристикѣ современныхъ событій: „несопоставимо", „безпримѣрно" и т. п., совершенно естественны. Естественны они и въ сужденіи о природѣ нѣмецкой жестокости, проявившейся будто бы только въ нынѣшнюю войну.

Такую „историческую" ошибку дѣлаетъ, напримѣръ, Гершензонъ въ своихъ интересныхъ комментаріяхъ къ письмамъ Тургенева, относящимся къ франко-прусской войнѣ [1]). Онъ отмѣчаетъ „сходство поведенія тогдашнихъ французовъ съ нынѣшними пруссаками". Когда онъ читаетъ турге-

---

[1]) *Русская Мысль,* № 9—10.

невскія письма-корреспонденціи, ему мѣстами кажется, что рѣчь идетъ о нынѣшней войнѣ—стоитъ лишь слово французы замѣнить словомъ „нѣмцы". Между нѣмцами того времени и нынѣшними, по Гершензону, цѣлая бездна... Однако, ясна ошибочность этихъ сопоставленій. Ни о какомъ сходствѣ между „тогдашними французами и нынѣшними нѣмцами" не можетъ быть и рѣчи. Деморализованные наполеоновскимъ режимомъ, разслабленные французы не могли проявлять планомѣрной, систематической жестокости „нынѣшнихъ нѣмцевъ", а въ нѣмцахъ теперь нѣтъ никакихъ признаковъ того „декаданса", который отличалъ тогдашнихъ французовъ. Напрашивается совсѣмъ иное сопоставленіе тогдашнихъ и нынѣшнихъ нѣмцевъ. Не только сходство, а тождественность ихъ прежняго и теперешняго облика бросается въ глаза. Объ этомъ свидѣтельствуетъ обширная, теперь ожившая литература прошлаго: мемуары Сарсе („Осада Парижа"), картина Лермина („La France Martyre"), Дневникъ Гонкуровъ, „Границы сердца" В. Маргерита, „Разгромъ" Золя, разсказы Мопассана и пр. Каждое изъ этихъ произведеній рисуетъ завоевателя-пруссака такимъ, какимъ мы его видимъ въ наши дни: самовлюбленнымъ и самоувѣреннымъ, хладнокровнымъ въ своей безпредѣльной жестокости, совершенно стихійной, не знающей колебаній и рефлексій. Особенно ярокъ этотъ образъ у Мопассана („M-lle Фифи", „Два пріятеля" и др. разсказы и въ романѣ В. Маргерита, нынѣ переведенномъ въ послѣднихъ книжкахъ *Русскихъ Записокъ*.

Пугающее настоящее чаще всего обращаетъ мысль къ недавнему прошлому — ко времени перваго „мірового" выступленія объединенной Германіи. Прочная генетическая связь событій франко-прусской войны съ теперешними неопровержима и весьма знаменательна. Настроеніе европейскаго политическаго концерта тогда было инымъ, чѣмъ теперь, нѣсколько инымъ былъ и обликъ состязающихся на европейской аренѣ державъ, но современное распредѣленіе ролей было намѣчено уже тогда, не только намѣчено, а отчасти и предрѣшено. Это сознавалось многими очевидцами тогдашнихъ событій, даже тѣми, отъ кого менѣе всего можно было ждать дара предвидѣнія. Флоберъ, внезапно, подъ вліяніемъ „ужасовъ войны", превратившійся изъ кабинетнаго человѣка въ пламеннаго патріота, неистовствуетъ въ своихъ письмахъ по поводу „равнодушія Европы" къ судьбѣ Франціи. Онъ предсказываетъ, что она, Европа, „раскается", „она упадетъ къ нашимъ ногамъ и будетъ умолять насъ о выступленіи въ союзѣ съ нею противъ Пруссіи"... Флоберъ предвидитъ пламя, которое черезъ нѣсколько лѣтъ освѣтитъ Европу. Онъ мечтаетъ о томъ, что „Пруссіи данъ будетъ хорошій урокъ, заранѣе предназначенный Провидѣніемъ, чтобы возстановить европейское равновѣсіе: „Эта страна склонна гипертрофироваться"... Еще конкретнѣе предвидѣніе наполеоновскаго министра Оливье въ его письмѣ къ императору Виль-

гельму I: „Если вы будете безкорыстны, вы приготовите союзъ латинскихъ и германскихъ расъ. Если вы станете завоевателемъ, вы приготовите союзъ славянскихъ и латинскихъ расъ противъ Пруссіи“ [1]).

К. К. Арсеньевъ, въ воспоминаніяхъ котораго помѣщена эта выдержка изъ письма французскаго министра, прибавляетъ отъ себя: „Оливье не предвидѣлъ только одного: въ славяно-латинскій союзъ вступила англо-саксонская раса. Для того, чтобы это сдѣлалось возможнымъ и неизбѣжнымъ, нужны были такія проявленія самоувѣреннаго и ни передъ чѣмъ не останавливающагося милитаризма, какія не снились даже тріумвирату Бисмаркъ-Мольтке-Роонъ: нужна была рѣшимость Германіи и Австріи воевать во что бы то ни стало, нужны были неслыханно дерзкіе ультиматуты, нужно было, наконецъ, безпримѣрное въ новѣйшей исторіи нарушеніе нейтралитета“.

Дѣловито-сдержанныя воспоминанія К. К. Арсеньева написаны горячо и искренно, но безъ той искусственной приподнятости, которая свойственна почти всей теперешней литературѣ о войнѣ,—напротивъ, съ осторожной вдумчивостью и рыцарской умѣренностью тона. Это дѣлаетъ ихъ цѣннымъ свидѣтельствомъ о той эпохѣ, когда Россія хотя и не была участницей кипучихъ европейскихъ событій, но слѣдила за ними съ напряженнымъ вниманіемъ. По словамъ К. К. Арсеньева, „въ русскомъ обществѣ существовало тогда два противоположныя теченія. Традиціонное сочувствіе къ французамъ и столь же традиціонное, хотя и менѣе ярко выраженное, нерасположеніе къ нѣмцамъ склоняли многихъ въ сторону Франціи, несмотря на всѣ отталкивающія черты наполеоновскаго режима. Въ другихъ отвращеніе къ этому режиму было настолько сильно, что заставляло забывать о недавнемъ прошломъ Бисмарка, о быстромъ ростѣ германскаго милитаризма“. Прогрессивная часть русскаго общества почти вся была на сторонѣ Германіи. Къ ней принадлежалъ и К. К. Арсеньевъ. Особенно сильно и явно симпатизировалъ Германіи „другъ французовъ“ Тургеневъ. Въ его письмахъ проглядываетъ та идеализація Германіи, которая въ сильной степени обусловливала его крайнее германофильство. Такъ, напримѣръ, гадая о „почетномъ“ для Франціи мирѣ, Тургеневъ пишетъ: ...„Было бы достойно нѣмцевъ—нѣмцевъ побѣдителей—отказаться отъ Лотарингіи и Эльзаса“... Германофильство передового русскаго общества потому и оказалось непрочнымъ, что въ основѣ его было явное недоразумѣніе: Германіи приписывалась та освободительная миссія—борьба съ развращающимъ наполеоновскимъ режимомъ,—которой она не задавалась. И какъ только это выяснилось, русскіе прогрессисты, подавлявшіе въ себѣ, ради общественныхъ идеаловъ, „традиціонное нерасположеніе къ нѣмцамъ“, безповоротно отвер-

---

[1]) *В. Е.*, № 9, стр. 289.

нулись отъ Германіи. „Наивной,—пишетъ К. К. Арсеньевъ,—при свѣтѣ опыта, кажется теперь мысль, что для германцевъ, не разъ называвшихъ себя врагами не страны, а императорскаго правительства, не было причины отказать республикѣ въ почетномъ мирѣ; но тогда цѣль войны казалась достигнутою, продолженіе ея казалось ненужнымъ и невѣроятнымъ. Чудовищная тяжесть условій, предложенныхъ правительству національной обороны, возмутила недавнихъ друзей Германіи, и это возмущеніе росло по мѣрѣ того, какъ становилась извѣстной жестокость германцевъ въ самомъ способѣ веденія войны".

У насъ для сужденія объ этой „жестокости" есть чужой и собственный „опытъ", есть теперь новое мѣрило, новый сравнительный критерій. Намъ она можетъ казаться „миніатюрной". У тогдашнихъ же очевидцевъ не было матеріала для сравненія, и она поражала ихъ неожиданностью. Всѣ эти безцеремонные захваты чужихъ земель, „бомбардировки безъ предупрежденія", разстрѣлы мирныхъ гражданъ, разрушеніе памятниковъ искусства и т. п. волновали Европу, какъ чудовищное новшество.

Передавая, съ сочувствіемъ, содержаніе одного фельетона, развѣнчивающаго Германію, Гонкуръ говоритъ въ своемъ дневникѣ: „Il faut nous mettre en garde contre cette race, éveillant en nous l'ideé de la candeur de nos enfants: leur blondeur à eux, c'est l'hypocrisie et l'implacabilité sournois des races flaves" [1]).

Та же опасливая настороженность передъ надвигающейся на Европу чуждой, страшной силой чувствуется и у сдержаннаго, эпическаго Золя въ его „Разгромѣ" при описаніи германскаго „вандализма". Въ психологическомъ романѣ Маргерита, на фонѣ трагическихъ семейныхъ конфликтовъ, эта настороженность превращается въ яростную ненависть.—„*Вашъ* Богъ—Богъ грабежа, пожара и убійствъ!..." „Отнынѣ мы съ вами не только чужіе... Въ моихъ глазахъ вы—врагъ, вы—Германія, вашъ разбойническій, насильническій духъ мнѣ ненавистенъ!..." Эти слова, брошенныя въ одну изъ ссоръ женой-француженкой мужу-нѣмцу, могутъ служить выраженіемъ чувствъ всей тогдашней Европы къ надменной побѣдительницѣ Германіи. Съ большою непосредственностью переданъ вопль современности у Ф. Сарсэ въ „Осадѣ Парижа". „Que de devastations! Que de ruines!"—восклицаетъ онъ въ эпилогѣ своей книги и къ описаніямъ нѣмецкаго варварства, съ чисто французской ироніей, добавляетъ: „Все, что можно было и что того стоило, они, какъ люди бережливые, уложили и увезли, а остальное, какъ пьяные дикари, уничтожили"... Какъ эта тонкая характеристика подходитъ къ тѣмъ „хозяйственнымъ" нѣмкамъ, которыя недавно распоряжались у

[1]) Journal des Goncourt, IV, p. 149.

насъ въ Западномъ краѣ, упаковывая посуду и мебель, уцѣлѣвшую послѣ разгрома! Особенно жуткое, почти мистическое впечатлѣніе оставляетъ описанная у Сарсэ сцена аудіенціи у Бисмарка, переговоры о мирѣ, когда французскій уполномоченный, извиняясь въ своей слабости, *плакалъ* передъ „желѣзнымъ" канцлеромъ. Эти безсильныя рыданія словно пророчествуютъ о будущихъ стонахъ всей Европы. А непреклонный Бисмаркъ съ его твердымъ принципомъ, что душевныя движенія неумѣстны въ политикѣ, развѣ не напоминаетъ современнаго генерала Гинденбурга и его слова, сказанныя въ недавней бесѣдѣ о войнѣ?

— Сантиментальность на войнѣ, — сказалъ онъ, — не къ мѣсту... Война съ Россіей сейчасъ—больше всего вопросъ о выносливости нервовъ. Если у Германіи съ Австріей нервы окажутся крѣпче и больше будутъ выдерживать и напряженіе,—а это такъ и будетъ,—то онѣ побѣдятъ"...

По поводу этого знаменитаго интервью авторъ статьи „Германскій терроръ" въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* [1]) вспоминаетъ слова другого нѣмецкаго генерала, сказанныя еще передъ войной: „Коалицію Франціи и Россіи можно будетъ одолѣть однѣми нашими силами, если безъ всякихъ колебаній и угрызеній совѣсти мы поднимемся на войнѣ до болѣе насильственныхъ способовъ ея веденія".

„Безъ колебаній и угрызеній совѣсти..."—въ этомъ, больше чѣмъ въ жестокостяхъ, сущность нѣмецкихъ военныхъ пріемовъ. Они практиковались, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, и тогда, въ франко-прусскую войну. По словамъ Сарсэ, они вызывали протестъ всей Европы; но „робкія увѣщанія дипломатіи" были голосомъ въ пустынѣ, они не оказывали никакого вліянія на „дерзкаго побѣдителя, опьяненнаго побѣдами".

Матеріалъ для историческихъ параллелей у насъ съ каждымъ днемъ растетъ. Недавно В. Брюсовъ въ интересной статьѣ: „Страданіе и величіе Бельгіи" [2]) приводитъ краснорѣчивые официальные документы, свидѣтельствующіе о современномъ нѣмецкомъ неистовствѣ. Это докладъ бельгійской „комиссіи для разслѣдованія нарушеній международнаго права, законовъ и обычаевъ войны". Доклады опираются только на строго провѣренные факты. Эти неопровержимые факты, оставляющіе въ душѣ впечатлѣніе кошмарнаго ужаса, способны вызвать опасеніе за судьбы Европы, если нѣмецкимъ притязаніямъ не будетъ положенъ предѣлъ... Той же темѣ посвященъ фельетонъ г. Рысса о Бельгіи [3]).

Интенсивной военной практикѣ нѣмцевъ соотвѣтствуетъ идеологія, разработанная ген. Бернгарди въ послѣднихъ его сочиненіяхъ: „Deutschland

---

[1]) *Русскія Вѣдомости*, № 271.

[2]) *Русскія Вѣдомости*, № 9.

[3]) *Рѣчь*, № 14.

und der nächste Krieg“ и „Unsere Zukunft. Mahnwort an das deutsche Volk“. На его идеяхъ, между прочимъ, останавливается Діонео въ своей интересной корреспонденціи изъ Англіи. Фр. ф.-Бернгарди—ярко выраженный, типичный философъ-мыслитель современной насквозь милитаристской и націоналистической Германіи. Въ своихъ прежнихъ сочиненіяхъ онъ, просто, хорошій спеціалистъ, освѣдомленный и талантливый тактикъ и стратегикъ. Но постепенно, въ работѣ надъ техникой любимаго дѣла, въ немъ выросъ военный философъ и мессіанистъ. Въ упомянутой книжкѣ о Германіи и о ближайшей войнѣ онъ, какъ всѣ пангерманисты, уже немножко сумасшедшій. Патріотизмъ замѣнилъ для него мораль и вытѣснилъ здравый смыслъ. Онъ увѣренъ въ томъ, что германцы—высшая раса, избранный народъ, которому предстоитъ міровая задача—насажденіе своей культуры; на всѣ государства великій нѣмецкій народъ долженъ наложить „печать своего генія“. Лучшее средство для этого—война, единственное средство, достойное сильныхъ и мужественныхъ... Война, по Бернгарди,—біологическая необходимость, тотъ важный факторъ въ жизни человѣчества, безъ котораго остановилось бы его развитіе, начался бы распадъ и гніеніе. Стремленіе государствъ къ миру означаетъ „упадокъ духа и народнаго мужества“. Мечта о вѣчномъ мирѣ не только безумна, но и преступна, такъ какъ она привела бы человѣчество къ вырожденію. И на войнѣ—все дозволено. Сила даетъ право. Вопросъ о правѣ рѣшается войной, лучшимъ изъ третейскихъ судовъ въ мірѣ... Бернгарди гордится воинственностью своего народа и и надѣется, что цѣлью германской политики никогда не сдѣлается сохраненіе мира. „Пусть о вѣчномъ мирѣ мечтаютъ разслабленные. Девизъ германцевъ—война“... Съ неменьшею убѣдительностью развиваетъ Бернгарди идею экономической необходимости войны для Германіи, которая вызывается тѣснотой территоріи, недостаткомъ рынковъ, зависимостью въ торговлѣ и производствѣ отъ другихъ государствъ и пр. Всѣ дилеммы рѣшаются имъ очень просто: „Все, что Германіи необходимо, она должна отнять у другихъ государствъ“. Ближайшая неизбѣжная война должна открыть Германіи пути для всеміpнaгo господства или привести ее къ упадку, а вмѣстѣ съ тѣмъ и погубить всю человѣческую культуру, такъ какъ свѣтъ ея лился изъ одной Германіи.

Какъ глубоко вошли въ нѣмецкую психологію идеи, воодушевившія Бернгарди, можно видѣть изъ воззванія нѣмецкихъ писателей, вызвавшаго возмущеніе всей Европы. Тамъ ясно выражена мысль о необходимости насажденія германскихъ идей силой, если онѣ встрѣтятъ препятствіе... Для нѣмецкихъ генераловъ воодушевленно и съ большимъ внѣшнимъ блескомъ написанныя книги Бернгарди должны бы быть настольными (да, вѣроятно, такими и являются: за два года „Deutschland“ и пр. выдержали шесть изданій). Въ нихъ если не оправданіе, то хоть

объясненіе той практики, которая ужасаетъ теперь міръ. Въ нашемъ же прогрессивномъ обществѣ проглядываетъ склонность „объяснять“ ее совсѣмъ иначе: временнымъ озвѣрѣніемъ, наплывомъ какой-то странной случайной волны, чуть не внезапнымъ помѣшательствомъ. Въ этомъ сказывается только наша несоизмѣримость съ нѣмцами. Мы не хотимъ, не можемъ принять ихъ, какъ они есть, представить ихъ себѣ во весь ростъ. Мы приписываемъ некультурности (отрицаемъ самую культуру иногда!), называемъ „вандализмомъ“ то, что является органической чертой ихъ культуры, не случайностью, а ихъ системой.

Иллюстраціей этой нашей несоизмѣримости съ нѣмцами можетъ служить тепло, лирически написанная статья С. Я. Елпатьевскаго: „Германія превыше всего“ [1]). Авторъ въ одно и то же время и возмущенъ „нѣмецкими жестокостями“, и скорбитъ о нѣмцахъ—о томъ, какъ ихъ накажутъ на войнѣ, и какъ имъ будетъ стыдно и тяжело послѣ войны отъ общей враждебности. Недоброжелательство по отношенію къ нѣмцамъ С. Я. Елпатьевскій наблюдалъ въ Европѣ еще задолго до войны—въ курортахъ, со стороны не только обиженныхъ французовъ, а и англичанъ, и итальянцевъ (это такъ же любопытно, какъ отмѣченная К. К. Арсеньевымъ наша „традиціонная вражда“ къ нѣмцамъ). Но, по его мнѣнію, это отношеніе было естественнымъ отзвукомъ на нѣмецкую замкнутость и изолированность, въ послѣдніе годы выросшія до высшихъ предѣловъ. Къ сожалѣнію, ярко нарисованная авторомъ картина нѣмецкой замкнутости, самовлюбленности и эгоизма ослаблена сдѣланной имъ оговоркой, съ ея характернымъ мотивомъ: „боязнью быть невѣрно понятымъ“. Эта „боязнь“—боязнь быть заподозрѣннымъ въ „шовинизмѣ“, въ варварскомъ приниженіи и непониманіи высокой нѣмецкой культуры и т. п.—теперь очень распространена у насъ, и корень ея лежитъ глубоко, отчасти въ мягкости и впечатлительности славянской природы, но, гораздо больше, въ свойствахъ специфически интеллигентской психологіи. У С. Я. Елпатьевскаго эта черта осложняется его индивидуальной природой—присущей ему искренностью и органической гуманностью. Кого-нибудь несправедливо осудить, обидѣть для него значитъ отказаться отъ самого себя... И всетаки роковая „боязнь быть непонятымъ“ привела его къ невѣрнымъ построеніямъ.

„Не о всемъ нѣмецкомъ народѣ я говорю. За Пруссіей стоитъ другая Германія, за Вильгельмомъ, за правящими кругами, за военными сферами, за аграріями стоитъ просто народъ. Тотъ народъ, который когда-то свершилъ міровой подвигъ Реформаціи, который цѣлыя столѣтія выдвигалъ изъ своей среды не Бисмарковъ и Вильгельмовъ, а красу

---

[1]) *Русск. Записки*, № 1.

человѣчества, великихъ поэтовъ, геніальныхъ музыкантовъ, цѣломудренно чистыхъ и благородныхъ мыслителей"...

Проявленій этой „другой Германіи" мы не видимъ. Ея нѣтъ. Въ Германіи не наблюдается никакого раскола, никакой двойственности. Она едина и вся воинственна. Такой она выросла, хоть и незамѣтно для сосѣдей, но естественно и органически изъ своего зерна. Современные воинственные нѣмецкіе писатели, возмутившіе міръ своимъ сочувствіемъ насилію,—законные наслѣдники тѣхъ, прежнихъ—„благородныхъ мыслителей и поэтовъ". Ген. Бернгарди не безъ основанія ссылается на Гёте и Шиллера. Послѣдніе, конечно, не виноваты въ томъ, что нѣмецкій индивидуализмъ, котораго они были выразителями, получилъ у ихъ внуковъ такую уродливую форму, но связь между прошлымъ и настоящимъ несомнѣнна.

С. Я. Елпатьевскій правъ, утверждая, что новая воинственная психологія нѣмцевъ сложилась въ послѣднія десятилѣтія. Но основныхъ элементовъ этого воинственнаго духа нужно искать раньше. Нѣтъ времени, нѣтъ періода, когда они не окрашивали бы нѣмецкой психологіи. П. Б. Струве [1]) приводитъ выдержки изъ статьи К. Маркса, писанной имъ задолго до войны, не только нынѣшней, но и прошлой, еще въ 1852 г. Высказываемыя Марксомъ мысли очень близки къ военной психологіи Бернгарди. Рѣчь идетъ о мелкихъ славянскихъ государствахъ, которыя Марксъ съ безпощадной жестокостью обрекаетъ на съѣденіе Германіей, и о Россіи, которую онъ глубоко ненавидитъ, какъ главную соперницу и помѣху въ распространеніи германскаго могущества.

И на зарѣ нѣмецкой исторіи желѣзный нѣмецкій воинъ-патріотъ былъ такимъ же, какъ мы видимъ его теперь, въ дни расцвѣта милитаризма. Первый лѣтописецъ новой Европы Тацитъ клеймитъ его эпитетами: „жестокій" и „коварный".

Признать эти черты основными въ психологіи нѣмцевъ не значитъ отрицать ихъ культуру. Гораздо большимъ униженіемъ нѣмецкаго народа является то, когда у проявляемой имъ жестокости отнимаютъ всякій смыслъ и цѣлесообразность, понимая ее, какъ вспышку варварства, что и дѣлаетъ благожелательно настроенный Елпатьевскій. „Бываетъ—у хорошаго человѣка временно помутится разумъ и пріумалится совѣсть, бываетъ это и съ хорошимъ народомъ"...

Этому идиллическому соображенію хочется противопоставить иное—практическое. У „хорошаго человѣка" и у „хорошаго народа" могутъ быть нехорошія, неудобныя черты, о которыхъ при общеніи не слѣдуетъ забывать... Наши вражда и даже ненависть къ нѣмцамъ, конечно, явле-

---

[1]) *Русск. Мысль*, № 11.

нія преходящія. Чѣмъ сильнѣе удары войны, тѣмъ больше эти чувства обостряются (нельзя простить нѣкоторыхъ утратъ), но они все же улягутся, пройдутъ. А вотъ осторожность, или, вѣрнѣе, настороженность, которую рекомендовалъ Гонкуръ, должна остаться. Слишкомъ жестокъ опытъ!...

Тотъ фактъ, что германцы явились въ Европѣ піонерами милитаризма, обусловленъ историческими причинами: ихъ позднимъ выступленіемъ на промышленную арену и т. п. Ту же непривлекательную задачу насильственнаго захвата и отвоевыванія занятыхъ позицій могла бы, въ аналогичныхъ условіяхъ, преслѣдовать и другая страна. Но нѣмцы дѣлали это по-своему. Эта миссія пришлась имъ по душѣ; и теперь она уже неотдѣлима отъ ихъ національнаго облика, съ нимъ слилась. Фатумъ сдѣлалъ ихъ носителемъ страшнаго начала—человѣческаго самоистребленія, но они внесли въ него много специфически своего—отъ своихъ вкусовъ, отъ своей природы. Такъ создался совершенно особый типъ нѣмецкаго милитаризма, исключительнаго по своему упорству, стремительности и безпощадности, неподражаемаго,—милитаризма, воплощеніе котораго невозможно ни въ какомъ другомъ обликѣ.

Е. Колтоновская.

Военныя замѣтки.

Первые полгода войны на морѣ. — Средиземное море. — Сѣверный театръ. — Дѣйствія противъ морской торговли. — Общая схема сухопутныхъ операцій.

Истекшіе съ начала войны почти полгода военныхъ дѣйствій на Средиземномъ морѣ являются однимъ изъ наиболѣе яркихъ примѣровъ того, насколько ошиблись германцы въ своихъ расчетахъ, еще однимъ подтвержденіемъ, какъ мало реальная дѣйствительность соотвѣтствуетъ тому, что имѣли въ виду руководители военно-морской политики нашихъ противниковъ.

Въ нашихъ морскихъ замѣткахъ мы неоднократно старались выяснить то значеніе, которое имѣетъ Средиземное море для великихъ европейскихъ державъ въ случаѣ ихъ вооруженнаго столкновенія между собою, и тѣ морскія силы, которыя каждое государство нашло нужнымъ и возможнымъ здѣсь держать. И при этомъ, прежде всего, пришлось отмѣтить [1]), что наибольшее значеніе этотъ районъ имѣлъ, несомнѣнно, для Англіи: именно здѣсь проходятъ важнѣйшіе пути слѣдованія продуктовъ ея внѣшняго обмѣна, и здѣсь же лежитъ ея наиболѣе уязвимое колоніальное владѣніе—Египетъ; по этому же водному району производятся и сношенія метрополіи съ Индіей и другими восточными и южными ея колоніями.

Естественно поэтому, что обезпеченіе господства въ Средиземномъ морѣ было постоянной заботой англичанъ, и съ весьма давняго времени они неуклонно держали здѣсь столь значительныя военно-морскія силы, что англійскій флотъ на этомъ театрѣ былъ абсолютно господствующимъ.

Чрезвычайное развитіе германскаго флота въ Сѣверномъ морѣ, угрожавшее непосредственно важнѣйшимъ жизненнымъ центрамъ великой островной имперіи, заставило англичанъ понемногу переводить на сѣверъ свои средиземноморскія эскадры. Однако для всѣхъ было ясно, что дѣ-

---

[1]) См. нашу замѣтку „Средиземное море въ современной морской политикѣ“. *Русская Мысль*, ноябрь, 1912 г.

лается это лишь въ виду крайней необходимости, и само англійское правительство постоянно подчеркивало, что имъ сознается важность этого района и что при первой возможности сюда будутъ вновь посланы суда такой силы и въ такомъ количествѣ, которое вновь обезпечитъ Англіи временно здѣсь ею утраченное господство. Пока же защита англійскихъ интересовъ въ Средиземномъ морѣ ввѣрялась французскому флоту, въ помощь которому была оставлена крейсерская эскадра адмирала сэра Беркелей Мильне.

Однако оппозиція далеко не была удовлетворена такимъ разрѣшеніемъ средиземноморскаго вопроса, и такъ называемая „эвакуація Средиземнаго моря“ была одной изъ наиболѣе злободневныхъ темъ, усиленно обсуждавшаяся незадолго до начала войны какъ въ печати, такъ и въ парламентѣ. И вотъ, когда мы ближе знакомимся съ этой полемикой, то становится совершенно яснымъ, что въ своихъ расчетахъ обороны южныхъ путей большинство исходило изъ предположенія, что англичанамъ придется имѣть дѣло съ морскими силами австро-итальянской коалиціи. Правда, въ настоящее время мы знаемъ (по крайней мѣрѣ, такъ писали въ газетахъ), что англійское правительство было лучше освѣдомлено о дѣйствительномъ положеніи вещей и что его расчеты опирались на увѣренность, что итальянскій флотъ не будетъ въ числѣ его противниковъ. Эта-то увѣренность, какъ теперь оказалось, и давала Черчилю возможность спокойно относиться къ предупрежденіямъ оппозиціи, что ослабленіе морскихъ силъ въ Средиземномъ морѣ ставитъ имперію въ весьма опасное положеніе, и довольствоваться содержаніемъ въ южномъ районѣ одной крейсерской эскадры, но это ни въ какомъ случаѣ не должно давать повода думать, что и по другую сторону канала, въ Германіи, думали точно такъ же. Наоборотъ, есть весьма положительныя указанія на то, что въ расчеты адмирала фонъ-Тирпица входило прямо противоположное предположеніе—именно, что англо-французскимъ морскимъ силамъ въ Средиземномъ морѣ будутъ противостоять соединенныя военно-морскія силы всего тройственнаго союза. И мало того. Повидимому, весь планъ морской кампаніи Германіи былъ построенъ на этомъ сотрудничествѣ.

Дѣйствительно, если мы откинемъ это предположеніе, то многое станетъ совершенно непонятнымъ.

Теперь уже окончательно выяснилось, что война для Германіи была далеко не неожиданной. А между тѣмъ оказалось, что къ моменту открытія военныхъ дѣйствій, въ то время когда небольшіе, легкіе крейсера и даже торговые пароходы, бывшіе за границей, получили детальнѣйшія инструкціи, какъ имъ слѣдуетъ поступать, въ Средиземномъ морѣ оказываются два крейсера—„Гебенъ“ и „Бреслау“, изъ которыхъ первый, первоклассный, въ весьма критическомъ положеніи. Они не имѣли базы,

были совершенно отрѣзаны отъ главныхъ силъ и не могли принести отечеству никакой пользы. Имъ едва удалось спастись отъ англійскаго флота, и сдѣлать это они смогли, только передавшись въ руки нейтральной державы—Турціи.

Если исходить изъ современнаго соотношенія воюющихъ военно-морскихъ силъ въ Средиземномъ морѣ, то пребываніе тамъ двухъ германскихъ крейсеровъ представляется совершенно непонятнымъ. Преобладаніе здѣсь франко-англійскаго флота надъ австрійскимъ столь подавляюще, что не только прибавленіе двухъ крейсеровъ, но и двойного ихъ количества ничего не измѣнило бы въ этомъ соотношеніи, и австрійскій флотъ все равно былъ бы обреченъ на его современную совершенно пассивную роль заблокированнаго въ своихъ портахъ зрителя дѣйствій противника. Между тѣмъ, если дѣйствительно Германія предполагала, что итальянскій флотъ выступитъ вмѣстѣ съ австрійскимъ, то прибавленіе къ нимъ двухъ быстроходныхъ крейсеровъ, и особенно „Гебена", каковыхъ ни у австрійцевъ, ни у итальянцевъ, ни у французовъ нѣтъ ни одного, весьма существенно улучшало положеніе флотовъ тройственнаго союза.

Точно такъ же и все, что мы знаемъ о предыдущей дѣятельности Германіи въ Средиземномъ морѣ, и все то, что писалось въ Германіи по этому поводу (а писалось за послѣднее время въ связи съ новыми программами развитія австрійскаго наступательнаго, линейнаго флота весьма много), подтверждаетъ предположеніе, что Германія разсчитывала на помощь въ Средиземномъ морѣ *обѣихъ* своихъ союзницъ. Начиная съ весьма давняго прямого заявленія одного изъ членовъ германскаго правительства, въ которомъ указывалось, что Англія не смѣетъ надолго сохранить свое превосходство въ Сѣверномъ морѣ, потому что ей придется сохранять его на болѣе южныхъ театрахъ, и вплоть до послѣдняго времени вся энергичная дѣятельность Германіи, направленная къ усиленію темпа развитія итальянскихъ военно-морскихъ силъ, съ несомнѣнностью свидѣтельствуетъ, что эти силы входили въ нѣмецкіе расчеты будущихъ военно-морскихъ дѣйствій въ Средиземномъ морѣ. И, надо отдать справедливость германцамъ, дѣйствовали они чрезвычайно искусно. Въ весьма короткій срокъ австро-итальянскій флотъ изъ совершенно ничтожной величины возросъ настолько, что являлся вполнѣ достойнымъ соперникомъ находившемуся къ началу военныхъ дѣйствій франко-англійскому. И, какъ знать, добейся Германія привлеченія Итали на свою сторону, весьма возможно, при нѣкоторомъ военномъ счастьѣ ей могло бы удаться достигнуть хотя бы частичнаго и временнаго господства на этихъ важнѣйшихъ водныхъ путяхъ, чѣмъ Англіи былъ бы нанесенъ весьма чувствительный ударъ.

Теперь, когда мы, можетъ быть, наканунѣ военнаго выступленія Итали

противъ нашихъ противниковъ, даже немного страннымъ можетъ показаться предположеніе, что Германія могла строить опредѣленные планы на совмѣстномъ съ ней выступленіи этой державы. Таково существо переживаемаго нами момента. Все происходящее такъ огромно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ стремительно, что часто трудно отдать себѣ вполнѣ ясный отчетъ о томъ, что *уже* произошло.

Борьба ужасна, и жертвы ея колоссальны. Но, сознавая это, нельзя закрывать глаза на то, что многое уже сложилось для насъ весьма благополучно. И даже осторожные англичане открыто заявляютъ, что предположенная первоначально общая длительность войны можетъ теперь быть значительно сокращена.

Къ числу такихъ чрезвычайно благопріятныхъ для тройственнаго согласія фактовъ слѣдуетъ отнести и то обстоятельство, что итальянскій флотъ до сихъ поръ не принималъ участія въ военно-морскихъ дѣйствіяхъ въ Средиземномъ морѣ. Это сразу сдѣлало положеніе австро-германскаго флота здѣсь *совершенно* безнадежнымъ и лишило его всякой возможности какихъ-либо выступленій. И на сѣверномъ театрѣ наши союзники владѣютъ въ теченіе всего періода военныхъ дѣйствій моремъ. Но тамъ нѣмецкій флотъ является постоянной угрозой; для поддержанія господства англичанамъ приходится дѣйствовать съ наивысшимъ напряженіемъ и искусствомъ, и малѣйшая небрежность или ошибка могутъ повести къ весьма тяжелымъ послѣдствіямъ. Въ Средиземномъ морѣ положеніе совершенно иное. Здѣсь превосходство англо-французскаго флота совершенно подавляющее. Дѣйствительно, французы имѣютъ здѣсь полную бригаду дреднаутовъ „Paris", „France", „Courbet" и „Jean Bart", вооруженныхъ каждый двѣнадцатью 12″ пушками съ 6″ противоминной артиллеріей, съ ходомъ до 20 узловъ, затѣмъ шесть броненосцевъ переходнаго типа весьма близкаго къ дреднаутамъ типа „Danton", а именно „Condorcet", „Diderot", „Vergniaud", „Voltaire", „Mirabeau" и „Danton" съ IV—12″, XII—9″ и XVII — 75 mm. пушками и ходомъ тоже около 20 узловъ (хотя на практикѣ они не показали себя хорошими ходоками); затѣмъ пятью броненосцами типа „Patrie" („République", „Vérité", „Justice", „Démocratie" и „Patrie"), значительнымъ числомъ болѣе старыхъ броненосцевъ и броненосныхъ крейсеровъ при огромномъ количествѣ миноносцевъ и подводныхъ лодокъ. Сюда же надо причислить четыре крейсера-дреднаута англичанъ—„Indomitable", „Inflexible", „Invicible" и „Indefatigable", каждый съ VIII — 12″ пушками, 6″ противоминной артиллеріей и ходомъ до 26 узловъ, а также нѣкоторое число болѣе старыхъ броненосныхъ крейсеровъ и миноносцевъ. И противъ этихъ силъ австрійцы могутъ выставить лишь три (или въ крайнемъ случаѣ четыре) дреднаута—„Viribus Unitis", „Tegetthoff" и „Prinz Eugen" съ XII—12″ орудіями, 6″ противоминной артиллеріей и ходомъ около

20 узловъ, три броненосца переходнаго типа (слабѣе „Danton“)—„Zrinyi“, „Radetzky“ и „Erz. Franz-Ferdinand“ съ IV—12″ и VIII—9″ пушками и ходомъ 20 узловъ, три броненосца болѣе старыхъ—„Erz. Ferdinand Max“, „Erz. Friedrich“ и „Erz. Karl“—и шесть совершенно устарѣлыхъ судовъ. Изъ австрійскихъ крейсеровъ современными можно считать только три легкихъ—„Admiral Spaun“, „Laida“ и „Helgoland“. Затѣмъ имѣются два старыхъ броненосныхъ крейсера и нѣсколько канонерскихъ лодокъ и миноносцевъ. Вся эта сила базируется на военный портъ Пола, а нѣсколько самыхъ старыхъ судовъ остались въ прекрасной гавани на границѣ съ Черногоріей—Катарро.

Военныя дѣйствія здѣсь были крайне несложны, и многое изъ дѣйствій флотовъ нашихъ союзниковъ представляется до настоящаго времени не вполнѣ выясненнымъ. Относительно же австрійскаго флота едва ли даже возможно говорить о какихъ-либо дѣйствіяхъ—такъ ничтожны были всѣ его активныя начинанія.

Начало войны ознаменовалось здѣсь бомбардировкой „Гебеномъ“, а, можетъ быть, и другими нѣмецкими судами франко-африканскаго побережья, повидимому, съ цѣлью затруднить посадку на транспорты алжирскихъ войскъ, направляемыхъ во Францію. Выступленіе это было весьма быстро ликвидировано англо-французскимъ флотомъ, и „Гебену“ съ „Бреслау“ пришлось спасаться въ Дарданеллы. Были извѣстія, что передъ этимъ они выдержали сраженіе съ французскимъ флотомъ, при чемъ была потоплена канонерка „Пантера“, получившая широкую извѣстность благодаря своему участіе въ агадирскомъ инцидентѣ. Случай этотъ весьма вѣроятенъ, тѣмъ болѣе, что „Гебенъ“ пришелъ въ Турцію сильно поврежденнымъ. Однако полной достовѣрности это извѣстіе не имѣетъ. На пути въ Турцію „Гебенъ“ имѣлъ столкновеніе съ легкимъ англійскимъ крейсеромъ „Глочестеръ“, но, повидимому, оно не носило рѣшительнаго характера, такъ какъ иначе „Глочестеръ“ едва ли избѣгъ бы гибели. Затѣмъ нѣмецкіе военные корабли подымаютъ турецкій флагъ и переходятъ противъ насъ въ Черное море, и роль ихъ въ Средиземномъ морѣ кончается. Австрійскій флотъ, какъ мы уже указывали, укрывается частью въ Катарро, частью въ Полѣ. Здѣсь они блокируются французской эскадрой, которая, потопивъ небольшой австрійскій крейсеръ „Zenta“, захватываетъ близлежащіе о-ва, въ томъ числѣ о-въ Лиссу, знаменитый по морскому бою около него австрійскаго и итальянскаго флотовъ и держитъ довольно тѣсную блокаду Катарро. Но все же австрійцамъ иногда удается выходить на короткій срокъ въ море и даже бомбардировать побережье вблизи бухты. Сѣверная часть Адріатическаго моря минируется австрійцами, и, повидимому, туда англо-французскій флотъ не проникаетъ. Вообще о дѣйствіяхъ его свѣдѣнія крайне скудны. Несомнѣнно, онъ блокируетъ австрійскій флотъ и ведетъ кое-какія насту-

пательныя операціи противъ Катарро. Но большихъ результатовъ не получается, что легче всего объясняется тѣмъ, что, повидимому, французы довольствуются достигнутымъ господствомъ надъ Средиземнымъ моремъ и не считаютъ нужнымъ рисковать своими броненосцами, добиваясь полнаго уничтоженія своего противника. Ходъ военныхъ дѣйствій вполнѣ подтвердилъ эти соображенія. Дѣйствительно, англичанамъ и французамъ удалось совершенно безъ потерь и даже какихъ-либо помѣхъ во все время войны свободно перевозить войска изъ Индіи, Австраліи, Африки во Францію, и даже торговыя суда плаваютъ тамъ вполнѣ безопасно, что чрезвычайно важно, особенно для Англіи. Съ началомъ войны съ Турціей нѣкоторое вниманіе удѣляется англо-французскимъ флотомъ ея побережью. Бомбардируются нѣсколько разъ Дарданеллы и нѣкоторые пункты малоазіатскаго побережья. Но, конечно, сколько-нибудь существеннаго вреда эти бомбардировки, какъ вообще всякія дѣйствія одного флота безъ арміи противъ береговъ, не приносятъ и имѣютъ скорѣе моральное значеніе. Вообще положеніе въ Средиземномъ морѣ, создавшееся въ первое полугодіе войны, можно охарактеризовать слѣдующимъ образомъ. Австрія и Германія отказались отъ борьбы за этотъ водный районъ и предоставили его въ распоряженіе нашихъ союзниковъ. А послѣдніе въ свою очередь вполнѣ удовлетворились такимъ положеніемъ и занялись использованіемъ этихъ путей для вспомогательныхъ операцій, оставивъ въ покоѣ австрійскій флотъ, укрывшійся въ гаваняхъ. Лишь въ самое послѣднее время здѣсь какъ будто замѣтно нѣкоторое оживленіе. Австрійской подводной лодкѣ удалось подорвать одинъ изъ французскихъ броненосцевъ. Французская подводная лодка „Кюри" въ свою очередь подошла къ Полѣ и выпустила мины въ портовыя сооруженія. Однако и это — только небольшіе эпизоды, и разовьются ли они въ болѣе крупныя операціи, пока еще сказать, конечно, невозможно.

Въ Сѣверномъ морѣ ходъ военно-морскихъ дѣйствій остается въ томъ же положеніи, которое было нами уже указано въ предыдущей замѣткѣ. Англійскій флотъ, превосходя германскій въ силѣ, держитъ его въ тѣсной блокадѣ за Гельголандомъ. Съ тѣхъ поръ съ обѣихъ сторонъ были произведены нѣкоторыя операціи, но главныя силы нѣмцевъ, ихъ линейныя эскадры попрежнему не рискуютъ выходитъ въ море. Изъ активныхъ дѣйствій тутъ нужно отмѣтить попытку германцевъ пробиться къ берегу Ламанша и устроить здѣсь базу для подводныхъ лодокъ для дѣйствія противъ англійскихъ береговъ и торговли. Попытка эта окончилась полной неудачей. При сильной поддержкѣ англійскаго флота англійскимъ, бельгійскимъ и французскимъ войскамъ удалось остановить движеніе германскихъ армій на линіи Ньюпортъ—Лилль, а работы по оборудованію въ качествѣ базы для лодокъ Остенде были уничтожены бомбардировкой англійскихъ судовъ.

Затѣмъ недавно нѣмецкимъ крейсерамъ удалось, неожиданно выйдя въ туманъ изъ Гельголанда, подойти къ англійскимъ берегамъ и обстрѣлять нѣкоторые порты, причемъ погибло нѣсколько сотъ мирныхъ жителей. На нашъ взглядъ это весьма естественный и, можетъ, даже неизбѣжный случай, и ничего угрожающаго онъ изъ себя не представляетъ. Англійское общественное мнѣніе, однако, отнеслось къ этому весьма строго, и, можетъ быть, въ результатѣ этого явилась смѣна главнокомандующаго адмирала Джеллико [1]), на мѣсто котораго назначенъ ранѣе командовавшій первымъ флотомъ адмиралъ Каллаганъ. Его назначеніе уже ознаменовалось нападеніемъ англійскихъ гидро-аэроплановъ съ подводными лодками и крейсерами на германскія суда въ Куксгафенѣ. Результаты пока неизвѣстны.

Наконецъ, въ болѣе отдаленныхъ водныхъ театрахъ обстановка опредѣленно сложилась въ пользу англичанъ. Почти всѣ военные крейсера Германіи, дѣйствовавшіе противъ англійской торговли,—„Шарнгорстъ", „Гнейзенау", „Эмденъ", „Кенигсбергъ", „Лейпцигъ", „Мове", „Гейеръ" и „Нюренбергъ",—уничтожены. Остались только „Карлсруэ" и „Дрезденъ" въ Атлантическомъ океанѣ, о дѣйствіяхъ которыхъ ничего не слышно. Также и вспомогательные крейсера должны были почти совершенно прекратить свою дѣятельность. Большинство изъ нихъ потоплены или разоружены въ нейтральныхъ портахъ, и на свободѣ остался, кажется, одинъ лишь „Кронпринцъ Вильгельмъ" [2]), находящійся въ водахъ Южной Америки. Большинство нѣмецкихъ колоній уже перешло въ руки англичанъ, японцевъ и французовъ, а переходъ тѣхъ, что еще остались у Германіи,—лишь вопросъ времени. Морская торговля Германіи парализована, такъ какъ весь коммерческій флотъ ея частью захваченъ, частью запертъ въ нѣмецкихъ портахъ, и въ настоящее время встрѣтить въ океанѣ германскій какъ военный, такъ и торговый флагъ труднѣе, чѣмъ флагъ какой-нибудь Венецуэлы или Парагвая. А вѣдь всего шесть мѣсяцевъ тому назадъ по размѣрамъ своего торговаго флота и силѣ военнаго Германія занимала второе мѣсто въ мірѣ, непосредственно слѣдуя за владычицей морей—Англіей. И если правильно выраженіе императора Вильгельма, что будущее Германіи на водѣ, то можно съ увѣренностью сказать, что за первое же полугодіе войны этому будущему нанесенъ страшный ударъ, поправить который будетъ весьма трудно.

Тутъ невольно возникаетъ вопросъ: неужели нѣмцы при всей своей предусмотрительности не предвидѣли этого разгрома своихъ морскихъ и вообще заокеанскихъ владѣній? Отчасти отвѣтъ на это можно найти

---

[1]) Свѣдѣніе это не вполнѣ достовѣрно и нуждается въ подтвержденіи.

[2]) Теперь выяснилось, что на свободѣ находится также нѣмецкій вспомогательный крейсеръ „Эйтель Фридрихъ".

въ одномъ недавно опубликованномъ документѣ. Тамъ прямо говорится, что положеніе колоній въ началѣ войны не важно, ибо ихъ окончательная судьба будетъ установлена при заключеніи мира, а слѣдовательно, будетъ зависѣть отъ успѣшности военныхъ дѣйствій въ Европѣ. Это правильно лишь при условіи достиженія здѣсь нѣмцами рѣшительныхъ успѣховъ, и, повидимому, германцы въ нихъ не сомнѣвались. Но теперь уже ясно, что на эти успѣхи разсчитывать нельзя, а при всякомъ иномъ результатѣ, даже сравнительно нерѣшительнаго характера, колоніи Германіи, а съ ними и вліяніе за океаномъ окажутся потерянными навсегда. И это для германской промышленности будетъ чрезвычайно опасно.

Затѣмъ остаются еще два морскихъ театра, гдѣ также ведутся военныя дѣйствія, въ которыхъ принимаетъ участіе и нашъ флотъ; это—черноморскій и балтійскій. Но говорить о нихъ не представляется возможнымъ. Руководствоваться при описаніи ихъ тѣмъ, что появляется въ печати, значитъ лишь выхватывать отдѣльные эпизоды большого дѣла, и такое изложеніе не дастъ никакой общей картины. Говорить же больше не слѣдуетъ въ цѣляхъ сохраненія тайны нашихъ операцій, важность которой такъ рельефно доказана нашей прошлой войной съ Японіей. Но никакихъ тревогъ наши морскія операціи не должны возбуждать, ибо ихъ результаты вполнѣ благопріятны. Несмотря на значительное превосходство германскаго флота, нашъ правый флангъ, упирающійся въ Балтійское море, оказался до сихъ поръ вполнѣ обезпеченнымъ, и армія могла спокойно исполнять намѣченныя задачи, не отвлекаясь побочными дѣйствіями для парированія ударовъ нѣмецкаго флота, ибо ударовъ этихъ не послѣдовало. Такимъ образомъ, дѣйствія нѣмецкаго флота, несмотря на его крупный перевѣсъ въ силахъ, оказались парализованными. И достигнуто это было при весьма малыхъ потеряхъ. Потери германскаго флота въ общемъ превышаютъ наши. Такимъ образомъ, въ первое полугодіе задачу свою флотъ исполнилъ.

Заканчивая обзоръ военно-морскихъ дѣйствій, невозможно не коснуться хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ военныхъ дѣйствій на сушѣ; вѣдь ими опредѣлится окончательный результатъ настоящей войны, для которой успѣхъ военно-морскихъ операцій—лишь одна изъ необходимыхъ ступеней.

Теперь уже въ значительной степени выяснился первоначальный планъ кампаніи, выработанный германскимъ большимъ генеральнымъ штабомъ. Сосредоточивъ главную массу войскъ на границѣ съ Франціей и Бельгіей и оставивъ на своей восточной границѣ лишь сравнительно небольшіе заслоны, они предполагали подавляющимъ превосходствомъ въ силахъ на своемъ правомъ флангѣ сломить не успѣвшую еще сосредоточиться французскую армію, а затѣмъ быстрымъ движеніемъ на

Парижъ принудить Францію къ сепаратному миру. Тѣмъ временемъ должно было итти энергичное формированіе новыхъ частей съ расчетомъ утроить, а, можетъ, даже учетверить число боевыхъ единицъ мирнаго времени. Такое быстрое развертываніе новыхъ войскъ, съ присоединеніемъ корпусовъ, освобождавшихся во Франціи по мѣрѣ завершенія тамъ операцій, должно было дать нѣмцамъ значительное превосходство въ силахъ надъ нами, уже ослабленными, по ихъ соображеніямъ, борьбой съ австрійской арміей, направленной съ юга въ районъ Холмъ—Люблинъ,—такое превосходство, которое позволило бы имъ разбить наши арміи и далеко продвинуться въ глубь страны.

Дѣйствительность значительно спутала эти расчеты. Неожиданное сопротивленіе Бельгіи, задержавъ наступленіе нѣмцевъ, дало возможность французской арміи не только сосредоточиться, но и начать активныя встрѣчныя операціи (бой у Шарлруа). Выяснивъ такимъ образомъ, что главныя массы войскъ германцевъ находятся на ихъ правомъ флангѣ, генералиссимусъ Жоффръ чрезвычайно искуснымъ маневрированіемъ вывелъ свои войска и началъ отступленіе въ долину Марны, на линію Парижъ—Верденъ, гдѣ, по его расчету, онъ могъ сосредоточить силы, достаточныя для большого сраженія. Къ этому же времени мы энергично двинулись въ Восточную Пруссію, сломивъ сопротивленіе выставленныхъ въ видѣ заслона корпусовъ, и этимъ заставили нѣмцевъ новыя формированія, а, можетъ быть, и нѣкоторую часть дѣйствовавшихъ въ Бельгіи направить на востокъ. Сраженіе на Марнѣ, закончившееся отступленіемъ германской арміи, было вмѣстѣ съ тѣмъ и крушеніемъ первоначальнаго побѣдоноснаго молніеноснаго германскаго плана войны. Надежда на заключеніе сепаратнаго мира съ Франціей пала. Нѣмецкая армія оказалась прикованной къ французской, и Германіи пришлось начать войну на обоихъ фронтахъ сразу. Тѣмъ временемъ мы успѣли не только остановить подъ Люблиномъ движеніе австрійцевъ въ глубь нашего отечества, но и въ рядѣ сраженій нанести австрійской арміи серьезное пораженіе, значительно подорвавшее ея моральное состояніе. Результатомъ этого явились захватъ восточной Галиціи со Львовомъ и дальнѣйшее наше наступленіе въ западную Галицію, обезпечивавшее нашъ лѣвый флангъ отъ обхода съ юга-запада и существенно сокращавшее нашъ общій фронтъ.

Все, что произошло дальше на восточномъ фронтѣ, можно охарактеризовать для германскихъ операцій, какъ стратегическую оборону при тактическомъ наступленіи. Совершенно ясно, что вести стратегически наступательныя операціи у насъ при томъ, что во Франціи должна оставаться большая половина арміи, Германія не въ состояніи. И вотъ мы видимъ со стороны Германіи рядъ наступленій сравнительно неглубокихъ, смыслъ которыхъ явно заключается въ оборонѣ восточныхъ гра-

ницъ Германіи отъ нашего вторженія. Всѣ эти наступленія, имѣвшія вначалѣ частичный успѣхъ (повидимому, въ планъ германцевъ и входитъ развитіе наступательныхъ операцій въ пунктахъ нашего фронта, гдѣ по тѣмъ или инымъ причинамъ имъ удалось имѣть перевѣсъ), были неизмѣнно останавливаемы нашими войсками. Наступленіе ихъ въ Восточной Пруссіи разбилось объ Оссовецъ и линію р. Нѣманъ. Варшавская первая операція, широко поддержанная австрійцами, прекратилась на линіи Висла—Санъ. Вторая варшавская, нынѣ заканчивающаяся, останавливается еще западнѣе—на линіи Бзура—Сохачевъ—Пилица—Нида—Дунаецъ—Карпатскіе перевалы. Между тѣмъ, по мѣрѣ затяжки кампаніи, усиленія нашей арміи и ослабленія сопротивленія австрійской, операціи на нашемъ фронтѣ требовали отъ Германіи все новыхъ и новыхъ войскъ. Новыхъ формированій оказывалось уже недостаточно, приходилось опять ослаблять западный фронтъ и этимъ окончательно отказываться отъ достиженія тамъ рѣшительныхъ результатовъ. Послѣ своего отступленія на р. Энъ, Германія еще разъ пыталась нанести французамъ рѣшительный ударъ опять обходомъ и сосредоточеніемъ значительныхъ силъ на своемъ правомъ флангѣ. Взятіе Антверпена и движеніе на Ипръ и Лилль, а затѣмъ сраженія на р. Лисъ и Изерскомъ каналѣ,—вотъ этапы этой операціи. Однако и здѣсь они потерпѣли неудачу отчасти благодаря тому, что фронтъ франко-англо-бельгійской арміи уже достигъ моря и обходъ пришлось вести на самомъ побережьѣ. А здѣсь крайній французскій лѣвый флангъ былъ подкрѣпленъ дѣйствіемъ судовой артиллеріи англійскаго флота. Въ результатѣ—полная неудача изерской операціи и огромныя потери. А тутъ подходитъ моментъ, когда запасы людскіе приходятъ къ концу, формированіе новыхъ частей начинаетъ быть сопряжено все съ бо́льшими и большими трудностями. Подходитъ переломъ операцій на западномъ фронтѣ, когда иниціатива переходитъ уже къ французской арміи. Тѣмъ временемъ австрійская армія получаетъ новый и совершенно неожиданный ударъ отъ маленькой Сербіи, почти уничтожающей австрійскую южную армію въ самый критическій моментъ третьяго наступленія австрійцевъ (2-я варшавская операція) въ обходъ нашего лѣваго фланга. Это, конечно, еще болѣе закрѣпляетъ наше положеніе и помогаетъ благополучной для насъ окончательной ликвидаціи этого наступленія. Въ такомъ положеніи мы находимся къ концу перваго полугодія войны.

Эти полгода не были тріумфальнымъ шествіемъ впередъ. Это была упорная борьба, потребовавшая крупныхъ жертвъ, высокаго искусства управленія и напряженія всѣхъ силъ. Были и частичныя неудачи. Но оно и не могло быть иначе. Идетъ не война мелкихъ государствъ, а борьба на жизнь и смерть величайшихъ военныхъ державъ міра. Окончательная побѣда здѣсь можетъ быть достигнута лишь цѣною величай-

шихъ усилій, полнаго напряженія и упорства. Борьба неизбѣжно идетъ съ перемѣннымъ счастьемъ, удары наносятся съ обѣихъ сторонъ, движеніе не можетъ быть лишь поступательное, а уподобляется движенію морскихъ волнъ, накатывающихся на противника. Но если мы отвлечемся отъ этихъ мелкихъ эпизодовъ и взглянемъ на общій ходъ событій, то мы увидимъ, что за эти первые полгода мы достигли весьма значительныхъ успѣховъ. Молніеносный планъ уничтоженія нашего союзника—Франціи—уничтоженъ. Ударъ на насъ всѣми силами сдѣлался невозможнымъ, и, наоборотъ, западный фронтъ Германіи находится подъ угрозой французскаго натиска и требуетъ массы войскъ.

Австрійская армія многократно разбита, духъ ея сломленъ и матеріальная часть ослаблена. Наше движеніе на западъ идетъ медленно и съ перерывами, *но неуклонно* впередъ. Оно останавливается великими битвами, но рубежи нашихъ остановокъ также неуклонно продвигаются на западъ. Нѣманъ, затѣмъ Висла—Санъ, затѣмъ Бзура—Дунаецъ,—вотъ эти рубежи, и они не требуютъ комментаріевъ. Ихъ относительное положеніе убѣдительнѣе всякихъ доказательствъ и разсужденій.

Россія можетъ безъ опасеній встрѣтить новый 1915 годъ, начинающій второе полугодіе великой борьбы. Затраченныя усилія и жертвы не пропали даромъ. И, можетъ быть, всего рѣзче и выпуклѣе это подчеркнуто самими нашими противниками. О чемъ говорили они въ началѣ войны, какія задачи ставили своей арміи на восточномъ фронтѣ! Уѣзжавшіе изъ Германіи и Австріи наши соотечественники слышали постоянно о Петроградѣ и Кіевѣ.

Эти пункты казались нѣмцамъ вполнѣ достижимыми и близкими, взятіе ихъ составляло ближайшую цѣль нашихъ противниковъ.

О чемъ мы слышимъ теперь? Варшава и Львовъ (а, можетъ быть, уже и Перемышль) замѣнили Петроградъ и Кіевъ. Какое большое разстояніе. А вѣдь оно пройдено въ теченіе всего полгода. Будемъ же спокойно и съ довѣріемъ ожидать второй половины успѣшно начатой кампаніи.

Н. Нордовъ.

Декабрь 1914 г. Петроградъ.

Памяти Андрея Михайловича Рыкачева.

I. Страничка воспоминаній.

Я пріѣхалъ въ Саратовъ въ іюлѣ 1901 года. Временно лишенный вмѣстѣ со многими другими литераторами права жить въ столицахъ и столичныхъ губерніяхъ, я получилъ тогда приглашеніе редактировать *Саратовскій Дневникъ*, только что передъ тѣмъ пріобрѣтенный извѣстнымъ земскимъ и общественнымъ дѣятелемъ Н. Н. Львовымъ. Въ числѣ постоянныхъ сотрудниковъ газеты я встрѣтилъ тогда же юнаго А. М. Рыкачева, попавшаго въ Саратовъ по одинаковымъ со мной причинамъ. Какъ сейчасъ помню первую встрѣчу съ нимъ въ редакціи. Одѣтый въ синюю ситцевую рубашку, Андрей Михайловичъ имѣлъ видъ мальчика съ милымъ интеллигентнымъ лицомъ, на которомъ особенно выдѣлялись живые и честные глаза, сразу къ нему привлекавшіе. На самомъ дѣлѣ, онъ въ это время уже окончилъ курсъ петербургскаго университета и ему было 24 года.

А. М. при первой же встрѣчѣ сказалъ мнѣ, что интересовался въ университетѣ больше всего экономическими науками и что, сообразно съ этимъ, думаетъ работать въ газетѣ, главнымъ образомъ, по вопросамъ экономической жизни. Убѣдившись, однако, изъ разговора съ нимъ, что онъ очень начитанъ и свѣдущъ и въ области исторіи и, кромѣ того, владѣетъ иностранными языками, я просилъ его взять на себя завѣдываніе иностраннымъ отдѣломъ газеты, на что онъ, послѣ нѣкотораго колебанія, и согласился. Составлявшіяся имъ ежедневно хроники заграничной жизни были всегда очень живо и интересно подобраны; а разъ въ недѣлю онъ давалъ, независимо отъ газетныхъ вырѣзокъ и выдержекъ изъ русскихъ и иностранныхъ газетъ, еще и „иностранныя обозрѣнія“, талантливо и интересно составленныя. Но роль его въ газетѣ этимъ отнюдь не ограничивалась. Редакція у насъ была коллективная, мы часто собирались и обсуждали и общія задачи газеты, и различные вопросы текущей общественной и политической жизни, причемъ очень скоро выяснились и взгляды всѣхъ наличныхъ

членовъ редакціи. Составъ ея былъ довольно многолюдный для провинціальной газеты, и я нашелъ его уже сформированнымъ до моего пріѣзда. Въ числѣ главныхъ сотрудниковъ были лица различныхъ міровоззрѣній: были между ними и народники, и марксисты; самъ я былъ прикосновененъ къ зарождавшемуся тогда союзу освобожденія. Андрей Михайловичъ занялъ среди насъ совершенно особую позицію—внѣ существовавшихъ тогда политическихъ группировокъ: онъ оказался толстовцемъ, но довольно оригинальнаго и самостоятельнаго толка. Далеко не во всемъ онъ былъ согласенъ съ ученіемъ и взглядами Л. Н. Толстого и во многомъ приближался, какъ мнѣ кажется, къ его извѣстному поклоннику-оппоненту Вильяму Фрею. Я, впрочемъ, не увѣренъ, читалъ ли А. М. переписку Фрея съ Толстымъ, напечатанную въ концѣ 80-хъ годовъ за границей, но мало распространенную и не дозволенную въ Россіи. Взгляды А. М. Рыкачева почти во всемъ раздѣлялъ тогда одинъ изъ молодыхъ сотрудниковъ *Саратовскаго Дневника*, уже при мнѣ прибывшій въ Саратовъ изъ Вольска, И. В. Жилкинъ, впослѣдствіи извѣстный членъ I Думы, а теперь одинъ изъ соредакторовъ *Вѣстника Европы*. Жилкинъ очень скоро близко сошелся съ Рыкачевымъ, и они поселились вмѣстѣ на одной квартирѣ и по всѣмъ вопросамъ въ редакціонныхъ собраніяхъ являлись между собой вполнѣ солидарными. Постоянными участниками нашихъ редакціонныхъ собраній являлись и нѣкоторыя изъ лицъ земскаго „третьяго элемента", въ числѣ которыхъ нельзя не вспомнить прежде всего также уже покойныхъ В. С. Голубева, Ѳ. А. Березова и Н. Д. Россова. Послѣдній изъ нихъ скончался также въ 1914 г., и его памяти я имѣю въ виду посвятить особую замѣтку.

Помимо заграничной хроники и иностранныхъ обозрѣній, А. М. Рыкачевъ давалъ отъ времени до времени фельетоны по различнымъ вопросамъ общественной жизни, всегда интересно и оригинально написанные. Всѣ они подписаны буквой *Р.*, и ихъ слѣдовало бы издать вмѣстѣ съ другими позднѣйшими статьями и работами А. М. Рыкачева. Вотъ ихъ заглавія: „О городской тѣснотѣ" (въ № 157 за 1901 г.), „Новыя начинанія въ городскомъ управленіи на Западѣ" (№ 200), „Школы духовнаго вѣдомства на уѣздныхъ собраніяхъ" (№ 250), „Мундирная честь" (№ 269), „По поводу одной статьи о націонализмѣ" (№ 82 за 1902 г.). Послѣдній изъ нихъ особенно характеренъ для тогдашняго, да и для позднѣйшаго, міросозерцанія Андрея Михайловича. Фельетонъ этотъ былъ посвященъ разбору статьи П. Борисова [1]) „Въ чемъ же истинный націонализмъ?", помѣщенной въ 59 кн. *Вопросовъ Философіи и Психологіи*. А. М. зналъ отъ меня, что статья эта писана П. Б.

[1]) Подъ этимъ псевдонимомъ скрывался, какъ извѣстно теперь, П. Б. Струве.

Струве, и потому онъ началъ свой разборъ исторіей кризиса тогдашняго русскаго марксизма вообще и эволюціи идей Струве въ частности. Горячо привѣтствуя совершавшееся въ извѣстной части литературы движеніе „отъ марксизма къ идеализму", Рыкачевъ, однако, остался неудовлетвореннымъ и послѣднимъ шагомъ, сдѣланнымъ тогда по этому пути П. Б. Струве. А. М. былъ недоволенъ тѣмъ, что „г. Борисовъ не дѣлаетъ еще послѣдняго рѣшительнаго шага: онъ не провозглашаетъ безусловнаго верховенства этическаго начала (надъ политическимъ). Онъ еще остается политикомъ; онъ не замѣчаетъ, что нужно въ концѣ-концовъ сдѣлать выборъ между нравственными запросами человѣка и требованіями политики и рѣшительно стать на сторону первыхъ или послѣднихъ"... „Этическій идеалъ долженъ быть поставленъ, по мнѣнію А. М., верховнымъ судьей нашихъ требованій и дѣйствій, а остальное—и родина, и культура, и богатство, и счастье—приложится. Хорошо бы было,—продолжалъ онъ,—чтобы къ этому неизбѣжному выводу поскорѣе пришли всѣ борющіеся за выработку новаго міросозерцанія, всѣ мучащіеся неудовлетворительностью старыхъ программъ и въ томъ числѣ представители нашего марксизма. Но много отраднаго и въ томъ, что уже есть. Этическая точка зрѣнія хороша еще потому, что неизбѣжно вноситъ струю терпимости и примиренія во всякую идейную борьбу и дѣлаетъ каждое направленіе болѣе чуткимъ къ своимъ ошибкамъ и къ своей односторонности. Трактатъ несомнѣннаго западника о любви къ родинѣ, взывающій къ западному ученію о естественномъ правѣ и въ то же время проникнутый искреннимъ духомъ примиренія и доброжелательства ко всѣмъ формамъ русскаго идеализма, посвященный памяти Владиміра Соловьева, отдающій дань восторга Льву Толстому и старымъ славянофиламъ,—насколько это выше, чѣмъ схоластическіе споры старыхъ непримиримыхъ народниковъ и марксистовъ стараго типа!..."

Такъ какъ въ нашей редакціи были представители того и другого типа, хотя и не особенно крайніе, то статья Рыкачева вызвала при ея предварительномъ прочтеніи въ редакціи, разумѣется, страстные споры и была въ концѣ-концовъ напечатана со слѣдующимъ примѣчаніемъ отъ редакціи: „Настоящая статья затрогиваетъ столь существенные вопросы нашего міровоззрѣнія и трактуетъ ихъ такъ оригинально, что, не будучи во многомъ согласны съ авторомъ, особенно съ его рѣзкимъ противоположеніемъ этическаго и политическаго моментовъ, мы тѣмъ не менѣе охотно даемъ мѣсто этой статьѣ въ нашей газетѣ, предоставляя себѣ помѣстить впослѣдствіи по затронутымъ авторомъ вопросамъ другія статьи, освѣщающія ихъ съ иныхъ точекъ зрѣнія".

Этому намѣренію, однако, не суждено было исполниться, ибо статья А. М. напечатана была въ апрѣлѣ, а 1 мая въ Саратовѣ состоялись

рабочія манифестаціи, причемъ изъ оконъ редакціи нѣкоторыя лица, вовсе къ ней не принадлежавшія, а зашедшія въ ея помѣщеніе съ улицы, махали платками. Этого оказалось достаточно, чтобы прекратить навсегда дальнѣйшее существованіе газеты въ составѣ ея тогдашней редакціи.

А. М. вскорѣ послѣ этого переѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими своими сотоварищами по *Саратовскому Дневнику*, вступилъ въ редакцію основанной въ 1904 г. *Нашей Жизни*.

Послѣ того мы встрѣчались съ нимъ не особенно часто, но каждый разъ при встрѣчѣ съ нимъ я неизмѣнно испытывалъ отрадное ощущеніе прикосновенія къ чему-то возвышенному и кристально-чистому.

А. Корниловъ.

II. Къ характеристикѣ личности.

Была какая-то трагическая неизбѣжность въ гибели Андрея Михайловича Рыкачева. Было что-то предрѣшенное. Борьба представлялась безцѣльной... Я исхожу, конечно, изъ оцѣнки личности покойнаго. Для него это было непредотвратимо. Не пойти на эту войну *онъ* не могъ. Онъ могъ пойти на эту войну не иначе, какъ рядовымъ солдатомъ. И, ставъ частицей арміи, онъ долженъ былъ съ неумолимой строгостью, съ преувеличенною подозрительностью обрекать себя на всѣ испытанія и тяжести современной боевой жизни.

Да, было что-то роковое въ его гибели. Не потому только, что, по свойствамъ своей натуры, покойный долженъ былъ находиться тамъ, гдѣ угрожала наибольшая опасность. Рыкачевъ не былъ убитъ. Товарищи нашли его безъ чувствъ въ окопахъ. Смерть наступила, повидимому, отъ истощенія. Никому не извѣстно, какъ онъ провелъ послѣдніе дни и часы. Но я не сомнѣваюсь, что, и сознавая приближеніе гибели, Рыкачевъ отказался бы поддержать свои силы не заодно со всѣми. При слабомъ здоровьѣ, при полномъ отсутствіи физическаго закала, при душевной потребности нести наибольшее бремя—онъ могъ остаться въ живыхъ только по милости чуда. Чудо не случилось.

Въ лицо смерти Рыкачевъ заглядывалъ уже не разъ. Отправившись на японскую войну въ качествѣ корреспондента, онъ далеко не ограничивался тѣмъ, что вызывалось требованіемъ „профессіи". Разсказы о самомъ себѣ коренными образомъ противорѣчили духовному существу покойнаго. Никто изъ близко его знавшихъ и не дѣлалъ въ этомъ направленіи попытокъ. Но товарищи-корреспонденты съ неподдѣльнымъ восторгомъ передавали, въ какія дебри забирался этотъ штатскій и какое онъ повсюду сохранялъ хладнокровіе.

Не менѣе показательна въ этомъ смыслѣ его поѣздка въ Москву

во время вооруженнаго возстанія. Случайный конфликтъ съ однимъ изъ командовавшихъ офицеровъ пробудилъ въ Рыкачевѣ чувства, столь хорошо намъ знакомыя по судьбамъ родной литературы. Дуэль не состоялась. Но образъ дѣйствій покойнаго, прямой и мужественный, какъ ничто другое, долженъ былъ поднять въ глазахъ противной стороны званіе свободнаго передового журналиста.

Черты эти характеризуютъ Рыкачева. Но было бы крайне ошибочно отнести на ихъ счетъ его послѣдній шагъ. Личная неустрашимость соединялась въ покойномъ съ безконечной мягкостью и, болѣе чѣмъ у кого-либо другого, гражданскимъ настроеніемъ. Исполнять обязанности, диктуемыя суровымъ долгомъ солдата, ему, какъ таковому, несомнѣнно, было очень тяжело.

Работа для войны далеко не исчерпывается происходящимъ на поляхъ сраженій. Считаясь съ этимъ, сама власть освобождаетъ отъ призыва тѣхъ, кто государству больше нуженъ въ другомъ дѣлѣ. А. М. Рыкачевъ, конечно, понималъ, насколько его полезность въ арміи ничтожна по сравненію съ тѣмъ, что онъ способенъ былъ бы дать, оставшись на мѣстѣ. Но молчаливо признавая этотъ аргументъ для другихъ, покойный отрицалъ его для себя.

Была одна сила, неотвратимо толкающая людей его душевнаго склада въ огонь. „Вы грозны на словахъ, попробуйте на дѣлѣ". Для него это былъ вопросъ чести. Тяжесть „бездѣйствія" давила бы его нестерпимо. Ибо самъ онъ все чаще за послѣдніе годы возвращался къ вопросамъ, за которыми всякій дальновидный публицистъ безъ труда различаетъ кровавый призракъ войны.

„Слишкомъ велики наши національныя задачи, слишкомъ тяжки ожидающія насъ опасности, чтобы можно было сомнѣваться въ предстоящемъ ростѣ нашего государственнаго сознанія... Русскіе люди, проникнутые жаждой политической свободы, перестаютъ чувствовать себя чужими въ своей землѣ... Все, что казалось недавно, а порой еще кажется и теперь далекимъ отъ насъ, соединено съ нами внутренней связью органическаго родства. Русская армія—это не чуждая намъ обособленная каста, а наша армія... *Русское внѣшнее могущество—это не тщеславная прихоть бюрократіи, это наша сила и наша радость*".

Изъ этихъ утвержденій, изъ этихъ призывовъ *для него* вытекало нравственное обязательство не останавливаться передъ личной жертвой. Вплотную подходя къ такимъ вопросамъ, люди, какъ Андрей Михайловичъ Рыкачевъ, уже заранѣе даютъ обѣтъ. Ему необходимо было *непосредственно* участвовать въ этой борьбѣ. Теоретически и для себя Рыкачевъ, несомнѣнно, принялъ рѣшеніе уже тогда, когда онъ впервые въ печати затронулъ проблему войны.

Другая черта натуры покойнаго, трогательная простота, сказалась въ томъ, что онъ пошелъ рядовымъ, поставивъ себя на самую низшую ступень въ дѣлѣ, такъ дорогомъ ему и близкомъ по задачамъ, но столь далекомъ и чуждомъ по способамъ исполненія. Если и въ литературѣ, имѣя всѣ данныя для „генерала" и будучи, по существу, таковымъ, Рыкачевъ являлся воплощеніемъ скромности, то въ этомъ дѣлѣ онъ съ психологической необходимостью долженъ былъ гнать отъ себя все способное провести какую-либо грань между нимъ и сѣрою солдатской массой.

Цѣльность покойнаго поистинѣ достойна изумленія. Всегда и при всѣхъ условіяхъ онъ былъ одинаковъ. Изысканный вкусъ и безграничная скромность нигдѣ ему не измѣняли. Въ житейскомъ обиходѣ и въ писательской работѣ, въ мирное время и посреди ужасовъ смерти это былъ все тотъ же необыкновенный человѣкъ, прилагавшій всѣ старанія къ тому, чтобы казаться возможно болѣе обыкновеннымъ. И въ самомъ шагѣ, который привелъ его къ гибели, сказалась опять-таки типичнѣйшая черта всей дѣятельности покойнаго. Кто другой способенъ такъ безшумно уйти на войну добровольцемъ?

Цѣломудріе—вотъ признакъ, прежде всего опредѣляющій литературную физіономію Рыкачева. Осторожное отношеніе къ слову вообще характерно для той писательской школы, къ которой онъ за послѣдніе годы безповоротно примкнулъ. Но никто изъ товарищей не довелъ этой добродѣтели до такого совершенства. И, главное, никому она не далась съ такой легкостью, какъ покойному.

При весьма незаурядномъ публицистическомъ темпераментѣ Рыкачеву не надо было сдерживать себя для того, чтобы изъ-подъ пера его не вырвалось лишнее. Презирая фразу, онъ управлялъ своимъ словомъ, какъ хорошій пѣвецъ владѣетъ голосомъ. Высокія ноты давались покойному очень легко. Но нельзя указать случая, когда бы онъ безъ нужды прибѣгалъ къ нимъ. Погоня за эфектами исключена была, какъ средство безусловно противохудожественное.

Чуткость Рыкачева представляла въ этомъ смыслѣ нѣчто совершенно исключительное. Никакія событія, никакая острота переживанія не въ силахъ были изъ него извлечь фальшивый или даже только рѣзкій звукъ. Такъ же просто, какъ онъ жилъ и умеръ, Рыкачевъ писалъ. Этимъ прежде всего опредѣляется его литературное лицо.

Съ такими природными данными, при большой начитанности и весьма солидной научной подготовкѣ, А. М. Рыкачевъ развернулся постепенно въ первоклассную публицистическую величину. Вокругъ его газетныхъ и журнальныхъ статей не разъ загоралась въ послѣдніе годы борьба. И надо было обладать душевной красотой покойнаго, для того чтобы съ подобною настойчивостью неизмѣнно отводить при этомъ въ тѣнь

свою собственную персону. У Рыкачева была изумительная манера завязывать бесѣду въ такомъ тонѣ, какъ будто бы онъ собирается сказать нѣчто весьма незначительное. И хотя онъ съ годами привыкъ, чтобы къ словамъ его все болѣе внимательно прислушивались, покойный сумѣлъ сохранить эту милую черту до самаго конца своихъ дней.

Смерть застала его на передовыхъ позиціяхъ. Можно смѣло сказать, что на передовыхъ позиціяхъ протекла и вся писательская работа, вся умственная жизнь Рыкачева. Скромной, но твердой поступью, не озираясь по сторонамъ, оставляя позади себя модныя и популярныя теоріи, равнодушный къ улюлюканіямъ, что нерѣдко раздавались въ отвѣтъ на его послѣдніе призывы, онъ шелъ впередъ, повинуясь только голосу своей природы. А природа вылила его изъ одного куска. Борецъ въ благороднѣйшемъ смыслѣ слова, идеально безкорыстный, строгій къ себѣ и снисходительный къ окружающимъ, всегда ищущій и далекій отъ всякаго искательства, онъ былъ свободнымъ человѣкомъ, какъ никто другой. И въ грозный для родины часъ можно ли было прекраснѣе использовать свою свободу?!

Г. Штильманъ.

Отъ Комитета Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны ТАТІАНЫ НИКОЛАЕВНЫ для оказанія временной помощи пострадавшимъ отъ военныхъ бѣдствій.

Наступилъ шестой мѣсяцъ войны.

Велика нужда населенія тѣхъ мѣстъ, гдѣ кровавой чредой развернулись военныя дѣйствія. А мѣстъ этихъ все прибываетъ: къ Западнымъ губерніямъ нашимъ прибавились Черноморское и Балтійское побережья.

Звѣрскій врагъ не только въ конецъ разоряетъ мирныхъ жителей, безпощадно громитъ ихъ жилища и расхищаетъ ихъ имущество, но, уводя въ плѣнъ или убивая главу семьи, неумолимо обрекаетъ сиротъ на голодную смерть.

Нужда жгучая — многія тысячи страдальцевъ остались безъ крова, одежды и хлѣба, а зима не ждетъ.

Комитетъ Ея Высочества взываетъ къ добрымъ чувствамъ русскихъ людей; велики жертвы ихъ на раненыхъ воиновъ, на доблестныхъ защитниковъ Отечества и на ихъ семьи. Но не отвернутъ они милосердаго лица своего и отъ изстрадавшихся обнищавшихъ братій своихъ, принявшихъ на грудь свою ударъ вражескій и неблагополучіемъ своимъ охраняющихъ благополучіе всей Земли Русской.

Съ міра пониткѣ, голому—рубашка.

Пожертвованія направляются къ Ея Императорскому Высочеству Великой Княжнѣ **Татіанѣ Николаевнѣ** въ Царское Село

или въ Петроградъ, къ Предсѣдателю Комитета А. Б. Нейдгарту, Кирочная, 40, или въ Канцелярію Комитета, ул. Жуковскаго, 59.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 045946107